

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2021. № 462. Январь

• ФИЛОЛОГИЯ	• PHILOLOGY
• ФИЛОСОФИЯ	• PHILOSOPHY
• СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ	• SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
• ИСТОРИЯ	• HISTORY
• ПЕДАГОГИКА	• PEDAGOGICS
• ПРАВО	• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2021. № 462. January

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь); В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.; С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов, д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.; С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р ист. наук, проф.; Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц.; А.Г. Корогаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; А.И. Потекаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прозументов, д-р юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.; Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор Издательства ТГУ; С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.; П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татьяна, канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук, проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin,** Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin,** PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko,** PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun,** PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov,** Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov,** PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov,** PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov,** Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev,** Dr. of Engineering, Professor; **S. Gural,** Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina,** Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov,** Dr. of Philology; **V. Zinoviev,** Dr. of History, Professor; **D. Katunin,** PhD in Philology, Associate Professor; **A. Korotaev,** PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova,** Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev,** Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin,** Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova,** PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev,** Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov,** Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova,** PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov,** PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova,** Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko,** Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko,** PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin,** PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin,** Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya,** Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak,** Dr. of History, Professor; **V. Shilko,** Dr. of Education, Professor; **E. Shrager,** Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,

Doctor of Philology, Professor

Ramil L. Akhmedshin,

Doctor of Law, Professor

Dmitry A. Katunin,

PhD in Philology, Associate Professor

Lev M. Prozumentov,

Doctor of Law, Professor

Petr P. Rumyantsev,

PhD in History, Associate Professor

Artem Yu. Rykun,

Doctor of Sociology, Professor

Valery A. Surovtsev,

Doctor of Philosophy, Professor

Victor G. Shilko,

Dr. of Education, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Архангельская А.М. Трансформационный потенциал фразеологического библеизма Волк в овечьей шкуре в современной русской речи	5
Васильченко А.А. Репрезентация чувства страдания в лексиконе диалектной языковой личности сибирской крестьянки	14
Малькова Я.В. Языковой образ недоброжелательного человека (на материале русских говоров): семантико-мотивационный аспект	22
Павликова М.И., Фролова О.В., Ляксо Е.Е. Интонационные характеристики речи детей с умственной отсталостью	31
Пантелеева Л.М. Стилистические и смысловые особенности эпитафий (на материале текстов провинциальных кладбищ Пермского края). часть I	40
Понкратова Е.М., Тараканова Д.А. Китай в восприятии Ф.М. Достоевского	49

ФИЛОСОФИЯ

Керимов Т.Х. «Новый материализм» в социологии: онтологические последствия	56
Морозова В.С. Теоретико-практические аспекты объективации понятия «приграничный социокультурный кластер» в контексте современной российской и китайской методологии	63
Серова Н.В. Роман Ингарден о темпоральной экзистенции в контексте темпоральной проблематики феноменологии XX–XXI вв.	72
Сизов С.Е. Философские истоки органической теории спасения в православном богословии	80
Сыров В.Н. К вопросу об особенностях формирования распространения и трансляции памяти в сетевом пространстве	87

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Данилова Е.А., Шайхитдинов А.В. Брендинг приграничных территорий Дальнего Востока Российской Федерации как фактор повышения качества жизни населения региона	96
Шифф К., Дебрени М. Одно этническое происхождение – две судьбы: новопривывшие VS потомки мигрантов	103

ИСТОРИЯ

Анкушева К.А. Формирование образа Николая II в исторической памяти	110
Катаман Д.О. Молодежная служба Великобритании в 1990–2010 гг.	116
Коньков Д.С. Свидетель и христианин: концепт историописания в поздней античности	121
Молодин В.И., Кобелева Л.С. Стратиграфические наблюдения на неолитической стоянке Тартас-1 (Барабинская лесостепь). Характеристика захоронений, перерезающих ранний культурный слой памятника	127

CONTENTS

PHILOLOGY

Arkhanhelska A.M. Transformational Potential of the Biblical Idiom “A Wolf in Sheep’s Clothing” in Modern Russian Speech	5
Vasilchenko A.A. Representation of Suffering in the Vocabulary of the Dialect Language Personality of a Siberian Peasant Woman	14
Malkova Ya.V. The Image of a Malevolent Person Based on Language Data: Semantic and Motivational Aspects	22
Pavlikova M.I., Frolova O.V., Lyakso E.E. Intonation Characteristics of Speech in Children with Intellectual Disabilities	31
Panteleeva L.M. Stylistic and Semantic Features of Epitaphs (Based on Texts of Provincial Cemeteries in Perm Krai). Part I	40
Ponkratova E.M., Tarakanova D.A. China in the Perception of Fyodor Dostoevsky	49

PHILOSOPHY

Kerimov T.Kh. “New Materialism” in Sociology: Ontological Consequences	56
Morozova V.S. Theoretical and Practical Aspects of the “Border Sociocultural Cluster” Concept in the Context of Modern Russian and Chinese Methodology	63
Serova N.V. Roman Ingarden on Temporal Existence in the Context of Temporality Problems in Phenomenology in the 20th and 21st Centuries	72
Sizov S.E. Philosophical Origins of the Organic Theory of Salvation in Orthodox Theology	80
Syrov V.N. On the Specificity of the Formation, Distribution and Translation of Memory in the Network Space	87

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Danilova E.A., Shaikhitdinov A.V. The Border Territories’ Branding in the Far East of the Russian Federation as a Factor in Improving the Quality of Life of the Region’s Population	96
Schiff C., Debrenne M. Same Origins, Different Destinies: New Migrants vs Descendants of Migrants	103

HISTORY

Ankusheva K.A. Shaping the Image of Nicholas II in Historical Memory	110
Kataman D.O. The British Youth Service in 1990–2010	116
Konkov D.S. Witness and Christian: Historical Writing in Late Antiquity	121
Molodin V.I., Kobleva L.S. Stratigraphy at the Tartas-1 Neolithic Site (Baraba Forest-Steppe). The Characteristics of the Burials Cutting Through the Early Cultural Layer	127

Никитин Д.С. К истории возникновения Индийского парламентского комитета в британской Палате общин	142	Nikitin D.S. To the History of the Formation of the Indian Parliamentary Committee in the British House of Commons	142
Потапова Н.Д. Такая разная правда: память о войне в документальном кино 1970-х гг.	148	Potapova N.D. Such a Different Truth: The Memory of World War II in the 1970s Documentaries	148
Солдаткин Н.В. Конфигурации укрепленных поселений синташтинско-петровского типа: формы, размеры, трансформации	161	Soldatkin N.V. Configurations of Fortified Settlements of the Sintashta-Petrovka Type: Forms, Sizes, Transformations	161

ПЕДАГОГИКА

Гаврилина М.А. Речевой портрет русскоязычного школьника Латвии	173	Gavrilina M.A. The Speech Portrait of Russian-Speaking Schoolchildren in Latvia	173
Гревцева Г.Я., Котлярова И.О., Сериков Г.Н., Фахрутдинова А.В., Циулина М.В. Методологические подходы к подготовке студентов к профессиональной инновационной деятельности	181	Grevtseva G.Ya., Kotlyarova I.O., Serikov G.N., Fakhrutdinova A.V., Tsiulina M.V. Methodological Approaches to Preparing Students for Professional Innovative Activity	181
Елшанский С.П. Школа будущего: может ли искусственный интеллект обеспечить когнитивную эффективность обучения?	192	Elshansky S.P. School of the Future: Can Artificial Intelligence Provide Cognitive Learning Efficiency?	192
Колесников А.А. Как обучать иностранным языкам студентов педагогического вуза: актуальные проблемы и возможные решения	202	Kolesnikov A.A. Foreign Language Classes in a Pedagogical University: Topical Problems and Possible Solutions	202
Черкасов В.В., Черкасова И.И. Практико-ориентированная технология формирования профессиональных компетенций будущих учителей физической культуры	209	Cherkasov V.V., Cherkasova I.I. Practice-Oriented Technology for the Formation of Professional Competencies of Future Physical Education Teachers	209

PEDAGOGICS

ПРАВО

Качалова О.В., Качалов В.И. Значение категории «обоснованность обвинения» в уголовном судопроизводстве	218	Kachalova O.V., Kachalov V.I. Meaning of the Category “Validity of the Charge” in Criminal Proceedings	218
Кондратьева К.С., Стерлягов И.А. Перспективы применения доктрины «снятия корпоративной вуали» при привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в Российской Федерации: сравнительно-правовой подход	224	Kondrateva K.S., Sterlyagov I.A. Perspectives in Applying the Doctrine of “Piercing the Corporate Veil” in Cases of Subsidiary Liability of Persons Controlling the Debtor in the Russian Federation: A Comparative Legal Approach	224
Лаптев Д.Б. Принудительные меры воспитательного воздействия на современном этапе развития законодательства в сфере предупреждения преступности несовершеннолетних	232	Laptev D.B. Coercive Measures of Educational Influence in the Current Development of Legislation in Juvenile Delinquency Prevention	232
Малыхина Н.И., Кузьмина С.В. Алгоритм действий следователя в типовых ситуациях расследования мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет	238	Malykhina N.I., Kuzmina S.V. The Algorithm of the Investigator’s Actions in Typical Situations of Internet Fraud Investigations	238
Остапович И.Ю., Савоскин А.В. О понятии конституционно-правовой категории «обращение гражданина»	248	Ostapovich I.Yu., Savoskin A.V. On the Concept of the Constitutional and Legal Category “Citizen’s Appeal”	248
Черкасов К.В., Иванова О.С., Чалых И.С. Государственная поддержка религиозных объединений в современном светском государстве: зарубежный опыт правового регулирования и правоприменения	256	Cherkasov K.V., Ivanova O.S., Chalykh I.S. State Support of Religious Associations in the Modern Secular State: Foreign Experience of Legal Regulation and Law Enforcement	256

LAW

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	269	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	269
--	-----	---	-----

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81.373

А.М. Архангельская

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО БИБЛЕИЗМА ВОЛК В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерством образования, молодежи и спорта Чешской Республики специальных научных исследований в Университете им. Ф. Палацкого в Оломоуце (грант IGA_FF_2020_013).

Рассмотрен трансформационный потенциал фразеологического библеизма *волк в овечьей шкуре* в современной русской речевой реальности, система собственно языковых и неязыковых стимулов обновления фразеологизма в речи, структура его трансформационной парадигмы, удельный вес системной и асистемной обусловленности фразеологических трансформов с использованием методов текстовой идентификации фразеологических трансформаций, фразеологического моделирования, компонентно-вариативного, историко-этимологического и лингвокультурологического анализа.

Ключевые слова: фразеологический библеизм; актуализация; русская речь; фразеологическая модель; трансформация; трансформационная парадигма; внутренний трансформационный потенциал; внешний трансформационный потенциал.

Библеизмы – слова и выражения, уходящие своими корнями в «материнский дискурс» Книги книг, надежно вошли в хранилища лингвокультурной памяти человечества в качестве образно переосмысленных и структурно неразложимых идиоматических единиц. Обойденные надлежащим вниманием в советское время, они вопреки всему сохранили свое присутствие в языке и его пространстве¹, ведь «в языковой системе всегда находятся внутренние силы, препятствующие автоматическому переключению регистров при очередной смене политических вех» [3. С. 3].

Постсоветская эпоха по-особому включает их в свой культурный «слой»: фразеологические библеизмы (ФБ) обретают новую жизнь, в одних случаях надежно «удерживая» в новых для них текстах свой исходный смысл, в других – утрачивая некоторые прежние смысловые оттенки и приобретая другие, адаптируясь к условиям жизни в пространстве развивающегося языка и системе координат общественного мышления, которое возвращается к своим истокам. Библейские выражения, ставшие основой ФБ, не только не превратились в застывшую массу устаревших и устаревающих единиц – они, напротив, стали источником многочисленных трансформаций и окказиональных обновлений, обнаруживающих специфику адаптаций библейских сюжетов в разных языках [4–6, 2].

В центре внимания данного исследования – социальная и трансформационная востребованность ФБ *волк в овечьей шкуре* в современной русской речи, система собственно языковых и неязыковых стимулов, «разрешающих» различного рода обновления, структура его трансформационной парадигмы, удельный вес системной и асистемной обусловленности фразеологических трансформов, характер порождающего культурного и актуального общественно-политического контекста. ФБ рассмотрен как текстообразующий элемент с использованием методов текстовой идентификации трансформов, фразеологического моделирования, компонентно-вариативного, историко-этимологического и лингвокультурологического анализа. Статья выполнена на материале текстов художественной литературы, российских и русскоязычных

печатных и электронных масс-медиа, текстов интернет-форумов и блогов начала XXI в.

В случае с библеизмами как интертекстуальными репрезентантами так называемой культурной фразеологии именно «материнский» прототекст вскрывает информацию, определяющую возможности использования ФБ в окказиональной форме. Идиома *волк в овечьей шкуре* восходит к Евангелию от Матфея. Используя этот образ, Иисус Христос предостерегает своих современников от лжеучителей и лженаставников: «*Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные*» (Матв., 7, 15). Выражение получает переносное значение уже в Библии путем «сжатия» и перегруппировки формальных доминант при сохранении смысла и аксиологической коннотации прототекста с актуализацией исконно имплицитированного в нем компонента *в шкуре* (изначально – *в одежде*). Особая роль в структуре ФБ принадлежит метафоре переодевания в «лживую одежду» и символам-зоосемизмам аксиологически-оценочного характера *волк – овца (овечий)*. Актуализируясь во внутренней форме, зоосемизмы становятся антропоориентированными и отражают отрицательную оценку всей протоситуации. Сущность метафоры переодевания – во внешней маскировке собственной (внутренней) природы, сущности, намерений. Переодевание «не в свою одежду» представляет собой разновидность лжи, поддерживающей иллюзию правды [7. С. 6–7].

В целом здесь можно говорить о широком проявлении библейской символики: символичен не только сам текст, произнесенный Иисусом, но и субъекты прототекста – *волк* и *овца (овечья одежда)*. Исконной мотивационной доминантой праславянского **vylkъ* М. Фасмер считает признак «растерзывающий», сюда же *волоку* [8. С. 338], праславянское **ovъsa* – одно из наиболее древних слов, исходные смыслы которого, по мнению О.Н. Трубачева, малодоказуемы, но объяснение **onis* из и.-е. **eu* «одевать» более других заслуживает внимания. Индоевропейское **onis* может быть понято как отглагольное именное производное, обозначающее животное по густому шерстяному по-

крову, который действительно производит впечатление чего-то одетого сверху [9. С. 70]. В библейской (христианской) традиции зоосемизмы приобретают следующие атрибуты: *волк* – дикое, лютое, хищное животное и страшнейший враг овец; он – зло, погубитель паствы, воплощение жестокости, хитрости и ереси, *овца* – покорное, миролюбивое, послушное, ведомое создание (паства) (Ис. 65, 25, Матв. 7, 15).

Образ, легший в основу ФБ *волк в овечьей шкуре*, имеет глубокие культурные корни и связан с зооморфным кодом культуры, в котором имена животных осмысливаются как знаки «языка» культуры, указывающие на определенный комплекс качеств. При этом *волк* выступает как символ хищности, жестокости и агрессивности, *овца* – символ кротости и смирения. По мнению В.Н. Телия, во фразеологическом образе находят отражение древнейшие мифологические представления об оборотничестве как способности менять телесную оболочку [10]. Контрастивная пара *волк* ↔ *овца* – вышедшая из «материнского» мифологического и библейского дискурса квазиантонимическая оппозиция, обладающая мощными культурноносными смыслами. Ее составляющие стали словами, которые вызывают в сознании носителей языка характерные для многих культур устойчивые ассоциации: злой, кровожадный, агрессивный, властвующий ↔ добрый, миролюбивый, смиренный, подчиненный (жертва)². Сегодня выражение *волк в овечьей шкуре* разг. неодобр. обозначает опасного человека-лицемера, прикрывающего свое злонамерение мнимым благочестием, личиной добродетели [10, 11]. Примечательно, что А.И. Федоров квалифицирует его как устаревшее [12], однако же востребованность ФБ в современной русской речи свидетельствует в пользу его перехода в разряд фразеологических актуалем нашего времени.

Вопрос о факторах, стимулирующих и «разрешающих» различного рода обновления содержания и формы фразеологизма, открывающих путь к фразеологическому моделированию, сегодня пытаются решить многие исследователи, полагая, что преобразовательный потенциал может быть обусловлен грамматической структурой, структурно-семантической и синтаксической моделью, изоморфизмом содержания и формы, отдельными смысловыми и образными особенностями, культурным фоном прототекста, наличием слов-детерминантов, степенью десемантизации компонентом, их системными свойствами, стилистическими характеристиками (В.Д. Ужченко, В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович, Х. Вальтер, И.Ю. Третьякова и др.). Особое место в этом ряду В.М. Мокиенко отводит привычности, известности, узнаваемости фразеологизма коллективом говорящих, его «обкатанности» языковой системой [13. С. 11], что во многих случаях приводит к десакрализации и использованию выражения широким кругом носителей языка вне связи с первоисточником. По его мнению, функционирование ФБ в большей степени зависит от собственно языковых параметров (структуры и семантики выражения), нежели от характера их источника, т.е. чисто экстралингвистических особенностей. По этой причине авторы медиа- и художественных текстов обращаются к

ФБ, руководствуясь их «структурно-семантической инерцией». ФБ оказывается так называемой «структурной моделью», по которой образуется трансформационный ряд окказиональных его преобразований. В итоге преобразованию подвергается главным образом формальная сторона библеизма, а не его библейская сущность [14. С. 149]. Однако и «материнский прототекст» оказывается небезразличным для дальнейших обновлений фразеологического библеизма, легко «узнаваемого» языковым сообществом.

Совокупность трансформов БФ *волк в овечьей шкуре* в современной русской речи дает возможность говорить не только о его высокой преобразовательной востребованности, но и о наличии его трансформационной парадигмы. Ее структура состоит из 1) уровня преобразований формы и содержания узуального фразеологизма-инварианта и 2) преобразований как следствия взаимодействия ФБ с фразеологической конфигурацией и фразеологического моделирования. В первом случае система стимулов, «провоцирующих» преобразования инварианта ФБ, имеет *внутренний характер*, ибо «разрешающие» импульсы к обновлению структурно-семантической модели исходят от различных «собственных» элементов его внешнего и внутреннего содержания. Во втором речь идет о *внешнем векторе* фразеологического моделирования, связанного с включением ФБ (в узуальном или преобразованном виде) в иную фразеологическую модель на правах расширителя, во фразеологическую конфигурацию, в процесс фразеологического моделирования. И на том, и на другом уровне «разрешительные» стимулы трансформаций имеют главным образом системный (ожидаемый) характер [15, 16], однако в ряде случаев выходят за рамки предопределяемых системой парадигматических, синтагматических и ассоциативных связей в пространство лингвокреативного мышления автора, обнаруживая неожиданные интеракции структуры и семантики известного библейского прототекста и нового для него художественного или медиатекста. При систематизации фразеологических трансформаций ФБ *волк в овечьей шкуре* по типологии А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко [17. С. 3–35] мы учитывали их значительную гетерогенность, наличие мощных интеракций формальных и семантических преобразований, идентифицируемых в актуальных контекстных употреблениях.

Базовым преобразовательным импульсом в нашем случае является сама энантиосемичная структурно-семантическая модель с внутрифраземной поляризацией семантических регистров: *волк* – агрессивный, *овца (овечий)* – покорный, пугливый, так называемая фразеологическая антитеза, типовое значение которой основывается на противополжении двух логически несочетимых понятий в рамках устойчивого словосочетания [17. С. 28]. Именно метафора переодевания в «лживые одежды», «встроенная» в модель прототипа, выступает основным стимулом обновления и формы, и семантики ФБ. Его трансформация, «разрешаемая» и стимулируемая системой языковых и неязыковых импульсов, «возникает с появлением конкретной «привязки» к реалиям окружающего мира за

счет узнаваемости модели, «просвечивающей» сквозь форму новообразованной единицы» [18. С. 30]. Ее цель – доведение до адресата авторского отношения к конкретным явлениям, событиям современной и автору, и адресату действительности.

Внутренний преобразовательный потенциал ФБ волк в овечьей шкуре

Импульсами и стимулами внутренних преобразований ФБ в границах формы и содержания фразеологизма-инварианта оказываются прежде всего системные парадигматические и синтагматические, в том числе и ассоциативные связи компонентов. Они включают основные элементы семантики, формы и образной основы производящего фразеологизма, видоизменяя, развивая фразеологическое значение и образный его план с сохранением структурно-семантической модели прототипа.

В сегменте внутреннего уровня трансформаций структурно-семантического характера значительное место принадлежит **амплификации** – расширению компонентного состава ФБ за счет различного рода конкретизаторов, сосредоточенных вокруг базовых для ВФ символических компонентов *волк – овца (овечий)*. Семантически «сильный» компонент **волк** актуализируется за счет введения в текст ассоциативных подобразов-атрибутов хищного животного, выдающих его злые намерения, как-то: *клыки, (крепкие) зубы, оскал, волчья шерсть, щетина, волчьи уши: Сколько бы волк ни рядился в овечью шкуру, зубы у него по-прежнему на месте* (Msn.ru, 10.09.2019); *Польский генерал Петр Блазеуш сравнил Россию с волком, который сбросил овечью шкуру и показал клыки* (Slovodel.com, 13.08.2017). В некоторых случаях такой подобраз оказывается единственным языковым репрезентантом волка: *Вроде не жаловался Кукушкин и овечью шкуру на свою волчью шерсть не напяливал* (Б. Васильев. Самый последний день). Вполне предсказуемы и атрибуты, выдающие его «волчью» сущность, – *жестокый, хищный, безжалостный, суций, непримиримый, коварный* и под.: *На самом деле в овечьей шкуре сидит хищный волк, который просто прикидывается безобидным барашком* (Radisputnik.ria.ru, 29.03.2016); *Коварен волк в овечьей шкуре* (Inpearls.ru, 17.11.2019). Компонент **волк** приобретает в речи и иные атрибутивные конкретизаторы, в одних случаях отсылающие к фрагментам «материнского» прототекста (*библейский, велеречивый* и под.): *Самые страшные люди – лже-пророки, волки в овечьей шкуре, неплохая мишень для незрячих и глухих людей* (Facebook.com, 23.06.2019), в других – иллюстрирующие адаптацию выражения к актуальному содержанию медиатекста: *При поддержке народа Украины к власти пришли «вороватые волки в овечьей шкуре»* (Cenzor.net, 08.12.2019). Имеют место и персональные конкретизаторы; *«Волк» Печеров сбросил овечью шкуру* (Glavred.info, 20.01.2018). В современной русской речи встречаем и двойную актуализацию компонента **волк**: *Волки бывают разные. Бывают и двуногие, в овечьей шкуре. Эти, говорят, и есть самые голодные и опасные* (Дж. Уайт-Мелвилл. Волчица).

Широко представлена в трансформах и **субституция** – замена компонента *волк* при сохранении структурной синтаксической модели «КТО» в *овечьей шкуре* и семантики «о том, кто прикрывает свои злые намерения маской благочестия». В части случаев субститут представляет тематическую группу предсказуемых зооморфизмов витальной семантики, именующих животных, жизненно опасных для человека – *шакал, лев, (бешеный) пес* и др.: *Поистине, вы лев в овечьей шкуре, которую мечтаете сбросить...* (Guiderality.net, 20.01.2020). *Нельзя обойти вниманием и название доклада Центра европейских исследований В. Мартенса относительно потенциала «мягкой силы» России, названного «Медведь в овечьей шкуре»* (Picready.ru, 26.10.2016), где имеет место двойная метафоризация *волк → человек → медведь → Россия, или создание на основе модели ФБ особого зооморфного образа: Маскирующийся под мягкотелого руководитель выглядит львом с лисьей головой в овечьей шкуре* (Н. Макиавелли и др. Принудительный менеджмент а-ля Макиавелли). *Образы других животных также оказываются «втянутыми» в сравнение с образом волка в овечьей шкуре на основании их кажущейся безопасности или мило-симпатичной внешности: Большая панда – волк в овечьей шкуре* (Наука и жизнь, 01.01.2020), *Гусеница Эпипомпонья – паразит в овечьей шкуре* (Batrachospermum.ru, 09.08.2018). В качестве субститутов компонента *волк* засвидетельствованы наименования лиц по их идеологическим приоритетам: **Революционеры в овечьих шкурах Афонских монахов** (Proza.ru, 23.11.2017), по роду деятельности, предполагающему агрессию и давление: **Коллекторы натягивают овечьи шкуры** (Antiraid.com, 28.09.2009) и под. Имеют место факты облачения в овечью шкуру мифологического персонажа: **Циклоп в овечьей шкуре** (Н. Веневитинов. План Д). В ряде трансформов при замене компонента *волк* на антропоним включается механизм языковой игры: **Волков в овечьей шкуре** (Kz.media, 03.12.2019). Иногда семантика субъекта сводится лишь к местоименной вопросительности: *А кто любит прятаться... в овечьей шкуре?* (Otvvet.mail.ru, 21.11.2009).

Однако во многих случаях замена компонента приводит к деформации синтаксической модели ФБ за счет девитализации ключевого ее компонента «ЧТО» в *овечьей шкуре*. В качестве субъекта переодевания здесь фигурируют **конкретные существительные**, именующие *банки, разного рода объединения и фонды, СМИ, государства, футбольные команды, автомобили* и под.: **Москоммерцбанк в овечьей шкуре** (Bloknot-Volgograd.ru, 12.09.2012); **Некоторые российские СМИ сбросили овечьи шкуры и показали волчий оскал предателей** (Livejournal.com, 21.10.2015), **отвлеченные (смерть, зло): Смерть в овечьей шкуре** (название книги А. Москвина), **собирабельные: Украинские власти – волки в овечьей шкуре** (Tzvezda.ru, 14.02.2017), наименования с **отвлеченной процессуальной семантикой: Драйв в овечьей шкуре. Почему в России не ценят BMW Active Tourer** (Kommersant.ru, 14.03.2016). Образ ФБ оказывается применим и к кинофильму, и литературному гротеску: *Волк в овечьей*

шкуре – вот чем, пожалуй, являются **«Голодные игры»** в мире современных подростковых книго- и киносерий (А. Пускальн. *Антиутопия в овечьей шкуре*). Внедрение ФБ в актуальный контекст вызывает изменения его семантики «лишь на время притвориться слабым, бессильным, бездейственным»: *Но ЦСКА предпочел облачиться в овечьи шкуру – сыграть ярко выраженным вторым номером и подкараулить соперника контрафактой* (Sport-express.ru, 15.09.2015).

Примечательны и внутренние **морфологические преобразования** компонента *волк в волчица*, подчеркивающие не только женский пол субъекта, но и благодаря атрибутивным расширителям *бешеная, безумная, пожирающая своих и чужих детей* и под. усиливающие семантику «хитрый», «коварный», «крайне опасный», «беспринципный»: *Волчица в овечьей шкуре – подлая и коварная* (Lady.mail.ru, 7.10.2013). В образах *волчиц в овечьей шкуре* часто предстают жесткие и двуличные женщины-политики, а в сферу атрибутивных расширителей попадают конкретизаторы, недвусмысленно намекающие на черты их характера, привычки, имидж: *Сколько бы волчица ни одевала на себя овечью шкуру (или вышиванку), овечкой не станет!* (Cenzor.net, 04.06.2012) – об одиозном украинском политике Юлии Тимошенко. Двуличные перевоплощения волка в волчицу, еще более опасную, происходят за счет ее облачения в одежду *ягненка*, за которым в языковом сознании закрепились атрибуты «мирный», «безобидный»: *Волчица в шкуре ягненка* (песня в исполнении певицы Анастезии), вполне доброжелательного сказочного персонажа: *Коварен волк в овечьей шкуре. Но еще опаснее хитрая волчица в обличье Красной Шапочки* (Inpearls.ru, 17.11.2019) или ангела: *Волчица в маске Ангела* (А. Бойко). В ряде случаев такие трансформы оказываются персональными: *Меркель обозвали «альфа-волчицей в овечьей шкуре»* (Rd.-rb.de, 31.08.2012). Звериная и двуличная сущность субъекта предстает и в примере замены *волчицы* на женскую особь иного хищного и опасного животного (*львицы, тигрицы, суки*): *Гозиас – противная, лживая сука в овечьей шкуре* (Dom2.club, 22.03.2017). Встречаются и факты девитализации компонента *волчица*, сообщающие трансформу контекстную семантику мнимости ожидаемого отрицательного эффекта: *А волчица-то в шкуре овечьей...* (Drive2.com, 12.12.2019) – о сверхмощном автомобиле Mercedes E с относительно скромным дизайном. Еще один пример – употребление абстрактного понятия в качестве атрибута волчицы: *Нелюбовь-волчица в овечьей шкуре, ложь в маске правды* (Solnechnayaras.com, 18.08.2018).

Компонент **овечья шкура (шкура овцы)** представляет ряд трансформаций с актуализацией символики «иног», «другого». С помощью **амплификации** – расширения состава ФБ несогласованным определением – достигается указание на личину (*миротворца, добродетеля, заботы о «старых» и «малых», «больных» и «немоцных», потребностей каждого и т.п.*), под которой скрываются злые намерения: *Надевать на себя овечьи шкуры демократов* (Zavtra.ru, 07.08.2013). Среди согласованных определений встречаем *проверенная, облезлая, изрядно по-*

трепанная, хилая, белая и др.: Волки в белых овечьих шкурах запротестовали – «Большинство из нас вегетарианцы!» (Polismi.ru, 24.08.2018).

Имеют место и факты **субституции** – замены *овечьей шкуры* на иную, но также хорошо скрывающую истинные намерения субъекта путем включения в форму обновленного ФБ несогласованного определения: *Волк в шкуре джентльмена* (Об Ахмеде Акаеве, причастном к трагедии Норд-Оста) (Mk.ru, 02.12.2002); *Волк в шкуре клоуна* (о Владимире Жириновском) (Livejournal.com, 06.01.2020). В отдельных случаях – с буквализацией *овечьей шкуры* через контекстное ее соположение с *соболиной* (одной из самых дорогих) шубой: *Лучше волк в овечьей шкуре, чем волк в соболиной шубе, особенно, если деньги на последнюю взяты из госбюджета* (В. Липовская. Об одном человеке). Нельзя обойти вниманием единственный из обнаруженных нами трансформов, представляющий замену шкуры волка на человеческую и, как следствие, полную нейтрализацию узуальной отрицательно-оценочной семантики выражения: *Волк в овечьей шкуре* (Ology.sh, 12.12.2019) – о профессоре, докторе биологических наук этологе Ясоне Бадридзе, много лет изучающем поведение волков и принимающем их за своих братьев.

Многочисленные трансформы ФБ свидетельствуют об **импликации**, факте, когда компонент *овечья шкура* как символ двуличного перевоплощения принимает на себя роль семантически сильного компонента и употребляется самостоятельно, вне связи с ее «носителем»-волком: *Загадка овечьей шкуры* (LB.ua, 09.11.2012); *Притворяться нет надобности. Даже хилая овечья шкура демократической фразеологии сбрасывается* (С. Кара-Мурза. Опять вопросы вождям). Подобное употребление имплицатива влечет за собой и смысловые сдвиги – трансформацию *овечьей шкуры* в символ покорности: *Сбросьте овечьи шкуры! Пора сбросить овечьи шкуры и показать кремлевской волчьей стае собственные крепкие зубы* (Chitalna.ru, 18.07.2017) или в синоним злокозненной выдумки: *«Идеальный тип» бюрократа предстает как злокозненная выдумка, «овечья шкура», под которой прячется бюрократический волк* (Iphras.ru, 24.01.2020).

Имеют место и факты **двойной актуализации** (буквализации) значения компонента *овечья шкура*: *Из объявления: Куплю овечью шкуру. Волк* (Inpearls.ru). Адаптируясь к специфике актуальных контекстов, овечья шкура как одежда «подгоняется» их авторами под ее «носителя»: *Рядился волк в овечью шкуру – И снизу мерил, и с боков. Подрезал хвост, сменил фактуру плешивой шерсти и зубов* (В. Ивашковец. Рядился Волк в овечью шкуру), от чрезмерного употребления изнашивается, ветшает и требует починки: *Пришлось и этим волкам примерять овечьи шкуры. Но все бы ничего, но шкура давно сгнила и в ее дырах отчетливо виден волчий оскал...* (Topwar.ru, 21.05.2014), иногда сползает в самое неподходящее время, обнажая истинную сущность: *Власть щедро раздавала обещания, старалась быть дружелюбной, с трудом удерживая постоянно съезжающие овечьи шкуры* (Mossovet.tv, 02.08.2013), до-

ставляет неудобства ее «носителю»: *По себе знаю – как ни пытаюсь влезть в овечью шкуру – жмет. И рвется...* (Livejournal.com, 28.08.2014).

Примечательно, что во многих трансформах ФБ появляется вполне предполагаемый, но не выраженный формально в узуальной форме глагольный компонент, буквализирующий семантику объекта-шкурки как реальной одежды: *надевать, примерять, натягивать, напяливать, накинуть* (на плечи), *набросить* (на спину), *рядиться* (*обряжаться*), *сбросить, снять, срывать* и под.: *Задавшись целью вырядить волка в овечью шкуру...* (Atheo-club.ru, 24.01.2020); *Я уже начал привыкать к злему маскараду, на котором мы все время вертимся с Жегловым, приподнимая на людях маску, чтобы выволочь волков из овечьих шкур* (А. Вайнер. Б. Вайнер. Мерона Давыдовна с Малой Бронной), а также адвербиальный конкретизатор глагола *старательно, с трудом, кряхтя, нехотя* (втискиваться), *изо всех сил: Социальные хищники и паразиты быстро прибирают к лапам самые хлебные места и кряхтя напяливают на себя овечьи шкуры...* (Novomirpmr.com, 08.09.2009).

«Разрешительным» стимулом к преобразованию ФБ оказывается и **морфологическая конверсия** как системная возможность трансформации глагола в отглагольный субстантив, содержащий интенсифицированную семантику вербалива: *Резкое сбрасывание овечьей шкуры, а там – волк!* (Livejournal, 18.04.2014); *Сегодняшнее напяливание на себя овечьих шкур – лишь вынужденная мера* (Novostipmr.com, 08.09.2009), или преобразование притяжательного прилагательного *волчий* в субстантив: *Государством управляло мнимое, волчье под овечьей шкурой* (Д. Мережковский. Не мир, но меч).

Особое место в трансформационной парадигме ФБ *волк в овечьей шкуре* принадлежит особому типу структурно-семантического преобразования ФБ, основанном на взаимной замене компонентов в пределах структурно-семантической модели, выражающих контрастирующие элементы фразеологического значения и занимающих разные синтаксические позиции в структурной схеме фразеологизма, – **ролевой инверсии**. Однако ролевая инверсия в случае с *овцой в волчьей шкуре* оказывается не вполне типичной: реальная опасность субъекта превращается не в безопасность, а в опасность мнимую, задекларированную, но обычно ничем не подтвержденную: *Овцам не нужна волчья шкура... Овца никогда не сможет себя выдать за волка, даже если наденет овечью шкуру: Характер не тот* (Otvvet.mail.ru, 10.09.2010); *Саакашвили – овца в волчьей шкуре* (Kongrespondent.net, 28.07.2017). Примечательно, что к семантике *овцы в волчьей шкуре* «кто-то слабый, незначительный, мнящий себя сильным» примыкает и «беззубый волк»: *Иногда беззубый волк стремится натянуть на себя оскаленную овечью шкуру* (В. Власенко. Афоризмы.рф). В ряде случаев *овцой в волчьей шкуре*, как и в случае с *волком в овечьей*, оказывается субъект невитальной семантики, как-то: *аккумуляторные батареи, автомобили, государство* и под.: **Высоковольтные аккумуляторы – овцы в волчьей шкуре** (Cz.pinterest.com); **Сверхдержава или**

овца в волчьей шкуре? Пять мифов о Китае (Politobzor.net, 20.03.2009). В таких случаях общая семантика инверсивного трансформы «кажущееся, но не соответствующее действительности» сохраняется.

В современной русской речи встречаем и факты **аллюзии** – намек на исходный, но легко узнаваемый ФБ: *Или ты воешь, или под овечьей шкурой «б-е-е-е-е»* (Inpearls.ru, 09.12.2015); *Все ждал удобного случая, старательно пряча в нагрудном кармане овечью чепуху* (И. Котова). Аллюзии сопутствует буквализация овечьей шкурки как одежды: *Берегитесь, овцы! У волков снова в моде овечьи шкуры!* (М. Генин).

Внешний преобразовательный потенциал ФБ волк в овечьей шкуре

Многочисленными оказались и **фразеологические конфигурации** (ФК) – структурно-семантические и стилистические единства, образуемые фразеологической единицей и ее актуализатором (словом, словосочетанием, предложением или группой предложений, семантически связанных с употребляемым в данном контексте ФБ).

ФК **первого типа** могут представлять собой более широкие сегменты текста, служащие семантизации, определению смыслового содержания ФБ, в частности, и путем своеобразного выделения из ВФ дистантно соположенных компонентов как трансформов ФБ: *Бессмертный народный фразеологизм «волк в овечьей шкуре» в последнее время приобрел повышенную актуальность. Подобных персонажей сейчас можно наблюдать во всех сферах и на всех уровнях. Один из ярких примеров политического лицемерия – деятельность А. Навального или М. Ходорковского, которые выводят людей на улицы, провоцируют их на агрессию, пока сами отсиживаются без серьезных последствий. Но если упомянутые оппозиционеры – фигуры вполне известные и официальные, их действия видны, а иногда и предсказуемы, то есть категория менее очевидных, но не менее опасных «волков». Это журналисты, редакторы и владельцы либеральных СМИ, которые в режиме «нон-стоп» отработывают проплаченные им медиа-заказы. В качестве «овечьей шкуры» у них заявления о борьбе за интересы людей и патриотизм.* (Pravda.ru, 25.11.2019). ФК подобного рода образуют своеобразное информационно-культурное поле с переплетением исконных аксиологических библейских и языковых сем, сопровождающих и поддерживающих актуализируемые узлы смыслов: *Эти жертвы лжи, пошедшие за ложными пастырями в овечьей шкуре* (Прот. Сергей Булгаков); *А вороватые волки этим пользуются и считают это шансом для себя, а на Украину им начхать – шкуру свою спасают с помощью народа, стада блеющих овец* (Cenzor.net, 08.12.2019). В контекстном окружении ФБ *волк в овечьей шкуре* встречается указание на «переодевание» одновременно в *белые одежды* (библейский символ нравственной чистоты) и *овечью шкуру* с вербализацией атрибутов зла *изощренный, коварный, опасный* в значении суперлатива: *А зло еще **изощреннее** и **изощреннее**, все **коварнее** и **опаснее**, потому что **рядится в белые одежды и овечью шкуру*** (Ю. Парашутов.

Господи, помилуй!). Актуализация сем «маска», «кажущаяся добродетель» происходит в ФК с вербальными маркерами противоположной аксиологической семантики: *Каким бы безобидным не выглядел волк в овечьей шкуре, он по своей сущности не перестает быть хищником, желающим заполучить кусочек доверчивого овечьего мяса* (Polit-gramota.ru, 16.01.2020), сопологающих в контекстном окружении реальное и мнимое: *Перед вами настоящие волчицы в овечьей шкуре. Беспощадные, хитрые и коварные, но такие понимающие и обаятельные* (Ex-press.by, 4.10.2019).

Фразеологический образ и структурно-семантическая модель ФБ *волк в овечьей шкуре* «срабатывает» и в самых неожиданных и непредсказуемых случаях его употребления с семантикой, определяющей отнюдь не двуличного человека, но алкогольный – безалкогольный напиток. Фразеологизм *волк в овечьей шкуре* вследствие авторской креативной апелляции своеобразно инкрустируется в иную модель на правах расширителя выражения, очень напоминающего по форме модель фразеологии субстандарта (ср. *запустить дурака* крим. жарг., *включить дурака* жарг. мол.): *запустить «волка в овечьей шкуре»* – пить не пьянея, употребляя водку вместе с чаем: *На половине чашки чая Коля захотел продолжить банкет. Решил запустить «волка в овечьей шкуре»: налил холодной водки в попавшийся под руку стакан, сделал маленький глоток чая, резко опрокинул водку и снова запил чаем, почти допил чашку. Коля с трудом переносил вкус алкоголя и постоянно поражался, как это люди спиваются. Этим же методом он мог безболезненно выпить достаточно много водки и после каждого подхода чувствовать в теле не только водочное, но и неподдельное чайное тепло* (С. Иванов. Подозрительные предметы).

В ФК **второго типа** оказываются включенными и иные инвариантные или трансформированные фразеологические единицы. За счет **фразеологического насыщения текста** – использования созвучных им по смыслу фразеологических актуализаторов происходит усиление семантики дезинформации, обмана, а через нее – и «прагмемной» сущности ФБ: *Композицию дополняет своеобразный водораздел, нумерованная вставка, водящая за нос читателя, подсовывающая ему невинного жертвенного агнца в шкуре козла отпущения* (Д. Коваленко. Рецензия на роман Г. Лайона «Дайте им умереть») (ср. *водить за нос* «обманывать, манипулировать, рождая в человеке ложные надежды и ожидания», *подсовывать* что кому «предлагать вниманию то, что не соответствует действительности», *жертвенный агнец* – жертвенное животное, упоминаемое во многих местах Ветхого Завета, олицетворение кротости, чистоты, непорочности, невинности (ср. атрибут *невинного*), *козел отпущения* «человек, вынужденный отвечать за вину других»). Фразеологическое насыщение текста может достигаться соположением ряда фразеологизмов, указывающих на конкретное обманное действие облаченного в чужую личину волка: *Загрэбать жар чужими руками* – это истинно британский стиль, заметил Ланцелот. – *Изпод вашей овечьей шкуры вылезают истинно англий-*

ские волчьи уши (А. Смирнов. Бездна и Ланцелот) (ср. *загрэбать жар чужими руками* «недобросовестно пользоваться результатами чужого труда в корыстных целях» и *уши торчат* «нечто тайное, становящееся явным»). Иногда в ФК в качестве актуализатора включается не фразеологизм, но устойчивое выражение с аксиологически противоположным: *Ангела Меркель: немецкий знак качества или волк в овечьей шкуре?* (Politrussia.com, 11.08.2016) (*немецкий знак качества* – всегда несомненно высокое качество, без обмана) или ироничным смыслом: *Окаывается, он не такой уж «белый и пушистый», как нам описывала его жена, – скорее «волк в овечьей шкуре»* (А. Бабин. Тихушник) (*белый и пушистый* ирон. «добрый; честный, добропорядочный»). В ряде случаев ФК идентифицирует у трансформ-инверсива *агнец в волчьей шкуре* особую семантику «кто-то кроткий и невинный пытался в силу сложившихся обстоятельств безуспешно разрешить ситуацию нетипичным для него способом – злобой и коварством» путем экспликации и столкновения сем «хищник – вынужденная жертва» с двойной актуализацией компонентов «жертвенный» и «волчья шкура» (последний – с расширителем «облезлая»): *Не хищник я, наверное... Нет, жертвенный агнец в облезлой волчьей шкуре. Втикнувшись в эту шкуру, разве избежал я своей судьбы?* (С. Ноьен. Вольный стрелок) (ср. *жертвенный агнец* «ягненок, жертвенное животное (церк.)», перен. кроткий, невинный человек), *облезлый* «утративший качество → потерявший устрашающий вид», *влезть в чужую шкуру* «ставить себя на место кого-либо → лицемера» и *втикнуться* «с усилием войти во что-то несвойственное → чуждое»).

Многочисленны факты фразеологического насыщения текста другими устойчивыми выражениями, содержащими компонент «волк»: *А потом этот волк, сколько его ни кормили, сбросил овечью шкуру и вовсе стал поглядывать в сторону леса, то есть Европы – в надежде на новые кредиты и инвестиции* (Известия.ru, 09.07.2010) (ср. *Сколько волка ни корми, все в лес смотрит*), «шкура (шкурный)»: *Волк рядится в овечью шкуру ради своих шкурных интересов* (Zen.yandex.ru, 26.08.2019) (ср. *шкурный интерес*), а также иной зоофразеологией: *Лучше быть котом в мешке, чем волком в овечьей шкуре* (112ua, 19.04.2019) (ср. *покупать кота в мешке*). В отдельных случаях представлена контаминация двух единиц, одна из которых содержит аллюзию на интермедальную текстему: *Молчание волчицы в овечьей шкуре* (Obozrevatel.com, 14.02.2010) (ср. трансформ ФБ *волчица в овечьей шкуре* и название известного американского триллера Джонатана Демми «*Молчание ягнят*»). Соположенными с ФБ оказываются и фразеологизмы, семантически связанные с «волчьей натурой»: *Волки в овечьей шкуре можно найти в любой среде. Волки кажутся милыми снаружи, но они всегда покажут вам свои зубы* (Zen.yandex.ru, 23.04.2018) (ср. *показывать зубы* «вести себя жестко и агрессивно»). Еще один прием – широкая семантизация как контекстное соположение инварианта *волк в овечьей шкуре* и трансформ *овца в волчьей шкуре*: *Ты полгода ходишь овечкой, не смея сказать лишнего*

слова, но потом вдруг решаешь что-то изменить. И это не открытие волчьего характера, не сбрасывание овечьей шкуры. Это попытка натянуть на себя шкуру волка, двуличие, продиктованное чувством долга (Ficbook.net, 24.01.2020).

Интересным представляется пример контекстного соположения фразеологизмов *старый морской волк* и *волк в овечьей шкуре*, при котором статус старого морского волка приобретает не человек, но побывавший во многих походах военный корабль, из тактических соображений замаскированный под обычное мирное транспортное судно своеобразной «овечьей шкурой», а компонент *волк* буквализируется вместе со свойственным ему атрибутом – *острыми зубами*: *В Киле мы довели до совершенства все дУ-эжхзтрехслойной маской* (У. Мор. История рейдера «Атлантис» 1940–1941).

Образ волка в овечьей шкуре встречаем и в высказываниях, построенных по моделям **афоризмов** и обнажающих с помощью контекстного окружения смысл библейского выражения: *И в овечьей шкуре волка зубы выдадут* (Inpearls.ru, 12.12.2014); *Страшен волк в овечьей шкуре, а не овца в шкуре волка* (О. Рыбаченко. Пугачев царь России). Обнаружены нами и афоризмы, созданные по модели с аллюзией на этот образ: *В овечью шкуру кто рядится, в друзья на точно не годится* (А. Козин. В овечью шкуру кто рядится?) (ср. *А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь*). Образ волка в овечьей шкуре и инверсива *овца в волчьей шкуре* оказываются сопоставленными в структуре паремийной модели: *Лучше овца в шкуре волка, чем волк в овечьей шкуре* (Inpearls.ru, 11.12.2019), ставшей базовой и для другого трансформационно-афоризма: *Лучше кот в мешке, чем волк в овечьей шкуре* (Россия24, 14.10.2019).

Представлено в современной русской речи и **фразаобразование по модели** ФБ *волк в овечьей шкуре*, берущее начало от Эзопа (*Осла в львиной шкуре по крику узнаешь*): *Ангел в шкуре демона* (Wattpad.com, 08.06.2017); *Но народ сер, но мудр, и чиновника в шкуре эколога уж как-нибудь разглядит. Я на 100% соглашусь с осязаемой тенденцией засилья чиновников в шкурах кого бы то ни было, директоров междучереждений, эффективных менеджеров развития нанотехнологий...* (Livejournal.com, 02.09.2011). Интересными в этой связи оказываются и другие примеры: *На место волков в козлиной шкуре во власть пришли настоящие козлы* (Obkom.net, 16.05.2019) или *Козел отпущения в медвежьей шкуре* (Livejournal.com,

04.06.2018) (о положении России в мировой геополитике в связи санкциями).

Заметим: в «Антипословицах русского народа», собранных Х. Вальтером и В. Мокиенко, куда вошли и многие единицы со структурой фразеологизмов, трансформы ФБ *волк в овечьей шкуре* не представлены [19]. О том, насколько возросла социальная, а с ней и преобразовательная востребованность ФБ за последние 15 лет, свидетельствует богатейший репертуар его трансформов в современной русской речи, большинство из которых датированы последним десятилетием. Многие из приведенных здесь примеров могли бы с полным правом пополнить репертуар «Антипословиц» в обновленном их издании.

Трансформационная парадигма ФБ *волк в овечьей шкуре*, представленная в современной русской речи, – следствие его мощного преобразовательного потенциала, создаваемого и структурно-семантической моделью ФБ, и символическим значением его компонентов, и их системными связями на лексико-семантическом и грамматическом уровне. Однако комплекс собственно языковых преобразовательных стимулов не свидетельствует об исключительно системном их характере – во многих случаях трансформы выходят за границы предсказуемого системой в сферу лингвокреативных способностей и интенций автора, обнаруживая неожиданные и весьма нетривиальные речевые их реализации как на уровне формы, так и содержания. Преобразовательные импульсы, исходящие из узлов смыслов «материнского» фразеологизму библейского прототекста, оказываются востребованными в значительно меньшей мере, нежели собственно языковые, а обнаруженные нами в ходе анализа многочисленные текстовые реализации ФБ подтверждают практически полную его секуляризацию, переход в разряд функциональных текстовых единиц, лишенных сакральных коннотаций.

В целом и внутренние, и внешние трансформации ФБ *волк в овечьей шкуре* напоминают расширенную метафору, которая предполагает использование подобразов или добавочных образов, лежащих в основе ассоциативных метафор и группирующихся вокруг базовой метафоры. Возникновение метафорической цепи связано с ассоциативным мышлением. Данный прием предполагает создание ряда ассоциативных метафор, связанных с базовым значением фразеологического библеизма [20]. Структура такой расширенной метафоры может стать отдельным объектом анализа функционирования фразеологического библеизма в современной русской речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обзор созданных в постсоветское время словарей библеизмов, изданных до 2016 г., см. в работе [1. С. 337–341]. Ссылки на работы, посвященные изучению библеизмов и их восприятия современными носителями языка в славянском и европейском контексте, см. в работе [2. С. 176–184].

² Ср. «Волк и ягненок» – басня И.А. Крылова, «Волки и овцы» – пьеса А.Н. Островского, «Волки и овцы» (нем. *Wölfe und Schafe*) – фильм немецкого режиссера Вильма тен Хаафа (1971); «Волки и овцы: бееззумное превращение» – русский анимационный фильм (2016) и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Туркова-Зарайская М.О. Словари библеизмов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 2. С. 337–341.
2. Baláková D., Kováčová V. K výzkumu biblickej frazeológie. Ružomberok : KU Verbum, 2017. 234 s.

3. Мокиенко В.М., Лилич Г.А., Трофимкина О.И. Толковый словарь библейских выражений и слов. М. : Астрель, 2010. 369 с.
4. Набока Е.Н. Семантические трансформации библейских протосообщений в современном английском политическом дискурсе // Записки з романо-германської філології. 2018. Вип. 1 (40). С. 152–158.
5. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. О специфике адаптации библейских сюжетов в европейских языках (*блудный сын* и его модификации). *Studia Rossica Gedanensia*. 2014. № 1. С. 76–88.
6. Архангельська А., Мерзова Р. Біблійний інтертекст в українському мовпросторі // У просторі мови і стилію. На пошану С. Я. Єрмоленко. Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2019. С. 200–2012.
7. Неклюдова М. «Живые одежды»: концептуализация травести во французской литературе XVII века // Новое литературное обозрение. 2017. № 43, Т. 1. С. 1–17.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. О.Н. Трубачева. 2-е изд. М. : Прогресс, 1987. Т. 1. С. 338.
9. Трубачев О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 116 с.
10. Тресиддер Дж. Словарь символов. М. : Гранд; ФАИР-Пресс, 1999. 443 с.
11. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М. : Аст-Пресс Книга, 2006. 784 с.
12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.Н. Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1023, [1] с.
13. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М. : Астрель; АСТ, 2008. 878 с.
14. Мокиенко В.М. Фразеологические библензмы в современном тексте // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. СПб. : Петрополис, 1995. С. 143–158.
15. Мелерович А.М. К вопросу о системной обусловленности индивидуально-авторских преобразований семантической структуры фразеологических единиц // Фразеологизмы в системе языковых уровней. Л. : ЛГПИ, 1986. С. 104–113.
16. Третьякова И.Ю. Оказиональная фразеология. Кострома : Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 290 с.
17. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Введение // Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М. : АСТ, 2005. С. 3–35.
18. Загребельный А.В. Авторские пословицы, поговорки и пословично-поговорочные выражения русского языка 1905–1907 гг., образованные на базе генерализированных структурных моделей паремий-источников // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 27–43.
19. Вальтер Х., Мокиенко В. Антипословицы русского народа. СПб. : Нева, 2005. 574 с.
20. Naciscione A. *Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics*. Riga : Latvian Academy of Culture, 2001. 283 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 октября 2020 г.

Transformational Potential of the Biblical Idiom “A Wolf in Sheep’s Clothing” in Modern Russian Speech

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 5–13.

DOI: 10.17223/15617793/462/1

Alla M. Arkhahelska, Palacký University Olomouc (Olomouc, Czech Republic). E-mail: alla_arkhahelska@yahoo.com

Keywords: biblical idiom; defamiliarization; media; Russian speech; phraseological model; transformation; transformational paradigm; internal transformational potential; external transformational potential.

The article deals with the defamiliarization of the biblical idiom “*a wolf in sheep’s clothing*” in the modern Russian media reality and speech, and with the transformational potential of this unit. Based on the transformational paradigm of the idiom “*a wolf in sheep’s clothing*” in the horizontal analytical dimension, the article aims to identify the incentives of its transformation (internal phraseological modelling) and formation according to the model (external phraseological modelling), to track its temporal and sociocultural markedness inscribing it into the cultural and ideological context of the newest era, and to reveal the complex of linguistic and non-linguistic factors “provoking” the author of the media text to make the transformational updates which make the contextual (semantic and formal) reinterpretation of the idiom possible. Within the boundaries of the transformational paradigm at the level of its inner and outer vectors, the symbolic meanings of the components and the role of “metaphor of dressing up” in deceitful garments, semantic and structural-semantic transformations (amplification, substitution, implication, double actualization of certain components of the phraseological unit, morphological transformations, deformation of the syntax model, and role inversion), the role of phraseological configuration as an incentive for updating the biblical idiom as well as the facts of phraseological modelling are considered. The article focuses on the heteromorphism of phraseological transformations (semantic, structural-semantic, including morphological ones) with one of the types dominating. Particular attention is paid to both the systemic and non-systemic nature of phraseological transformations and the influence of semantics and pragmatics of the original biblical prototext on the transformative potential of the idiom “*a wolf in sheep’s clothing*”. Following the investigation, it has been found out that the transformative impulses emanating from the semantic and cultural meaning of the original biblical prototext are in demand to a much lesser extent than the linguistic ones (potential of the structural-semantic model of the idiom, symbolic value of its components as well as their systemic connections at the lexical-semantic and grammatical level), which confirms the secularization of the biblical expression and its transition to the category of functional textual units. The study is performed on the material of fiction, Russian printed and electronic media as well as Internet forums and blogs of the beginning of the 21st century. Using the methods of the textual identification of transformations, phraseological modelling, as well as component variable, historical-etymological and linguocultural analysis, the biblical idiom is considered a text-formative element.

REFERENCES

1. Turkova-Zarayskaya, M.O. (2016) Dictionaries of biblical expressions. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya – Herald of Tver State University. Series: Philology*. 2. pp. 337–341. (In Russian).
2. Baláková, D. & Kováčová, V. (2017) *K výzkumu biblickej frazeológie*. Ružomberok: KU Verbum.
3. Mokienko, V.M., Lilich, G.A. & Trofimkina, O.I. (2010) *Tolkovyj slovar' biblejskikh vyrazhenij i slov* [Explanatory dictionary of biblical expressions and words]. Moscow: Astrel'.
4. Naboka, E.N. (2018) *Semanticheskie transformatsii biblejskikh protosoobshchenij v sovremenom anglijskom politicheskom diskurse* [Semantic transformations of biblical proto-messages in modern English political discourse]. *Zapiski z romano-germans'koj filologii*. 1 (40). pp. 152–158.
5. Melerovich, A.M. & Mokienko, V.M. (2014) About specific language adaptation of biblical subjects in European languages (*Prodigal son* and its modifications). *Studia Rossica Gedanensia*. 1. pp. 76–88. (In Russian).

6. Arkhangel'ska, A. & Merzova, R. (2019) Bibliyniy intertekst v ukrains'komu movoprostori [Biblical intertext in the ukrainian linguistic space]. In: *U prostori movi i stilyu. Na poshanu S.Ya. Ermolenko* [In the space of language and style. In honor of S.Ya. Ermolenko]. Kyiv: Vidavnychiy dim Dmitra Burago. pp. 200–2012.
7. Neklyudova, M. (2017) “Lzhivye odezhdy”: kontseptualizatsiya travesti vo frantsuzskoy literature XVII veka [“Lying clothes”: conceptualization of travesty in French literature of the 17th century]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 43 (1). pp. 1–17.
8. Vasmer, M. (1987) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Translated from German by O.N. Trubachev. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Progress. p. 338.
9. Trubachev, O.N. (1960) *Proiskhozhdenie nazvaniy domashnikh zivotnykh v slavyanskikh yazykakh* [The origin of the names of domestic animals in the Slavic languages]. Moscow: USSR AS.
10. Tresidder, J. (1999) *Slovar' simvolov* [The complete dictionary of symbols]. Translated from English. Moscow: Grand; FAIR-Press.
11. Teliya, V.N. (ed.) (2006) *Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentariy* [A large phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Usage. Culturological commentary]. Moscow: Ast-Press Kniga.
12. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.N. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits* [A large dictionary of Russian proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.
13. Fedorov, A.I. (2008) *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [A phraseological dictionary of the Russian standard language]. Moscow: Astrel'; AST.
14. Mokienko, V.M. (1995) Frazeologicheskie bibleizmy v sovremenom tekste [Phraseological biblical idioms in the modern text]. In: Dmitriev, P.A. et al. (eds) *Bibliya i vozrozhdenie dukhovnoy kul'tury russkogo i drugikh slavyanskikh narodov* [Bible and the revival of the spiritual culture of the Russian and other Slavic peoples]. St. Petersburg: Petropolis. pp. 143–158.
15. Melerovich, A.M. (1986) K voprosu o sistemnoy obuslovlennosti individual'no-avtorskikh preobrazovaniy semanticheskoy struktury frazeologicheskikh edinit [On the systemic conditionality of individual authorial transformations of the semantic structure of phraseological units]. In: *Frazeologizmy v sisteme yazykovykh urovney* [Phraseological units in the system of linguistic levels]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute. pp. 104–113.
16. Tret'yakova, I.Yu. (2011) *Okkazional'naya frazeologiya* [Occasional phraseology]. Kostroma: Kostroma State University.
17. Melerovich, A.M. & Mokienko, V.M. (2005) *Frazeologizmy v russkoy rechi. Slovar'* [Phraseologisms in Russian speech. Dictionary]. Moscow: AST. pp. 3–35.
18. Zagrebel'nyy, A.V. (2019) Authorial proverbs, sayings and proverbial expressions of the Russian language of 1905-07 formed on the basis of generalized structural models of source paroemias. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 443. pp. 27–43. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/443/4
19. Walter, H. & Mokienko, V. (2005) *Antiposlovitsy russkogo naroda* [Anti-proverbs of the Russian people]. St. Petersburg: Neva.
20. Naciscione, A. (2001) *Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics*. Riga: Latvian Academy of Culture.

Received: 16 October 2020

А.А. Васильченко

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЧУВСТВА СТРАДАНИЯ В ЛЕКСИКОНЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СИБИРСКОЙ КРЕСТЬЯНКИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10015 «Разработка электронных ресурсов для исследования народно-речевой культуры Среднего Приобья»).

Представлены результаты изучения семантического поля «Страдание» с позиций описания языковой картины мира в лингвоперсонологическом аспекте. Рассмотрен состав лексико-фразеологических единиц в их отнесенности к функционально-семантическим классам, отражающим формы проживания чувства. Описаны типичные ситуации и языковые средства. Анализ формы и семантики элементов идиолексикона через их реализацию в речи позволил описать фрагмент языковой картины мира диалектной языковой личности.

Ключевые слова: идиолексикон; языковая личность; языковая картина мира; сибирские говоры; семантическое поле «СТРАДАНИЕ».

Эмоционально-чувственная сфера жизни человека активно изучается лингвистами в русле современной антропоцентрической парадигмы. При обращении к этой проблематике исследователями изучаются соотношение чувства и эмоции, способы их отражения в языке, категоризация эмоций, взаимосвязь эмоционально-чувственной сферы жизни, языка и культуры. Н.Д. Арутюнова рассматривает метафору в языке чувств, отмечает специфику выражения внутренней жизни человека в языке в силу сложной структуры человеческой психики [1]. А. Вежбицкая, говоря о эмоционально-чувственной лексике русского языка, предлагает исследовать эмоциональные концепты через призму универсальных семантических примитивов [2. С. 326]. Л.Г. Бабенко признает наличие в универсальном опыте человечества группы ведущих универсальных эмоций, а следовательно, существование в лексической семантике универсальных эмотивных смыслов.

На поиске, категоризации и характеристике таких смыслов в семной структуре слова основывается анализ единиц эмоционально-чувственной сферы [3]. Описание отдельно взятого чувства, характеризующегося некоторым «набором» реакций, ощущений, возникающего в определенных случаях и по определенным причинам, проявляющегося в соответствии с индивидуальностью говорящего, позволяет говорить о лингвокультурном концепте как объекте исследования. Обширен круг работ С.Г. Воркачева, описывающих эмоционально-чувственные сущности как концепты [4–7]. Стоит отметить, что большинство исследований в этой сфере базируются на данных литературного языка. Как правило, работы выполнены в рамках сопоставления нескольких языков или на материале языков малых народов России [8–10]. В ряде исследований анализируется русский литературный язык в целом, а материал извлекается из различных словарей [11–13], или рассматривается текстовая реализация эмоциональных концептов в художественных произведениях [14–16]. Диалектный материал привлекается значительно реже: так, анализировались метафорические модели эмоциональных состояний в говорах Среднего Приобья [17], концепты «Жалость»

и «Любовь» в донских и приамурских говорах [18, 19]. В лингвоперсонологическом аспекте рассматриваемая проблематика пока не разработана.

Предпринятое автором изучение языковых средств обозначения чувств и эмоций в идиолексиконе сибирского старожила В.П. Вершининой (1909–2004 гг.) является частью осуществляемого томскими диалектологами комплексного описания диалектной языковой личности (см. обзор: [20]). Л.Г. Гынгазова подчеркивает, что чувства и эмоции в речи диалектоносительницы репрезентируются посредством вторичных номинаций (метафор, фразеологизмов, сравнений). В обобщенном виде (не выделяя отдельные чувства) автор описывает способы интерпретаций эмоциональных состояний [21]. В монографии С.С. Земичевой [22] чувственное восприятие информантом окружающей действительности рассматривается через органы перцепции, в отличие от настоящего исследования, где чувство понимается как «внутреннее психическое состояние человека, его душевное переживание» [23. С. 695]. Кроме того, в статье чувства и эмоции не разграничиваются строго: предполагается, что они неразрывно связаны в реальной жизни (спонтанные эмоциональные реакции порождают чувства; под действием чувств могут возникать эмоциональные реакции), однако чувства характеризуются большей продолжительностью, стабильностью и глубиной переживания, в отличие от эмоций.

Цель настоящей статьи – описание фрагмента индивидуальной языковой картины мира, репрезентирующего чувство страдания. Сделанные заключения опираются на проведенный анализ функционально-семантических классов лексики чувств и эмоций в идиолексиконе информанта, а также дискурсивный анализ текстов, отражающих его речевую практику. Источником работы послужили «Полный словарь диалектной языковой личности» [24] и расшифровки аудиозаписей речи сибирской крестьянки, сделанные методом включения в языковое существование говорящего¹. За единицу анализа принимается слово или фразеологизм в отдельно взятом значении (ЛФЕ – лексико-фразеологическая единица).

Методология предполагает последовательное расширение взгляда на эту единицу: слово (заголовок словарной статьи) – дефиниция – примеры словоупотребления, представленные в словаре, – текст (расширенные контексты и дополнительные примеры употребления конкретной ЛФЕ из расшифровки записей речи индивида) – идиолектный дискурс (учет прочих высказываний информанта, непосредственно не связанных с эмоционально-чувственной сферой).

Сплошная выборка ЛФЕ эмоционально-чувственной сферы из словаря осуществлялась с опорой на компонентный анализ словарных дефиниций (в отдельных случаях – с привлечением контекстов). При объединении единиц с повторяющимися или пересекающимися семами, обозначающими чувства и эмоции, формировались семантические поля, которые рассматриваются как основной содержательный элемент языковой картины мира [25. С. 57].

В статье анализируется семантическое поле «Страдание» – одно из самых объемных полей, объединяющих единицы эмоционально-чувственной сферы в словарном запасе информанта. В его состав входит 53 ЛФЕ. Разработанность поля подчеркивает важность этого чувства для носителя народной речевой культуры, что может объясняться как социально-историческими факторами, повлиявшими на жизнь крестьянки (Гражданская и Великая Отечественная войны, изменения уклада жизни, связанные с организацией колхозов, совхозов, перестройкой), так и личной биографией женщины, на долю которой выпало немало испытаний (потеря шестерых новорожденных детей, утрата дома при пожаре, неоднократные кражи имущества, уход мужа на фронт, после возвращения – его измена и распад семьи, тяжелая болезнь и смерть единственного выжившего сына и многое другое).

В рамках полевого подхода к описанию группы единиц были определены ядро и периферия. К ядерным отнесены те ЛФЕ, в которых исходным является эмотивный смысл, указание на определенное чувство (*страдать, переживание, горемыка, горемычный*). В результате компонентного анализа словарных дефиниций выявлено, что наиболее частотными, находящимися в ядре поля оказались семы '*страдание*', '*мука*', '*горе*', '*беда*', '*несчастье*', '*нравственная боль*', '*душевная боль*'. На этапе формирования семантического поля на периферию выносятся единицы, в которых, во-первых, эмотивная сема находится среди коннотативных компонентов семантической структуры слова, т.е. является сопроводительной, не несущей основной смысл (например, *бог забыл* 'о состоянии человека, при котором смерть могла бы стать избавлением от страданий', *беда* 'событие, обстоятельство, приносящее крупные неприятности, страдания'); во-вторых, основное значение связано с иным чувством, не соответствующим данному семантическому полю (например, *жалко*: основное чувство – жалость, лишь затем – испытываемое тем, кого жалко, страдание: *Братика-то ши'бко жалко, он был полуризо'ванный*). На периферии семантического поля «Страдание» располагаются единицы с эмотивными семами '*жалость*', '*грусть*', '*неприят-*

ность'. В качестве имени поля выбрана единица *страдание*, так как сема '*страдание*' чаще остальных присутствует в толкованиях единиц, входящих в это поле.

Вслед за Л.Г. Бабенко все единицы эмоционально-чувственной сферы в рамках семантического поля «Страдание» распределены по функционально-семантическим классам (ФСК), понимаемым как «множество различных по грамматической оформленности слов, совпадающих по денотативной соответности, объединенных категориально-лексической семой, которая может быть онтологически присущей слову (исходной) или наведенной контекстом (производной), и выполняющих единую семантико-синтаксическую функцию в речи. <...> Знаменательные слова обязательно содержат в семной структуре категориальные семы, которые связаны с отражением универсальных семантических категорий (качество, отношение, состояние)» [3. С. 72]. В нашем материале из семи выделенных Л.Г. Бабенко классов представлено шесть.

При описании каждого класса указываются: единое категориальное значение; входящие в класс единицы с толкованием значения по «Полному словарю диалектной языковой личности»; частеречная принадлежность и количество словоупотреблений ЛФЕ; наличие / отсутствие метафорических единиц.

1. Наиболее наполненным и разнородным в идиолексиконе оказался ФСК **слов эмоционального состояния**, который имеет категориальный компонент значения «испытывать определенное эмоциональное состояние»². Для информанта чувство страдания – это состояние глубокое, испытываемое субъектом в течение продолжительного времени. К данному классу относятся 26 единиц³: *беда* 'событие, обстоятельство, приносящее крупные неприятности, страдания', *горе бьёт* 'о печали, огорчении по поводу чего-л.', *биться3* 'мучиться, страдать, пытаясь преодолеть болезнь, болезненное состояние', *биться4* 'страдать, мучиться, чрезмерно трудясь, преодолевая нужду, бытовые и моральные проблемы', *биться с копейки на копейку* 'то же, что *биться3*', *бог забыл* 'о состоянии человека, при котором смерть могла бы стать избавлением от страданий', *бог не забыл* 'о желательной смерти, являющейся избавлением от страданий', *горе1* 'душевное страдание, глубокая печаль, скорбь', *горе2* 'плохо, нехорошо', *горе мыкать* 'страдать', *горевать*, *горечко* 'сильное горе', *горький* 'исполненный тягот, невзгод, горя', *горькой горечью* 'мучаясь, испытывая страдания', *грешит* 'мучиться', *кара* 'мучение, страдание', *край*, кат. сост. 'о крайне затруднительной ситуации, связанной с несчастьями, переживаниями, утратой чего-л. и т.п.', *мука* 'мучение', *мучиться*, *нелёгкий* 'связанный с тяжелыми переживаниями, отрицательными эмоциями', *переживание* 'душевное состояние, вызванное негативными сильными ощущениями, впечатлениями', *переживать* 'волноваться, беспокоиться в связи с чем-л., страдать из-за чего-л.', *страдание*, *страдать*, *тяжёлый* 'мучительно переживаемый, доставляющий душевные страдания, боль', *хватить мурцовки (горького до слез)* 'пережить много невзгод, горя, трудностей'.

Единицы ФСК эмоционального состояния составляют около 49% рассматриваемого поля. Количество словоупотреблений каждой единицы этого класса, по данным словаря, варьируется от 1 до 16. В группе присутствуют четыре глагола, пять существительных, два слова категории состояния, три фразеологических оборота. Существительные и слова категории состояния (*горе, страдание, беда* и др.) редко употребляются в сочетании с глаголами типа *испытывать, чувствовать, переносить*, что не является типичным по результатам исследования Л.Г. Бабенко [3. С. 74]. Обнаруженный факт может говорить о том, что диалектоносительница, не используя составные конструкции, емко, экспрессивно характеризует переживаемую ситуацию. Это вероятно, связано, во-первых, с тенденцией к экономии речевых усилий в устной речи вообще, отказу от сложных оборотов в пользу кратких высказываний. Во-вторых, конструкции типа *испытывать страдание / жалость* скорее характерны для описания состояния иных лиц, а не собственных чувств (*я страдаю, мне жалко*). В-третьих, такая особенность может исходить из индивидуальных черт информанта, который называет переживаемые чувства, описывает ситуации, связанные с ними, но не склонен рефлексировать над этим.

Найдено множество контекстов, где описание ситуации подытоживается словами *горе-то какое; Ой! Горе!*: *Меня давай дёргать – большо' давление ши'бко, надо же, на 140 с чем-то. Вой, я скорей одеться мне, уже надеть не могу... ничё, вот горе-то какое; Один пове'шался, и другой пове'шался. Счас один остался сын. А муж не знаю де у ей. Ну я ее знаю, Лизу-то. Хорошо знаю. Ой! Горе⁴.*

Большинство подобных случаев относится к описанию горя как высшей степени проявленности страданий человека. *Горе* и однокоренные слова, к тому же, являются одними из наиболее частотных в семантическом поле «Страдание».

Единицы эмоционального состояния, как правило, подчеркивают отсутствие волевой активности субъекта: человек не проживает страдание или борется с ним, а существует в этом концентрированном переживании, которое имеет начальную точку (причину), но практически никогда заканчивается. «В результате они (Л.Г. Бабенко имеет в виду единицы данного класса. – А.В.) передают эмоции как неактивное, замкнутое в субъекте состояние» [3. С. 72]. Здесь скорее само горе – действующее начало, захватывающее волю человека. Это считается, в том числе, в метафорических единицах, основой образного переноса которых служит лексика физического воздействия (*горе бьёт*), повторяющегося направленного движения (*биться*), возмездия, наказания за что-либо (*кара*): [*С: Ну, как, Вера, печка?*] *Близко. Нет, я говорю, к стене-то [близко сложил печь печник], вот у меня горе бьёт, угу; Она так бьётся тоже – не дай бог! <...> Она уж и так, бе'дна, рабо'тат да так все, замоталась. <...> Шитьтай, три мужука' на ее руках. <...> А она, бе'дненька, от эдак от, как шичу'нка, худенька... бьётся; Владимир хоть бы не пил бы уж. Зачем пить-то? Таку' кару перенёс [об операции], ешо пить.*

Сравнение горя с бессмысленным перемещением, скитанием (*горе мыкать⁵*) подчеркивает изматывающую продолжительность данного чувства, неосознанность собственных действий из-за силы переживаний: *В сорок первом году Анна умерла. Ребятишечки были, померли хыть, бог не забыл. Остались бы горе мыкать.*

Единицы с первичным значением положения в пространстве (*край*) характеризуют страдание как крайнюю степень переживания субъекта, а метафорический перенос на основе вкусовых характеристик (*маяться горькой горечью*) – как нечто очень неприятное, едкое: *Ой, я упала, так легко шла. А стул тут стоял, а я покатила, повалилась-повалилась, поймаюсь не за что. Я на стул упала. Ну я ушибла только. Ох, от край-то, прямо хоть караул реви; От так, Катя, правда: р'остят, ро'стят горькой горечью детей... мальчика – и сразу заберут [в армию], и все.*

Горе через метафоры ассоциируется с неким вторяющимся, суетливым, однообразным действием, физической болью, пиковой, предельной точкой, крайне неприятными вкусовыми ощущениями.

2. ФСК слов **внешнего выражения эмоций** с категориальной семьей «выражать во внешности, жесте эмоциональное состояние, эмоциональное отношение» содержит единицы: *выть* ‘сильно плакать’, *глаз не осушать* ‘постоянно плакать, горюя о ком-л.’, *плакать* ‘проливать слезы (от горя, боли и т.п.)’, *реветь* ‘плакать’, *рёвом реветь* ‘плакать’. Пять перечисленных единиц составляют 9% семантического поля «Страдание». Количество словоупотреблений достаточно велико: от 1 до 94. Все единицы связаны с плачем, оплакиванием кого-либо или чего-либо: [*Племанника послали на ликвидацию чернобыльской аварии.*] *Я прям плакала об ём так, жалела его; А когда Миша у меня разбился, я прям рёвом реву-реву-реву!*; «*Ой, жалко мне его [проданный дом], Верочка Прокофьевна, до сме'рти жалко. Я так во-ою, во-ою, во-ою!*»; *Я ши'бко об Коле-то [умершем племяннике] плакала, я прям – ой, я глаз не осушала. Описания плача с множественными повторами (Она плачет, плачет, рёвом ревет сидит плачет) подменяют у информанта рефлексю, описание самого чувства, однако указывают на силу и глубину испытываемого переживания.*

3. В состав ФСК **эмоционального воздействия** входит пять единиц с категориальным значением «вызывать определенное эмоциональное состояние»: *всю душу вытянуть* ‘измучить чем-л. неприятным’, *как по сердцу ножом* ‘об ощущении внезапной душевной боли от какой-л. неприятности’, *мучить* ‘причинять муки, физические или нравственные страдания’, *маять* ‘вызывать нравственные мучения’, *намаять* ‘заставить мучиться, страдать’. Данный класс занимает третье место по количеству единиц (около 9%) семантического поля «Страдание» с числом словоупотреблений от 1 до 12. В него входят, в большинстве своем, глагольные лексемы.

По сравнению с другими ФСК семантического поля «Страдание» в данном классе больше всего метафорических единиц. Такую же ситуацию для соответ-

ствующего ФСК отмечает Л.Г. Бабенко на литературном материале [З. С. 75]. Основой для метафорического переноса служит лексика деструктивного воздействия: извлечения с применением силы (*всю душу вытянуть*), нанесения травмы (*как по сердцу ножом*): **Всю душу вытянули, Зоя да он [прося спиртного]; А он это: «Нет, не пойду я. Не пойду в армию». Ой, как по сердцу ножом! Подумать на'доть! Это опе'ть поперёк пойдёт!**

4. ФСК слов **приобретения эмоционального состояния** с категориальным значением «прийти в определенное эмоциональное состояние, становиться наполненным каким-либо эмоциональным состоянием», представляет состояние в динамике, его разные этапы (от начального до финального): *забываться* ‘менее остро ощущать горе, потерю’, *зака'менить* ‘стать бесчувственным в результате сильного горя’, *исстрадать* ‘испытать длительные страдания, неприятности’, *намаяться* ‘намучиться, исстрадаться’. В класс входит четыре лексем. Число словоупотреблений в каждом случае равно единице. Класс охватывает около 8% единиц семантического поля «Страдание» и полностью представлен глагольной лексикой, что соответствует значению категориальной семы.

Основой метафоризации эмоционального состояния ФСК слов приобретения эмоционального состояния является лексика с обозначением физиологического состояния (*забываться*), приобретения качества какого-л. вещества (*закаменеть*). Динамика, как правило, проявляется не в попытках преодолеть страдание (они в большинстве случаев безуспешны), а в достижении крайней точки этого чувства. Лишь одна единица класса (*забываться*) номинирует ослабевающее чувство горя, остальные – либо постоянство мучений (*исстрадать*, *намаяться*), либо изменение ощущений (*закаменеть*): *Полгода делали [поминки племяннику]. Мале'нько забываться я стала, ну все равно; А он говорит: «Ты, гыт, это... не езд. Ходи пешком, на' ночь-то! Опе'ть де-нибу'дь бросятся да угонят мотоцикл», – и так исстрадали да, до сих пор ешо по суду дело идёт [о краже мотоцикла]; [С: Ши'бко плакала на похоронах она.] А Валя? [С: Ну, Виленти'на – я так как-то ее... Не так. Не так.] Сердце, может, зака'менело.*

Дополнительным маркером динамики и интенсивности проявления того или иного состояния являются приставки с соответствующим значением. Три из четырех слов (*закаменеть*, *исстрадать*, *намаяться*) имеют префиксы со значением полноты действия, его доведения до результативного завершения. Указанные значения условно можно считать синонимичными, обозначающими доведенность чувства страдания до высшей отметки.

5. ФСК слов **эмоционального отношения** с категориальной семой «чувствовать определенное эмоциональное отношение к чему- кому-либо, направленное на что-либо, кого-либо, вызванное чем-либо, кем-либо» представляет 8% от его общего состава, включая 4 единицы. Номинации эмоционального отношения здесь – *жалеть* ‘чувствовать жалость, сострадание к кому-л.’, *жалко1* ‘о чувстве сострадания, жалости, испытываемом по отношению к кому-

чему-л.’, жалко2 ‘о чувстве грусти, горечи по поводу отсутствия, утраты, исчезновения и т.п. кого-, чего-л.’, *жаль* ‘о чувстве сострадания, жалости, испытываемом по отношению к кому-, чему-л.’ Стоит отметить, что данные единицы находятся на пересечении семантических полей «Страдание» и «Жалеть»; в первом они находятся на периферии, во втором – в ядре. В «Полном словаре диалектной языковой личности» отмечено от 1 до 30 словоупотреблений в речи информанта.

В абсолютном большинстве случаев жалость крестьянки направлена не на саму себя, а вовне. Страдающее лицо здесь не сам субъект, а тот, кого ему жаль: И сделали Юре операцию. <...> А потом у его вот така' шишка вздулась тут. Ходил-ходил, стал делать операцию. <...> Ну и это... Сидеть только... Лежать. Сидеть даже не мог. Лежал всё. А тепер'ь поллуче стали, слава тебе, уосподи, мне жалко его; Кольцо парень потерял, мне жалко: он славный такой, парень-то. Диалектоносительница склонна выразить свое сопереживание, проявлять участие в горе других («чужих») людей, что выражается в характерном для нее словосочетании вчу'же жалко: [О родственниках знакомого] Одному-то уж будет лет десять как по'мер, он молодой, с сорок шестого года, а этот тридцать восьмого но'нче по'мер. Хороший был, даже вчу'же жалко.

6. ФСК слов **эмоциональной характеристики** с категориальной семой «характеризующийся, отличающийся каким-либо эмоциональным качеством» состоит из трех единиц: существительного *горемыка* ‘человек, постоянно испытывающий горе, всевозможные беды’, прилагательных *горемычный* ‘постоянно испытывающий горе, всевозможные беды; несчастный’ и *горький* ‘такой, на долю которого выпало много горя, несчастий’. Все единицы класса являются производными от *горе* – лексемы, обозначающей высшую степень концентрации страдания. Класс составляет чуть более 6% от всего семантического поля «Страдание» с количеством словоупотреблений от 1 до 3. Анализ ФСК эмоциональной характеристики менее информативен с точки зрения реконструкции языковой картины мира, так как текст представляет собой ответ информанта на вопросы собирателя с множественным повторением объясняемого слова, а не спонтанную речь: *Ну, какой-нибудь сиротинка, так это вот говорят «горемычный», горький горемыка называют, один который живет, судьбы нету, тоже пьет, как придется, и называют тоже «горемыка», «горемычный». Что он один как-то, жены нету, семьи нету, горя много видел;* Из комментария крестьянки видно, что испытывают горе, несчастье в основном люди одинокие, не имеющие семьи.

Из семи ФСК, выделенных Л.Г. Бабенко, в идиолексиконе сибирской крестьянки не выявлен ФСК слов эмоционального качества, в единицах которого присутствует компонент «эмоциональное свойство» (*трусливость*, *опасливость* и под.). Эти книжные лексемы оказываются неактуальными для носителя народно-речевой культуры.

Вместе с тем в словарном запасе индивида выделяется ряд единиц, не отнесенных ни к одному из

представленных выше ФСК. В их числе *беда* 'событие, обстоятельство, приносящее крупные неприятности, страдания', *горе* 'событие, вызывающее душевное страдание; беда, несчастье', *грех* 'беда, несчастье', *мука* 'мучение', *напасть* 'беда, несчастье, неприятности', *несчастье* 'тяжелое событие; горе, беда, бедствие' – итого шесть существительных (около 11% поля «Страдание») с количеством словоупотреблений от 3 до 19. Все они объединены значением «ситуация, сопровождающаяся каким-л. чувством», в данном случае – чувством страдания: *Мишенька [сын] вот тоже упал с мотоцикла, то ль на камень, ли че, перевернулся ехал и перервал не'рвну систему. <...> Несчастье большо'; Она [односельчанка] де-то с тридцать первого ли тридцать второго ли году – в таких годах <...> под машину попала тот раз. Голову сломала и че-то там ишо. Пять ли шес' рёбер сломала, вот беда дык; Шеболтуны'-то пьют? [С: Пьют.] Пьют. О'споди, беда; Болел, да. Беда прям. Слитность в одной единице номинации чувства и породившей это чувство ситуации типична для дискурсивной практики исследуемого носителя народно-речевой культуры – как и, возможно, для сферы устной спонтанной речи в целом.*

Таким образом, в ядро семантического поля «Страдание» входят первые четыре ФСК, в состав которых включается от 4 до 26 лексико-фразеологических единиц с семантикой проживания, выражения, внушения или приобретения соответствующего чувства, а также актуализированный в речи языковой личности ФСК ситуации, причиняющей страдание. Менее ярко выражены в процессе коммуникации, находятся на периферии, эмоциональное отношение и эмоциональная характеристизация, отсутствует называние эмоционального качества.

Упоминание о чувстве страдания, как правило, представлено в дискурсе диалектной языковой личности в широком контексте вызвавшей его ситуации. Крестьянка склонна к обозначению причинно-следственных связей между чувством душевной боли и определенными жизненными обстоятельствами (в том числе из-за внимания к позиции собеседника-собирателя, не включенного в жизнь участников описываемых событий). Редко такое чувство связано с человеком, вредящим субъекту своими действиями. В абсолютном большинстве случаев страдание вызывают события, разрушающие привычный уклад, меняющие качество жизни человека. Среди причин, порождающих страдание, можно выделить:

– смерть в результате тяжелой болезни (как близких, так и малознакомых, чужих людей): *Заболел и заболел, восьмого марта. И вот до сех пор бился. Вот кода' схоронили – ну, дён десять как схоронили; А у нас от тут горе. Я не рассказала, са'мо большо' – правда, чужо'-то горе! У Василия [соседа заболел сын]. <...> И кака'-то толшына на его пошла от така'. От прямо от такой стал, как бочка! А... со врача'ми посоветовался <...> – лишній жир убрать. <...> Они убрали, да че'то зараженье пошло, да ногу отня'ли. Да он по'мер, недавно от сорок дён было. Ой, сколько у их переживаний было! И у нас-то у всех. Жалко;*

– преждевременную смерть в результате несчастного случая: *«Сёдня у нас большо' горе. <...> Марь Иванна попала под машину»; Да всё каки'-то бува'ют несчастья-то всё, то там, то там: то машина, то самолёт разбился;*

– травмы, недомогания, делающие человека нетрудоспособным: *Он подсклизнул'ся, да ой! Изломал [ногу] – сколько он страдал-то; Сижу, а ногу прям дёргат, дёргат. Вот край. <...> Елена увидала: «Ой, баба, это как ты терпишь, у тебя все пальцы си'ни». Я: «Ну чё поде'лашь, терплю». <...> А я ночью лежу одна себе: [изображает:] «Ох, ох!» – никто' не слышит;*

– тяжелые условия существования: *У Николая [брата] в сорок первом году Анна умерла. Ребятишечки были, по'мерли хыть, Бог не забыл. Остались бы горе мыкать; И вот мне-то не жалко, там не быть и бог с имя', и... дак а кото'ры-то страдают, как с деть'ми, му'чутся-то как, живут-то, без квартир!; «Пенсию не будут давать, денег нету». <...> Я говорю: «Ну уж, – говорю, – тогда' чё, край будет нам»;*

– войны, кардинальные изменения в укладе жизни: *Столько горя. <...> В сороковы'м году перешли суды' [в другой дом] – война началась финс... нет, кита'й-ска ли фи'нска ли? <...> И его [мужа] забрали, на го'д. Год он был на войне, как раз год пробы'л. В сороковы'м году. В сорок первом опе'ть война началась. И вот это... тут меня обокрали, в сорок первом же. Война нац'яла'сь – это же всё горе!;*

– потерю значимого имущества: *До капельки всё уташишь'ли, в чем была, в тем осталась. Ой, помню, как я страдала;*

– неудачные межличностные отношения: *И таё, как напьётся – а пил часто. И гоня'т всё, такой кара'хтер у его, худой. <...> Потом она билась-билась, и разошлась; А он [муж] халатно к ней стал относиться: то уйдет, то ночует где-нибудь не придет – плохо к ней стал. Ну и она побилась-побилась – уехала от их.*

Обратим внимание на то, что более тяжелые негативные события (смерть, болезнь) чаще описываются говорящим кратко и ёмко, без подробностей и долгих описаний душевных переживаний.

Ситуативно связанные с чувством страдания контексты отражают ключевые ценности традиционной крестьянской культуры (утрата которых вызывает данное чувство). В их числе главными, очевидно, являются жизнь и здоровье; важное место отводится достатку, стабильности жизненного и семейного уклада.

При употреблении информантом единиц семантического поля «Страдание» можно выделить три ключевых проявления чувства: *переживание – страдание – горе*. Вербализация негативного чувства как *переживания* обычно возникает из-за какого-либо длительного события, продолжительной ситуации (неблагоприятные погодные условия в период сенокоса, сложное финансовое положение; отсутствие информации о делах родственника, который находится где-то далеко): *Для меня все хорошо: и дож, и погода – все хорошо. А от кто сено-то косит, счас все*

чѣ, прямо **переживанье**; У меня Маруся чѣ-то не едет, я прямо **переживаю** за нее. Наверно, приболела'лась. Обозначение страдания проявляется в конкретных ситуациях душевной и физической боли⁶: Он подсклизнул'ся, да ой! Изломал [ногу] сколько он **страдал-то!**; До капельки все уташишлы, в чем была, в тем осталась. Ой, помню, как я **страдала**. Отметим, что в большинстве контекстов причиной страдания не является чья-то смерть. Осознание испытываемого чувства как горя в абсолютном большинстве случаев отражает глубокое, сильное, крайне тягостное переживание утраты родных и одиночества. Интенсивность проживаемого чувства здесь наиболее велика, а описываемые ситуации наиболее личные, травмирующие страдающего субъекта: Нихто' меня не пожале'т никогда. Кто бы пришел, а кто придет? Одна, век одна. Пятый год уж как Мишеньки [сына] нет. **Горе**, а все равно жалко; Я тебя ни в каку' минуту **го'рьку** не бросала. Ты же [в]от такой остался [без матери, жест: «маленький»], ты же на моих руках вырос.

Однако в некоторых случаях одним набором лексических единиц может характеризоваться целый ряд ситуаций и состояний: переживания в результате потери близких, физической травмы, бытовых проблем. Например, **горевать** употребляется в ситуациях смерти близкого человека, кражи машины, пожара (Она умерла. Вот он [муж после смерти жены] один остался, щас **горюет**; Пряма ши'бка **горевали** [когда украли машину]. Плакали все; «Ну ничѣ, не мы одни [сгорели], ничѣ, не **горюй** уж, ну чѣ, не мы одни...» – угова'риват меня); **беда** – для описания таких проблем, как авария, болезнь, отъезд мужа (Они же но'нче каку' **беду-то** наделали: поехали, Гео'ргева, в Яр, да перевернулись; А это, как еѣ, а Наташа как? Нога-то ничѣ у неѣ? Бе'дна. **Беда** пряма. Таки' переломы; Уехал [муж]? **Беда!** Ну конечно, она из-за е'того, наверно, болеет, пережива'т). Частотно употребление в рамках одного контекста сразу нескольких единиц, репрезентирующих эмоционально-чувственную сферу: [Печник перекладывает печь.] Хоть бы тепелась бы. А то **край** тоды' будет. Сколько – я сама-то, деньги денга'ми, сама-то **намучилась**. Да ешо

убилась. Так болит все, да ешо... Сколько у меня **страданий**, сколь **переживаний!** На мои'м сердце. Вот не знаю: ешо дымить будет – столько работы да, деньги отдашь, да... перекладывать надо будет. Вероятно, дифференциации в выборе лексических средств для обозначения страданий не происходит потому, что сами сферы, из-за которых склонен переживать информант, равно важны для его душевного спокойствия. Нельзя сказать, что смерть близкого и поломка печи – это одинаковые по силе эмоционального потрясения события, однако и сфера семейной жизни, и благосостояние, и порядок в быту играют важную роль в жизни крестьянки.

Итак, семантическое поле «Страдание» в идиолексиконе крестьянки представляет собой разветвленное, сложное образование, включающее в себя ряд функционально-семантических классов. Наиболее обширно представлен класс проявления эмоционального состояния, что объясняется самой сущностью чувства страдания как продолжительного, глубокого переживания – состояния. Нереализованным в речи диалектоносителя оказывается ФСК слов эмоционального качества. Наряду с описанными ранее на материале литературных текстов ФСК, при анализе текстов диалектоносителя был выявлен еще один класс обозначения ситуации, сопровождающийся каким-либо чувством.

Тема страдания широко отражена в дискурсе исследуемого информанта. Постоянные проявления этого чувства на протяжении долгой жизни сибирской крестьянки детерминированы как событиями личного порядка, так и непростой судьбой крестьянского сословия в эпоху бурных социально-политических потрясений. Чувство страдания во всем многообразии его проявлений можно считать одной из доминант мировосприятия диалектоносительницы. В то же время ее дискурсивная практика свидетельствует о том, что личность не замыкается в своем страдании: она неравнодушна к жизни других людей, искренне сопереживает им, а страдание воспринимает как неизбежную часть жизни человека, свойственную всему социуму, руководствуясь поговоркой чѣ в миру, то и нам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основная часть экспедиционных материалов была собрана Е.В. Иванцовой [24. С. 5].

² Вслед за Л.Г. Бабенко чувства и эмоции будут пониматься в дальнейшем как синонимичные понятия, однако в более широком контексте настоящего исследования есть понимание различий между ними (чувства – более стабильные, продолжительные и глубокие переживания; эмоции – кратковременные, зачастую спонтанные проявления переживаний человека).

³ ЛФЕ даны в алфавитном порядке. Толкования приведены только для нелитературных (диалектных, диалектно-просторечных) слов, а также для многозначных единиц. Дефиниции диалектных слов соответствуют их определениям, данным в Полном словаре диалектной языковой личности [24], а общерусских слов – в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой [23].

⁴ Здесь и далее при подаче иллюстративных материалов используются некоторые условные обозначения. Ударения ставятся только в нелитературных словах, а также при вероятности вариативного произношения. Пояснения, включающие информацию, оставшуюся за границами приведенного отрывка, даны в квадратных скобках. Также в квадратных скобках, но с указанием инициала «С» («собеседник»), дана речь собеседников Веры Прокофьевны. Пропуск части связного текста в иллюстрации обозначается знаком <...>.

⁵ Мыкать, устар., прост. – вынуждать скитаться, менять место жительства, работы, подвергая невзгодам и лишениям (о жизни, судьбе) [14].

⁶ Физическая боль попадает в зону анализа лишь в том случае, когда она сочетается с душевными переживаниями (например, потеря трудоспособности в результате травмы).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М. : Русские словари, 1996. 416 с.

3. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.
4. Воркачев С.Г. К терминсистеме лингвокультурной концептологии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (98). С. 112–116.
5. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60, № 6. С. 47–58.
6. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2004. 192 с.
7. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2007. 284 с.
8. Беличенко Е.А. Репрезентация эмоционального концепта печаль, горе / sadness, grief в области глагольной лексики // Когнитивные исследования языка. 2013. № 13. С. 496–507.
9. Куклина Д.Ю. Эмоциональный концепт «Горе» в разноструктурных языках (на материале немецкого и русского языков) // Духовная сфера общества. 2016. № 13. С. 94–103.
10. Ишегулова А.М. Концепт «КАЙФЫ» (горе) в башкирских народных песнях // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1 (51). С. 379–384.
11. Жаналина Л.К., Котлярова И.В. Фразеобразующий потенциал концептов «Тоска», «Грусть», «Печаль», «Горе» // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры : сб. науч. труд. по итогам 4-й Междунар. науч.-практ. конф. по когнитивной фразеологии. 2019. С. 89–97.
12. Бабкина А.Ю. Семантические особенности наименований чувств и эмоций человека в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 26 с.
13. Романов Д.А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований на материале русского языка : автореф. дис. ... д-р филол. наук. Белгород, 2004. 52 с.
14. Паневина И.Г. «Текстовый портрет» эмоциональных концептов «Радость» и «Горе» в произведении Гартманна фон Ауэ «Бедный Генрих» // Перевод. Язык. Культура. Материалы XI международной научно-практической конференции. СПб., 2020. С. 216–222.
15. Самситова Л.Х., Ташбулатова Р.М. Образно-оценочные характеристики концептов «Радость» и «Горе» в романе Т. Гариповой «Буренушка» // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 9-2. С. 267–278.
16. Баженова И.С. Обозначения эмоций в художественном тексте: прагматический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 52 с.
17. Коберник Л.Н. Чувства и эмоции в интерпретации русской диалектной метафоры : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 29 с.
18. Филатова И.М. Характеристика человека: эмоциональный концепт «Жалость» в донских казачьих говорах // Студенческий электронный журнал «Стриж». 2017. № 4-2 (15). С. 42–45.
19. Приходько В.К. Лексико-семантическая группа с базовым когнитивным компонентом «Любовь» в словаре русских говоров Приамурья // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2013. № 4 (16). С. 41–48.
20. Ivantsova E. Linguistic personality of dialect speaker as a new object of dialectological researches // Dialectologia: revista electrònica. Summer 2016. № 17. P. 91–109. URL: <http://www.publicacions.ub.edu/revistes/dialectologia17/> (дата обращения: 20.09.2020).
21. Гынгазова Л.Г. Образная интерпретация внутренней сферы человека в дискурсе языковой личности диалектоносителя // Язык и динамическая картина мира : материалы Междунар. науч. конф., 1–3 апреля 2014 г. Минск, 2015. С. 179–187.
22. Земичева С.С. Перцептивная картина мира диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 208 с.
23. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1–4. 4-е изд., стереотип. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4.
24. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Т. 1–4. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2012.
25. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М. : Наука, 1976. 356 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 ноября 2020 г.

Representation of Suffering in the Vocabulary of the Dialect Language Personality of a Siberian Peasant Woman

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 14–21.

DOI: 10.17223/15617793/462/2

Anna A. Vasilchenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: annavasilchenko.95@mail.ru

Keywords: idiolectal vocabulary; language personality; linguistic worldview; Siberian subdialects; semantic field SUFFERING.

This study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10015.

The article examines the semantic field “suffering” that represents a fragment of the emotional and sensual existence of a language personality. The linguopersonological research based on the material of the idiolectal vocabulary of Vera Vershinina, a Siberian old resident, continues the comprehensive description of a dialect language personality made by Tomsk dialectologists. The research sources are *A Complete Dictionary of a Dialect Language Personality* edited by E.V. Ivantsova, transcripts of the informant’s speech made through participation in the linguistic existence of the speaker. The article focuses on 52 lexical and phraseological units. The research aims to describe a fragment of an individual linguistic worldview representing suffering. The view on the research object develops in the following way: word – definition – examples represented in the dictionary – text – idiolectal discourse. At the first stage of the research, the lexical and phraseological units are divided into seven functional semantic classes (FSC) according to the categorial lexical seme uniting them. The researcher examines the numerical composition of each class, the linguistic features of its elements (presence of figurative units, features of the use of the examined words). The most developed is the FSC of emotional state, since suffering is perceived as a long and deep feeling caused by a certain reason, but infinite. Classes of emotional impact and receiving the emotional state characterize suffering as a feeling hurting physically, exhausting with its length and intensity. A large number of units with the semantics of weeping in the FSC of external expression of emotions can indicate that the informant replaces reflection with a detailed description of external manifestations of suffering. Classes of emotional characterization and attitude show the informant as a person deeply empathetic to the grief of others. The last FSC demonstrates that names of the feeling and the situation causing this feeling coexist in one unit, which is typical for representatives of the folk speech culture. At the second stage of the research, the author describes the most frequent situations associated with the actualization of the semantic field “suffering” in the informant’s speech. These situations include: disease or death; disability caused by an injury; difficult living conditions, etc. It corresponds to the core values of the traditional peasant culture: life and health of a person, wealth, stability of a family’s life. The material shows that, for the dialect speaker, suffering is one of the dominants of reality, a constant of everyday life fully accepted by the speaker. However, the informant does not ignore other people in her grief, she is empathetic towards their life because of such personal qualities as optimism and spiritual power.

REFERENCES

1. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Human Language and world of man]. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Translated from English. Moscow: Russkie slovari.
3. Babenko, L.G. (1989) *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke* [Lexical means of designating emotions in Russian]. Sverdlovsk: Ural State University.
4. Vorkachev, S.G. (2015) K terminosisteme lingvokul'turnoy kontseptologii [To the terminology system of linguocultural conceptology]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of Volgograd State Pedagogical University*. 3 (98). pp. 112–116.
5. Vorkachev, S.G. (2001) Kontsept schast'ya: ponyatiynyy i obraznyy komponenty [The concept of happiness: Conceptual and figurative components]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 60 (6). pp. 47–58.
6. Vorkachev, S.G. (2004) *Schast'e kak lingvokul'turnyy kontsept* [Happiness as a linguocultural concept]. Moscow: Gnozis.
7. Vorkachev, S.G. (2007) *Lyubov' kak lingvokul'turnyy kontsept* [Love as a linguocultural concept]. Moscow: Gnozis.
8. Belichenko, E.A. (2013) The actualization of the emotional concept *pechal'*, *gore/sadness*, *grief* in the verbal lexis domain. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 13. pp. 496–507. (In Russian).
9. Kuklina, D.Yu. (2016) Emotsional'nyy kontsept "Gore" v raznostrukturnykh yazykakh (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov) [Emotional concept "grief" in languages of different structures (based on the material of German and Russian)]. *Dukhovnaya sfera obshchestva*. 13. pp. 94–103.
10. Ishgulova, A.M. (2016) The concept of *kaygy* (grief) in Bashkir folk songs. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 1 (51). pp. 379–384. (In Russian).
11. Zhanalina, L.K. & Kotlyarova, I.V. (2019) [Phrase-forming potential of the concepts "longing", "sadness", "sorrow", "grief"]. *Frazeologiya v yazykovoy kartine mira: kognitivno-pragmaticheskie registry* [Phraseology in the linguistic picture of the world: Cognitive-pragmatic registers]. Proceedings of the 4th International Conference on Cognitive Phraseology. Belgorod. 26–27 March 2019. Belgorod: OOO "Epitsentr". pp. 89–97. (In Russian).
12. Babkina, A.Yu. (2008) *Semanticheskie osobennosti naimenovaniy chuvstv i emotsiy cheloveka v sovremennom russkom yazyke* [Semantic features of the names of feelings and emotions of a person in modern Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan.
13. Romanov, D.A. (2004) *Yazykovaya reprezentatsiya emotsiy: urovni, funktsionirovaniye i sistemy issledovaniya na materiale russkogo yazyka* [Linguistic representation of emotions: Levels, functioning and systems of research on the material of the Russian language]. Abstract of Philology Dr. Diss. Belgorod.
14. Panevina, I.G. (2020) [A "textual portrait" of emotional concepts "joy" and "grief" in Hartmann von Aue's "Poor Heinrich"]. *Perevod. Yazyk. Kul'tura* [Translation. Language. Culture]. Proceedings of the XI International Conference. St. Petersburg: Leningrad State University. pp. 216–222. (In Russian).
15. Samsitova, L.Kh. & Tashbulatova, R.M. (2014) *Obrazno-otsenochnye kharakteristiki kontseptov "Radost'" i "Gore" v romane T. Garipovoy "Burenushka"* [Figurative and evaluative characteristics of the concepts "joy" and "grief" in the novel *Buryonushka* by T. Garipova]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 9–2. pp. 267–278.
16. Bazhenova, I.S. (2004) *Oboznacheniya emotsiy v khudozhestvennom tekste: pragmaticheskiy aspekt* [Designations of emotions in a literary text: A pragmatic aspect]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
17. Kobernik, L.N. (2007) *Chuvstva i emotsii v interpretatsii russkoy dialektnoy metafory* [Feelings and emotions in the interpretation of the Russian dialect metaphor]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
18. Filatova, I.M. (2017) Characteristic of a person: The emotional concept of "pity" in the Don Cossack dialects. *Studentcheskiy elektronnyy zhurnal "Strizh"*. 4–2 (15). pp. 42–45. (In Russian).
19. Prikhod'ko, V.K. (2013) A lexical-semantic group having "love" as its basic cognitive component, in the Dictionary of Russian Dialects of the Amur River Region. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Scholarly Notes of Komsomolsk-na-Amure State Technical University*. 4 (16). pp. 41–48. (In Russian).
20. Ivantsova, E. (2016) Linguistic personality of dialect speaker as a new object of dialectological researches. *Dialectologia: revista electrònica*. Summer. 17. pp. 91–109. [Online] Available from: <http://www.publicacions.ub.edu/revistes/dialectologia17/> (Accessed: 20.09.2020).
21. Gyngazova, L.G. (2015) [Figurative interpretation of the inner sphere of a person in the discourse of the language personality of a dialect speaker]. *Yazyk i dinamicheskaya kartina mira* [Language and a dynamic picture of the world]. Proceedings of the International Conference. Minsk. 1–3 April 2014. Minsk: Minsk State Linguistic University. pp. 179–187. (In Russian).
22. Zemicheva, S.S. (2016) *Pertseptivnaya kartina mira dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Perceptual picture of the world of a dialect language personality]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes]. Vol. 4. 4th ed. Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy.
24. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete dictionary of a dialect language personality]. Vols 1–4. Tomsk: Tomsk State University.
25. Karaulov, Yu.N. (1976) *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moscow: Nauka.

Received: 30 November 2020

Я.В. Малькова

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ): СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

Изучается языковой образ недоброжелательно настроенного человека в этнолингвистическом ключе. Основным материалом выступают данные русских народных говоров. Совокупность признаков, составляющих портрет недружелюбного человека, выявляется на основе семантико-мотивационного анализа лексем и фразеологизмов. Осуществляются реконструкция и этимологическая интерпретация ряда языковых фактов, до сих пор не описанных исследователями с точки зрения происхождения.

Ключевые слова: русская диалектная лексика; этнолингвистический портрет; семантико-мотивационная реконструкция; лексика эмоций.

Недоброжелательность – многоаспектное понятие, которое связано как с внутренним миром человека, так и с его социальным существованием. Неприязненно настроенный человек обращает на себя внимание в обществе, поскольку он нарушает «обыкновенный» уклад и представления о взаимодействии между членами социума. Формируется определенный набор черт, который связывается в народном сознании с образом человека, который неприязненно настроен по отношению к другим. Этот образ закрепляется в языке и может быть реконструирован, в частности, с помощью семантико-мотивационного анализа. В статье будет предпринята попытка такой реконструкции на основе данных русских диалектов.

Внимание к материалам говоров обусловлено гипотезой о специфике воплощения представлений о недоброжелательности в традиционной культуре. Деревенский социум, как кажется, гораздо в большей степени, чем, к примеру, современное городское пространство, ориентирован на поддержание добрых взаимоотношений. В условиях сосуществования на ограниченной территории, тесного знакомства всех жителей деревни друг с другом и коллективного труда дружелюбие становится важнейшим качеством. Пренебрежение установленным типом поведения, в свою очередь, должно привлекать к себе внимание и, возможно, вызывать осуждение.

Как известно, исследователи нередко обращаются к изучению языковых портретов тех или иных социальных типов, реконструируя на основе лексико-фразеологических данных совокупность «портретных» черт. Так, к примеру, были исследованы образы интеллектуально неполноценного человека [1], обманщика [2], соперницы в любви [3], опытного человека, трудолюбивого и ленивого человека, изгоя (см. эти и ряд других в [4]) и т.д. Методике реконструкции портрета на материале образов священнослужителей посвящена диссертация Н.А. Сеницы [5]. При этом «совокупный» образ недоброжелателя ранее не рассматривался.

Цель данной статьи – сконструировать образ недоброжелательного человека на основе семантико-мотивационных отношений слов, принадлежащих

данному отрезку языкового пространства. В ходе работы решаются этимологические задачи в применении к названному материалу и осуществляется реконструкция ряда лексем.

В статье мы будем руководствоваться методикой этнолингвистического портретирования, которая использовалась в диссертациях Ю.А. Кривошаповой и Н.А. Сеницы. Этнолингвистический портрет включает в себя комплекс признаков, полученных на основе анализа мотивационных отношений определенных лексем, а также совокупность представлений, существующих в языке культуры в широком смысле [6]. В применении к нашему материалу это означает, что, помимо собственно рассмотрения семантико-мотивационных линий избранной для анализа группы слов, мы будем обращаться также в некоторых случаях к более широкому культурному фону. В частности, в рамках избранного для анализа отрезка семантического пространства это становится необходимым при этимологической интерпретации тех или иных лексем.

Если говорить о логической структуре «сценария недоброжелательности», то в ней можно выделить следующие компоненты: собственно эмоциональное состояние; носитель эмоции; объект, на который направлено чувство. Как уже было отмечено, мы сосредоточимся на конструировании заключенного в языке образа неприязненно настроенного человека. Попробуем очертить круг идеограмм, который позволит осуществить названную цель.

Очевидно, что наибольшее внимание должно быть уделено лексемам, соответствующим такому компоненту прототипической ситуации, как субъект. Это слова с дефинициями 'недоброжелатель', 'недоброжелательница', 'недружелюбный / недоброжелательный / неблагожелательный / неприязненно настроенный человек'. Сюда же примыкают лексемы, служащие для обозначения признаков, характеризующих эмоции субъекта чувствования или черты его поведения ('недружелюбный', 'неблагожелательный', 'недоброжелательный'). Наконец, небезынтересно обратиться к лексемам с семантикой 'недружный'. Они отражают представления об отношениях, которые сопровождаются взаимной неприязнью, несогласием.

Как кажется, образ недоброжелательного человека не может быть сложен также без обращения к характеристикам поведения, поэтому мы будем рассматривать глаголы с дефиницией 'выражать неприязнь', а также наречия образа действия с соответствующей семантикой.

Собственно номинации эмоционального отношения (несмотря на то, что чувства относятся непосредственно к сфере субъекта ситуации) мы рассматривать не будем. В данном случае мы исходим из понятия точки зрения. Когда речь идет непосредственно об эмоциональном мире человека, номинацию, как кажется, чаще создает собственно субъект чувствования. В пример можно привести такие лексемы, как карел. *душá не рóбит* 'быть нерасположенным к чему-, кому-н.; душа не лежит' [7. Т. 5. С. 533], перм. *насёрдка* 'недоброжелательность; злоба' [8. Вып. 1. С. 568–568] (т.е. чувство расположено буквально «на сердце»). В номинациях же, связанных с обозначением неприязненно настроенного человека и его поведения, зачастую фиксируется отношение к такому человеку со стороны других членов общества, например арх. *вредной* 'недоброжелательный, неприязненно настроенный, дурной (о человеке)' [9. Вып. 6. С. 20–21], арх. *задélyваться* 'вести себя недружелюбно' [9. Вып. 16. С. 219–220].

Наибольшему вниманию со стороны языка подвергается **поведение неприязненного настроенного человека**. Во внутренней форме изучаемых лексем наиболее часто запечатлевается именно представление о действиях недоброжелателей.

Так, неблагожелательность выражается, прежде всего, в **недружелюбном взгляде**: печор. *как рублем одарить* ирон. 'посмотреть недоброжелательно': *Настáсья-то на меня вчерáсь взглянула как рублём одарила; было бы из-за чего ревновать, нужен мне ёйный мужик* [10. Т. 1. С. 329] (т.е. презрительно, как на нищего), перм. *глядеть сентябрём* 'быть хмурым; выражать неудовольствие, недружелюбие': *Посылали меня картовки караулить, ловить, кто воровать будет. Девка я, чё, не пошла – потом зачнут на меня сентябрём глядеть* [11. С. 81]. Как отмечает М.В. Ясинская, взгляд в традиционной культуре, подобно другим действиям, подвергается регламентации [12. С. 112].

Особо здесь выделяются помор. *коситься* 'ссориться, жить недружелюбно' [13. С. 184] ← 'посматривать искоса, сурово бросать беглым взглядом, злобно смотреть' [13. С. 184], помор. *косуха* 'та, которая злая, недружелюбная' [14. С. 73], арх. *на косых* 'враждебно, неприязненно' [15. С. 203], *накось* 'то же' [16. Вып. 19. С. 344–345], омск. *скосо* 'недоброжелательно, искоса': *А нехороша девушка была, свекровь скосо глядит* [16. Вып. 38. С. 110]. В данном случае реализуется мотив кривизны, в языковых фактах отражено наблюдение над поведением недоброжелательного человека, его непрямым взглядом, «исподлобья». По утверждению С.М. Толстой, в таких выражениях (обозначающих недоброжелательный взгляд) мы сталкиваемся скорее с вторичными значениями, однако «все же "пространственный" компонент значения в них в какой-то степени присутствует»

[17. С. 278]. Вторично возникшие смыслы же, по-видимому, в данном случае связаны с коннотацией «ненормативности» кривизны в славянской культуре [17. С. 279].

Представление о взгляде искоса фиксируют и лексемы с другими корнями, например влад. *искобénиться* 'неприязненно или высокомерно покоситься на кого-либо, состроив гримасу': *Я было к нему, а он так искобенился, что поглядеть страшно* [16. Вып. 12. С. 216] ← перм., урал., сиб., волог. 'изогнуться, искривиться' [16. Вып. 12. С. 216], ср. также устар. простореч. *кобénить* 'корчить, сводить судорогами' [18. Т. 5. С. 1083], смол. *из-под лóктя поглядывать (выглядывать, смотреть)* 'косо, недоброжелательно смотреть, относиться к чему-либо': *Банки уши с-над локтя выглядывыють, зляца* [19. Вып. 6. С. 47].

Однако, как нам кажется, здесь могут обнаруживать себя следы мифологических представлений о сглазе. Как известно, сглаз может быть вызван взглядом другого человека. Так, по результатам исследования М.В. Ясинской, «опасным считается взгляд, характеризующийся какими-либо особенностями (какой взгляд): исподлобья, <...> пристальный, слишком долгий взгляд на что-либо или кого-либо» [12. С. 134–135]. Подобные лексемы (фиксирующие аномальный взгляд) мы находим и в нашем материале: перм. *выбуриуть глаза* 'посмотреть исподлобья: недоверчиво, недружелюбно': *Кика-то, не тем помянена, до че, покойная, злая была. Скажешь че не в поправу, дак так и выбуриуть глаза* [8. Вып. 1. С. 131] ← урал. *выбуриувать* 'высматривать' [16. Вып. 5. С. 250], волог. *озыриться* 'взглянуть сердито, недружелюбно' [16. Вып. 23. С. 102], бурят. *сглядный* 'недоброжелательный, неразговорчивый': *Сосед больно сглядный, все недоволен, косо смотрит* [16. Вып. 37. С. 22]. Все они создаются путем семантической конденсации: усиление признака ведет к приобретению негативного значения.

Отметим, что мотив сглаза эксплицитно выражен в контекстах к исследуемым лексемам: волог. *несмила* 'недружелюбно': *Несмила взглянет на тебя человек хитрый, ты заболеешь – озык-от¹ будёт* [20], новг. *круто* 'с неприязнью': *Бывает, кто идет, взглянет на него круто, тот и упадет. Тоже его сглазили* [21. С. 466–467].

Однако недоброжелательный человек может предпочитать вообще не смотреть на объект неприязни, что, по-видимому, отражается в словах, входящих в гнездо *видеть*: арх. *ненавистливый* 'недоброжелательный, злой, бранчливый' [16. Вып. 21. С. 91], ряз., омск. *ненавистной* 'недоброжелательный, злой', ср. также перм. *на глаза не принимать* 'испытывать сильную неприязнь к кому-, чему-л.' [11. С. 295], разг. *злая бы не видели*.

Недоброжелательный человек зачастую выражает свое недовольство **вербально**, например волог. *фуньгáстый* 'недоброжелательный, неприветливый' ← 'ворчливый; постоянно недовольный' [16. Вып. 49. С. 179]. Благожелательность порождает стремление к осуждению и сплетням: волог., курган. *пересудливый* 'любящий обсуждать (обычно недоброжелательно) чьи-либо поступки, слова, действия, посплет-

ничать' [16. Вып. 26. С. 234] ← литер. *судить* 'осуждать, укорять, обвинять в чем-н.' [22. С. 956], *осуждать*. Другой пример: помор. *кичковать* 'жить недружно, постоянно ссориться, обижаться друг на друга' [14. С. 66] ← олон. *кичкать* 'дразнить (произнося слова кич-кич, киц-киц)' [16. Вып. 13. С. 248] ← карел. *киц-киц*, олон. *киць-киць* 'слово, которым подзывают овец' [16. Вып. 13. С. 244], беломор. *кыча-кыча* 'то же' [16. Вып. 16. С. 207], арх. *кычи* 'слово, которым подзывают домашнюю птицу' [16. Вып. 16. С. 208]. В последнем случае перенос происходит на основании сем 'дразнить' и 'обижаться' (с последующим смысловым развитием).

В печор. фразеологическом сочетании *как злая мельница* 'недоброжелательный, злой человек' [10. Т. 1. С. 308], по-видимому, образ *мельницы* используется для передачи идеи деструктивного воздействия, которая связана с представлениями о речевой агрессии: *Ругачий был мужик, всех-то выкостить² успева́л, как зла мельница* [10. Т. 1. С. 308].

В том случае, когда напряжение в межличностном взаимодействии достигает определенного предела, могут возникать обоюдные упреки – споры (карел. *спорный* 'недружный': *Помню, старики говорили: «Баен много, дак спорна деревня»* [7. Т. 6. С. 267] ← 'задиристый, любящий спорить' [7. Т. 6. С. 267]) и ссоры (ср.-урал. *наперекосердиях* 'недружно': *Жывём с соседом, друг з друшке не ходим, жывём наперекосердиях* [23. Т. 2. С. 177] ← алт., том., амур., курган., тобол., челяб., волог. *перекосердие(ве)* 'возражение, пререкание, перекоры; ссора' [16. Вып. 26. С. 130]).

Накопец, переосмысление может вызвать **внешний вид человека**, как в тюмен., тобол., ряз., ср.-прииртыш. *сурьёзно* 'угрюмо, недоброжелательно, сердито' [16. Вып. 42. С. 291], волог. *серьёзный* 'суровый, недоброжелательный' [7. Т. 6. С. 74–75], ряз., твер. *сурьёзный* 'угрюмый, необщительный, недружелюбный (о человеке)' [16. Вып. 42. С. 291] ← 'выглядящий глубокомысленно, сосредоточенно'. Внешняя строгость (или же вдумчивое настроение) может интерпретироваться как недоброжелательность, ср. также контекст *Она такая на взгляд несоюзливая, смотрит угрюмо* [23. Т. 2. С. 206].

По портретному принципу³, по-видимому, создавались волог., свердл., ср.-урал., *бутузиться* 'хмуро, недружелюбно смотреть' [16. Вып. 3. С. 314–315], перм., волог. *бутуситься*, арх. *бутуситься* 'то же' [16. Вып. 3. С. 315] ← арх., волог., новг., яросл., олон., новг. *бутус*, волог., перм., свердл. *бутус* 'хмурый, необщительный человек, глядящий исподлобья' [16. Вып. 3. С. 314] ← оренб., влад., ряз., калуж., смол. *бутуз*, тамб., курск. *бутус* 'полный, толстый человек' [16. Вып. 3. С. 314]. Подобное соотношение признаков может отражаться и в лексической семантике слов, принадлежащих данной группе, ср. забайкал. *пигляк* 'о толстом, низкорослом и недоброжелательном человеке' [16. Вып. 27. С. 20].

Наиболее близко к характеристикам поведения в исследуемом фрагменте лексической системы стоят лексемы, вписывающиеся в зоологический код.

По признаку разъяренного внешнего вида, представляемой опасности недоброжелательный человек

сравнивается с волком (арх. *волчаной* 'недружелюбный, злой, неприветливый' [25. Т. 2. С. 176]) или с быком (перм. *как бык* 'с недружелюбным видом, надувшись' [8. Вып. 1. С. 71]). Идея проявляемой агрессии отражается в арх. *забодаться (забыдаться)* 'о недружном совместном проживании': *Были бы рошки, дак, навёрно, забодались бы* [9. Вып. 15. С. 120–121], арх. *как косые коровы* 'о людях, которые живут недружно, враждуют': *Коровы там выйдут на пастбище и начнут бодаться, так и люди: стали жить как косы коровы* [25. Т. 5. С. 24]. Представление о шумных ссорах между людьми, испытывающими неприязнь друг к другу, заключается в смол. *слово собаки скрозь сгороду (жить)* 'недружно (жить)' [16. Вып. 38. С. 296].

Как мы видим, в осмыслении недоброжелательности играет немалую роль указание на **агрессию недружелюбно настроенного человека**, исходящую от него опасность, что реализуется также в ряде лексем с корнем *-вред-*: перм. *вредник* 'недоброжелательный, неприязненно настроенный мужчина', *вредительница* 'недоброжелательная, неприязненно настроенная женщина' [26. Вып. 1. С. 288], арх. *вредной* 'недоброжелательный, неприязненно настроенный, дурной (о человеке)', ср. арх. *вредной* 'социально опасный', 'способный причинить ущерб' [9. Вып. 6. С. 20–21].

Внутренняя форма арх. *заёдливый* 'недоброжелательный, злой' [9. Вып. 16. С. 347], свердл. *наедушный* 'недоброжелательный, злой' [27. С. 321], по-видимому, несет в себе семантику нанесения вреда объекту неприязни, *недоброжелательный* человек буквально «съедает» того, к кому испытывает *неприязнь*, ср. также литер. *грызть кого-л.* 'наедать кому-л. постоянными придирками, упреками, бранью; раздражать' [18. Т. 3. С. 452].

Мотивационно значимыми, по-видимому, оказались семы 'резкий', 'опасный' для смол. *крутэль* 'злой, недоброжелательный человек' [16. Вып. 15. С. 324], новг. *круто* 'с неприязнью' [21. С. 466–467].

Как уже было отмечено, неприязненность нарушает значительным образом традиционный уклад в обществе, определенным образом противоречит устоям, таким как общежитие, социальность в том понимании, которое предлагает Т.В. Леонтьева. Социальность, по определению исследовательницы, – это «качество, обеспечивающее непротиворечивое существование человека в общине» [29. С. 25]. Именно поэтому во внутреннюю форму лексем многообразно закладываются **социальные смыслы**, традиционные воззрения на общественные нормы, жизнь среди других людей. Обратимся к рассмотрению основных моделей.

Отсутствие добрых взаимоотношений отражается, прежде всего, в дериватах корня *друг-*: арх. *недружливый* 'недружный': *Какие все недружливые, несуседливые* [16. Вып. 21. С. 37], перм. *недружелюбливый* 'недружелюбный' [8. Вып. 1. С. 587], без указ. места *несдружливый* 'недружелюбный, неприветливый' [16. Вып. 21. С. 150].

Более того, недоброжелательность может приводить к **нарушению связей с социальной группой**, в которой человек существует. Это представление раскрывается в лексике, образованной от слова *союз*,

такой как карел. *несоюзный* 'неприветливый, недружный': *Какой народ противный, несоюзный, с людьми-то негожа, не любя людей* [7. Т. 4. С. 13], ср.-урал. *несоюзливый* 'неуживчивый, недружелюбный' [23. Т. 2. С. 206], перм. *несоюзно* 'недружно': *Оне братья, а как-то несоюзно жили, всё аркались⁴. Сошлись опять, лико че делаюь, аркаются, готовы порвать друг дружку* [СПГ 1: 11, 593].

В гнезде **mil-* (волог. *несміла* 'недружелюбно' [20]) исходными значениями были 'дружба, дружественный, полюбовный союз', 'связь' [30. Вып. 19. С. 46–48], т.е. первоначально существовала идея принадлежности к определенной группе.

В мотивационных отношениях лексем, принадлежащих данному отрезку семантического пространства, реализуется **оппозиция свой / чужой**. Недоброжелательный человек относится к чужому пространству: арх. *несвóчатый* 'о недружелюбном, замкнутом человеке; о человеке, который не поддерживает семейные отношения' [20] (< *не свой*), ср., например, карел. *свояк* 'местный житель': *Много ли здесь в деревне? Свояков знают, а чужой приехал – все видят* [7. Т. 6. С. 20].

Неприятно настроенные люди **не стремятся к непротиворечивому существованию с другими членами общины**. Так, например, без указ. места *нелюд* 'дурной народ, недоброжелательные люди' [16. Вып. 21. С. 75] относится к гнезду **lud-*. Е. Л. Березович указывает, что в лексемах этой группы «заострено внимание на способности вести себя, как положено среди людей, уживаться с людьми – соответствовать социально закрепленным нормам взаимоотношений» [31. С. 100]. *Нелюд* – это те члены общества, которые не следуют правилам, принятым в обществе.

Недоброжелательно настроенные люди не имеют желания советоваться с членами своей семьи (костром., самар., смол. *несоветный* 'несогласный, недружный': *Не спрашивают друг дружки, дак несоветная семья* [16. Вып. 21. С. 158], арх. *семья бессоветная* 'недружная семья, где происходят разногласия, ссоры' [16. Вып. 2. С. 277], вят. *несоветно* 'недружно' [32. Вып. 5. С. 237]), приходиться к миру и согласию с односельчанами в целом (арх. *несогласный* 'несговорчивый, недружелюбный; немирный' [20], волог. *несогласованный* 'недружный' [7. Т. 4 С. 13], костром., новг, енис. *несогласливый* 'неуживчивый, недружный' [16. Вып. 21. С. 158], пск., смол. *немирный* 'недружественный, неприятный' [16. Вып. 21. С. 81]).

Помимо акционального, поведенческого выражения недоброжелательности значимым оказывается вообще участие человека в социальной жизни. Недружелюбные люди **не стремятся к поддержанию отношений с другими**: арх. *несуседливый* 'недружный' [16. Вып. 21. С. 169]. Подобное пренебрежение соседским отношениями воспринимается как аномалия, ср. контекст: *Черну-то деревню звали «злодейкой» – вот рядом жывёт сосед, а не дружым, то несоседливы* [9. Вып. 11. С. 55–56].

Если взаимодействие все же происходит, то оказывается, что недоброжелательный человек из-за сво-

его крутого нрава не способен поддерживать отношения с другими людьми, ср. смол. *разгониха* 'о женщине, которая своим поведением, неуживчивым нравом отталкивает от себя, разгоняет домочадцев' [16. Вып. 33. С. 309], нижегор. *разгонюшка* ласк. 'то же' [16. Вып. 33. С. 310].

Значительную роль в изучаемом отрезке семантического пространства играют пространственные образы. Недоброжелательность связывается с **разъединением и отдалением**: волог. *непадкой* 'нерасположенный': *Ваня-то непадкой до нас* [33. С. 291], новг. *несведённый* 'недружный, склонный к ссоре (о ребенке)' [16. Вып. 21. С. 148] (об этом мотиве подробнее см. в [34]).

Неприятно настроенный человек не способен существовать на общей с другими территории. Об этом свидетельствует курск., калуж., ворон. *несуютный* 'недружный, несогласный': *А другая заботушка – несуютная семейка* [16. Вып. 21. С. 169], которое имеет префиксы *не-* и *су-* и корень *-ют-*, представленный также, например, в русск. *ютиться* 'быть расположенным на небольшом пространстве', русск. яросл. *ютаться* 'быть, находиться большую часть времени где-л.' [35. Вып. 10. С. 89]. В данном случае мотивационным импульсом для переноса значения, по-видимому, стала мысль о том, что недоброжелательно настроенные друг к другу, недружные люди не могут находиться в одном пространстве.

Предложенную версию поддерживает собранные Топонимической экспедицией Уральского университета и, кажется, ранее не фиксировавшиеся костр. лексемы *прикаютный* 'приезжий, неместный': *Приколóтный буди это значит где-то не наши, откуда-то как-то он, не знаю – пристал ли, чего ли, сбоку, откуда-то появился. Приколóтный – не наши, деревенский, так жить приехал. Тут-то все свои, а он как приколóтный, приехал со стороны. Прикаютный, прикалитный, приколóтный – это одно и то же* [36], 'незванный (о госте)': *Прикаютный – как пришелец. Званого гостя ведь не назовут прикаютный, незванный как пришелец, тут никому ты не нужен* [36]. В данных словах мы видим префиксы *при-* и *ка-* и корень *-ют-*. Контексты ярко эксплицируют семантику общего пространства, по-видимому, заложенную как в корне лексемы *прикаютный*, так и *несуютный*. Однако в последнем случае, как уже было отмечено, подчеркивается идея избегания таких территорий со стороны недоброжелательно настроенных людей.

Недоброжелатель предпочитает уединяться в «собственном пространстве»: волог., арх., перм., сиб. *углан* 'угрюмый, недоброжелательный, злой человек' [16. Вып. 46. С. 201–202]. Подобное стремление к одиночеству отражается и в контекстной семантике: ср.-урал. *Сосетка у меня шыл-ко несоюзлива, не бывала у меня; Я вот несоюзна, ни с кем не буду разговаривать, всё одна да одна* [23. Т. 2. С. 206].

Пространственные образы оказываются тесно связанными с ритуалом гощения, который имеет четкую регламентацию в народной культуре. Отказ приходиться в гости или нежелание принимать в гос-

тях воспринимается как нарушение долга, важнейших социальных норм (см. об этом, например, [37. С. 73, 86–87]): перм. *сидеть на заперте (на крючке, под бадогами)* ‘жить за постоянно замкнутой дверью, что является символом негостеприимства, недружелюбия’ [11. С. 329–330], перм. *ноги не замётывать* ‘не бывать у кого-л. в знак выражения неприязни’ [11. С. 131].

С традицией встречи гостей, как кажется, связана перм. *воду со льдом подать* ‘принять кого-л. холодно, негостеприимно; относиться недоброжелательно’ [11. С. 273]. Так, К.В. Осипова (Пьянкова) отмечает, что «через “кулинарные” образы могут интерпретироваться <...> нормы социального поведения» [38. С. 125]. Недоброжелательно настроенный хозяин не угощает своего гостя должным образом, что оскорбляет, в свою очередь, последнего, ср. контекст: *Чего я к им ходить буду? Раз пришла, дак штоось воду со льдом подали* [11. С. 273]. См. о традиции угощения в народной культуре подробнее в [37. С. 181–191; 39. С. 190–192]. Кроме того, здесь реализуется мотив холода для обозначения эмоциональных состояний, о чем будет сказано ниже.

Однако пространственные образы несут идею ненормативности такого типа поведения. Недоброжелательность связывается с хаосом: новг. *нескладный* ‘недружный’ [21. С. 642], ростов., яросл. *хавос* ‘ссора, недружелюбные взаимоотношения’ [16. Вып. 49. С. 227] < хаос. Нарушение пространственного порядка символически связывается с нарушением общественного порядка: смол. *невлагодне* ‘недружно, не в ладах’ [19. Вып. 7. С. 704] ← южн. *лагода* ‘лад; лады, мир’ ← *лагода* ‘порядок, устройство’ [16. Вып. 16. С. 223]; ряз. *лад (ладу) не берет (не возьмет, не взял)* ‘о ком-либо, живущем недружно, несогласно’ [16. Вып. 16. С. 227] ← литер. *лад* ‘порядок, слаженность’ [18. Т. 6. С. 21]. Таким образом, можно говорить, что недоброжелательно настроенные люди нарушают установленный порядок, вступая в противоречивые отношения.

В пространстве лексики со значением недоброжелательности встречаются языковые факты, подвергшиеся деонимизации, например нижнепечор. *как Ага и Палага* ‘вести себя недружелюбно по отношению друг к другу’: *Жив как Ага и Палага, ругаются сю жизнь* [10. Т. 1. С. 297]. По-видимому, данный фразеологизм включает в себя деминутив к личному имени Пелагея – *Палага*. Второй компонент сочетания, возможно, создавался путем редупликации. Однако также стоит учесть, что также существует деминутив *Ага* к имени *Агния* (о парных сочетаниях с негативной семантикой писала также Л.А. Феоктистова [40, 41]).

Во внутреннюю форму исследуемых лексем могут закладываться **представления об ощущениях от общения с недоброжелательно настроенными людьми**, как, например, в арх. *остудный* ‘недоброжелательный, злой; вредный’ [16. Вып. 24. С. 92], сарат. *от кого-л. стужей несет* ‘о человеку, неприязненно относящемся к кому-ли’ [16. Вып. 42. С. 77], а также уже упоминавшееся перм. *воду со льдом подать*

‘принять кого-л. холодно, негостеприимно; относительно недоброжелательно’ [11. С. 273].

Думается, мотивационным импульсом для переноса значения стало то, что холод связывается с внутренним равнодушием человека к чему-либо, ср. курск. *постылица* ‘утрата расположения, любви’ [16. Вып. 30. С. 245]. Напротив, жар и тепло означают доброе, сердечное отношение к кому-либо, ср. *тёплый прием, согреть улыбкой*. Психологическую основу такого явления объясняет А.Х. Мерзлякова на примере переноса фр. *l'eau chaude* ‘теплая вода’ → *une chaude amitié* ‘теплая дружба’: «Перенос реализуется в результате возникновения в сознании симилятивной связи между двумя признаками, возбуждающими в памяти общее психологическое состояние», а именно приятное ощущение [42. С. 75].

Во внутреннюю форму исследуемых лексем может закладываться **аксиологическая оценка недоброжелательности**. Нарушение норм общежития, мирного сосуществования людей в социуме воспринимается как отступление от важнейших моральных принципов, совести, ср. карел. *несовестно* ‘недружно, ссорясь’ [7. Т. 4. С. 13]. Более того, недружное сосуществование оценивается как грех: *грешить* арх., карел., волог., мурман. ‘сориться, жить недружно’ [7. Т. 1. С. 394], перм. ‘то же’ [8. Вып. 1. С. 187], ср.-урал. ‘то же’ [23. Т. 1. С. 126], карел., арх. *грешиться* ‘то же’ [23. Т. 1. С. 396], ср. карел. контекст: *Дочка-то теперь больше в Медвежке живет, плохо с мужем, грешат всё* [7. Т. 1. С. 394].

В некоторых случаях **недоброжелательность может оцениваться символически**. В наименованиях субъектов неприязненности отражаются мифологические представления. Так, например, строится внутренняя форма волог. лексемы *лихоманка* ‘недоброжелательная, неприятная особа’: *Не добрая она для меня лихоманка* [33. С. 236]. Думается, что данное слово связано мотивационными отношениями со словами новг., волог. *лихо* бран. ‘нечистая сила, черт’ [7. Т. 3. С. 131], курск. *лихоман* ‘дьявол, черт’ [16. Вып. 17. С. 79], яросл. *лихоманник* ‘в суеверных представлениях – сверхъестественное существо, живущее в лесу, леший’ [16. Вып. 17. С. 80]. Как отмечают Е.Л. Березович и Л.Н. Виноградова, согласно славянской народной демонологии, черт может вселиться в тело человека, «одержимый чертом становится злым, агрессивным, склонным к дракам и убийству» [43. С. 525], ср. также влад. *ляд* ‘недоброжелатель’ ← диал. шир. распр. *ляд* ‘черт’ [16. Вып. 17. С. 259].

Тем не менее мы знаем, что неприязненный настрой к кому-либо зачастую в народной аксиологии связывается со злобностью человека, его агрессивным характером. Это зачастую отражает в комплексной семантике лексем, а также в контекстах, например арх. *заёдливой* ‘недоброжелательный, злой’: *Такóй нарóд зайёдливый, сáми себе задирáющая* [9. Вып. 16. С. 347], новг. *гады шипатые* ‘о злобных, недоброжелательных людях’: *Люди в Мануйлове очень неприветливые, враждебно настроенные против друиx; незнакомого человека рассматривают со стороны и перешиптываются. Это ведь гады шипатые, они и себя-то не любят* [21. С. 155]. Ввиду подобной связи

двух семантических областей можно предположить, что в качестве мотивирующего значения для волог. *лихомáнка* 'недоброжелательная, неприятная особа' могли выступать ярсл., волог., вост. *лихомáнник* 'злой, вредный человек, недоброжелатель' [16. Вып. 17. С. 80].

Третья версия связана с предположением об использовании приведенной лексемы как бранной. В таком случае возможно думать о возникновении экспрессивного образования от названия болезни: волог. *лихомáнка* 'лихорадка' [33. С. 236], обл. *лихомáнка* 'болезненное горячее состояние, лихорадка' [22. С. 411], ср. прост. бран. *веред, зараза, паршивец* и т.д.

Архаичные представления, по-видимому, отражены в арх. *тёмнокрóвой* 'человек с тяжелым, недоброжелательным характером' [44. С. 338]. Лексемы с корнями *тёмн-* и *крóв-* несут в себе семантику самых разных негативных эмоций (высокомерие, недоброжелательность, а также злоба, на что указывают *темнокрóвый* волог. 'полный злобы, злости, злой' [45. Т. 11. С. 14], новг., волог. 'злой, мстительный, мрачный' [16. Вып. 44. С. 29], ср. также новг. *змея темнокрóвая* 'бранное выражение': *Вот какая змея была темнокрóвая* [16. Вып. 44. С. 29]. Мотивация приведенных лексем, по-видимому, объясняется славянскими представлениями о том, что кровь является средоточием жизни, души [46. С. 677].

Негативная оценка черного цвета в культуре, по-видимому, стала мотивационным импульсом для возникновения арх. *чёрная деревня* 'недружное деревенское общество': *Чёрну́-то деревню звали «злоде́йкой» – вот рядом живёт сосёт, а не дру́жым, то несосе́дливы* [9. Вып. 11. С. 55–56]. О. В. Белова отмечает, что черный цвет у славян связывается со злобой [47. С. 514]. Символика черного в культуре, очевидно, сыграла роль и для формирования ворон. *кара́ка* 'о недоброжелательных и потому нелюбимых всеми людьми' [16. Вып. 13. С. 70], ср. литер. *кара́ковый* 'темно-гнедой, почти вороной, с подпалинами в пахах и на морде (о масте лошади)' [18. Т. 5. С. 800], ворон. *кара́ка* 'прозвище черноволосого, смуглого человека' [16. Вып. 13. С. 70].

Наконец, источником мотивации могут становиться и общие свойства тел и веществ. Так, например, перм. *коко́ра* 'о женщине недоброжелательной, неприязненно настроенной к другим': *Это уж така коко́ра; сама все време стонет и другим жизнь отравляет; шибко уж недовольная, вредная* [8. Вып. 1. С. 402], вероятно, развивается своим значением от перм. *коко́ра* 'о чем-л. твердом, жестком' [8. Вып. 1. С. 402], ср. литер. *жёсткий* 'суровый, резкий' [18. Т. 4. С. 94].

Заключение

Итак, нами был осуществлен семантико-мотивационный анализ русских диалектных лексем и фразеологизмов, которые называют недоброжелательно настроенного человека и его поведение. В ходе работы также была произведена семантико-мотивационная и этимологическая интерпретация ряда лексем и фразеологизмов, которые до сих пор не были прокомментированы в лингвистической литературе (*ки́чковать, буту́зиться, невлаго́дне, коко́ра, заёдливы́й, кара́ка, чёрная дере́вня, как А́га и Пала́га, несую́тный, прикаю́тный* и т.д.).

Проведенный анализ позволил нам реконструировать основные черты образа недоброжелателя в традиционной культуре. Воплощая представления о внешности недружелюбного человека, язык отмечает его хмурость и строгость, неприязненный взгляд. В своем поведении такой человек склонен к вербальному выражению неудовольствия, что может приводить к спорам, ссорам, разрыву отношений с окружающими. Недоброжелатель опасен, он способен к причинению физического вреда и наведению сглаза.

Если говорить о существовании неприязненно настроенного человека в обществе, то он предпочитает уединение нахождению среди односельчан, не поддерживает связи с ними. Другим людям также неприятно его общество. Недружелюбие оценивается негативно и воспринимается как отклонение от социальных и моральных норм.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Волог. *о́зык* 'сглаз' [20].

² Печор. *касти́ть, костить* 'ругать, бранить' [24. Т. 1. С. 305].

³ О подобном типе лексического значения, распространенном в диалектах, пишет О. В. Мищенко и называет его типажным. «Для диалектизмов такого рода весьма частотна ситуация, когда в лексическом значении представлен не отдельный признак, отражающий какую-либо внешнюю или внутреннюю человеческую черту, взятую отвлеченно (например, 'высокий', 'низкий' <...>), а комплексная характеристика человека, некий человеческий типаж» [28. С. 479].

⁴ Перм. *аркаться* 'сориться, грызться, ругаться' [8. Вып. 1. С. 11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович Е.Л., Леонтьева Т.В. Языковой образ дурака: этнолингвистический аспект // Язык культуры: семантика и грамматика: к 80-летию со дня рождения акад. Н.И. Толстого. М. : Индрик, 2004. С. 368–384.
2. Кучко В.С. Обман и обманщики в говорах вологодско-костромского пограничья // Живая старина. 2016. № 2 (90). С. 52–55.
3. Малькова Я.В. Соперничество в любви в зеркале диалектной лексики (на материале говоров Русского Севера) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 3. С. 47–56.
4. Еремина М.А., Леонтьева Т.В., Щетинина А.А. Галерея лингвистических портретов социальных типажей / отв. ред. Т.В. Леонтьева. Екатеринбург : Ажур, 2018.
5. Сеница Н.А. Портретирование как методика этнолингвистических исследований (на материале образов священнослужителей в славянских языках) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017.
6. Кривошапова Ю.А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
7. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А.С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

8. Словарь пермских говоров : в 2 вып. / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь : Книжный мир, 1999–2002.
9. Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовоой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. Вып. 1.
10. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. / сост. Н.А. Ставшина. СПб. : Наука, 2008.
11. Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002.
12. Ясинская М.В. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
13. Дуров И.М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / отв. ред. И.И. Муллонен. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011.
14. Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов. Мурманск : Мурман. КН. изд-во, 1979.
15. Грандилевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова : областной крестьянский говор. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1907.
16. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л.; СПб. : Наука, 1965. Вып. 1.
17. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М. : Индрик, 2008.
18. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. А.А. Шахматова. М.; Л. : Наука, 1948–1965.
19. Словарь смоленских говоров : в 11 вып. / отв. ред. Л.З. Бояринова, А.И. Иванова. Смоленск : СГПИ / СГПУ, 1974–2005.
20. Картоотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
21. Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН ; изд. подгот. А.Н. Левичкин и С.А. Мызников. СПб. : Наука, 2010.
22. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2007.
23. Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А.К. Матвеева. Свердловск : Среднеурал. кн. изд-во : Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.
24. Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л.А. Ивашко. СПб. : Филол. ф-т СПбГУ : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003–2005.
25. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева, М.Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. Т. 1.
26. Словарь русских говоров севера Пермского края / Перм. гос. ун-т ; гл. ред. И.И. Русинова. Пермь : ПГУ, 2011. Вып. 1.
27. Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996.
28. Мищенко О.В. Некоторые наблюдения над семантикой диалектных слов // В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / отв. ред. Е.Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 478–499.
29. Леонтьева Т.В. Лексика социальной регуляции в русских народных говорах / науч. ред. Е.Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013.
30. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974. Вып. 1.
31. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.
32. Областной словарь вятских говоров / ВятГГУ ; под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Киров : Коннетика : Изд-во ВятГГУ : Радуга-ПРЕСС, 1996. Вып. 1.
33. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А.И. Левичкин, С.А. Мызников. СПб. : Наука, 2006.
34. Малькова Я.В. Пространственные образы в обозначениях чувства отвращения, неприятия (на материале лексики русских народных говоров) // Научный диалог. 2018. № 12. С. 119–132.
35. Ярославский областной словарь : в 10 вып. / науч. ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль : ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1990.
36. Лексическая картоотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
37. Кабакова Г.И. Русские традиции застолья и гостеприимства. М. : Неолит; Форум, 2015.
38. Пьянкова К.В. Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.
39. Леонтьева Т.В. Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015.
40. Феоктистова Л.А. Еще раз о рус. диал. тюха-матюха (тюха-пантюха) // Научный диалог. 2017. № 10. С. 98–110.
41. Феоктистова Л.А. К этимологии рус. диал. тюха (да) матюха (-пантюха) да колунай с братом и под. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 61–69.
42. Мерзлякова А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков). М. : Едиториал УРСС, 2003.
43. Березович Е.Л., Виноградова Л.Н. Черт // Славянские древности: Этнолингв. словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого; редкол.: С.М. Толстая (отв. ред.), Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, В.Я. Петрухин. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М. : Междунар. отношения, 2014. С. 519–527.
44. Устьянский народный словарь / ред. А.А. Истомин [и др.]. 2-е изд., испр. Октябрьский : Устьяновский краеведческий музей [и др.], 2013.
45. Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Л.Ю. Зориной, Т.Г. Паникаровской. Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.
46. Белова О.В. Кровь // Славянские древности: Этнолингв. словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого; редкол.: С.М. Толстая (отв. ред.), Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, В.Я. Петрухин. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). М. : Междунар. отношения, 1999. С. 577–681.
47. Белова О.В. Черный цвет // Славянские древности: Этнолингв. словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого; редкол.: С.М. Толстая (отв. ред.), Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, В.Я. Петрухин. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М. : Междунар. отношения, 2014. С. 513–518.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 декабря 2020 г.

The Image of a Malevolent Person Based on Language Data: Semantic and Motivational Aspects

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 22–30.

DOI: 10.17223/15617793/462/3

Yana V. Malkova, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: yana-malkova@list.ru

Keywords: Russian dialect lexical units; ethnolinguistic portrait; semantic and motivational reconstruction; lexical units for emotions.

This study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00223.

The article aims at constructing the image of a malevolent person based on language data. Lexical and phraseological units, found in Russian dialect dictionaries and in the unpublished catalog of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University, are

the research materials. While studying the image of an unfriendly person, the author rests upon the method of ethnolinguistic portraiture that includes a semantic and motivational analysis of lexical and phraseological units belonging to the field and use of a wide cultural background. Besides, the work reconstructs and etymologically interprets a number of language facts. The article presents the material on the basis of the thematic principle. First, the author focuses on the interpretation of language facts that explicate ideas on the appearance and behavior of a hostile person. Then characteristics of the interaction of a malevolent person with the society come into the field of view. In conclusion, data that indicate the assessment of an unfriendly person by other members of society are given. As a result of the study, the author proves the existence of the specifics of the manifestation of a malevolent person's image in traditional culture. A malevolent person is attributed with certain behavioral features. In general, according to the language data, a malevolent person is characterized with dismal or mean appearance (Vologda region *ser' yoznyy* "tough, malevolent", Arkhangelsk region *volchanoy* "malevolent, mean, unfriendly"). A hostile person is attributed with a specific indirect type of looking (Pomor dialect *kosukha* "a mean, unfriendly woman"), which can witch you. A malevolent person can also express his/her displeasure verbally, by swearing, arguing, insulting others (Middle Ural dialect *naperekoserdnyakh* "disunitedly" ← Kurgan, Chelyabinsk, Vologda regions *perekoserdie*(*e*) "objection, bickering, squabble; quarrel"). The most important feature is aggression coming from this person (Perm region *vreditel' nitsa* "a malevolent, hostile woman"). A malevolent person can harm someone, that is why people are beware of him/her. An indication of a malevolent person's existence among fellow residents occupies an important place in his/her language portrait. In particular, such a person does not strive to comply with the society rules (Vyatka region *nesovetno* "disunitedly"), to preserve relations with others (Arkhangelsk region *nesusedlivyy* "disunited"), and that is why s/he becomes excluded from his/her group (Karelia region *nesoyuznyy* "unfriendly, disunited"). Other society members evaluate such malevolence manifestation as a violation of the most important rules and therefore disapprove of it (Karelia region *nesovestno* "disunitedly, arguing"). The article also interprets a number of lexical and phraseological units, which have not been commented in the linguistic literature (*kichkovat'*, *butuzit'sya*, *nevlagodne*, *kokora*, *zaedlivyy*, *karaka*, *chyornaya derevnya*, *kak Aga i Palaga*, *nesuyutnyy*, *prikayutnyy*, etc.), in a semantic and motivational and etymological way.

REFERENCES

1. Berezovich, E.L. & Leont'eva, T.V. (2004) Yazykovoy obraz duraka: etnolingvisticheskiy aspekt [Linguistic image of a fool: An ethnolinguistic aspect]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Yazyk kul'tury: semantika i grammatika: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya akad. N.I. Tolstogo* [Language of culture: Semantics and grammar: To the 80th anniversary of the birth of Academician N.I. Tolstoy]. Moscow: Indrik. pp. 368–384.
2. Kuchko, V.S. (2016) Obman i obmanshchiki v govorkh vologodsko-kostromskogo pogranich'ya [Deception and deceivers in the dialects of the Vologda-Kostroma borderland]. *Zhivaya starina*. 2 (90). pp. 52–55.
3. Mal'kova, Ya.V. (2019) Reflection of love rivalry in dialect lexis (Based on examples from the Russian north dialects). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 11 (3). pp. 47–56. (In Russian). DOI: 10.17072/2073-6681-2019-3-47-56
4. Eremina, M.A., Leont'eva, T.V. & Shchetinina, A.A. (2018) *Galereya lingvisticheskikh portretov sotsial'nykh tipazhey* [Gallery of linguistic portraits of social types]. Yekaterinburg: Azhur.
5. Sinitsa, N.A. (2017) *Portretirovanie kak metodika etnolingvisticheskikh issledovaniy (na materiale obrazov svyashchennosluzhiteley v slavyanskikh yazykakh)* [Portrayal as a technique of ethnolinguistic research (based on images of clergy in Slavic languages)]. Philology Cand. Diss. Ye kate-rinburg.
6. Krivoschapova, Yu.A. (2007) *Russkaya entomologicheskaya leksika v etnolingvisticheskom osveshchenii* [Russian entomological vocabulary in ethnolinguistic coverage]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
7. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey: v 6 t.* [Dictionary of Russian subdialects of Karelia and adjacent regions: In 6 volumes]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
8. Borisova, A.N. & Prokosheva, K.N. (eds) (1999–2002) *Slovar' permskikh govorov: v 2 vyp.* [Dictionary of Perm subdialects: In 2 volumes]. Perm: Knizhnyy mir.
9. Getsova, O.G. (ed.) (1980) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University.
10. Stavshina, N.A. (2008) *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Nizhney Pechory: v 2 t.* [Phraseological dictionary of Russian subdialects of the Lower Pechora: In 2 volumes]. St. Petersburg: Nauka.
11. Prokosheva, K.N. (2002) *Frazeologicheskii slovar' permskikh govorov* [Phraseological dictionary of Perm subdialects]. Perm: Perm State Pedagogical University.
12. Yasinskaya, M.V. (2015) *Predstavleniya o glazakh i zrenii v yazyke i traditsionnoy kul'ture slavyan* [Ideas of eyes and vision in the language and traditional culture of the Slavs]. Philology Cand. Diss. Moscow.
13. Durov, I.M. (2011) *Slovar' zhivogo pomorskogo yazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the living Pomor language in its everyday and ethnographic usage]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.
14. Merkur'ev, I.S. (1979) *Zhivaya rech' kol'skikh pomorov* [Live speech of the Kola Pomors]. Murmansk: Murman. KN. izd-vo.
15. Grandilevskiy, A. (1907) *Rodina Mikhaila Vasil'evicha Lomonosova: oblastnoy krest'yanskiy govor* [Homeland of Mikhail Lomonosov: Regional peasant subdialect]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.
16. Filin, F.P., Sorokotelov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk subdialects]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Nauka.
17. Tolstaya, S.M. (2008) *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshch斯拉vianskoy perspektive* [The space of word. Lexical semantics in a common Slavic perspective]. Moscow: Indrik.
18. Shakhmatov, A.A. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian standard language: In 17 volumes]. Moscow; Leningrad: Nauka.
19. Boyarinova, L.Z. & Ivanova, A.I. (eds) (1974–2005) *Slovar' smolenskikh govorov: v 11 vyp.* [Dictionary of Smolensk subdialects: In 11 volumes]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical Institute/University.
20. Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University. (n.d.) *The card file of the Dictionary of Dialects of the Russian North*. Yekaterinburg. (In Russian).
21. Levichkin, A.N. & Myznikov, S.A. (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod regional dictionary]. St. Petersburg: Nauka.

22. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2007) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with data on the origin of words]. Moscow: Azbukovnik.
23. Matveeva, A.K. (ed.) (1964–1987) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala: v 7 t.* [Dictionary of Russian subdialects of the Middle Urals: In 7 volumes]. Sverdlovsk: Sredneural. kn. izd-vo: Ural State University.
24. Ivashko, L.A. (ed.) (2003–2005) *Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory: v 2 t.* [Dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora: In 2 volumes]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University: St. Petersburg State University.
25. Matveev, A.K. & Rut, M.E. (eds) (2001) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vol. 1. Yekaterinburg: Ural State University.
26. Rusinova, I.I. (ed.) (2011) *Slovar' russkikh govorov severa Permskogo kraja* [Dictionary of Russian dialects of the north of Perm Krai]. Vol. 1. Perm: Perm State University.
27. Matveev, A.K. (ed.) (1996) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala. Dopolneniya* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals. Supplements]. Yekaterinburg: Ural State University.
28. Mishchenko, O.V. (2017) Nekotorye nablyudeniya nad semantikoy dialektnykh slov [Some observations on the semantics of dialect words]. In: Berezovich, E.L. (ed.) *V sozvezdii slov i imen: sb. nauch. st. k yubileyu Marii Eduardovny Rut* [In the constellation of words and names: Collection of articles to the anniversary of Maria E. Ruth]. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 478–499.
29. Leont'eva, T.V. (2013) *Leksika sotsial'noy regulyatsii v russkikh narodnykh govorakh* [Lexicon of social regulation in Russian folk dialects]. Yekaterinburg: Russian State Vocational-Pedagogical University.
30. Trubachev, O.N. & Zhuravlev, A.F. (eds) (1974) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
31. Berezovich, E.L. (2007) *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and traditional culture: Ethnolinguistic studies]. Moscow: Indrik.
32. Dolgushev, V.G. & Smetanina, Z.V. (eds) (1996) *Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov* [Regional dictionary of Vyatka dialects]. Vol. 1. Kirov: Konnetika: Izd-vo VyatGGU: Raduga-PRESS.
33. Levichkin, A.I. & Myznikov, S.A. (2006) *Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiya. Po rukopisi P.A. Dilaktorskogo 1902 g.* [Dictionary of the regional Vologda dialect. Based on the 1902 manuscript by P.A. Dilaktorsky]. St. Petersburg: Nauka.
34. Mal'kova, Ya.V. (2018) Spatial images in nominations of feelings of disgust and rejection (On material of Russian dialect lexis). *Nauchnyy dialog*. 12. pp. 119–132. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-119-132
35. Mel'nichenko, G.G. (ed.) (1990) *Yaroslavskiy oblastnoy slovar': v 10 vyp.* [Yaroslavl regional dictionary: In 10 volumes]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical Institute.
36. Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University. (n.d.) *The lexical card file of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University*. Yekaterinburg. (In Russian).
37. Kabakova, G.I. (2015) *Russkie traditsii zastol'ya i gostepriimstva* [Russian traditions of feasts and hospitality]. Moscow: Neolit; Forum.
38. P'yankova, K.V. (2008) *Leksika, oboznachayushchaya kategorial'nye priznaki pishchi, v russkoy yazykovoy traditsii: etnolingvisticheskiy aspekt* [Vocabulary denoting categorical features of food in the Russian language tradition: An ethnolinguistic aspect]. Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
39. Leont'eva, T.V. (2015) *Modeli i sfery reprezentatsii sotsial'no-regulyativnoy semantiki v russkoy yazykovoy traditsii* [Models and spheres of socio-regulatory semantics representation in the Russian language tradition]. Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
40. Feoktistova, L.A. (2017) Once more on Russian dialect tyukha-matyukha (tyukha-pantyukha). *Nauchnyy dialog*. 10. pp. 98–110. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-98-110
41. Feoktistova, L.A. (2018) On the etymology of Russian dialectal tyukha (da) matyukha, tyukha (da) pantyukha (da kolupay s bratom) and others. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. pp. 61–69. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/434/7
42. Merzlyakova, A.Kh. (2003) *Tipy semanticheskogo var'irovaniya prilagatel'nykh polya "Vospriyatie" (na materiale angliyskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Types of semantic variation of the adjectives of the field "perception" (on the material of English, Russian and French)]. Moscow: Editorial URSS.
43. Berezovich, E.L. & Vinogradova, L.N. (2014) Chert [Chort]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingv. slovar'* [Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. pp. 519–527.
44. Istomin, A.A. et al. (eds) (2013) *Ust'yanskiy narodnyy slovar'* [Ustyansky folk dictionary]. 2nd ed. Oktyabrsky: Ustyansky Museum of Local Lore.
45. Zorina, L.Yu. & Panikarovskaya, T.G. (eds) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov: v 12 t.* [Dictionary of Vologda dialects: In 12 volumes]. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute/University.
46. Belova, O.V. (1999) Krov' [Blood]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingv. slovar'* [Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. pp. 577–681.
47. Belova, O.V. (2014) Chernyy tsvet [Black color]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingv. slovar'* [Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. pp. 513–518.

Received: 01 December 2020

М.И. Павликова, О.В. Фролова, Е.Е. Ляксо

ИНТОНАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧИ ДЕТЕЙ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект 18-18-00063.

Изучены интонационные характеристики речи детей 5–7 лет с умственной отсталостью и типичным развитием. На основе результатов перцептивного и инструментального анализа получены данные об особенностях интонационных характеристик речи детей с умственной отсталостью по сравнению с интонационными характеристиками речи типично развивающихся сверстников. Описаны интонационные контуры частоты основного тона ударных гласных в интонационно выделенных словах высказываний детей.

Ключевые слова: интонационные характеристики детской речи; умственная отсталость; перцептивный эксперимент; акустический спектрографический анализ.

Введение

Речь является одним из главных показателей развития ребенка. Она реализует коммуникативную, информативную и познавательную деятельность, необходимую для выживания и адаптации ребенка в социуме [1].

В исследованиях речи много внимания уделяется интонации как средству выражения смысла высказываний [2, 3]. В сформированной речи интонация позволяет понимать смысл высказывания и различать повествовательное, повелительное, вопросительное предложения и незавершенное значение фразы.

Под интонацией понимают совокупность мелодики, ритма, темпа, интенсивности, акцентного строя, тембра и других просодических элементов речи. Словесное ударение и выделение определенных слов в предложении (фразовое ударение) служат интонационными приемами для передачи конкретного смысла в устной речи. В русском языке словесное ударение приписано определенному слогу и является его обязательным элементом. Считается, что словесное ударение выполняет «словоопознавательную» функцию [4]. Основным акустическим параметром различения ударных и безударных гласных в русском языке считается длительность [5]. Отношение длительностей ударного и безударного гласных слова является наиболее постоянным, не зависящим ни от темпа произнесения, ни от индивидуальных произносительных особенностей диктора признаком [6].

Интонационный акцент, направленный на фокус высказывания, представляет собой фразовое ударение. Такое ударение часто реализуется за счет перелома тона [7], которое может происходить как в сторону повышения, так и в сторону понижения. Считается, что в русском языке интегральное восходящее движение тона является показателем вопроса, тогда как нисходящее – показателем утверждения. Кроме того, показателем акцента могут быть и другие характеристики (интенсивность звукового сигнала, длительность фонации) [7]. Фразовые акценты могут помогать членить высказывание на группы. Так, короткое одноакцентное предложение представляет собой одну интонационную группу или фразу, тогда как

более сложное может подразделяться на несколько фраз (по числу фразовых акцентов). Незавершенность высказывания обычно реализуется за счет восходящего тона в конце не последней интонационной группы внутри предложения.

Понятие эмоциональной интонации, производимой и обрабатываемой независимо от лингвистических аспектов речи, поддерживается нейропсихологическими исследованиями. Исследования вокальных коррелятов эмоциональных выражений [8] показывают, что изображаемые эмоции влияют на параметры частоты основного тона (ЧОТ), такие как средний уровень ЧОТ и диапазон ЧОТ. На материале немецкого языка показано, что уровень эмоционального напряжения тесно связан с характеристиками ЧОТ: чем выше значения средней ЧОТ и диапазон ЧОТ, тем выше уровень эмоционального напряжения. На материале японского языка показано, что изменение частоты основного тона имеет ключевое значение для восприятия эмоций говорящего [9]. Эмоции также оказывают влияние и на другие интонационные параметры, такие как интенсивность и длительность различных сегментов речи.

Обучение правильной интонации конкретного языка происходит уже на самых ранних этапах онтогенеза ребенка. Считается, что эту функцию выполняет материнская речь, обращенная ребенку [10]. Преувеличение просодических характеристик в речи, обращенной к младенцам, может быть полезным для разделения речевого потока на сегменты. Разговаривая с детьми, матери используют преувеличенную длительность гласных, чтобы обозначить границы высказываний [11]. Известно, что матери говорят с детьми более высоким голосом, диапазон ЧОТ выше, длительность пауз больше, длительность высказываний меньше, чем в речи, обращенной взрослым [12]. Интонационные контуры в речи, обращенной младенцам, более вариативны, чем в речи, обращенной взрослым, что может способствовать освоению детьми интонационных характеристик языка [13]. При взаимодействии с детьми более старшего возраста – дошкольниками и младшими школьниками – характеристики материнской речи изменяются [14]: обращаясь к типично развиваю-

щимся (ТР) детям с более низким уровнем речевого развития, матери выделяют голосом отдельные слова, растягивают в них гласные. Показаны особенности речи матерей детей с расстройствами аутистического спектра и синдромом Дауна: значения длительности и ЧОТ высказываний матерей детей с расстройствами аутистического спектра выше, чем соответствующие параметры высказываний матерей здоровых детей; у матерей детей с синдромом Дауна длительность пауз между фразами в высказывании выше, чем у матерей ТР детей [14].

Для детей с ограниченными интеллектуальными способностями характерна задержка в речевом развитии, которая касается разных областей: синтаксиса, накопления словарного запаса, разборчивости речи [15–17], описан дефицит фонологической рабочей памяти [18, 19]. Значительное количество работ посвящено особенностям интонации у детей с синдромом Дауна [20], синдромом Вильямса [21], расстройствами аутистического спектра [22]. Показаны особенности формирования интонационной стороны речи у детей со специфическими нарушениями речи и языка [23]: в большей степени страдает слуховая память и просодические характеристики, связанные с прагматической функцией речи. 10–14-летние дети со специфическими нарушениями речи и языка, дислексией способны понимать и повторять высказывания с определенной интонацией, однако у таких детей нарушена связь между просодикой, синтаксисом и прагматикой по сравнению с типично развивающимися сверстниками [24].

В литературе отсутствуют данные о формировании интонации у русскоязычных детей с легкой степенью умственной отсталости, не связанной с генетическими синдромами и серьезными неврологическими нарушениями (например, детский церебральный паралич), основанные на инструментальном анализе детской речи.

Цель настоящего исследования заключалась в сравнении интонационных характеристик речи детей 5–7 лет с типичным развитием и умственной отсталостью легкой степени.

Методика

В исследовании приняли участие 20 детей 5–7 лет: 10 детей (5 девочек и 5 мальчиков) с типичным развитием (группа ТР) и 10 детей (6 мальчиков и 4 девочки) с диагнозом «умственная отсталость легкой степени» (группа УО, F70 по МКБ-10). Умственная отсталость не связана с генетическими или тяжелыми неврологическими нарушениями. Речевой материал детей взят из базы данных AD-CHILD.RU [25]. Аудио и видеозаписи ТР детей осуществляли в детском саду, детей с УО – в детском доме в модельной ситуации «диалог с взрослым»: взрослый задавал, а ребенок отвечал на вопросы об играх, друзьях, прогулках, посещении детских театров, музеев, цирка, зоопарка. Взрослый чередовал общие и специальные вопросы, что позволяло при стандартном наборе вопросов охватить широкий спектр тем диалогов. Использовали

аппаратуру: видеокамеру SONY HDRCX560E и цифровой магнитофон Marantz PMD660 с выносным микрофоном SENNHEIZER e835S.

Поведено два исследования: перцептивный эксперимент и инструментальный спектрографический анализ речи детей: из диалога ребенка с взрослым отбирали ответные реплики (высказывания) детей – по 10 реплик каждого ребенка, без посторонних шумов и наложений голосов.

В перцептивном эксперименте приняли участие 10 аудиторов – исследователей с опытом работы с детской речью, 3 мужчин и 7 женщин в возрасте 22–45 лет. Аудиторы прослушивали каждую реплику ребенка с использованием наушников Sennheizer произвольное число раз и заполняли анкету, в которой отмечали:

- 1) понятен или нет смысл высказывания ребенка;
- 2) тип предложения (повествовательное, вопросительное, восклицательное);
- 3) эмоциональность высказывания – эмоциональное / спокойное;
- 4) наличие незавершенных предложений.

Аудиторы также определяли интонационно выделенные слова в высказывании (слова, на которые, по мнению аудиторов, ребенок ставил фразовое ударение). Интонационно выделенные слова, однозначно определенные более 75% аудиторов (с вероятностью более 0,75), обозначали как интонационно выделенные слова первого порядка; слова, отмеченные 30–75% аудиторов (с вероятностью 0,3–0,75), – как интонационно выделенные слова второго порядка.

Инструментальный анализ высказываний детей произведен в программе Praat v. 5.3.64 (www.praat.org). Определяли показатели:

- 1) длительность высказывания;
- 2) длительность гласных в словах;
- 3) значения ЧОТ – среднее, максимальное и минимальное значение ЧОТ высказывания; диапазон ЧОТ, как разность между максимальным и минимальным значением ЧОТ в высказывании;
- 4) диапазон ЧОТ гласных, как разность между максимальным и минимальным значением ЧОТ на ударном гласном;
- 5) тип контура ЧОТ ударных гласных интонационно выделенных слов. Выделяли следующие типы контура ЧОТ ударных гласных [26]: 1) подъем – повышение ЧОТ, значения ЧОТ изменяются не менее чем на 10 Гц; 2) спад – понижение ЧОТ, значения ЧОТ изменяются не менее чем на 10 Гц; 3) куполообразный – изменение с подъема на спад ЧОТ; 4) ровный – значения ЧОТ изменяются не более чем на 10 Гц; 5) U-образный – изменение ЧОТ со спада на подъем (рис. 1).

Сравнивали значения длительности гласных, диапазона ЧОТ гласных у ударных и безударных (предударных и заударных) гласных в словах (для описания словесного ударения); сравнивали характеристики ударных гласных в интонационно выделенных словах первого и второго порядка и словах, которые аудиторы не относили к интонационно выделенным (для описания особенностей фразового ударения).

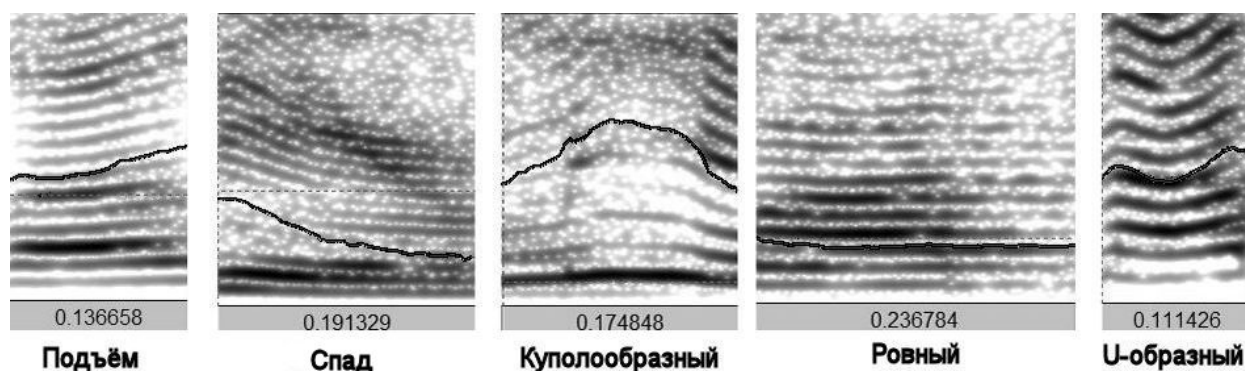

Рис. 1. Типы контура ЧОТ на ударных гласных интонационно выделенных слов в высказываниях детей: динамическая спектрограмма с наложенной кривой ЧОТ (тонкая линия); цифрами указана длительность гласных в секундах

Полученные данные обрабатывали статистически (в программном пакете Statistica). Осуществлялся анализ данных с использованием дисперсионного анализа (ANOVA), апостериорного сравнения групповых средних (post-hoc сравнение методом LSD Фишера) и методов непараметрической статистики (критерий разности долей, метод Манна–Уитни, метод Краскела–Уоллиса и метод Хи-квадрат).

Результаты

1. Перцептивный эксперимент.

На основании анализа ответов аудиторов установлено, что реплики детей группы ТР представляли собой понятные по смыслу (96,0% ответов аудиторов) повествовательные предложения (98,1% ответов). Восклицательные (1,7%) и вопросительные предложения (0,2%) встречались значительно реже. В 7,1% ответов аудиторов высказывания детей группы ТР характеризовались как незаконченные предложения.

Смысл многих реплик детей группы УО был непонятен аудиторам (35,4% реплик). Повествовательные предложения у детей с УО встречались реже, чем у детей группы ТР (71,9% ответов аудиторов), чаще аудиторы отмечали наличие вопросительных (8,7%) и восклицательных предложений (20,3%). По количеству незаконченных высказываний (10,6%) значимых отличий между группами детей с ТР и УО не выявлено ($p > 0,05$, критерий разности долей).

46,4% высказываний ТР детей и 67,4% высказываний детей с УО характеризовались аудитором как эмоциональные. Дети группы УО произносили эмоциональные высказывания достоверно чаще, чем ТР дети ($p = 0,0000$ критерий разности долей).

Количество высказываний, содержащих интонационно выделенные слова первого порядка, в группе ТР (90%) детей значимо выше, чем в группе детей с УО (60%) ($p = 0,0000$ – критерий разности долей).

2. Данные инструментального спектрографического анализа.

Длительность высказываний детей группы ТР составила 0,145–16,700 с (в среднем $2,180 \pm 0,115$ с). У детей с УО длительность высказываний составила 0,165–8,610

с (в среднем $1,605 \pm 0,067$ с). Различия между группами детей достоверны (тест Манна–Уитни: $U = 72843,20$; $p = 0,0074$). Выявлены индивидуальные особенности детей: у девочки с УО длительность высказываний соответствовала длительности высказываний ТР детей; у трех мальчиков группы с ТР длительность высказываний меньше, чем у остальных детей с ТР, и не превышала длительность высказываний детей с УО.

Средние, максимальные и минимальные значения ЧОТ высказываний детей с УО выше, чем у ТР детей ($p = 0,0000$, критерий Фишера) (рис. 2).

Средние значения ЧОТ в обеих группах значимо различались между детьми (ANOVA: $F(57, 528,58) = 8,6524$, $p = 0,0000$). У одного ребенка с УО средние значения ЧОТ высказываний значимо не отличались от значений ЧОТ в группе ТР детей и составляли 245 ± 5 Гц; у одного ТР ребенка средние значения ЧОТ высказываний (341 ± 7 Гц) не отличались от соответствующих значений ЧОТ в группе УО.

Значения диапазона ЧОТ и стандартное отклонение ЧОТ в группе детей с УО выше, чем у ТР детей: для диапазона ЧОТ – ANOVA: $F(1, 197) = 26,304$, $p = 0,00000$, для дисперсии ЧОТ – Тест Левена: $F(1, 197) = 9,98$, $p = 0,0018$.

Значения длительности гласных ТР детей ($0,111 \pm 0,002$ с) ниже, чем значения длительности гласных детей с УО ($0,154 \pm 0,002$ с): тест Краскела–Уоллиса: $H(1, N = 1683) = 227,5567$, $p = 0,000$.

Сравнение характеристик ударных и безударных гласных в словах показало, что в словах ТР детей длительность ударных гласных ($0,135 \pm 0,003$ с) превышала длительность предударных ($0,090 \pm 0,004$ с) и заударных ($0,094 \pm 0,003$ с) гласных (тест Краскела–Уоллиса: $H(2, N = 834) = 146,6700$, $p = 0,000$), что нормативно для русского языка. У детей с УО наблюдалась та же тенденция: длительность ударных гласных ($0,186 \pm 0,004$ с) превышала длительность предударных ($0,127 \pm 0,003$ с) и заударных ($0,137 \pm 0,005$ с) (тест Краскела–Уоллиса: $H(2, N = 557) = 82,03482$, $p = 0,0000$). При этом различия в длительности ударных и безударных гласных выявлены у 50% детей с умственной отсталостью и у 80% детей с типичным развитием.

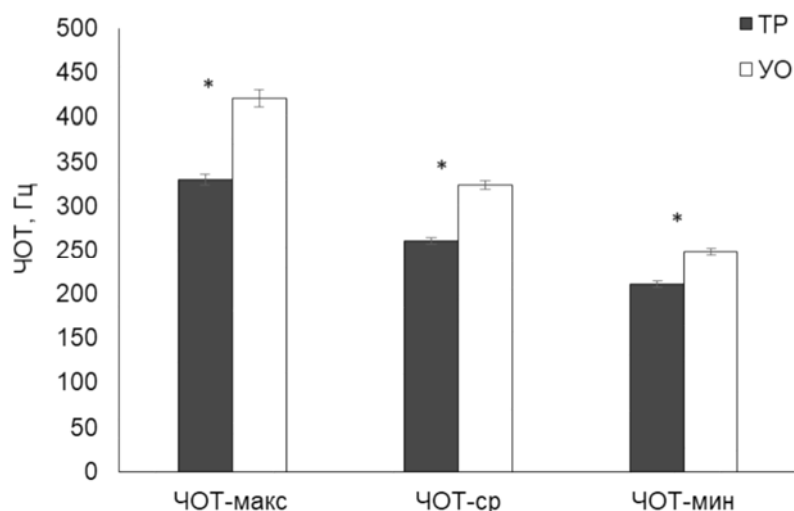

Рис. 2. Значения ЧОТ высказываний TR детей и детей с УО. Темные столбики – данные для TR детей, светлые – данные для детей с УО. На гистограмме: среднее \pm ошибка среднего. Ось абсцисс – параметры ЧОТ: максимальное, среднее и минимальное значение; ось ординат – частота, Гц; * – $p = 0,0000$, критерий Фишера

В обеих группах детей значения диапазона ЧОТ ударных гласных выше, чем на предударных и заударных гласных (ANOVA: $F(2, 707) = 3,0372, p = 0,04860$).

При этом, у детей с УО значения диапазона изменения ЧОТ ударных гласных выше, чем у TR детей ($p < 0,0001$ – post-hoc сравнение, критерий LSD Фишера) (рис. 3).

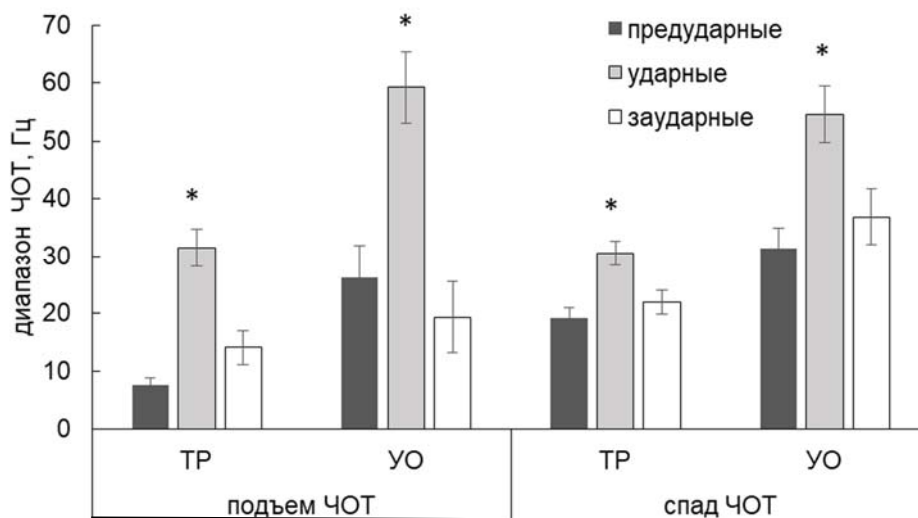

Рис. 3. Диапазон ЧОТ на предударных, ударных и заударных гласных в словах у детей с TR и УО. Ось абсцисс – характер изменения ЧОТ (подъем и спад) и группы детей (TR и УО); ось ординат – диапазон изменения ЧОТ, Гц; * – $p < 0,05$ – post-hoc сравнение, критерий LSD Фишера

Сравнение слов в высказываниях детей, на которые, по мнению auditors, падает фразовое ударение, и слов, не отмеченных auditors как интонационно выделенные, показало: в обеих группах детей длительность ударных гласных в интонационно выделенных словах первого порядка выше, чем в интонационно выделенных словах второго порядка; длительность ударных гласных в словах, которые ни одним аудитором не определялись как интонационно выделенные, – минимальна (тест Краскела–Уоллиса: $H(2, N = 417) = 52,02189, p = 0,0000$ для TR детей и $H(2, N = 298) = 29,93635, p = 0,0000$ для детей с УО) (рис. 4).

Различия в длительности ударных гласных между интонационно выделенными словами первого и второго порядка значимы только в высказываниях детей группы TR (тест Краскела–Уоллиса: $H(1, N = 190) = 12,11565, p = 0,0005$). Значения длительности ударных гласных в интонационно выделенных словах детей с УО выше ($0,228 \pm 0,013$ с), чем значения соответствующего параметра интонационно выделенных слов TR детей ($0,167 \pm 0,007$ с) (тест Краскела–Уоллиса: $H(1, N = 108) = 15,10475, p = 0,0001$).

Характер изменения ЧОТ (мелодический / интонационный контур) на ударных гласных интонационно

выделенных слов первого порядка (рис. 5) различается у ТР детей и детей с УО (критерий Хи-квадрат: 35,1187, $df=5$, $p = 0,000001$). У ТР детей наиболее часто

встречается подъем ЧОТ, а у детей с УО – спад. Кроме того, у детей с УО чаще, чем у ТР детей встречаются куполообразный и U-образный контур.

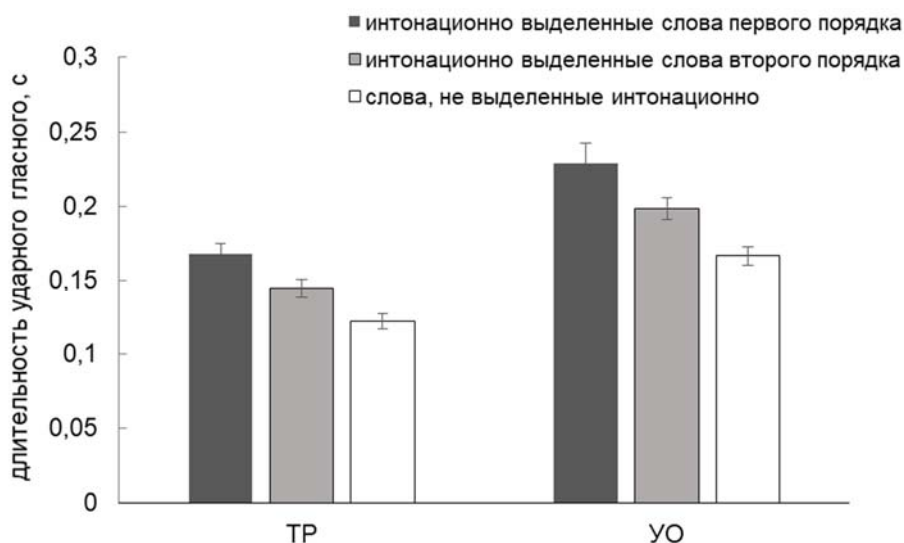

Рис. 4. Длительность ударных гласных в интонационно выделенных словах первого (черные столбики), второго (серые столбики) порядка и в словах, не выделенных интонационно (белые столбики, 0% ответов). Ось ординат – длительность ударного гласного, с

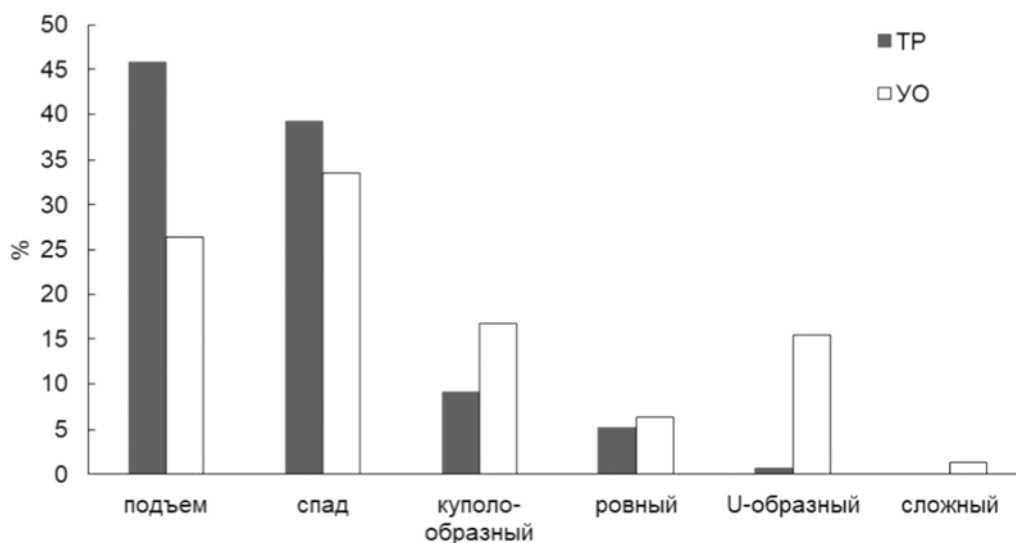

Рис. 5. Встречаемость типов контуров ЧОТ ударного гласного в интонационно выделенных словах первого порядка у детей с ТР и УО. По горизонтальной оси - тип мелодического контура; по вертикальной оси – количество ударных гласных с каждым типом контура ЧОТ, %

В группе ТР детей значения диапазона ЧОТ ударных гласных интонационно выделенных слов первого порядка значительно превышали значения диапазона ЧОТ ударных гласных в словах, не выделенных интонационно: тест Краскела–Уоллиса: $H(1, N = 83) = 27,16118$, $p = 0,0000$ – для ударных гласных с типом интонационного контура подъем ЧОТ; $H(1, N = 104) = 8,128479$, $p = 0,0044$ – для гласных

с типом интонационного контура спад ЧОТ. У детей с УО значения диапазона ударных гласных интонационно выделенных слов выше (рис. 6), чем у детей с ТР (тест Краскела–Уоллиса: $H(1, N = 57) = 5,454228$, $p = 0,0195$ – для ударных гласных с типом интонационного контура – подъем ЧОТ; $H(1, N = 48) = 4,993801$, $p = 0,0254$ – для гласных с типом интонационного контура спад ЧОТ).

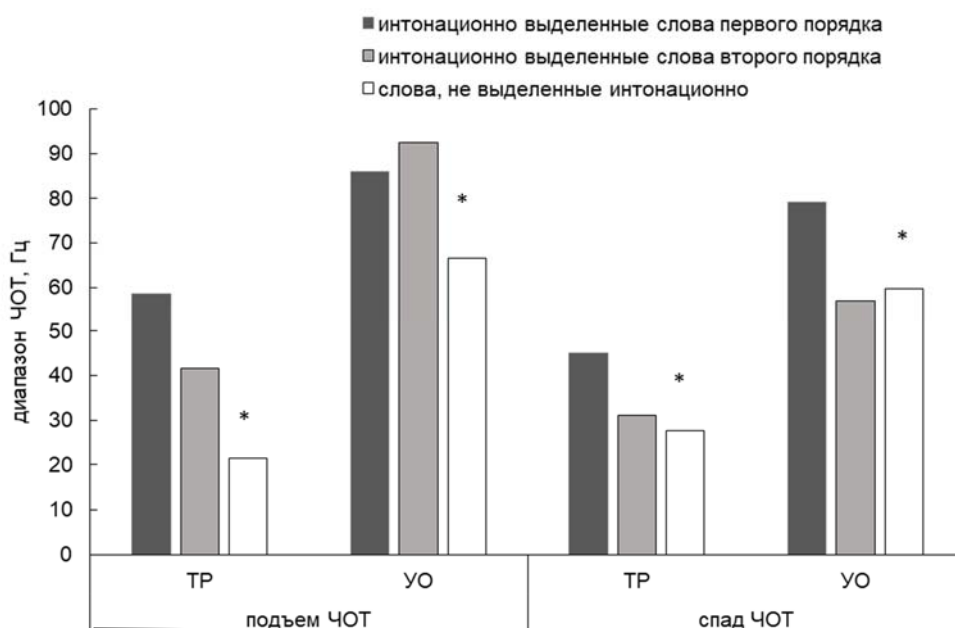

Рис. 6. Диапазон ЧОТ на ударных гласных интонационно выделенных слов первого, второго порядка и слов, не выделенных интонационно. Ось ординат – диапазон изменения ЧОТ, Гц; * – $p < 0,05$ – достоверные различия между интонационно выделенными словами и словами без интонационного выделения

Обсуждение

В работе получены сведения об особенностях интонационных характеристик речи детей с умственной отсталостью по сравнению со сверстниками с типичным развитием.

На основании перепитивного анализа показано, что взрослые носители языка характеризуют высказывания детей с УО как более эмоциональные, чем высказывания ТР детей. Аудиторы хуже понимают смысл высказываний детей с УО, чем ТР детей, с меньшей вероятностью выделяют слова, на которые падает фразовое ударение (интонационно выделенные слова) у детей с УО.

Дети с УО имеют более нестабильные показатели голоса, чем ТР дети: более высокие значения ЧОТ и диапазона ЧОТ высказываний, диапазона ЧОТ ударных гласных. С одной стороны, эти показатели могут являться характеристикой речи детей с УО, а с другой – следствием состояния повышенного эмоционального напряжения, в котором находятся дети с УО, что было подтверждено и данными перепитивного эксперимента. В интонационно выделенных словах детей с УО значения диапазона ЧОТ ударных гласных выше, чем в интонационно выделенных словах ТР детей. Разнообразие контуров ЧОТ ударных гласных в интонационно выделенных словах детей с УО выше, чем в интонационно выделенных словах детей с ТР. Однако это не приводит к высокой согласованности auditors при определении слов, на которые падает фразовое ударение у детей с УО.

В педагогической литературе отмечается, что речь детей с интеллектуальными нарушениями часто монотонная, маловыразительная, лишена сложных и тонких эмоциональных оттенков, в одних случаях замедленная, в других – ускоренная. У детей с нарушениями интеллекта наблюдаются бедность словарного запаса,

неточность употребления слов, трудности актуализации словаря, преобладание пассивного словаря над активным, нарушение процесса организации семантических полей [27, 28]. Указанные в литературе особенности интонации у детей с УО не полностью согласуются с данными нашего исследования, полученными на основании инструментального анализа речи: дети с УО демонстрировали повышенное интонирование (высокие значения диапазона частоты основного тона). Одним из объяснений данного факта может служить обширный диапазон тем диалогов, позволяющий ребенку в ответных репликах полно проявить возможности своего голоса. Однако ранее в специальных перцептивных экспериментах [29] показано, что взрослые носители языка характеризуют спонтанную речь детей с УО как более эмоциональную, чем речь их сверстников со смешанными специфическими расстройствами психологического развития и типичным развитием.

Свойственное русскому языку словесное ударение, связанное с увеличением длительности ударных гласных по сравнению с безударными гласными, сформировано не у всех детей. Как в группе УО, так и в группе ТР детей ударный гласный характеризуется повышением диапазона ЧОТ по сравнению с предударным и заударным гласным. В работе [30] показано, что длительность ударных и безударных гласных в норме различается уже у трехлетних детей. В нашей работе эта закономерность проявляется у большинства, но не у всех ТР детей и только у половины детей с УО. Ранее в специальном исследовании [31] показано, что ЧОТ ударных и безударных гласных различается в возрасте 4 и 5 лет, что не является нормативным для русского языка. В возрасте 6–7 лет разница между ЧОТ ударных и безударных гласных отсутствует [32]. Возможно, что показанное ранее [30, 32] отсутствие различий в ЧОТ ударных и безударных гласных дошкольников связано с тем, что оценивали

средние значения ЧОТ гласного, без учета диапазона ЧОТ и направления ее изменения. В нашей работе мы разделили изменение ЧОТ на гласных в сторону ее повышения (подъем ЧОТ) и понижения (спад ЧОТ) и определяли диапазон изменения ЧОТ в каждом случае отдельно. Насколько известно, ранее такой подход не применялся. Между тем известно, что нервные элементы коры головного мозга реагируют в большей степени именно на изменение ключевого показателя, а не на его стационарное значение [33]. Поэтому характер изменения ЧОТ в большую или меньшую сторону по сравнению с безударной позицией может служить дополнительным ключевым признаком словесного ударения. Проявляясь в трехлетнем возрасте, словесное ударение вследствие анатомических и физиологических причин продолжает формироваться вплоть до 7 лет, т.е. возраста, когда ребенок идет в школу – момента начала систематического обучения.

Данные перцептивного и инструментального анализа, полученные в работе, могут иметь значение при сравнительном анализе особенностей речи детей с умственной отсталостью и детей с расстройствами аутистического спектра [34, 35], синдромом Дауна [36] и другими нарушениями развития. В дальнейшем интонационные характеристики речи детей с различными диагнозами предполагается рассматривать в качестве дополнительных диагностических критериев нарушения развития [33–36].

На основании перцептивного эксперимента показано, что взрослые характеризуют высказывания детей с умственной отсталостью как менее понятные по смыслу и более эмоциональные, чем высказывания типично развивающихся детей. В высказываниях детей с УО носители языка с меньшей вероятностью, чем в высказываниях ТР детей, выделяют слова, на которые падает фразовое ударение (интонационно выделенные слова).

Значения длительности высказываний детей с УО ниже, значения длительности гласных – выше, чем у ТР детей. Значения средней, максимальной и минимальной частоты основного тона, диапазона частоты основного тона высказываний детей с УО выше, чем соответствующие параметры речи ТР детей. Значения длительности и диапазона частоты основного тона ударных гласных интонационно выделенных слов в высказываниях детей с УО выше, чем в высказываниях ТР сверстников. У ТР детей контур частоты основного тона ударных гласных в интонационно выделенных словах представлен в большинстве случаев подъемом частоты основного тона, у детей с УО – спадом частоты основного тона, у детей с УО чаще, чем у ТР детей встречаются куполообразный и U-образный контур частоты основного тона ударных гласных в интонационно выделенных словах в высказывании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батуев А.С., Галунов В.И., Ляско Е.Е. Психофизиологические аспекты формирования речи в онтогенезе. Вопросы и предположения // Мир психологии. 2003. № 2. С. 50–68.
2. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 176 с.
3. Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 307 с.
4. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М.: Высш. шк., 1979. 312 с.
5. Златоустова Л.В. Фонетическая природа русского словесного ударения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953. 23 с.
6. Бондарко Л.В., Вербичка Я. А., Щербакова Л. П. Об определении места ударения в слове // Известия АН СССР. 1973. Т. 32, вып. 2. С. 141–153.
7. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 592 с.
8. Banziger T., Scherer K.R. The role of intonation in emotional expressions // Speech Communication. 2005. Vol. 46. P. 252–267.
9. Li Y., Li J., Akagi M. Contributions of the glottal source and vocal tract cues to emotional vowel perception in the valence-arousal space // Journal of the Acoustical Society of America. 2018. Vol. 144, № 2. P. 908. DOI: 10.1121/1.5051323
10. Kemler-Nelson D.G., Hirsh-Pasek K., Jusczyk P.W., Cassidy K.W. How the prosodic cues in motherese might assist language learning // Journal of Child Language. 1989. Vol. 16, № 1. P. 55–68. DOI: 10.1017/s030500090001343x
11. Bernstein Ratner N. Durational cues which mark clause boundaries in mother-child speech // Journal of Phonetics. 1986. Vol. 14. P. 303–309.
12. Fernald A., Simon T. Expanded intonation contours in mothers' speech to newborns // Developmental Psychology. 1984. Vol. 20. P. 104–113. DOI: 10.1037/0012-1649.20.1.104
13. Räsänen O., Kakouros S., Soderstrom M. Is infant-directed speech interesting because it is surprising? – Linking properties of IDS to statistical learning and attention at the prosodic level // Cognition. 2018. Vol. 178. P. 193–206. DOI: 10.1016/j.cognition.2018.05.015
14. Lyakso E., Frolova O., Grigorev A., Gorodnyi V., Nikolaev A. Strategies of Speech Interaction between Adults and Preschool Children with Typical and Atypical Development // Behavior Sciences. 2019. Vol. 16, № 9 (12). pii: E159. DOI: 10.3390/bs9120159
15. Facon B., Facon-Bollengier T., Grubar J. C. Chronological age, receptive vocabulary, and syntax comprehension in children and adolescents with mental retardation // American Journal of Mental Retardation. 2002. Vol. 107, № 2. P. 91–98. DOI: 10.1352/0895-8017(2002)107<0091:CARVAS>2.0.CO;2
16. Mervis C.B., John A.E. Vocabulary abilities of children with Williams syndrome: strengths, weaknesses, and relation to visuospatial construction ability // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. 2008. Vol. 51, № 4. P. 967–982. DOI: 10.1044/1092-4388(2008/071)
17. Ypsilanti A., Grouios G. Linguistic profile of individuals with Down syndrome: comparing the linguistic performance of three developmental disorders // Child Neuropsychology. 2008. Vol. 14, № 2. P. 148–170. DOI: 10.1080/09297040701632209
18. Schuchardt K., Maehler C., Hasselhorn M. Functional deficits in phonological working memory in children with intellectual disabilities // Research in Developmental Disabilities. 2011. Vol. 32, № 5. P. 1934–1940. DOI: 10.1016/j.ridd.2011.03.022
19. Rosenquist C., Conners F.A., Roskos-Ewoldsen B. Phonological and visuo-spatial working memory in individuals with intellectual disability // American Journal of Mental Retardation. 2003. Vol. 108, № 6. P. 403–413. DOI: 10.1352/0895-8017(2003)108<403:PAVWMI>2.0.CO;2
20. Zampini L., Fasolo M., Spinelli M., Zanchi P., Suttora C., Salerni N. Prosodic skills in children with Down syndrome and in typically developing children // International Journal of Language and Communication Disorders. 2016. Vol. 51, № 1. P. 74–83. DOI: 10.1111/1460-6984.12186
21. Stojanovik V., Setter J., van Ewijk L. Intonation abilities of children with Williams syndrome: a preliminary investigation // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. 2007. Vol. 50, № 6. P. 1606–1617. DOI: 10.1044/1092-4388(2007/108)
22. Hubbard D.J., Faso D.J., Assmann P.F., Sasson N.J. Production and perception of emotional prosody by adults with autism spectrum disorder // Autism Research. 2017. Vol. 10, № 12. P. 1991–2001. DOI: 10.1002/aur.1847
23. Wells B., Peppé S.J. Intonation abilities of children with speech and language impairments // Speech, Language, and Hearing Research. 2003. Vol. 46, № 1. P. 5–20. DOI: 10.1044/1092-4388(2003/001)

24. Marshall C.R., Harcourt-Brown S., Ramus F., van der Lely H.K. The link between prosody and language skills in children with specific language impairment (SLI) and/or dyslexia // *International Journal of Language and Communicational Disorders*. 2009. Vol. 44, № 4. P. 466–488. DOI: 10.1080/13682820802591643
25. Lyakso E., Frolova O., Kaliyev A., Gorodnyi V., Grigorev A., Matveev Yu. AD-Child.Ru: Speech corpus for Russian children with atypical development // *Lecture Notes in Computer Science*. 2019. Vol. 11658. P. 299–308. DOI: 10.1007/978-3-030-26061-3_31
26. Павликова М.И., Макаров А.К., Ляксо Е.Е. Акустические характеристики вокализаций, отражающих дискомфортное и комфортное состояние младенцев трех- и шестимесячного возраста. // *Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова*. 2015. Т. 1016, № 8. С. 958–969.
27. Бекирова М.Э., Садлаева М.С. Развитие речи младших школьников с умственной отсталостью // *Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее* : сб. тр. конф. : в 2 ч. Пенза : Наука и Просвещение, 2017. С. 123–125.
28. Граборов А.Н. Очерки олигофренопедагогика. М. : Педагогика, 1951. 385 с.
29. Фролова О.В., Бедалова Ш.Г., Ляксо Е.Е. Особенности речевого развития детей дошкольного возраста с нарушениями развития, воспитывающихся в детском доме // *Речевые технологии*. 2018. № 1–2. С. 82–93.
30. Ляксо Е.Е., Григорьев А.С. Динамика длительности и частотных характеристик гласных на протяжении первых семи лет жизни детей // *Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова*. 2013. Т. 996, № 9. С. 1097–1110.
31. Lyakso E., Gromova A. The acoustic characteristics of Russian vowels in children of 4 and 5 years of age // *Psychology of Language and Communication*. 2005. Vol. 9, № 2. P. 5–14.
32. Lyakso E., Frolova O., Grigoriev A. The acoustic characteristics of Russian vowels in children of 6 and 7 years of age // *Interspeech-2009*. 2009. P. 1739–1742.
33. Батуев А.С. Нейрофизиология коры головного мозга: Модульный принцип организации. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 216 с.
34. Lyakso E., Frolova O., Grigorev A.A. Comparison of Acoustic Features of Speech of Typically Developing Children and Children with Autism Spectrum Disorders // *Lecture Notes in Computer Science*. 2016. Vol. 9811. P. 43–50. DOI: 10.1007/978-3-319-43958-7_4
35. Lyakso E., Frolova O., Grigorev A. Perception and acoustic features of speech of children with autism spectrum disorders // *Lecture Notes in Computer Science*. 2017. Vol. 10458. P. 602–612. DOI: 10.1007/978-3-319-66429-3_60
36. Lyakso E., Frolova O., Gorodnyi V., Grigorev A., Nikolaev A., Matveev Y. Reflection of the Emotional State in the Characteristics of Voice and Speech of Children with Down Syndrome. 2019 International Conference on Speech Technology and Human-Computer Dialogue (SpED). Timisoara, Romania. 2019. ID: 208208255. P. 1–6. DOI: 10.1109/SPED.2019.8906579

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 апреля 2020 г.

Intonation Characteristics of Speech in Children with Intellectual Disabilities

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 31–39.

DOI: 10.17223/15617793/462/4

Maria. I. Pavlikova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: alinnila@yandex.ru

Olga. V. Frolova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: olchel@yandex.ru

Elena. E. Lyakso, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: lyakso@gmail.com

Keywords: intonation characteristics of child speech; intellectual disabilities; perceptual experiment; acoustic spectrographic analysis.

This study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00063.

In the literature, data on the formation of intonation in Russian-speaking children with mild intellectual disabilities (mental retardation) without genetic syndromes and serious neurological disorders (for example, cerebral palsy) based on the instrumental analysis of children’s speech are absent. The aim of this study was to compare the intonation characteristics of speech in children, aged 5 to 7, with typical development and with mild intellectual disabilities. The participants of the study were 20 children aged 5 to 7: 10 children (5 girls and 5 boys) with typical development (TD group) and 10 children (6 boys and 4 girls) with mild intellectual disabilities (ID group, ICD-10-CM Code F70). Intellectual disabilities were not associated with genetic or severe neurological disorders (non-specific ID). Child speech was taken from the AD-CHILD.RU speech database. Audio and video recordings of speech and behavior of TD group children (in a kindergarten) and ID group children (in an orphanage) were made in the model situation of a “dialogue with an adult”. Two studies were conducted: a perceptual experiment (n=10 listeners – native speakers, researchers in the field of child speech development) and an instrumental spectrographic analysis of child speech. The instrumental analysis of speech was made in the Praat program. The duration of utterances and stressed vowels, pitch values (average, maximum and minimum), pitch range values of utterances, and pitch range values of vowels were analyzed. The perceptual experiment showed that the utterances of ID group children classified as less clear and more emotional than the utterances of TD group children. The task of phrase stress (words highlighted by voice) revealing was more difficult for adults when they were listening to the speech of ID group children vs. TD group children. In ID group children, the values of utterance duration are lower and the values of vowel duration are higher than in TD group children. The average, maximum, and minimum pitch values, the pitch range values of ID group children’s utterances are higher vs. the corresponding parameters of TD group children’s speech. The duration and pitch range values of stressed vowels from ID group children’s words highlighted by intonation are higher than these features of TD group children’s stressed vowels. The pitch contours of stressed vowels from TD group children’s words highlighted by intonation were presented in most cases by the rise of the pitch contour; the pitch contours of stressed vowels from ID group children’s words highlighted by intonation were presented by the fall of the pitch. The dome-shaped vowel pitch contour and U-shaped contour are more frequent in the speech of ID group children vs. TD group children. In the future, the intonation characteristics of speech of children with different diagnoses could be considered as additional diagnostic criteria of developmental disorders.

REFERENCES

1. Batuev, A.S., Galunov, V.I. & Lyakso, E.E. (2003) Psikhofiziologicheskie aspekty formirovaniya rechi v ontogeneze. Voprosy i predpolozheniya [Psychophysiological aspects of speech formation in ontogenesis. Questions and assumptions]. *Mir psikhologii*. 2. pp. 50–68.
2. Svetozarova, N.D. (1982) *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka* [The Russian intonation system]. Leningrad: Leningrad State University.
3. Bryzgunova, E.A. (1963) *Prakticheskaya fonetika i intonatsiya russkogo yazyka* [The Russian practical phonetics and intonation]. Moscow: Moscow State University.
4. Zinder, L.R. (1979) *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow: Vyssh. shk.

5. Zlatoustova, L.V. (1953) *Foneticheskaya priroda russkogo slovesnogo udareniya* [Phonetic nature of Russian word stress]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
6. Bondarko, L.V., Verbitskaya, L.A. & Shcherbakova, L.P. (1973) Ob opredelenii mesta udareniya v slove [On determining the place of stress in a word]. *Izvestiya AN SSSR*. 32 (2). pp. 141–153.
7. Kodzasov, S.V. & Krivnova, O.F. (2001) *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow: RSUH.
8. Banziger, T. & Scherer, K.R. (2005) The role of intonation in emotional expressions. *Speech Communication*. 46. pp. 252–267.
9. Li, Y., Li, J. & Akagi, M. (2018) Contributions of the glottal source and vocal tract cues to emotional vowel perception in the valence-arousal space. *Journal of the Acoustical Society of America*. 144 (2). p. 908. DOI: 10.1121/1.5051323
10. Kemler-Nelson, D.G., Hirsh-Pasek, K., Jusczyk, P.W. & Cassidy, K.W. (1989) How the prosodic cues in motherese might assist language learning. *Journal of Child Language*. 16 (1). pp. 55–68. DOI: 10.1017/s030500090001343x
11. Bernstein, R.N. (1986) Durational cues which mark clause boundaries in mother-child speech. *Journal of Phonetics*. 14. pp. 303–309.
12. Fernald, A. & Simon, T. (1984) Expanded intonation contours in mothers' speech to newborns. *Developmental Psychology*. 20. pp. 104–113. DOI: 10.1037/0012-1649.20.1.104
13. Räsänen, O., Kakouros, S. & Soderstrom, M. (2018) Is infant-directed speech interesting because it is surprising? – Linking properties of IDS to statistical learning and attention at the prosodic level. *Cognition*. 178. pp. 193–206. DOI: 10.1016/j.cognition.2018.05.015
14. Lyakso, E., Frolova, O., Grigorev, A., Gorodnyi, V. & Nikolaev, A. (2019) Strategies of Speech Interaction between Adults and Preschool Children with Typical and Atypical Development. *Behavior Sciences*. 16:9 (12). pii: E159. DOI: 10.3390/bs9120159
15. Facon, B., Facon-Bollengier, T. & Grubar, J.C. (2002) Chronological age, receptive vocabulary, and syntax comprehension in children and adolescents with mental retardation. *American Journal of Mental Retardation*. 107 (2). pp. 91–98. DOI: 10.1352/0895-8017(2002)107<0091:CARVAS>2.0.CO;2
16. Mervis, C.B. & John, A.E. (2008) Vocabulary abilities of children with Williams syndrome: strengths, weaknesses, and relation to visuospatial construction ability. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 51 (4). pp. 967–982. DOI: 10.1044/1092-4388(2008)071
17. Ypsilanti, A. & Grouios, G. (2008) Linguistic profile of individuals with Down syndrome: comparing the linguistic performance of three developmental disorders. *Child Neuropsychology*. 14 (2). pp. 148–170. DOI: 10.1080/09297040701632209
18. Schuchardt, K., Maehler, C. & Hasselhorn, M. (2011) Functional deficits in phonological working memory in children with intellectual disabilities. *Research in Developmental Disabilities*. 32 (5). pp. 1934–1940. DOI: 10.1016/j.ridd.2011.03.022
19. Rosenquist, C., Conners, F.A. & Roskos-Ewoldsen, B. (2003) Phonological and visuo-spatial working memory in individuals with intellectual disability. *American Journal of Mental Retardation*. 108 (6). pp. 403–413. DOI: 10.1352/0895-8017(2003)108<403:PAVWMI>2.0.CO;2
20. Zampini, L. et al. (2016) Prosodic skills in children with Down syndrome and in typically developing children. *International Journal of Language and Communication Disorders*. 51 (1). pp. 74–83. DOI: 10.1111/1460-6984.12186
21. Stojanovik, V., Setter, J. & van Ewijk, L. (2007) Intonation abilities of children with Williams syndrome: a preliminary investigation. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 50 (6). pp. 1606–1617. DOI: 10.1044/1092-4388(2007)108
22. Hubbard, D.J. et al. (2017) Production and perception of emotional prosody by adults with autism spectrum disorder. *Autism Research*. 10 (12). pp. 1991–2001. DOI: 10.1002/aur.1847
23. Wells, B. & Peppé, S.J. (2003) Intonation abilities of children with speech and language impairments. *Speech, Language, and Hearing Research*. 46 (1). pp. 5–20. DOI: 10.1044/1092-4388(2003)001
24. Marshall, C.R. et al. (2009) The link between prosody and language skills in children with specific language impairment (SLI) and/or dyslexia. *International Journal of Language and Communicational Disorders*. 44 (4). pp. 466–488. DOI: 10.1080/13682820802591643
25. Lyakso, E. et al. (2019) AD-Child.Ru: Speech corpus for Russian children with atypical development. *Lecture Notes in Computer Science*. 11658. pp. 299–308. DOI: 10.1007/978-3-030-26061-3_31
26. Pavlikova, M.I., Makarov, A.K. & Lyakso, E.E. (2015) Acoustic features of vocalizations, reflecting the discomfort and comfort state of infants aged three and six months. *Rossiyskiy fiziologicheskii zhurnal im. I.M. Sechenova – Russian Journal of Physiology*. 101B (8). pp. 958–969. (In Russian).
27. Bekirova, M.E. & Sadlaeva, M.S. (2017) [Speech development of junior schoolchildren with mental retardation]. *Nauka i obrazovanie: sokhranyaya proshloe, sozdaem budushchee* [Science and education: Preserving the past, creating the future]. Conference Proceedings. Penza: Nauka i Prosveshchenie. pp. 123–125. (In Russian).
28. Graborov, A.N. (1951) *Ocherki oligofrenopedagogiki* [Essays on oligophrenopedagogy]. Moscow: Pedagogika.
29. Frolova, O.V., Bedalova, Sh.G. & Lyakso, E.E. (2018) Speech development of preschool children with developmental disorders growing up in an orphanage. *Rechevye tekhnologii – Speech Technology*. 1–2. pp. 82–93. (In Russian).
30. Lyakso, E.E. & Grigor'ev, A.S. (2013) Dinamika dlitel'nosti i chastotnykh kharakteristik glasnykh na protyazhenii pervykh semi let zhizni detey [Dynamics of the duration and frequency characteristics of vowels during the first seven years of children's life]. *Rossiyskiy fiziologicheskii zhurnal im. I.M. Sechenova – Russian Journal of Physiology*. 99B (9). pp. 1097–1110.
31. Lyakso, E. & Gromova, A. (2005) The acoustic characteristics of Russian vowels in children of 4 and 5 years of age. *Psychology of Language and Communication*. 9 (2). pp. 5–14.
32. Lyakso, E., Frolova, O. & Grigoriev, A. (2009) The acoustic characteristics of Russian vowels in children of 6 and 7 years of age. *Interspeech-2009*. pp. 1739–1742.
33. Batuev, A.S. (1984) *Neyrofiziologiya kory golovnogo mozga: Modul'nyy printsip organizatsii* [Neurophysiology of the cerebral cortex: A modular principle of organization]. Leningrad: Leningrad State University.
34. Lyakso, E., Frolova, O. & Grigorev, A.A. (2016) Comparison of Acoustic Features of Speech of Typically Developing Children and Children with Autism Spectrum Disorders. *Lecture Notes in Computer Science*. 9811. pp. 43–50. DOI: 10.1007/978-3-319-43958-7_4
35. Lyakso, E., Frolova, O. & Grigorev, A. (2017) Perception and acoustic features of speech of children with autism spectrum disorders. *Lecture Notes in Computer Science*. 10458. pp. 602–612. DOI: 10.1007/978-3-319-66429-3_60
36. Lyakso, E. et al. (2019) Reflection of the Emotional State in the Characteristics of Voice and Speech of Children with Down Syndrome. *2019 International Conference on Speech Technology and Human-Computer Dialogue (SpeD)*. Timisoara, Romania. ID: 208208255. pp. 1–6. DOI: 10.1109/SPED.2019.8906579

Received: 25 April 2020

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И СМЫСЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИТАФИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕСТОВ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ КЛАДБИЩ ПЕРМСКОГО КРАЯ). ЧАСТЬ I

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 19-412-590001 «Вариативность региолекта: территориальный, социальный и когнитивный аспекты».

Представлена стилистическая классификация эпитафийных текстов, зафиксированных в ходе натурных обследований провинциальных кладбищ Пермского края в 2019 г. Классификация кладбищенской поэзии осуществляется по двум основаниям: характеру проявленности индивидуально-авторского начала и типу жанровой функции. Описанию поддаются не только выделенные группы текстов, но и явления переходного характера. Делаются наблюдения над генетикой и вариативностью эпитафий, их способностью входить в иные сферы танатологического дискурса.

Ключевые слова: лингвокультурология; городская культура; смерть; эпитафия; письменный фольклор; наивная поэзия.

Введение

В современной городской культуре символический язык похорон иной, нежели в традиционном сельско-деревенском быту. Эти различия обнаруживаются на разных уровнях похоронно-поминальной практики (языковом, акциональном, предметном и др.) и в разных ее аспектах (формально-структурном и содержательном). Значительный зазор между данными формами народной культуры имеется в плоскости значимости смысловых элементов, их синтагматических и парадигматических связях, наличии или отсутствию аналогов (лакунарности).

В городской культуре по-иному выведен «семиотический рисунок» похорон, одним из примечательных элементов которого является эпитафия. Задействованность данных текстов в оформлении надмогильных сооружений можно объяснить тесными связями городского народного творчества с информационной культурой (книжной, медийной), а через нее – с инокультурными традициями. В практическом смысле этому способствуют технологические средства, привлеченные к обслуживанию рынка ритуальных монументов.

Эпитафия имеет не только историко-историко-культурную, но и культурную ценность, даже если она нанесена на памятник обывателю. Посредством нее выражается личное чувство, облаченное в форму «своей» культуры – близкой адресату и адресанту, или одной из сторон послания. Таким образом, установление особенностей широкого эпитафийного наследия в конкретный исторический период ведет к пониманию картины мира представителей повседневности данного времени.

В современном научном исследовании эпитафийных текстов постепенно преодолевается этап накопления материала: ввод памятников в научный оборот осуществляется как отдельными учеными (например, [1, 2]), так и исследовательскими коллективами (Центр исследований эпиграфики в Университете Дмитрия Пожарского (Москва)). На фоне обширных публикаций эпиграфических источников все отчетливее встают проблемы теоретических подходов к его описанию – актуальные вопросы в изучении эпита-

фийных памятников ежегодно освещаются на страницах журнала «Вопросы эпиграфики» (2006–2016 гг.) и периодически всплывают в изданиях «Эпиграфика Востока» (с 1947) и «Нумизматика и эпиграфика» (с 1960 г.).

Однако проработка отдельных направлений эпитафийной эпиграфики осуществляется в разном объеме. В частности, видится значительный перекоп в качестве востребованного для исследований материала: в обстановке активного интереса к надгробным надписям прошлого и проблеме исторического развития жанра ощущается явный недостаток в изучении артефактов настоящего. «Можно говорить о некотором сложившемся исследовательском стереотипе: достойны изучения и представляют собой социокультурную ценность либо захоронения прошлых веков, либо современные некрополи, где похоронены известные люди» [3. С. 238].

Полагая, что массовая эпитафийная традиция может быть информативным источником о современной народной танатологии, мы обращаемся к анализу надписей провинциальных кладбищ в аспекте их стилистических свойств (I часть) и особенностей денотативного пространства (II часть). Конечной целью нашего исследования является выявление смысловых категорий в фольклорных эпитафиях и их интерпретация в свете лингвокультурологии. Достижение намеченных результатов послужит для характеристики похоронного символика в пределах городской культуры.

Материал для исследования мы собирали методом сплошной выборки на городских кладбищах Пермского края в 2019 г.: обследованию подверглись центральные некрополи Соликамска, Березников, Усоля, Добрянки, Кунгура. Отбор эпитафий ограничивался только стихотворными текстами, нанесенными на памятники 1970–2019 гг.¹

Производя полевой сбор эпитафий, мы не вдавались в вопрос их индивидуальной истории². Очевидно, что мотивы нанесения эпитафий на памятник и выбор текста в каждом из случаев продиктованы личными причинами. Заказчик ритуальных услуг может иметь вполне осознанное желание оформить памятник прощальным текстом и инициировать это пред-

ложение в агентстве. Резонность может поддерживаться объявленной прижизненно волей усопшего, стремлением близких выразить чувство утраты, представлениями о выполнении ритуала («так надо», «так принято»), эстетическими взглядами на украшение надгробия, подчеркиванием прижизненного статуса покойного через величину стоимости ритуального заказа и т.д. Напротив, рекомендация надписи может исходить от представителей ритуального агентства в целях продвижения платной услуги. И в этом случае аргументационные стратегии являются также разно-сторонними.

Текст эпитафии может быть результатом самостоятельного творческого акта (индивидуального или коллективного). Может заимствоваться (полностью или частично) с представляемых ритуальной фирмой образцов, интернет-сайтов, реальных надгробий. Может подбираться или писаться на заказ специализированными организациями или лицами, предоставляющими услуги по созданию текстов. Реальна и возможность последнего распоряжения усопшего по использованию определенного текста в оформлении памятника. Дополнительным фактором, которым ограничивается выбор или создание эпитафии, является стоимость, зависящая от ее буквенного объема.

Минуя вопрос об индивидуальной истории надписей, мы не пренебрегаем пропозиционными характеристиками, а напротив – принимаем во внимание все возможные (альтернативные) варианты. Просеянное через «решетку» разнообразных факторов множество реальных эпитафий есть результат общественных предпочтений, им определяется синхронный срез повседневной культуры города.

При синхроническом подходе к материалу закономерно лишено целесообразности и разрешение вопроса об изначальной «книжности» или «реальности» эпитафий, разрабатываемого в исторических исследованиях [4–6]. Учитывая интенсивное воздействие книжно-медийной культуры на жизнь современного горожанина, мы не пытаемся рафинировать распространенные кладбищенские тексты от нетрадиционных форм, а напротив – хотим показать сложность и неоднородность материала и, вместе с тем, пытаемся наметить границы его полей различной генетики и стилистических свойств.

Стилистическая классификация эпитафий

Вхождение в материал с позиций «совершенного выбора» отнюдь не означает признание всех собранных эпитафий письменным фольклором: среди них могут быть обезличенные творческие формы и тексты с явной индивидуальностью стиля. И если первые можно рассматривать как феномены актуальной городской культуры в ее постфольклорной проекции, то вторые в зависимости от профессионального уровня тяготеют к художественности или промежуточности формы (наивная поэзия). Следовательно, с одной стороны, произведенная выборка эпитафий требует классификации материала по характеру проявленности индивидуально-авторского начала на фольклорные и авторские.

С другой стороны, собранный корпус кладбищенской поэзии включает тексты разной жанровой судьбы. Для одних из них эпитафийная функция является исходной, а для других она вторична. Пренебрегать этим обстоятельством тоже невозможно, поскольку через него открываются особенности в развитии эпитафий как отдельной жанровой категории.

На пересечении двух оснований – по типу авторства, по жанровой функции – складываются выделяемые ниже классификационные группы³.

Фольклорные тексты, для которых эпитафийная функция является исходной

Это тексты, порожденные в народной среде и функционирующие в пространстве кладбища: *Не верим мы, что ты ушёл так рано. | В мир иной, где суждено всем быть. | И в сердце боль от нестерпимой раны, | которую ничем не излечить.* (18). Их трансляция осуществляется не только в реальных условиях, но и в интернете, что не приводит к смене жанрового статуса произведений. Фольклорные эпитафии – это письменное, а не сетевое творчество: будучи реальными феноменами, данные тексты становятся поистине фольклорными только тогда, когда преодолевают границы виртуальности.

Фольклорность современных эпитафий объективируется прежде всего в признаках анонимности, характерном наборе тем (ухода в другой мир и невозможности возврата, печали и скорби, невыразимости горя, вечной памяти, жестокости судьбы и др.), высокой степени формульности («вечная память», «любим, помним, скорбим», «светлый образ», «спи спокойно» и др.) и типизированности субъекта (стертой биографической, портретной и психологической характеристики). Это актуальные силовые точки, которыми сдерживаются границы жанра, берущего начало в античности [7].

Помимо стилистических свойств можно отметить высокую частотность данных эпитафий в интернет-пространстве, что в современных условиях трансляции культурных текстов также нельзя сбрасывать со счетов. Среди зафиксированных на пермских кладбищах надписей есть единичные и частотные варианты, но и те и другие широко бытуют в интернете. Если же углубляться в объяснительный потенциал частотности этих групп текстов, то за неоднократно воспроизводимыми в камне следует утвердить статус региональных маркеров времени, т.е. единиц культуры, демонстрирующих ее устойчивые (типичные) проявления в современном региональном пространстве: «*Как жаль, что твоя жизнь...*», «*Любим тебя, гордимся тобой...*», «*Нашу боль не измерить...*», «*Не выразить словами...*», «*Не слышно голоса родного...*», «*Прости, что не смогли помочь...*», «*Спи спокойно, любимый, родной...*», «*Тому, кто дорог был при жизни...*», «*Ты нас покинула, родная...*», «*Ты ушел из жизни слишком рано...*».

«Общеизвестность» фольклорных эпитафий снимает вопрос о субкультурной конкретности аудитории. Представления о нормативности подобного дискурса растворены в городской народной

среде. Носителями данной разновидности фольклора являются не социальные группы, а различные люди, в чьем сознании функционируют традиционные представления о мироустройстве (жизни живых и жизни мертвых).

Фольклорные эпитафии во многом этикетны: ориентация на диалогичность и реализация прямой речи – крайне заметные стилистические черты текстов нашего времени: *А ты стоишь перед глазами, | Живой, с улыбкой на устах. | Нет! Нет! Всегда ты вместе с нами, | И будешь жить у нас в сердцах.* (1). Данная форма является отработанным в обществе способом выражения личного чувства, а ее обезличенность – следствие коллективной универсальности. Будучи самым распространенным

типом текста в пространстве кладбища (по сравнению с иными поэтическими формами), фольклорная эпитафия тем самым репрезентирует доминирующую стратегию в рамках данной коллективной коммуникативной ситуации.

Благодаря общеизвестности и обезличенности произведения, организующие фольклорную группу, воспринимаются обывателем в целом как универсальное средство поминания. Красноречиво об этом говорит тот факт, что одни и те же тексты бытуют в разных сферах танатологического дискурса (например, кладбищенской, газетной, интернет-сетях) с разными задачами (например, эпитафийной, некрологической, кондоленциальной (слова соболезнования)) – см. рис. 1.

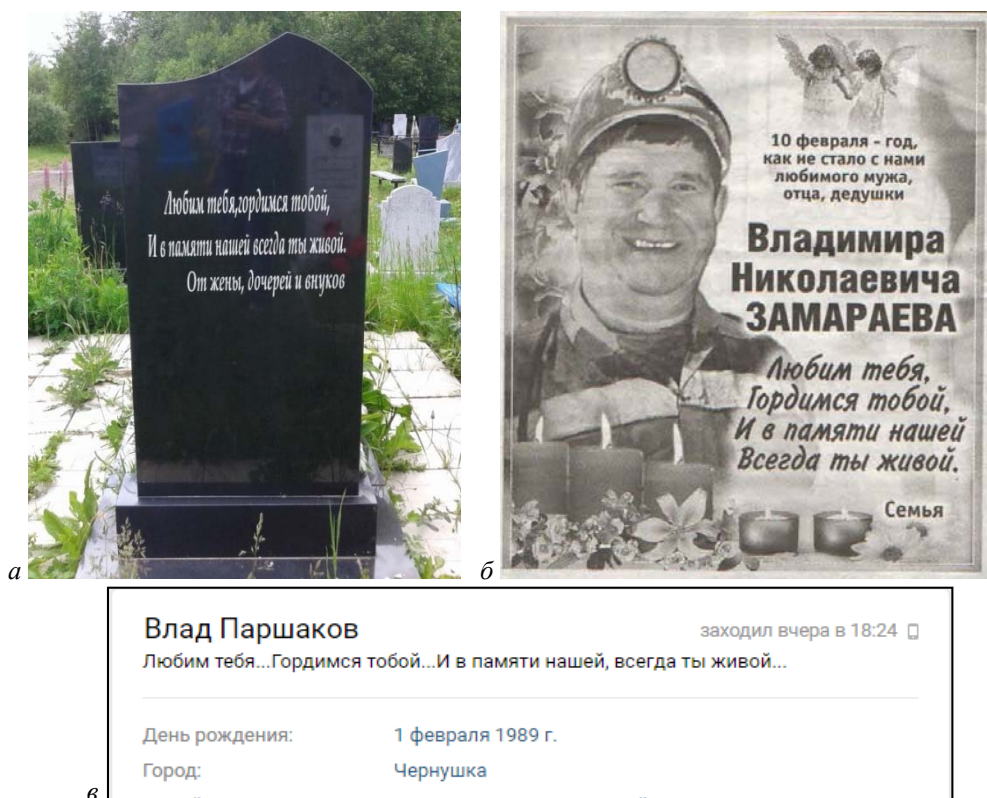

Рис. 1. Фиксация текста в разных сферах похоронной культуры: а – эпитафия на задней стороне памятника (Добрянка); б – некролог в газете⁴; в – статус в социальной сети⁵

Фольклорные эпитафии существуют во множестве вариантов, что, собственно, и характерно для народных произведений. При этом можно наблюдать случаи, когда новый текст складывается из нескольких разных эпитафий: *ВСЁ БЫЛО В НЁМ – | ДУША, ТАЛАНТ И КРАСОТА. | ИСКРИЛОСЬ ВСЁ ДЛЯ НАС, | КАК СВЕТЛАЯ МЕЧТА. | НАШУ БОЛЬ НЕ ИЗМЕРИТЬ | И В СЛЕЗАХ НЕ ИЗЛИТЬ. | МЫ ТЕБЯ, КАК ЖИВОГО | БУДЕМ ВЕЧНО ЛЮБИТЬ.* (2).

Фольклорные тексты, для которых эпитафийная функция является вторичной

Эта группа представлена только одним текстом – эпитафией, созданной на основе фольклорного стихотворения служащих пограничных войск: *Граница – это не просто линия, | Это сотни бессонных ночей, |*

Это служба дозора длинная, | Это подвиг усталых парней. (Кунг.). Записи этого текста можно найти в рукописных солдатских блокнотах [8] и стилизованных под них интернет-сайтах (например, [Пограничный блокнот]).

В разряд народного творчества субкультурные фольклорные тексты переходят редко. Обычно эти переходы можно обнаружить на примере отдельных произведений. Едва ли не единственным случаем частотных преодолений границ субкультуры признается блатной фольклор (см., например, [9]).

Авторские тексты, для которых эпитафийная функция является исходной

Данную группу составляют непрофессиональные авторские тексты для частного события. Это

анонимные произведения самодетельной природы. Зафиксированные в единичном экземпляре, наивные стихи не находят вариантов ни на кладбищах, ни в интернете.

В некоторых из наивных эпитафий могут иметься осязаемые стилистические отличия от фольклорных текстов. Так, можно проследить отчетливую индивидуализацию умерших через прижизненные качества, например особенности внешности: *НА ТЕБЯ НАГЛЯДЕТЬСЯ НЕ МОЖЕМ | РЫЖИЙ ЧУБ, ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА | ГАРМОНИЧНО, СПОРТИВНО ТЫ СЛОЖЕН | МОЛОДОЙ И КРАСИВЫЙ ВСЕГДА.* (81) или профессиональную деятельность: *Ты был геолог, им остался | И в этом камне жизнь твоя. | Стоять он будет вечно, папа, | Скорбим и помним мы тебя!* (85). В субполе наива даже вид смерти может обретать более конкретные характеристики, нежели в эвфемизированных фольклорных описаниях: *Никто не смог тебя спасти | в смертельный час твоей судьбы. | Пусть вздрогнуть те, кто виноват, | и вспомнят те, кто не причастен. | А мы скорбим и помнить будем вечно, | пока стучат наши сердца.* (82). Благодаря индивидуализации субъекта эпитафии подобного рода можно рассматривать как своего рода «человеческие документы».

Иногда привлекает внимание особенный версификационный талант автора, претендующего на самовыражение. В этом случае отчасти преодолевается характерная для фольклора тематическая и формульная «зачатость», хотя образы и речевые обороты все же не обладают свежестью: *За окном сентябрь, | И птицы тянут к югу, | В осенний листопад | Я потерял подругу. | По жизни не лететь | Нам милой парой вместе, | Оборвалась судьба | Воруг лебединой песней.* (78). Психологизм данного текста тоже способствует портретированию субъекта – теперь уже «живого».

И все же в большинстве эпитафий этой группы (кроме представленных выше) субъектные позиции подаются предельно обобщенно, а поэтическая индивидуальность стерта: *Внезапно землю ты оставил, | Ушел от нас ты навсегда. | Тебя, любимый, помнить будем | Таким, каким ты был всегда.* (75). Единственное, что может говорить в пользу их авторства – это единичность фиксации, сведения о которой, безусловно, могут быть пересмотрены в свете новых данных об эпитафийном корпусе русских захоронений рассматриваемого или раннего времени.

В силу того, что поэтика большинства наивных эпитафий очень близка фольклорной, эти тексты «не разводились» в филологических исследованиях, а прибавались к одному берегу – фольклорному или дилетантскому [5. С. 25–27]. Представляется, что и сегодня эта проблема останется нерешенной, если смотреть на нее с позиций поэтической техники. Важно отслеживать повторяемость текста, в том числе в интернете как актуальном пространстве общения.

К слову сказать, попытка учета воспроизводимости текста уже была удачно воплощена Л.К. Ильинским еще в начале прошлого века, но, к сожалению, не получила развития. Автором убедительно были схвачены механизм трансляции текстов в народной среде и становление эпитафийного

жанра как разновидности письменного фольклора. Наблюдения над надмогильными стихами Л.К. Ильинский осуществлял в пределах центрального некрополя Казани – Арского кладбища: «Среди стихотворений на могильных памятниках мы находим стихотворения, которые больше уже не повторяются, и стихотворения, которые часто встречаются в различных вариантах. И чем ближе к нашему времени, тем более стихотворений второй категории. Так, за период времени с 1824 г. по 1840 г. мы не найдем ни одного стихотворения-дубликата, – с 1840–50 есть уже один дубликат. В следующее десятилетие их уже 6 и т.д. Постепенно возвышаясь, цифра дубликатов в десятилетие 1890–1900 возрастает до 53, а в 1901–1909 до 127.

Цифры говорят сами за себя, даже и при том их относительном значении, какое им можно придать, принимая во внимание плохую сохранность памятников. Шаблон, очевидно, начинает с годами играть все большую и большую роль, и этот шаблон уничтожает и самостоятельное творчество и индивидуализацию надписей. Теперь одно и то же стихотворение видно на самых разнообразных, в смысле общественного положения погребенных, памятниках. А это влияет и на содержание надписей: содержание в этих шаблонах вращается в области общих фраз, а отсюда и форма не блещет богатством разнообразия, и она становится общим местом» [10. С. 365–366].

Впрочем, учет повторяемости эпитафий не является прямолинейным путем к определению их фольклоризации. И на этом пути не избежать новых методологических вопросов, например, об отграничении фольклорных вариантов от интертекстуальных явлений в авторских произведениях: *В тот самый миг, | Когда тебя не стало, | Мне голос был холодный, / как слеза. | Одним цветком земля беднее стала, | Одной звездой богаче небеса.* (Березники).

Кроме этого, при разрешении проблемы фольклорности текста имеют значение временные координаты. Историческая судьба авторского текста может вывести его на путь безымянного существования, обремененного множеством вариантов. «[П]ри рассмотрении фольклорного факта речь идет не о предшествующих его рождению моментах, не о «зачатии», не об эмбриональном существовании, а о «рождении» фольклорного факта как такового и о его дальнейшей судьбе» [11].

Авторские тексты, для которых эпитафийная функция является вторичной

По жанру источника наибольшую группу авторских текстов в эпитафийной функции составляют художественные поэтические произведения. Глубина отечественной традиции определяется творчеством русских классиков XIX в. В частности, в эпитафиях имеются отсылки к стихотворениям М.Ю. Лермонтова «Я не хочу, чтоб свет узнал...» (72), Ф.И. Тютчева «Весь день она лежала в забытьи...» (70), А.А. Блока «О, я хочу безумно жить...» (65), роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (65), комедии Н.А. Некрасова «Медвежья охота» (71).

Ощутимо влияние на народную культуру эпитафийной и гражданской лирики XX в. Среди текстовых основ кладбищенских эпитафий встречаются литературные эпитафии Р.Г. Гамзатова «Дороги строим мы, но вот беда...» (55), «Тебе и в бурю, и в метель...» (54), А.А. Вознесенского «Я умер, подчинившись естеству...» (73), стихотворения Д.А. Терещенко «Памяти Ксении Некрасовой» (60), А.Д. Дементьева «Не смейте забывать учителей...» (61), А.Г. Гребнева «Отец погиб в бою за Волгу...» (63), Э.А. Асадова «Годовщина» (68).

К этой же группе примыкают стихи неизвестных авторов, периодически актуализируемые в материалах популярной направленности интернет-пространства. Удалось установить, что, по крайней мере, два эпитафийных текста были созданы на основе отрывков из стихотворений «Не ходила война по уральским полям...» (67) и «Как много вас и как вас мало...» (59).

Из поэтических текстов зарубежной литературы в похоронной культуре востребованы произведения, тяготеющие по форме к афоризмам. Материал показывает, что народные вкусы сосредоточены вокруг древнего персидского наследия – рубаи Омара Хайяма «От веры к бунту – легкий миг один...» (64) и стихотворение Атааллаха Аррари «А в час, когда мой след во всех сердцах сотрется...» (52).

Другим распространенным источником эпитафий являются песни. Актуализации в народной среде поддаются лирические музыкальные произведения советской эстрады, затрагивающие темы любви, смерти и смысла бытия: «Барбарисовый куст» – муз. и ст. Н.П. Моренца (53), «Два стрижа» – муз. Р.В. Паулса, ст. А.А. Вознесенского (56), «Эхо любви» – муз. Е.Н. Птичкина, ст. Р.И. Рождественского (57), «Нежность» – муз. А.Н. Пахмутовой, ст. С.Т. Гребенникова, Н.Н. Добронравова (62).

Чувствительно отношение современников к музыкальной поэзии рока и рэпа, тематика которой также имеет экзистенциальный уклон: «Звезда по имени Солнце» – муз. и ст. В.Р. Цоя (58), «П.М.М.Л.» – муз. и ст. З.Т. Рамазановой (66), «Ты в нашем сердце» – муз. и ст. Р. Суханова (69).

С подлинными народными произведениями отрывки из авторских текстов роднит традиционность и широкая узнаваемость образов. Во многих случаях им свойственна типологичность субъекта, изначально фиксируемая в тексте оригинала или явившаяся результатом его сокращения или трансформации.

Добавим, что авторские тексты в функции эпитафий, как и фольклорные, подвергаются варьированию, в сущности, обеспечивающем «выживаемость» текста в народной культуре. См., например:

«Опустела без тебя земля...»: Опустела без тебя Земля | А ты летишь... и тебе | Звезды дарят свою нежность. (liki.studio), Опустела без тебя земля, но в небесах зажглась новая звезда. (ripme.ru),

«Жаль, что жизнь нельзя повторить...»: Жаль, что нельзя жизнь повторить, | чтоб вновь ее тебе подарить. (stella36.ru), Жаль нам, что жизни нельзя повторить, | Чтобы тебе её вновь подарить. (памятникивтамбове.рф),

Кроме того, поэтические цитаты могут включаться в новые произведения различной жанровой специфики – от надписей на траурных венках до статусов в соцсетях. Приведем примеры хотя бы из текстов эпитафий:

«Опустела без тебя земля...»: Без тебя для нас опустела земля. | Как жестока судьба, что тебя отняла. (akropol29.ru), Без тебя для нас солнце потускнело | И земля вся опустела... (obelisk.lg.ua), Ты уснул навсегда светлым днем февраля | И в секунду для нас опустела Земля, | Но теперь в Небесах обретя свой покой, | Вечно помни, любимый – наше сердце с тобой (mortem.rip), Доченька – наша отрада, | Опустела без тебя земля... | Ты была, как праздник, как награда, | А теперь осталась боль одна (antaros.ru), Море пролито слез, | Опустела без тебя земля. | Наш отец дорогой | Не забудем тебя. (vipmemorial.by).

«Жаль, что жизнь нельзя повторить...»: Горе нежданное, горе безмерное, самое главное в жизни – потеряно, жаль нам, что жизни нельзя повторить, чтобы тебе ее вновь подарить. (www.grad-ex.ru), Горе нежданное, горе не меряно, | Самое дорогое в жизни потеряно. | Жаль, что жизнь нельзя повторить, | Чтоб снова тебе ее подарить. (obelisksurgut.ru),

Несмотря на то, что все собранные на кладбищах авторские тексты имели однократную фиксацию, область их функционирования в качестве эпитафийных в современном лингвокультурном пространстве различна. Попробуем это показать.

Не имея возможности продолжить натурные обследования общественных захоронений и, тем самым, расширить исследовательский материал, обратимся за доказательствами к другому источнику. Представляется, что вполне реалистичными в этом отношении могли бы быть данные интернет-контента, хотя при таком аргументационном ракурсе сбивается изначально выставленный «прицел» на санкционированный общественный выбор. И все-таки взгляд с позиций «предлагающего субъекта» тоже может нести фактологическую информацию, поймай и косвенную.

Анализ бытования рассматриваемых кладбищенских текстов на сайтах ритуальных агентств и гранитных мастерских показал, что пересечение реального эпитафийного корпуса, взятого за исходное множество, с виртуальными списками коммерческих организаций прослеживается в менее, чем 7% случаев. Такой вывод следует из того, что на запросы Google Chrome 20.02.2020 о конкретных текстах были получены ответы с веб-серверов похоронных компаний только для семи эпитафий. При этом (что важно) они всегда приводились без автора:

«Опустела без тебя земля...» – 196 ссылок: rosmems.ru; center-kamen.ru; www.green-stone.by; art-castings.com; exkluziv-granit.ru; memorial-k.ru; goodmonument.ru; postament.ru; granit33market.ru; www.monumenti.lv; pamyatnyk.ru; granit-ab.ru; www.spokiy.com; www.grad-ex.ru; www.obeliski.ru; kam-memorial.ru и др.;

«Жаль, что жизнь нельзя повторить...» – 158 ссылок: rit-granit.ru; stella36.ru; stoun-m.ru; obelisk-surgut.ru; monument-rzn.ru; maximus-k.com; обелиск-

липецк.рф; granit.city; obelisk.lg.ua; 1-gc.ru; proizvodstvo-pamyatnikov.ru; re-me.moscow; ритуал-куровское.рф; jivoikamentikhvin.jimdofree.com; www.granitas.by; stela.ru и др.;

«*Я умер, подчинившись естеству...*» – 42 ссылки: panteon.zp.ua; uralkamen-dvor.ru; ritual61.ru; v-granit.ru; kamrd.ru; mortem.rip; obelisk-volgograd.ru; www.midgard-ritual.ru; memori-kamen.ru; kamengrad36.ru; stone-empire.ru; www.memorie.md; pamatnik.ru; dymovskiy.ru; liki.studio; imperia-granita.by; alleya-pamyatnikov.ru и др.;

«*Дороги строим мы, но вот беда...*» – девять ссылок: obelisk-volgograd.ru; www.tiras-memory.ru; pqd.ru; mirgranita.by; monument-rzn.ru; ooompk.ru; angstone.ru; obelisksurgut.ru; epitafija.ru;

«*И даже за гранью смертельного круга...*» – три ссылки: www.k-r.by; monument.by; pamyatnik.com.ua;

«*Любила ты, и так, как ты, любить...*» – 3 ссылки: pohorony.com.ua; mortem.rip; www.ritualnn.org.ru;

«*А в час, когда мой след во всех сердцах сотрется...*» – 1 ссылка: deltagran.md.

В принципе, интернет способен обеспечить не только косвенные, но и прямые доказательства спроса, т.е. использования конкретных эпитафий населением. Например, за счет новых виртуальных услуг похоронной направленности: интернет-кладбищ («Российское виртуальное кладбище», «Виртуальное кладбище») или поминальных сайтов («Помним, скорбим»). Эти ресурсы дают возможность пользователям на специально отведенных веб-страницах выкладывать информацию об усопших и оставлять свои комментарии в виде поминальных слов, соболезнований, эпитафий, некрологов, молитв и т.п. Но и при данных возможностях предполагается некоторый перекокс в случае сопоставления реальных и виртуальных текстов. Обладая большей свободой в объеме комментария и его жанровой специфике (протоколно-этикетные и приватные сообщения), пользователи сайта безотчетно создают новый тип наивного письменного дискурса. Его специфика все же требует отдельного исследования.

Однако авторские тексты в функции эпитафий имеют разную историческую актуализацию в пространстве русской культуры. За некоторыми из них стоит длительная традиция по использованию в качестве кладбищенских посвящений, а другие функционируют в танатологическом дискурсе всего несколько лет или десятилетий. В частности, с середины XIX в. оформляется, а с XX приобретает отчетливые формы тенденция цитировать классические тексты в надгробных надписях. Со второй половины XX в. источниками заимствования поэтических цитат (например, «*Опустела без тебя земля...*») все чаще становятся тексты популярной культуры [1. С. 85–97].

В завершении обзора данной классификационной группы нам бы хотелось рассмотреть один важный вопрос: все ли из поэтических цитат в функции эпитафий воспринимаются современниками как авторские, или есть случаи, когда связь эпитафий с порождающими текстами разрушены? Его решение необходимо для выявления источников эпитафийного фольклора. Мы хотя и не задавались вопросом жанровой динамики, но не можем обойти стороной живые процессы в этой области.

В качестве одного из источников эпитафийного фольклора нам видятся популярные (часто воспроизводимые) авторские тексты со «стертой биографией», т.е. оторвавшиеся от породившего контекста. При этом «[с] функциональной точки зрения, без которой невозможно понимание фактов искусства, поэтическое произведение вне фольклора и то же произведение, усыновленное фольклором, являются двумя совершенно различными фактами» [11].

Благодаря фольклоризации авторских текстов формируется некоторая периферийная или маргинальная зона народной культуры, которая в пределах постфольклорной парадигмы представляется исследователям достаточно продуктивной. «Стоит подчеркнуть, что, называя такие тексты маргинальными, нет нужды думать, что они непременно указывают на некие девиантные формы социальной действительности (что само по себе, конечно, тоже не исключается), но только то, что фольклорная компонента в объяснении таких текстов не может считаться единственной. Иными словами, это тексты, актуально существующие на границе различных способов их аналитической дескрипции» [12].

Переходя к процедуре решения вопроса, отметим, что ответ на него может быть получен путем обширных соцопросов об узнаваемости исходных данных прецедентного феномена. Мы же, не имея возможности провести экспериментальную проверку, как и в прежних случаях, обратимся к интернету, точнее, к интернет-статистике⁶. Количественный анализ сайтов, включающих авторские тексты в разные жанровые категории, показал, что в пределах рассматриваемого эпитафийного корпуса есть место единицам периферийного свойства.

Так, среди частотно воспроизводимых эпитафий, образованных на основе поэтических цитат, текст со словами «*Жаль, что жизнь нельзя повторить...*» можно квалифицировать как переходящий в разряд автономных, т.е. теряющий связи с источником. Количество веб-серверов, на которых исходное произведение с этими строками подается как песенный материал, крайне незначительно – всего шесть ссылок (www.karaoke.ru; sovetskaya-estrada.ru; www.alla-superstar.ru; x-minus.pro; www.megalyrics.ru; testicanzoni.mtv.it). Для сравнения: исходный текст цитаты «*Опустела без тебя земля...*» представлен в интернете как песенный на 119 сайтах (text-pesni.com; kristalinskaya.ru; www.philharmonic.tomsk.ru; pesnifilm.ru; teksty-pesenok.ru; www.megalyrics.ru; russia.tv; www.ltv.ru; muzofond.fm; kulturologia.ru; song-story.ru; slushat-tekst-pesni.ru; www.pesni.net; www.culture.ru и др.).

Итак, скажем о некоторых закономерных чертах современного эпитафийного корпуса в региональном пространстве.

1. Не будучи широкомасштабным явлением на кладбищах центральных городов России [1. С. 11], эпитафии в провинции являются также малозаметными. Их рост увеличился только в последнее время, когда технология нанесения надписи на камень стала более совершенной и доступной населению в отношении стоимости. При этом нельзя сказать, что обще-

ственный вкус к оформлению памятников стихами развивается в разных городах с одинаковой силой. В наибольшей степени эта мода характерна для Кунгура. В Соликамске, Березниках и Добрянке общественные пристрастия к жанру стихотворной эпитафии менее выражены. В Усолье находим только единичные образцы надгробных стихов.

2. Предпринятая стилистическая классификация эпитафийных текстов позволяет отграничивать письменный фольклор от других явлений городской традиции в области оформления надмогильных сооружений. Что касается самих разрядов, то их объем позволяет судить о силе той или иной стратегии в выборе текста, и, как следствие, о тенденциях самовыражения горожан в пространстве похоронной культуры. В этом ракурсе ориентация на простоту, типичность, традиционность и общеизвестность являются магистральными стратегиями в подборе текстов из потенциального множества вариантов. Более того, эти стратегии организуют культурное пространство и для тех, кто просто читает эпитафии – рядовых посетителей кладбищ.

Как видно из приведенных примеров, границы между вводимыми разрядами являются подвижными за счет явлений переходного характера. Мы придерживаемся той точки зрения, что народная культура не является замкнутой системой, обреченной на архаизацию. Ее динамика несомненна: информационно-семиотически подпитываясь от других культурных сфер, она развивается в соответствии с особенностями современной действительности.

Классификационные основания, система разрядов и допущение переходности (фольклоризации авторских текстов) – те показатели, по которым вводимая типология отстает от введенной ранее схемы в докторском исследовании Т.С. Царьковой о русской стихотворной эпитафии XIX–XX вв. [1. С. 185]. И вместе с тем данная классификация не противоречит изложенной литературоведческой концепции, вернее всего – дополняет и разрешает ее в тех вопросах, которые автором квалификационной работы обозначены как проблемные.

3. Эпитафийный корпус неоднороден с точки зрения составляющих его тем. Преобладающее большинство эпитафий является универсальными формулами выражения личного чувства безотносительно к тому, какие отношения связывали усопшего и живых. И все же ряд надгробных надписей тематически концентрирован.

В частности, посмертные признания в любви обнаруживаются в наивной лирике: «Еще одно сердце разбито...» (77), «За окном сентябрь...» (78), а также в поэтических цитатах: «И даже за гранью смертельного круга...» (57), «Поздно о чем-то думать, слишком поздно...» (66). Относительно двух последних

отметим, что перед нами редкие исключения того, когда общий пафос произведения-источника сохраняется и в прецедентном феномене. В остальных случаях романтическая любовная тематика, воплощенная в оригинальных песнях или стихах, переходит посредством цитаты в разряд общечеловеческого душевного переживания или родственного чувства: «Жаль, что жизнь нельзя повторить...» (56), «Опустела без тебя земля...» (62), «Но... нет мечтам моим возврата...» (65), «Ты ярко жил... и так ...» (70).

В последние десятилетия в эпитафиях стала проявляться тема Великой Отечественной войны, исполненная исключительно посредством заимствования авторских текстов: «Ветер тихонько колышет...» (53), «Отец погиб на поле брани...» (63), «Похоронки тех дней до сих пор душу ранят...» (67).

Также можно выделить круг текстов профессиональной тематики: «Граница – это не просто линия...», «Не смейте забывать учителей!» (61), «Учитель! Перед именем твоим...» (71), «Ты был геолог, им остался...» (88).

Выделенные тематические акценты интересны уже тем, что составляют периферию эпитафийного корпуса. Она, в отличие от ядра, подвержена семантической трансформации и отражает динамические процессы культуры, в том числе и современность с характерным для нее событийным фоном и «индивидуальностью сознания» [1. С. 73].

4. Последнее, на чем хотелось бы остановить внимание, – это вопрос о региональной специфике представленной совокупности эпитафий. Пока единственным конкретным ее показателем можно назвать текст пермского поэта А.Г. Гребнева «Отец погиб в бою за Волгу...», положенный в основу эпитафии «Отец погиб на поле брани...» (63). Более – ни на символическом, ни на языковом уровне – мы не найдем тех примет, которые бы свидетельствовали о региональной привязанности материала. Вероятно, тот период, когда местный язык вплетался в стихотворную ткань эпитафийных произведений, уже ушел в прошлое. Рассматривать образцы современного письменного фольклора как содержательные источники сведений о региональной речи, на что указывал Л.К. Ильинский [10. С. 360], уже невозможно.

Можно предполагать, что эпитафийные корпуса разных регионов могут иметь различия на уровне качественной и количественной представленности стилистических и тематических разрядов. «Но могут ли эти различия быть истолкованы именно с региональной привязкой?» – вопрос для будущих исследований. Пока же следует согласиться с классиками постфольклорных исследований в том, что феномены такого свойства имеют прежде всего социальную (а не региональную) обусловленность.

ИСТОЧНИКИ

Виртуальное кладбище. URL: <http://internet-cemetery.ru/> (дата обращения: 22.02.2020).

Пограничный блокнот // Сайт «ALLEYNE.RU» URL: http://alleyne.ru/pogran_bloknot.php (дата обращения: 20.02.2020).

Помним, скорбим. URL: <http://www.pomnim-skorbim.ru/> (дата обращения: 22.02.2020).

Российское виртуальное кладбище. URL: <https://www.rip.su/> (дата обращения: 22.02.2020).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Автор благодарит С.В. Хоробрых, директора МБУК «Историко-архитектурный музей “Палаты Строгановых”», за помощь в сборе исследовательского материала.
- ² Его решение, вероятно, возможно через социологическое анкетирование клиентов ритуальных агентств, предвещающее покупку памятника.
- ³ Чтобы облегчить повествование, совокупность текстов различного стилистического свойства мы вынесли в Приложение. Их графическая передача ориентирована на реальные надписи. В перечень включены эпитафии, имеющие единичную фиксацию, и широко распространенные посвящения в некоторых из своих реализаций.
- ⁴ Газетный некролог Владимиру Николаевичу Замараеву // «Наш Соликамск» от 13.02.2020. № 7 (1163). С. 30.
- ⁵ Личная страница Влада Паршакова в интернет-сообществе «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/id100172494> (дата обращения: 16.02.2020).
- ⁶ Незначительное подспорье в разрешении вопроса может дать авторская атрибуция цитаты на памятнике: *И мы знаем что | так было всегда | Что судьбою больше любим | Кто живет по законам другим | И кому умирать молодым | В. Цой* (58).

ЛИТЕРАТУРА

1. Царькова Т.С. Русская стихотворная эпитафия XIX–XX вв. Источники. Эволюция. Поэтика. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. 200 с.
2. Авдеев А.Г. Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории и культуре Московской Руси : дис. ... д-ра ист. наук. М.: РГГУ, 2018. Т. 1: Исследования. 1258 с. Т. 2: Альбом иллюстраций, приложения, каталоги и словари. 1042 с.
3. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. К характеристике жанра современной эпитафии в социокультурном аспекте // *Жанры речи*. . Вып. 5: Жанр и культура. Саратов : Изд. центр «Наука», 2007. С. 232–247.
4. Николаев С.И. Проблемы изучения малых стихотворных жанров (Эпитафия) // *Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом)*; отв. ред. А.М. Панченко. Л. : Наука, 1989. С. 44–55.
5. Царькова Т.С. Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков (Источники. Эволюция. Поэтика) : дис. ... д-ра филол. наук. СПб. : ИРЛ (Пушкинский Дом) РАН, 1998. 46 с.
6. Авдеев А.Г. Некоторые проблемы изучения русской стихотворной эпитафии последней четверти XVII – начала XVIII в. // *Вопросы эпиграфики*. Вып. 7, ч. 2. [Сб. ст.] / отв. ред. А.Г. Авдеев. М. : Русский Фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 206–230.
7. Брагинская Н.В. Эпитафия как письменный фольклор // *Текст: семантика и структура*. М. : Наука, 1983. С. 119–139.
8. Блажес В.В. Солдатский юмор в свете народной поэтической традиции // *Фольклор Урала*. Свердловск : Урал. гос. ун-т, 2000. Вып. 11: Устная и рукописная традиции. С. 20–37.
9. Башарин А.С. Блатная песня: рождение жанра (20-е годы) // *Материалы конференции «Рождение новых фольклорных традиций. Новый фольклор в новом мире»*. Москва, РГГУ, 13–15 марта 2003. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/basharin9.htm> (дата обращения: 22.02.2020).
10. Ильинский Л.К. Поэзия кладбища (Из наблюдений над могильными надписями Казанского Арского кладбища) // *Известия Общества археологии, истории и этнографии*. 1910. Т. XXVI, вып. IV. С. 359–377.
11. Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества // *Богатырев П.Г. Вопросы народного творчества*. М. : Искусство, 1971. С. 369–383. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/jacobson1.htm> (дата обращения: 13.02.2020).
12. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб. : Искусство-СПб, 2001. 437 с. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/index.htm> (дата обращения: 10.02.2020).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 21 ноября 2020 г.

Stylistic and Semantic Features of Epitaphs (Based on Texts of Provincial Cemeteries in Perm Krai). Part I

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 40–48.

DOI: 10.17223/15617793/462/5

Liliya M. Panteleeva, Solikamsk State Pedagogical Institute (Branch) of Perm State University (Solikamsk, Russian Federation).

E-mail: liliya_pant@mail.ru

Keywords: linguoculturology; urban culture; death; epitaph; written folklore; naive poetry.

This study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and Perm Krai, Project No. 19-412-590001.

The first part of the article describes the stylistic features of poetic epitaphs recorded during field surveys of provincial cemeteries in Perm Krai in 2019. These texts have not only historical and source-study, but also cultural value. The establishment of the features of the broad epitaph heritage in a particular historical period leads to an understanding of the worldview of representatives of everyday life of the given time. When classifying the material, the author took into account the nature of authorship and the genre function. On these grounds, the collected texts are divided into four groups. Group 1 is folklore texts for which the epitaph function is initial. These are epitaphs generated in the folk environment, they are characterized by anonymity, a characteristic set of topics, variability, a high degree of formulaicity and a typified subject. They are broadcast not only in real conditions, but also on the Internet. Group 2 is folklore texts for which the epitaph function is secondary. Such texts are a rare occurrence in cemetery poetry associated with subcultural folklore. Group 3 is authorial texts for which the epitaph function is initial. This group is organized by anonymous works of amateur nature. Fixed in a single copy, they do not find variants either in cemeteries or on the Internet. The stylistic differences between naive epitaphs and folk epitaphs are reduced to the individualization of the dead through their lifetime qualities, as well as the manifestation of the author's poetic talent. Group 4 is authorial texts for which the epitaph function is secondary. According to the genre of the source, these works belong to poems, novels, dramas, literary epitaphs, aphorisms, and songs. Poetic quotations in the function of epitaphs can be transmitted verbatim or be reworked in accordance with new content and stylistic tasks. In addition to these categories, the studied material also reveals as a transitional phenomenon, when a popular text loses its connection with the author and functions as a folk text. The basis for identifying transient phenomena is provided by Internet statistics. In the final section of the first part, conclusions are drawn about 1) the prevalence of epitaph texts in the cemetery space of the province; 2) the correlation of the author's classification with previous works on the style of epitaphs; 3) the thematic features of cemetery poetry; 4) the presence of regional specificity in the presented set of texts.

REFERENCES

1. Tsar'kova, T.S. (1999) *Russkaya stikhotvornaya epitafiya XIX–XX vv. Istochniki. Evolyutsiya. Poetika* [Russian poetic epitaph of the 19th–20th centuries. Sources. Evolution. Poetics]. St. Petersburg: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITs.
2. Avdeev, A.G. (2018) *Pamyatniki lapidarnoy epigrafiki kak istochnik po istorii i kul'ture Moskovskoy Rusi* [Monuments of lapidary epigraphy as a source on the history and culture of Moscow Rus]. History Dr. Diss. Moscow: RSUH.
3. Kitaygorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (2007) K kharakteristike zhanra sovremennoy epitafii v sotsiokul'turnom aspekte [On the characteristic of the genre of modern epitaph in the sociocultural aspect]. In: Rogacheva, N.B. (ed) *Zhany rechi* [Genres of speech]. Vol. 5. Saratov: Izd. tsentr "Nauka". pp. 232–247.
4. Nikolaev, S.I. (1989) Problemy izucheniya mal'nykh stikhotvornykh zhanrov (Epitafiya) [Problems of studying small poetic genres (Epitaph)]. In: Panchenko, A.M. (ed.) *Itogi i problemy izucheniya russkoy literatury XVIII veka* [Results and problems of studying the Russian literature of the 18th century]. Leningrad: Nauka. pp. 44–55.
5. Tsar'kova, T.S. (1998) *Russkaya stikhotvornaya epitafiya XIX–XX vekov (Istochniki. Evolyutsiya. Poetika)* [Russian poetic epitaph of the 19th–20th centuries (Sources. Evolution. Poetics)]. Philology Dr. Diss. St. Petersburg: IRL (Pushkin House) RAS.
6. Avdeev, A.G. (2013) Nekotorye problemy izucheniya russkoy stikhotvornoy epitafii posledney chetverti XVII – nachala XVIII v. [Some problems in the study of Russian poetic epitaph in the last quarter of the 17th – early 18th centuries]. In: Avdeev, A.G. (ed.) *Voprosy epigrafiki* [Issues of epigraphy]. Vol. 7 (2). Moscow: Russkiy Fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke. pp. 206–230.
7. Braginskaya, N.V. (1983) Epitafiya kak pis'mennyy fol'klor [Epitaph as written folklore]. In: Tsivyan, T.V. (ed.) *Tekst: semantika i struktura* [Text: Semantics and structure]. Moscow: Nauka. pp. 119–139.
8. Blazhes, V.V. (2000) Soldatskiy yumor v svete narodnoy poeticheskoy traditsii [Soldier humor in the light of folk poetic tradition]. In: Soboleva, L.S. (ed.) *Fol'klor Urala* [Folklore of the Urals]. Vol. 11. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 20–37.
9. Basharin, A.S. (2003) [Blatnaya pesnya: The birth of the genre ('20s)]. *Rozhdenie novykh fol'klornykh traditsiy. Novyy fol'klor v novom mire* [The birth of new folk traditions. New folklore in a new world]. Conference Proceedings. Moscow: RSUH. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/basharin9.htm> (Accessed: 22.02.2020). (In Russian).
10. Il'inskiy, L.K. (1910) Poeziya kladbishcha (Iz nablyudeniya nad mogil'nymi nadpisyami Kazanskogo Arskogo kladbishcha) [Poetry of the cemetery (From observations of the grave inscriptions of the Kazan Arsk cemetery)]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii*. XXVI (IV). pp. 359–377.
11. Bogatyrev, P.G. & Yakobson, R.O. (1971) Fol'klor kak osobaya forma tvorchestva [Folklore as a special form of creativity]. In: Bogatyrev, P.G. *Voprosy narodnogo tvorchestva* [Issues of folk art]. Moscow: Iskusstvo. pp. 369–383. [Online] Available from: <https://www.ruthenia.ru/folklore/jackobson1.htm> (Accessed: 13.02.2020).
12. Bogdanov, K.A. (2001) *Povsednevnost' i mifologiya: Issledovaniya po semiotike fol'klornoy deystvitel'nosti* [Everyday life and mythology: Studies in the semiotics of folklore reality]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. [Online] Available from: <https://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/index.htm> (Accessed: 10.02.2020).

Received: 21 November 2020

Е.М. Понкратова, Д.А. Тараканова

КИТАЙ В ВОСПРИЯТИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90020\19.

Рассматривается вопрос о месте Китая в творческом сознании Ф.М. Достоевского, его особом значении для формирования целостной картины мира писателя. Анализируется многослойное представление писателя о Китае, включающее рассмотрение клишированных стереотипов, распространенных в XIX в., образов, символизирующих косность и застой, высказываний, содержащих реальные опасения захватничества со стороны Китая. Показывается необходимость расширения представлений о специфике азиатских воззрений Достоевского.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; имагология; Китай; китайский вопрос; русская литература XIX в.

Интерес европейцев к Китаю начинается в конце XVI в. При этом российско-китайские отношения, связанные, прежде всего, с торговыми интересами, начинают формироваться только во второй половине XVII в. Начало XVIII в. – период активной торговли, возвышение города Кяхта, в котором и происходил товарообмен между Китаем и Россией, а уже в 1719 г. в Пекин было отправлено посольство Л.В. Измайлова. С конца XVIII в. «китайская» тема уже узнаваема и в архитектуре: китайская деревня, строительство которой было инициировано императрицей Екатериной II в Александровском саду; китайский дворец, оформленный в причудливом рококо, являющийся частью дворцово-паркового ансамбля «Ораниенбаум» и многое другое. Екатерина II поддерживала распространение китайской стилистики, и к концу XVIII в. она уже проглядывается и в живописи, и в театральных постановках. Так, постепенно, сначала посредством калькирования «европейского Китая», в частности «французского», начинает формироваться миф о Китае, как некотором отдаленном идеальном пространстве, выстроенном на тысячелетних традициях церемоний [1].

В начале XIX в. после экспедиции И.Ф. Крузенштерна и появления его материалов по итогам плавания «Путешествие вокруг света»; после издания трудов Н.Я. Бичурина, возглавлявшего Девятую духовную миссию в Пекин и издавшего по возвращении ни много ни мало 14 трудов по Китаю и восточному вопросу, начинает формироваться собственно русское понимание Китая, и «китайский вопрос» становится одним из наиболее актуальных, в первую очередь, на территории Сибири. Заметки, которые начинает выпускать Иакинф Бичурин, пользуются широкой популярностью в связи с большим этнографическим интересом к далекой и малоизученной азиатской стране.

До середины XIX в. увлеченность Китаем проявляется во многих слоях обывательской жизни: китайские сувениры, вазы, фонарики, халаты, шелк, китайский театр, дома в китайском стиле. Правда, отличается эта китайская стилистика, как и положено всему мифологизированному и идеализированному, некоторой вычурностью. Предметы в китайском стиле намного менее «китайские», чем представлялось на тот момент обществу. Но постепенно миф о далеком, прекрасном Китае начинает терять свою привлекательность и актуальность, и на первый план выходит миф о разру-

шающей косности и излишней церемониальности, упадке империи Цин. А.В. Лукин пишет: «Образ Китая как царства неподвижности, общества, еще в древности застывшего в своем развитии, позаимствованный из западных сочинений, в первой половине XIX в. стал общепринятым в образованных кругах русского общества [1. С. 71].

Во второй половине XIX в. Китай переживает не легкие времена, Цинская империя разрушается. Первая и вторая опиумные войны заставляют пойти на подписание тяжелых и даже грабительских договоров, выплату огромных контрибуций. В то же время на территории Сибири начинает формироваться представление о Китае как потенциальном агрессоре и захватчике, что окончательно разрушает первоначально сложившийся миф, идеализирующий Китай.

Тема Китая и «китайских» образов в русской литературе XIX в. недостаточно исследована, несмотря на то что основу анализа китайских мотивов в русской литературе XIX в. положили еще Китаисты той эпохи. Следует отметить статью М.П. Алексеева «Пушкин и Китай» [2], в которой заложено начало изучения китайской темы в творчестве Пушкина; пособие для иностранных студентов К.Ф. Пчелинцевой «Образ Китая в русской литературе и общественной мысли XIX–XX вв.» [3], в котором анализируются особенности функционирования китайской тематики в русской литературе в целом; кроме того образ Китая анализируется в работе К.Б. Гольгиной «Образ Китая в русской и советской литературе» [4]. Широкий материал по осмыслению образа Китая в русской культуре, литературе, политической и общественной мысли представлен в книге А.В. Лукина «Медведь наблюдает за драконом...», несмотря на то, что литературный материал анализируется вскользь, но последовательное изучение отношения к Китаю в России представляется наиболее полным и самым глубоким из всех существующих исследований по данной проблематике.

А.С. Пушкин, Н.Г. Чернышевский, В.Я. Беллинский, А.И. Герцен, позднее Л.Н. Толстой и А.П. Чехов неоднократно высказываются о Китае, по разному представляя читателю эту азиатскую страну. Очевидно одно, в эпоху творческой деятельности Ф.М. Достоевского Китай наравне с Европой и Западом волнует умы прогрессивной и образованной обществен-

ности. В науке о Достоевском ранее ставился вопрос о получении писателем информации о Китае и китайцах. Исследователи ограничивались влиянием Ч. Валиханова [5. С. 375] или предлагали расширить круг лиц «до его знакомых монархическо-охранительного направления» [6. С. 51]. В то время как китайская тема была одной из повесток многих журналов того времени, входящих в круг чтения Ф.М. Достоевского.

Так, в 1848 г. в «Современнике» публикуется рецензия В.Г. Белинского на труд «Китай в гражданском и нравственном состоянии» Н.Я. Бичурина. Здесь критик высказывается о Китае как стране тысячелетнего застоя и стране, в которой церемонии, фактически, уничтожили человека в человеке. «Лицемерие, лукавство, ложь, притворство, унижение – натура китайца. И как быть иначе там, где церемония поглощает всю духовную жизнь народа <...> Становиться на колени и бить поклоны – это его священная обязанность» [7. С. 595].

В 1859 г. появляется рецензия А.И. Герцена на работу «О свободе» Дж.С. Милля, вошедшая в «Былое и думы», в которой Китай представляется «как типичный пример окончательной застойной устойчивости» [1. С. 73]. В 1856 г. на страницах «Современника» о причинах китайского застоя высказывается и Н.Г. Чернышевский. Не сходит китайская тема и со страниц таких известных журналов, как «Новое время», «Русский вестник», «Московские ведомости». Во время нахождения Достоевского в Семипалатинске китайская тема, вопросы, связанные с китайской угрозой, опасением китайской экспансии, многократно поднимаются в сибирской периодике. Именно в сибирский этап жизни Достоевский впервые сопоставляет Европу и Китай, обозначает интерес к Китаю, как к стране с тысячелетней историей и традициями, впервые проявляет интерес к китайским церемониям.

Следует особо оговорить вклад в изучение китайского вопроса О.И. Сенковского, известного востоковеда первой половины XIX в., который, публикуя в популярнейшем в то время журнале «Библиотека для чтения» рецензии на заметки Иакинфа Бичурина, делает серьезные и глубокие замечания о причинах косности и неподвижности Китая. Так в статье, которая явилась своеобразным итогом двух рецензий, с говорящим названием «Китай и китайцы», Сенковский отмечает, что сложившаяся веками система церемоний является системой «дурачения людей» [8. С. 360]. Кроме того, Сенковский автор ряда художественных произведений, посвященных Китаю и китайцам: «Чин Чун, или Авторская слава» (1834), «Фаньсу, или Плутровка горничная» (1839), «Китаец, утвердившийся на середине» (1843) и др.

Изученность образа Китая и китайцев на уровне имагологии в творчестве Достоевского крайне мала и исчерпывается несколькими цитируемыми по тексту статьи работами. Г.А. Краснова делает первую попытку заявить китайскую проблематику в творчестве Достоевского в рамках статьи в журнале «Вопросы литературы» [3], ее исследование довольно обзорно открывает китайскую тематику и сосредоточено, в основном, на исследовании китайских объектов в ху-

дожественном творчестве писателя. Н. Романова в статье «Ф.М. Достоевский и “китайский вопрос”» довольно пунктирно прописывает очевидные «китайские мотивы» творчества Достоевского, однако оставляет их без серьезного анализа [9]. П.В. Алексеев уделяет довольно значительное место китайской проблематике в творчестве Ф.М. Достоевского, посвящая одну из глав своей монографии заявленной теме [10]. Исследователь основательно подходит к проблеме изучения Китая в творчестве писателя, находит богатый и интересный материал, однако, пытается построить образ Китая в уже созданную им ориенталистскую концепцию, что часто отдаляет Алексеева от объективных оценок. Обращается к теме китайских церемоний в творчестве Достоевского и оригинально их трактует Joseph Frank в книге «Dostoevsky: The Mantle of the Prophet, 1871–1881». [11] Интересное исследование принадлежит В.Л. Цымбурскому, который первым ставит вопрос геополитической важности Китая в воззрениях Достоевского [12].

На первый взгляд столь неочевидная в кругу геополитических размышлений писателя страна упоминается им довольно часто: нами обнаружено 49 высказываний, и в художественных произведениях, и в публицистике, и в письмах, и в черновых набросках. В этом смысле высказывание Г.А. Красновой о том, что «китайская тема как бы пронизывает все творчество Достоевского» [3. С. 373] не кажется таким уж безосновательным.

Китайская проблематика в творческом наследии писателя развивается поступательно: от вскользь упомянутых предметов быта до кратких упоминаний для размышления в черновых набросках и попыток определить место Китая на геополитической карте, рассмотреть особенности русско-китайских взаимоотношений. Это, очевидно, связано с усилением интереса к Китаю и русско-китайским отношениям в XIX в.

Тему Китая в художественной и публицистической мысли Достоевского предлагаем рассмотреть с нескольких основных сторон: Китай – как символ косности мышления, церемониальности. Китай – как символ чужого и отдаленного. Китай – как набор клише и мода на китайские предметы обихода. Китай – как реальная угроза окраинам России.

Китай – как набор клише, мода на китайские предметы обихода. Несмотря на то, что заметки геополитического и аналитического характера начинают появляться в творчестве Достоевского только в период каторги и после возвращения, клишированные высказывания о Китае встречаются уже в «Белых ночах». Возникший в разговоре Настеньки и Мечтателя китайский богдыхан ярко демонстрирует ведущую роль китайских клише – далекость, вычурность, недоступность. Китайские интенции возникают лишь во сне или фантазии и всегда имеют ироничную модальность.

Клишированные китайские атрибуты быта, носящие разную смысловую нагрузку, многократно будут упоминаться и в других художественных текстах. В «Записках из Мертвого дома» обращаем внимание на разноцветные китайские фонарики, которые клеил

Аким Акимыч; китайский фонарь на лестнице видят Раскольников и Иван Карамазов. В «Униженных и оскорбленных» реализуется сразу два клише: с одной стороны, китайский халат и китайские тапочки Маслобоева, с другой стороны, изрядно выпившая мадам Бубнова, угождая Маслобоеву, обещает ему достать машерочек хоть «из китайского государства». Всем известная китайская ваза в доме Епаничных и китайские вазы, которые Варвара Петровна дарит Кармазинову. Отметим еще воображаемые цветы в «китайских банках» Свидригайлова и китайских кошек генеральши Крахоткиной в «Селе Степанчикове и его обитателях». В романе «Братья Карамазовы» несколько раз указывается на китайские ширмочки в комнате Федора Павловича, причем китайские они только его глазами. Следует уточнить: китаисты XX в. неоднократно отмечали, что в России и Европе китайскими считались отнюдь не китайские вещи.

При всей необходимости указать на этот аспект разворачивания китайской темы в наследии Достоевского важно подчеркнуть, что присутствие в текстах таких маркеров китайской культуры не приближает нас к концепции Китая Достоевского, а лишь указывает на тотальную моду на все китайское, которая начала сходить только в 1880-е гг.

Китай как символ косности мышления, церемониальности. Особого внимания заслуживает рассмотрение китайских церемоний, «китайщины», как ее называет Достоевский, китайской косности, которая, по мысли писателя, является следствием четырехтысячелетней истории соблюдения традиции церемоний. При этом Достоевский или иронизирует над темой церемоний, или с сожалением замечает, что церемонии могут организовать только внутреннюю сторону жизни, что соблюдение церемоний может сузить жизнь человека до механической функции. Духовная рефлексия, чувство сострадания теряются: соблюдай традиции и тебе все будет позволено. Отсутствие нравственных ориентиров пугает писателя. В записной тетради 1864–1865 гг. в подготовительных материалах к статье «Социализм и христианство» Достоевский сатирически отметит: «Есть, жиреть и в карты играть. Китайский уклад. О бессмыслица» [13. Т. 20. С. 195].

Впервые о китайских церемониях Достоевский говорит в Семипалатинске в 1856 г. В воспоминаниях Г.Н. Потанина мы обнаруживаем следующее: «В Семипалатинске я встретился с Достоевским, но только на минуту; я входил в двери, а он выходил. Я остановился по одну сторону дверей, чтобы дать ему дорогу, он, оставаясь по другую сторону, предлагал мне первому перешагнуть порог. Произошло препирательство. Наконец он, улыбаясь, сказал: “Десять тысяч китайских церемоний!” Вот и все, что я от него услышал» [14. С. 194]. Е.Г. Новикова справедливо указывает на связь этого фрагмента с будущим вступлением к «Дневнику писателя» 1873 г. В подготовительных материалах к «Дневнику писателя» за указанный год Достоевский отметит: «Будь чем хочешь, лишь исполняй церемонии <...> Будь чем хочешь, это твое дело, убийцей, мерзавцем, нищим, фанатиком, но исполняй церемонии» [13. Т. 21. С. 295]. Церемонии являются связующими звеньями, не дающими муравейнику

(именно так Достоевский характеризует китайское общество, созданное на бездумном соблюдении порядка и традиций) распасться. Для того чтобы избежать превращения в муравейник, необходимы духовные скрепы, самоанализ, сострадание, вера. В подготовительных материалах к «Дневнику писателя» 1873 г. Достоевский помещает Китай во вполне предсказуемый и маркированный ряд. «Скука и китайщина». «Что такое Китай? Полизать пол, китайщина, муравейник. Лизать пол, есть рис» [13. Т. 21. С. 296].

Во вступлении к «Дневнику писателя» за 1873 г. Достоевский объединит все разрозненные высказывания о китайских церемониях и сатирически представит свое назначение в редакторы. «Двадцатого декабря я как раз читал статью “Московских ведомостей” о бракосочетании китайского императора; она оставила во мне сильное впечатление. Это великолепное и, по-видимому, весьма сложное событие произошло тоже удивительно просто: все оно было предусмотрено и определено еще за тысячу лет, до последней подробности, почти в двухстах томах церемоний. Сравнив громадность китайского события с моим назначением в редакторы, я вдруг почувствовал неблагодарность к отечественным установлениям, несмотря на то что меня так легко утвердили, и подумал, что нам, т.е. мне и князю Мещерскому, в Китае было бы несравненно выгоднее, чем здесь, издавать “Гражданина”. Там все так ясно... Мы оба предстали бы в назначенный день в тамошнее главное управление по делам печати. Стукнувшись лбами об пол и полизав пол языком, мы бы встали и подняли наши указательные пальцы перед собою, почтительно склонив головы. Главнуправляющий по делам печати, конечно, сделал бы вид, что не обращает на нас ни малейшего внимания, как на влетевших мух. Но встал бы третий помощник третьего его секретаря и, держа в руках диплом о моем назначении в редакторы, произнес бы нам внушительным, но ласковым голосом определенное церемониями наставление. Оно было бы так ясно и так понятно, что обоим нам было бы невероятно приятно слушать. <...> Заключив прекрасными словами: “Иди, редактор, отныне ты можешь есть рис и пить чай с новым спокойствием твоей совести”, третий помощник третьего секретаря вручил бы мне красивый диплом, напечатанный на красном атласе золотыми литерами, князь Мещерский дал бы полную взятку, и оба мы, возвратясь домой, тотчас же бы издали великолепнейший № “Гражданина”, такой, какого здесь никогда не издадим. В Китае мы бы издавали отлично» [13. Т. 21. С. 5–6].

Примечательным кажется помещение этого сатирического фрагмента во вступление к «Дневнику писателя». Достоевский использует шаблонные представления о китайских церемониях, распространенные в то время в обществе, и, в известной мере, доводит их до абсурда, гиперболизируя и детализируя процесс китайской церемонии, применяемый им для изображения процедуры назначения в редакторы. Однако если наложить этот полшутливый эпизод на размышления Достоевского в послесловии к роману «Бесы» о хаосе и отсутствии убеждений, то мы неминуемо приходим к выводу о встраивании китайской

темы в общую парадигму поиска путей налаживания порядка. Достоевский шутиливо примеряет китайский уклад на российскую действительность и, очевидно, приходит к мысли о невозможности достижения порядка в России за счет внешних механических средств. Не случайно в следующей за «Введением» главе «Дневника» «Старые люди» писатель, говоря о Белинском и Герцене, подчеркивает, что суть внутренних проблем общества заключается в отрицании и отсутствии нравственной ответственности каждого перед каждым.

Комически обыгрывая свое вступление в должность, Достоевский формулирует основные черты «китайского муравейника», главная из которых – «не задумываться». Развивая данную тему, он обнаруживает, что в российском обществе данная черта становится все более выгодной.

«На случай, если б я в Китае был так глуп и чист сердцем, что, приступая к редакторству и сознавая слабость моих способностей, ощутил бы в себе страх и угрызение совести, – мне бы тотчас же было доказано, что я вдвое глуп, питая такие чувства. Что именно с этого момента мне вовсе не надо ума, если б даже и был; напротив того, несравненно благонадежнее, если его нет вовсе» [13. Т. 21. С. 5].

Однако Достоевский обращает внимание читателя на то, что в Китае отсутствие рефлексии связано с выработанным многими тысячелетиями порядком, «там все предусмотрено и все рассчитано на тысячу лет» [13. Т. 21. С. 6], в России же задумчивость «дорого стоит». Писатель неоднократно подчеркивает, что сейчас в России трудно выражать свое мнение открыто, что проще писать непонятно, что беспорядок стал центром общества. Все друг друга подозревают, но никто не говорит об этом. Вместо выражения собственных суждений – короткое «Я ничего не понимаю». В такой ситуации ординарность, посредственность и глупость легко могут сойти за прячущийся талант, все равно никто ничего не поймет. Нежелание говорить прямо и откровенная глупость одинаково скрываются под шаблонными фразами: «Я ничего не понимаю в искусстве».

«У нас говорить с другими – наука, т.е. с первого взгляда, пожалуй, так же, как и в Китае; как и там, есть несколько очень упрощенных и чисто научных приемов. Прежде, например, слова “я ничего не понимаю” означали только глупость произносившего их; теперь же приносят великую честь. Стоит лишь произнести с открытым видом и с гордостью: “Я не понимаю религии, я ничего не понимаю в России, я ровно ничего не понимаю в искусстве” – и вы тотчас же ставите себя на отменную высоту. И это особенно выгодно, если вы в самом деле ничего не понимаете. <...> В Китае я бы отлично писал; здесь это гораздо труднее. Там все предусмотрено и все рассчитано на тысячу лет; здесь же все вверх дном на тысячу лет. <...> Но этот упрощенный прием ничего не доказывает. В сущности, у нас каждый подозревает другого в глупости безо всякой задумчивости и безо всякого обратного вопроса на себя: “Да уж не я ли это глуп в самом деле?” Положение вседозволенное, и, однако же, никто не доволен им, а все сердятся. Да и задумчи-

вость в наше время почти невозможна: дорого стоит. Правда, покупают готовые идеи. Они продаются везде, даже даром; но даром-то еще дороже обходятся, и это уже начинают предчувствовать. В результате никакой выгоды и по-прежнему беспорядок» [13. Т. 21. С. 6–7].

Подводя итог своим рассуждениям, Достоевский констатирует: «...пожалуй, мы тот же Китай, но только без его порядка. Мы едва лишь начинаем то, что в Китае уже оканчивается. Несомненно, придем к тому же концу, но когда? Чтобы принять тысячу томов церемоний, с тем чтобы уже окончательно выиграть право ни о чем не задумываться, – нам надо прожить по крайней мере еще тысячелетие задумчивости. И что же – никто не хочет ускорить срок, потому что никто не хочет задумываться». Достоевский дважды повторит эту мысль, подчеркивая, что и в России никто не задумывается ни о чем, кроме денежного достатка, и резюмирует: «...в сущности, у нас решительно тот же Китай, но только безо всякого порядка» [13. Т. 21. С. 7]. Принципиальным различием между Китаем и Россией является разное основание для нежелания задумываться. В Китае люди живут, не задумываясь, потому что тысячами томов церемоний и тысячелетним соблюдением традиций они выработали порядок, соблюдая который, можно жить не задумываясь. В России жизнь без задумчивости над своими действиями порождает еще больший беспорядок. Так, по мысли Достоевского, саморефлексия может разрушить устоявшийся порядок в Китае и, наоборот, явиться фундаментом для создания порядка в России. Не случайно образ Китая возникает в подготовительных материалах к «Подростку», в котором беспорядок является одной из основополагающих идей.

Следует особо отметить, что размышления о Китае и китайцах возникают во всем творчестве Достоевского только в открытом или имплицитном сопоставлении с Россией. Писатель практически не интересуется реальными политическими событиями в самом Китае, но постоянно анализирует китайский опыт выстраивания государственности, пытается разобраться в возможности применения данного подхода к российской истории и действительности. Лишь единожды мы обнаружим упоминание о реальных событиях: Опиумные войны 1840–1850 гг. В стихотворении «На европейские события в 1854 году», которое, безусловно, является предтечей геополитических идей и размышлений, развернувшихся в «Дневнике писателя». Достоевский открыто обвиняет англичан, которые ради экономической выгоды, фактически создают целую эпидемию наркомании в Китае.

«Не опиум, растливший поколение,
Что варварством зовем мы без прикрас,
Народы ваши двинет к возрожденью
И вознесет униженных до вас!
То Альбион, с насиллием безумным
(Миссионер Христовых кротких братств!)
Разлил недуг в народе полуумном,
В мерзительном алкании богатств!» [13. Т. 2. С. 405]
Это, пожалуй, единственный случай, когда писатель вводит в поле своих геополитических размышле-

ний события, касающиеся непосредственно китайского народа.

Китай как символ чужого и отдаленного. Китай трактуется Достоевским как страна крайне далекая, малопонимаемая, закрытая. Эти характеристики, а, прежде всего, гиперболизированная отдаленность неоднократно подчеркиваются писателем. Зачастую образ Китая используется им для эксплицирования закрытости и непонятности России для европейцев при всей внешней доступности. «Если есть на свете страна, которая была бы для других, отдаленных или сопредельных с нею стран более неизвестною, неисследованною, более всех других стран непонятою и непонятною, то эта страна есть, бесспорно, Россия для западных соседей своих. Никакой Китай, никакая Япония не могут быть покрыты такой тайной для европейской пытливости...» [13. Т. 18. С. 41]. Писатель подчеркнет ниже, что у непонятости Китая есть объективные причины: географическая отдаленность и закрытость, но характер китайца при этом более простой, созданный тысячелетним соблюдением правил и традиций понятнее европейцу. Китаец, в сознании западных соседей наделенный рядом клишированных характеристик, может быть понят через познание китайский устоев, русский же человек, несмотря на географическую близость, есть тайна, которую европейцы разгадать не могут веками.

Достоевский нередко использует образ Китая для подчеркивания принципиальной разницы между сопоставляемыми объектами. Так, говоря о воспитании и сравнивая отношение к воспитанию отцов семейств, писатель отмечает: «Тогда бывало иногда так, что два дворянина, отцы семейств, разнились между собою понятиями во всем, как Европа и Китай» [13. Т. 28, ч. 1. С. 309]. В черновых записках 1875–1876 г., в размышлениях о будущем России, Достоевский отмечает разность России и Европы и, подчеркивая ошибочность попыток записать себя в европейцы, делает пометы для размышления о Китае и России.

Китай как реальная угроза окраинам России. В публицистике Ф.М. Достоевского мы находим достаточное количество примеров, в которых Китай представлен как реальная угроза границам Российского государства. В первую очередь, это связано с территорией Сибири и восточных окраин. Опасность китайской угрозы повсеместно транслировалась сибирскими газетами, которые порою сильно преувеличивали реальную ситуацию. В 1854 г. в письме А.Е. Врангелю из Семипалатинска Достоевский напишет: «Из новостей ничего не знаю, кроме того, что (и, кажется, верно) китайцы сожгли нашу факторию в Чугучаке и консул спасся бегством» [13. Т. 28, ч. 1. С. 195].

Достоевский неоднократно будет говорить о китайском пришествии на сибирские земли, предостерегая государственных чиновников от халатного отношения к Сибири и азиатским окраинам. Известно, что писатель не раз рассуждал о возрождении России именно в Сибири. В этом смысле китайское или американское вторжение могло существенно повлиять на будущее страны. Записные тетради свидетельствуют о том, что Достоевский хотел написать отдельную статью об американской и китайской опасности, но не

реализовал свои планы. Встречаются в «Дневнике писателя» иронически изложенные мысли оппонентов писателя, большая часть из них относится к 1881 г.: «Сибирь продать по частям на сруб – уступить Китаю» [13. Т. 27. С. 78]; «Окраины все это вздор, все это мелочи... Россия до Урала, а дальше мы ничего и знать не хотим. Сибирь мы отдадим китайцам и американцам» [13. Т. 27. С. 73]. Данные высказывания в черновиках принадлежат либералам и высмеиваются писателем. Однако мысль об окраинах с 1874 г. не покидает Достоевского, в это время он запишет: «С В.В. Григорьевым поговорить: 1) о провинциальной печати 2) о наших азиатских окраинах. Будет ли справедлива мысль о китайцах?» [13. Т. 27. С. 112]. В записной тетради 1875–1876 гг. обнаруживаем: «Китай, Япония. Подымчивость наций Средней Азии» [13. Т. 24. С. 130]. Но в 1881 г. она обретает явственное звучание несмотря на то, что остается только в пометах в записных тетрадях и не складывается в отдельный текст.

Достоевский призывал как можно быстрее построить железные дороги, связать Сибирь с центральной частью и обезопасить окраины. «Южная линия Сибирской железной дороги, будущность Китая. Достаточно только некоторого расширения кругозора и мысли или толчка от реформ <...> чтобы не догадаться, что кругом пустые и богатые земли <...> а их, китайцев, бесконечно много, чтоб не <...> помыслить захватить эти земли <...> чтоб не догадаться до какой степени эти земли слабы и не защищены и даже в дальнейшем защищены быть не могут» [13. Т. 24. С. 83–84]. Идея прокладывания железной дороги, ее острая необходимость не единожды встречается в публицистике Достоевского. Подчеркивается опасность при продолжающемся запустении сибирских земель не только со стороны Китая, но и со стороны других стран, прежде всего Америки, а также Германии и Англии. Писатель подчеркивает, что неизбежное развитие военных идей в Китае неминуемо приведет к мысли о захвате сибирских земель. Угроза военного захвата постоянно мелькает в записных тетрадях писателя. Интересен факт, что, при подобных размышлениях, рядом с Китаем часто возникает Япония. Так в окончании заметки, упомянутой выше: «<На полях рядом с текстом: Южная линия... иметь в виду. О Японии (см. ниже). Китай>» [13. Т. 24. С. 84]. И еще в 1881 г. встречаются короткие пометы о возможном введении войск Китаем по примеру Японии, о неизбежности столкновений в Азии. При сложении всех разрозненных высказываний в единое целое складывается определенное отношение Достоевского к китайской опасности. Он не просто признает ее, но призывает задуматься и предпринять уже сейчас важные шаги для укрепления сибирских земель, для их развития и связи с центральной частью, Достоевский подчеркивает необходимость этих действий сейчас, безотлагательно, а через 50 лет, по мысли писателя, будет уже поздно. Китай, осознавший свою военную мощь, связанную, прежде всего, с многочисленностью и большим ростом населения может оказаться реальным врагом российским окраинам, прежде всего Си-

бири. Единственный выход, который видит писатель, заключается в скорейшем включении Сибири в качестве полноценного и, в геостратегическом плане, важного субъекта в геополитическую концепцию развития России. Известно, что и сам Достоевский в период пребывания в Сибири не называл эти земли Россией и только во время нахождения за границей изменил свою точку зрения.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть значение Китая в творчестве Достоевского. Все вышесказанное показывает, что писатель последовательно осмысливает Китай, китайский опыт построения государственности, китайские традиции. Неоднократно рассматривает оппозиции Китай и Россия, Китай и Европа. Безусловно, вписывает Китай в большее геополитическое пространство, Азию. Писатель стратегически точно отмечает опасность, которую Китай представляет для окраин России, в частности для Сибири. Пытается примерить китайский опыт развития на российскую действительность, но приходит к выводу о невозможности применения китайских стратегий управления людьми к русскому народу. Достоев-

ский мало интересуется китайским бытом и культурой, ограничиваясь лишь использованием в художественных произведениях общепринятых клише.

Понимание китайской стилистики и расшифровка особенностей китайской проблематики созвучна общим публицистическим веяниям того периода. Так мысль о косности, отсталости Китая стала едва ли не общим местом, в частности много об этом говорили О.И. Сенковский и В.Г. Белинский. Идея о принципиальном противопоставлении Европы и Китая и срединном положении России между ними высказывалась П.Я. Чаадаевым и получила особое развитие у Н.Я. Данилевского. И.А. Гончаров, как и Достоевский, предлагает изучить опыт принцип государственности Китая, чтобы не совершить своих ошибок. И все же Достоевский-публицист идет своим особым путем, он не просто осмысливает китайскую историю и действительность со стороны, определяя плюсы и минусы китайского уклада, он выстраивает всестороннюю социально-политическую концепцию азиатского пути развития на примере Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М. : Восток-Запад; АСТ, 2007. 598 с.
2. Алексеев М.П. Пушкин и Китай // Пушкин и мир Востока. М. : Наука, 1999. С. 50–80.
3. Пчелинцева К.Ф. Образ Китая в русской литературе и общественной мысли XIX–XX вв. спецкурс для иностранных студентов. Волгоград : Перемена, 2005. 21 с.
4. Гольгина К.Б. Образ Китая в русской и советской литературе // Теоретические проблемы изучения литератур востока. М., 1987. Ч. 1. С. 208–216.
5. Краснова Г.А. Достоевский и Китай // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 373–378.
6. Алексеев П.В. «Китайское вступление к «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 98–110.
7. Белинский В.Г. Китай в гражданском и нравственном отношении. Сочинение монаха Иакинфа // Белинский В.Г. Собрание сочинений : в 9 т. М. : Худ. лит., 1982. Т. 8. С. 595–599.
8. Сенковский О.И. Китай и китайцы // Собрание сочинений. СПб., 1858. Т. 6. 630 с.
9. Романова Н. Ф.М. Достоевский и «китайский вопрос». 2012. URL: <https://omiliya.org/content/fmdostoevskii-i-kitaiskii-vopros.html>
10. Алексеев П.В. Ф.М. Достоевский и Восток. Горно-Алтайск : БИЦ ГАГУ, 2017. 152 с. URL: https://www.academia.edu/35885207/Ф_М_Достоевский_и_Восток_F_M_Dostoevsky_and_the_East
11. Frank J. Dostoevsky: The Mantle of the Prophet, 1871–1881. Princeton; Oxford : Princeton University Press, 2003.
12. Цымбурский В.Л. Остров Россия: геополитические и хронополитические работы, 1993–2006. М. : РОССПЭН, 2007. 543 с.
13. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Ин-т русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (гл. ред.), Г.М. Фридендер (зам. гл. ред.), В.В. Виноградов и др.]. Наука. Ленинг. отд-е, 1972–1990.
14. Новикова Е.Г. Ф.М. Достоевский и сибирское областничество. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 185–197.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 декабря 2020 г.

China in the Perception of Fyodor Dostoevsky

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 49–55.

DOI: 10.17223/15617793/462/6

Ekaterina M. Ponkratova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekponkratova@yandex.ru

Daria A. Tarakanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dashnik@mail.ru

Keywords: Fyodor Dostoevsky; imagology; China; Chinese issue; 19th-century Russian literature.

This study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-90020\19.

The aim of the study is to form a holistic image of China as presented in the artistic and journalistic works of Fyodor Dostoevsky. The article examines the issue of China's place in Dostoevsky's works and its special significance for the formation of a holistic picture of the writer's world. A broad historical and cultural background is presented, showing the relevance of Dostoevsky's views on Chinese issues. Despite the existence of works devoted to the Chinese issue in the writer's work, the issue of the place and significance of China in the writer's heritage has not yet been resolved. For the first time, a number of fragments are introduced into academic discourse that reveal Chinese problems in the writer's works. The imagological concept unfolds on the broad material of the entire body of Dostoevsky's texts, bringing the scholarly apparatus of research to a new level. The article uses the following works: *White Nights*, *Humiliated and Insulted*, *The Village of Stepanchikovo*, *The House of the Dead*, *The Idiot*, *Crime and Punishment*, *The Possessed*, *The Brothers Karamazov*, the poem "On European Events in 1854", *A Writer's Diary*, preparatory materials for *A Writer's Diary*, notebooks of 1864 and 1865. It is concluded that the understanding of the Chinese theme is in harmony with the general journalistic trends of the second half of the 19th century, on the one hand; on the other hand, the unique

place of China in Dostoevsky's creative mind is emphasized. A clear structure of the constituents that form the writer's idea of China is proposed. China is considered in several significant aspects. China is a symbol of the alien and the distant. China is like a set of clichés and a fashion for Chinese household items. China is a real threat to the outskirts of Russia, Siberia. These positions are consistently analyzed in the article. The article also analyzes the Chinese attributes found in different works by Dostoevsky, demonstrates the writer's acquaintance with the clichéd idea of China. The position of understanding China as a symbol of the alien and the distant is considered in detail. The article shows how the author imposes the realities of Chinese statehood and the principles of organizing society on Russian reality based on the key theme of chaos and disorder. Particular attention is paid to the perception of China as a real threat to the outskirts of Russia. In considering this aspect, Dostoevsky's geopolitical ideas about the place and role of Siberia in the issue of the revival of Russia are touched upon. The need to expand the understanding of the specifics of Dostoevsky's Asian views is shown by including a detailed analysis of China and the Asian outskirts of Russia, which undoubtedly are part of the writer's circle of special reflections on the role and mission of Russia.

REFERENCES

1. Lukin, A.V. (2007) *Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII—XXI vekakh* [The bear is watching the dragon. The Image of China in Russia in the 17th–21st Centuries]. Moscow: Vostok-Zapad; AST.
2. Alekseev, M.P. (1999) Pushkin i Kitay [Pushkin and China]. In: Chelyshev, E.P. (ed.) *Pushkin i mir Vostoka* [Pushkin and the World of the East]. Moscow: Nauka. pp. 50–80.
3. Pchelintseva, K.F. (2005) *Obraz Kitaya v russkoy literature i obshchestvennoy mysli XIX–XX vv. Spetskurs dlya inostrannykh studentov* [The Image of China in the Russian Literature and Social Thought of the 19th–20th centuries. A course for foreign students]. Volgograd: Peremena.
4. Golygina, K.B. (1987) Obraz Kitaya v russkoy i sovetskoy literature [The image of China in Russian and Soviet literature]. In: *Teoreticheskie problemy izucheniya literatur vostoka* [Theoretical problems of studying the literature of the East]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 208–216.
5. Krasnova, G.A. (1999) Dostoevskiy i Kitay [Dostoevsky and China]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 373–378.
6. Alekseev, P.V. (2017) Chinese introduction to A Writer's Diary by Fyodor Dostoevsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 49. pp. 98–110. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/49/7
7. Belinskiy, V.G. (1982) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: In 9 volumes]. Vol. 8. Moscow: Khud. lit. pp. 595–599.
8. Senkovskiy, O.I. (1858) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: In 9 volumes]. Vol. 6. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
9. Romanova, N. (2012) *F.M. Dostoevskiy i "kitayskiy vopros"* [F.M. Dostoevsky and the "Chinese question"]. [Online] Available from: <https://omiliya.org/content/fmdostoevskii-i-kitaiskii-vopros.html>.
10. Alekseev, P.V. (2017) *F.M. Dostoevskiy i Vostok* [F.M. Dostoevsky and the East]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. [Online] Available from: https://www.academia.edu/35885207/F_M_Dostoevskiy_i_Vostok_F_M_Dostoevsky_and_the_East.
11. Frank, J. (2003) *Dostoevsky: The Mantle of the Prophet 1871–1881*. Princeton; Oxford: Princeton University Press
12. Tsyburskiy, V.L. (2007) *Ostrov Rossiya: geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty, 1993–2006* [The Russia Island: Geopolitical and chronopolitical works, 1993–2006]. Moscow: ROSSPEN.
13. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy v tridsati tomakh* [Complete works in thirty volumes]. Leningrad: Nauka.
14. Novikova, E.G. (2019) Fyodor Dostoevsky and Siberian regionalism. Article one. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 59. pp. 185–197. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/59/11

Received: 09 December 2020

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.1

Т.Х. Керимов

«НОВЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ» В СОЦИОЛОГИИ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Дается критический анализ онтологических последствий «нового материализма» в социологии. Уточняются контекст развития «нового материализма» и его ключевые требования, которые в совокупности создают предпосылки для формирования «плоской онтологии» сборок. Последняя противопоставляется эссенциалистской онтологии мейнстримсоциологии. Раскрываются онтологические тупики «нового материализма» и их влияние на дисциплинарную и постдисциплинарную идентичность современной социологии.

Ключевые слова: новый материализм; мейнстримсоциология; социальный конструктивизм; социальная онтология; сборка; корреляционизм; антропоцентризм; дисциплинарность; постдисциплинарность.

Введение

«Новый материализм» приобрел широкую известность в философии и социально-гуманитарных науках в первые десятилетия XXI в. С этим движением связывают имена К. Барад, Дж. Беннетт, Р. Брайдотти, М. Деланды, Б. Латура, Г. Хармана [1]. Все вышеупомянутые авторы крайне критичны в отношении собственного мейнстримсоциологии пренебрежительного отношения к материи как чистого вместилища формы, чистой пассивности или восприимчивости. Задача новой материалистической социологии состоит в изучении процессов производства, а не конструирования, социального. Материя наделяется свойствами энергетизма, витализма, генеративных способностей. Такие понятия, как «интрадействие», «пульсирующая материя», «сборка», «аффект», «перформативность», в качестве наиболее очевидных примеров отражают живой, деятельный характер человеческой жизни, общеизвестные практики которой формируются на пересечении человеческого и нечеловеческого, органического и неорганического, социального и материального.

Важно подчеркнуть, что «новый материализм» – это не систематизированная теория. Поэтому вполне естественно, что далеко не все описания и оценки «нового материализма» согласуются между собой. Но вопреки всем различиям новых материалистов объединяет убеждение в необходимости онтологической переориентации современной социальной теории и, в частности, социологии. Данная статья предлагает критический анализ онтологических последствий «нового материализма» в описании и объяснении социального. Помимо того, что онтология является важнейшим компонентом и необходимой формой конституции социальности, можно выделить две причины обращения к онтологическим последствиям «нового материализма».

Во-первых, онтология дает полезную точку сравнения, с которой можно оценить новизну и ценность «нового материализма» в рамках дисциплины. Но оценка не может быть достаточным критерием, и тут встает, следовательно, вопрос об обосновании. Во-вторых, «новый материализм» претендует на построение новой социальной онтологии, и эта претензия заслуживает ответа. Предлагая такой ответ, мы исхо-

дим из того, что, несмотря на некоторые обоснованные заявления «нового материализма», онтологическое обесценение социального порождает ряд аналитических и методологических проблем при его описании и тем самым ставит под сомнение дисциплинарную определенность социологии.

Что нового в «новом материализме»?

Сегодня контекст рефлексии о материи изменился не только в ходе дискуссий в философии и естественных науках. Он трансформировался, исходя из требований социально-гуманитарных дисциплин и тех вопросов, которые, и на то были свои причины, не были поставлены в рамках мейнстримсоциологии. Тем более важно подчеркнуть контекст актуализации материализма в современной социологии. «Новый материализм» противопоставляет себя материализму мейнстримсоциологии, с одной стороны, и постструктурализму и социальному конструктивизму – с другой. Прежде всего следует отметить, что материализм всегда был важным элементом социологии. Вклад исторического материализма в этой связи следует признать как наиболее значимый. Но использование материалистических идей не менее очевидно и в различных немарксистских социальных теориях [2].

Тем не менее два уточнения необходимы, чтобы лучше очертить область материализма в мейнстримсоциологии. Во-первых, социологию интересует социальная или даже социализированная материя, практическое сочетание человеческих действий и нечеловеческих артефактов, «социально-материальные констелляции» [3. Р. 5]. Материя как таковая исключена из области социальных наук, она является предметом естественных наук. Но она присваивается, интегрируется в социальное посредством присвоения ей статуса внешнего. В этой связи исключение материи представляется как структурно необходимый элемент социального. Во-вторых, социализированная материя в свою очередь определяется через ее редукцию к самореферентным субстанциям, будь то «производственные отношения» К. Маркса, «социальные факты» Э. Дюркгейма, «социальные действия» М. Вебера. Более того, и что не менее важно, субстантивизм / редукционизм характерен не только для социологии в пору ее становления. Как мы увидим, он сохраняется,

хотя и в разных формах, на протяжении всей истории социологии.

Полагая, что социоматериальность невозможно свести к каким-либо субстанциям, столь популярным в редукционистских концепциях, социальный конструктивизм (и, в целом, постструктурализм), истоки которого в социологии восходят к Г. Зиммелю, М. Веберу и Дж. Миду и ведут через А. Шюца и феноменологию к символическому интеракционизму, этнометодологии и гуманистической социологии, предложили альтернативную перспективу, признающую гетерогенность социального, сложные связи между властью, знанием и дискурсом, телом и субъективностью. Новые материалисты прямо не отвергают постструктурализм: идеи М. Фуко и Ж. Делеза о телесных и недискурсивных практиках оказали решающее влияние на формирование «нового материализма».

Тем не менее социальный конструктивизм (и, в целом, постструктурализм) представляется весьма проблематичным для новых материалистов, поскольку он, будучи частью культурного или лингвистического поворота, выдвигает на первый план текстуальный и дискурсивный анализ. Идея опосредованности материи всевозможными дискурсивными образованиями – языком, текстом, культурными репрезентациями и символами – блокирует всякий доступ к ней: «социальное конструирование реальности – это не социальное конструирование всей реальности, а социальное конструирование *социальной* реальности» [3. Р. 12]. Это определение повторяет ту же тавтологическую или даже гиперболическую уловку, которую Дюркгейм превратил в краеугольный камень социологии: «...объяснения социальной жизни нужно искать в природе самого общества» [4. С. 492].

В сопоставлении с мейнстримсоциологией и постструктурализмом «новый материализм» не просто отвергает различие между материей и социальностью, так же, как и разделение естественных и социальных наук, но и радикально расширяет сферу материалистического анализа и выходит за рамки как мейнстримсоциологии с ее субстантивизмом / редукционизмом, так и постструктурализма с его конструктивизмом [5. Р. 7]. Материальность – это всегда нечто большее, чем просто материя: избыточность, сила, витальность, множественность или различие, которые наделяют материю свойствами активности, самореализации, непредсказуемости. Но эти свойства не *post factum* приписываются предданной материи. Вся действительность материи заключена в ее материализации, в имманентных модусах самопреобразования, самоорганизации и необратимости.

Систематическое изложение «нового материализма» не входит в наши намерения. Мы здесь ограничимся тем, что выделим три ключевых требования новой материалистической социологии [6. С. 4].

1. Материальный мир не является фиксированным, устойчивым, его необходимо рассматривать в инстанции становления, событийности. Западная философская и соционаучная традиции склонны трактовать материю как нечто грубое и инертное: пассивную субстанцию, управляемую и манипулируемую субъектами. В отличие от этой безжизненной материи, новые материалисты

выступают за то, что Беннетт называет «живой материальностью» [7. Р. 6]: активная, живая, текучая материя генерирует формы без всякого внешнего вмешательства. Материя обладает своими собственными формопорождающими ресурсами, она не нуждается во внешних социальных конструкциях или субъектах, чтобы быть оформленной или управляемой [8. Р. 43].

2. Природа и культура должны рассматриваться не как отдельные сферы, а как части континуума материальности [9. Р. 3; 10. Р. 209]. Природа не является пассивным ресурсом для формирования культурных значений или социальных конструкций. «Новый материализм» трансформирует исходную оппозицию природы и культуры: не столько природа и не столько культура, а случайная или неупорядоченная гибридизация: сети, отношения, перформансы, материализации, ассамбляжи, гибриды человеческого-нечеловеческое, органическое-неорганическое. Гибридизация конструирует мир как свой собственный контекст и внешнюю среду. Дифференциация природы и культуры теряет всякую определенность, поскольку они совместно участвуют в операции, которая их опосредует и производит гибридную реальность.

3. Способность к действию присуща и нечеловеческим акторам [11. С. 77]. Способность к действию – это способность создавать различие, она выражается как различие и не существует отдельно от своего дифференциального выражения. Вместо двух разнородных областей (людей с их действиями и объектов) имеет место сложная сеть из человеческих и нечеловеческих акторов. Данное требование влечет за собой далеко идущие последствия. Во-первых, человеческое действие не обладает никакой привилегией: в каждом индивиду действуют многообразные центры сил, которые непрерывно комбинируются и борются; то, что мы называем действием, – это всего лишь проявление не поддающегося контролю конфликта между этими центрами сил, а не интенциональность, полагающаяся сама себе законы. Материалистический поворот в социологии устраняет ее антропоцентрическую направленность, признавая людей одной материальностью среди множества других.

Во-вторых, способность к действию признается рутинной чертой нечеловеческих объектов. Явления производятся в результате «интра-действий» множества человеческих и нечеловеческих агентов: «мир – это интра-действие в его дифференциальной материализации» [12. Р. 817]. Если способность к действию присуща и нечеловеческим объектам, то интенциональные коннотации действия нарушаются и в другом смысле. Нужно признать не только то, что человеческие интенции подвержены воздействию нечеловеческих объектов, но и то, что сами эти интенции в конечном итоге формируются в результате действий этих объектов.

Данные требования со всеми сопутствующими им выводами прямо противоречат основополагающим принципам мейнстримсоциологии. Чтобы в этом убедиться, надо только поставить вопрос о природе социальной реальности, которую подразумевают данные требования, а одновременно прояснить последствия этой онтологии для дисциплинарной идентичности социологии.

Две онтологии социального

Самого беглого взгляда на историю социологии достаточно, чтобы выделить два различных подхода к построению социальной онтологии и соответствующие ориентиры в понимании социальной реальности. В основании первой онтологии социального лежат принципы субстантивизма / эссенциализма, редукционизма и деонтологизации объекта. Принципиальным условием данной онтологии является выделение особого элемента в социальности и наделение его статусом сущности (объяснительного принципа или аналитической первопричины). То есть данный элемент получает привилегию основания, сущности, *causa prima* социального.

В этой перспективе за всеми проявлениями объектов исследователю необходимо увидеть метафизику социальной сущности. Благодаря этой сущности все объекты наделяются социальными качествами. Субстантивизм / эссенциализм часто принимает замаскированную форму «последней инстанции», когда, например, социальное, хотя, возможно, и признается в некотором отношении внутренне разделенным, неопределенным и динамичным, тем не менее рассматривается как обладающее сущностной общностью, преодолевающей все различия и множественности. Естественным продолжением субстантивизма / эссенциализма является редукционизм. Именно редукционизм обеспечивает сведение гетерогенности и множественности социального к единой субстанции / сущности. Все социальные явления соизмеримы, т.е. предполагают некую общую меру – сущность, к которой в конечном счете они и сводятся. Редукционизм в свою очередь возможен благодаря деонтологизации объектов, в результате которой объекты лишаются своей индивидуальности, неповторимости, потенциальности и тем самым уравниваются между собой, трансформируются в «гладкие объекты», что и позволяет индивидуальные различия редуцировать к единой сущности.

Эссенциализм характеризует не только раннюю социологию (мы уже упоминали «социальные факты» Дюркгейма или «социальные действия» Вебера), но и преобладает в макро-, микро-, мезосоциологических описаниях социального, когда последнее редуцируется к структурам (в структурализме, структурном функционализме), к практикам и категориям повседневной жизни (в феноменологической социологии, этнометодологии, символическом интеракционизме и т.д.), к срединным факторам, опосредующим отношения структуры и действия (к практикам в теории структуризации Э. Гидденс, к габитусам в структуралистском конструктивизме П. Бурдьё, к коммуникациям в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса). Упоминание в одном ряду социологов настолько разных ориентаций, как, например, Дюркгейм, Вебер или Гидденс, идет вразрез с общепринятыми взглядами на историю дисциплины. Если для Дюркгейма объект социологии («социальные факты») нельзя смешивать ни с органическими, ни с психическими, он находится вне индивида и наделен принудительно силой [4. С. 413], то Вебер отождествляет

социальное с осмысленными действиями, ориентированными на других людей и осуществляемыми для достижения определенных целей [13. С. 625]. Гидденс утверждал, что нашел выход из дилеммы «империализма субъекта» и «империализма социального объекта» в «теории структуризации», согласно которой предметом социологии являются «социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени» [14. С. 40].

На первый взгляд, данные позиции представляются совершенно непримиримыми. И тем не менее общим местом мейнстримсоциологии остаются эссенциалистская онтология и задаваемые ею ориентиры в понимании социального. Во-первых, социальное обладает собственной идентичностью, отличается от любой другой реальности, не сводится к ней и не выводится из нее. Во-вторых, социальное автономно, т.е. оно является собственным основанием, причиной. Социология необходима, а социологический анализ оправдан именно в силу автономного существования социального. В-третьих, социальное самодостаточно в смысле самоописания и самообъяснения. Оно не нуждается в метафизических определениях мироздания. Задача социологии заключается в социальном объяснении социального. В-четвертых, социальное первично, оно полагается в качестве реальности, которая господствует над людьми и подчиняет все иные измерения и возможности бытия человека в мире – они выступают лишь как частный случай социального мира.

Новая материалистическая онтология, описываемая как «плоская» или «монистическая» [6. Р. 7], постулирует существование объектов, одинаковых по своему онтологическому статусу, но отличающихся по своему пространственно-временному масштабу [8. Р. 58]. Одинаковый онтологический статус объектов устраняет любые онтические различия между ними и указывает на безусловное их равенство без общей меры или критерия их сопоставления или сравнения. Никакая субстанция не может рассматриваться в качестве сущности социального. «Новый материализм» стремится постоянно уклоняться от наличия какой-либо субстанции / сущности социального. В действительности ни одно понятие, которое до сих пор в социологии представлялось онтологической субстанцией / сущностью, не может быть использовано для обоснования социального: «Ни действие, ни актор, ни взаимодействие, ни индивид, ни символ, ни система, ни общество, ни их многочисленные сочетания» [15. С. 91]. Первичной онтологической реальностью являются не замкнутые, ограниченные субстанции с определенными свойствами и качествами, а гетерогенные сети, переплетения, сочленения без предсуществующих субстанций [12. Р. 815]. Различение социального и материального нивелируется: отказ от основания во всех его формах сущности, причины и т.п. влечет за собой утверждение гетерогенности, множественности социального, его несамодостаточность, размывание его границ.

Множественность социального объясняется «двойной связью» принципа ирредукции: «Ничто само по себе ни редуцируемо, ни нередуцируемо ни к

чему» [16. Р. 158]. Данный принцип менее парадоксален, чем он есть на самом деле, если принять во внимание, что любой объект – это не субстанция, а множество. В таком случае принцип ирредукции подразумевает, что никакой объект-множество полностью, т.е. без остатка, нередуцируем ни к какому другому объекту-множеству, но это же означает, что объекты *частично* редуцируемы к другим объектам, т.е. части данного объекта-множества могут быть связаны с частями другого объекта-множества. «Двойная связь» ирредукции обеспечивает гетерархическое, сетевое структурирование социальности. Ключевым понятием новой материалистической онтологии становится понятие сборки, хотя в работах новых материалистов используется целый ряд других терминов для ее обозначения – множества, сети, ассоциации, перформативности, коллективности и т.д.

«Плоская онтология» манифестирует неиерархическое отношение между «микро» и «макро», «частью» и «целым», исключаяющее место интеграции, соединения, объединения множеств. Целое не тождественно тотальности или закрытой системе, оно открыто, его фундаментальной модальностью является непрерывное изменение или порождение нового. Целое образуется «отношениями экстерности» [8. Р. 10]: элементы сборки могут включаться в различные сборки, не создавая никакого органического целого. «Плоская онтология» проблематизирует саму идею автономного, самодостаточного социального, обеспечивающего описание явлений в социологических терминах. Социальное не может быть представлено во всей его идентичности, самодостаточности, поскольку сборки, расширяясь, связываясь с другими сборками, создают шаг за шагом новые материальные связи, устанавливая гетерогенную сеть в становлении. «Социальное» обозначает не отдельную сферу реальности, а процессы прослеживания гетерогенных сборок.

«Плоская онтология» серьезно усложняет вопрос о том, насколько актуальны тезисы «нового материализма» для концептуализации социального. Мейнстрим-социология могла предложить разные, а иногда и совершенно противоречащие друг другу аналитические перспективы, но она не ставила под сомнение существование автономной, самодостаточной социальной реальности и сосредоточивалась на ее описании. Именно в этом решающем пункте онтологического обесценения социального проявляются со всей ясностью крайние последствия «нового материализма».

Онтологические тупики «нового материализма»

Прежде всего важно отметить, что понятие социальной онтологии имеет смысл только при условии понимания четких границ социального. Для того чтобы определить социальное, мы должны выявить его границы и тем самым отличить его от того, чем оно не является. Мейнстримсоциология с ее принципами эссенциализма, редукционизма и деонтологизации объектов постулирует существование автономной, самодостаточной социальности. Без сомнения, в мейнстримсоциологии границы социального определяются исходя из исторически меняющихся

отношений с материей. Но она присваивает материю именно в качестве внешнего социального, трансформирует ее во внутреннее условие его собственно развертывания. Определение границ социального выступает как определение восстановленного ограничения, так что факт существования социальной реальности, какими бы подвижными ни были ее границы, никогда не оспаривается.

Но в тот момент, когда кто-то ставит под сомнение существование таких границ и, соответственно, автономного социального, устанавливает отношения пересечения или даже общности между различными онтологическими областями понятия социального и социальной онтологии становятся проблематичными. «Новый материализм» рассматривает социальное как поверхностный эффект несоциального, т.е. гетерогенных и множественных сетей, сборок, множеств. Последние отныне являются подлинным «предметом» социологического исследования, «несоциологическим основанием социологии» [17. Р. 83]. Рассеивание социального, попытки его трактовки в качестве реальности как таковой приводят к тому, что оно и вовсе лишается объективного существования. Поэтому неудивительно, что в «плоской онтологии» то, что мы называем обществом, является не чем иным, как аналитически ошибочной идентификацией большого числа тесно взаимосвязанных, но онтологически различных сборок: «...общества нет, социальной сферы нет, социальных связей нет, а есть переводы между посредниками, которые могут порождать прослеживаемые ассоциации» [11. С. 153]. Ассоциации остаются обособленными друг от друга, но вступают в отношения в форме сборок и экологий, упорядоченных «гравитационной» или аффективной силой, с которой они воздействуют друг на друга.

В некотором смысле, конечно, тезис о том, что «общество» представляет собой гетерогенную сеть вложенных друг в друга сборок, не вызывает сомнений и является необходимым следствием критики эссенциализма [18]. Переход от него к утверждению о множественном социальном представляется лишь логическим шагом. Есть, однако, одна трудность, которую не рассматривает вся эта аргументация, а именно: как определить границы сборки? Эссенциалистская перспектива позволяет установить общее основание и редуцировать к нему сборки; но если мы имеем дело с гетерогенными сборками, то мы лишаемся возможности установления систематических границ, которые определяли бы данную сборку. На самом деле, единственный способ определения сборки заключается в установлении ее границ, но для этого необходимо указание на то, что лежит за ними. Но за границами данной сборки могут быть только другие сборки, и в этом случае невозможно определить, являются ли эти сборки внутренними или внешними по отношению к данной сборке. Сама возможность ограничения и, следовательно, идентификации сборки, таким образом, ставится под угрозу. Возникает вопрос: из какой перспективы мы можем социологически воспринимать и описывать такое множественное социальное, когда отвергаем какое-либо понятие общего? «Новый материализм», исключая необходи-

мый элемент общности, которая является предпосылкой социологии вообще, превращает онтологическое устремление в рассказ о социологе-наблюдателе, рискующем впасть в «прекраснодушные представления»: имеются только различия, множества [19. С. 9].

Однако, как мы намерены далее показать, эта тенденция к номинализму и отказ от универсальных онтологических спекуляций самопротиворечивы как в отношении идентификации сборок, так и в отношении их материального и социального содержания.

Для большей убедительности нашей аргументации допустим, что идентификация сборок, пусть даже временная и локальная, возможна. Но это же означает, что любая сборка относительна и дифференциальна, поскольку идентифицируется исключительно в отношениях с другими сборками. А это в свою очередь предполагает присутствие не только других сборок, но и общего основания, конституирующего различия как различия. Данное допущение показывает, почему аргумент в пользу множественной социальности в конечном итоге противоречив. Множественность самоупраждает, как только она онтологизируется, наделяется свойствами реальности в форме сборок или ассоциаций. То есть множественность локализуется, обнаруживает свое «естественное» место, ограничивается, редуцируется к общему основанию. Онтологизация множественности самопротиворечива, потому что она служит основой для установления различий как различий, и такая основа может быть только новой версией эссенциализма.

Аналитические трудности возникают и при описании отношения социального и материального содержания сборок. Ключевые требования «нового материализма» призваны преодолеть традиционные социологические оппозиции, в том числе оппозицию социального и материального. Если мир состоит из социоматериальных сборок, то это означает, что существование материальностей неразрывно связано с их социальным (человеческим) оформлением. Можно выделить три отчетливые трактовки этого соотношения социального и материального.

Первая трактовка является эпистемологической. Она не отрицает существования материи вне социальных форм, но объектом социологии объявляет именно социальную или социализированную материю. Согласно данной трактовке, могут существовать материальности, которые независимы от социальных форм, но об этих материальностях как таковых мы ничего не можем знать. И главным образом потому, что у нас нет доступа к материальностям, которые не были бы связаны с актом мышления. Данная трактовка впадает в известный «корреляционистский круг» [20. С. 12]: как только мы пытаемся мыслить что-то независимое от нашего мышления, оно тут же становится объектом мышления. Но тем самым «новый материализм» воссоздает дуализмы, которые он тщетно пытается преодолеть: дуализм материи-в-себе и материи-для-нас, природы и общества.

Согласно второй – онтологической – трактовке, мир существует в форме социоматериальных сборок, т.е. существование материи зависит от социальных форм. Но тем самым «новый материализм» восста-

навливает известную форму антропоцентризма и противоречит собственным требованиям. Во-первых, отрицается существование материальностей, независимых от социальных форм, что противоречит требованию «нового материализма» о живой, активной материи, генерирующей формы без всякого внешнего вмешательства. Во-вторых, нарушается другое требование «нового материализма», согласно которому способностью к действию наделяются не только человеческие акторы, но и нечеловеческие объекты. Материальности лишаются самой возможности существования вообще, кроме тех случаев, когда они встроены в социальные формы.

Третья трактовка также является онтологической, но основывается на идее независимости материи от социальных форм. То есть мир состоит как из материальных, так и из социоматериальных сборок, но только последние являются предметом социологии. Недоступность материи вне социальных форм не исключает их существования. Однако в данной версии «новый материализм» ничем не будет отличаться от большинства направлений мейнстримсоциологии, которая постулирует достаточно подвижные границы между социальным и материей.

Хотя главная идея, лежащая в основе «нового материализма», может быть привлекательной, при ближайшем рассмотрении возникает ряд методологических и аналитических проблем, которые фактически лишают нас возможности описания радикальной множественности социальности. Множественность не может быть универсально и окончательно обоснована, поскольку она открыта собственной множественности. Если новые материалисты, желая избежать корреляционизма и антропоцентризма, допускают существование материи вне социальных форм, то это решение не содержит ничего радикального и оригинального.

Заключение

«Новый материализм», будучи теоретически амбициозным, междисциплинарно обоснованным и риторически убедительным, предлагает не только оригинальные (хотя, очевидно, все еще оспариваемые) способы анализа места материальности – во всех его модальностях – в структуре социальной реальности, но и важную провокацию относительно дисциплинарной определенности социологии. Нужно согласиться с тем, что «новый материализм» значительно расширяет сферу материалистического анализа в социальных науках, создает предпосылки для преодоления традиционных социологических оппозиций человеческого и нечеловеческого, социального и естественного, структуры и действия, макро- и микро-, формулирует новую онтологию социального и развертывает систему понятий, конкретизирующую эту онтологию в описании, объяснении и проектировании социальных процессов. В статье мы поставили ряд критических вопросов в отношении онтологических последствий «нового материализма», его методологических возможностей и аналитических ресурсов. Эти вопросы обнажают серьезную альтернативу. Альтернатива, сформулированная в

терминологии данной статьи, может быть обобщена следующим образом.

С одной стороны, онтологическое обесценение социального, размывание границ социологических явлений можно интерпретировать как недостаток. В конце концов, определенность онтологических границ свидетельствует об объективной зрелости дисциплины, так что социологии необходимо преодолеть этот недостаток, разработав более «приемлемые» ответы на вызов «нового материализма». С

другой стороны, можно сомневаться в желательности установления онтологических границ социологии и принять тот факт, что социология постоянно пересматривает границы своего предмета исследования. Последнее и делает ее «самой опасной, дерзкой и провокационной из общественных наук» [14. С. 5], а именно наукой о современных обществах. Это не вполне приемлемая гипотеза для дисциплинарного духа, но она, безусловно, лучше соответствует динамичной и реляционной социальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dolphijn R., van der Tuin I. *New Materialism: Interviews & Cartographies*. Michigan : Open Humanities Press, 2012. 198 p.
2. Koch A.M. *Materialism and Social Inquiry in the Continental Tradition in Philosophy*. Lanham : Lexington Books. 158 p.
3. *Discussing New Materialism. Methodological Implications for the Study of Materialities*. Wiesbaden : Springer. 220 p.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. М. : Наука, 1990. 575 с.
5. *New Materialisms. Ontology, Agency, and Politics*. Durham; London : Duke University Press, 2010. 552 p.
6. Fox N.J., Alldred P. *Sociology and the New Materialism: Theory, Research, Action*. London : SAGE Publications Ltd., 2017. 240 p.
7. Bennett J. *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Durham; London : Duke University Press, 2010. 200 p.
8. DeLanda M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London; New York : Continuum. 149 p.
9. Braidotti R. *The Posthuman*. Cambridge : Polity Press, 2013. 180 p.
10. Haraway D. *Modest_Witness@Second_Millennium. Femaleman_Meets_Oncomouse*. New York : Routledge, 2018. 424 p.
11. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
12. Varad K. Posthumanist performativity: toward an understanding of how matter comes to matter // *Sign*. 2003. № 28 (3). P. 801–831.
13. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
14. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М. : Академический Проект, 2005. 528 с.
15. Латур Б. Об интеробъектности // *Социологическое обозрение*. 2007. Т. 6, № 2. С. 79–96.
16. Latour B. *The pasteurization of France*. Cambridge : Harvard University Press, 1988. 292 p.
17. Toews D. Tarde and Durkheim and the non-sociological ground of sociology // *The Social after Gabriel Tarde: Debates and Assessments*. London : Routledge, 2010. P. 80–92.
18. Красавин И.В. Гетерархия множества // *Логос*. 2017. Т. 27, № 3. С. 173–198.
19. Делез Ж. Различие и повторение. СПб. : Петрополис, 1998. 384 с.
20. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2015. 196 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 28 октября 2020 г.

“New Materialism” in Sociology: Ontological Consequences

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 56–62.

DOI: 10.17223/15617793/462/7

Tapdyg Kh. Kerimov, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kerimovt@mail.ru

Keywords: new materialism; mainstream sociology; social constructivism; social ontology; assemblage; correlationism; anthropocentrism; disciplinarity; post-disciplinarity.

The aim of this article is to provide a critical account for the ontological consequences of “new materialism” in sociology. The author explicates the context of the emergence of “new materialism”. In juxtaposition of materialism in mainstream sociology and social constructivism, “new materialism” significantly extends the sphere of materialistic analysis. It looks at the matter not as a pure container of the form, a pure passivity, but is rewarded with the features of energetism, vitalism and generative capacities. The author discloses the content of “new materialism” through reference to its three requirements: the processuality, eventfulness of the material world; the single nature-culture continuum; the extension of the capacity to act to non-human objects. In sum, all these requirements provide presuppositions for the “flat ontology” of assemblages that is opposed to mainstream sociology. The latter, with its principles of essentialism, reductionism and deontology of objects, postulates the existence of autonomous and self-sufficient sociality. In contrast, in new materialistic ontology none of the substances can be taken as an essence of the social, which entails the affirmation of the heterogeneity and multiplicity of the social. Heterogeneous assemblages appear as a primary ontological unit. Erosion of the social, its ontological devaluation as a separate sphere of reality, leads to the fact that notions of the social and social ontology become problematic. The article reveals ontological dead ends in the identification of assemblages and in the description of their social and materialistic content. The possibility of assemblage identification shows that ontologization of multiplicity can be only a new version of essentialism. The argument of the article is that there are three interpretations of assemblages, distinguished in terms of their material and social content. The first one allows the existence of matter out of social forms, but denies the possibility of its cognition and thus restores the dualism of matter-in-itself and matter-for-ourselves, of nature and society. The second one denies the existence of matter out of social forms, but thus becomes anthropocentric, which contradicts to the initial requirements of “new materialism”. The third interpretation is based on the idea of the independence of matter from social forms, but in such a version “new materialism” does not differ from mainstream sociology. The ontological dead ends of the “new materialism” bare the alternative between the disciplinary and post-disciplinary identities of sociology in the situation of a dynamic and relational social reality.

REFERENCES

1. Dolphijn, R. & van der Tuin, I. (2012) *New Materialism: Interviews & Cartographies*. Michigan: Open Humanities Press.
2. Koch, A.M. (2017) *Materialism and Social Inquiry in the Continental Tradition in Philosophy*. Lanham: Lexington Books.
3. Kissmann, U.T. & Van Loon, J. (eds) (2019) *Discussing New Materialism. Methodological Implications for the Study of Materialities*. Wiesbaden: Springer.
4. Durkheim, E. (1990) *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The division of labor in society. The rules of sociological method]. Translated from French by A.B. Gofman. Moscow: Nauka.
5. Coole, D. & Frost, S. (eds) (2010) *New Materialisms. Ontology, Agency, and Politics*. Durham; London: Duke University Press.
6. Fox, N.J. & Alldred, P. (2017) *Sociology and the New Materialism: Theory, Research, Action*. London: SAGE Publications Ltd.
7. Bennett, J. (2010) *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Durham; London: Duke University Press.
8. DeLanda, M. (2006) *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London; New York: Continuum.
9. Braidotti, R. (2013) *The Posthuman*. Cambridge: Polity Press.
10. Haraway, D. (2018) *Modest_Witness@Second_Millennium. Femaleman_Meets_Oncomouse*. New York: Routledge.
11. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social: An introduction to actor-network theory]. Translated from English by I. Polonskaya. Moscow: HSE.
12. Barad, K. (2003) Posthumanist performativity: toward an understanding of how matter comes to matter. *Sign*. 28 (3). pp. 801–831.
13. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Translated from German by Yu.N. Davydov. Moscow: Progress.
14. Giddens, A. (2005) *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The constitution of society: Outline of the theory of structuration]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii Proekt.
15. Latour, B. (2007) On interobjectivity. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 6 (2). pp. 79–96. (In Russian).
16. Latour, B. (1988) *The pasteurization of France*. Cambridge: Harvard University Press.
17. Toews, D. (2010) Tarde and Durkheim and the non-sociological ground of sociology. In: Candea, M. (ed.) *The Social after Gabriel Tarde: Debates and Assessments*. London: Routledge. pp. 80–92.
18. Krasavin, I.V. (2017) Heterarchy of the multitude. *Logos*. 27 (3). pp. 173–198. (In Russian). DOI: 10.22394/0869-5377-2017-3-173-195
19. Deleuze, G. (1998) *Razlichie i povtorenie* [Difference and Repetition]. Translated from French. St. Petersburg: Petropolis.
20. Meillassoux, Q. (2015) *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After finitude: An essay on the necessity of contingency]. Translated from English by L. Medvedeva. Yekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy.

Received: 28 October 2020

В.С. Морозова

ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ ПОНЯТИЯ «ПРИГРАНИЧНЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КЛАСТЕР» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Акцентируется внимание на объективации понятия «приграничный социокультурный кластер» в контексте его культурфилософского наполнения. Для решения поставленной проблемы представлен комплексный обзор теоретических концепций российских и китайских ученых, а также проанализированы особенности функционирования самого кластерного образования в российско-китайском приграничье. Сформулировано авторское определение исходного понятия как функционирующего в трех культурных измерениях – инокультурном, национальном и локальном.

Ключевые слова: культурфилософская рефлексия; компаративистика; кластеризация приграничных пространств; приграничное сотрудничество РФ–КНР; региональная культура; социокультурная специфика; приграничный социокультурный кластер.

Сегодня исследование социокультурной специфики определяет новые ориентиры и новые парадигмы выявления общего и уникального в различных региональных культурах, что сопровождается уточнением их теоретико-методологических основ. В этом контексте западная и восточная культура не являются исключением. Постановка аналогичных вопросов в работах российских и зарубежных авторов говорит об актуальности и значимости компаративистского исследования вопросов теоретического обоснования новых терминов и явлений, к которым относится и «приграничный социокультурный кластер».

В настоящее время противоречивы подходы к его концептуальному объяснению и интерпретации, а также возникает проблема его сопоставимости в российской и китайской методологии, которая находится на начальном этапе своего становления. Основная сложность, по мнению автора, сегодня исходит из первоначального неверного понимания того, что есть кластер в российско-китайском приграничье и каковы его особенности в этом пространстве функционирования. Детальная проработка этого практического компонента позволит нивелировать теоретические ошибки самого концепта и позволит сформулировать его четкое определение.

Межрегиональное приграничное сотрудничество России и Китая является традиционно значимым фактором развития межгосударственных отношений, именно поэтому в первую очередь оно требует четкого теоретического осмысления. В соответствии с договоренностью, достигнутой Президентом Российской Федерации В.В. Путиным и Председателем КНР Си Цзиньпином, 2018 и 2019 гг. объявлены Годами российско-китайского межрегионального сотрудничества [1]. Актуально и то, что отношения двух стран давно перешли из разряда межгосударственных к межцивилизационным, особое значение в осуществлении которых имеют приграничные территории.

Цивилизационный компонент в этом контексте становится основным звеном культуфилософской рефлексии. Максимальная интенсивность межкультурного взаимодействия характерна для приграничных районов Восточной Сибири, Забайкалья, Приамурья по российскую сторону границы и административных

единиц Северо-Восточного Китая со стороны КНР. Ключевую роль в этом процессе играют региональные культуры как совокупности культур административно-территориальных единиц, примыкающих к государственной границе и характеризующихся определенными социокультурными признаками [2. С. 3].

Особую актуальность данной работе придает и современное понимание приграничного социокультурного кластера, отражающего особенности региональных культур и рассматриваемого в качестве фактора формирования особого типа социокультурной организации приграничных территорий на основе переосмысления онтологического статуса границы, что не может не влиять на формирование первоначального теоретического концепта «приграничный социокультурный кластер».

Базис кластерного подхода с точки зрения экономической науки, основоположником которого стал М. Портер, сегодня развит такими западными исследователями, как Дж. Кортрайт, И. Толенадо, С. Розенфельд, Д. Якобе и др. Связь кластера с социальной средой становится предметом исследования в работах Д. Солье, Е. Дахмен, В. Фельдман. В последнее время кластерные инициативы выступают актуальной областью исследований в контексте развития экономической географии России (Е.В. Сапир, И.Н. Ефимова, Ю.С. Жолобова, С.Б. Элибиев, В.В. Безпалов и др.). Проблемы культурной регионализации и региональный аспект структурирования российско-китайского приграничья детально освещены в трудах представителей научных школ Забайкалья: научной школе диалога культур Северо-Восточной Азии (М.Н. Фомина, Т.В. Бернюкевич, А.В. Жуков, А.Г. Букин, Е.А. Воробьева и др.) и научной школе интерпретаций региональных практик современного Китая (Н.А. Абрамова, В.А. Абрамов, Т.Н. Кучинская, А.С. Хохрякова и др.).

В отличие от представителей западной научной школы (к которой мы относим и российских исследователей), рассматривающих кластер в основном в контексте экономической науки (М. Портер, А. Маршалл, И. Толенадо, Д. Солье, П.Г. Щедровицкий, Г.Р. Хасаев, И.С. Ферова и др.), китайские исследователи делают акцент на роли культуры и говорят о том,

что кластер – это, прежде всего, образование творческой индустрии, представляющее собой большое количество коррелирующих между собой предприятий культуры и связанных с ними учреждений, которые аккумулируются в пространстве благодаря синергии (эмерджентности) и тем самым образуют феномен устойчивого конкурентного преимущества [3. С. 17]. Китайский исследователь специфики кластерных инициатив Чжэн Цзыли основными проявлениями таковых инициатив считает культурные / творческие индустрии и индустриальные парки, обладающие характеристиками наличия интеллектуальных ресурсов, развитием промышленной агломерации, поддержкой инновационных технологических платформ [4. С. 111]. В работах китайских авторов также определен круг вопросов в области функционирования культурного кластера: каков его жизненный цикл? в чем специфика его эволюционного механизма? можно ли выделить основные факторы его развития? Эти ключевые вопросы касаются, прежде всего, практической стороны кластерных инициатив.

Общим в позиции западной и китайской научных школ относительно социокультурной характеристики кластера является понимание того, что социокультурный кластер имеет свои устойчивые конкурентные преимущества, хотя все еще отсутствует единый метод их измерения и оценки (что не является предметом данной работы). Общепризнано, что исследования кластеров культурной индустрии находятся в зачаточном состоянии. Следовательно, необходимо проанализировать механизмы динамики их формирования, что в конечном итоге позволит найти эффективный путь их развития. Кроме того, необходимо принять во внимание региональную специфику.

Вместе с тем, как в среде западных, так и китайских исследователей, до сих пор отсутствует четкое определение понятия «социокультурный кластер» [5. Р. 5], что усложняется также спецификой его функционирования в приграничье, придавая дополнительную актуальность данной работе, которая выходит за рамки определения кластера с точки зрения региональной экономики и экономической географии, делая акцент на социокультурных предпосылках формирования данного феномена в приграничном пространстве. В связи с этим крайне важно обратить внимание на совокупность российских и зарубежных научных источников, в которых поднимаются вопросы современного состояния региональной культуры в российско-китайском приграничье (Ван Шицай, Ли Цинсун, Сюй Нин) [6–8], а также ее места и роли в инновационном региональном развитии российских приграничных территорий (М.И. Кошелев, М.Н. Фомина) [9. С. 109].

Авторская позиция заключается в том, что приграничный социокультурный кластер необходимо рассматривать как приграничное образование схожих по социокультурным признакам единиц (учреждений науки и культуры), которые посредством инновационных механизмов повышают уровень конкурентоспособности региона. Особенностью социокультурного кластера в российско-китайском приграничье становится его функционирование как точки роста в об-

щем приграничном пространстве социокультурного взаимодействия РФ–КНР, которое характеризуется наличием двустороннего заимствования культурных явлений, готовностью к межкультурному и междивизиационному соразвитию, схожестью идеологических установок населения, обусловленных непосредственной близостью к государственной границе. Все вышеперечисленное делает философскую объективацию самого термина не просто необходимой, но единственно возможной.

Вместе с тем для теоретизации концепта «приграничный социокультурный кластер» необходимо рассмотреть и его практическую суть, что определенно упростит всестороннее осмысление его специфических черт и будет способствовать единому подходу к его дефиниции. Авторская позиция заключается в сравнительном сопоставлении самого явления кластеризации со стороны России и Китая, с акцентом не столько на позициях экономической географии, сколько на наполнении кластерного концепта философскими характеристиками.

Опыт кластеризации российско-китайского приграничья. В последние годы Россия активно поддерживает идею развития кластерных инициатив. Так, одно из первых упоминаний данного явления содержится в Стратегии развития науки и инноваций Российской Федерации на период до 2015 г., где в качестве подзадач модернизации экономики указывается «стимулирование в экономике спроса на инновации и результаты научных исследований, создание условий и предпосылок к формированию устойчивых научно-производственных кооперационных связей, инновационных сетей и кластеров» [10], в то время как Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. уже более конкретно предусматривается «создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий, и формирование инновационных высокотехнологичных кластеров в европейской и азиатской части России». Эта же концепция на государственном уровне расценивает культуру как один из важнейших ресурсов развития человека, подчеркивая, что переход на инновационный путь развития сопровождается масштабными инвестициями в человеческий капитал, а развитие человеческого потенциала предполагает развитие культуры [11].

Соответственно, можно говорить о необходимости переориентации экспортно-сырьевого развития территорий на инновационный социокультурный тип развития. Что же касается российско-китайского приграничья, то дополнение стратегии его социально-экономического развития задачами социокультурного соразвития российской и китайской сторон позволяет считать выбор темы формирования приграничного социокультурного кластера оправданной.

Сегодня большая часть российских кластеров сосредоточена в Центральном и Приволжском федеральных округах, причем основную долю в их структуре занимают инновационные территориальные единицы промышленного сектора. В рейтинге субъектов Российской Федерации по значению российского ре-

гионального инновационного индекса (РРИИ) на 2015 г. приграничные территории – Забайкальский край, Амурская область, Еврейская автономная область – входят в четвертую из четырех имеющихся групп по РРИИ. Приморский край принадлежит к третьей группе, а Хабаровский край входит во вторую группу рейтинга. При этом Забайкалье выгодно отличается в контексте оценки инновационной деятельности – свыше десятой части отгруженной здесь продукции относится к категории инновационной [12]. Однако в результате конкурсного отбора 2016 г., организованного Министерством экономического развития Российской Федерации в рамках приоритетного проекта «Развитие инновационных кластеров – лидеров инвестиционной привлекательности мирового уровня», ни один из субъектов Дальневосточного федерального округа не получил права размещения приоритетного проекта Минэкономразвития РФ на своей территории.

В настоящее время наиболее распространенным видом кластеризации социокультурной сферы является туристический кластер (этнопарк). Российско-китайское приграничье (несмотря на некоторые его негативные описания, например «медвежий угол», «культурная пустыня») имеет для этого большой, по сравнению с внутренними регионами страны, потенциал, подразумевая под собой квинтэссенцию восточной и западной культур и претендуя на его уникальность, в том числе и во взаимодействии с Китаем, на международном уровне. Такая форма кластерного образования может выступить самобытным социокультурным феноменом, интегрирующим антропологические, материальные, социальные, культурные характеристики, что делает отсылки не только к философской объективации термина, но и в практическом смысле открывает новые возможности и перспективы для соразвития приграничных регионов России и Китая.

Так, в рамках федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» в российско-китайском приграничье были созданы следующие туристические кластеры:

– Забайкальский край – «Ивано-Арахлейский автотуристский кластер», основной целью которого стало формирование новой туристической инфраструктуры на базе имеющегося культурно-развлекательного комплекса для приема как российских, так и зарубежных туристов. Также претворяется в жизнь градообразующая социокультурная кластерная инициатива – музей под открытым небом – «Туристический историко-этнографический комплекс “Чингисхан – Чита”», которая будет соответствовать инновационным тенденциям воспроизводства вне помещений традиций материальной и нематериальной культуры, характерной для определенной местности;

– Хабаровский край – туристско-рекреационный кластер «Остров Большой Уссурийский – Шантары», который будет способствовать развитию приграничной туристской инфраструктуры и увеличению туристического потока, прежде всего, из Китая. Специалисты отмечают, что в России не так много мест, кото-

рые могли бы похвастать таким размахом, но при этом важно не забывать про качественное продвижение [13];

– Амурская область – туристский кластер «Амур», который аккумулирует ресурсы для перспектив туризма в Приамурье: снимет ограничительные барьеры, создаст условия для развития базовой инфраструктуры, активизирует мощности туристской инфраструктуры, создаст комфортную городскую среду и объекты показа. Также отметим вхождение Амурской области и Хабаровского края в число перспективных туристских регионов, проявляющих наибольшую активность в подготовке инвестиционных проектов.

Описывая процессы кластеризации в российско-китайском приграничье, можно также отметить крайне низкую вовлеченность в них учреждений науки и образования, развитие человеческого потенциала без которых, о чем говорится в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г., невозможно. Разворот России на Восток, активизация восточного вектора становятся очевидными и в научно-образовательной сфере, что побуждает активное включение данного сектора в процессы кластеризации российско-китайского приграничья. С этой точки зрения потенциал социокультурного кластера интересен не только как концентрация научных и образовательных ресурсов, но и как активная интеграция за рубеж, что в случае успешной реализации позволит российским вузам конкурировать в условиях международного образовательного пространства [14. С. 88].

Опыт кластеризации китайско-российского приграничья. Процессы кластеризации китайского приграничья находятся в тесной связи с процессами культурной регионализации страны, в которых ядром выступает потенциал традиционной китайской культуры. Китайское руководство в ходе XVII съезда КПК обнародовало цель превращения государства в глобальную культурную державу, что обуславливает необходимость повышения привлекательности китайской культуры и связано с наращиванием потенциала «мягкой силы» современного Китая [15. С. 3]. Важно отметить, что в китайской стратегии «мягкой силы» первостепенная роль отдается не только развитию отношений с соседними государствами, но и созданию пояса безопасности вокруг КНР, поэтому формирование приграничных кластеров отвечает сразу нескольким потребностям руководства страны. Управленческие инновации заметны и на региональном уровне. Так, в Программе развития г. Маньчжурия (крупнейший в Китае сухопутный контрольно-пропускной пункт) большое внимание уделено региональным практикам сотрудничества с РФ по социальным и культурным вопросам [16. С. 50]. Контекст формирования социокультурного кластера в китайско-российском приграничье, интегрируя региональное своеобразие приграничной культуры, будет способствовать активизации культурной регионализации, а следовательно, – повышению влияния мягкой силы в пространстве межкультурного взаимодействия России и Китая.

В целом Китай реализует кластерные инициативы в условиях беспрецедентного развития творческих индустрий, что обусловлено принадлежностью к азиатской модели кластеризации пространств [17], которая, во-первых, отводит большую роль именно культурным факторам, во-вторых, располагает большинство творческих индустрий в непосредственной близости от главных культурных центров (как правило, исторических). В этом контексте анализ китайских кластерных инициатив показывает, что творческие инициативы получают максимальный экономический эффект, только объединяясь в межотраслевые комплексы. При этом основой здесь выступает качество креативности, которое считается ядром творческих индустрий и основой передовых технологий. Чжан Хуэйли утверждает, что в Китае кластеры креативной индустрии в основном формируются спонтанно, впоследствии принимая государственную поддержку. Другими словами, Китай успешно интегрирует культурный капитал в плоскость политических решений [18. С. 17]. Так, в стране сегодня сформировано шесть кластеров творческих индустрий (включающих 273 индустриальных парка), расположенных в восточных (157 индустриальных парка – 57,5% от общего количества), центральных и западных провинциях.

Вместе с тем регионы, граничащие с Россией, не относятся к данным районам концентрации кластеров креативных индустрий. Однако одним из направлений реализации концепции «мягкой силы» Китая стал вопрос развития наименее развитых северо-восточных территорий (восточная часть автономного района Внутренняя Монголия, провинции: Хэйлуцзян, Ляонин, Цзилинь). Был подготовлен ряд стратегических проектов национального значения по подъёму северо-востока страны, в которых главными факторами стали: открытость внешнему миру, оптимизация и модернизация промышленной структуры, введение институциональных инноваций. Под институциональными инновациями, в том числе, признается развитие приграничных регионов «путём осознанного стремления к достижению гармонии при все возрастающем значении культуры» [19. С. 5].

Кластерные инициативы в китайском приграничье плодотворно интегрируются в политику по содействию экономическому развитию северо-востока страны, наивысшая активность которой наблюдалась в 2013 г. Одним из мощнейших проектов в этом плане – «Идея развития 8337» Автономного района Внутренней Монголии. Это своеобразный план превращения региона в важный приграничный плацдарм, открытый и ориентированный на северо-восточный экономический пояс. Историческая область Маньчжурии станет международной площадкой трансграничного туризма, платформой сотрудничества для всей Северо-Восточной Азии. В свою очередь проект уже сегодня подкрепляется инициативой г. Эргун по строительству кластера туристической индустрии, в котором одной из самых больших площадок станет русский этнокультурный парк «Байкал» (площадью свыше 11 тыс. м² и стоимостью более 230 млн юаней). Парк объединит зону общественного питания, коммерческую пешеходную улицу, зону отдыха и развле-

чений, сопутствующие вспомогательные объекты – все в русском стиле [20. С. 33].

Кластерные образования в современном китайском приграничье сформированы вокруг ресурсов региональной культуры, которые подвергаются инновационному обновлению с целью последующего выхода культурной продукции на новые рынки. Граница в этом смысле представляется не как форпост, а как необходимое условие / средство экономического развития территорий. Так, охарактеризуем в качестве примеров наиболее удачные в контексте данного исследования кластерные проекты китайского приграничья:

– Автономный район Внутренняя Монголия (городской округ Хулуьнь-Буир) – русская национальная волость (село Шивэй), расположенное на берегу реки Аргунь напротив российского села Олочи Нерчинско-Заводского района Забайкальского края, где насчитывается около 4 тыс. жителей. Среди них русских более 1 500 ч. В устном и письменном общении они, безусловно, перешли на китайский язык, однако сохранилось национальное самосознание, православная вера (в городе Лабудалинь китайскими властями в 1990 г. построен храм, освященный в августе 2009 г.), песни, танцы, праздничные обычаи, бытовые и поведенческие особенности. В селе Шивэй с 2008 г. работает русский этнографический музей, состоящий из культурно-исторического павильона, естественной природной экспозиции и ботанического сада. Экспонирующиеся предметы насчитывают более 600 экспонатов, среди которых орудия производства, предметы быта, домашняя утварь, одежда и фотоматериалы. Более того, русский колорит в последние годы стал для населения волости неплохим источником заработка на прибывающих туристах, что поощряется властями. В сентябре 2005 г. на конкурсе «Десять самых очаровательных волостей Китая», который проводило Центральное телевидение Китая, Шивэй – Русская волость стала победителем [19. С. 128];

– г. Маньчжурия (восточная часть Автономного района Внутренней Монголии) – городская туристическая зона, включающая архитектурные объекты, заимствовавшие элементы русской культуры: площадь «Матрешка» – уникальная площадка русского традиционного искусства, олицетворяющая матрешку как свой лейтмотив в сочетании с воплощением китайских, русских и монгольских обычаев и получившая звание «Самого крупного архитектурного ансамбля в форме матрешки»; крупнейший в Китае Музей русского искусства, общей площадью более 4 500 м², где экспонируются свыше 1 500 шедевров русского искусства разных времен (произведения масляной живописи, скульптуры российских мастеров, традиционные ремесла художественного промысла), а стены украшены росписями в русском и европейском стилях;

– провинция Хэйлуцзян (западная окраина приграничного города Хэйхэ) – туристическая экскурсионная ландшафтная зона – китайско-русский национально-этнографический парк. Среди возведенных объектов имеются четыре национальных селения: русская деревня, ороchonское и даурское стойбища, а также

маньчжурское село [21]. В целом национально-этнографический музей включает десять функциональных зон: зона общественных услуг, зона водных аттракционов, зона аттракционов с национальной спецификой, маньчжурская национально-этнографическая зона, зона кинематографических имитаций и т.п.

Очевидно, что в целях развития своих приграничных территорий Китай не только активно использует кластерный подход, но и интегрирует элементы русской культуры, зачастую трансформируя их традиционную природу (так, копии храмов построены в искаженных пропорциях, а матрешка, как исконный символ русской культуры, имеет иной вид). Бизнес-ориентированный подход Китая, безусловно, ускоряет формирование социокультурных кластеров, которые, тем не менее, являясь коммерческими структурами, игнорируют важность защиты основ региональной культуры. Несмотря на то, что процесс формирования социокультурных кластеров в китайском приграничье активизирован, его главной целью становится не создание комфортной творческой среды, а получение максимальной прибыли от экспорта произведённой продукции за счет использования элементов русской культуры в их искаженной / неаутентичной форме. Таким образом, получая значительный экономический эффект от вышеописанных процессов, тем не менее, нивелируется адекватное восприятие русской культуры китайским населением, что может затруднять полноценный и равноправный диалог культур.

Так, развитие въездного туризма сегодня объективно является одним из наиболее реальных направлений и путей социально-экономического развития приграничных территорий. Не стоит забывать и о перспективах состыковки планов подъема Сибири и Дальнего Востока РФ с планами развития провинций Северо-Востока КНР, Внутренней Монголии и Синьцзяна. Определяя потенциал региональных культур России и Китая в развитии кластерных инициатив, ориентированных на одностороннее развитие приграничья (российского или китайского), сделаем акцент на проекте трансграничного туристического парка (инвестиционного проекта) «Восточные ворота России (Забайкальск–Маньчжурия)», который интегрирует обе части приграничья площадью 91 га и создает условия для равностороннего развития культурных практик. Официальное название туристско ориентированного кластера – Международный российско-китайский «Трансграничный туристический парк «Восточные ворота России “Забайкальск–Маньчжурия”» с созданием возможностей приема на территории Забайкальского района Забайкальского края Российской Федерации до двух миллионов китайских туристов в год. Ближайший населенный пункт со стороны КНР – город Маньчжурия Автономного района Внутренняя Монголия. В рамках данного проекта предполагается обустроить около 3 км российско-китайской государственной границы. В том числе здесь планируется возвести новый пункт пропуска с таможенным, пограничным и санитарным контролем. Российский туризм преобразил Маньчжурию, в свою очередь китайский туризм принесет

средства для развития Забайкальска и ближайших к нему территорий [22].

Несмотря на то, что цивилизационные особенности приграничных культур России и Китая делают невозможным формирование единого социокультурного пространства приграничья [2. С. 20], они функционируют в общем социокультурном пространстве приграничного взаимодействия (которое не имеет четких географических и иных границ) и, тем самым, способствуют созданию приграничного социокультурного кластера. Теоретически, такое образование может быть рассмотрено как эффективный механизм межцивилизационного, межкультурного, межгосударственного сотрудничества и одновременно как способ формирования инновационного типа партнёрства России и Китая. Потенциал региональной культуры – главный ресурс для реализации кластерного подхода в российском приграничье, позволяющий максимизировать экономический эффект от прибыли, которая, в свою очередь, остаётся на данной территории и используется на развитие инфраструктуры, условий и качества жизни населения. На практике же социокультурный кластер сформирует площадку для обмена культурами и традициями этносов приграничных зон, будет способствовать диалогу и совместному творчеству представителей разных цивилизаций как площадка для проведения российско-китайских ярмарок, форумов, симпозиумов, культурных мероприятий.

Вышепоставленные вопросы в той или иной степени отражены китайской научной школой, однако в большей степени публикациями описательного плана. Можно констатировать практически полное отсутствие комплексных исследований, рассматривающих процессы формирования как теоретического концепта «социокультурный кластер», так и его практического функционирования. В исследовании этого феномена китайские авторы характеризуются разноплановым использованием сравнительной методологии с элементами герменевтического подхода (что сближает его с исследованиями относительно региональной культуры в целом).

Вместе с тем российские и китайские исследователи сходятся во мнении о том, что кластерные инициативы будут способствовать инновационному развитию приграничных территорий. Так, И.А. Макаров отмечает, что «учитывая трансформацию социально-экономической модели Китая и меняющийся характер глобализации, естественная роль Сибири и Дальнего Востока в будущем – зона инновационной ресурсной экономики. Воплощение такого плана возможно только при открытости региона для внешнего мира и максимальной гибкости его социально-демографического и пространственного развития» [23. С. 6]. Китайские аналитики, делая акцент на необходимости развития северо-восточного приграничья, говорят не только об активизации экономической глобализации в условиях развития региональной экономики, но и обращают пристальное внимание на функциональное использование преимуществ приграничных городов, указывая на необходимость увеличения доли культурного продукта в общем объеме экспорта в Россию, настаивая на созда-

нии кластерного образования с максимизацией включения в него человеческого капитала [24. С. 143]. Китайские авторы Сюй Чжан и Куньлунь Чэнь считают, что в настоящее время кластерные программы очень локализованы, что отчетливо прослеживается на примере городской политики развития индустрии культуры, в свою очередь опосредованной спецификой каждого из них [25. Р. 7]. Поэтому, исходя из существующих особенностей китайско-российского приграничья (заимствованные культурные явления, готовность к межкультурному взаимодействию, общность мировоззренческих установок населения, обусловленных непосредственной близостью к государственной границе), специфики приграничных городов (незавершенность процессов формирования, асимметрия их развития), а также опираясь на китайско-российские совместные проекты (в том числе в контексте Годов межрегионального сотрудничества РФ–КНР), прежде всего, необходимо теоретизировать основные концепты, а затем – реализовать фактическую инфраструктуру соответствующего социокультурного кластера (индустриального парка) с учетом интеллектуального человеческого потенциала.

Как уже отмечалось ранее, относительно новым подходом в контексте кластеризации приграничных пространств становится культурфилософский подход, позволяющий наполнить смысл приграничного культурного потенциала качеством «конкурентоспособности». Говоря об инновационной экономике, мы подразумеваем увеличение инвестиций в область науки и образования. Если добавить к этому человеческий потенциал университета (интеллектуальные ресурсы), то можно говорить о формировании научно-образовательного приграничного кластера как одной из форм социокультурной кластерной инициативы. Так, международная деятельность Забайкальского государственного университета (лидер Забайкальского края по количеству специальностей и направлений с общим количеством студентов более 17 тыс. человек) сконцентрирована главным образом в направлении восточного вектора, где Университет реализует свой потенциал, будучи активным участником двух весомых международных ассоциаций: Ассоциация азиатских университетов, Ассоциация вузов России и Китая.

Сегодня Забайкальский государственный университет выступает инициатором создания Ассоциации независимой оценки качества образования с участием образовательных и научных организаций России, Китая и Монголии. Все это может выступать первым шагом к формированию научно-образовательного кластера приграничья, в состав которого могут войти образовательные организации регионов России, которые, прежде всего, объединяет непосредственная близость к государственной границе РФ–КНР, что в свою очередь стимулирует активное гуманитарное сотрудничество с Китаем. Можно предположить, что внутри такого научно-образовательного кластера будет стимулирована инновационная деятельность, реализован свободный обмен информацией. Как вариант, тесные внутренние взаимосвязи внутри кластера вызовут тенденцию к объединению конкурентных преимуществ научных и образовательных организаций приграничья, в процессе взаимодействия они постепенно

преодолеют замкнутость на внутренних проблемах, постепенно формируя мощную научно-образовательную структуру [14. С. 88].

Таким образом, отметим, что сегодня социокультурный кластер – достаточно малоизученный феномен как в теоретическом, так и в практическом смыслах. Автор, осуществляя научный обзор данной ситуации, делает акцент на необходимости его наполнения культурфилософским смыслом. Мы также не можем игнорировать разворот России на Восток, как и активизацию восточного вектора. В этом контексте потенциал социокультурного приграничного кластера интересен не только с точки зрения концентрации ресурсов региональной культуры, но и в плане активной интеграции России в зарубежное социокультурное пространство.

В заключение отметим ряд особенностей касательно кластерных инициатив России и Китая, которые должны приниматься во внимание при определении термина «приграничный социокультурный кластер»:

- кластерные инициативы в Китае, как бы парадоксально это не звучало, на практике опережают теоретические наработки, в России же кластерные инициативы, как правило, остаются инициированы лишь в программных документах;

- в России кластеры в основном сформированы в Центральном и Приволжском регионах (туристический кластер Новгородской области, туристско-рекреационный кластер «Рязанский», туристский кластер Смоленской области), Китай в свою очередь иницирует развитие кластеров в приграничных регионах (например, Автономный район Внутренняя Монголия);

- вместе с тем опыт кластеризации приграничных пространств России и Китая как инновационный механизм развития территорий опирается, прежде всего, на уже имеющийся потенциал региональной культуры, что позволяет говорить о социокультурной основе данного образования;

- в процессе формирования социокультурных кластерных образований со стороны России и Китая очевиден сильный контраст в пользу последнего, что во многом говорит о целенаправленной политике китайского руководства по развитию китайско-российского приграничья.

Для большей объективности исследования систематизируем общие проблемы определения понятия «приграничный социокультурный кластер» в среде российских и китайских исследователей:

- упрощенная методология, использование преимущественно описательного подхода;

- чрезмерное использование так называемого приема беллетристики, что само по себе любое научное исследование делает необъективным;

- нивелирование практических особенностей функционирования предмета исследования.

Таким образом, учитывая все вышесказанное, приграничный социокультурный кластер с точки зрения культурфилософской рефлексии может быть рассмотрен как специфическое социокультурное образование, структурированное региональными культурами приграничных административно-территориальных еди-

ниц. Приграничный социокультурный кластер (как и приграничная региональная культура) обусловлен существовать и функционировать в трех измерениях – инокультурном, национальном и локальном, что требует дополнительного исследовательского внимания. Далее, интегрируя теоретические аспекты в плоскость практических решений, стоит сказать и о том, что в целях развития российского приграничья и придания характера инновационности процессу кластеризации, прежде всего, необходимо окончательно переориентировать приграничные единицы с концепции закры-

той территории (форпоста страны) на актуализацию их становления как основы кластерных образований. Развитие кластерной политики в приграничье с акцентом на ресурсах региональной культуры будет способствовать не только укреплению российского культурного присутствия в мире, но и созданию благоприятных условий для продвижения культурных и духовных ценностей нашей страны за рубеж, а социокультурный кластер интегрирует свойства конкурентоспособности территорий и интенсифицирует механизмы социокультурного развития регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. О старте проекта Годов российско-китайского межрегионального сотрудничества // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3070896 (дата обращения: 07.04.2019).
2. Морозова В.С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Чита : ЗабГУ, 2013. 42 с.
3. Кан Сяомин, Сян Юн. Чанье цзицонь юй вэньхуа чанье цзинчжэнлидэ тийшэн [Промышленные кластеры и повышение конкурентоспособности индустрий культуры]. Бэйцзин : Чжэсюэшэхуэйкэ сюэбань, 2005. 216 с.
4. Чжэн Цзыли. Луьнь вого вэньхуа чжуань чанье цзицонь фацжаньдэ тайши, куныцзинь юй дуйцэ [Развитие кластеров творческих и культурных индустрий Китая: современная ситуация, вопросы и пути решения] // Сюэшутаньсо. 2012. № 10. С. 111–115.
5. Charain C., Sagot-Duvauroux D. Cultural and creative clusters – a systematic literature review and a renewed research agenda // *Urban Research & Practice*. 2018. Vol. 20. P. 1–30. DOI: 10.1080/17535069.2018.1545141
6. Ван Шицай. Чжунго дунбэй вэньхуа юй элосы вэньхуа дэ цзяолиу юй жунхэ [Взаимодействие и слияние культуры России и культуры Северо-Востока КНР]. Харбин : Хэйлунцзян шэхуэйкэсюэ чубаньшэ, 2006. 231 с.
7. Ли Цинсун. Цюйюй вэньхуа юй цюйюй цзинци шэхуэй сяньдайхуа [Региональная культура и модернизация региональной экономики]. Шанхай : Вэньхуа чубаньшэ, 2005. 320 с.
8. Сой Нин. Региональная культура Северо-Востока Китая как культура приграничья. Харбин : Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2004. 420 с.
9. Кошелев М.И., Фомина М.Н. Пространственные и временные характеристики природы диалога региональных культур // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2012. № 4. С. 108–112.
10. «Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года» (утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике (протокол от 15.02.2006 № 1)) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101907/b0766cc44db3649f6e7b342b2cbc17a113fda907/ (дата обращения: 07.04.2019).
11. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года // КонсультантПлюс : справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 07.04.2019).
12. Рейтинг инновационного развития субъектов РФ // Статистические сборники НИУ ВШЭ. 2017. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir2017> (дата обращения: 28.02.2019).
13. Против течения. Как в Хабаровском крае развивают круизный туризм на реке Амур // ТАСС. Дальний Восток. URL: <https://dv.land/territory/protiv-techeniya> (дата обращения: 09.04.2019).
14. Дубровская К.С., Морозова В.С. Научно-образовательный кластер как механизм становления инновационного типа партнерства в практике соразвития России–Китая–Монголии: потенциал, приоритеты и вектор развития в приграничном социокультурном пространстве // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия : сборник Восточного центра. 2017. № 19. С. 87–91.
15. Янь Шуфан. Культурные индустрии как механизм реализации ценностных идей китайской культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита : ЗабГУ, 2011. 23 с.
16. Китайский регионализм как фактор модернизации / отв. ред. Д.В. Сухарев, М.Н. Фомина, О.А. Борисенко, Т.В. Бернюкевич, Н.С. Кондакова. М. : Издательский дом Академии Естествознания, 2017. 251 с.
17. Гордин В.Э., Матеецкая М.В. Культурные кластеры и развитие индустрии туризма // Научно-образовательный портал IQ НИУ ВШЭ. URL: <https://iq.hse.ru/news/177673377.html> (дата обращения: 12.04.2019).
18. Чжан Хуэйли. Вэньхуа чанье цзицонь няньхуа дулли цзичжи яньцзю [Исследование эволюционной динамики механизмов кластеров культурной индустрии]. Сиань : Сиань цзяньчжу кэцзи дасюэ, 2015. 217 с.
19. Морозова В.С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья : дис. ... д-ра. филос. наук. Чита : ЗабГУ, 2013. 421 с.
20. Нин Чжунжун. Лицзу цзыюань юши цзяньшэ тэсэ юаньцой [Основываясь на ресурсных преимуществах, строим особенный парк] // *Чжунгоцзюэ*. 2017. № 4. С. 32–35.
21. В китайском приграничье создан китайско-российский национально-этнографический парк // Забайкальское информационное агентство. URL: <http://www.zabinfo.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=52811&mode=thread&order=0&thold=0> (дата обращения: 13.04.2019).
22. Трансграничный туристический парк «Восточные ворота России Забайкальск-Маньчжурия» // Россия и Китай. 2012. № 9. URL: <http://www.ruchina.org/sfo-article/china/85.html> (дата обращения: 13.04.2019).
23. Макаров И.А. Куда идет Дальний Восток? // Россия в глобальной политике. 2018. № 5. С. 5–8.
24. Дай Хунли. Вого дунбэй бяньцзин дуй эжоуань чэньши цзинци фацжань чжиюэ иньсу фэньси [Экономическое развитие северо-восточной границы Китая и российских приграничных городов – анализ сдерживающих факторов] // *Гайгэ юй чжаньлюэ*. 2016. № 32 (269). С. 142–147.
25. Xu Zhang, Kunlun Chen. Which scale matters? Rethinking cultural industry development policies from a city network perspective // *Journal of Urban Affairs*. 2018. № 12. P. 2–17. DOI: 10.1080/07352166.2018.1550349

Статья представлена научной редакцией «Философия» 30 октября 2020 г.

Theoretical and Practical Aspects of the “Border Sociocultural Cluster” Concept in the Context of Modern Russian and Chinese Methodology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 63–71.

DOI: 10.17223/15617793/462/8

Valentina S. Morozova, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation); Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: morozova1550@mail.ru

Keywords: cultural-philosophical reflection; comparative studies; clustering of border areas; Russian-Chinese cross-border cooperation; regional culture; sociocultural specificity; border sociocultural cluster.

The term “cultural cluster” in recent years has been used extensively in the academic literature in the context of such areas as urban planning, cultural and economic geography, regional development, etc. However, the interdisciplinary aspect has deprived this term’s academic scope of a clear definition. The situation is complicated by the fact that the discussed concept implies an international component; therefore, its interpretation becomes even more specific. To solve this problem, the article presents a comprehensive review of the theoretical concepts of Russian and Chinese scholars. Based on the review, the author made a conclusion about a similar interpretation by Western and Chinese schools of thought of the sociocultural characteristics of a cluster with its sustainable competitive advantages, and also raised the question of the absence of a unified method of their measuring and evaluating. The author’s position is that the border sociocultural cluster is considered as a border formation of units with similar sociocultural characteristics (establishments of science and culture), which, through innovative mechanisms, raise the level of regional competitiveness. Proceeding from the intensification of clustering processes in the Russian-Chinese borderland, the author defines the features of the initial concept using the method of comparative studies, analyzes its specifics, focusing on the cultural and philosophical content (border ontological status, regional culture values, population’s similar ideological attitudes). The author compares Russia’s and China’s border areas clustering processes and determines their features. Thus, the clustering processes in the border areas of Russia and China as an innovative mechanism of the territories’ development are based, firstly, on the existing potential of regional cultures, which allows speaking about the sociocultural basis of this formation. Based on the above, the article substantiates the importance of including the scientific and educational component as a part of the sociocultural in forming the “border sociocultural cluster” concept. In conclusion, the author’s definition of the “border sociocultural cluster” is formulated, which, first of all, rests on cultural-philosophical reflection. Thus, the “border sociocultural cluster” is considered as a specific sociocultural formation, structured by the regional cultures of the border administrative-territorial units, but at the same time conditioned by the existence and functioning in three cultural dimensions – foreign, national and local. In this connection, the author proposes some recommendations for the border cluster policy development with an emphasis on the resources of a regional culture, which will contribute not only to strengthening the Russian cultural presence in the world, but also create favorable conditions for promoting the cultural and spiritual values of our country abroad.

REFERENCES

1. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2018) *O starte proekta Godov rossiyско-kitayskogo mezhregional'nogo sotrudnichestva* [On the start of the project of the Years of Russian-Chinese Interregional Cooperation]. [Online] Available from: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3070896 (Accessed: 07.04.2019).
2. Morozova, V.S. (2013) *Regional'naya kul'tura v sotsiokul'turnom prostranstve rossiyского i kitayskogo prigranich'ya* [Regional culture in the sociocultural space of the Russian and Chinese borderlands]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Chita.
3. Kang Xiaoming & Xiang Yong (2005) *Industrial clusters and increasing the competitiveness of cultural industries*. Beijing: Zhxueshehuike xueban. (In Chinese).
4. Chzhen Tszyli. (2012) Development of clusters of creative and cultural industries in China: Current situation, issues and solutions. *Xueshutanso*. 10. pp. 111–115. (In Chinese).
5. Chapain, C. & Sagot-Duvaouroux, D. (2018) Cultural and creative clusters – a systematic literature review and a renewed research agenda. *Urban Research & Practice*. 20. pp. 1–30. DOI: 10.1080/17535069.2018.1545141
6. Wang Shitsai. (2006) *Interaction and fusion of Russian culture and the culture of the North-East of the PRC*. Harbin: Heilongjiang shehuikexue chubanshe. (In Chinese).
7. Li Qingsong. (2005) *Regional culture and modernization of the regional economy*. Shanghai: Wenhua Chubanshe. (In Chinese).
8. Xu Ning. (2004) *Regional culture of Northeast China as a culture of borderlands*. Harbin: Heilongjiang renmin chubanshe. (In Chinese).
9. Koshelev, M.I. & Fomina, M.N. (2012) Prostranstvennye i vremennye kharakteristiki prirody dialoga regional'nykh kul'tur [Spatial and temporal characteristics of the nature of the dialogue of regional cultures]. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta – Transbaikal State University Journal*. 4. pp. 108–112.
10. Consultant.ru. (2006) “Strategy for the development of science and innovation in the Russian Federation for the period up to 2015” (approved by the Interdepartmental Commission on Science and Innovation Policy (minutes No. 1 of 15.02.2006)). [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101907/b0766cc44db3649f6e7b342b2cbc17a113fda907/ (Accessed: 07.04.2019). (In Russian).
11. Consultant.ru. (2008) *The concept of long-term socioeconomic development of the Russian Federation until 2020*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (Accessed: 07.04.2019).
12. HSE. (2017) *Reyting innovatsionnogo razvitiya sub'ektov RF* [The innovative development rating of the RF subjects]. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/primarydata/rir2017> (Accessed: 28.02.2019).
13. TASS. The Far East. (2017) *Protiv techeniya. Kak v Khabarovskom krae razvivayut kruiznyy turizm na reke Amur* [Against the current. How cruise tourism on the Amur River is being developed in Khabarovsk Krai]. [Online] Available from: <https://dv.land/territory/protiv-techeniya> (Accessed: 09.04.2019).
14. Dubrovskaya, K.S. & Morozova, V.S. (2017) Scientific-education cluster as mechanism for formation of innovative type of partnership in practice of Russia-China-Mongolia co-development: Potential, priorities and direction of development in cross-border sociocultural space. In: *Rossiya i Kitay: problemy strategicheskogo vzaimodeystviya: sbornik Vostochnogo tsentra* [Russia and China: Problems of strategic interaction: Collection of the Eastern Center]. Vol. 19. Chita: Transbaikal State University. pp. 87–91. (In Russian).
15. Yan' Shufan. (2011) *Kul'turnye industrii kak mekhanizm realizatsii tsenostnykh idey kitayskoy kul'tury* [Cultural industries as a mechanism for the implementation of the value-related ideas of Chinese culture]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Chita.
16. Sukharev, D.V. et al. (eds) (2017) *Kitayskiy regionalizm kak faktor modernizatsii* [Chinese regionalism as a factor of modernization]. Moscow: Academy of Natural Sciences.
17. Gordin, V.E. & Matetskaya, M.V. (2010) *Kul'turnye klasteri i razvitie industrii turizma* [Cultural clusters and the development of the tourism industry]. [Online] Available from: <https://iq.hse.ru/news/177673377.html> (Accessed: 12.04.2019).
18. Zhang Huili. (2015) *Study of the evolutionary dynamics of the mechanisms of cultural industry clusters*. Xian: Xian jianzhu keji daxue. (In Chinese).

19. Morozova, V.S. (2013) *Regional'naya kul'tura v sotsiokul'turnom prostranstve rossiyskogo i kitayskogo prigranich'ya* [Regional culture in the sociocultural space of the Russian and Chinese borderlands]. Philosophy Dr. Diss. Chita.
20. Ning Zhongrong. (2017) Based on resource advantages, we build a special park. *Zhongguojue*. 4. pp. 32–35. (In Chinese).
21. Zabinfo.ru. (2008) *V kitayskom prigranich'e sozdan kitaysko-rossiyskiy natsional'no-etnograficheskiy park* [A Chinese-Russian national ethnographic park has been created in the Chinese border area]. [Online] Available from: <http://www.zabinfo.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=52811&mode=thread&order=0&thold=0> (Accessed: 13.04.2019).
22. *Rossiya i Kitay*. (2012) Transgranichnyy turisticheskiy park “Vostochnye vorota Rossii Zabaykal'sk-Man'chzhuriya” [The transboundary tourist park Eastern Gates of Russia: Zabaikalsk–Manchuria]. 9. [Online] Available from: <http://www.ruchina.org/sfo-article/china/85.html> (Accessed: 13.04.2019).
23. Makarov, I.A. (2018) Kuda idet Dal'niy Vostok? [Where is the Far East going?]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*. 5. pp. 5–8.
24. Dai Hongli. (2016) Economic development of the nrth-eastern border of China and Russian border cities: Analysis of restraining factors. *Gaige yu zhanlue*. 32 (269). pp. 142–147. (In Chinese).
25. Xu Zhang & Kunlun Chen. (2018) Which scale matters? Rethinking cultural industry development policies from a city network perspective. *Journal of Urban Affairs*. 12. pp. 2–17. DOI: 10.1080/07352166.2018.1550349

Received: 30 October 2020

Н.В. Серова

РОМАН ИНГАРДЕН О ТЕМПОРАЛЬНОЙ ЭКЗИСТЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ ФЕНОМЕНОЛОГИИ XX–XXI вв.

Рассматривается онтический подход Романа Ингардена к проблеме темпоральности экзистенции человека в контексте феноменологии XX в. и его значение в развитии темпоральной проблематики XXI в. Проведение сравнительного анализа концепций темпоральности Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и Р. Ингардена показало тематическую преемственность и оригинальность онтического подхода. Разрабатывая онтический подход к изучению природы темпоральной экзистенции, Р. Ингарден пришел к открытию многообразия ее модальностей. Эта идея стала ключевой в развитии современных концепций темпоральности.

Ключевые слова: Р. Ингарден; Э. Гуссерль; М. Хайдеггер; темпоральность; экзистенция; онтико-онтологический вопрос; модальность темпоральности; время.

Введение

Одно из ключевых мест в темпоральной проблематике XX в. по праву принадлежит творчеству Романа Ингардена. Будучи учеником и последователем феноменологии Эдмунда Гуссерля, он воспринял его учение о темпоральной природе сознания и сделал целью своих работ поиск истинной природы темпоральной экзистенции. Вопросы, на которых он акцентировал свое внимание, рассматривал также его современник и ученик Гуссерля Мартин Хайдеггер. Их объединяет общность тематики, но при детальном анализе нами выявляется различие подходов к изучению темпоральной экзистенции: Хайдеггера интересовала онтологическая сторона данной проблемы, Ингардена – онтическая ее сторона. Различие взглядов присутствует во всем: в их суждениях о происхождении времени и оценках переживания времени в экзистенциальном опыте человека, во взглядах на существование человека во определенном времени и на возможности его изменить, в их понимании модусов и модальностей темпоральности.

Нам предстоит разобраться в особенностях постановки и решения темпоральной проблематики у Ингардена и для нас очевидно, что мы не можем правильно оценить значение его онтического прочтения без сопоставления с онтологическим подходом Хайдеггера. Последователи Гуссерля пытались решить дилемму объективного времени и субъективного времени и видели ее решение в единстве экзистенции человека. В онтологическом ответе на этот вопрос Хайдеггер и в онтическом решении Ингарден исходили из конституирующей роли темпоральности в отношении к экзистенции человека. Однако если Хайдеггер рассматривал темпоральность в качестве исходного времени, то Ингарден полагал, что темпоральность определяется поступками человека, совершаемыми во времени. Разработанный Ингарденом подход расценивается Андреем Полтавским как следствие того, что «он не мог принять идеалистическую направленность мысли своего учителя» [1. Р. 137]. Несмотря на критику идей трансцендентального идеализма Ингарденом, по нашему мнению, речь должна идти не выборе между идеализмом и реализмом, но в выработке им собственного подхода к изучению про-

блемы темпоральной экзистенции. Его концепция стала поворотным этапом в феноменологическом анализе темпоральности и получила свое логическое продолжение на рубеже XX–XXI вв. в трудах современных авторов [1–5].

В нашей работе мы рассматриваем преемственность тематики и оригинальность идей Ингардена и показываем степень его влияния на современное развитие темпоральной проблематики. Нам представляется необходимым, во-первых, сравнить интерпретации понятия «темпоральность» в феноменологии Гуссерля, Хайдеггера и Ингардена и выявить общность рассматриваемой ими тематики и различие ключевых идей. Во-вторых, нужно выявить особенности постановки онтико-онтологического вопроса о времени у Ингардена и Хайдеггера. В-третьих, следует проанализировать некоторые интерпретации онтического взгляда Ингардена на многообразие модальностей темпоральности и показать перспективы дальнейшего развития этой тематики. Рассматривая данную страницу творчества Романа Ингардена, мы хотели бы раскрыть суть онтического подхода к решению проблемы темпоральной экзистенции человека в его причастности к временным процессам объективного мира.

Интерпретации понятия «темпоральности» в феноменологии Эдмунда Гуссерля, Мартина Хайдеггера и Романа Ингардена

Темпоральная проблематика стала ключевой для ряда работ Эдмунда Гуссерля, начавшего ее разработку с вопроса о темпоральной природе сознания. Феноменологический анализ структуры «времени-сознания» [6. Р. 9] и имманентных ему «темпоральных переживаний» [6. Р. 6] оказал существенное влияние на дальнейшее ее развитие в работах его учеников – Мартина Хайдеггера и Романа Ингардена. Первое, на чем Гуссерль сосредоточивает свое внимание, – это формулирование понятия о синтетической природе темпоральности [7. С. 197]. Синтезирование темпоральных переживаний осуществляется во всех «модусах временной ориентации» [6. Р. 29] сознания – от презентации до репродукции – и потому даже «ощущаемые темпоральные данные не просто ощу-

щуются, они уже несут в себе свойства схватывания» [6. Р. 7]. Темпоральные переживания взаимосвязаны и представляются непрерывным потоком сознания. Введенное в философию Гуссерлем понятие о «времени-сознании» [6. Р. 9] и составляющих его переживаниях определили последующие интерпретации понятия «темпоральность» в феноменологии. Хайдеггер, давая определение этому термину, отмечал, что «этот феномен как одновременно бывшее, настоящее и наступающее, мы называем временностью» [8. Р. 300].

Этим определением он хотел обосновывать мысль о том, что неразделенное единство модусов темпоральности обуславливает единство темпоральной экзистенции человека. Ингарден принимал идею о синтезирующей природой темпоральности, но полагал, что она должна представляться не как единство момента, но как единство потока прошлого, настоящего и будущего. Единство темпоральности видится ему в том, что настоящий момент «имеет смысл только в том случае, если мы согласимся, что прошлое и будущее не являются простым и абсолютным небытием, а, скорее, являются отдельными видами или способами существования, специфически отличными от существования в актуальном теперешнем» [9. С. 60]. Синтезирующая природа темпоральности является основой единства сущности и существования в бытии человека и потому, как писал Максим Гусев, «мы видим, что смысл бытия находится во времени» [10. С. 74].

Вторым шагом Гуссерля стало формулирование идеи двойственной интенции темпоральных явлений сознания. Они отличаются друг от друга временной направленностью на внешний мир через презентацию, либо обратно во внутренний мир посредством ретенции, углублением в прошлое через репродукцию, либо нацеленностью на будущее посредством протенции. Хайдеггер перенял эту идею Гуссерля и воплотил ее в учении об экстатической природе темпоральности, в соответствии с которой темпоральные модусы не разделены во временном потоке, но являются взаимосвязанными «экстазами временности» [8. Р. 302]. Конституируя экзистенцию в качестве экстатического единства прошлого, настоящего и будущего, темпоральность объединяет все ее состояния в целостном бытии. Оно не является ничем не нарушаемой тождественностью, но единством экстатического обретения и потери экзистенции ради открытия истинного бытия.

В этом смысле «эк-зистенция может быть присуща только человеческому существу, т.е. только человеческому способу “бытия”; ибо одному только человеку, насколько мы знаем, доступна судьба эк-зистенции» [11. С. 198]. Выражая свои темпоральные переживания в действиях, человек достигает экстатического единства темпорального сознания и темпорального существования. Ингарден, напротив, полагал, что «если я осознаю себя самого или то, что «во мне», а через это влияю на себя самого и так или иначе формирую себя, то это делается не потому, что произошли определенные переживаемые процессы, а потому, что я как человек реально действую» [9. С. 45]. Переживания времени формируются под влиянием

человеческих поступков в объективном мире. Порождаемые действиями переживания оказывают влияние на сознание и, изменяя его, начинают определять способ существования человека. Поскольку поступки человека связаны друг с другом, постольку и в его сознании их последовательность отражается как переживание перехода прошлого в настоящее и будущее: так проявляет себя экстатическая сущность темпоральности.

Третьим шагом Гуссерля стало разграничение между «временем-сознанием» [6. Р. 9] и объективным временем внешнего мира, которое происходит из нашей способности «различать между тем временным, которое нами ощущается и тем временным, которое нами воспринимается» [6. Р. 7]. Суть этого различия состоит в том, что ощущение времени есть «феноменологическое данное, эмпирическая апперцепция которого конституирует наше отношение к объективному времени» [6. Р. 7]. Восприятия реальных изменений явлений составляют содержание объективного времени, которое ассоциируется с хронометром, устанавливающим определенное положение этих явлений во времени. Понятие о различии субъективного и объективного времени еще содержится в работах Анри Бергсона [12], но уже Хайдеггером и Ингарденом оно подвергается критическому анализу. Хайдеггер объяснял происхождение часов необходимостью человека в измерении времени его занятости окружающими предметами, а измерение времени «нуждается в чем-то, чем можно измерить время, то есть в часах» [8. Р. 379].

Вместе с тем он не поддерживал идеи противопоставления объективного времени субъективному времени на том основании, что «если мировое время, таким образом, принадлежит к темпорализации темпоральности, то оно не может ни “субъективистски” улетучиться, ни быть “овеществлено” грубой “объективацией”» [8. Р. 385]. Поскольку темпоральность является исходным временем по отношению к мировому времени, которое конституирует внутривременность объективного мира, постольку она является также исходным временем в отношении к вневременности и к публичному времени. Однако внутривременность не является продолжением исходной временности в объективном мире и не служит целям ее выражения во внешнем мире. Внутривременность есть следствие ее нивелирования через преобразование подлинной темпоральности в неподлинную темпоральность. Оно происходит из-за того, что человек постепенно растрчивает себя в заботе об окружающих его вещах и за всем этим забывает себя и не замечает, как его существование теряет смысл. Между тем человек принадлежит физическому миру и вынужден подчиниться логике объективного времени.

Руководствуясь феноменологической установкой сознания, Гуссерль полагал, что объективация субъективного времени возможна в том случае, если содержанием воспоминания и восприятия является один и тот же временной объект. Объективное время преобразуется в субъективное из-за того, что в каждом восприятии уже имеется момент схватывания, а «схватывание есть “одушевление” данного восприятия време-

ни» [6. Р. 115]. Поэтому направленность человека на внутренний опыт переживания времени – темпоральность, не препятствует его ориентации в объективном времени. Хайдеггер разделял идею о единстве сущности и существования человека на том основании, что «темпоральность есть изначальное «вне-себя» в себе и для себя самого» [8. Р. 302]. В этом качестве она проявляется в любом действии человека и связывает внешние разрозненные поступки в единое бытие человека, которое только в этом синтезе имеет смысл. И не только оно. Взаимодействие человека с объективным миром становится причиной того, что бессмысленное и бесконечное движение стрелки часов перестает быть измерением времени существования объектов и они обретают смысл в сопричастности к темпоральной экзистенции человека.

Об объективном времени Ингарден писал, что оно объективно не потому, что существует независимо от сознания, но потому, что оно есть отражение изменений реальных явлений. Оно существует независимо от наших представлений о нем [9. С. 67], но мы можем по-разному его переживать, то увлекаясь его потоком, то, напротив, отстраняясь от него. Как бы мы не относились ко времени, мы не можем на него воздействовать, но мы можем многократно переменить характер нашего «испытания времени» [9. С. 43]. Перемены в переживаниях времени, т.е. в темпоральности философа ставит в прямую зависимость от действия или бездействия человека. Но что для человека означает действие и почему он отказывается от ответственности за него? Через действие все его мысли и переживания становятся действительными. Одно дело казаться независимым от времени, другое – действительно быть таковым. Не каждым своим действием человек огражден от разрушающего влияния времени, но только свободным поступком. Он может быть свободным при условии, если человек в любых обстоятельствах остается верен себе и духовным принципам, составляющим внутреннюю силу его целостной личности.

Приходя к таким выводам, Ингарден, с одной стороны, все еще оказывается под влиянием идеи «абсолютного вневременного сознания» [6. Р. 117] Гуссерля, а с другой стороны, он понимает, что путь трансцендирования от объективной реальности не является правильным выбором для человека и, что только экзистировав он обретает себя в его ускользающем потоке. Так Ингарден формирует понятие о темпоральной экзистенции, проявляющей свою истинную суть в свободном поступке. Через него человек преодолевает воздействие объективного времени, которое он испытывает в действительности.

Онтически-онтологическая постановка вопроса о времени

Вопрос, интересовавший Мартина Хайдеггера и Романа Ингардена в контексте темпоральной проблематики, касается, прежде всего, темпоральных переживаний человека в его конечном существовании. С одной стороны, изучение переживаний времени, с другой – изучение действий человека во времени по-

двигли философов к постановке онтически-онтологического вопроса о времени. Его постановку они предварили критическим анализом дуализма объективного и субъективного времени, выявленного их предшественниками [6. Р. 4–8; 12. Р. 120–130]. В суждениях обоих философов отмечается существенное различие – акцентирование внимания на онтологическом аспекте в учении Хайдеггера и онтической стороне вопроса у Ингардена. Кажется, что они были единомышленниками, однако тонкая грань между онтологическим и онтическим взглядами на проблему темпоральной экзистенции заставляет увидеть в них ревностных оппонентов в вопросе о времени. Причиной первоначального впечатления стала близость изучаемой ими тематики, но их решения вопроса о существовании человека во времени говорят об обратном. Для чего человеку дано время: для того, чтобы «остаться самим собой» [9. С. 64] и не потерять себя в потоке времени или для того, чтобы в бесконечном «растрачивании себя» [8. Р. 164] набраться сил и найти путь к своему истинному бытию?

Сопоставляя преимущества онтологического и онтического подходов к вопросу о времени, Хайдеггер полагал, что хотя и неоспоримо существование реального факта, но остается сомнение в правильности доонтологического понимания его истинного значения. Преимущество теоретического познания факта он видел в обосновании его онтологического смысла. В связи с тем, что «онтическое отличие экзистенции человека заключается в том, что она онтологична» [8. Р. 10], Хайдеггер считал, что доонтологический взгляд на природу экзистенции должен быть преодолен.

Онтологический смысл экзистенции выражается в экзистировании как «радикализации сущностной тенденции бытия, принадлежащей экзистенции человека, а именно доонтологического понимания бытия» [8. Р. 12]. Экзистировав, человек не теряет своего существования в доонтологическом значении, но обретает возможность понять смысл своего истинного бытия. Ингарден же считал, что онтологическому познанию значения времени для человека должно предшествовать онтическое рассмотрение этого вопроса. Онтический ход его мысли дал повод одним его последователям увидеть в нем сторонника реализма [1. С. 137–138], а других – подвиг признать нерешенным им вопрос о противоречии реализма и идеализма [2. С. 113]. Так, Полтавский писал об Ингардене, что «он поставил в качестве главной задачи своей долгой и плодотворной теоретической деятельности обоснование тезиса о том, что «внешний» мир вещей и людей действительно существует независимо от сознания человека, который переживает его в том смысле, который в основном согласуется с нашей общей интуицией» [1. Р. 137]. Напротив, Мария Бельвака отмечала, что «реалистически ориентированному Ингардену было не легко принять» [2. Р. 113] истинную независимость сознания от времени и мыслить о нем, как о вневременном слое экзистенции человека.

Оба критика, по нашему мнению, упускают тот момент, что, взяв за отправную точку анализ тради-

ционного метафизического противоречия между реализмом и идеализмом, Ингарден формировал отличающийся от них онтический подход к вопросу о времени. При этом он не преувеличивал значения временного существования и не приуменьшал роли сознания со всеми разнообразными переживаниями времени. Его волновал вопрос об условиях временного существования человека, в котором его темпоральные переживания позволили бы ему сохранить свою человечность. Поэтому свободный поступок становится для него не только способом самовыражения, но и сохранения в целостности «своей природы» [9. С. 44].

Вопрос о происхождении времени касается порождающего его источника и способа его порождения, определяющего природу и действие времени. Оба автора писали о производном характере времени, но Хайдеггера интересовала онтологическая сторона вопроса, а Ингардена – онтический статус времени. Определяя ее, Хайдеггер писал, что «бытие, в котором вот-бытие может собственным образом быть своей полнотой как прежде-себя-бытием, есть время» [13. С. 337]. К такому пониманию времени его подводит критическое переосмысление традиционного противопоставления объекта и субъекта, снимающееся в единстве экзистенции человека. Хайдеггер отмечал, что «время не есть нечто внешнее, некая матрица для событий мира; столь же мало оно есть нечто, что гудит где-то внутри, в сознании; время – это то, что делает возможным прежде-себя-бытие-в-уже-бытии-при, т.е. бытие заботы» [13. С. 337]. В онтологическом смысле время не отделимо от экзистенции и поэтому оно не может быть самостоятельной характеристикой сознания отдельно от поступка человека. Причем, время конституирует экзистенцию в любых ее модификациях, изменяются только модальности времени.

Ингарден же полагал, что «время – явление производное, зависимое от поведения человеческой личности и вообще – от того, что существует» [9. С. 67]. В действительности оно проявляется в изменчивости и гибели реальных явлений, но оно не зависит от восприятия или переживания времени человеком. Трансцендируя от времени или, напротив, погружаясь во временной поток, он не может изменить его природы даже тогда, когда, как писал Ингарден, «время для меня не является чем-то таким, что само по себе существует отдельно» [9. С. 47]. Проявляясь в изменениях реальных объектов, время представляет собой силу, которая ведет их к разложению и уничтожению. Существовая в объективном мире, человек не является исключением и время своею силою увлекает и его к смерти. Но если бы время не производило изменения в объективном мире, то человек не мог совершать поступки от прошлого к настоящему и от него к будущему, изменяя и совершенствуя себя. К такому выводу о времени Ингарден приходит, онтически преодолевая традиционную метафизическую дилемму объекта и субъекта. Но не является ли так понимаемое время результатом нивелировки темпоральности экзистенции? Хайдеггер считал, что «общепринятое понятие времени обязано своим происхождением ни-

велированию изначального времени» [8. Р. 372]. Согласно же Ингардену, время не нивелирует, но через совершаемые человеком поступки модифицирует темпоральность.

Онто-онтологический вопрос о времени еще связан с выявлением его особенных характеристик. Основной из них, по мнению Хайдеггера, является экстатическая природа времени, выражаемая в единстве всех его моментов. Каждый из них не отделен от других и является одним из «эк-стазов временности» [8. Р. 302]. В их единстве проявляется сущность временности, которая «не является сперва сущим, которое возникает из самого себя, ее сущность темпорализуется в единстве экстазов» [8. Р. 302]. Каждым экстатическим моментом порождается новый такой же момент, обеспечивая экстатическую целостность истинного времени. Оно не губит человека в своем потоке, но становится условием целостности не статической, но изменяющейся и обогащающейся темпоральными переживаниями экзистенции. Однако человек не сразу понимает истинную природу времени и судит о нем, полагаясь на разрушение и гибель объективных явлений. Но эти перемены не имеют никакого отношения к сущности истинного времени.

Еще более уводящей человека от сути времени является повседневность, в которой «время «переживается» в горизонте общепринятого понимания, т.е. как нечто объективно существующее» [8. Р. 372]. В этом смысле оно представляется последовательностью сменяющих друг друга дискретных моментов прошлого, настоящего и будущего. «Общепринятое понимание «времени» характеризует то, что оно представляет собой бесконечную последовательность моментов теперь, в которой нивелируется экстатический характер первичной темпоральности» [8. Р. 302]. Однако если время превращается в измерение явлений внутримирно сущего, то оно в своей неэкстатической сути утрачивает онтологический статус конституенты экзистенции человека.

Конечно, можно последовать примеру Грэма Хармана, который писал, что «темпоральность Хайдеггера является основой всего: для пространства также, как для времени, для теории также, как для времени, для настроений также, как для времени, для молотков также, как для времени» [14. Р. 143] и признать экстатическую природу времени внутримирно сущего. Тогда следующим шагом должно стать отождествление экзистенции человека с любым иным сущим и игнорирование факта нивелировки темпоральности. Но тут вспоминаются слова Хайдеггера: «стояние в про свете бытия я называю эк-зистенцией человека» [11. С. 198]. Он выделял «эк-зистенцию» [11. С. 198] в качестве особенного для человека способа бытия. Следовательно, если темпоральность в силу своей экстатичности конституирует «эк-зистенцию» [11. С. 198] как экзистирующее бытие, то неэкзистирующее сущее вещей не может определяться в качестве темпорального бытия.

Если мы допускаем, что темпоральность является основой для неэкзистирующего сущего, то должны признать и неэкстатический характер темпоральности, а в этом состоит ее нивелирование. Изучая при-

роду темпоральности, Дмитрий Федчук приходит к противоположному заключению о том, что в вопросе об ее экстатическом единстве «мы, говорим, конечно, о некоей абстракции, несуществующей в актуальной экзистенции Dasein» [15. С. 183]. Стоит ли нам согласиться с мнениями Хармана или Федчука? На наш взгляд, ни реалистическое, ни идеалистическое понятие о темпоральности не выражают ее подлинной сути, ею не конституируется отдельно сущность или отдельно существование человека, но его целостная экзистенция.

Темпоральные переживания зарождаются в здесь и сейчас совершаемых поступках человека, но это уже – тема онтического изучения данной проблемы. Онтический взгляд на природу времени заключается в том, что «нам являет себя сущность времени, которое все, что временно, сводит в бытии до теперешности, а вместе с тем не позволяет длиться тому, что теперешнее, и все новым теперешним выгалькивает из бытия в прошлое и в небытие» [9. С. 51]. Это действие времени, по мнению Ингардена, распространяется на все сущее, производя в нем перемены, и мы не сможем понять смысла этих перемен без осознания того, что во временном потоке нет места ни длительности момента, ни последовательности сменяющих друг друга моментов. В нем прошлое и будущее не существуют, а настоящее размыто и неопределенно и «мы всегда находимся как бы на острие ножа между двумя безднами небытия: того, чего уже нет, и того, что еще не существует» [9. С. 51].

Все моменты времени разделены, исключают друг друга и не образуют экстатического единства. Время неэкстатично и потому, подчиняясь его влиянию, человек ощущает необратимость каждого мгновения и неизбежность гибели. Уничтожая все на своем пути, время низводит экзистенцирующее бытие человека к неэкзистенцирующему существованию объекта. В его потоке оно теряет онтологический статус и обретает статус онтический, так как не темпоральные переживания определяют поступки во времени, но поступок изменяет их. Отсюда понятно, что своим действием время захватывает все бытие человека, а единственным способом вырваться из его власти является свободный поступок, влекущий за собой иное «испытание времени» [9. С. 43]. В этом освобождении от времени, в котором есть только «лишенное всякого качества точечное “теперь”, которое само по себе содержать ничего не может, ибо не имеет никакого размера» [9. С. 52], человеку все-таки удастся избежать своего превращения в ничто. Он возвращает прошлое или проектирует свое будущее, когда берет на себя ответственность за свои поступки и отказывается от совершения действий, противоречащих его ценностным ориентирам.

Роман Ингарден о модальностях темпоральности экзистенции

Современные критики [1, 2] философских идей Романа Ингардена обращают внимание на выявленные им противоречия между двумя «испытаниями временем» [9. С. 43]. Его решение он видит в онтиче-

ском подходе к изучению темпоральной экзистенции, который в отличие от реализма не уменьшает роли сознания в экзистенции человека. Ингарден писал, что «мой тезис в настоящее время сводится к следующему: есть два различных описанных мной опыта времени, и возникает тесная связь между ними и проблемой сущности и существования нашей личности» [9. С. 61]. Структура сознания, определяющая темпоральную экзистенцию человека, только отчасти изменяется под влиянием совершаемых им поступков, но в своей сути остается неизменной. В структуре сознания Ингарден отмечал «а) изменяемые и постоянно заново осознаваемые переживания; б) изменяемые состояния и психические процессы; в) некую неизменную квалификацию, определяющую мое целое как человека, которое совершенно неповторимо и специфично» [9. С. 44]. Вместе с тем поступок является не только способом изменения, но и проявления темпоральных переживаний, а также нетемпоральной «своей природы» [9. С. 44]. Поэтому мы не можем согласиться с тезисом Белявца о том, что по мнению Ингардена, сознание «не является онтически самостоятельным» [2. Р. 112]. Он полагал, что «мои переживания, пусть и производные, – нечто реальное» [9. С. 45–46] и реальны они благодаря их проявлению в действиях человека. Переживания мотивируют поступки человека, но, только действуя, он либо разрушается под влиянием времени, либо его преодолевает. Человек, чтобы остаться собой, не должен замыкаться в своем внутреннем мире, но он должен «довериться себе и своему существованию» [9. С. 64].

Разнообразные переживания времени человеком Ингарден выделяет в разные виды «испытания временем» [9. С. 43], отмечая не ограниченность их количества. Трансцендирование человека от временных процессов и замыкание на «своей природе» [9. С. 44] или полное погружение в поток времени и потеря себя – все это разные модальности темпоральности его экзистенции. Ингарден писал, что «все это может иметь разные степени и отличия, в результате чего существуют не только разные испытания времени, но и – если можно так сказать – разные виды самого времени соответственно в разных образах моей жизни и моего поведения» [9. С. 66]. Бесконечно разнообразные по своему содержанию превращения темпоральности определяют отдельный период существования и соответствующие ему действия человека во времени. Выделяя два вида «испытания временем» [9. С. 43], Ингарден исходил из различия установок реализма и идеализма. Рассматривая эту дилемму, Полтавский полагал, что «разрешение противоречия идеализма и реализма предполагает принятие решения относительно обоснованности одного из этих переживаний» [1. С. 138]. И далее он упоминает об Ингардене как о стороннике реализма, признававшего нетемпоральную природу сознания и отрицавшего его способность влиять на действительное течение времени. Однако, на наш взгляд, Ингарден не был реалистом или идеалистом, но он стремился разрешить выявленные им противоречия темпоральной экзистенции.

Рассматривая дилемму двух «испытаний времени» [9. С. 43], Ингарден ищет путей, позволивших бы че-

ловеку остаться самим собой в непрестанно меняющемся мире и не растратить напрасно отведенное ему время жизни. Первая модальность темпоральности определяется устойчивостью «своей природы» [9. С. 44] человека, обуславливающей его независимость от перемен внешнего мира. Ингарден писал, что «я одновременно с тем ощущаю себя в самой глубинной своей сущности независимым от времени, не чувствуя, что мне может угрожать его течение, словно бы не “принимаю к сведению” время и непрестанную преходящность всякой действительности» [9. С. 46]. Руководствуясь первой модальностью темпоральности, человек осознает себя независимой от времени личностью и задает вневременной смысл создаваемой им культуре. В этом философ видит предназначение человека: действовать не по течению времени, но вопреки ему и становясь над ним. Вторую модальность темпоральности образуют изменяемые переживания и непостоянные состояния, которые связаны с преобразованиями внешнего мира и с действиями человека. Под влиянием второй модальности темпоральности человек ощущает свою зависимость от времени и принимает неизбежность своей смерти подобно гибели всего объективного мира.

Исходя из описания Ингарденом второго «испытания времени» [9. С. 43], Белявка пишет о том, что сравнивая экзистенцию человека с существованием объектов во времени, он отличал человека лишь тем, что он не только изменяется, но сохраняет себя во времени [2. Р. 113]. Однако, на наш взгляд, Ингарден, напротив, показывает, что хотя человек и является частью действительности, но в ней он действует не как объект, но как субъект. Он писал, что «надо уметь остаться самим собой, без страха утратить себя во времени» [9. С. 64]. Оставаться самим собой значит не только внутренне ощущать свою сущность, но выражать себя через свободно совершаемые поступки. Потому что, как он писал, «это такие мои поступки, о которых действительность свидетельствует как о действительности моего продолжающегося “я”» [9. С. 64]. Человек должен действовать как субъект в объективном мире и только «тогда измениться облик времени» [9. С. 64]. Оно перестанет властвовать над человеком не потому, что он трансцендирует, но потому что он экзистенцирует во времени.

Противопоставляя две несовместимые друг с другом модальности темпоральности, Ингарден полагал, что они могут принадлежать одной экзистенции человека в разные ее периоды. Суть противоречия между «испытаниями времени» [9. С. 43] не в том, что сущность не зависит, а существование зависит от времени, но в разных переживаниях времени, определяемых поступками и образом жизни человека. Поступок человека не является способом нивелирования его темпоральности в потоке объективного времени, но он является условием разнообразия и проявления в действиях темпоральных переживаний. В этих суждениях Ингарден более близок не своим соотечественникам, а современному французскому философу Кристоферу Бутону. Он, как и Ингарден, разделял две идеи: вариативность модальности темпоральности и ориентирование на реализацию темпоральности в

свободном поступке. Бутон писал, что «человеческая темпоральность пластична в той мере, в какой она может изменяться, принимать различные формы, существовать в соответствии с различными модальностями» [3. Р. 251]. Как следует из вышесказанного, ни Ингарден, ни Бутон не ограничивали темпоральность двумя противоположными состояниями, подобно тому различию, которое существует между «подлинной темпоральностью» [8. Р. 300] и «неподлинной темпоральностью» [8. Р. 300] у Хайдеггера. Но они полагали, что человек, действуя, получает самый разнообразный опыт темпоральных переживаний и существования во времени. Этот опыт образует основу темпоральной экзистенции и определяет характер ее экзистирования. В плане экзистирования важнейшим является темпоральный модус будущего, но вопрос о будущем существовании, как отмечает Стефан Снигур, не имеет однозначного решения [4. Р. 127–128]. Ингарден полагал, что в отношении к темпоральной экзистенции мы не можем полагаться только на настоящее существование, так как без связи с прошлым и будущим настоящее теряет свой смысл. Как будущее, так и прошлое «являются отдельными видами или способами существования, специфически отличными от существования в актуальном теперешнем» [9. С. 60]. Бутон обосновывал независимость будущего от настоящего и привел аргументы в пользу того, что «в области человеческих действий будущее остается случайным и неопределенным» [3. Р. 251]. В отсутствии детерминант со стороны настоящего он видел условие альтернативности будущих возможностей темпоральной экзистенции.

Заключение

Анализируя работы своих предшественников, Роман Ингарден [9. С. 52–58] воспринял основополагающие для феноменологии идеи о темпоральной природе сознания, о синтезирующем характере темпоральности и о различии объективного и субъективного времени. Пересматривая их, он положил начало новому подходу в изучении темпоральной проблематики и открыл новую страницу в ее развитии. Почему Ингарден был так последователен в разработке онтического взгляда на природу темпоральности? Мы считаем, что в нем он нашел решение противоречия между идеализмом и реализмом, к которому также продвигались его предшественники [6. С. 4–8; 8. С. 199–201], но которого не заметили некоторые из его последователей [1, 2].

Обращая внимание на действительное положение человека в мире, он ставил вопрос об образе действия человека, благодаря которому он сохранил бы свою человечность в бесконечном потоке объективного времени. На что, по мнению Ингардена, человек мог опереться в этом бесконечно истребляемом временем объективном мире? Человек мог положиться только на самого себя и все то, что он создал в процессе своей культурной деятельности. Ни окружающая его природа, ни создаваемые им культурные ценности – ничто из этого не давало ему сил преодолеть разрушение временем. Но человек есть часть действитель-

ного мира, и в нем его единственной опорой мог стать только свободный поступок, укрепляющий его духовные силы. Действуя по принуждению или потворству своим порочным наклонностям, человек предает себя и разрушает свое бытие под властью времени. Поэтому для Ингардена важно было не только то, как время воспринимается и переживается, но как оно может быть преодолено в поступке возвращающегося к себе человека. Ориентированность человека на поступок стала базовой чертой онтического подхода к темпоральной проблематике у Ингардена.

Творчество Ингардена стало связующим звеном между классикой феноменологической мысли и современными концепциями, рассматривающими проблемы феноменологии. Не отвергая базовых положений темпоральной проблематики в учениях Гуссерля и Бергсона [16], Ингарден в отличие от Бергсона рассматривал настоящее как условие проявления внутренних переживаний в действии, а в отли-

чие от Гуссерля, он не ограничивался изучением темпоральности сознания, но шел дальше к изучению темпоральной экзистенции. В этом он по ряду вопросов близок учению Хайдеггера, но решения ими онтического-онтологического вопроса свидетельствуют о существенных различиях в их взглядах. Среди современных последователей его творчества есть не только критики [1, 2], но почитатели его таланта [5] и единомышленники в вопросах темпоральной проблематики [3]. Все это свидетельствует о перспективности открытия онтического подхода к изучению природы темпоральной экзистенции. Работы в этом направлении могут осуществляться не только в рамках философии, но и в более широком гуманитарном контексте. Его идеи могут стать теоретической основой для решения проблем лингвистики [17] и психологии [18], для которых одним из ключевых является вопрос о темпоральности внутреннего мира человека и его выражения в слове.

ЛИТЕРАТУРА

1. Poltawski A. The problem of time in the philosophy of Roman Ingarden // A collection of polish works on philosophical problems of time and spacetime / Ed. by Jaakka Hintikka. Warsaw : The Institute of Philosophy and Sociology, Polish Academy of Science, 2002. P. 137–148.
2. Bielawka M. The mystery of time in Roman Ingarden's philosophy // *Ingardeniana III: Roman Ingarden's aesthetics in a new key and the independent approaches of others: the performing arts, the fine arts and literature* / Ed. by Anna-Teresa Tymieniecka. Belmont : The World Institute of Advanced Phenomenological Research and Learning, 1991. P. 109–117.
3. Bouton Ch. Time and freedom. Evanston : Northwestern University Press, 2014. 283 p.
4. Snihur S. On existence of the future // A collection of polish works on philosophical problems of time and spacetime / Ed. by Jaakka Hintikka. Warsaw : The Institute of Philosophy and Sociology, Polish Academy of Science, 2002. P. 127–136.
5. Цурганова Е.А. Ингарден Р. Книжечка о человеке. М.: Издательство Московского университета. 2010. 205 с. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2011. № 4. С. 247–250.
6. Husserl E. On the phenomenology of the consciousness of internal time. Dordrecht. Boston. London : Kluwer academic publishers, 1991. 408 p.
7. Mendez-Martinez J.L. Sound ontology and the Brentano-Husserl analysis of the consciousness of time // *HORIZON: Studies in phenomenology*. 2020. Vol. 9, № 1. P. 184–215.
8. Heidegger M. Being and time. Albany; New York : State University of New York press, 1996. 487 p.
9. Ингарден Р. Книжечка о человеке. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. 205 с.
10. Гусев М.А. Вопрос о «сущем как сущем» Н. Гартмана и вопрос о «смысле бытия» М. Хайдеггера: два взгляда на онтологию // *HORIZON: Феноменологические исследования*. 2019. № 1. С. 67–86.
11. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // *Время и бытие: статьи и выступления* / под ред. В.В. Библихина. М. : Республика, 1993. С. 192–221.
12. Bergson H. Time and Free Will: an essay on the immediate data of consciousness. Mineola : Dover publications, 2001. 252 p.
13. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск : Водолей, 1998. 384 с.
14. Harman G. Tool-Being: Heidegger and the metaphysics of objects. Illionis : Carus publishing Company, 2002. 331 p.
15. Федчук Д.А. Ответ на рецензию А.Б. Пакула на статью «Схоластическое различие в сущем и онтологическая дифференциация» // *HORIZON: Феноменологические исследования*. 2014. № 2. С. 177–185.
16. Serova N., Pendurina L., Fedoseenkov A. Temporal existentiality: the objectification of subjectivity // A collection of articles SHS WEB of CONFERENCES. The conference proceeding APPSCONF – 2019 Don State Technical University / Ed. by Fedoseenkov A. Paris : EDP Sciences, 2019. T. 72. Article number 03024. DOI: 10.1051/shsconf/20197203024 (дата обращения: 09.07.2020).
17. Синкевич Д.А. Категория темпоральности в лингвофилософском освещении // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7. С. 148–152.
18. Бинсвангер Л. Экзистенциальный анализ. М. : Ин-т общегуманит. исслед., 2014. 272 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 8 ноября 2020 г.

Roman Ingarden on Temporal Existence in the Context of Temporality Problems in Phenomenology in the 20th and 21st Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 72–79.

DOI: 10.17223/15617793/462/9

Natalya V. Serova, Admiral Ushakov State Maritime University (Novorossiysk, Russian Federation). E-mail: nvserova72@yandex.ru

Keywords: Roman Ingarden; Edmund Husserl; Martin Heidegger; temporality; existence; ontic-ontological question; modality of temporality; time.

Roman Ingarden's ontic approach to the problem of the temporality of human existence is considered in the context of the phenomenology of the 20th century and its significance in the development of the temporal problems of the 21st century. The author considers the continuity of the study of this theme and, to this purpose, compares the interpretations of the concept "temporality" in the phenomenology of Husserl, Heidegger, and Ingarden. In his concept, Ingarden defines temporal existence not only as a set of time experiences, but also as human actions performed in time. The author identifies the features of consideration of the ontic-ontological question of time in the teachings of Ingarden and Heidegger, and determine the originality of Ingarden's ideas. Their essence is that, in the ontic sense, time is not derived from experiences, but from human actions. The nature of time manifests itself

in the destruction and death of any existence, and human existence as well. Time is not ecstatic in its divided moments of past, present, and future, and, by submitting to it, man loses oneself and becomes similar to an object. The dilemma of two “experiences of time”, which Ingarden’s followers tried to understand and accept one of the opposite positions in relation to time, became the main theme of his teaching. In considering it, Ingarden wanted to show the causes and results of the contradiction of a person’s temporal existence, in order to help one make the right choice and not to commit actions that lead one to lose oneself in the flow of time. The author analyzes the interpretations of the followers and critics of Ingarden’s ontic teaching about the diversity of temporal modalities, and determines the degree of its influence on the prospects for the contemporary development of temporal issues. Each of the modalities of the temporality of a person’s existence expresses a special image of one’s being, and, when changing, it can lead to this person’s transformations. Ingarden assigned a key place in his teaching to free action as a way of embodying the diversity of temporal experiences of a person. These ideas were perceived differently at the turn of the 21st century, and they certainly did not leave indifferent either the critics or the followers of the ontic approach to the study of temporality. If we further study Ingarden’s ideas and apply them to linguistics and psychology, we could find answers to many questions that are of interest to specialists in these fields of knowledge.

REFERENCES

1. Poltawski, A. (2002) The problem of time in the philosophy of Roman Ingarden. In: Hintikka, J. (ed.) *A collection of Polish works on philosophical problems of time and spacetime*. Warsaw: The Institute of Philosophy and Sociology, Polish Academy of Science. pp. 137–148.
2. Bielawka, M. (1991) The mystery of time in Roman Ingarden’s philosophy. In: Tymienicka, A.-T. (ed.) *Ingardeniana III: Roman Ingarden’s aesthetics in a new key and the independent approaches of others: the performing arts, the fine arts and literature*. Belmont: The World Institute of Advanced Phenomenological Research and Learning. pp. 109–117.
3. Bouton, Ch. (2014) *Time and freedom*. Evanston: Northwestern University Press.
4. Snihur, S. (2002) On existence of the future. In: Hintikka, J. (ed.) *A collection of Polish works on philosophical problems of time and spacetime*. Warsaw: The Institute of Philosophy and Sociology, Polish Academy of Science. pp. 127–136.
5. Tsuranova, E.A. (2011) Ingarden R. A little book about man. M.: Moscow University Press, 2010. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. 4. pp. 247–250. (In Russian).
6. Husserl, E. (1991) *On the phenomenology of the consciousness of internal time*. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers.
7. Mendez-Martinez, J.L. (2020) Sound ontology and the Brentano-Husserl analysis of the consciousness of time. *HORIZON: Studies in Phenomenology*. 9 (1). pp. 184–215.
8. Heidegger, M. (1996) *Being and time*. Albany; New York: State University of New York Press.
9. Ingarden, R. (2010) *Knizhechka o cheloveke* [Little book about man]. Translated from Polish. Moscow: Moscow State University.
10. Gusev, M.A. (2019) N. Hartmann’s question of “being as being” and M. Heidegger’s question of “the meaning of being”: Two views over ontology. *HORIZON: Fenomenologicheskie issledovaniya – HORIZON: Studies in Phenomenology*. 1. pp. 67–86. (In Russian). DOI: 10.21638/2226-5260-2019-8-1-67-86
11. Heidegger, M. (1993) Pis'mo o gumanizme [Letter about humanism]. In: Bibikhin, V.V. (ed.) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and being: articles and speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 192–221.
12. Bergson, H. (2001) *Time and free will: An essay on the immediate data of consciousness*. Mineola: Dover publications.
13. Heidegger, M. (1998) *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni* [History of the concept of time: Prolegomena]. Translated from German. Tomsk: Vodoley.
14. Harman, G. (2002) *Tool-Being: Heidegger and the metaphysics of objects*. Carus Publishing Company.
15. Fedchuk, D.A. (2014) The response to review by A. Patkul of the article by D. Fedchuk “Scholastic distinction in finite being and ontological difference” (*Horizon*, vol. 2(2), 2013). *HORIZON: Fenomenologicheskie issledovaniya – HORIZON: Studies in Phenomenology*. 2. pp. 177–185.
16. Serova, N., Pendurina, L. & Fedoseenkov, A. (2019) Temporal existentiality: The objectification of subjectivity. In: Fedoseenkov, A. (ed.) *A collection of articles SHS WEB of CONFERENCES. The conference proceeding APPSCONF – 2019 Don State Technical University*. Vol. 72. Article number 03024. Paris: EDP Sciences. DOI: 10.1051/shsconf/20197203024
17. Sinkevich, D.A. (2009) Kategoriya temporal'nosti v lingvofilosofskom osveshchenii [The category of temporality in a linguophilosophical coverage]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7. pp. 148–152.
18. Binswanger, L. (2014) *Ekzistentsial'nyy analiz* [Existential analysis]. Translated from German. Moscow: In-t obshchegumanit. issled.

Received: 08 November 2020

ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ОРГАНИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СПАСЕНИЯ В ПРАВОСЛАВНОМ БОГОСЛОВИИ

Рассматривается история формирования органической теории искупления в православной сотериологии в перспективе взаимодействия отечественного богословия с русской религиозной мыслью. Исследование акцентировано на выяснении отдельных элементов в богословской системе В.Н. Лосского, которые сложились под влиянием окружавших его личностей и концепций, в частности, под влиянием Л.П. Карсавина и прот. С.Н. Булгакова, как представителей философии всеединства.

Ключевые слова: органическая теория искупления; В.Н. Лосский; богословие; философия всеединства; сотериология; история философии.

Введение

Православное богословие тесно связано с философией: античная мысль в свое время была донором богословской терминологии и топосов мысли, философия Возрождения и Нового времени по-своему развернули богословскую проблематику, современная аналитическая традиция произвела аналитическую теологию. Будет разумно предположить, что и русская религиозная мысль повлияла на становление отечественной теологии. Так, например, одной из значимых для становления отечественного богословия XX в. школ мысли была немецкая философия, вдохновение идеями которой можно проследить в трудах многих авторов, имеющих прямое отношение и к современной православной теологии¹. К этому влиянию можно отнести учение о нравственности, особенно актуальное в конце XIX в., которое нашло выражение в сотериологических построениях православного богословия под названием «нравственная теория искупления», немного позже, при влиянии отечественной философской мысли, в теологическом пространстве появилась «органическая теория искупления».

Выяснение истории и содержания теорий искупления имеет большое значение для понимания христианства, поскольку сотериология – это одна из центральных составляющих православного богословия, которая имеет отношение к каждому христианину. Кроме того, исследование органической теории позволит прояснить и ряд вопросов, относящихся к философии, а именно вопросы трансляции идей, взаимовлияния школ и становления богословско-философского дискурса. Иными словами, такое исследование позволит осветить тропы, которыми обеспечивается становление богословско-философского дискурса.

На данный момент одной из самых распространенных точек зрения на православную сотериологию является деление учения об искуплении на три теории: юридическую, нравственную и органическую. При этом именно органическая теория зачастую рассматривается как святоотеческая, т.е. наиболее аутентичная в православном богословии, тогда как нравственная теория заслуживает внимания лишь в отношении своей критики юридической теории, а последняя якобы оказывается схоластическим проектом и результатом «латинского пленения» православного богословия. Такая

перспектива отражена в уже почти классическом учебнике прот. Олега Давыденкова «Догматическое богословие» [1. С. 402–413].

Вместе с тем наличие в православной теологии целых трех теорий искупления кажется абсурдным, такое положение как будто свидетельствует о том, что за все время существования церковного вероучения так и не было определено наверняка, как же именно спасается человек – а это один из ключевых вопросов в христианстве. На наш взгляд, учение о спасении никогда не разделялось на три теории до XX в. и само произошедшее разделение, как мы надеемся показать, связано с влиянием на отечественное богословие западной философии, мистики и теологии, что и привело к ломке богословской парадигмы.

Несмотря на серьезный недостаток работ по изучению православной сотериологии последних двух веков, в отечественной науке все же существует небольшое количество книг по исследуемому нами вопросу. Наиболее известной среди последних является «Догмат искупления в русской богословской науке» прот. Петра Гнедича. В этой книге отец Петр, хотя и не скрывает своих симпатий в пользу органической теории, пишет следующее: «автор (кн. Е.Н. Трубецкой. – *Прим. авт.*) не богослов, а философ, и в его взглядах отражается влияние идей Вл. Соловьева и других мыслителей (Федорова, Достоевского), и рассуждения его об искуплении не были догматическим трактатом. Но почти всего его идеи совпадают с идеями современного богословия... Так русское богословие и русская религиозная мысль соединяются в стремлении к уразумению основного христианского догмата и искании смысла жизни» [2. С. 281].

Тесная связь с философией (и с философией всеединства) в разработке сотериологических проектов таким образом замечается, но по прошествии времени оказывается так и не изучена должным образом. Начало этому исследованию мы и постараемся положить в нашей работе.

Органическая сотериология и патристика

Прежде всего следует сказать о том, какое отношение к ортодоксальной догматике имеет новая сотериология – это позволит указать на богословское новаторство и подчеркнуть места, где теория наиболее конфликтует с теологической традицией академического

православия. Эта конфликтность и будет сигнификантом модернизации догматических положений, значимых для исследования.

Именованная теория «органической» закрепилась в богословии благодаря «Догматическому богословию» прот. Олега Давыденкова. Последний называет ее так из-за свойства православных богословов говорить не в юридических, но скорее в органических, т.е. «в категориях природы» [1. С. 412], хотя само слово «органический», по иронии судьбы, более характерно для философии Шеллинга, а не для патристики.

Кристаллизация теории произошла в трудах богословов В.Н. Лосского и прот. Г.В. Флоровского, для которых было одинаково характерно стремление освободиться от схоластического пленения и переосмыслить православное богословие своего времени, что явилось важными причинами появления органического богословия. На наш взгляд, важнейшую роль в богословском оформлении органической теории сыграл В.Н. Лосский, в связи с чем именно его труды и составляют главный предмет нашего рассмотрения.

В.Н. Лосский предполагает, что Иисус Христос именуется Спасителем не только благодаря своей искупительной жертве, принесенной на кресте, но и по причине восприятия человеческой природы в свою ипостась и тем самым ее исцеления и спасения. Акцент, таким образом, переносится с искупительной жертвы на воплощение и всю жизнь Спасителя – от воплощения до вознесения, поскольку каждый акт жизни Иисуса Христа имел сотериологическое значение, очищая, освящая, вознося человеческую природу.

При этом Лосский не только критикует юридический подход и терминологию, но и сам в качестве одного из методологических принципов построения учения о спасении использует апофатизм. Для нас особенно важно подчеркнуть, что в органической теории воспринятая природа понимается как общая и единая для всех ипостасей, поскольку спасение такой природы ведет к спасению всех ее носителей, т.е. всех людей вообще: «Человечество Христа составляет начаток новой твари – через Его человечество некая сила жизни вводится в космос, чтобы его воскресить и преобразить в окончательном уничтожении смерти. После воплощения и воскресения смерть ослаблена, она уже не абсолютна. Все теперь устремляется к ἀποκατάστασις τῶν πάντων, т.е. к всецелостному восстановлению всего, что разрушено смертью, к осиянию всего космоса славой Божией, которая уже ныне становится всем во всем (τὰ πάντα ἐν πᾶσι)» [3. С. 541] и т.п.

На наш взгляд, органическая сотериология не только противоречит юридической теории, но и творениям многих авторитетных святых отцов (не смотря на девиз неопатристики «вперед к отцам!») и обилие святоотеческих цитат в трудах этой школы, что, в частности, выражается в приписывании отцам таких концепций, которые им не принадлежали, и тенденциозном прочтении их писаний. У нас нет возможности здесь приводить подробный анализ трудов богословской школы русской эмиграции XX в. (мы говорим здесь прежде всего о так называемой Парижской богословской школе). На данный момент нам известны лишь редкие материалы по теме, в которых отражена

критика богословия В.Н. Лосского, например статья «Владимир Лосский: очерк догматического богословия» за авторством К.Г. Шахбазяна, В.В. Крымова, М.А. Шахбазяна [4], а также книга Роузена Уильямса «Богословие В.Н. Лосского: изложение и критика» [5], в которой богословие Лосского подвергается критическому анализу. Отметим, что небольшое количество работ связано с относительной новизной и потому слабой изученностью богословия русских эмигрантов.

Здесь мы укажем лишь на цитату авторитетного богослова прп. Иоанна Дамаскина, который описывает один из принципиальных для органической теории вопросов – каким образом Иисус Христос воспринял человеческую природу в своем воплощении: «Природа усматривается или одним только умозрением (ибо сама по себе она не существует), или вместе во всех однородных ипостасях, связуя их, и [тогда] называется природой, усматриваемой в роде; или она же целокупно с присоединением приходящих признаков в одной ипостаси и называется природой, усматриваемой в неделимом существе. Итак, Бог Слово, воплотившись, **не воспринял природы** ни усматриваемой одним только умозрением (ведь это было бы не воплощением, но обманом и личиною воплощения), **ни усматриваемой в роде (ибо Он не воспринял всех ипостасей)**, но ту, которая есть в неделимом существе, тождественную виду (ведь Он принял начаток нашего смешения), но не такую, которая существовала сама по себе и вначале стала неделимым существом и тогда уже была Им воспринята, – но осуществившуюся в Его ипостаси» [6. С. 255–256].

Таким образом, Иисус Христос воспринял такую природу, которая находится особо в каждой ипостаси (осуществившуюся в его ипостаси), но не такую, которая является единой для всех ипостасей, «ибо Он не воспринял всех ипостасей».

Помимо расхождений со святоотеческой традицией, органическая теория создает много проблем в сотериологии, поскольку, если мы предположим, что Христос воспринял единую природу, то это будет означать спасение всех носителей этой природы, а значит нет нужды ни в чем, кроме обладания такой природой (что, разумеется, не является выбором человека): ни в Церкви, ни в таинствах, ни в вере. Конечно, существуют разные попытки очерчивания выхода из этой ситуации, в которые мы не можем вдаваться подробно, поскольку указываем здесь лишь на то, что органическая теория не является, как о ней принято говорить, наследием святоотеческого богословия, но возникла в определенный момент истории, под влиянием определенных философских течений, к описанию которых мы и переходим.

Философские предпосылки органической сотериологии

Возникновение органической теории не в последнюю очередь связано с новым взглядом на историю русского богословия, которое в определенный момент времени якобы переживало «латинское пленение». Одним из первых об этом пишет Ю. Самарин в своей дис-

сертации, посвященной Феофану Прокоповичу и Стефану Яворскому². Славянофилы вообще привыкли относиться к современной им богословской школе критически, вина ее в схоластицизме и рационализме, это выразилось, например, в известной характеристике, данной Хомяковым митр. Макарию, который якобы «провонял схоластикой» [7. С. 181]. Сами славянофилы не имели систематического богословского образования, а их труды, во время своего выхода, вызывали серьезную церковную критику, главным образом по причине недостаточной богословской компетентности. Несмотря на это они оказали заметное влияние на последующее духовное образование, так что к началу XX в. Хомяков может быть назван одним из отцов и вдохновителей отечественного богословия этого времени.

Такому положению дел способствовало множество факторов, одним из важнейших является новый способ богословствования славянофилов, воспитанный на немецком идеализме и романтизме, которые все более проникали в интеллектуальное пространство академий и семинарий. Традиционные для романтизма и немецкого идеализма нелюбовь к схоластике и поиск органичного и нативного нашли свое выражение в русском богословии в виде критики латинского пленения, а соответственно, и в поиске «оригинального» православного богословия. В конечном итоге все это выразилось в концепции неопатристического синтеза прот. Георгия Флоровского, которая заключалась в перепрочитывании отцов, с целью обнаружения оригинального православного богословия, а не того, что прошло сквозь фильтр схоластицизма и латинства.

Итак, теория искупления, представленная в традиционном академическом богословии, стала клеймиться как латинская и юридическая, а на ее место пришли другие построения, известные как «нравственная» и «органическая» теории, представляющие собой опыт следующего поколения богословов.

Органическая сотериология в контексте философии всеединства

Богословие и философия начала XX в. исходят из общего историко-культурного контекста, а сами творцы новых интеллигентных систем оказываются связаны между собой не только идеями, но и биографией. Очевидно, что ни богословие, ни философия не возникают сами собой на пустом месте, почему и идеи органической теории в сотериологии должны быть обнаружены где-либо ранее (хотя бы и в ином виде). Как мы уже отметили, этим «где-либо» было не только (и не столько) святоотеческое наследие, но современная автотрадиция культуры и философия.

Имена В.Н. Лосского и Г.В. Флоровского тесно связаны с другими философами своего времени: это о. С.Н. Булгаков, Л.П. Карсавин, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, В.Ф. Эрн, П.А. Флоренский и др., многие идеи которых были вдохновлены В.С. Соловьевым. Уже по одним фамилиям мы можем указать на философию всеединства как школу, которая была средой для брожения и роста интересующих нас идей.

Основателем и главным идеологом всеединства был В.С. Соловьев. Его философия черпает вдохновение из многих источников, среди которых, как правило, выделяют немецкую идеалистическую философию, духовную мистику, гностические писания, платонизм³. В немалой степени благодаря Владимиру Сергеевичу в русской духовной культуре произошло воскресение платонизма и софиологии, так что известные богословствующие софиологи – Булгаков, Флоренский, Карсавин – во многом обязаны своей проблематике этому русскому философу.

Тема Софии, как правило, рассматривается в качестве рубежа, по обе стороны от которого расставляют отечественных богословов: в лагерь софиологов записывают прот. С. Булгакова, свящ. П. Флоренского, Л. Карсавина и других, а в лагерь их противников относят В. Лосского, Г. Флоровского и, например, Серафима Соболева. Тем не менее, если свт. Серафим был действительно в «другом лагере», то В. Лосский и прот. Г. Флоровский не только полемизировали, но и помногу беседовали и учились у софиологов, так что вопросы, поднятые софиологами, никуда не ушли, но перешли в религиозную философию своих оппонентов, за отнятием лишь их софиологического решения.

Так, поднятые Соловьевым проблемы переходят в труды философов всеединства, а после находят свое решение в творениях Лосского и Флоровского: это освобождение богословия от схоластического разума, актуализация теологии и приспособление к современным нуждам, обращение к древней философии и богословию в поисках новых прочтений, восприятие славянофильского наследия, акцентирование на борьбе с западной «секулярной» мыслью, принципиальное указывание на Бога как личностное существо⁴, интерес к немецким мистикам⁵, пристальное внимание к экклезиологии и т.п.⁶

Сюда же (к широкому философскому контексту) отнесем и лозунг неопатристики «Вперед к отцам!». Исходное намерение возвращения к вере отцов, хотя и стало известным как лозунг неопатристического синтеза, возникло еще в прошлом веке благодаря произведениям Хомякова, так что Е.Н. Трубецкой вспоминает о «возвращении к отцам» как об одном из принципов философии всеединства [10. С. 19]. Важным для Трубецкого был поиск концепций всеединства в мировой философии и особенно в учениях античной философии и раннего христианства – это намерение воплотилось впоследствии в разных концепциях, среди которых наиболее значимой для нас является философия Карсавина, учителя В.Н. Лосского, и прот. С. Булгакова, частного собеседника последнего.

Однако перейдем к самой органической теории и, в частности, к тому влиянию, которое оказали на ее формирование вышеупомянутые философы. Поскольку суть органической теории сводится к тому, каким образом была воспринята общая природа, и критике юрицизма, то именно эти элементы мы и постараемся обнаружить.

Начнем с Льва Карсавина⁷. Об учительстве Карсавина сообщает проф. Н.К. Гаврюшин: «Влияние Карсавина на молодого Лосского в период между 1919 и

1922 г. можно считать определяющим. Карсавин способствовал выработке историософских, политических и нравственно-психологических установок своего одаренного студента, и именно он, в самых общих чертах, поставил перед ним ту научно-богословскую проблему, над которой В.Н. Лосский трудился до последних дней жизни» [11. С. 541].

Одна из исходных точек философии Льва Карсавина – учение о Боге как совершенной личности⁸. Для методологии этого русского философа характерен спуск от божественной личности как образца к человеческим личностям, это наследует и В. Лосский. Божественная личность в философии Льва Карсавина ставится в центр всего, так что никто в полной мере, кроме Бога, не является личностью, но стремится к этому, почему и перспективой рассмотрения человека оказывается взгляд на него как на недоличность, которая актуализируется в Боге и Богом: «Наше сознающее себя бытие не что иное, как одна из индивидуализации (моментов) высшей всеединой личности, индивидуализирующейся, кроме меня, и во всех других инобытных мне личностях, существах и вещах, которые когда-либо и кем-либо воспринимались, будут и могут восприниматься» [13] и т.п., таким образом беря за модель человеческой личности божественную личность, что делает и Лосский⁹. В то же время для святоотеческой методологии характерно обратное – человеческий антропологический инструментариум берется за модель для описания божественной реальности: так, святитель Григорий Богослов указывает, что «соразмеряясь со своим понятием, и Божие назвали мы именами, взятыми из самих себя» (цит. по: [4]), а свт. Василий Великий в письме к свт. Григорию Нисскому пишет следующее: «<...> какое понятие приобрел ты о различии сущности и ипостаси в нас, перенеси оное на божественные догматы; и не погрешешь» (цит. по: [4]).

Более важным является представление об общем и едином для всех начале, которое мы встречаем у Карсавина: «"Человек" существует всецело сразу во всех индивидуумах и в каждом из них, и вне его индивидуального нет. "Человек" – всеединая человеческая личность. И только с этой, возносящей нас над ограниченностью нашего бытия оговоркою можно аналогизировать индивидуально-личное бытие ипостасному, индивидуальную личность – Ипостаси» [13].

«Несовершенное человечество является системой своих личностей (§ 52), каждая из которых (культура, народ, семья и т.д.) по-своему его индивидуализует, сама индивидуализуясь системно и в порядке иерархического умаления вплоть до конкретных индивидуумов, как условно-последних, т.е. последних «*quoad pos*», личностей. Это человечество мыслит, чувствует, волит; и мышление, чувствование, воление суть всеединые его акты» [13].

«Ипостась – суть индивидуального бытия и само индивидуальное существо, существованием или бытийностью своею связанное с другими ипостасями в одно и единое бытие, в одну и ту же усию» (цит. по: [4]).

Хотя в вышеприведенных цитатах и заметна терминологическая неопределенность, но ясно, что все это складывается в одно намерение – увязать все ипостаси

в единство, которое определяет бытие людей сотериологически, через причастие Богу или обожение. На наш взгляд, такой мотив является важнейшим и в сотериологических построениях В.Н. Лосского, хотя и заметно более близкого к святоотеческой терминологии и учению.

Среди других моментов, воспринятых от Л. Карсавина В. Лосским, можно указать и на противопоставление личности и природы, и на пристальное внимание к истории, прочитываемой историософски и как истории идей прежде всего. Отсюда, например, Владимир Николаевич мог воспринять перспективу оценки западного богословия как единого процесса отпадения от веры отцов и акцент на филиокве как выразителе духа латинства и ключевом моменте в конфронтации католичества и православия.

Однако Владимир Лосский испытал и влияние прот. С.Н. Булгакова, так что, по словам К.М. Антонова, «ряд наиболее значимых тем и концептов богословия Лосского заимствуется им... в первую очередь – из работ Булгакова» [14. С. 95]. Последний мыслит искупление схожим с органистами образом: общая природа человека, существующая как единая для всех людей, подобно корню дерева, исцеляется и обоживается в вочеловечении Иисуса Христа: «Церковь есть дело боговоплощения Христова, она есть само это боговоплощение, как усвоение Богом человеческого естества и усвоение божественной жизни этим естеством, его обожение (θέωσις) как следствие соединения обоих естеств во Христе. Но в то же время дело воцерковления человечества в Тело Христово еще не совершилось силою одного боговоплощения и даже Воскресения: "лучше для вас, чтобы Я пошел" (к Отцу Моему) (Ин 16, 7)» [15. С. 7]; «Человек, созданный по образу Божию, чрез осуществление в себе богоподобия, предназначенный к обожению, отклонился от этого пути. Но сам Бог, давший образ Свой, сделался человеком, родившись от Духа Святого и Девы Марии, миновав плотское зачатие во грехе, и чрез то соединил в Своей ипостаси божеское и человеческое естество. Он стал человеком Иисусом, имеющим Свою индивидуальность, но в человеческом естестве Он принял всю человечность, будучи новым Адамом, всечеловеком, и все дела Его имеют всечеловеческое значение» [15. С. 147]; «спасителем человечества мог явиться только человек, и притом в онтологическом своем естестве резюмирующий в себе всю природу человека, иначе говоря, перво-Адам, самый корень человеческого древа» [16. С. 259].

У прот. С. Булгакова мы находим и особенный акцент на необходимости в полном соучастии Спасителя в каждом моменте человеческой жизни как сотериологически важной установке: «Христос стал человеком, чтобы сделаться новым Адамом. Ему надо было приобщиться ветхого Адама, пройти путь земной жизни и разделить ее тяготы и последнюю судьбу. Но для этой цели недостаточно было усвоения лишь отдельных сторон человечества, надо было принять его всецело, в наибольшей полноте и силе, со всеми страданиями, мукой богооставленности и смерти. И лишь тогда, приняв в себя всего Адама, сделавшись поистине человеком, приняв все искушения и сам будучи искушен всем, мог Христос сделаться новым Адамом» [16.

С. 259]. В то время как для святоотеческого богословия характерно выделение на фоне жизни спасителя Его крестной смерти и воскресения¹⁰, сторонники органической теории указывают на несправедливость такого акцентирования и, наоборот, предлагают рассматривать всю жизнь спасителя как подвиг искупления человека.

Тем не менее на примере прот. С.Н. Булгакова можно указать на то, что чем сильнее был интерес автора к святоотеческому богословию, тем дальше от философии Соловьева он уходил, это справедливо и для В.Н. Лосского, который почти не обнаруживает в своем творчестве видимых следов философии всеединства.

Основные мотивы в рассуждениях Карсавина и Булгакова, как нетрудно догадаться, в большей или меньшей степени были почерпнуты у В.С. Соловьева. Для последнего тема субстанции и ипостаси тоже была чрезвычайно важна, как и тема противостояния Востока и Запада, нового опыта богословствования и всеединства в Боге¹¹.

Конечно, В.Н. Лосский сознательно дистанцировался от всякой светской философии в пользу святоотеческого богословия и, конечно, отрицал Софию как особую сущность, отличную от Христа, что ставит его в отношении конфронтации к значительной части трудов вышеназванных философов. И все же мы полагаем, что сама задача поиска единства человека и Бога, ведущая ко всеобщему искуплению, была явно или неосознанно воспринята из религиозно-философской культуры начала XX в., вместе с представлением о единой человеческой сущности, общей для всех людей, а разработка этой темы в тесном диалоге с представителями философии всеединства повлияла и на методологию работы.

Заключение

Тесное взаимодействие отечественного богословия и философии к началу XX в. вылилось в новые богословские построения, которые впоследствии закрепились в православной теологии как общепринятые.

Сюда мы относим «органическую теорию искупления», главным выразителем которой был В.Н. Лосский.

Построения Владимира Лосского обнаруживают общность с построениями философов и богословов своего времени во многих мотивах, одним из которых является поиск новой методологии богословствования, особенно в области сотериологии, что было связано с желанием освободиться от латинского пленения.

Эта новая методология заключается в перепрочитывании святых отцов с целью обнаружения в их учении настоящего, а не плененного православия, что выражается в числе прочего в новой теории искупления, где акцент с крестной жертвы переносится на всю жизнь Иисуса Христа, особенно подчеркивая момент его природного единства с каждым человеком в восприятии общей и единой для всех человеческой природы. Это учение не характерно для православия (хотя его и придерживались такие личности, как Ориген), но принимается Лосским безоговорочно, что может быть объяснено его богословским видением, которое было во многом обусловлено прот. С. Булгаковым и философом Л.П. Карсавиным. К другим тенденциям в органическом богословии, которые могут быть возведены к представителям философии всеединства, можно отнести апофатичность, стремление к органическому соединению в противовес секулярности, моделирование личности человека по образу божественной «личности», перенесение акцента с крестной жертвы на всю жизнь Спасителя.

Безусловно, В.Н. Лосский имел такие взгляды, которые зачастую резко противоречили его философскому окружению, но это не отменяет того, что многие темы и приемы новых философов и богословов могли восприниматься им не критически, что и обуславливает большинство моментов в его богословских построениях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, свящ. С.Н. Булгаков, свящ. П.А. Флоренский, свящ. В.Н. Зеньковский и др.

² Ю.Ф. Самарин. Стефан Яворский и Феофан Прокопович.

³ В.Ф. Лосев характеризует Соловьева следующим образом: «В философии Владимира Соловьева наблюдается органическое слияние различных элементов платонизма и неоплатонизма, патристической философии и гностицизма, философии Шеллинга и Гегеля, самобытного русского мировоззрения и русской философии, мистицизма и рационализма величайших мыслителей старого и нового времени» [8. С. 233].

⁴ На наш взгляд, такое указание на Бога как «личность» не характерно для патристики, которая не знает слова «личность» (но не лицо) и предпочитает говорить о божественных ипостасях.

⁵ Лосский, например, посвящает отдельный труд изучению Мейстера Экхарта и его отрицательного богословия (см. Владимир Николаевич Лосский. Отрицательное богословие и познание Бога у Мейстера Экхарта). Нет нужды говорить о том, что Беме, Экхарт, Силезиус были особенно интересны Соловьеву, с его подачи они тесно вошли в русскую религиозную мысль.

⁶ Ср., например, цитату из книги Е.Н. Трубецкого «Миросозерцание Соловьева»: «Противопоставляя атомизму западноевропейской культуры идеал цельности жизни, он (Соловьев. – Прим. С.С.) тем самым продолжил дело Киреевского и Хомякова, которые в борьбе с Западом предвосхитили его выводы и высказали тот же идеал» [9. С. 233].

⁷ В настоящей работе мы излагаем философские связи В. Лосского и Л. Карсавина, ориентируясь на статью «К.Г. Шахбазян, В.В. Крымов, М.А. Шахбазян. Владимир Лосский: очерк догматического богословия».

⁸ «... в основе второй интуиции человеческой личности у Карсавина лежит Откровение о Боге как истинной Личности» [12. С. 103].

⁹ Что не означает слепого копирования учения о личности, которое, конечно, у Лосского довольно сильно противоречит философии Карсавина – здесь мы лишь указываем на методологическую перспективу.

¹⁰ Ср., например, высказывание Иоанна Дамаскина: «Ничем иным, как Крестом Господа нашего Иисуса Христа, ниспровергнута смерть, уничтожен прародительский грех, повержен ад, даровано воскресение, дана нам сила презирать настоящее и даже саму смерть, достигнуто возвращение к первоначальному блаженству, открыты врата рая, наша природа воссела одесную Бога, мы стали чадами Божиими и наследниками. Все это достигнуто через крест» (цит. по: [17]).

¹¹ Русский философ разрабатывал тему соотношения ипостаси и природы в споре с Л.М. Лопатиным, что было связано с необходимостью найти правильное место для личности в системе этих терминов. При этом понимание сущности у Соловьева, по словам Е.Н. Трубецкого, восходит к Спинозе, так что он доказывал единство и единственность божественной сущности, что в какой-то степени является введением к русскому богословско-философскому дискурсу XX в. У Соловьева же мы находим и учение о всечеловечестве, которое соединяет с Божеством все что есть – это София, «истинное, чистое и полное человечество, высшая и всеобъемлющая форма и живая душа природы и вселенной, вечно соединенная и во временном процессе соединяющаяся с Божеством и соединяющая с ним все, что есть» [18. С. 575].

ЛИТЕРАТУРА

1. Протоиерей Олег Давыденков. Догматическое богословие : учеб. пособие. М. : Изд-во ПСТГУ, 2013.
2. Протоиерей Петр Гнедич. Догмат искупления в русской богословской науке (1893–1944). М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 496 с. (Православное богословие).
3. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / пер. с фр. мон. Магдалины (В.А. Решиковой). 2-е изд., испр. и перераб. Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2012. 586 с.
4. Владимир Лосский: очерк догматического богословия // Азбука.ru. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Losskij/vladimir-losskij-ocherk-dogmaticheskogo-bogoslovija/ (дата обращения: 04.12.2019).
5. Роуэн Уильямс. Богословие В.Н. Лосского: изложение и критика / пер. с англ. Киев : ДУХ І ЛІТЕРА, 2009. 336 с.
6. Преподобный Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. 4-е изд. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2011. 592 с. (Серия «Духовная сокровищница»).
7. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. Т. 8. Письма. М. : Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко, Лименовская ул., соб. домъ. 1904.
8. Лосев А.Ф. Русская философия // Философия. Мифология. Культура. М. : Политиздат, 1991.
9. Трубецкой Е.Н. Мирозерцание Вл. С. Соловьева. М. : Медиум, 1995. Т. 1. 606 с.
10. Акулинин В.Н. Философия всеединства. От В.С. Соловьёва к П.А. Флоренскому. Новосибирск : Наука, 1990.
11. Гаврюшин Н.К. Русское богословие. Очерки и портреты. Н. Новгород : Нижегородская духовная семинария, 2011. 672 с.
12. Чупахина Н.А. Понятие личности в философии всеединства у Л.П. Карсавина и В.Н. Лосского // Мысль. 2013. № 14. С. 102–108.
13. Карсавин Л.П. О Началах // Медиатека Предание.ru. URL: <https://predanie.ru/book/76119-o-nachalah/> (дата обращения: 05.12.2019).
14. Софиология и неопатристический синтез: богословские итоги философского развития : сб. науч. ст. / сост.: К.М. Антонов, Н.А. Ваганова. М. : Изд-во ПСТГУ, 2013. 294 с.
15. Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск : Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. 560 с.
16. Булгаков С. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М. : Искусство, 1999. Т. 1. 298 с.
17. Иоанн Дамаскин // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/471131.html> (дата обращения: 05.12.2019).
18. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М., 1988. Т. 1, 2.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 10 декабря 2020 г.

Philosophical Origins of the Organic Theory of Salvation in Orthodox Theology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 80–86.

DOI: 10.17223/15617793/462/10

Sergey E. Sizov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sseezov@mail.ru

Keywords: Organic Atonement Theory; Vladimir Lossky; philosophy of all-unity; theology; history of philosophy; soteriology.

The historical study of modern Orthodox theology is a very important process, which is only now finding its place in science. Orthodox dogmatic theology can only seem static, while a closer examination can reveal the processes of decomposition, change and mutation. This article analyzes the theological history of the organic atonement theory, with Vladimir Lossky as its main advocate. The appearance of several atonement theories in theology (along with the criticism of legal theory – a traditional theory peculiar to academic education) highlights the reasons leading to such an unusual state of affairs. In the author’s opinion, this situation is one of the indicators for the changes in theology under the influence of new philosophical trends. The links between the organic atonement theory and philosophical research were noticed as early as in the 20th century. However, the issue has been still insufficiently explored. In connection with this, one of the objectives in this article is a thorough consideration of the way the Russian religious thought participated in the development of the 20th-century Orthodox theology. The largest school of religious philosophy at the beginning of the 20th century was the philosophy of unitotality, which was supported by many famous authors, including theologians Sergei Bulgakov, Lev Karsavin, Sergei and Evgenii Trubetskoy, Vladimir Ern, Pavel Florensky, et al. The Russian philosopher Vladimir Solovyov was the initiator of this movement. The thinkers mentioned above and the authors of “organic” theology (in particular, Lossky and Georges Florovsky) are linked not only by their biographies, but also by common themes, methodological guidelines and objects of criticism. Thus, one of the key features of the “organic” atonement theory is the idea that Jesus Christ adopted the common human nature, and it exists as real and integrated in every single human hypostasis. In the author’s opinion, this viewpoint is not specific to Russian Orthodox theology before the 20th century. It was indeed inspired by the philosophy contemporary to Lossky. We can find the same ideas in the works by Karsavin and archpriest Bulgakov, whose teachings influenced Lossky’s views. At the same time, Lossky tried to dissociate himself from philosophy and remain a theologian. However, the author undertakes to demonstrate that not all of his resources are in the patristic tradition. In this regard, we cannot speak about imitation. On the contrary, we discuss the unconscious adoption of some topics, images and methodological techniques by Lossky from his opponents and teachers.

REFERENCES

1. Davydenkov, O., archpriest. (2013) *Dogmaticheskoe bogoslovie: ucheb. posobie* [Dogmatic theology: A textbook]. Moscow: St. Tikhon’s Orthodox University.
2. Gnedich, P., archpriest. (2007) *Dogmat iskupleniya v russkoy bogoslovskoy nauke (1893–1944)* [The Dogma of Atonement in Russian Theological Science (1893–1944)]. Moscow: Sretensky Monastery.
3. Lossky, V.N. (2012) *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy Tserkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [The mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology]. Translated from French by the nun Magdalina (V.A. Reshchikova). 2nd ed. Serгиеv Posad: Svyato-Troitskaya Serгиеva Lavra.

4. Shakhbazyan, K.G., Krymov, V.V. & Shakhbazyan, M.A. (n.d.) *Vladimir Losskiy: ocherk dogmaticheskogo bogosloviya* [Vladimir Lossky: An outline of dogmatic theology]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Losskij/vladimir-losskij-ocherk-dogmaticheskogo-bogoslovija/ (Accessed: 04.12.2019).
5. Williams, R. (2009) *Bogoslovie V.N. Losskogo: izlozhenie i kritika* [The theology of Vladimir Nikolaievich Lossky: an exposition and critique]. Translated from English. Kyiv: DUKh I LITERA.
6. St. John Damascene. (2011) *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoy very* [An exact exposition of the Orthodox faith]. Translated from Old Greek. 4th ed. Moscow: Sretensky Monastery.
7. Khomyakov, A.S. (1904) *Polnoe sobranie sochineniy Alekseya Stepanovicha Khomyakova* [Complete Works of Alexei Stepanovich Khomyakov]. Vol. 8. Moscow: Tipo-litografiya T-va I. N. Kushnerev' i Ko, Limenovskaya ul., sob. dom'.
8. Losev, A.F. (1991) *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow: Politizdat. pp. 209–236.
9. Trubetskoy, E.N. (1995) *Mirosozertsanie Vl. S. Solov'eva* [Vl. S. Solovyov's world outlook]. Vol. 1. Moscow: Medium.
10. Akulinin, V.N. (1990) *Filosofiya vseedinstva. Ot V.S. Solov'eva k P.A. Florenskomu* [The philosophy of all-unity. From V.S. Solovyov to P.A. Florensky]. Novosibirsk: Nauka.
11. Gavryushin, N.K. (2011) *Russkoe bogoslovie. Ocherki i portrety* [Russian theology. Essays and portraits]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Theological Seminary.
12. Chupakhina, N.A. (2013) *Ponyatie lichnosti v filosofii vseedinstva u L.P. Karsavina i V.N. Losskogo* [The concept of personality in the philosophy of all-unity in L.P. Karsavin and V.N. Lossky]. *Mysl' – Thought*. 14. pp. 102–108.
13. Karsavin, L.P. (n.d.) *O Nachalakh* [On the first principles]. [Online] Available from: <https://predanie.ru/book/76119-o-nachalah/> (Accessed: 05.12.2019).
14. Antonov, K.M. & Vaganova, N.A. (2013) *Sofiologiya i neopatristscheskiy sintez: bogoslovskie itogi filosofskogo razvitiya: sb. nauch. st.* [Sophiology and neo-patristic synthesis: Theological results of philosophical development: Articles]. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University.
15. Bulgakov, S.N. (2011) *Pravoslavie. Ocherki ucheniya Pravoslavnoy Tserkvi* [Orthodoxy. Essays on the teachings of the Orthodox Church]. Minsk: Izd-vo Belorusskogo Ekzarkhata.
16. Bulgakov, S. (1999) *Svet nevecherniy. Sozertsaniya i umozreniya* [Unfading light. Contemplations and speculations]. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo.
17. Orthodox Encyclopedia. (n.d.) *Ioann Damaskin* [St. John Damascene]. [Online] Available from: <http://www.pravenc.ru/text/471131.html> (Accessed: 05.12.2019).
18. Solov'ev, V.S. (1988) *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 volumes]. Moscow: Mysl'.

Received: 10 December 2020

В.Н. Сыров

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ ПАМЯТИ В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-011-00658 «Травмы исторической памяти в сетевом обществе: медиарепрезентации, социальные риски и стратегии дентравматизации».

Предпринят анализ ключевых тем и проблем, основных подходов, сложившихся в отечественной и зарубежной литературе в изучении специфики формирования и функционирования памяти в сетях. Отмечена двойственность интереса к теме памяти. Показано, что, с одной стороны, сетевое пространство открывает новые перспективы для процесса «демократизации» в создании и распространении представлений о прошлом. С другой стороны, подчеркнуты негативные стороны «бума» памяти, связываемые исследователями с ростом амнезии и процессом деформации памяти.

Ключевые слова: память; «бум» памяти; постпамять; протезная память; дигитализация; конективный поворот; сетевое пространство.

Вопрос об особенностях формирования, распространения и трансляции знаний о прошлом в сетевом пространстве приобрел большую популярность в современной исследовательской литературе. Исследователи в один голос утверждают, что память «сегодня концептуализируется как нечто, что не стоит на месте, но циркулирует, мигрирует, путешествует; такое состояние все более и более воспринимается как процесс, как постоянно выполняемая работа, а не как овеществленный объект» [1. Р. 1]. Поэтому в статье предполагается выявить ключевые темы и проблемы в этой исследовательской сфере, осуществить анализ основных подходов, сложившихся в отечественной и зарубежной литературе в изучении специфики формирования и функционирования памяти в сетях, и очертить возможные перспективы подобного рода исследований.

Предварительно стоит отметить, что данная тема оказывается на стыке как минимум трех весьма популярных областей исследовательской деятельности. Прежде всего, это конечно, тема памяти. Во-вторых, это тема места, роли и специфики функционирования сетевых сообществ. В-третьих, вопрос об особенностях и роли современных медиа в производстве и функционировании распространяемой информации. Такое пересечение требует определенного ограничения сферы интересов. Ключевым ограничением будет определенная трактовка сетевых сообществ или сетевого пространства. С одной стороны, мы будем исходить из их зауженной трактовки, а именно в отличие от тезиса Бруно Латура о том, что сеть – это не просто всемирная паутина (интернет) [2. С. 200], мы будем говорить именно о данном типе социальных сетей, что, собственно, явно утверждается или неявно подразумевается в большинстве работ, посвященных этой тематике. С другой стороны, мы будем сохранять его методологическую установку в трактовке места и роли социальных сетей, что сеть – это не просто инструмент в передаче информации. Также мы не будем специально останавливаться на различиях между индивидуальной и коллективной памятью. Ну и, конечно, мы будем говорить о так называемой медиазараженной памяти,

подразумеваемая под медиа не СМИ, а скорее современные технологии, которые принято трактовать как посредники в процессе коммуникации.

Как отметил немецкий исследователь Андреас Хюссен, «одним из самых впечатляющих культурных и политических явлений последних лет было превращение памяти в ключевую тему в западных обществах или поворот к прошлому, который резко контрастирует с привилегированным отношением к будущему, столь характерному для первых десятилетий двадцатого века» [3. Р. 21]. Мир стал музеефицированным, и такая музеефикация уже не привязана, собственно, к музею как культурному институту [3. Р. 32].

Автор считает возможным говорить о «буме» памяти, «одержимости» прошлым. Он довольно скрупулезно описывает всю совокупность социальных или политических обстоятельств XX в., активизировавших интерес к памяти в современном мире в целом. Но он же вполне резонно ставит вопрос о том, если что-то еще в этом навязчивом желании перенести все это разнообразное прошлое в современность [3. Р. 25]. Иначе говоря, достаточно ли объяснять потребность в актуализации роли памяти особенностями социально-политических процессов, связанных со Второй мировой войной (Холокост) и ее последствиями, процессами деколонизации, падением тоталитарных режимов, геноцидом и прочими драматическими и даже травматическими событиями?

Ключевой тезис автора заключается в утверждении, что «обращение к памяти на подсознательном уровне подпитывается желанием закрепить себя в мире, характеризующемся растущей нестабильностью времени и дроблением обжитого пространства [3. Р. 27]. Можно говорить о двусмысленности или амбивалентности эффектов, производимых этой динамикой. Пока сохранялась перспектива позитивного и определенного будущего, прошлое более трактовалось как предрассудок или совокупность избыточных воспоминаний. Поэтому амнезия или забвение становились и воспринимались вполне оправданной стратегией отношения к прошлому. Однако постоянно увеличивающаяся скорость технических, научных и куль-

турных инноваций приводит к все большему количеству и быстрой степени устаревания всего и вся, эффективно сокращая хронологическое пространство того, что может быть. Но чем более размывалась определенность будущего, тем более сильным становилось ощущение нестабильности, хаотичности и бессмысленности изменений. Автор приводит в качестве примера позицию известного немецкого философа Генриха Люббе, что модернизация сопровождалась отмиранием значимых традиций, утратой рациональности и энтропией стабильного и непрерывного жизненного опыта. Поэтому, по мнению Люббе, музеефикация становится способом приостановки амнезии, одним из условий сохранения ощущения стабильности и фактором, обеспечивающим устойчивость идентичности. Как следствие, музеефикация превращается своеобразный принцип организации повседневной жизни [3. Р. 32].

Однако Хюссен вполне справедливо замечает, что для выявления современной специфики трансформации отношений между памятью и забвением следует учитывать то воздействие, которое начинают оказывать на них новые информационные технологии, медиаполитика и ускоряющееся потребление [3. Р. 27]. Суть в том, что логика потребления ведет к ускорению устареваемости предлагаемых для потребления объектов. Иначе говоря, вещи должны быстро сменять друг друга. Если это так, то степень дестабилизации настоящего должна возрастать, а темпы и масштабы амнезии усиливаться. Однако ориентация на потребление предполагает поиск новых объектов для реализации потребительских стратегий. Прошлое вполне может выступить таким объектом. Поэтому «бум» памяти может быть связан с растущим спросом на прошлое. Ну или, по крайней мере, стимулированная масштабами амнезии ностальгия вполне может выступить толчком для превращения прошлого в предмет популярного, а потому растущего спроса. Вот почему Хюссен отмечает недостаток теории Люббе: она не учитывает, что «сама по себе музеефикация втягивается в этот водоворот все более ускоряющейся циркуляции образов, зрелищ, событий и, таким образом, рискует навсегда утратить свою способность гарантировать культурную стабильность с течением времени» [3. Р. 34].

Иначе говоря, вовлечение прошлого в сферу потребительского интереса, с одной стороны, расширяет масштабы самого прошлого как объекта интереса (так любое мало-мальски старое здание получает свою историю), а стремление использовать прошлое как гарант возрождения стабильности продолжает подпитывать интерес к нему. Недаром автор задает вопрос, почему так долго сохраняется интерес к данному объекту [3. Р. 30]? С другой стороны, критерием выбора объектов прошлого становится не стремление дать слово подавленным голосам для восстановления справедливости, а, так скажем, «продаваемость» объекта. Недаром Хюссен констатирует, что память – это не заместитель справедливости. Соответственно, он отмечает, что в сложившейся ситуации «бума» прошлого мы в принципе должны быть открыты многим различным возможностям репрезентации прошлого и памяти о нем [3. Р. 29]. Это означает, что следует быть готовым к

тому, что востребоваться будут самые различные версии вплоть до производства вымышленного прошлого. И дело здесь не в борьбе истины или лжи (или мифа), а в том, что основание для такой востребованности лежит совсем в иной сфере.

Хюссен отмечает, что «в случае лучшего сценария культуры памяти во многих частях мира тесно связаны с процессами демократизации и борьбы за права человека, с расширением и укреплением публичных сфер гражданского общества» [3. Р. 36]. Но, как подчеркивает автор, глобальное распространение дискурсов памяти указывает на то, что на карту поставлено нечто большее [3. Р. 35]. Даже там, где практики памяти имеют очень четкую политическую направленность, например, в Южной Африке, Аргентине, Чили и совсем недавно в Гватемале, они затронуты и в некоторой степени даже созданы формами освещения в международных СМИ и их одержимостью памятью [3. Р. 37]. Иначе говоря, глобализация расширяет процесс амнезии, поэтому в общий хор дискурсов памяти вливаются новые голоса. Но то, о чем они говорят, отклоняется от прогрессивных ожиданий.

Как видим, размышления немецкого исследователя о причинах интереса к памяти дают не только ответ на вопрос: почему память и почему она оказывается столь востребованной. Они также не просто указывают на необходимость осознания многих причин интереса к ней, а дают ответ на вопрос: какая память востребуется. А это влечет за собой следующий вопрос, что с этим делать.

Итак, речь идет о «буме» памяти. Помимо прочего, стоит отметить специфику столь повышенного интереса к памяти, которая заключается в том, что он реализуется в совершенно новой среде, а именно в сетевом пространстве, причем пространстве, созданном, трансформированном или дополненном цифровыми технологиями и реализуемом на цифровых платформах (виртуальном пространстве, цифровой среде, Интернет). Встает резонный вопрос, приобретает ли в результате память какие-то новые черты, а в более категоричном виде, что с ней вообще происходит в этой среде.

Прежде всего, начать следует с констатации факта, что современные цифровые технологии позволяют создавать, обрабатывать, хранить и распространять информацию в исторически беспрецедентных масштабах [4. Р. 55]. Более радикальное утверждение заключается в том, что «Интернет – это технология, которая делает очевидной нашу неспособность охватить все, потому что это первая среда, которая на самом деле больше, чем мы» [5. Р. 3]. Недаром этот же автор характеризует данное положение дел как «постдефицитную культуру» [5. Р. 3]. Помимо переизбытка информации постдефицитность проявляется в том, что доступ к ней получает огромное количество людей с самыми разнообразными ценностями, интересами, запросами и ожиданиями. При этом пространство памяти (в виде своеобразного оцифрованного или созданного в цифре архива) оказывается заполненным не просто разнообразными версиями исторического (коллективного) прошлого, но и собственно приватным прошлым, которое,

возможно, никогда не станет историческим. Как минимум такое положение дел означает, что потребитель может не пользоваться институализированным архивом, но не потому, что имеет альтернативные источники информации, а потому что интересуется приватным прошлым. Соответственно, все эти создаваемые или потребляемые конфигурации памяти могут вообще не иметь точек соприкосновения. Такая ситуация ставит резонный вопрос: достаточно ли говорить о простом количественном расширении тех черт памяти и способов ее использования, что и так имели место до этого, или следует руководствоваться знаменитым тезисом Маршалла Маклюэна, что средство само является сообщением и потому приводит к радикальному изменению структуры и содержания памяти.

Второй аспект связи памяти и сетевой среды связан со столь же беспрецедентными масштабами использования (или, лучше сказать, работы) памяти, которые можно обозначить термином «приватизация». Что можно под этим понимать? Прежде всего, индивид получает возможность не просто более-менее свободного доступа к многообразной и разнообразной исторической информации, которой он может распоряжаться по своему усмотрению. Он может эксплицитировать и свой собственный исторический опыт либо в виде трансляции семейных архивов и воспоминаний, либо путем артикуляции собственных впечатлений и переживаний от прошлого (так называемый живой опыт). Он может сделать публичным свой собственный приватный опыт, значимый лично для него или разделяемый им с локальной группой (одноклассников к примеру). Далее, речь может идти не только о доступе к информации и возможности ее публично артикулировать. Приватизация подразумевает также возможность персональной интерпретации материала путем его селекции в соответствии с собственными критериями либо посредством сопровождения собственными комментариями. Наконец, приватизация предполагает возможность создания собственных конфигураций приватного и публичного прошлого. Такая трактовка вполне согласуется с латуровским подходом к истолкованию места и роли сети. Источником создания нового содержания при этом может служить не только легитимизированное коллективное прошлое (история страны), но и собственные продукты деятельности других пользователей сети. Недаром многие исследователи отмечают стирание граней между потребителем и производителем контента, что находит выражение в создании и популяризации термина «просьюмер», характеризующего производителя и потребителя одновременно. Можно тем самым говорить о многонаправленной памяти и ее децентрализации, обусловленной децентрализацией культуры или ее всевозрастающей полистилическостью.

Наконец, стоит отметить специфический характер новой сетевой среды. Современные авторы постоянно говорят об изобилии, вездесущности и оперативности цифровых медиа. При этом институализированные формы таких медиа дополняются, смещаются и зачастую вынуждены конкурировать с информацией, производимой и распространяемой отдельными пользователями (пресловутыми просьюмерами). Более того,

контакты в сети и через сети становятся не дополнением к обычным формам социального взаимодействия, а способом конституирования социального бытия. Если пока не говорить о доминировании этих форм, то вполне резонно утверждать о переплетении виртуальных и традиционных форм взаимодействия.

Британский исследователь Эндрю Хоскинз даже вводит понятие коннективного поворота по аналогии с поворотами типа «коперниканского», «лингвистического», «нарративного», переворачивающими принципы функционирования современной культуры. [5. P. 1]. С некоторой долей критически настроенной категоричности автор характеризует его как возможность «делиться без сопричастности».

Это означает, что совокупность индивидов и групп реализует свою активность посредством комплекса взаимосвязанных практик, таких как публикации постов, создание ссылок, лайки, просмотры полученного материала, причем даже ощущают свою обязанность это делать. Но в таком обмене информацией, по мнению Хоскинза, нет ничего похожего на поступок, подкрепленный ценностями справедливости и бескорыстия. Скорее это вопрос негласного обязательства участвовать и отвечать взаимностью. [5. P. 2].

Эта мысль Хоскинза характеризует как минимум два аспекта, связанных с местом и функциями пользователя. Во-первых, участник такой коммуникации становится не столько создателем подобных практик, сколько следствием их создания, оказываясь лишь передаточным звеном потока информации. Во-вторых, обмен информацией становится не средством, а целью. В частности, как отмечают исследователи, пользователи зачастую более заинтересованы в том, чтобы заниматься «самобрендингом и накоплением социального капитала, а не самовыражением и общением как таковым» [1. P. 16].

Как правило, эта коннективная среда характеризуется как гибкая, индивидуализированная, децентрализованная [6. P. 80], многоуровневая, пористая и мобильная [7. P. 243]. Видимо, наиболее приемлемой метафорой для ее характеристики будет метафора непрерывного потока, но потока, который не постоянно и стабильно струится только в одном направлении, а представляет собой множество постоянно возникающих потоков, которые с разной силой и скоростью образуют самые разнообразные и взаимопроницающие конфигурации, движущиеся в самых разных направлениях. Бесспорно, что такая среда должна порождать новые форматы памяти. Глобализацию, видимо, можно считать их предельным воплощением. Для характеристики такого процесса английская исследовательница Анна Ридинг использует термин «глобитальная память», означающий синергетическую комбинацию с цифровой и политической динамики глобализации с дигитализацией применительно к памяти [7. P. 242]. При этом, как отмечает автор, глобализацию связывают не только с культурным империализмом и неоднозначной реакцией национальных государств на процессы преодоления пространства и времени, но и с характером потоков и сетей, а также с ролью и активностью публики в культурном производстве [7. P. 244]. Если это так, то последующие рассуждения автора о

новых свойствах памяти вполне могут быть применены к описанию новых форм коммуникации в целом, а не только к процессу глобализации.

Ридинг начинает свои рассуждения с показательного примера, а именно с убийства юной иранской женщины во время демонстрации протеста 22 июня 2007 г. Убийство было заснято ее другом на камеру телефона, потом видео по электронной почте отправлено еще одному другу в Нидерланды. На следующий день оно появилось на телевидении и в прессе в Британии, США и других странах. Изображение залитого кровью лица девушки было перекрашено, переконфигурировано и воссоздано в различных медиа-формах. Видео подтолкнуло к созданию ряда мемориальных сайтов, групп в Фейсбуке, страниц в Википедии, различных произведений искусства, посвященных ее жизни и смерти [7. Р. 241].

Описание трагичной ситуации становится для автора основанием для выделения шести черт глобальной памяти: трансмедийность, скорость, широта распространения, модальность, валентность и вязкость (или тягучесть). Хотя уместнее, видимо, было бы говорить специфике черт передачи информации. Но в любом случае подчеркивается, что производство и распространение материала приобретают многоканальный характер (пресса, ТВ, видео, радио, интернет), может перетекать из одного канала в другой, особенно в случае блокады какого-либо из каналов. Скорость и масштабы распространения резко возрастают, что, в частности, характеризуют понятием «детерриториализации». Информация может передаваться посредством как личного непосредственного наблюдения и устного рассказа о событии, так и с помощью других средств фиксации информации (как правило, снимки с персонального смартфона, тут же передаваемые по сети). Материалы могут быть получены не только разными способами, но и потом воплощаться в разных форматах, вступать в самые разнообразные связи с другими объектами памяти, микшироваться с ними, порождая новые ассоциации, метафоры, образы, приобретая статус символов, мемов. Недаром Хюссен в качестве показательного примера отмечает, что в транснациональном движении дискурсов памяти Холокост утрачивает свое качество обозначения специфического исторического события и начинает функционировать как метафора для других травматических историй и событий [3. Р. 24]. Подобного рода продукты создаются в весьма разнообразных конфигурациях (сочетая материальные практики и дискурсивные формации), считаются более открытыми к изменениям и тем самым способными сопротивляться процессам детерриториализации [7. Р. 248–250]. В конечном счете, память, формируемая такого рода каналами, приобретает, как принято считать, текучий, открытый и процессуальный характер [1. Р. 6]. Но медиазараженная память в таких конфигурациях к тому же разрушает дистанцию с прошлым. Поэтому становятся понятными утверждения о возникновении своеобразного почти-тотального отношения к прошлому.

К чему приводят и могут приводить вышеописанные процессы? Прежде всего, можно говорить о резком увеличении масштабов социального взаимодей-

ствия, а следовательно, о создании условий для появления новых форм коллективности и новых проектов коллективной идентичности, которые больше не базируются на таких традиционных факторах общей принадлежности, как язык, национальность, религия или территория [4. Р. 56]. Основанием для создания становится общность интересов, переживаний, судеб, отношений к тем или иным событиям, которая поддерживается постоянным обменом информацией и открытостью доступа к ее источникам и которые обеспечиваются цифровой средой. Турецкая исследовательница Дилек Ожан Коджак приводит примечательную мысль американского антрополога Арджуна Аппадурай, что традиционные социальные объединения строили свою общность на памяти, в то время как виртуальные сообщества создают общность памяти посредством коммуникации [4. Р. 59]. Хотя, правда, ряд авторов утверждают, что большинство социальных сетей в первую очередь направлены на поддержание ранее существовавших оффлайн социальных отношений [8. Р. 221].

Конечно, общность памяти еще не достаточна для формирования идентичности, но, тем не менее, можно утверждать, что цифровая среда открытостью и непрерывностью потоков информации предоставляет новые ресурсы для возникновения, закрепления и развития новых форм идентичности. Видимо, термин «транслокальные сообщества» стоит считать наиболее приемлемым для характеристики ее носителей, поскольку ни пространственные, ни временные границы уже не являются препятствием для их существования. Одним из условий, обеспечивающих стабилизацию общности воспоминаний и выступающим, кстати, одним из факторов создания транслокальных сообществ, можно считать виртуальные места памяти. Как отмечает Дилек Ожан Коджак, помимо их функции как средств передачи и создания пространства коммуникации между членами транслокальных сообществ, обеспечения хранения мультимедийных файлов, мест записи и сохранения субъективных повествований для их последующего вклада в общую социальную историю, интернет-платформы также играют все более важную роль памятных мест, дополняющих и / или заменяющих традиционные «места памяти» в физическом пространстве [4. Р. 59–60].

Кроме того, по той же причине можно согласиться с утверждением, неоднократно проговоренным в исследовательской литературе, что данная цифровая среда создает относительно благоприятные условия для сопротивления государственному и групповому контролю над отбором, конфигурацией и распространением знания о прошлом. Недаром отмечается, что исследователи и сторонники коннективного поворота, в том числе и в памяти, отмечают перспективы создаваемых дискурсов памяти для глобализации режимов (механизмов и институтов) защиты человеческих прав и отдают предпочтение компаративной, а не конкурирующей интерпретации прошлого [1. Р. 5]. Данный подход вполне соответствует трактовкам значения новых дискурсов памяти как экспликации подавленных голосов. Примером реализации такого положения дел можно считать участие обычных граждан в распро-

странении и концентрации альтернативных нарративов и воспоминаний о прошлом против официальной версии «Великого голода» в период с 1959 по 1961 г. в КНР, долгое время остававшегося политическим табу. Дебаты разгорелись на одном из наиболее популярных сайтов Sina Weibo, и, как отмечают авторы, сайт стал сферой, которая, с одной стороны, обеспечила своим пользователям возможность участия в обсуждении этого памятного события и тем самым актуализировала его значимость, а с другой стороны, создала возможность поделиться своими травматическими воспоминаниями и опытом, выстроив основания для обобщения и объединения коллективных воспоминаний [9. Р. 48].

Еще одна примечательная черта формирования новой памяти, если не созданная новыми медиа и социальными сетями, то, по крайней мере, усиленная ими, получила название «постпамять», или «протезная память». В 1992 г. американской исследовательницей Марианной Хирш был введен термин «постпамять», призванный описать отношение детей к травматическому опыту их родителей, переживших Холокост, который был передан им в детстве через рассказы, образы и поведение настолько мощно, что создавал впечатление, что они сами по себе составляют воспоминания. Хирш подчеркивала специфичность такой памяти, как созданной не воспоминанием, а воображением [1. Р. 9]. Оппоненты возражали, что в данном случае источником травмы выступает не само событие, а рассказы о нем, и что постпамять, таким образом, фундаментально отлична от памяти. Но, тем не менее, возражения не воспрепятствовали расширению сферы применения идеи такого травматического трансфера не только за пределы отношений родителей и детей, но и исходного объекта осмысления [1. Р. 10–11].

Хирш вполне правомерно указывала, что место для идентификации себя с субъектом травмы теоретически может быть занято любым читателем или зрителем [1. Р. 11]. Подобного рода идентификация становится возможной посредством медиа через сопереживание страданиям, показанным, озвученным в тексте или на экране. Принято называть такое положение дел вторичной травматизацией, когда источником травмы становится не, так сказать, первоначальное событие, а его медиарепрезентации и интерпретации. Как отмечает израильский автор Амит Пинчевски, в таком контексте «видео свидетельства становятся нестандартным архивным материалом, с которым каждый должен индивидуально соприкоснуться и который должен формировать коллективную сопричастность» [10. Р. 262]. Конечно, травматический опыт, как принято отмечать в литературе, представляет собой скорее разрыв в воспоминаниях, а нарративизация и историзация такого прошлого предстают одними из способов проработки травмы. В любом случае травма может выступать мощным толчком к работе и переформатированию памяти.

Такая роль медиазараженного материала подталкивает исследователей к расширению или трансформациям трактовки памяти. Как отмечает американская исследовательница Элисон Ландсберг, хотя превращение памяти в товар для реализации через различные медиаканалы более благоприятствует приватизации

желаний, чем общественной пользе, можно представить себе отношение к памяти, которое благоприятствует, а не препятствует формированию прогрессивных политических альянсов и форм солидарности [11. Р. 145]. Это возможно благодаря эмпатии, которая может порождаться и усиливаться медиаканалами. Как правило, недавнее или удаленное прошлое становится приоритетным объектом формирования сопереживания, поэтому «такая память преодолевает временную пропасть, отделяющую индивидов от событий прошлого, наполненных смыслом и потенциально значимых для отклика на них» [11. Р. 148]. Память, которая формируется и заполняется такими событиями, Ландсберг называет протезной памятью.

Протезная память, по его мнению, не является памятью в обычном смысле слова. В виде совокупности событий, с которыми индивид непосредственно сталкивался, она отсутствует в его личном опыте. Например, массовое уничтожение армянского населения на территории Османской империи в 1915 г. скорее всего никак не связано с жизнью индивидов, живущих в другом месте и в другое время, но через медиарепрезентации может стать мощным источником эмпатии для них. Такая память также не относится к коллективной памяти той или иной общности, если ее связывать с памятью о совокупности событий, с которыми так или иначе группа сталкивалась и потому считает их значимыми. С этой точки зрения, протезная память не может быть приватизирована и, более того, становится принципиально открытой для ее включения в состав опыта любой общности.

Оппоненты, возможно, могли бы возразить, что характеристики протезной памяти более описывают знание, а не память. В данном случае, видимо, стоит согласиться с утверждениями Дарьи Хлевнюк, что «историческое знание – это факты, полученные в результате научного исследования, обычно профессиональными историками. Коллективная память – это набор нарративов, многие из которых мифологичны; практик коммеморации и материальных и нематериальных объектов, связанных с этими нарративами. Коллективная память производится акторами памяти, которые могут быть профессиональными историками, а могут не быть, могут иметь историческое образование, а могут не иметь» [12. С. 73]. Поэтому о знании можно говорить в том случае, если продукция создана профессиональным сообществом или с намерением (имплицитным или эксплицитным), произвести или потребить информацию, полученную и организованную в соответствии с определенными правилами. Но уже такой подход делает трудно различимыми суждения о том, что человек знает и что он помнит, особенно если доминирующей в содержании современной памяти так или иначе становится информация, по происхождению созданная профессиональным сообществом, хотя и доставшаяся потребителю весьма опосредованно. По сути, единственными критериями различия между ними становятся способ и цель получения (потребителем). В описываемых автором ситуациях речь идет скорее о формировании эмоционального

отношения, хотя источником могут быть видеосвидетельства в виде воспоминаний очевидцев, фотографии и т.д., что обычно самими историками трактуется именно как источники.

Следующий аспект возможных возражений связан с идеей протезности. Можно было бы упрекнуть Ландсберг, что оценка памяти как протезной обусловлена определенной точкой отсчета, а именно этноцентристской версией памяти, связанной с формированием национальной идентичности, а потому с приданием значимости общности территории, языка и т.д. Но уже на стадии формирования такой идентичности можно утверждать об имплантации в память индивида событий, никак не связанных с его персональным опытом. Если говорить о коллективной памяти, то на этапе формирования национальных государств в память сообществ, из которых они создавались, также имплантировались события прошлого, никак не связанные с их коллективным опытом. Поэтому, даже если не вставать на радикально конструктивистские позиции, правомерно отрицать существование объектов в виде событий, которые можно было бы трактовать как естественные и соответствующие самой природе вещей условия формирования идентичности, а все остальное – как искусственный, хотя и необходимый, протез. Поэтому «протезность» лучше трактовать как полезную метафору, которая привлекает внимание к роли и значению новых форм идентичности, которые кажутся неестественными лишь на фоне забвения искусственности национальной идентичности.

Как правило, это память о травматическом опыте (хотя может быть и память об успехах). Ее значение, прежде всего, в формировании сострадания и солидарности (говоря иначе, морального отношения) как тех качеств, которые видятся наиболее значимыми для становления идентичности в эпоху глобализации. По этим причинам автор считает правомерным использовать понятие именно протезной памяти [11. Р. 149]. Кроме того, поскольку Ландсберг пишет о протезной памяти в контексте потребительски ориентированной массовой или популярной культуры, то транслируемую или даже создаваемую различными медиа каналами и социальными сетями такую память следует считать наиболее распространяемым, а потому наиболее доступным и приемлемым для широкого потребителя источником формирования его представлений и ценностных ориентиров [11. Р. 150]. Более того, автор полагает, что именно интернет открывает новые возможности для роли протезной памяти, когда сострадание и солидарность, порождаемые такой памятью, становятся не дополнением к факторам создания общности, а решающим условием для ее формирования [11. Р. 158]. Потому Ландсберг призывает не презирать или отталкивать современные технологии и производимые ими формы жизни, а продуктивно использовать их потенциал.

Тезис Ландсберг можно считать хорошим основанием вернуться к началу предпринятого анализа, а именно к характеристике условий столь высокого интереса к памяти. Приведенные рассуждения Хюссена и Хоскинза показывают, что последствия такого бума весьма неоднозначны. Конечно, современные каналы

создания социальных сетей обеспечили невиданный рост социального взаимодействия, предоставив возможность зазвучать множеству самых разнообразных, зачастую подавляемых голосов и ограничив способы официального контроля над этим многоголосьем. Прогрессивные и оптимистично настроенные авторы склонны трактовать такое положение дел как процесс демократизации.

Во-первых, стоит отметить, что открытость обеспечила также возможность звучать тем голосам, которые вряд ли можно связать с демократическими тенденциями.

Во-вторых, Хюссен и многие другие авторы справедливо связывают возросший интерес к прошлому с ростом неопределенности и дестабилизации ожидаемого будущего или отсутствием продуктивных будущностно-ориентированных перспектив. Очевидно, что данный контекст будет задавать весьма определенные контуры прошлого, а именно ностальгическое и тем самым мифологизированное отношение к нему. Такое отношение будет блокировать или препятствовать столь распространенным и несомненно необходимым попыткам реализации этики и политики сожаления.

В-третьих, тот же Хюссен, как и другие авторы, указывает на роль потребительского контекста, в котором реализуется интерес к памяти. Но такое положение дел означает, что для потребителя прошлое становится лишь одним из видов товара, который стоит потреблять просто потому, чтобы быть современным. Резонно полагать, что изменение потребительских приоритетов будет способствовать охлаждению интереса и снижению бума.

В-четвертых, как подчеркивает Хоскинз, стоит учитывать характер функционирования коммуникации, обеспечиваемой интернет-платформами. Даже если не учитывать тот же коммерческий интерес, который приводит к тому, что эти платформы уже не просто обеспечивают связь между пользователями, а создают и эксплуатируют ее (в частности посредством распространения соответствующего контента), то стоит учитывать изменение статуса и смысла информации, которой пользователи обмениваются. Из цели она превращается лишь в средство оставаться, как говорится, в тренде. Поэтому прошлое также становится просто одним из видов транслируемого контента и одним из инструментов повышения статуса пользователя.

В-пятых, стоит иметь в виду, что в это многоголосье, включается еще один весьма специфический вид голосов. Когда-то Болингброк назвал этот тип антикварами. Это искренние любители прошлого, пытливые собиратели и коллекционеры, специализирующиеся на скрупулезном изучении типов оружия, костюмов или других артефактов той или иной эпохи. Современные социальные сети предоставили им уникальную возможность интенсивного обмена и приращения информации. Наверное, этот способ функционирования знаний о прошлом можно назвать типом гражданской науки [13. С. 16–17]. Такой вид деятельности, конечно, способен оказать неоценимую помощь профессиональным исследователям. Но, опять-таки, данное отношение к прошлому может быть охарактеризовано фразой «за деревьями не видеть леса». Болингброк когда-

то критиковал антикваров за неспособность видеть за загромождением фактов то, что принято было называть «смысл истории». Современному антиквару он просто не нужен, поскольку выходит за рамки его интереса.

В-шестых, близкой к вышеописанной деятельности оказывается практика так называемого хисторихакинга. «Этим словом обозначают интерактивные исторические квесты с элементами дополненной реальности». Как отмечают цитируемые нами авторы, хисторихакинг демонстрирует «интенцию на освоение и приватизацию макроистории, включения ее в переработанном виде в пространство личности и создание собственной, субъективной, картины исторической реальности» [13. С. 18]. Видимо, именно такой тип контакта с прошлым характеризуется своеобразной непопулярностью к истории и стиранием граней между прошлым и настоящим, поскольку фрагменты прошлого здесь функционируют лишь как элементы в создаваемых конфигурациях типа игр, которые являются не формами знания, а актуальными практиками.

Ну и наконец, в-седьмых, стоит предполагать, что тезис о флюидности, текучести, открытости форм современной памяти фиксирует еще одну ее сомнительную черту. Вряд ли такая память может стать надежным основанием для формирования идентичности, если мы продолжаем связывать память и идентичность. Недаром ряд авторов полагают, что резоннее говорить не о буме памяти, а о растущих темпах забвения, где доминирование вышеописанных форм памяти только усиливает его.

Этот, возможно, не полный перечень форм интереса к прошлому, которые, видимо, можно назвать «непродуктивными» или «малопродуктивными», конечно, с точки зрения тех задач, которые принято связывать с задачами, которые традиционно возлагаются на память и знание о прошлом. Для их общей характеристики можно воспользоваться мыслью Болингброка, что «истинная и надлежащая цель применения ума состоит в том, чтобы постоянно совершенствовать личную и общественную добродетель» [14. С. 11]. Очевидно, конечно, что малая продуктивность вышеописанных форм памяти заключается не том, что интересы, которыми они конституированы, практически никак не пересекаются с гражданскими ценностями демократического общества (либо даже им противоречат), но и потому, что в силу доминирования таких интересов они не склонны к диалогу.

Внимание к таким формам памяти будет обусловлено требованием повышения рефлексивности, когда ставится вопрос о проработке тех продуктивных целей и задач, которые возлагаются на память о прошлом. Постановка такого вопроса будет тем самым включать в себя определение субъектов и потенциала диалога, с которыми его стоит вести в процессе выработки, реализации и распространения граждански ориентированных задач.

Но вопрос о субъектах диалога имеет еще один аспект. В современной литературе, посвященной теме

памяти, принято обозначать его термином «кураторы» или хранители, смотрители, контролеры над производимой и распространяемой информацией. Кураторство вполне правомерно связывается с официальным контролем над информацией. Общим местом стал тезис, что национальные государства традиционно использовали и используют историю как мощный инструмент самолегитимации. «Передаваемые через общность языка и увековеченные в образах славного коллективного прошлого, такие истории часто связаны с дискурсами об усилении политической власти и поддержании политического влияния» [4. Р. 62]. Поэтому инициированное современными медиаформатами и типами социальных сетей многоголосье принято считать формой сопротивления такому типу кураторства.

Конечно, тезис о том, что сегодня различные индивиды и группы берут сегодня на себя контроль над формированием истории и памяти, размывая тем самым границы между производителем и потребителем, стал общим местом в литературе, поэтому, как полагает исследовательница из Греции Эффи Гази, цифровую эпоху следует представлять как процесс, посредством которого «мы (сообщество профессиональных историков) пытаемся ориентироваться» [15]. Но кажется очевидным, что представшее и вышеописанное многоголосье требует выработки альтернативных форм регулирования информационных потоков. Поэтому термин «навигация», который автор применяет к самосознанию и самоощущению профессионального сообщества, кажется продуктивным для описания приземленного типа взаимодействия профессиональных сообществ с обществом в целом.

Столь же уместным кажется использование распространенного в современной литературе термина «заинтересованный (или вовлеченный) интеллект» для обозначения одного из ключевых субъектов такого взаимодействия. Цитируемый нами автор характеризует такой тип интеллектуала как того, кто «постоянно интересуется миром и его политикой и искренне желает вмешаться и внести свой вклад и оказать влияние в своей области или области знаний» [15]. Суть такого вмешательства должна заключаться, конечно, не в том, чтобы авторитарным образом навязывать свои «правильные» взгляды «дилетантам». Термин «навигация» собственно указывает более на необходимость выработки и предложения направлений, которые могут помочь другим различать «пригодное для использования» и «одноразовое» прошлое и быть вовлеченными в процессы «продуктивного запоминания» и «творческого забывания» [15]. В том, что касается памяти, приоритетным видится вопрос, что собой может или должна представлять память, призванная формировать идентичность, и что собой может и должна представлять современная идентичность. Ведь очевидно, что существующее положение дел не может быть простым заполнением старой этноцентристской новым, пусть дигитально модифицированным материалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bond L., Craps St., Vermeulen P. Introduction: Memory on the Move // Memory Unbound: Tracing the Dynamics of Memory Studies. / ed. by Lucy Bond, Stef Craps, Pieter Vermeulen. New York : Berghahn, 2017. P. 1–26.

2. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. под науч. ред. С. Гавриленко. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
3. Huyssen A. Present Pasts: Media, Politics, Amnesia // *Public Culture*. 2000. Vol. 12, № 1. P. 21–38.
4. Koçak D.Ö. Collective Memory and Digital Practices of Remembrance // *Handbuch Soziale Praktiken und Digitale Alltagswelten* / ed. by Heidrun Friese, Gala Rebane, Marcus Nolden, Miriam Schreiter. Springer VS. Wiesbaden, 2020. P. 55–66.
5. Hoskins A. The Restless Past: An Introduction to Digital Media and Memory // *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition* / ed. by Andrew Hoskins. New York : Routledge, 2018. P. 1–24.
6. Pentzold C., Sommer V. Digital networked media and social memory // *Aurora. Revista de Arte, Mídia e Política*. 2011. № 10. P. 72–85.
7. Reading A. On Media Memory and Digital Media: Six Dynamics of the Global Memory // *On Media Memory Collective Memory in a New Media Age* / Editors: Motti Neiger, Oren Meyers, Eyal Zandberg. Palgrave Macmillan UK, 2011. P. 241–252.
8. Boyd D.M., Ellison N.B. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2008. № 13. P. 10–23.
9. Hui Zhao, Jun Liu. Social Media and Collective Remembrance. The debate over China's Great Famine on *weibo* // *China Perspectives* [Online]. 2015. № 1. P. 41–48.
10. Pinchevski A. Archive, Media, Trauma // *On media memory: Collective memory in a new media age* / ed. by Andrew Hoskins, John Sutton. Palgrave Macmillan, 2011. P. 253–264.
11. Landsberg A. Prosthetic memory: the ethics and politics of memory in an age of mass culture // *Memory and popular film* / ed. by Paul Grainge. Manchester University Press, 2003. P. 144–161.
12. Хлевнюк Д.О. Отзыв на дискуссию вокруг отчета по исследованию в рамках доклада «Какое прошлое нужно будущему России?» // *Историческая экспертиза*. 2017. № 3. С. 72–75.
13. Артамонов Д.С., Тихонова С.В. DIY-технологии в конструировании исторической памяти // *Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего* / под ред. В.Н. Сырова : сб. ст. по итогам Всерос. науч. конф. Саратов : Наука, 2018. С. 16–20.
14. Болингброк. Письма об изучении и пользе истории / пер. с англ. С.М. Берковской, А.Т. Парфенова, А.С. Розенцвейга. М. : Наука, 1978. 359 с.
15. Gazi E. Historians and/in the New Media // *The Engaged Historian: Perspectives on the Intersections of Politics, Activism and the Historical Profession (Making Sense of History (V. 37))* / ed. by Stefan Berger. Berghahn Books, 2019.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 28 октября 2020 г.

On the Specificity of the Formation, Distribution and Translation of Memory in the Network Space

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 87–95.

DOI: 10.17223/15617793/462/11

Vasily N. Syrov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: narrat59@gmail.com

Keywords: memory; memory “boom”; post-memory; prosthetic memory; digitalization; connective turn; network space; network space.

This study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-011-00658.

The article analyzes the main approaches in Russian and foreign literature in the study of the formation and functioning of memory in networks. The duality of interest in the topic of memory is noted. It is shown that, on the one hand, the network space opens up new perspectives for creating and distributing memory. Thus, digital technologies allow the creation, processing, storage and dissemination of information on a historically unprecedented scale, and many people with a wide variety of values, interests and expectations gain access to this information. Consumers may have alternative sources of information and need not use official archives. They can reproduce their personal historical experience by publishing family archives, articulating their own impressions of the past. Consumers get the opportunity for an individualized interpretation of the material. No wonder, many researchers mark the concept “prosumer” as blurring the lines between the consumer and the content producer. As a result, the formation of multidirectional memory and its decentralization are noted. Researchers highlight the abundance, ubiquity and responsiveness of digital media. At the same time, their institutionalized forms are supplemented, shifted and often forced to compete with information produced and disseminated by individual users. Moreover, contacts in and through digital media are not complementary to the usual forms of social interaction, but intertwined with them. On the other hand, the negative sides of the “boom” of memory, which researchers associate with the growth of amnesia intensified by this “boom”, and the deforming of commercialized memory are emphasized. First of all, it should be noted that openness also provided an opportunity to sound to the voices that can hardly be associated with democratic tendencies. This approach will enhance the nostalgic and thus mythologized memory. The role of the consumer context in which the interest in memory is realized is noted. This turns memory into just a type of product that is worth consuming simply to be modern. Also, the specificity of the functioning of communication provided by Internet platforms turns the past into one of the types of broadcast content and one of the tools for increasing the status of the user. It is not without reason that a number of authors believe that it is more reasonable to speak not about the “boom” of memory, but about the growing pace of oblivion, where the dominance of the above-described forms of memory only enhances it. I believe that attention to such forms of memory is necessary to increase reflexivity when discussing the issue of working out those productive goals and tasks that are assigned to the memory of the past.

REFERENCES

1. Bond, L., Craps, St. & Vermeulen, P. (2017) Introduction: Memory on the Move. In: Bond, L., Craps, S. & Vermeulen, P. (eds) *Memory Unbound: Tracing the Dynamics of Memory Studies*. New York: Berghahn. pp. 1–26.
2. Latour, B. (2014) *Peresboraka sotsial'nogo: vvedenie v akorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social: An introduction to actor-network theory]. Translated from English by I. Polonskaya. Moscow: HSE.
3. Huyssen, A. (2000) Present Pasts: Media, Politics, Amnesia. *Public Culture*. 12 (1). pp. 21–38.
4. Koçak, D.Ö. (2020) Collective Memory and Digital Practices of Remembrance. In: Friese, H. et al. (eds) *Handbuch Soziale Praktiken und Digitale Alltagswelten*. Wiesbaden: Springer VS. pp. 55–66.
5. Hoskins, A. (2018) The Restless Past: An Introduction to Digital Media and Memory. In: Hoskins, A. (ed.) *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition*. New York: Routledge. pp. 1–24.
6. Pentzold, C. & Sommer, V. (2011) Digital networked media and social memory. *Aurora. Revista de Arte, Mídia e Política*. 10. pp. 72–85.

7. Reading, A. (2011) On Media Memory and Digital Media: Six Dynamics of the Global Memory. In: Neiger, M., Meyers, O. & Zanberg, E. (eds) *On Media Memory Collective Memory in a New Media Age*. Palgrave Macmillan UK. pp. 241–252.
8. Boyd, D.M. & Ellison, N.B. (2008) Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 13. pp. 10–23.
9. Hui Zhao & Jun Liu. (2015) Social Media and Collective Remembrance. The debate over China's Great Famine on weibo. *China Perspectives* [Online]. 1. pp. 41–48.
10. Pinchevski, A. (2011) Archive, Media, Trauma. In: Hoskins, A. & Sutton, J. (eds) *On media memory: Collective memory in a new media age*. Palgrave Macmillan. pp. 253–264.
11. Landsberg, A. (2003) Prosthetic memory: the ethics and politics of memory in an age of mass culture. In: Grainge, P. (ed.) *Memory and popular film*. Manchester University Press. pp. 144–161.
12. Khlevnyuk, D.O. (2017) Response to the debate around the report “Which Past Does Russian Future Need?”. *Istoricheskaya ekspertiza*. 3. pp. 72–75. (In Russian).
13. Artamonov, D.S. & Tikhonova, S.V. (2018) [DIY-technologies in the construction of historical memory]. *Istoricheskaya pamyat': travmy proshlogo, protivorechiya nastoyashchego, perspektivy budushchego* [Historical memory: Traumas of the past, contradictions of the present, prospects for the future]. Conference Proceedings. Saratov: Nauka. pp. 16–20. (In Russian).
14. Bolingbroke, Henry St. John Viscount 1. (1978) *Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii* [Letters on the study and use of history]. Translated from English by S.M. Berkovskaya, A.T. Parfenov, A.S. Rozentsveyg. Moscow: Nauka.
15. Gazi, E. (2019) Historians and/in the New Media. In: Berger, S. (ed.) *The Engaged Historian: Perspectives on the Intersections of Politics, Activism and the Historical Profession* (Making Sense of History (V. 37)). Berghahn Books.

Received: 28 October 2020

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.22

Е.А. Данилова, А.В. Шайхитдинов

БРЕНДИНГ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

*Статья подготовлена в рамках государственного задания Финансового университета
при Правительстве РФ 2020 года ПНИР-43.*

Рассмотрен брендинг приграничных территорий Дальнего Востока. При условии реализации комплекса мер в области территориального брендинга, они имеют большой потенциал для развития туризма, увеличения инвестиций в различные сектора экономики и уменьшения оттока населения. Впервые предпринята попытка научного осмысления практических возможностей и перспектив развития брендов приграничных территорий Дальнего Востока. Поставлена и решена задача исследования и обнаружения наиболее перспективных направлений, способов и технологий развития брендов территорий Дальнего Востока.

Ключевые слова: брендинг территории; территориальный брендинг; региональный бренд; имидж региона; позиционирование; качество жизни; приграничные территории; Дальний Восток; туризм.

Сегодня российским регионам приходится конкурировать за информационные, транспортные и туристические потоки, инвестиции, экономические и социальные ресурсы. Выиграют в этой конкуренции те регионы, которые смогут эффективно позиционировать себя в целях собственного развития. В связи с конкуренцией между регионами увеличивается роль территориального брендинга, который выступает в качестве маркера региональных особенностей, закреплённых в восприятии внешних и внутренних целевых групп.

По нашему мнению, бренд территории – это комплекс символических значений, создающий стойкое образное восприятие территории у целевых аудиторий, узнавание по определённым качественным признакам. Развитая бренд-кампания повышает капитализацию региона / территории, его привлекательность для внешних и внутренних групп (включая туристический поток, благоприятный инвестиционный климат, развитую научно-образовательную среду, что обеспечивает повышение качества жизни населения региона). Под брендингом территорий мы понимаем целенаправленное формирование ее образа в восприятии местной и мировой общественности. Целью брендинга территории является обеспечение долгосрочного и выгодного позиционирования на конкурентном рынке, создание узнаваемости бренда, увеличение потока инвестиций и т.д. Брендинг территории является инструментом ее маркетинга, который ориентирован на расширение коммуникативной силы города как составной части институционального капитала, позволяющего экономическим субъектам на определенной территории снижать транзакционные издержки при взаимодействии [1. С. 23].

Особенностью приграничных территорий является более простое взаимодействие с соседними странами, включая экономические, социально-демографические, культурные связи. Близкое расположение упрощает логистические возможности и взаимодействие в создании совместных проектов. Приграничное сотрудничество, являющееся разновидностью международной

деятельности регионов, создает условия для развития региона и повышения показателей качества жизни населения, позволяет преодолеть негативное влияние периферийности региона.

В качестве положительного примера следует указать мероприятия по брендингу Забайкальского края как приграничной территории. Комплекс технологий брендинга способствует решению ряда ключевых задач в развитии региона. Кейс территориального брендинга Забайкальского края с использованием ключевых технологий территориального маркетинга способствует формированию имиджа приграничной территории и развитию межкультурного диалога приграничных территорий РФ и КНР [2]. Применительно к инструменту территориального брендинга в целом широкий спектр маркетинговых технологий формирования территориального бренда, включая PR, пропаганду, адаптированные методы товарного маркетинга, сенсорный и событийный брендинг, брендинг территории через фигуру лидера, социальный брендинг и т.д., повышает его эффективность, обеспечивая создание «якоря» восприятия за счет попадания в пространство воображения и ценностное измерение подсознания потребителя. Системный подход с применением инновационных инструментов брендинга, планирование этапов коммуникационной стратегии, мониторинг и оценка результатов ее внедрения в политическую практику позволят сконструировать территориальный бренд как символический капитал, обеспечивающий узнавание, привлекательность и конкурентоспособность региона.

Брендинг территории (в данном исследовании Дальнего Востока как региона), во-первых, направлен на формирование образа региона, демонстрацию особенностей, которые отличают его от других территорий и позволяют привлечь различные группы людей, туристов, предпринимателей, и, во-вторых, нацелен на удержание и привлечение новых жителей региона, позволяя укрепить региональную идентичность, чувство гордости за малую родину и противодействуя оттоку

населения в другие части страны. Острой социально-политической проблемой для Дальневосточного региона стала нисходящая демографическая динамика, обусловленная стремительным оттоком населения за пределы Дальнего Востока и дополнившаяся с 1993 г. естественной убылью. За период с 1991 г. (года максимальной численности населения на Дальнем Востоке – 8,1 млн чел.) по 2016 г. регион потерял 1,9 млн чел. (23,5% своего населения – практически каждого четвертого жителя) [3. С. 71]. В качестве основных причин данной ситуации можно указать значительно отстающие условия жизни, размера заработной платы, отсутствие широких экономических возможностей по сравнению с Москвой или Санкт-Петербургом и значительно более низкие показатели качества жизни населения в целом. Важным фактором является сохранение интереса, увеличение привлекательности проживания на Дальнем Востоке для молодежи. Среди основных причин, которые увеличивают миграционные настроения молодежи Хабаровского края, важными для молодежи являются: низкая заработная плата (об этом говорят 45% исследуемых), сложности с поиском работы (43,8%), природно-климатические условия (34,3%), неудовлетворительные материальные условия (33,1%), отсутствие личного жилья (25,3%), неразвитость системы досуга (23,4%) и социальной системы (18,5%) [4. С. 158].

Рассуждая об идентичности бренда Дальнего Востока, следует упомянуть, что данный регион слабо вписывается в общегосударственный инновационный дискурс, в том числе по причине удаленности от центра. В структуре затрат на технологические инновации в 2018 г. среди регионов РФ ДФО занимает шестое место и имеет 5,87% (для сравнения: ЦФО: 33,6%, ПФО – 26,98%, УФО – 9,68%, СЗФО – 9,05%, СФО – 11,54%, ЮФО – 2,79%, СКФО – 0,48%) [5]. В этом смысле, с одной стороны, следовало бы уделить внимание развитию инновационной политики на Дальнем Востоке: например, отдельным брендом можно считать Дальневосточный федеральный университет, занявший в 2020 г. 25-е место (+ 3 позиции по сравнению с 2019 г.) в рейтинге 100 лучших вузов России, по версии агентства RAEX [6], или остров Русский как попытка создания аналога Силиконовой долины) [7]. С другой стороны, важно выделить ряд перспективных направлений, которые в реальности могли бы способствовать формированию бренда Дальнего Востока, в том числе за счет брендинга его приграничных территорий.

Следует выделить отдельные практики брендинга приграничных территорий на примере регионов Дальнего Востока с целью дальнейшего тиражирования наиболее успешных из них. Так, брендинг Приморского края имеет несколько направлений. Отдельно стоит выделить столицу края, город Владивосток. Перенос столицы Дальнего Востока из Хабаровска во Владивосток существенно расширил возможности Приморского края как торгово-экономического регионального центра с развитыми коммуникациями, удобной логистикой, наличием портов. В регионе сконцентрировано 69% инвестиционных проектов от общего числа в округе с планируемым объемом инвестиций 1,86 трлн руб. (половина от общего объема инвестиций

в округе), 32% обрабатывающей промышленности Дальнего Востока, в том числе в области судостроения и вертолетостроения, на Приморский край приходится 20% ВРП и 30% экономически активного населения округа. Кроме того, регион позиционирует себя в роли первопроходца в разработке и реализации новой государственной политики опережающего развития Дальнего Востока [8]. В то же время решение о переносе столицы по понятным причинам было крайне негативно воспринято в бывшей столице Хабаровске, для которого требуется разработка отдельной стратегии позиционирования как центра культуры, образования, науки и спорта с уменьшением имиджевых издержек.

Город характеризует слоган «Владивосток – восточные морские ворота России». Тихоокеанский флот России как гарант обеспечения национальной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) можно позиционировать как отдельный бренд, в том числе за пределами региона в составе стратегии национального брендинга в области обороны и безопасности. Кроме того, данный слоган подчеркивает важную роль Владивостока в торговле на Дальнем Востоке, так как он концентрирует не только туристические, но и торговые потоки со стран Азии. Также слоган подчеркивает прибрежное положение Владивостока, вызывая интерес туристов [9. С. 149]. Приморский край выступает как место, через которое можно в упрощенном режиме въехать на территорию Российской Федерации. Это связано с законом «О свободном порте Владивосток», который подразумевает упрощенный визовый проезд в Приморский край и пребывание на территории России на протяжении 8 дней без визы, что увеличивает возможности развития «Восточного кольца России» [10]. Стоит отметить, что 2,6% постояльцев гостиниц Приморского края составляют иностранные граждане, и это четвертое место в России после Москвы, Санкт-Петербурга и Московской области по посещаемости туристами [11. С. 326–327]. С 2009 по 2016 г. число туристов в Приморском крае увеличилось на 456 тыс. человек (рост составил 76,9%) [12. С. 128]. Эта статистика подтверждает лидирующее положение Приморского края как развитого туристического хаба, что дает дополнительные возможности для формирования бренда территории в данном ключе.

Туристов также привлекает интегрированный развлекательный комплекс «Приморье», в который входит игровая зона, расположенная в 50 км от Владивостока. При создании игровой зоны предполагалось, что она будет привлекать иностранных туристов из стран Азии, но на данный момент треть посетителей комплекса составляют иностранцы, а две трети – российские туристы [13]. На запрос экологического туризма в Приморском крае отвечают такие объекты, как Национальный парк «Зов тигра», Шайганское и Николаевское городища, Государственный природный заповедник «Кедровая падь» [14].

Важную роль в развитии бренда Владивостока и его инфраструктуры играют международные форумы. Например, значимым международным событием стал саммит АТЭС-2012, площадкой для проведения которого выступил Владивосток. К саммиту были построены три моста: мост через остров Русский, мост через

бухту золотой Рог и мост через Амурский залив. Мост через остров Русский изображен на купюре номиналом 2 000 руб., что увеличивает осведомленность о Владивостоке. Эти мосты являются одной из визитных карточек Владивостока, отличают его от других городов России и хорошо вписываются в бренд города, дополняя слоган «Владивосток – морские ворота России».

Перспективным направлением брендинга Приморского края является брендинг пищевой продукции с применением стратегии ивент-маркетинга [15]. Как положительный пример можно назвать приморскую кухню, бренд «Pacific Russia Food», зарегистрированный в 2017 г., его слоган – «Чистая энергия даров моря и тайги» [16]. Для продвижения этого бренда проводятся гастрономические фестивали, например в 2019 г. «Фестиваль мидий», фестиваль дальневосточных гребешков «На гребне!», фестиваль тайги Taigafest, фестиваль «Держи Краба!». Данные фестивали привлекают как российских, так и иностранных туристов, в основном из Южной Кореи и Китая.

Брендинг Хабаровского края включает ряд важных направлений. Значимым элементом в стратегии брендинга является формирование бренда города Хабаровска, административного центра региона, ранее столицы Дальневосточного федерального округа. Для его продвижения используется слоган «Хабаровск – город для жизни». Его можно объяснить хорошим состоянием центра города, сохраненной архитектурой конца XIX – начала XX в., набережной, которая является одной из важных точек отдыха для жителей города и туристов и одной из наиболее привлекательных частей города. На набережной находится Амурский утёс, возле которого стоит памятник Муравьёва-Амурского, изображенный на купюре номиналом 5 000 руб.

Туризм в Приморском крае входит в перечень приоритетных секторов экономики Хабаровского края [17]. Власти Хабаровского края ведут сотрудничество с властями таких китайских провинций, как Хуйлуцзян, Гуандун, Ляонин, Хайнань, Хэбэй и Шаньдун, для привлечения китайских туристов. За период с 2009 по 2016 г. число иностранных туристов увеличилось на 191% [12. С. 131]. Наиболее привлекательными направлениями для них являются шоппинг, краевой музей [18]. Запросу на культурно-познавательный туризм отвечают такие достопримечательности, как Градо-Хабаровский собор Успенской Божьей Матери, памятник героям Гражданской войны на Дальнем Востоке, Торговый дом Плюсниных, управление Амурского речного пароходства, Амурский утёс и др. Запросу на экологический туризм соответствуют такие достопримечательности, как Большехецирский природный заповедник, Петроглифы Сикачи-Аляна [14]. Гастрономический брендинг реализуется в рамках мероприятий для любителей рыбалки, таких как «Серебряная корюшка», «Праздник первой горбуши» [19. С. 51].

Сахалинская область представляет интерес для японских туристов. Это связано как с близким географическим положением, так и историей Сахалинской области. В связи с тем, что четыре острова Курильской гряды и южная часть острова Сахалин до конца Второй Мировой войны принадлежали Японии, часть

японской инфраструктуры, культурных объектов сохранились до сегодняшних дней, что является привлекающим фактором для туристов. Сахалинская область обладает потенциалом развития экологического и событийного туризма. Важные объекты для туризма на Сахалине – спортивно-туристический комплекс «Горный воздух», который является горнолыжным курортом, термы вулкана Баранский, Городской парк культуры и отдыха им. Ю.А. Гагарина. Примером событийного туризма является проведение в 2017 г. Первого фестиваля телевизионных художественных фильмов «Утро Родины» [19. С. 50].

Брендинг Амурской области имеет ряд возможных направлений развития. Тесное взаимодействие с Китайской Народной Республикой привлекает как китайских и внутренних туристов, так и инвесторов [20]. Именно для Амурской области характерно наибольшее взаимодействие с Китаем: например, между Благовещенском и Хаэхе имеется прямое паромное сообщение. В 2019 г. было завершено строительство первого автомобильного моста между Россией и Китаем, между Благовещенском и Хайхе через реку Амур [21]. Также важным возможным направлением для брендинга Амурской области является космодром «Восточный». Но данный путь развития бренда ограничен тем, что космодром «Восточный» является закрытой территорией. Отдельным направлением можно считать развитие космического туризма на базе космодрома «Восточный»: несмотря на то, что это очень узкое направление, интерес населения к теме космоса может формировать бренд региона. Важную роль в формировании бренда Амурской области играют малые народности, проживающие здесь. Например, на территории области расположен этнографический комплекс «Эвенкская деревня», который показывает быт эвенков. Также можно выделить такие объекты для экологического туризма, как Хинганский заповедник, Норский заповедник, Зейский заповедник. Важным объектом для туризма также является Албазинский острог – остатки крупнейшего поселения русских первопроходцев на Амуре.

Создание и развитие бренда Еврейской автономной области как еще одного Дальневосточного региона также имеют свои возможности и ограничения. Недостатками являются ее малый размер, слабый экономический потенциал и существенный отток населения, из-за которых на сегодняшний день Еврейская автономная область обладает слабым туристическим сектором. В то же время возможностями для развития бренда являются национально-культурные и исторические особенности этого региона, способные привлечь туристов. Фактически еще в 1930-х гг. Еврейская национальная область стала первой территорией, где евреи стали титульной нацией. После распада СССР и открытия границ произошел отток титульной нации в Израиль в связи с репатриацией. Культурное разнообразие и особенности могут стать важным фактором для привлечения туристов и развития бренда. Синагоги «Бейт-Штува» и «Бейт-Менахем», краеведческий музей Еврейской автономной области уже используются как объекты туризма. Таким образом, Еврейская автономная область обладает такой важной отличительной

особенностью, как национальный характер. Ее история, культура могут привлечь путешественников, ориентированных на культурно-познавательный туризм. Возможностями для развития сферы экотуризма, набирающего все большую популярность в России и мире, в Еврейской автономной области являются: заповедник «Бастак», в котором обитают как северные приполярные, так и южные субтропические виды флоры и фауны, природный парк «Кульдур», имеющий зону термальных источников в долине реки Кульдур, областные заказники «Ульдуры», «Чурки», «Дичун», «Журавлиный» и «Шухи-Поктой», особо охраняемая природная территория «Дендрологический парк» [22. С. 46].

Таким образом, туризм, в целом, является перспективным направлением для развития бренда Дальнего Востока. Так, в 2018 г. количество туристов на Дальнем Востоке достигло 5,4 млн человек. Наиболее посещаемыми регионами являются Приморский край, Хабаровский край и Сахалинская область, получившие 76, 11 и 5% от общего туристического потока на Дальнем Востоке за 2017 г. соответственно. Как особо привлекательные для иностранных туристов выделяются такие направления, как культурно-познавательный, активный и экологический туризм [18]. В связи с этим важной задачей для туризма Дальнего Востока является создание и развитие дестинаций, которые позволили бы вовлечь большее количество регионов в сферу туризма, увеличили бы время пребывания туристов на Дальнем Востоке и создали бы дополнительный интерес для путешественников. Требуется удобная логистическая связь между различными вариантами отдыха. Важной задачей для развития туризма Дальнего Востока является формирование крупных кластеров, которое включает как резкую активизацию маркетинга, так и масштабное капитальное строительство как инфраструктуры, так и туристических объектов [23].

Таким межрегиональным проектом выступает «Восточное кольцо России», в котором участвуют все регионы Дальнего Востока, кроме Забайкальского края [24]. Хорошим примером инструмента развития брендов регионов Дальнего Востока является «Дальний Восток. Современный путеводитель» [14]. Данный путеводитель позволяет узнать основную информацию о регионах Дальнего Востока, показывает основные достопримечательности, географические особенности и интересные места, что привлекает туристов и дает жителям этих регионов новую информацию о регионе. Также важно отметить возможность продвижения «красного туризма» на Дальнем Востоке. Так как наибольшее число иностранных туристов приезжает из Китая, то посещение объектов, связанных с революционной коммунистической историей, представляет для них особый интерес. Кроме того, следует работать над созданием комплексных туристических маршрутов с максимальным охватом регионов Дальнего Востока. В том числе, потенциально возможно было бы привлекать туристов с Камчатки как точки притяжения туристов со всего мира (Долина гейзеров, вулкан Толбачик и др.), однако требуется восстановление паромного и морского сообщения (на данный момент есть только

авиасообщение) для повышения транспортной доступности, облегчения связей между регионами Дальнего Востока, что будет способствовать усилению туристического потока. Для привлечения азиатских туристов, составляющих наибольшую часть от общего потока иностранцев, необходима системная работа по распространению информации о Дальнем Востоке на территории Северного Китая (наиболее близко расположен), Южной Кореи и Японии.

Важной частью брендинга территории является брендинг продукции, произведенной на ней. И хотя продукция с дальневосточного рынка имеет устойчивый спрос у международной аудитории, узнаваемых дальневосточных брендов мало. Это связано не только с продвижением брендов, но и с самим составом экспорта из Дальнего Востока. На 2017 г. сырьевая часть экспорта составила 71% [25. С. 39], а это лишь укрепляет имидж России как сырьевого государства [26], который необходимо демонтировать. Двумя важнейшими регионами в торговле АТР на сегодняшний день являются Сахалинская область и Приморский край, вместе с Якутией они формируют более 80% внешней торговли региона. Следует учитывать, что в АТР большим спросом пользуются продукты питания, обладающие высоким качеством, экологичные. Узнаваемыми брендами Дальнего Востока могут выступать, прежде всего, морепродукты, природный лосось, икра, крабы и т.д. В Китае также пользуются спросом масло, мука, соки, детское питание, крупы, алкогольная продукция, минеральная вода, шоколад и ряд кондитерских изделий.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что Дальневосточный регион России на текущем этапе обладает существенным, но недостаточно реализованным потенциалом формирования своего эффективного узнаваемого бренда, в том числе в области брендинга его приграничных территорий. Стратегия брендинга Дальнего Востока должна быть выстроена системно, с учетом объективных слабостей (отток населения, значительная удаленность от центра, слабый инновационный потенциал) и возможностей (природные ресурсы, близость к азиатским странам, что с учетом перераспределения мирового лидерства в сторону восточного вектора играет для России ключевую роль, перспективы в сфере туризма, улучшения инвестиционного климата при условии учета текущих недоработок), и обязательно вписана в общую концепцию национального брендинга России.

Актуальна разработка концептуального документа о территориальном брендинге Дальнего Востока в составе стратегии национального брендинга РФ. Такой сильный бренд, как Тихоокеанский флот, должен быть включен в стратегию национального брендинга в части обеспечения национальной обороны и безопасности [27, 28]. Дальний Восток имеет существенный потенциал в области развития туризма, продвижения объектов культурно-исторического наследия при условии грамотной проработки комплексных маршрутов, совершенствования логистики, качественного улучшения инфраструктуры. Создание достойной репутации на основании привлекательного территориального бренда, предложение интересных проектов обеспечат приток

инвестиций в регион. Активное участие приграничных территорий, их синергия и системная работа позволят сформировать устойчивый положительный образ территории, которую стремятся посетить туристы и деловые партнеры и не желают покидать местные жители. В

результате реализации стратегии брендинга приграничных территорий Дальнего Востока будет обеспечено повышение показателей качества жизни населения, укрепление человеческого капитала, в масштабе не только региона, но и страны в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Позднякова Ж.С., Федько А.А. Проблемы и перспективы брендинга территории // Управление в современных системах. 2019. № 1 (21). С. 22–30.
2. Топоркова Е.П. Имидж и бренд приграничной территории: человеческий капитал и технологии развития. Чита : Поиск, 2015. 168 с.
3. Мотрич Е.Л. Оценка миграционной ситуации на Дальнем Востоке России: 1991–2016 гг. // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2 (204). С. 70–77.
4. Стасюк Е.В. Формирование региональной идентичности молодежи как условие ее сохранения на Дальнем Востоке России // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2018. № 3 (25). С. 157–164.
5. Затраты на технологические инновации организаций по видам экономической деятельности в 2010–2018 гг. Официальная статистика/Наука и инновации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://gks.ru/folder/14477> (дата обращения: 08.07.2020).
6. ДВФУ вошел в ТОП-25 лучших вузов России по версии агентства RAEX // Дальневосточный федеральный университет. 17 июня 2020 г. URL: https://www.dvfu.ru/news/fevu-news/the_university_entered_the_top_25_best_universities_in_russia_according_to_the_agency_raex/ (дата обращения: 08.07.2020).
7. Российскую Силиконовую долину видят на острове Русский // BFM.ru. 29 января 2014 г. URL: <https://www.bfm.ru/news/245397?doctype=article> (дата обращения: 08.07.2020)
8. Путин поддержал перенос столицы Дальнего Востока // РБК. 10 декабря 2018 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/12/2018/5c0e5ef49a79472ef07ee96e> (дата обращения: 03.07.2020).
9. Гомилевская Г.А., Дмитриенко Ю.В. Формирование туристской идентичности г. Владивостока в контексте бренда: «Владивосток – морские ворота России» // Территория новых возможностей. 2016. № 1 (32). С. 142–153.
10. Розничная торговля, услуги населению, туризм // Росстат. URL: <https://gks.ru/folder/23457> (дата обращения: 12.07.2020).
11. Толстых И.Н., Золотухина Е.С. Развитие культурно-познавательного туризма в Приморском крае в условиях реализации проекта «Восточное кольцо России» // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. № 2 (23). С. 326–327.
12. Глазырина И.П., Пешков А.Е. Парадоксы приграничного туризма на востоке России // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. № 4. С. 128–134.
13. Игра по-крупному: когда? // EastRussia.ru. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/igra-po-krupnomu-kogda/> (дата обращения: 07.05.2020).
14. Дальний Восток. Современный путеводитель. М. : PressPass, 2017. 436 с.
15. Суслов Д.В. Проблемы и перспективы экономического взаимодействия КНР и России // Власть и управление на Дальнем Востоке. 2016. № 2. С. 22–33.
16. Локша А.В., Петрова Н.И. Особенности развития гастрономического туризма в Приморском крае // Вестник НГИЭИ. 2018. № 12 (91). С. 62–63.
17. Развитие туристической области // Хабаровский край территория открытий. URL: <http://www.travel.khv.ru/pages/172> (дата обращения: 24.04.2020).
18. Развитие туризма на Дальнем Востоке: обзор рынка и ключевые тренды. Ноябрь 2018 года // РОСКОНГРЕСС. URL: <https://roscongress.org/materials/razvitie-turizma-na-dalнем-vostoke-obzor-rynka-i-ključevye-trendy-noyabr-2018-goda/> (дата обращения: 02.05.2020).
19. Васильева Л.А., Фролова С.Н. Опыт организации событийного туризма на Дальнем Востоке // Сервис+. 2018. № 4. С. 47–55.
20. Зачем Приамурью бренд: эксперты – о позиционировании и уникальных особенностях Амурской области // Амурская правда. URL: <https://ampravda.ru/2018/08/09/083613.html> (дата обращения: 07.05.2020).
21. На Дальнем Востоке достроили первый автомобильный мост из России в Китай // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/29/11/2019/5de023799a7947f61537f48a> (дата обращения: 03.05.2020).
22. Рубцова Т.А., Горелов В.А. Развитие экологического туризма в Еврейской Автономной области // Региональные проблемы. 2017. № 2. С. 46–48.
23. Фактор масштаба для дальневосточного турпродукта // EastRussia.ru. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/faktor-masshtaba-dlya-dalnevostochnogo-turprodukta/> (дата обращения: 02.05.2020).
24. РГТЕ-2019: «Восточное кольцо», 9 видов туризма и новые технологии // Официальный сайт Правительства Приморского края. URL: <https://www.primorsky.ru/news/157301/> (дата обращения: 24.04.2020).
25. Киреев А.А. Российский Дальний Восток в трансграничных отношениях с АТР: обзор динамики 1990–2017 гг // Ойкумена. 2019. № 1. С. 35–45.
26. Каганович А.А. Сущностные характеристики и компоненты национального брендинга: формирование бренда современной России в условиях глобальной конкуренции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. № 2. С. 292–294.
27. Данилова Е.А. Инновационный потенциал предприятий ОПК как фактор повышения качества жизни в контексте формирования стратегии национального брендинга // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 1 (53). С. 197–204.
28. Данилова Е.А. Стратегия формирования национального бренда России в аспекте инновационного потенциала оборонно-промышленного комплекса РФ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 3 (51). С. 178–182.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 10 декабря 2020 г.

The Border Territories' Branding in the Far East of the Russian Federation as a Factor in Improving the Quality of Life of the Region's Population

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 96–102.

DOI: 10.17223/15617793/462/12

Elena A. Danilova, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eadanilova@fa.ru

Alexander V. Shaikhidinov, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: AlexSH3070@yandex.ru

Keywords: territory branding; territorial branding; regional brand; image of region; positioning; quality of life; border territories; Far East; tourism.

The article examines branding of the border territories of the Far East. The relevance of the topic is due to the fact that the border regions of the Far East, subject to the implementation of a set of measures in the field of territorial branding, have great potential for the development of tourism, increasing investments in various sectors of the economy, and reducing population outflows. The work for the first time attempted a scientific understanding of the practical possibilities and prospects for the development of brands of the border territories of the Far East. The aim of the article is to study and discover the most promising areas, methods and technologies for the development of brands of the territories of the Far East. The objective is to investigate the branding practices of the border territories of the Far East, which contribute to the formation of the territories' favorable perception. The study uses methods of comparative analysis, data synthesis and systematization, as well as the statistical and observation methods. Structural-functional, activity and normative approaches were applied. The empirical basis of the study is made up of regional news sources and official documents. The article shows that the development of brands of the regions of the border territories of the Far East has prospects due to the development of tourism. This is especially important for Primorsky Krai, which is a leader in the tourist region in the Far East and concentrates tourist flows from Asia. The Far East can develop a brand in the field of tourism and culture to expand cooperation with China, Japan, South Korea. Also important are state programs to stimulate tourism in the Far East. It is important to develop certain strong brands, such as the Russian Pacific Fleet, for their subsequent inclusion in the national branding strategy in terms of national defense and security. The development of tourist projects involving several regions of the Far East, like the Eastern Ring of Russia, is hindered by the geographical distance from each other; it is necessary to reduce the cost of movement between regions for the development of tourism. The epidemic of coronavirus, the closure of Russia's borders with Asian countries led to a weakening of the tourism industry in the Far East and, as a result, the weakening of the opportunities for the development of brands of the regions of the Far East. In this connection, the state should support the tourism sector to maintain and further increase the level of tourism development.

REFERENCES

- Pozdnyakova, Zh.S. & Fed'ko, A.A. (2019) Problemy i perspektivy brendinga territorii [Problems and perspectives of territory branding]. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*. 1 (21). pp. 22–30.
- Toporkova, E.P. (2015) *Imidzh i brend prigranichnoy territorii: chelovecheskiy kapital i tekhnologii razvitiya* [Image and brand of the border area: Human capital and development technologies]. Chita: Poisk.
- Motrich, E.L. (2017) Otsenka migratsionnoy situatsii na Dal'nem Vostoke Rossii: 1991–2016 gg. [Assessment of the migration situation in the Russian Far East: 1991–2016]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii – Living Standards and the Quality of Life*. 2 (204). pp. 70–77.
- Stasyuk, E.V. (2018) The creation of a regional identity among young people as a requirement to maintain the youth population in the Far East of the Russian Federation. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika – Vestnik USPTU. Science, Education, Economy. Series: Economy*. 3 (25). pp. 157–164. (In Russian).
- Federal State Statistics Service. (2018) *Expenditures on technological innovations of organizations by type of economic activity in 2010–2018. Official statistics*. [Online] Available from: <https://gks.ru/folder/14477> (Accessed: 08.07.2020). (In Russian).
- Far Eastern Federal University. (2020) *DVfU voshel v TOP-25 luchshikh vuzov Rossii po versii agentstva RAEX* [FEFU entered the TOP-25 best universities in Russia according to the RAEX agency]. 17 June 2020 [Online] Available from: https://www.dvfu.ru/news/fevu-news/the_university_entered_the_top_25_best_universities_in_russia_according_to_the_agency_raex/ (Accessed: 08.07.2020).
- BFM.ru. (2014) *Rossiyskuyu Silikonovuyu dolinu vidyat na ostrove Russkiy* [The Russian Silicon Valley is seen on Russky Island]. 29 January 2014. [Online] Available from: <https://www.bfm.ru/news/245397?doctype=article> (Accessed: 08.07.2020)
- RBC. (2018) *Putin podderzhal perenos stolitsy Dal'nego Vostoka* [Putin supported the transfer of the capital of the Far East]. 10 December 2018. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/10/12/2018/5c0e5ef49a79472ef07ee96e> (Accessed: 03.07.2020).
- Gomilevskaya, G.A. & Dmitrienko, Yu.V. (2016) The formation of Vladivostok tourist identity in the context of the brand: “Vladivostok – marine gate of Russia”. *Territoriya novykh vozmozhnostey – Territory of New Opportunities*. 1 (32). pp. 142–153. (In Russian).
- Federal State Statistics Service. (2020) *Retail trade, services to the population, tourism*. [Online] Available from: <https://gks.ru/folder/23457> (Accessed: 12.07.2020).
- Tolstykh, I.N. & Zolotukhina, E.S. (2018) Development of culture-related tourism in the context of realization of a project “The Eastern Ring of Russia” in Primorsky Krai. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie – Azimuth of Scientific Research: Economics and Management*. 2 (23). pp. 326–327. (In Russian).
- Glazyrina, I.P. & Peshkov, A.E. (2018) Discrepancies of border tourism in the East of Russia. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie – Azimuth of Scientific Research: Economics and Management*. 4. pp. 128–134. (In Russian).
- EastRussia.ru. (2018) *Igra po-kрупnomu: kogda?* [High stakes game: when?]. [Online] Available from: <https://www.eastrussia.ru/material/igra-po-kрупnomu-kogda/> (Accessed: 07.05.2020).
- PressPass. (2017) *Dal'niy Vostok. Sovremennyy putevoditel'* [Far East. A contemporary guidebook]. Moscow: PressPass.
- Sublov, D.V. (2016) Problems and perspectives of Russian-Chinese economic collaboration development. *Vlast' i upravlenie na Dal'nem Vostoke – Power and Administration in the East of Russia*. 2. pp. 22–33. (In Russian).
- Loksha, A.V. & Petrova, N.I. (2018) Osobennosti razvitiya gastronomicheskogo turizma v Primorskom krae [Features of gastronomic tourism development in Primorsky Krai]. *Vestnik NGIEI – Bulletin NGIEI*. 12 (91). pp. 62–63.
- Khabarovsk Krai: The territory of discoveries. (2017) *Razvitie turistskoy oblasti* [Development of the tourism]. [Online] Available from: <http://www.travel.khv.ru/pages/172> (Accessed: 24.04.2020).
- ROSKONGRESS. (2018) *Razvitie turizma na Dal'nem Vostoke: obzor rynka i klyucheveye trendy. Noyabr' 2018 goda* [Development of tourism in the Far East: Market overview and key trends]. November 2018. [Online] Available from: <https://roscongress.org/materials/razvitie-turizma-nadalnem-vostoke-obzor-rynka-i-klyucheveye-trendy-noyabr-2018-goda/> (Accessed: 02.05.2020).
- Vasil'eva, L.A. & Frolova, S.N. (2018) Experience of organizing event tourism in the Far East. *Servis plus – Service plus*. 4. pp. 47–55. (In Russian).
- Amurskaya pravda*. (2018) *Zachem Priamur'yu brend: eksperty – o pozitsionirovani i unikal'nykh osobennostyakh Amurskoy oblasti* [Why Amur River region needs a brand: Experts on the positioning and unique features of Amur Oblast]. [Online] Available from: <https://ampravda.ru/2018/08/09/083613.html> (Accessed: 07.05.2020).
- RBC. (2019) *Na Dal'nem Vostoke dostroili pervyy avtomobil' nyy most iz Rossii v Kitay* [The first road bridge from Russia to China was completed in the Far East]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/society/29/11/2019/5de023799a7947f61537f48a> (Accessed: 03.05.2020).
- Rubtsova, T.A. & Gorelov, V.A. (2017) Development of ecological tourism in the Jewish Autonomous Region. *Regional'nye problemy*. 2. pp. 46–48. (In Russian).
- EastRussia.ru. (2019) *Faktor masshtaba dlya dal'nevostochnogo turprodukta* [The factor of scale for the Far Eastern tourism product]. [Online] Available from: <https://www.eastrussia.ru/material/faktor-masshtaba-dlya-dalnevostochnogo-turprodukta/> (Accessed: 02.05.2020).

24. Government of Primorsky Krai. (2019) *PITE-2019: "Vostochnoe kol'tso", 9 vidov turizma i novye tekhnologii* [PITE-2019: "The Eastern Ring", 9 types of tourism and new technologies]. [Online] Available from: <https://www.primorsky.ru/news/157301/> (Accessed: 24.04.2020).
25. Kireev, A.A. (2019) Russian Far East in transborder relations with the APR: A review of the dynamics of 1990–2017. *Oykumena – Ojkumena*. 1. pp. 35–45. (In Russian).
26. Kaganovich, A.A. (2018) The essential characteristics and components of the national branding: The branding of contemporary Russia in conditions of global competition. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya – RUDN Journal of Political Science*. 2. pp. 292–294. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-288-297
27. Danilova, E.A. (2020) The innovative potential of defense enterprises as a factor of improving the quality of life in the development of the national branding strategy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1 (53). pp. 197–204. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/53/21
28. Danilova, E.A. (2019) The strategy of the Russian national brand formation in the aspect of the innovation potential of the defense industry complex of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2019. 3 (51). pp. 178–182. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/51/18

Received: 10 December 2020

К. Шифф, М. Дебрени

ОДНО ЭТНИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ – ДВЕ СУДЬБЫ: НОВОПРИБЫВШИЕ VS ПОТОМКИ МИГРАНТОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и французского фонда «Fondation Maison des sciences de l'homme» в рамках научного проекта №18-510-22001.

Рассмотрена специфика иммиграционной ситуации во Франции. После краткой истории иммиграции во Францию, авторы останавливаются на специфической ситуации, где пересекаются дети и внуки тех, кто иммигрировал ранее, и те, кто сами приехали из тех же стран в молодом возрасте. Первые ощущают гнет стигматизации по этническому принципу и с трудом выбираются из своей социальной среды, вторые, наоборот, готовы преодолеть трудности и приспособиться к требованиям принимающего общества.

Ключевые слова: Франция; иммиграция; аккультурация; потомки мигрантов.

Франция – страна иммиграции

Франция – старая европейская страна, создававшаяся в результате многочисленных волн миграций. Расположенная у западного края Европы (название одного региона в Бретани, «Финистер», означает «конец земли»), она стала прибежищем для различных народов. После носителей культуры эпикардиальной керамики (начиная с 5 200 до н.э.) пришли те, кто воздвигал мегалиты. Позднее (с V в. до н.э.) лигуры, иберы и греки стали создавать первые города на побережье Средиземного моря.

Таким образом, Марсель (греческий город Массалия) – самый древний город Франции. Затем на территорию, соответствующую нынешней Франции и традиционно называемую шестиугольником, из Центральной Европы пришли кельты, которых здесь называли галлами (V–IV в.), а позднее, с юго-востока, римляне (II в.). На какое-то время установилось равновесие, приведшее к возникновению галло-римской культуры.

В IV в. н.э. случилось то, что французские учебники по истории называют «великие нашествия», а русские – более политкорректно – «великое переселение народов», и на эту же территорию устремились (и там обосновались) с востока и с севера Европы франки, бургунды, вестготы, бриты. Мы сейчас называем «французским» тот язык, на котором, в результате, стали говорить жители севера «шестиугольника», дав, таким образом, германское (франкское) название романскому (латинскому) языку, на котором говорили галлы – потомки кельтов. В Средневековье масштабные миграции населения продолжались, на северо-западе Франции обосновались викинги, создав провинцию под названием «Нормандия» (нормандцы – «люди с Севера»), омейяды владели Септиманией (на юге Франции) в течение полувека (713–754), а после свадьбы Алиеноры Аквитанской с наследником английского трона Генрихом II, Аквитания стала принадлежать Англии.

До сих пор для англичан французское побережье Атлантического океана – любимое место отдыха. Жители же «шестиугольника» в первую очередь отождествляли себя со своей малой родиной – небольшим регионом, называемом «пэи» (pays), которых на территории Франции насчитывается более 500. Как известно, различают

примерно столько же видов сыра и прочих гастрономических специалитетов. На всей территории страны, даже в ее северной половине, не было единого языка. Исследование, проведенное в 1790–1792 гг., показало, что из 28 млн жителей страны 6 млн совершенно не знали французского языка, а еще 6 млн знали его настолько плохо, что не были в состоянии поддержать разговор. Понятие нации, как общности граждан государства, подчиняющихся общим законам (определение, данное Э. Сийесом), стало развиваться после Великой французской революции, и с этого времени можно говорить о едином французском народе.

Вышеизложенное означает, что прекратились миграции. Особенно интенсивными они стали в XIX и XX вв., когда французское правительство призывало жителей других стран приехать и помогать строить французскую промышленность или восстанавливать страну после войн. Таким образом, во Францию приехали бельгийцы, поляки, итальянцы. Конец французской колониальной империи (середина XX в.) привел к тому, что те, кто стали приезжать из бывших колоний во Францию на учебу или в поисках работы, теперь воспринимались (и учитывались в статистике) как иностранцы, хотя до этого они были если не совсем полноценными гражданами, то хотя бы подданными страны – точно так же, как это случилось позже с СССР, когда жители бывших советских республик в одночасье стали иностранцами в России.

Несмотря на кажущееся этническое разнообразие на ее улицах, в настоящее время среди европейских стран Франция не является страной с наибольшей пропорцией иностранцев, куда с особым рвением устремляются мигранты. Согласно данным ЮНЕСКО, в 2015 г. иммигранты составляли 12,0% от населения страны, примерно столько же, сколько в Беларуси (11,7%) или Испании (12,4%), но меньше, чем в Германии (14,5%) или Швеции (16,9%). Между 2004 и 2012 гг. ежегодно примерно 200 тыс. иммигрантов пересекли границу в сторону Франции, что представляет около 0,3% населения Франции, тогда как в среднем по Европе эта цифра составляет 0,6%. Радикально настроенные СМИ часто играют словами и цифрами, поэтому необходимо четко различать некоторые термины.

Иностранцем называют человека, не являющегося гражданином той страны, где он проживает, независимо от того, где он родился. Так, в 2014 г., из 65,8 млн жителей Франции, 62,2, т.е. 94,7%, были французскими гражданами. Среди иностранцев же 0,6% родились на территории Франции, т.е. мигрантами не являются.

Согласно определению французской статистической службы INSEE, **мигрант** (иммигрант, эмигрант) – человек, родившийся в одной стране, но проживающий в другой больше одного года. Впоследствии он может получить гражданство второй страны, но не перестает быть при этом мигрантом – ведь место своего рождения он изменить не может. Таким образом, во Франции в 2014 г. проживало 58,8 млн человек, родившихся во Франции (89,4%), и 7,6 млн (11,5%), родившихся вне Франции, среди которых 1,7 млн являлись французскими гражданами и не попадали под определение «мигрант». В целом в том году проживало во Франции 5,8 млн (8,8% населения) мигрантов.

Согласно этому определению, говорить о мигрантах второго или третьего поколения абсурдно (поскольку эти люди родились в стране, куда приехали их родители, а не мигрировали сами сюда), можно говорить лишь о «потомках мигрантов». Цифры в данной области сильно разнятся. Так, в 2008 г. приводилась цифра в 7,8 млн (8,8%) французских граждан, являющихся потомками мигрантов. Однако, по результатам проведенного в 2010 г. исследования, Музей иммиграции утверждает, что каждый четвертый француз имеет иммигрантские корни [1]. Все, видимо, зависит от того, сколько поколений считать.

Молодежь разных волн миграции из Северной и Центральной Африки

В рамках проекта «Социально-экономическая и культурная среда современного университетского города: сравнительный анализ Томска, Новосибирска, Монпелье и Бордо» выявляются острые проблемы, с которыми сталкиваются университетские города Франции, анализируется актуальность этих вызовов для городов Сибири и приводятся современные французские социологические исследования по данной тематике. Так, готовится к переводу наша книга Schiff Veurs et Blédards (русский перевод Клэр Шифф «Бёры vs бледары: представители разных волн миграции из неевропейских стран во французском обществе») [2].

В этой работе изложены основные выводы сопоставительного исследования двух категорий проживающей во Франции молодежи иммигрантского происхождения. С одной стороны, это недавно приехавшая молодежь, с другой – потомки во втором или третьем поколении мигрантов предыдущих волн [2]. Последние либо уже являются гражданами Франции, либо получают гражданство в 18 лет, поскольку родились на территории страны. Они учились во французских детских садах и школах и владеют французским языком. Первые же, чаще всего, не знают языка, как и их родители, и их школьная траектория делится на «до» и «после» миграционного эпизода. Несмотря на то, что и те, и

другие могут иметь одно и то же этническое происхождение, их судьбы и отношение к Франции как к стране, принявшей их, сильно отличаются.

Цель данного исследования – провести грань между явлением негостеприимства по отношению к новоприбывшим и их адаптации во Франции, с одной стороны, и вопросом интеграции потомков мигрантов, иногда неудавшейся, но в большинстве случаев успешной – с другой. Необходимо разобраться с путаницей между вопросом интеграции новоприбывших и проблемой маргинализации и девиантного поведения некоторых молодых французов иммигрантского происхождения. Мы надеемся, что данное исследование позволит более полно взглянуть на картину событий последних лет во Франции, чтобы лучше понять, кем являются и, в особенности, кем не являются радикально настроенные молодые люди, каково отношение новоприбывших к принимающему их обществу.

Мигранты, приехавшие в «славном тридцатилетии» (1946–1975), в большинстве своем – малообразованные крестьяне, стали родителями, бабушками и дедушками современных французских граждан иммигрантского происхождения. Последние получили доступ к гораздо более высокому уровню образования, нежели их родители, но при этом не всегда смогли устроиться на желаемую работу. Кроме того, в районы, где они проживают, стали прибывать все новые и новые иммигранты из длинного списка стран, чьи социальный статус и уровень образования нередко оказываются довольно высокими. В то же время условия их обустройства во Франции все ухудшаются – из-за сохранения высокого уровня безработицы, ужесточения иммиграционного законодательства, подъема Национального фронта и социальных тенденций в неблагополучных районах.

Проведенные в США за последние 20 лет исследования интеграции иммигрантов и межэтнических отношений в городских условиях сосредоточены на различиях и отношениях между старыми, так называемыми расовыми меньшинствами, такими как афроамериканцы или чикано, и новыми иммигрантами азиатского, испанского и иного происхождения, которые в массовом порядке стали прибывать с начала 1980-х гг. Эти работы позволяют понять, как изменились условия интеграции в крупных городах Северной Америки, как опыт их предшественников и представителей давно сложившихся меньшинств определяет жизнь новоприбывших и их детей при все более разнообразной иммиграции и усиливающемся процессе сегрегации в городах.

Так, исследования Р. Сампсона показывают, что вместо того чтобы представлять угрозу социальному единению в неблагоприятных районах больших городов, прибытие новых мигрантов вызвало в этих районах снижение преступности, возрождение предпринимательства и укрепление семейных отношений. Заинтересованность новоприбывших, их усиленные общинные связи и способность извлечь выгоду из своего положения, даже в сложных городских условиях, возможно, объясняют это положительное влияние на социальную слаженность в городах [3]. Долгое время

идея интеграции иммигрантов и их потомков характеризовалась тем, что американские исследователи называют *straight-line theory* (теорией линейности). Ее основная мысль заключается в том, что с каждым новым поколением при прохождении определенных этапов процесса ассимиляции наблюдалось постепенное сближение групп иностранного происхождения с господствующей культурой среднего класса [4]. Однако в настоящее время многие исследователи сомневаются, что этот взгляд на ассимиляцию способен объяснить положение новых поколений мигрантов, прибывающих из неевропейских стран [5].

Для новых иммигрантов из Латинской Америки, Азии и с Карибских островов, которые массово въехали в США после отмены в 1965 г. этнических квот на выдачу виз, классическая модель перестает быть актуальной. Из-за того, в частности, что они относятся к «видимым» меньшинствам, они рискуют гораздо больше, чем прежние мигранты, быть смешанными с афроамериканским меньшинством, находящееся в положении социальной изоляции и составляющее главный отрицательный полюс американского общества.

Кроме того, после исчезновения индустриального сектора, изменился и рынок труда, обеспечивавший мигрантов стабильной и хорошо оплачиваемой работой, которая – в свою очередь – открывала доступ к социальной мобильности поколению за поколением. Разделение рынка труда на неустойчивые рабочие места, не требующие квалификации, где чаще всего были заняты новоприбывшие, и на профессии, предусматривающие все более высокую квалификацию, привела к уменьшению количества устойчивых промежуточных позиций, которые были основным путем социальной мобильности для потомков мигрантов во втором поколении [6]. Теперь для продвижения вверх потомкам мигрантов нужно преодолеть за одно поколение несколько ступеней социальной лестницы.

Наконец, усиление городской сегрегации и ухудшение социального климата в микрорайонах, где проживают в основном мигранты и представители различных этнических меньшинств, приводят к появлению молодежных сообществ, для которых характерны ранний уход из школы, преступность и безработица. Таким образом, молодые мигранты или потомки мигрантов, чьи семьи обосновались в этих районах, скорее всего, будут сталкиваться с «понижающей» или «нисходящей» ассимиляцией. Чтобы защитить себя от этой опасности, некоторые используют стратегии уподобления, которые называются «выборочными» или «отсроченными». Они считают, что замыкание на свою этническую группу замедляет приобщение иммигрантской молодежи к потребительским ценностям американского общества и препятствует их взаимодействию с неблагополучной молодежью, однако обеспечивая им возможность трудоустройства в местах, которые до этого были заняты их родителями [7].

Молодых мигрантов, прибывших во Францию в юности, часто распределяют в адаптационные классы средней школы, что чаще всего приводит к раннему выходу из школьной системы, к их распределению в дуальное или профессиональное образование с получением свидетельства о профессиональной подготовке (CAP) или, в

лучшем случае, диплома о профессиональном образовании (BEP). Процесс профессиональной интеграции обусловлен конфронтацией, с одной стороны, между ожиданиями и поведением молодых и ограничениями и требованиями рынка труда, чьи правила значительно отличаются от правил школьного мира, с другой.

В исследованиях, проведенных в технологических и интеграционных классах, обнаружилось, что новоприбывшие ученики находят места для стажировок легче, чем их одноклассники, родившиеся во Франции. Многие проходят стажировку в компаниях, руководимых членами своих этнических общин, будь это производство одежды (турки) или торговля (ланкийцы, пакистанцы), но мы также часто отмечали, что ученики-мигранты самостоятельно проходили стажировку в компаниях, не относящихся к их родным общинам. Языковые трудности, которые могли послужить основанием для отказа от их кандидатуры, компенсировались настойчивостью и естественным послушным и уважительным поведением по отношению к работодателю. Наиболее уязвимыми и подверженными расовой дискриминации являются, с одной стороны, низкоквалифицированная молодежь второго поколения и, с другой стороны, высококвалифицированные, но не имеющие нужных связей мигранты неевропейского происхождения последней волны. Если говорить о недавно прибывших мигрантах, для них более характерны феномены эксплуатации и прекарнизации (неустойчивые формы занятости). Сравнительные данные о жизненном пути безработных среди иностранцев и среди потомков мигрантов подтверждают также, что возврат на рынок труда после потери работы сложнее для тех, у кого французское гражданство, чем для тех, кто сохранил гражданство страны происхождения. Аналогичным образом прибытие во Францию в более молодом возрасте не снижает риск столкнуться с безработицей, о чем свидетельствуют немногие исследования, принимающие во внимание возраст по прибытии.

Таким образом, в сравнении с формальными критериями интеграции, такими как гражданство и продолжительность проживания во Франции, во вступлении в мир трудовых отношений более важную роль играют личная предрасположенность и ожидания касательно трудовых отношений и условий труда.

Хотя для молодежи второго поколения все еще существуют классические пути ассимиляции, характеризующиеся совмещением аккультурации и социальной мобильности, исследователи наблюдают рост двух других способов, а именно – ассимиляции с городскими изгоями и экономической интеграции путем создания этнических ниш, сопровождающихся преднамеренным замедлением аккультурации к окружающему обществу.

Для понимания причин, по которым молодые поколения из различных групп иммигрантов придерживаются того или иного из описанных выше способов адаптации, крайне важно учитывать местный контекст, в который они помещены. Глобальные преобразования общества, а также особенности групп, безусловно, опосредованы окружающей средой [8]. Таким образом, чем агрессивнее среда и чем меньше мигранты владеют эко-

номическим и культурным капиталом данного общества, тем больше данное этническое сообщество стремится замыкаться в себе, чтобы оградить самых молодых от неблагоприятной ассимиляции. К примеру, Лагранж отмечает, что эндогамные союзы между потомками мигрантов одного происхождения гораздо чаще встречаются в сегрегированных районах [9. Р. 217].

Растущее навешивание ярлыков и вытекающая из этого социальная изоляция неблагополучных пригородных кварталов заставляют их жителей уйти в себя. Это особенно характерно для молодежи, принадлежащей к видимым меньшинствам, которая испытывает противоречивое давление ассимиляции и дискриминации, потери общинных связей и трудной идентификации с большинством населения. Эти молодые «внутренние мигранты» наделяют свой микрорайон молодежной идентичностью с этническим оттенком, строят для себя территорию, не похожую ни на ту, в которой жили их родители и деды, ни на территорию средних классов вымышленного французского общества, с которым они себя отождествляют лишь наполовину. Это настоящее микрообщество развивается независимо от влияния старших, а группа сверстников выступает в качестве основной единицы социализации для молодых людей, родившихся в принимающей стране [10].

Эта посредническая функция группы сверстников – универсальное явление в адаптации потомков мигрантов во втором поколении, живущих в городской среде, и она встречается в разные эпохи и в разных национальных условиях. Действительно, наблюдается поразительно сходство между описанием, которое дает Г. Ганс о жизни молодых людей итальянского происхождения, живущих в бедном районе Бостона в 1950-е гг., и нашими наблюдениями над группами молодых иммигрантов, проживающих в неблагополучных районах французских пригородов. Гендерное и возрастное распределение, упор на маскулинность, одержимость «репутацией», центральная роль консюмеризма в социальных отношениях между молодыми и чувство отдаленности от среднего класса – все это возникает из появления потомков мигрантов во втором поколении в народных классах, проживающих в районах с высокой концентрацией иммигрантов, а не из копирования какой-либо культуры страны происхождения [11–13].

Попытки восстановить более или менее этническую коллективную принадлежность отличаются от того, что испытывают новоприбывшие мигранты, малознакомые с принимающим обществом. Они все еще ощущают себя в пути, на задворках общества, в котором они не уверены, что останутся, и по отношению, к которому они испытывают смесь благодарности и равнодушия. Они видят принимающую страну как источник ресурсов, а то и как убежище – если спасаются от преследований на родине, но не как место для конфликтов, как его видят потомки мигрантов из Северной или Центральной Африки.

Таким образом, отношения потомков мигрантов и новоприбывшей молодежи к господствующему пространству и французской национальной идентичности принимают диаметрально противоположные формы. Что касается обладания французским гражданством, многие молодые чернокожие или магрибские выходцы

из пригородов считают, что подобное доказательство принадлежности к французскому обществу – обман. Как они говорят, «даже с гражданством в нас всегда видят лишь арабов или негров. О нас судят по кварталу, где мы живем» [14]. Наоборот, некоторые молодые новоприбывшие мигранты выражают желание стать французами не из-за приверженности республиканским идеалам, а для того, чтобы иметь возможность путешествовать в те страны, где проживают другие члены их общин, или потому, что обладание гражданством одной из европейских стран защищает их от гонений при возвращении на родину. Первые не чувствуют себя французами, потому что ощущают себя изгоями во Франции; вторые хотят стать французами, чтобы иметь возможность выехать из Франции.

Когда некоторые молодые, родившиеся во Франции, становятся изгоями из-за этнического происхождения и квартала проживания, отвергают символы национальной идентичности, они на самом деле действуют согласно логике этнического меньшинства. Именно потому, что они являются неотъемлемой частью французского населения, они осуждают ложные представления о доминирующей идентичности, которые якобы не замечают различий. И наоборот, когда новоприбывшие стремятся соответствовать образу «хорошего мигранта», стремящегося влиться в общество, став французом, это часто стратегическое поведение, направленное на поиск безопасности и благополучия, которое является свойственным новоприбывшим и относится к миграционной логике [15].

Новоприбывшие мигранты демонстрируют относительную готовность приспособиться к требованиям французского общества, поскольку рассчитывают получить некоторые преимущества в виде социального роста во Франции или на родине. Наоборот, некоторые разочарованные молодые люди второго или третьего поколения претендуют на культурное своеобразие и отказываются проявлять признаки требуемой «хорошей» интеграции, потому что, по их мнению, жертвы, на которые пошло поколение их родителей, не были вознаграждены подъемом по социальной лестнице и ожидаемым признанием.

Из-за их дистанцирования от принимающей страны отношение новых мигрантов к французскому обществу менее проблематичное, чем у жителей пригородов – потомков мигрантов из бывших колоний. У первых трудности и препятствия в интеграции пока еще не воспринимаются как признаки стигматизации. Принимающая страна все еще расценивается как кладезь возможностей, из которой новоприбывшие собираются извлечь максимальную выгоду, а не как место для конфликтов и изоляции. Проблемы, с которыми сталкиваются молодые новоприбывшие мигранты, обусловлены их непониманием институтов и членов общества, а не тем, как на них смотрят.

Особенности конструирования идентичности новоприбывшими и потомками мигрантов

Эта ситуация иллюстрирует классическую проблематику иностранца-мигранта. Процесс эмансипации,

сопровождающий миграцию, приводит к дилемме «маргинального человека», как это назвал давно Р. Парк [16]. Мигрант, еще не прошедший процесс интеграции в принимающее общество, но все более отдаленный от своего родного общества, особенно если он молод, попадает в положение «между двух огней», в ситуацию неопределенности, которая противопоставлена ситуации представителей ассимилированных этнических меньшинств. Таким образом, именно иностранец теряет свои корни, а не представитель этнического меньшинства, который часто слишком укоренен, слишком крепко отождествляет себя со своим происхождением или местом проживания. Чувство непохожести, отстраненности от мира и растерянности в связи с многообразием совершаемых выборов, которые испытывает предоставленный самому себе в незнакомой среде мигрант, отличается от чувства отстраненности от себя самого, испытанное заклеянным представителем этнического меньшинства, уникальность которого подвергается угрозе из-за давления негативного социального статуса и применяемых к нему стереотипов.

Для мигранта характерны изгнание и потеря корней, а представитель этнического меньшинства является заложником своего социального положения. Мигрант – тот тот, кто не на своем месте, кого не знают, кого не понимают и с которым в принципе не находят общего языка. Он по сути своей чужой. Представитель этнического меньшинства, напротив, – это тот, кого слишком хорошо знают, о котором полагают, что знают все, чей язык слишком закодированный, одновременно знакомый и подозрительный.

В то время как мигрант появляется как своего рода «чистый лист», представителю меньшинства всегда предшествуют его имидж и репутация в обществе. Мигрант – призрак, а представитель меньшинства – символ. И тогда как отношение к иностранному мигранту объективно и универсально, поскольку единственное, что объединяет нас с ними – это наша принадлежность к человеческому роду, отношение к представителям меньшинств очень своеобразно и всегда тесно связано с совместной, болезненной и часто замалчиваемой историей: рабством, колонизацией, депортацией. Иными словами, мы с ним разделяем историю, которая его предопределяет. Но в той мере, в которой мы отказываемся признавать, что эта история и наша тоже, и брать на себя ответственность за ее последствия, эти последствия обретают реальность, становятся причиной неразрешимого различия между ними и нами.

Представитель меньшинства ставит под сомнение систему изнутри, потому что в нем воплощены ее противоречия. Именно несоответствия между провозглашенными ценностями равенства и дискриминаций в реальности, между теорией и практикой и предопределяют представителя меньшинства. Во Франции его положение раскрывает напряженность между позитивной, республиканской и универсальной концепцией национальной идентичности и темной стороной этой же идентичности, в которой сознательно умалчиваемые этнические и расовые аспекты могут вернуться в любой момент [17]. Наоборот, мигрант подвергает сомнению систему извне, потому что пытается понять и

разгадать ее, овладеть основами и осмыслить противоречия и исключения [18].

Понимание того, как функционирует принимающее общество, позволяет иногда мигранту объединить ресурсы, которые он получает здесь, с теми, которые он привез с собой. Он потенциально выступает как расчетливый стратег, например, когда внешне принимает правила, но лишь для того, чтобы извлечь из них выгоду. Представитель же меньшинства потенциально является бунтарем, поскольку он может преодолеть свою неполноценность, только осуждая лицемерие двойных стандартов, жертвой которых становится в первую очередь.

Проводя различие между опытом двух типов молодых иммигрантов, мы надеемся, что нам удалось пролить свет как на риски маргинализации, так и на ресурсы изобретательности и стойкости, которыми характеризуются эти две категории. В своей самой негативной форме опыт мигранта можно свести к испытанию экономической чрезмерной эксплуатации, к «деморализации» [19] из-за жизни на чужбине, или же к подчинению себя сообществу соотечественников и его традиционной иерархии. И наоборот, опыт миграции может привести к индивидуальной раскрепощенности, при которой сочетаются сильное чувство принадлежности и раскованная культурная идентичность, толкающая к принятию на себя ответственности перед общиной и ознакомлению окружающего общества с ее особенностями. Участие в культурных ассоциациях, «этническое» просветительство, направленное на модернизацию и раскрытие общины происхождения, являются выражением такого конструктивного подхода.

Стигматизация представителя этнического меньшинства может, с одной стороны, привести к его подчинению группе сверстников и ее кодексу поведения, к принятию позиции «живущего на пособие» и к отторжению принимающего общества [20]. С другой стороны, она может быть преобразована в мобилизацию, в культурное творчество, сочетающее элементы наследия предков и современной молодежи, а также в активную гражданскую позицию, направленную на преобразование местной обстановки на уровне жизни микрорайона.

Для того чтобы выделиться, представитель этнического меньшинства должен в конце концов избавиться от того образа, который общество ему приписывает. Задача для него состоит в том, чтобы отдалиться от расового образа с тем, чтобы построить собственную идентичность, преодолев отношения господства и эксклюзии, и проецировать себя в будущее, которое не будет повторением настоящего. Мигрант, наоборот, всегда рискует остаться слишком далеким от настоящего, живя мыслями о другом месте, постоянно думая о возвращении на родину. Поэтому перед ним стоит вопрос о том, чтобы выстроить отношения с внешней позиции, найти общий язык, позволяющий ему ознакомить принимающее общество со своей исключительной историей и культурой. Если для первых трудность состоит в том, чтобы отдалиться от непосредственной реальности, то для вторых настоящим испытанием является участие в ней здесь и сейчас.

ЛИТЕРАТУРА

1. INED-INSEE, Trajectoires et origines. Enquête sur la diversité des populations en France. Premiers résultats, Octobre 2010, Document de travail, n° 168.
2. Schiff C. Beurs et Blédards, le Bord de l'Eau. 2015. 260 p.
3. Sampson R.J. Immigration and America's Urban revival // *The American Prospect*. 2015. P. 22–24.
4. Immigrant Adaptation and Native-born Responses in the Making of Americans // *International Migration Review*. 1997. Vol. 31.
5. Safi M. Le processus d'intégration des immigrés en France: inégalités et segmentation // *Revue Française de Sociologie*. 2006. Vol. 47, № 1.
6. Pones A., Zhou M. The New Second Generation: Segmented Assimilation and its Variants // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993. Vol. 530, № 1. P. 74–96. DOI: 10.1177/0002716293530001006
7. Gans H. Second-generation decline: scenarios for the economic and ethnic futures of the post-1965 American immigrants // *Ethnic and Racial Studies*. 1992. Vol. 15, № 2.
8. Zhou M. Social Capital and the Adaptation of the Second Generation: The Case of Vietnamese Youth in New Orleans // *International Migration Review*. 1994. Vol. 28, № 4. P. 842–843.
9. Lagrange H. Le déni des cultures. Paris; Seuil, 2010. 350 p.
10. Foot Whyte W. Street Corner Society La structure sociale d'un quartier italo-américain: Paris, La Découverte/Poche, 2002. Première édition 1943.
11. Lepoutre D. Cœur de banlieue: Codes, rires et langages. Paris : Odile Jacob, 1997.
12. Lapeyronnie D. Ghetto urbain. Ségrégation, violence, pauvreté en France aujourd'hui. Paris : Robert Laffont, 2008.
13. Mohammed M. La formation des bandes. Entre la famille l'école et la rue. Paris : PUF, 2011.
14. Ribert E. Liberté, égalité, carte d'identité. Paris : La Découverte, 2006.
15. Simmel G. Digressions sur l'étranger / Y. Grafmeyer, I. Joseph (eds.). L'école de Chicago. Naissance de l'écologie urbaine, ed. Du Champ Urbain. 1979.
16. Park R. Human Migration and the Marginal Man // *The American Journal of Sociology*. 1928. Vol. 33, № 6.
17. Weil P. Liberté, égalité, discriminations. L'identité nationale au regard de l'histoire. Paris : Gallimard, coll. «Folio Histoire», 2009.
18. Schütz A. The Stranger. An Essay in Social Psychology // *Collected Papers II. Studies in Social Theory*. The Hague, Martinus Nijhoff, 1964.
19. Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. New York : Alfred A. Knopf Inc., 1927.
20. Castel R. La discrimination négative. Citoyens ou indigènes? Paris : Seuil, la République des idées, 2007.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 12 ноября 2020 г.

Same Origins, Different Destinies: New Migrants vs Descendants of Migrants

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 103–109.

DOI: 10.17223/15617793/462/13

Claire Schiff, Université de Bordeaux (Bordeaux, France) E-mail: claire.schiff@u-bordeaux.fr

Michèle Debrenne, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: micheledebrenne@gmail.com

Keywords: France; immigration; acculturation; migrants' descendants.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the French Fondation Maison des Sciences de l'Homme, Project No. 18-510-22001.

The article sheds light on certain peculiarities of immigration to France, which has become a multicultural country. The authors explain how the destinies of two categories of “immigrant” youth differ. The first are the “beurs”, children and grandchildren of migrants who arrived in France during the 1960s and 1970s, generally from the Maghreb. The second are the “blédards”, who migrated themselves from these countries during adolescence with their parents or in the framework of family reunification. After a short description of the successive waves of migration which have regularly reached France and a terminological clarification on the meaning of the words “foreigner” and “migrant”, the authors show how the trajectories of those who are French citizens, know the language and have attended the school system from the start differ from those of newcomers, although the two groups are often confused. The article presents analysis from the theoretical works devoted to the study of different waves of migration, in the USA and in other countries, then focuses on a presentation of the educational trajectories of the new arrivals and those of the descendants of migrants. Particular attention is paid to migrants' adaptation to the labor market. Newcomers have less difficulty finding an internship than their classmates born in France. They are also more easily exploited, because they compensate their poor French language adopting a deferential attitude towards employers. When unemployed, they often find a job more easily than the descendants of migrants by relying on ethnic niches and networks of fellow citizens. The article underlines the role of the social environment in determining adaptation paths which can lead to acculturation and social mobility, to assimilation within a marginalized urban environment, or to economic integration into ethnic niches. The more hostile the environment and the less the migrants are adapted to the country's economic and cultural codes, the more the ethnic community tends to rely on itself in order to protect its children from a form of assimilation seen as harmful. Finally, the authors present the different attitudes of young people from the two groups towards the host society. For the descendants of migrants, it is common to assimilate to groups of young people in low-income neighborhoods and to copy the behavioral pattern characteristic of the inhabitants of these neighborhoods with a high concentration of immigrant and minority populations. When they are victims of stigmatization because of their ethnic origin or their neighborhood of residence, these young people become very critical, sometimes adopting oppositional attitudes to the French society to which they belong. On the other hand, newcomers struggle to find their place, as they still feel in transit, are not necessarily sure to stay in the country which they see as a haven comparing to the difficult living conditions of their native country.

REFERENCES

1. Simon, P., Beauchemin, C. & Hamel, C. (2010) INED-INSEE, Trajectoires et origines. Enquête sur la diversité des populations en France. Premiers résultats. Octobre 2010. Document de travail, n° 168.
2. Schiff, S. (2015) *Beurs et Blédards*. Le Bord de l'Eau.
3. Sampson, R.J. (2015) Immigration and America's Urban revival. *The American Prospect*. Summer. pp. 22–24.
4. *International Migration Review*. (1997) Immigrant Adaptation and Native-born Responses in the Making of Americans. 31.

5. Safi, M. (2006) Le processus d'intégration des immigrés en France: inégalités et segmentation. *Revue Française de Sociologie*. 47 (1).
6. Pones, A. & Zhou, M. (1993) The New Second Generation: Segmented Assimilation and its Variants. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 530 (1). pp. 74–96. DOI: 10.1177/0002716293530001006
7. Gans, H. (1992) Second-generation decline: scenarios for the economic and ethnic futures of the post-1965 American immigrants. *Ethnic and Racial Studies*. 15 (2).
8. Zhou, M. (1994) Social Capital and the Adaptation of the Second Generation: The Case of Vietnamese Youth in New Orleans. *International Migration Review*. 28 (4). pp. 842–843.
9. Lagrange, H. (2010) *Le déni des cultures*. Paris: Seuil.
10. Whyte, W.F. (2002) *Street Corner Society: La structure sociale d'un quartier italo-américain*. Paris: La Découverte/Poche.
11. Lepoutre, D. (1997) *Cœur de banlieue: Codes, rires et langages*. Paris: Odile Jacob.
12. Lapeyronnie, D. (2008) *Ghetto urbain. Ségrégation, violence, pauvreté en France aujourd'hui*. Paris: Robert Laffont.
13. Mohammed, M. (2011) *La formation des bandes. Entre la famille l'école et la rue*. Paris: PUF.
14. Ribert, E. (2006) *Liberté, égalité, carte d'identité*. Paris: La Découverte.
15. Simmel, G. (1979) Digressions sur l'étranger. In: Grafmeyer, Y. & Joseph, I. (eds.). *L'école de Chicago. Naissance de l'écologie urbaine*. Ed. Du Champ Urbain.
16. Park, R. (1928) Human Migration and the Marginal Man. *The American Journal of Sociology*. 33 (6).
17. Weil, P. (2009) *Liberté, égalité, discriminations. L'identité nationale au regard de l'histoire*. Paris: Gallimard. Coll. "Folio Histoire".
18. Schutz, A. (1964) The Stranger. An Essay in Social Psychology. In: *Collected Papers II. Studies in Social Theory*. The Hague: Martinus Nijhoff.
19. Thomas, W. & Znaniecki, F. (1927) *The Polish Peasant in Europe and America*. New York: Alfred A. Knopf Inc.
20. Castel, R. (2007) *La discrimination négative. Citoyens ou indigènes?* Paris: Seuil, la République des idées.

Received: 12 November 2020

ИСТОРИЯ

УДК 9.93/94

К.А. Анкушева

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА НИКОЛАЯ II В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Анализируются источники информации, которые формируют образ императора Николая II в исторической памяти, обращается внимание на их растущее многообразие, изучается содержательная сторона. Объектом рассмотрения являются научные труды, учебная литература, информационные ресурсы, коммеморативные практики, музейное пространство и иные визуальные источники. Определяются наиболее доступные каналы поступления информации, основные составляющие образа последнего российского императора.

Ключевые слова: образ; историческая память; история; музей; Николай II.

Образ семьи последнего российского императора, несмотря на смену эпох, вызывает большой интерес. Фигура Николая II в настоящее время воспринимается весьма неоднозначно: можно констатировать наличие в обществе широкой палитры оценок, отсюда многочисленные дискуссии, которые разгораются с новой силой каждый раз, когда появляется очередной информационный повод. Основными раздражителями памяти зачастую выступают сигналы, исходящие из средств массовой информации: анонсы юбилейных дат, премьеры фильмов и т.д. Содержание исторической памяти новых поколений, по мнению И.В. Кутыковой, раскрывается в том числе через «вопросы исторической личности» [1. С. 8].

В отличие от исторической науки, которая опирается на принцип объективности, стремится к достоверности, память обращена в основном к эмоции и аффекту – она не является «ни подлинным, ни точным знанием, но всегда будет убедительной, запоминающейся и мобилизующей» [2. С. 5]. В процессе формирования как индивидуальной, так и коллективной исторической памяти происходит отбор и некоторая трансформация знаний о событиях и людях. Это происходит по разным причинам, в том числе в связи с введением в научный оборот новых документов и, соответственно, фактов, а иногда и как следствие изменения подходов к интерпретации уже имеющихся данных, путем наложения одних оценок на другие, тем более что наиболее доступным и популярным источником информации зачастую приписывается излишне документальный характер. Рассматриваемый в данной статье сюжет истории является одним из тех, которые формируют нашу коллективную память. Она, в свою очередь, способствует выработке государственной идентичности. В этой связи большое значение имеет рассмотрение вопроса о формировании образа Николая II в историческом контексте.

В дореволюционную эпоху, как считает Н.М. Таирова, самыми значимыми в формировании общественного мнения относительно Николая II и, соответственно, его образа были наиболее весомые и принципиальные документы: Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка (Манифест 17 октября 1905 г.), документы об учреждении Государственной Думы.

Указанные акты, продолжает автор, «стали началом конца династии дома Романовых» [3. С. 190]. События Первой русской революции и ее политические последствия оценивались современниками неоднозначно. Консервативные силы оставались сторонниками самодержавия, однако отдельные группы российского общества целенаправленно подрывали устоявшийся стереотип власти Николая II как помазанника Божьего. Более того, «образ личной жизни царя и его многочисленных родственников... приобретает публичный характер» [3. С. 193]. В связи с этим образ самого Николая II формируется под влиянием не только его собственных поступков, но и действий остальных членов императорской семьи, более того, приближенных к ним особ. Так, В.Ю. Карнишин, анализируя события празднования 300-летия дома Романовых и ссылаясь на мемуариста, констатирует, что «воодушевления у народа не было» (цит. по: [4. С. 7]). Дальнейшие события, такие как вступление России в Первую мировую войну и последовавшие за этим внешнеполитические неудачи, а также Февральская и Октябрьская революции только усугубили ситуацию.

Советский период, в соответствии с духом времени, характеризовался конструированием модели исторической памяти на основе разрушения идеологических основ православия и святости монархии, в том числе через карикатуризм образов царской власти (Николая Кровавого, царя-убийцы) [5. С. 122]. Во многих работах подчеркивалась неразрывная связь образа Николая II и самодержавия: «Царь... дал понять, что “единение” его со “всей Русью” должно отвечать “самобытным русским началам”. Это было, конечно, все то же самодержавие!» [5. С. 127]. Ю.Ф. Горбунова связывает всплеск интереса к личности Николая II с эпохой гласности. Причем, большая часть работ, опубликованных в то время, «была посвящена даже не столько жизни и царствованию последних Романовых, сколько трагической предыстории и страшным подробностям их смерти» [6. С. 14]. Новая общественно-политическая реальность, широкие возможности, которые были ею предоставлены, подтолкнули некоторых авторов следовать конъюнктурному порыву – «перекроить» историю. В этих обстоятельствах, когда сомнению подвергались сами основы государственного устройства, фи-

гура последнего российского императора стала объектом пристального внимания исследователей, представляющих самый широкий спектр гражданской позиции.

Ученые критично оценивают последовавшую позже «подмену “карикатурного образа” на “иконографическое изображение святого новомученика”» [6. С. 15]. Дискуссия об императоре Николае II, его внутренней политике, роли в истории России, является только частью более глубокой проблематики – о судьбе России, выборе политического курса и пути исторического развития. При этом образ Николая II неразрывно связан с образом российской монархии, остается его неотъемлемым элементом. Эта устойчивая ассоциация сохраняет актуальность и в наши дни.

В настоящее время мы можем четко выделить наличие двух основных тенденций в оценке личности Николая II: критическую и апологетическую. В.А. Апрелева систематизирует их в своей работе, посвященной феноменологии отечественного дискурса о личности Николая II [7. С. 217]. По мнению автора, критическая позиция формировалась в России и в Америке, и главной ее целью было развенчание Николая II как человека и государственного деятеля; одна из причин – стремление оправдать победу Октябрьской революции. Сторонники этой позиции склонны считать, что личность Николая II и его правление сыграли фатальную роль в крушении монархии, в утрате мистического значения государя в русской жизни. Так называемая апологетическая тенденция свойственна русской монархической эмиграции. Сущность монаршего служения Николая II в рамках этого подхода приобретала почти мистическое свойство, монархия – Божьей милостью отражение небесного милосердия, государь – «жалующий, милующий, прощающий, но требующий исполнения гражданского долга» [7. С. 218]. Тема вины является одной из центральных в эмигрантском повествовании. Жизнь Николая II, согласно этой традиции, рассматривалась «как крестный путь России, как судьба истинного православного христианина, погибшего как святой мученик за Россию и православную веру» [7. С. 219]. Император предстал как инициатор многих экономических и социальных реформ, стремящийся вести империю к прогрессу. Указанные тенденции сохраняются, и появляющиеся работы – как научные, так и популярные труды – лишь подтверждают это.

Придание императору Николаю II статуса страсто-терпца вызвало дискуссии в кругах духовенства, более того, оказалось в фокусе научных изысканий. Священник Игорь Лысенко, обращаясь к теме благочестия императора, пытается исследовать сакральную оценку его личности. Он, ознакомившись «с корпусом житийной литературы, показывает, что в ней традиционно нет места для подробного описания периода безблагодатной жизни будущего святого» [8. С. 88], «то есть исключается все не имеющее отношение к подвигу» [8. С. 89]. В отличие от указанной выше сложившейся традиции в ситуации с Николаем II мы наблюдаем принципиально иную ситуацию. Его жизнь и как государственного деятеля, и как семьянина оказалась в фокусе научных и иного рода изысканий и детально изучается. Трагедия на Ходынке и Кровавое воскресенье 9 января

1905 г., отношения царской семьи и Г.Е. Распутина, акт отречения императора от престола и последующие события до сих пор остаются «болевыми точками», вокруг которых ведутся споры. Точкой отсчета восшествия императора Николая на страстотерпческий путь называется «подвиг, явленный в страданиях, перенесенных царской семьей в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине в Екатеринбург» [8. С. 89].

Безусловно, появляются все новые, вполне мирские штрихи к портрету, элементы образа Николая II. О.В. Бабенко в своей рецензии на монографию П.В. Мультатули акцентирует внимание читателя на внешней политике императора: «Николай II был инициатором первой в истории конференции по разоружению – Гаагской конференции 1899 года» [9. С. 113–114]. Самым значимым ее итогом была конвенция о мирном разрешении международных столкновений. Автор монографии высоко оценивает духовно-нравственные основания внешней политики Николая II [10]. Внутренняя политика последнего российского императора также является объектом исторического исследования. Авторы стремятся найти новые сюжеты, в том числе актуальные с точки зрения современных проблем экономики. Так, В.Д. Фетисов опубликовал ряд работ, в которых формируется образ Николая II как законодателя, собственника и руководителя экономики России. Названия говорят сами за себя: «Финансовый менеджмент императора Николая II», «Оценка стоимости и роль имущества российского императора Николая II». И здесь автор упоминает большую роль императрицы [11]. В целом он приходит к выводу о «крайней неэффективности внутреннего и внешнего финансового менеджмента Николая II и его половинь» [11. С. 181]. Популярная в современной науке проблематика детства рассматривается и в контексте истории царской семьи. Так, В.В. Абраменкова в своей работе «Царские игрушки как инструмент семейного воспитания династии Романовых (к 400-летию Дома Романовых)» приводит цитату учителя царевича Алексея, «что государь Николай II для своих детей был одновременно Царем, отцом и товарищем»; обращает внимание, что игрушки, особенно царевича Алексея, были преимущественно безопасными [12. С. 77]. При наличии научных публикаций, касающихся самых разных сюжетов истории императора Николая II, ими далеко не полностью исчерпываются источники формирования его образа.

Е.А. Ростовцев и Д.А. Сосницкий специально изучали вопросы исторической памяти в России. Их интересовали в первую очередь императоры Павел I и Александр I [13]. Обозначенные авторами подходы представляют для нас определенный интерес. Одним из инструментов политики памяти они считают музеи. В этом отношении авторы высоко оценивают потенциал музейного пространства в деле формирования национальной и региональной идентичности, а также туристического проекта [14. С. 111]. Помимо экспозиционно-выставочной деятельности, музеи активно ведут просветительскую работу, используя форматы лекций, конференций и т.д. Из последних событий в Тюмени, по содержанию относящихся к интересующей

нас теме, в качестве примеров можно указать Краеведческие чтения «К 100-летию пребывания императорской семьи Николая II в Тобольской губернии» (Тюмень – Тобольск, 2017), лекцию «Император Николай II. Трагедия непонятого Самодержца» (Тюмень, 2018) и др.

В данном контексте особую актуальность приобретает механизм коммеморации, который подразумевает мобилизацию памяти о том или ином объекте, событии, человеке, исторической общности. В качестве примеров воплощения коммеморативных практик можно указать мемориалы, публичные праздники, юбилеи и т.д. Нередко они бывают связаны с трагическими событиями, тогда их можно рассматривать и как механизм преодоления травмы памяти. В последнее время данный сюжет становится объектом внимания специалистов разных областей знаний, в числе которых психологи и антропологи. Практика мемориализации людей, погибших трагически, коснулась и семьи последнего российского императора.

Примером обращения к памяти о событиях, связанных с именем Николая II, является национальный туристический проект «Императорский маршрут», который будет проходить по городам Санкт-Петербург, Царское Село, Москва, Псков, Киров, Пермь, Омск, Екатеринбург, Алапаевск, Тюмень, Тобольск. Проект реализуется при поддержке Министерства культуры Российской Федерации, Елисаветинско-Сергиевского просветительского общества, Ассоциации туроператоров России, Департамента потребительского рынка и туризма Тюменской области, а также ГАУ ТО «Агентство туризма и продвижения Тюменской области». Цель проекта – возрождение основ историко-культурной и духовной составляющей России, ее достижений в период правления династии Романовых, – по сути, формирует образ императора Николая II в исторической памяти. Предполагается, что указанный маршрут расскажет о том, как жила, хранила высокие традиции благочестия семья последнего императора, о членах императорской семьи – щедрых меценатах и неутомимых благотворителях [15]. Тобольско-Тюменская часть маршрута была представлена сотрудниками Тюменского музейно-просветительского объединения в 2017 г.

Эффективно работает следующий прием – популярная художественная литература и публицистика. Такие тексты имеют существенно более продолжительный срок жизни в социуме, чем фильмы, газетная публицистика и т.п. Довольно свободный доступ к такого рода источникам впечатляет многообразием предложений: воспоминания С.Ю. Витте и «Нечистая сила» В. Пикуля, «Цареубийца. Маузер Ермакова» Ю.А. Жука. [16–18]. Указанные произведения можно легко найти в библиотеке, в книжном магазине, а также легко ознакомиться с ними в электронном формате.

Учебники в формировании образа эпохи, в том числе Николая II, «важны не только по причине максимально широкой читательской аудитории, но и потому, что в них в определенной степени нашли отражение и наиболее распространенные и популярные в исторической науке концепции» [13. С. 245]. Довольно типичным является обращение к образу императора-

семьянина. Во многих учебных изданиях акцент ставится на трагической гибели семьи: «Ясно, однако, что Николай II не был создан для государственных дел, хотя относился к ним добросовестно. Он был создан для семьи, для домашнего уюта... с тем же стоическим спокойствием встретил он и роковой конец своего царствования, свою смерть и смерть своих близких» [19. С. 187]. В чуть более позднем издании учебника уже для 11 класса авторы пишут: «Решением местных советских властей бывший российский самодержец, его жена, дети были расстреляны. Эта казнь стала символом аморальности, жестокости революции...» [20. С. 19]. В целом современная учебная литература демонстрирует стремление к формированию образа Николая II не только как государственного деятеля, последнего российского императора, но и как человека, семьянина.

Все большее значение в актуальном информационном пространстве приобретают сетевые ресурсы. Отношение к ним представителей академической науки, да и людей, не являющихся профессиональными историками, неоднозначное. С одной стороны, интернет предоставляет нам широчайшие возможности поиска информации и доступа к ней. С другой стороны, давно стало очевидно, что наполнение контента происходит зачастую стихийно, его создатели и пользователи не всегда осознают степень ответственности за размещение своих материалов. Все это создает своеобразную социокультурную ситуацию, когда наполнение информационных ресурсов происходит по многоканальному пути, и их содержание нередко подлежит постоянной трансформации за счет внесения изменений, размещения комментариев.

В контексте рассматриваемого вопроса нас в большей степени интересуют информационные ресурсы с материалами исторического характера. Многие из них являются не только источником научных знаний, но и «отражением исторических представлений большей части общества, так как содержат положения, признанные профессиональным историческим сообществом, которые, в свою очередь, откорректированы рядовыми пользователями-неисториками...» [13. С. 247]. По мнению А.В. Матецкой, «медиа способствуют популяризации и легитимации “альтернативных” взглядов на историю, часто имеющих очень отдаленное отношение к исторической науке» [21. С. 262]. В этой ситуации мы наблюдаем, с одной стороны, популяризацию истории, а оборотной стороной в ряде случаев являются процессы ее мифологизации и даже искажения в сети.

В рамках интересующей нас проблематики можем обратиться к российскому сегменту интернета, к своеобразным виртуальным местам памяти о прошлом. Довольно часто объектом их внимания становится фигура Николая II. Довольно критично она оценивается на сервисах Хронос и Энциклопедия Кругосвет, более лояльно – в Википедии. «Хронос» дает такую характеристику: «Безвольный и упрямый, склонный к мистицизму, наивно убежденный в народной любви и преданности, Николай II сам любил лишь свою семью...» [22]. Энциклопедия «Кругосвет» отмечает: «Николай не жаловал людей, превосходивших его умом и твер-

достью характера» [23]. Сервис «Википедия» содержит значительный объем информации о Николае II, в большей степени акцентируя внимание на событийном характере ее изложения. В то же время ресурс предоставляет читателю широкий спектр оценок императора. Соответствующим образом называются разделы: «Личностные оценки знавших его современников», «Различные мнения о силе воли Николая II и его доступности влияниям окружения» [24]. Таким образом, однозначно можно сказать, что популярные информационные ресурсы публикуют данные как об эпохе, когда царствовал Николай II, так и о его личности. Однако в объеме, содержании и характере изложения материалов мы можем заметить существенные различия.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать многообразие открытых источников информации. Их систематизируют на основе разных принципов классификации. Например, Л.Н. Мазур в своей работе приводит своеобразный рейтинг каналов информации для формирования исторической памяти. На 2016 г. лидирующие позиции занимают (по нисходящей): уроки истории в школе; лекции в университете; документальные и научно-популярные фильмы; научная и научно-популярная литература; музеи, выставки, мемориальные комплексы; художественная литература; художественные фильмы; тематические телепередачи или радиопередачи; интернет-сайты [25. С. 253].

Отдельно хотелось бы указать визуальные источники как средство формирования образа императора Николая II. Причем в их число входят не только весьма популярные фотографии семьи императора. Масштаб личности Николая II настолько значителен, что его имя само по себе становится объектом внимания. Оно используется не только как широко известное имя собственное, но и как своеобразный символ вполне определенных событий, черт характера и т.д. В настоящее время, как, правда, и ранее, образ Николая II широко узнаваем и представляет собой воплощение определенного комплекса представлений и ценностных характеристик. Это находит отражение в информационном пространстве и даже в коммерческой деятельности, когда образ используется для тиражирования, например, в рекламных целях, для привлечения внимания (памятные монеты, упаковка товаров, сувенирная продукция и т.д.).

С начала 2000-х гг. на улицах разных российских городов периодически можно увидеть баннеры с изображением царской семьи и текстами, например: «Прости нас, Государь!», «Ты прости, Государь, чад заблудших своих и за нас помолись перед Богом!». Мы все чаще замечаем, что «с ненавязчивой принудительностью городской ландшафт используется как инструмент, формирующий мысли, эмоции и даже тела людей» [26. С. 127]. Подобная форма подачи материала рассчитана на широкую целевую аудиторию и играет немаловажную роль в формировании образа императора Николая II.

Воспринимая информационный поток, мы формируем свой образ тех или иных событий, явлений, исторических личностей. Эффективными для изучения результатов воздействия информации на историческую

память являются методы и приемы социологии. Особый интерес представляет рассмотрение подобного рода материалов в динамике. И.В. Кутыкова приводит данные исследования исторического сознания, которое проводилось при участии учащейся молодежи в 2006, 2010 и 2013 гг. Согласно полученным результатам, у большинства респондентов свой герой в истории. В соответствии с тем, как часто упоминалось то или иное имя, лидирующие позиции заняли политические деятели. Вполне предсказуемо, что в их числе, наряду, например, с Иваном Грозным, Петром I и Александром III, княгиней Ольгой, Елизаветой Петровной и Екатериной II, а также И.В. Сталиным, указано имя Николая II. Второе место заняли известные полководцы, следующее – выдающиеся деятели культуры [1. С. 8–9].

В 2009 г. по интересующей нас теме были опрошены 1 600 человек в возрасте от 18 лет в 20 субъектах Российской Федерации. При ответе на открытый вопрос о событиях российской истории, которые вызывают чувства горечи и стыда, имя Николая II упоминается после репрессий и развала СССР, на 11-м месте из 20 имеющихся позиций. На вопрос: «Как Вы оцениваете роль личности в судьбе России?» ответы о Николае II дали следующие результаты: в основном положительная – 32,7%, незначительная – 28,8, в основном отрицательная – 12,2, затруднились ответить – 26,3%. Из 32 персоналий, названных респондентами, Николай II занял восьмую позицию, при этом первую – Петр I, вторую – А.С. Пушкин, третью – И.В. Сталин, Г.Е. Распутин – 29-й [27. С. 44–52]. Это подтверждает положение о том, что имя Николая II до сих пор продолжает удерживаться исторической памятью, ассоциируется с трагическими событиями в истории нашей страны, а его правление оценивается неоднозначно.

В рамках подготовки материала автором был проведен опрос студентов второго курса направления 46.03.01 «История». Обучающихся попросили сформулировать три первые ассоциации с именем императора Николая II. Анализ и систематизация полученных данных дали следующие результаты: по повторяемости на лидирующих позициях варианты «семьянин» и «революция» – по 10 ответов, затем последний российский император – 9; отречение от престола, «кровавое воскресенье» и «трагедия царской семьи» – по 8; реформы – 6; мягкость характера – 5; благородство характера, патриотизм и художественный фильм «Матильда» – по 3; Первая мировая война, монархия, неудачи в политике, хорошая команда в лице С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, влияние супруги и пребывание в г. Тобольске – по 2; православие, «За веру, царя и Отечество!», болезнь сына и Г.Е. Распутин – по 1. В общем курсе истории или истории России и тем более в рамках профильных дисциплин по истории, посвященных соответствующей эпохе, фигура Николая II остается объектом пристального внимания. Помимо изучения конкретно-исторического материала, вызывает интерес вопрос о роли личности в истории. Имя императора ассоциируется прежде всего с драматическими событиями прошлого нашей страны. Но в то же время прослеживается связь с семейными ценностями.

Эпоха и сама личность Николая II вызывает большой интерес у современников, является символом

эпохи. Общество располагает многочисленными и разнообразными источниками, каналами поступления информации. Это, с одной стороны, позволяет получить практически неограниченный доступ к материалам, в том числе оценочного характера, а с другой – в значительной степени затрудняет формирование единого образа. Он характеризуется многоплановостью и многогранностью: царь, муж, отец, православный, мученик, последний русский импера-

тор. И в каждом аспекте исторической памяти большую роль играет его семья: «царская семья», «семья последнего русского императора», «идеал православной семьи» и т.д. Судьба семьи, особенно детей, вызывает сочувствие. Пожалуй, это тот элемент в образе Николая II, который не вызывает принципиальных разногласий и не зависит от пола, возраста, политических убеждений и иных характеристик аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кутыкова И.В. Историческая память нового поколения в условиях социокультурной трансформации // Труды Санкт-Петербургского института культуры. 2015. Т. 208, ч. 2. С. 7–15.
2. Агирре Рохас К.А. Память, контр-память и забвение: борьба за память в Мексике 2016 года // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики : материалы междунар. науч. конф. / под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцевой. М. : Аквилон, 2016. С. 3–5.
3. Таирова Н.М. Общественное мнение начала XX в. и падение авторитета царского режима в России // Управленческое консультирование. 2015. № 5 (77). С. 187–195.
4. Карнишин В.Ю. 300-летию дома Романовых: за фасадом официального празднования // Известия высших учебных заведений. Поволжский район. 2013. № 1 (25). С. 5–10.
5. История СССР с древнейших времен до наших дней. Серия первая. Т. VI: Россия в период империализма (1900–1917). М. : Наука, 1968. 856 с.
6. Горбунова Ю.Ф. Изучение личности и государственной деятельности императора Николая II в современной отечественной историографии: реальность и перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 289. С. 14–31.
7. Апрелева В.А. Феноменология отечественного дискурса о личности Николая II // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6 (16). С. 217–221.
8. Священник Игорь Лысенко. Благочестие императора страстотерпца Николая II как предмет исследования // Христианское чтение. 2017. № 1, ч. I. С. 87–105.
9. Бабенко О.В., Мультигули П.В. Внешняя политика императора Николая II (1894–1917). М. : ФИВ, 2013. 840 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. 2014. № 2. С. 111–117.
10. Мультигули П.В. Внешняя политика Императора Николая II (1894–1917). М. : ФИВ, 2013. 840 с.
11. Фетисов В.Д. Финансовый менеджмент императора Николая II // Символ науки. 2015. № 10. С. 177–181.
12. Абраменкова В.В. Царские игрушки как инструмент семейного воспитания династии Романовых (к 400-летию Дома Романовых) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2014. № 1 (32). С. 70–80.
13. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Павел I и Александр I в исторической памяти российского общества конца XX – начала XXI в.: на материале нарративных источников // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Всеобщая история. 2012. № 11. С. 241–256.
14. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2014. Вып. 2, № 2. С. 106–126.
15. Национальный туристический проект Императорский маршрут. URL: <http://императорскиймаршрут.рф/> (дата обращения: 29.03.2018).
16. Витте С.Ю. Избранные воспоминания: 1849–1911 : в 2 т. М. : ТЕРА, 1997.
17. Жук Ю.А. Цареубийца. Маузер Ермакова. М. : АСТ, 2013. 412 с.
18. Пикуль В. Нечистая сила : политический роман. М. : Современник, 1992. 752 с.
19. Зырянов П.Н. История России, XIX век : учебная книга для 9 класса средней школы / под ред. А.Н. Сахарова. М. : Просвещение, 1994. 256 с.
20. Дмитриенко В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А. История Отечества. XX век. 11 класс : учеб. пособ. для общеобр. школ. М. : Дрофа, 1996. 640 с.
21. Матецкая А.В. Новые практики конструирования коллективной памяти в информационном обществе // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики : материалы междунар. науч. конф. / под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцевой. М. : Аквилон, 2016. С. 260–264.
22. Николай II Александрович. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_n/nikolai2a.php (дата обращения: 29.03.2018).
23. Николай II. URL: <http://www.krugosvet.ru/node/37385> (дата обращения: 29.03.2018).
24. Николай II. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Николай_II (дата обращения: 29.03.2018).
25. Мазур Л.Н. Событие в исторической памяти: механизмы формирования, сохранения и трансформации // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики : материалы междунар. науч. конф. / под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцевой. М. : Аквилон, 2016. С. 251–255.
26. Решикова И.П. Современная наружная реклама о городе и регионе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2009. № 4. С. 127–133.
27. Бойков В.Э. Историческая память в российском обществе: состояние и проблемы формирования // Социология власти. 2011. № 5. С. 44–52.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 апреля 2018 г.

Shaping the Image of Nicholas II in Historical Memory

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 110–115.

DOI: 10.17223/15617793/462/14

Kseniya A. Ankusheva, Tyumen Museum and Educational Association (Tyumen, Russian Federation). E-mail: k.a.ankusheva@utmn.ru
Keywords: image; historical memory; history; museum; Nicholas II.

The image of the last Russian emperor's family arouses big interest despite the fact that times are changing. Nicholas II is quite an ambiguous historical figure. It may be stated that public opinion about him varies a lot. It causes a great number of discussions, every time another newsbreak comes to light. Basically, it is the mass media that stimulate people's memory: anniversary announcements, new movies, etc. The research is relevant as far as the story considered in the article is one of those that shape our collective memory. The latter contributes to the shaping of the state identity. That is why it is significant to examine the way Nicholas II's image has been shaped in historical context. The author analyzes the data that shape the image of Emperor Nicholas II in historical memory. The growing variety of such data is considered, their content is studied. She examines the documents from Nicholas II's epoch, scholarly

works of the Soviet and post-Soviet times, textbooks, the most popular information resources, some commemoration practices, and the museum space. The author separately presents the national tourist project “Emperor’s Route” and some visual sources targeted at the broad target audience. She defines the basic trends in evaluating the personality of Nicholas II, as well as the basic components of his image including the recent ones according to which the Russian Emperor is referred to as a passion bearer. The article contains some references to sociological studies. The image of Nicholas II is widely recognizable and consists of a definite number of beliefs and values. Nicholas II’s epoch and his personality arouse big interest, the emperor being a symbol of that time. The society has numerous and various sources and channels of information. On the one hand, it allows getting an almost unlimited access to the data, evaluative data as well. On the other hand, it complicates the process of shaping a single image. The name of Nicholas II is still retained by historical memory, associated with tragic events in the history of our country, and his reign is evaluated ambiguously. At present, we can clearly distinguish the presence of two main trends in the assessment of Nicholas II’s personality: critical and apologetic. People sympathize with the emperor’s family, especially with the children. This component of Nicholas II’s image does not cause any major controversies regardless of sex or age group, political views or other characteristics of the audience.

REFERENCES

1. Kutykova, I.V. (2015) Historical memory of the new generations in conditions of sociocultural transformations. *Trudy Sankt-Peterburgskogo instituta kul'tury*. 208 (2). pp. 7–15. (In Russian).
2. Aguirre Rojas, C.A. (2016) [Memory, counter-memory and oblivion: The struggle for memory in Mexico in 2016]. *Istoriya, pamyat', identichnost': teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki* [History, memory, identity: Theoretical foundations and research practices]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Akvilon. pp. 3–5. (In Russian).
3. Tairova, N.M. (2015) Public opinion of the beginning of the XX century and falling of authority of the imperial rule in Russia. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Administrative Consulting*. 5 (77). pp. 187–195.
4. Karnishin, V.Yu. (2013) 300th anniversary of romanov dynasty: Behind the scenes of official celebration. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy rayon. Gumanitarnye nauki* 1 (25). pp. 5–10. (In Russian).
5. Sidorov, A.L. et al. (eds) (1968) *Istoriya SSSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Seriya pervaya* [History of the USSR from ancient times to the present day. Series one]. Vol. VI. Moscow: Nauka.
6. Gorbunova, Yu.F. (2005) Izuchenie lichnosti i gosudarstvennoy deyatelnosti imperatora Nikolaya II v sovremennoy otechestvennoy istoriografii: real'nost' i perspektivy [Study of the personality and state activity of Emperor Nicholas II in modern Russian historiography: Reality and prospects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 289. pp. 14–31.
7. Apreleva, V.A. (2012) Fenomenologiya otechestvennogo diskursa o lichnosti Nikolaya II [Phenomenology of Russian discourse about the figure of Nicholas II]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social-Educational Idea*. 6 (16). pp. 217–221.
8. Lysenko, I., priest. (2017) Blagochestie imperatora strastoterptsya Nikolaya II kak predmet issledovaniya [Piety of Emperor Nicholas II, a passion-bearer, as a subject of research]. *Khristianskoe chtenie*. 1 (1). pp. 87–105.
9. Babenko, O.V. (2014) Mul'tatuli, P.V. (2013) *Vneshnyaya politika Imperatora Nikolaya II (1894–1917)* [Foreign policy of Emperor Nicholas II (1894–1917)]. Moscow: FIV. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istoriya* 2. pp. 111–117.
10. Mul'tatuli, P.V. (2013) *Vneshnyaya politika Imperatora Nikolaya II (1894–1917)* [Foreign policy of Emperor Nicholas II (1894–1917)]. Moscow: FIV.
11. Fetisov, V.D. (2015) Financial management of Emperor Nicholas II. *Simvol nauki – Symbol of Science*. 10. pp. 177–181.
12. Abramenkova, V.V. (2014) Royal toys as a tool of family education of the Romanov dynasty. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya – St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*. 1 (32). pp. 70–80. (In Russian).
13. Rostovtsev, E.A. & Sosnitskiy, D.A. (2012) Pavel I i Aleksandr I v istoricheskoy pamyati rossiyskogo obshchestva kontsa XX – nachala XXI v.: na materiale narrativnykh istochnikov [Paul I and Alexander I in the historical memory of Russian society at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries: Based on narrative sources]. *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vseobshchaya istoriya*. 11. pp. 241–256.
14. Rostovtsev, E.A. & Sosnitskiy, D.A. (2014) Main areas of Russian memorial researches. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya – Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2 (2). pp. 106–126. (In Russian).
15. *National tourist project The Imperial Route*. [Online] Available from: <https://xn--80aanlcfqncfajoks2h.xn--p1ai/> (Accessed: 29.03.2018). (In Russian).
16. Witte, S.Yu. (1997) *Izbrannye vospominaniya: 1849–1911: v 2 t.* [Selected memoirs: 1849–1911: In 2 volumes]. Moscow: TERRA.
17. Zhuk, Yu.A. (2013) *Tsarebiytsa. Mauzer Ermakova* [Regicide. Ermakov Mauser]. Moscow: AST.
18. Pikul', V. (1992) *Nechistaya sila: politicheskii roman* [Unclean power: A political novel]. Moscow: Sovremennik.
19. Zyryanov, P.N. (1994) *Istoriya Rossii, XIX vek: uchebnaya kniga dlya 9 klassa sredney shkoly* [History of Russia, the 19th century: A textbook for Grade 9 of secondary school]. Moscow: Prosveshchenie.
20. Dmitrienko, V.P., Esakov, V.D. & Shestakov, V.A. (1996) *Istoriya Otechestva. XX vek. 11 klass: ucheb. posob. dlya obshcheobr. shkol* [The history of homeland. The 20th century. Grade 11: A textbook for general schools]. Moscow: Drofa.
21. Matetskaya, A.V. (2016) [New practices of constructing collective memory in the information society]. *Istoriya, pamyat', identichnost': teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki* [History, Memory, Identity: Theoretical Foundations and Research Practices]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Akvilon. pp. 260–264. (In Russian).
22. Hrono.ru. (2018) *Nikolay II Aleksandrovich* [Nicholas II]. [Online] Available from: http://www.hrono.ru/biograf/bio_n/nikolai2a.php (Accessed: 29.03.2018).
23. Krugosvet. (2018) *Nikolay II* [Nicholas II]. [Online] Available from: <http://www.krugosvet.ru/node/37385> (Accessed: 29.03.2018).
24. Wikipedia. (2018) *Nikolay II* [Nicholas II]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Nikolay_II (Accessed: 29.03.2018).
25. Mazur, L.N. (2016) [Event in historical memory: Mechanisms of formation, preservation and transformation]. *Istoriya, pamyat', identichnost': teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki* [History, Memory, Identity: Theoretical Foundations and Research Practices]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Akvilon. pp. 251–255. (In Russian).
26. Reshchikova, I.P. (2009) Sovremennaya naruzhnaya reklama o gorode i regione [Modern outdoor advertising about the city and the region]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. № 4. pp. 127–133.
27. Boykov, V.E. (2011) Historical memory in modern Russian society: Conditions and problems of forming. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 5. pp. 44–52. (In Russian).

Received: 18 April 2018

Д.О. Катаман

МОЛОДЕЖНАЯ СЛУЖБА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1990–2010 гг.

Рассматривается модернизация Молодежной службы Великобритании. Автором была поставлена цель – вскрыть причины данной модернизации, которой удалось достичь в основном в результате анализа нормативных документов британских властей, касающихся молодежи и детей. Одна из причин – смещение в молодежной политике акцента в направлении детства в связи с отсутствием у личности чувства «онтологической безопасности»; вторая – расширение поля деятельности правительства по проблемам молодежи в «горизонтальном» направлении.

Ключевые слова: Молодежная служба; модернизация; Детский и молодежный траст; межсекторный подход; партнерство.

В современном мире остро стоит проблема обеспечения бесконфликтного вхождения подростков и молодежи в систему общественных отношений. Кризисные ситуации в различных сферах общества осложняют этот процесс социализации молодежи и активизируют его изучение. Всеобщий характер проблемы предполагает исследование опыта зарубежных стран, наиболее успешных в данной области, в частности Великобритании. Особый интерес вызывает наличие в Британии специфического инструмента реализации государственной политики в сфере социализации молодежи – Молодежной службы, которая подверглась в 1990–2010 гг. существенной модернизации.

Работа базируется на нормативных документах британских властей, касающихся молодежи и детей. В числе их документы Министерства образования и профессиональных навыков 2002–2003 гг.: «Обеспечение первоклассных молодежных служб» [1] и «Каждый ребенок важен» [2]; программно-нормативный документ 2007 г., состоящий из «Установленной законом основы для Базовой ступени раннего возраста» и «Практического руководства для Базовой ступени раннего возраста» [3]; разработанная в 2007 г. десятилетняя стратегия развития комплексных услуг для молодежи «Высокие цели для молодых людей» [4]; опубликованное в 2011 г. Министерством образования новое видение стратегии социализации «Позитив для молодежи» [5], а также закон «О детях» 2004 г. [6]. Кроме того, использовалась информация с официального сайта правительства Великобритании о взаимодействии с добровольческими организациями Департамента третьего сектора, созданного в период премьерства лейбориста Тони Блэра (1997–2007 гг.) и реорганизованного в Департамент гражданского общества при преемнике Блэра консерваторе Дэвиде Кэмероне, а также материалы о работе созданной при Министерстве образования и продолжившей свою деятельность при Секретариате Кабинета министров Молодежной инициативной группы, координирующей работу разных министерств по молодежным вопросам [7]. Источниками послужили и информационные материалы с официальных сайтов «стратегических партнеров» правительства Великобритании, выражающих запросы членов общества – интересы «третьего сектора»: Национального совета по добровольческим организациям [8], Британского молодежного совета [9] и др.

Отдельную группу источников представляют размышления двух экспертов по осуществлению государственной политики в сфере социализации молодежи: известного социолога Энтони Гидденса – консультанта и руководителя группы «Нексус» при лейбористском правительстве Тони Блэра [10] и бывшего генерального директора Национального молодежного агентства г. Лестер Тома Уайли [11].

Автор отталкивался от исследования эволюции молодежной политики зарубежных стран второй половины XX в., проведенного А.А. Поповым и В.С. Ефимовым [12], которое хорошо иллюстрирует взаимосвязь между выстраиванием государственной молодежной политики и реалиями общественного развития. Исследование вопросов, связанных с модернизацией британской Молодежной службы, невозможно без их увязки с историей создания данной службы. Поэтому автор обращается к трудам отечественных и зарубежных авторов, в которых исторический аспект нашел наиболее полное отражение, – к работам С.В. Фоменко [13] и Грэхэма Бротертонна [14].

Как новая государственная структура британская Молодежная служба была создана 27 ноября 1939 г., о чем возвестил правительственный циркуляр № 1486 «На службе молодежи», возложивший на Совет образования ответственность за обеспечение нужд и интересов молодых людей в возрасте от 14 до 20 лет из числа приступивших к самостоятельной трудовой жизни. Молодежная служба определялась в официальных документах как часть системы просвещения, ставившая своей целью «развитие личности и социальное образование молодых людей путем создания для них возможности участвовать в широком круге досуговой деятельности» [15. С. 171].

В последовавших с ноября 1939 г. первых своих циркулярах Совет обращал внимание на то, что подрастающее поколение нации нуждается в заботе, но уже через два года акцент был сделан на том, что молодежь хочет и обязана послужить своей стране. Итог усилий, предпринимаемых Министерством просвещения по трансформации Молодежной службы из «службы для молодежи» в «службу, оказываемую самой молодежью» обществу, – появление в разных районах страны большого количества организаций, в которых молодежь выполняла нужную для военного времени работу, получая одновременно элементы допризывной подготовки. После войны все эти организации уступили место мирным молодежным объединениям,

многие из которых также старались делать основной упор на общественно-полезном труде – «работе ради других» [13].

На новом этапе послевоенного развития, в 1950-х гг., молодежь не рассматривалась государством и обществом как особая группа со своими специфическими потребностями. В условиях характерного для данного периода «естественного патернализма» решением проблем молодого поколения занимались в основном благотворительные, религиозные и социальные службы, организуемые добровольцами, и это несмотря на то, что Молодежная служба досталась мирному послевоенному времени в качестве достаточно устоявшейся государственной структуры. Последняя была представлена Национальным молодежным комитетом в составе представителей местных органов просвещения, добровольных молодежных организаций и специалистов; местными молодежными комитетами, сформированными из представителей органов и организаций, заинтересованных в решении индустриальных, социальных и религиозных аспектов молодежной проблемы, а также молодежными советами в качестве органов представительства различных местных молодежных организаций.

В 1960-х гг., по мнению ряда авторов, наблюдалась смена консервативного подхода к восприятию молодежи неоконсервативным [12. С. 1]. Характерный для данного периода лозунг «Молодежь – страшная угроза (общественным устоям)», отражавший межпоколенческий конфликт, вполне соответствовал модели «локальной политики в сфере социализации молодежи», проводимой государством, в рамках которой усилия вновь создаваемых государственных социальных служб направлялись на решение проблем отдельных групп молодежи – в основном маргинальных (молодежи «группы риска»). «Молодежная работа» становится синонимом «молодежной службы», размещаясь в жестко определенном структурном механизме последней.

Существует мнение, что в 1970-х гг. – не без влияния «молодежной революции» предшествующего десятилетия – политика государства в сфере социализации молодежи характеризовалась становлением демократических начал, в результате чего к середине 1990-х гг. окончательно сформировался демократический подход к оценке места и роли молодежи в обществе, выраженный в формуле «Молодежь – это просто молодежь» [12. С. 1]. Но говорить об окончательном формировании к середине 1990-х гг. «демократического подхода» не приходится, так как даже в период проведения политики «третьего пути», свойственной для первого срока работы правительства Тони Блэра, сохранялась преемственность этой политики с курсом неоконсерваторов, выразившимся в решении важных для молодежи социальных проблем по принципу «социальной отверженности».

В то же время фиаско неоконсервативной политики, проводимой настойчиво в период премьерства Маргарет Тэтчер в 1979–1991 гг., не могло не сказаться на деятельности Молодежной службы: курс, нацеленный на слом социального государства, не ослабил остроты ни общих социально-экономических проблем,

ни проблемы социализации современной молодежи. Такую государственную структуру, как Молодежная служба, не могли не затронуть и предпринятые правительством «новых лейбористов» шаги по децентрализации власти, открывшие путь для постепенного превращения Великобритании из унитарного в федеративное государство. Отныне каждая из четырех административно-политических частей страны стала иметь свою, отличную от трех других, местную структуру по работе с молодежью.

Постепенно вырисовывавшийся новый подход национальных и местных структур к осуществлению государственной политики в сфере социализации молодежи бывший генеральный директор Национального молодежного агентства в Лестере Том Уайли определил как «новую философию» [11]. Последняя прямо будет положена в основу стратегии «Позитив для молодежи», обнародованной консервативным правительством Кэмерона в 2011 г. Но формирование «новой философии» социализации молодежи началось уже в период правления лейбористов.

Наблюдаемый в современном обществе процесс самоустранения института семьи из процесса социализации молодого поколения влиял не только на прочность культурного основания данного процесса, но и грозил прерыванием исторически сложившейся в традиционных обществах связи, обеспечивающей формирование у личности чувства ее «онтологической безопасности». Результатом являлся внутренний душевный кризис: молодой человек не мог найти ответы на повседневном уровне на основные экзистенциальные вопросы – жизни и смерти, человеческого существования, отношений с другими людьми, не мог осознать свое место в окружающем мире и самоидентифицироваться. Иными словами, отсутствовал крепкий фундамент для позитивного существования, который традиционно закладывался в человека с самого раннего детства через связь со взрослыми в семье, и это ставило под угрозу нормальное физическое и психическое здоровье молодых членов общества.

Поэтому известный британский социолог Энтони Гидденс как один из консультантов правительства лейбористов считал необходимым прежде всего обеспечить решение проблемы «онтологической безопасности» молодежи [10. Р. 70]. И именно эта озабоченность потерей жизненных ориентиров личности при отсутствии у нее чувства «онтологической безопасности» повлияла, по-видимому, на смещение акцента в молодежной политике британского государства от подростков и молодых взрослых в направлении детства. Не случайно Министерство образования и профессиональных навыков было переименовано в 2007 г. в Министерство по делам детей, школ и семей.

На протяжении всего периода деятельности правительства Тони Блэра не теряли своей актуальности вопросы дошкольного и начального школьного образования. И в период правления этого же правительства произошло изменение парадигмы политики и ее структурных механизмов применительно ко всем услугам для детей и молодых людей во всех четырех юрисдикциях страны. Министерство по делам детей, школ и семей стало разрабатывать ежегодные «Планы в отношении

детей» с изложением целей и мероприятий для их достижения. Ежегодное планирование стало строиться в соответствии с единой концепцией оказания услуг по образованию и развитию детей с момента их рождения и до 5 лет. Вступившая в силу в 2008 г. под названием «Базовая ступень раннего возраста» [3] концепция ставила цель помочь детям достичь тех пяти результатов, что были обозначены в документе Министерства образования 2003 г. «Каждый ребенок важен», а именно: 1) быть в безопасности; 2) быть здоровым; 3) радоваться и добиваться; 4) вносить позитивный вклад; 5) достигать экономического благополучия в будущем [2].

Для гарантии лучшего взаимопроникновения, осуществления связи между агентствами, занимающимися элементарным уходом за детьми, их социальным развитием и образованием, уже с 2004 г. в соответствии с общегосударственным законом «О детях» [6] на местном уровне (в частности, в Англии) стали создаваться детские и молодежные трасты (трасты партнерства) и была введена специальная должность директора по услугам для детей, несущего ответственность за общую политику в отношении школ, социальных служб для детей и молодежных служб. Оказание комплексных услуг предполагало работу данного директора в сотрудничестве с другими органами, в том числе с органами здравоохранения и юстиции, и получение поддержки им от весьма разнообразного добровольческого сектора. Подчеркивая степень важности инициативы по созданию детских и молодежных трастов, Министерство по делам детей, школ и семей разъясняло английским работникам Молодежной службы, сферы образования и др., что «детские и молодежные трасты – это местные партнерства, которые объединяют организации, ответственные за предоставление услуг детям, молодым людям и семьям. Их совместной обязанностью является улучшение жизни детей и молодежи. Местные органы самоуправления через директоров служб, предоставляющих услуги детям и молодежи, а также через ведущих сотрудников в данной сфере осуществляют управление детскими и молодежными трастами, тесно взаимодействуя с другими местными учреждениями, которые на основе договорных отношений являются их частью». К таковым учреждениям были отнесены «организации, отвечающие за стратегическое развитие в сфере здравоохранения, фонды оказания первичной медицинской помощи, полицейские учреждения, местные советы по вопросам условного освобождения, службы по работе с молодыми правонарушителями, объединенные партнерства с целью координации деятельности, совет по образованию и профессиональному обучению в Англии и окружные советы. Мы рекомендуем, – подчеркивало Министерство, – чтобы детские и молодежные трасты включали и других важных партнеров – таких, как школы, колледжи и организации третьего сектора наряду с прочими местными учреждениями из числа тех, что оказывают услуги в данной сфере, например, предоставляют взрослым людям социальное обеспечение и жилье» [14].

В 2007 г. Министерство образования и профессиональных навыков утвердило десятилетнюю стратегию развития комплексных услуг для молодежи под

названием «Высокие цели для молодых людей», зафиксировавшую смену ориентиров с предоставления индивидуальных услуг на достижение общего результата, исходя из интересов благополучия молодого человека на протяжении всего его детства и отрочества до момента вступления во взрослую жизнь. Стратегия предусматривала необходимость достижения также пяти результатов, а именно: 1) молодые люди должны находиться в безопасности; 2) молодые люди обязаны быть здоровыми; 3) молодые люди должны получать удовлетворение от образования, имея достижения в этой области; 4) молодые люди должны вносить вклад в развитие сообщества; 5) молодые люди должны обрести экономическое благополучие [4]. Обозначенные здесь цели работы в сфере социализации молодежи практически идентичны тем, что были обозначены в документе 2003 г. «Каждый ребенок важен», что позволяет говорить о последовательности политики государства в сфере социализации личности буквально с момента ее рождения.

Вторым заметным новшеством в сфере социализации молодежи стало то, что с созданием в 2006 г. при британском правительстве Департамента третьего сектора и его последующей реорганизацией в Департамент гражданского общества была нарушена синонимичная связь между понятиями «молодежная служба» и «молодежная работа» и расширено поле деятельности правительства по проблемам молодежи в «горизонтальном» направлении. Наиболее полно данный процесс проявился опять-таки в период правления консервативного правительства Кэмерона благодаря использованию комплексного межсекторного подхода к самим молодым людям, а также к их потребностям и проблемам. Данный подход снимал единоличную ответственность за реализацию государственной политики в сфере социализации молодежи с Министерства образования, распределяя ее и между другими министерствами. Самый ответственный шаг в данном направлении – это обнародование в 2011 г. стратегии «Позитив для молодежи», которая была выработана совместно министерством образования, министерством предпринимательства, инноваций и ремесел, министерством труда и пенсий, министерством по делам общин и местного самоуправления, министерством юстиции, министерством внутренних дел, министерством здравоохранения и министерством обороны при тесном взаимодействии с местными органами власти и их «молодежным сектором» [5].

В 2002 г. Министерством образования и профессиональных навыков был принят документ, продиктованный, по словам заместителя министра Ивана Левиса, как необходимостью заполучить «высококачественные и хорошо управляемые службы, способные вносить большой вклад в улучшение взаимодействия общества и могущие решать проблемы антисоциального поведения, преступности и отчуждения», так и необходимостью иметь местные власти, которые «отдают приоритет молодежным службам и инвестируют в них для того, чтобы они в полной мере предоставляли услуги молодым людям» [16. С. 17].

Документ под названием «Обеспечение первоклассных молодежных служб» утверждал новую архитектуру структур, ответственных за реализацию молодежной политики, и определял юридические обязанности местных властей в деле предоставления молодым людям адекватных и достаточных услуг со стороны местных молодежных служб в партнерстве с добровольческим сектором (общественными организациями), устанавливая одновременно во всей Англии единые стандарты и уровни обеспечения «молодежными услугами». Главными структурами, предоставляющими молодежи услуги, согласно данному документу, оставались местные органы образования (в количестве около 150). Но в случае если местная служба не справлялась с поставленными задачами, государственный секретарь по делам образования получал право вмешаться, дать указания, если это необходимо, и даже передать право осуществлять эту деятельность другой структуре.

В еще большей степени, нежели раньше, при определении «молодежной службы» за основу стало братья партнерство властей с добровольческим сектором. Само создание при британском правительстве Департамента третьего сектора свидетельствовало о значимости такого взаимодействия достаточно наглядно. Из пяти функциональных отделов, имевшихся в структуре Департамента, непосредственной работой с добровольными и благотворительными организациями, в том числе и молодежными, занимался «Отдел партнерского взаимодействия» (Participation team), который, в частности, проводил вместе с добровольными молодежными движениями общественные мероприятия и организовывал конкурсы по выявлению и поощрению самых активных участников добровольных организаций. В целях формирования государственной политики поддержки и дальнейшего развития организаций

и предприятий «третьего сектора» Департамент третьего сектора занимался осуществлением подбора стратегических партнеров, исходя из их возможности эффективно выражать запросы как общества в целом, так и интересы самого «третьего сектора». В итоге одним из важнейших стратегических партнеров Департамента стал Национальный совет по добровольческим организациям.

В целом автор склонен считать середину 1990-х гг. не концом, а началом переосмысления правительством Великобритании своей политики в отношении молодежи. В результате этого переосмысления усилия государственных и негосударственных социальных служб стали нацеливаться на помощь не только молодежи из «группы риска», но и в первую очередь на те категории молодежи, которые ориентированы на активный труд, учебу, профессиональный рост. Как следствие, и специфический инструмент реализации государственной политики в сфере социализации молодежи Великобритании – Молодежная служба подверглась в 1990–2010 гг. существенной модернизации. Наблюдаемое в этот период расширение поля деятельности правительства по проблемам молодежи в «горизонтальном» направлении снимало единоличную ответственность за реализацию государственной политики в сфере социализации молодежи с Министерства образования, распределяя ее между рядом других министерств. Произошедшее законодательное закрепление такого явления, как детские и молодежные трасты, открыло в начале 2000-х гг. перспективу для развития межсекторного подхода при решении молодежных проблем также и на местном уровне. Оно позволило трастам стать главной структурой на местах, осуществляющей связь между разными агентствами, влияющими на процесс социализации молодых людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. The provision of high-class youth services. URL: <http://www.legislation.gov.uk/> (дата обращения: 01.02.2018).
2. Every Child Matters. London, 2003. URL: <https://www.legislation.qld.gov.au/LEGISLTN/ACTS/2000/00AC023.pdf> (дата обращения: 20.01.2018).
3. Early Years Foundation Stage. 2008. URL: <https://www.gov.uk/early-years-foundation-stage> (дата обращения: 01.02.2018).
4. Aiming High for Young People, 2007. URL: <http://www.legislation.gov.uk/> (дата обращения: 01.02.2018).
5. Positive for Youth. A new approach to cross-government policy for young people aged 13 to 19. Department for education, 19 December 2011 / [Government UK]. URL: <https://www.cyp1.org.uk/userfiles/file/Positive%20for%20youth.pdf> (дата обращения: 01.02.2018).
6. Children Act. 2004. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2004/31/contents> (дата обращения: 20.01.2018).
7. Официальный сайт правительства Великобритании. URL: <https://www.gov.uk/government/> (дата обращения: 01.02.2018).
8. Официальный сайт Национального совета по добровольческим организациям Великобритании. URL: <https://www.ncvo.org.uk/ncvo-volunteering> (дата обращения: 01.02.2018).
9. Официальный сайт Британского молодежного совета. URL: <http://www.byc.org.uk/> (дата обращения: 01.02.2018).
10. Giddens A. Consequences of Modernity. Cambridge, 1990.
11. Уайли Т. Молодежная политика в Великобритании. URL: <http://stud24.ru/sociology/molodezhnaya-politika-v-velikobritanii/31476-98732-page1.html> (дата обращения: 01.02.2018).
12. Попов А.А., Ефимов В.С. Инвестиции в новое поколение: капитализация человеческих ресурсов российских территорий в ситуации реиндустриализации страны. URL: www.opencu.ru/index.php?id=71 (дата обращения: 20.02.2018).
13. Фоменко С.В. История создания британской Молодежной службы // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6 (144). История. Вып. 30. С. 133–137.
14. Graham Brotherton. Working with children, young people and families – the policy context. URL: https://us.sagepub.com/sites/default/files/upm-binaries/36158_01_Brotherton_et_al_Ch_01.pdf (дата обращения: 25.01.2018).
15. Britain: An Official Handbook. London : HMSO, 1986.
16. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. URL: http://poznayka.org/s_1071t1.html (дата обращения: 20.05.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2019 г.

The British Youth Service in 1990–2010

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 116–120.

DOI: 10.17223/15617793/462/15

Dmitriy O. Kataman, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: katamandmitry@gmail.com

Keywords: Youth Service; modernization; Children's and Youth Trust; intersectoral approach; partnership.

The present article examines the modernization of the Youth Service – a specific instrument in the implementation of state policy in the sphere of youth socialization in the UK. The author aimed to reveal the causes of modernization, which was achieved after the analysis of statutory documents of British authorities concerning young people and children; information taken from the British government's official website about cooperation with voluntary organizations; works of foreign and national authors: experts in the implementation of state policy in the sphere of youth socialization – Anthony Giddens and Tom Wiley; researchers of the evolution of youth policy in foreign countries in the second half of the 20th century – A.A. Popov and V.S. Efimov, and researchers of the history of the British Youth Service creation – S.V. Fomenko and Graham Brotherton. Despite the existing opinion about the ultimate formation of a “democratic approach” to the evaluation of the place and role of young people in society by the middle of the 1990s, the author tends to consider the middle of the 1990s not as the end, but as the beginning of the rethinking of the British government's position towards young people. As a result, the efforts of state and non-state social services began to focus on assistance not only to youth from the “risk group”, but also to such categories of young people which are oriented to active work, study, professional growth. Hence, the specific instrument of state policy implementation in the sphere of British youth socialization – the Youth Service – had also exercised radical modernization in 1990–2010. Among the reasons for the modernization, the author reckons the following: (1) the shift of youth policy emphasis from teenagers and young people towards infancy according to the loss of personal life benchmarks together with the lack of the “ontological security” feeling; (2) the extension in the domain of government's actions on youth problems in a “horizontal” direction. In the author's opinion, the first reason contributed to the legislative recognition of such a phenomenon as Children's and Youth Trusts, which at the beginning of the 2000s opened a perspective for the development of an intersectoral approach in the solution of youth problems at the local level and led the trusts to become the major structure, at the local level, that operates a contact between various agencies influencing the youth socialization process. The second reason removed the sole responsibility of the Department of Education for the implementation of state youth policy allocating it between other departments.

REFERENCES

1. Legislation.gov.uk. (2018) *The provision of high-class youth services*. [Online] Available from: <http://www.legislation.gov.uk/> (Accessed: 01.02.2018).
2. Queensland Government. (2003) *Every Child Matters*. [Online] Available from: <https://www.legislation.qld.gov.au/LEGISLTN/ACTS/2000/00AC023.pdf> (Accessed: 20.01.2018).
3. Gov.uk. (2008) *Early Years Foundation Stage*. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/early-years-foundation-stage> (Accessed: 01.02.2018).
4. Legislation.gov.uk. (2007) *Aiming High for Young People*. [Online] Available from: <http://www.legislation.gov.uk/> (Accessed: 01.02.2018).
5. Gov.uk. (2011) *Positive for Youth. A new approach to cross-government policy for young people aged 13 to 19*. Department for Education, 19 December 2011. [Online] Available from: <https://www.cyp1.org.uk/userfiles/file/Positive%20for%20youth.pdf> (Accessed: 01.02.2018).
6. Legislation.gov.uk. (2004) *Children Act. 2004*. [Online] Available from: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2004/31/contents> (Accessed: 20.01.2018).
7. *UK Government*. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/government/> (Accessed: 01.02.2018).
8. *National Council on Volunteer Organizations of Great Britain*. [Online] Available from: <https://www.ncvo.org.uk/ncvo-volunteering> (Accessed: 01.02.2018).
9. *British Youth Council*. [Online] Available from: <http://www.byc.org.uk/> (Accessed: 01.02.2018).
10. Giddens, A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
11. Wylie, T. (2017) *Molodezhnaya politika v Velikobritanii* [Youth policy in the UK]. [Online] Available from: <http://stud24.ru/sociology/molodezhnaya-politika-v-velikobritanii/31476-98732-page1.html> (Accessed: 01.02.2018).
12. Popov, A.A. & Efimov, V.S. (2018) *Investitsii v novoe pokolenie: kapitalizatsiya chelovecheskikh resursov rossiyskikh territoriy v situatsii reindustrializatsii strany* [Investments in a new generation: Capitalization of human resources in Russian territories in a situation of reindustrialization of the country]. [Online] Available from: www.opencu.ru/index.php?id=71 (Accessed: 20.02.2018).
13. Fomenko, S.V. (2009) *Istoriya sozdaniya britanskoy Molodezhnoy sluzhby* [History of the creation of the British Youth Service]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6 (144):30. pp. 133–137.
14. Brotherton, G. (2010) *Working with children, young people and families – the policy context*. [Online] Available from: https://us.sagepub.com/sites/default/files/upm-binaries/36158_01_Brotherton_et_al_Ch_01.pdf (Accessed: 25.01.2018).
15. Central Office of Information. (1986) *Britain: An Official Handbook*. London: HMSO.
16. Poznayka. (2017) *Soedinennoe Korolevstvo Velikobritanii i Severnoy Irlandii* [The United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland]. [Online] Available from: <http://poznayka.org/s1071t1.html> (Accessed: 20.05.2017).

Received: 26 March 2019

Д.С. Коньков

СВИДЕТЕЛЬ И ХРИСТИАНИН: КОНЦЕПТ ИСТОРИОПИСАНИЯ В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Рассматривается проблема понимания историописания в поздней Античности. Римские авторы формировали этот концепт как рассказ о текущих событиях и пересказ прошлых, подразумевая использование исторического повествования в качестве примеров и прецедентов. Трансформация этого понимания в период поздней Античности зачастую трактуется как разрыв с классической традицией в результате распространения христианства. Автору представляется, что это неверно, поскольку свидетельствование и истинность остаются ведущими характеристиками историописания, а работы классических авторов – частью образования.

Ключевые слова: историописание; история понятий; поздняя Античность; историография Римской империи; христианство в Римской империи; преемственность традиции.

Понимание истории и историописания в Римской империи – насущная проблема, которая требует решения в рамках современной исторической науки. Развитие постмодернистского дискурса и последствия лингвистического поворота требуют интерпретировать историографию Древнего Рима, опираясь на смыслы, вложенные в тексты и термины самими авторами этих текстов. Реконструкция образов прошлого, создаваемая современными историками, напрямую зависит от этих смыслов. Однако нередко исследователь подменяет – осознанно или нет – интенции источника собственными смыслами. От этого предостерегает Х.-Г. Гадамер, говоря о герменевтическом толковании в социальных и гуманитарных науках. Чтобы избежать этой ошибки, необходимо обратиться к дефинициям, сформулированным самими римлянами, и рассмотреть контекст понимания историописания в римской античности в целом. Это позволит выявить семантические точки опоры, маркеры, опираясь на которые можно будет проследить динамику трансформации взглядов на историописание на протяжении существования Римской империи.

Латинская историография традиционно представлена в исторической науке текстами золотого и серебряного веков римской классики (I в. до н.э. – II в. н.э.), и образ римского историописания в целом сформирован на основе конкретных работ Саллюстия Криспа, Тита Ливия и Тацита. Действительно, они являлись образцовыми и для последующего времени. Однако ими римская историография не исчерпывается. Период поздней Античности характеризуется значительными идеологическими, религиозными и мировоззренческими трансформациями по сравнению с эпохой римской классики, что повлияло и на восприятие истории. Соответственно, подход к историописанию изменился; однако рефлексия собственно римских авторов по поводу этого изменения практически отсутствует. В современной литературе оценка периода поздней Античности с точки зрения его историографической специфики остается достаточно дискуссионной, что отчасти отражено в тексте данной статьи. Соответственно, ее целью является выявление особенностей понимания историописания в период поздней Античности в Западной империи.

Методологически данное исследование основывается на принципах, предложенных Р. Козеллеком в его концепции *Begriffsgeschichte* – истории понятий. Непосредственно сам Р. Козеллек затрагивал тему понимания истории в древнеримские времена в своем тексте «*Historia Magistra Vitae. Über die Auflösung des Topos im Horizont neuzeitlich bewegter Geschichte*», впервые опубликованном в 1979 г. В нем ученый раскрывал понимание известного нарицательного выражения об истории как учительнице жизни в период Античности и противопоставлял его пониманию, которое родилось в эпоху Просвещения в результате актуализирующего переосмысления и сильного семантического сдвига [1]. Несмотря на то что внимание Р. Козеллека сосредоточено в первую очередь на изменениях в семантике и словоупотреблении, связанных с Новым временем, представляется, что возможно использовать его подход и для более ранних исторических периодов. Однако это возможно сделать только с некоторыми оговорками. Р. Козеллек фокусируется на рефлексивных определениях, приводимых в словарях, энциклопедиях, философских и политических текстах. Однако, как отмечалось, в период поздней Античности понятийная рефлексия встречается достаточно редко. Поэтому представляется более результативным опереться на известные дефиниции и проследить корреляцию с ними позднеантичных исторических текстов. Необходимо учитывать и высокую степень преемственности и канонизации в римской историографической традиции, что дает возможность выявить понимание историописания через соотнесение авторами себя с выборкой предшественников.

Также, как отмечает Р. Козеллек, трансформация понятийного аппарата тесно связана с социальной историей и, соответственно, жизненным опытом авторов исторических текстов. Поэтому невозможно, с его точки зрения, отделять и противопоставлять *Begriffsgeschichte* и социальную историю. Безусловно, нельзя рассматривать концепт историописания безотносительно к историческому фону. Ключевым историческим событием, повлиявшим на трансформацию историописания в римскую эпоху, считается распространение христианства в империи. Тот же Р. Козеллек полагает, что Евсевий, Августин и Орозий игнорировали

предшествующий инструментарий и опыт в той степени, в которой они не соответствовали христианскому мировоззрению [2. Р. 156]. Представляется, однако, что взаимосвязь текста и контекста в данном случае более сложная и неоднозначная, чем единомоментное революционное преобразование с отбрасыванием существовавшей традиции. В данной статье историописание рассматривается как динамический концепт, связанный в своем бытовании с историческим контекстом, и в то же время континуальный, преемственный по отношению к сложившейся традиции. Понятийные категории историка как свидетеля и историка как христианина, вынесенные в заглавие статьи, являются центральными для формирования позднеантичного дискурса.

Главным и наиболее часто цитируемым автором в отношении понимания историописания римлянами является Авл Геллий, в свою очередь цитировавший Веррия Флакка: «“Historiam” ab “annalibus” quidam differre eo putant, quod, cum utrumque sit rerum gestarum narratio, earum tamen proprie rerum sit “historia”, quibus rebus gerendis interfuerit is, qui narret... historia Graece significet rerum cognitionem praesentium... Ita “historias” quidem esse aiunt rerum gestarum vel expositionem vel demonstrationem vel quo alio nomine id dicendum est...» (V, 18, 1–2, 6) («Некоторые полагают, что история от annalium отличается тем, что, хотя и то, и другое представляет собой рассказ о событиях, однако собственно историей является [описание] тех дел, в совершении которых принимал участие рассказчик... по-гречески история означает исследование текущих событий... Итак, некоторые говорят, что история – либо изложение, либо точное описание событий, либо рассказ в какой-либо иной манере...» (пер. А.Б. Егорова)) [3. С. 279–280]. Термин «res gestae», переданный в данном фрагменте как «событие», чаще и более корректно переводится словом «деяние». Таким образом, в центре внимания истории – конкретные дела и поступки (и, логически следует предположить, конкретные люди, которые их совершают). Деяния можно излагать (expositio), наглядно показывать (demonstratio) или познавать, расследовать (cognitio). В любом случае, предполагается, что человек, который этим займется, – историк – должен быть участником описываемых им деяний; соответственно, исторические деяния в узком понимании для римлян относились не к прошлому, а к настоящему или недавно случившемуся.

Сервий в своих комментариях к «Энеиде» спустя два столетия практически повторяет, даже усиливает мысль Авла Геллия: «inter historiam et annales hoc interest: historia est eorum temporum quae vel vidimus vel videre potuimus, dicta ἀπὸ τοῦ ἱστορεῖν, id est videre; annales vero sunt eorum temporum, quae aetas nostra non novit: unde Livius ex annalibus et historia constabat» (I, 373) («Вот какая разница существует между историей и анналами. История рассказывает о тех временах, которые мы видели или могли видеть, и получила название от греческого глагола historein, т.е. “видеть”. Анналы же говорят о тех временах, которые наше поколение не знало. Поэтому Ливий складывается из Annalium et Historiae» (пер. Н.А. Федорова)) [4. С. 284].

Таким образом, еще раз подчеркивается, что историописание в чистом виде должно осуществляться очевидцем или по меньшей мере современником.

Наиболее полное рассмотрение всех смысловых оттенков терминов «история» и «историописание» содержится в «Этимологиях» Исидора Севильского. Хотя формально это произведение, будучи создано в VII в., не относится к периоду античности, но, будучи компендиумом, оно суммирует и подытоживает огромный корпус латинских текстов. Неудивительно, что в главе, посвященной истории, в известном «Словаре основных исторических понятий» под редакцией Р. Козеллека О. Энгельс обращается именно к Исидору, лишь мельком упоминая Авла Геллия и Сервия [5. С. 70–71]. Исидор дает следующее определение истории: «Historia est narratio rei gestae, per quam ea, quae in praeterito facta sunt, dinoscuntur. Dicta autem Graece historia ΑΡΟ ΤΟΥ ΙΣΤΟΡΕΙΝ, id est a videre vel cognoscere. Apud veteres enim nemo conscribat historiam, nisi is qui interfuisset, et ea quae conscribenda essent vidisset. Melius enim oculis quae fiunt deprehendimus, quam quae auditione colligimus. Quae enim videntur, sine mendacio proferuntur. Haec disciplina ad Grammaticam pertinet, quia quidquid dignum memoria est litteris mandatur» (I, 41) («История есть повествование о событиях, при помощи которого становится известным то, что было сделано в прошлом. Названа же история у греков ΑΡΟ ΤΟΥ ΙΣΤΟΡΕΙΝ, т.е. «от видения» или узнавания. У древних ведь никто не писал историю, если не присутствовал [при описываемых событиях] и не видел сам то, что записывал. Мы ведь лучше замечаем глазами то, что совершается, чем воспринимаем на слух. Ведь то, что видят, высказывают без обмана. Эта наука относится к грамматике, ибо все, сколько-нибудь достойное памяти, передается посредством букв» (здесь и далее пер. Л.А. Харитоновой)) [6. С. 64]. Здесь, помимо воспроизведенного принципа истории как прямого засвидетельствования событий, следует обратить внимание на артикулированное объяснение этого принципа. Увиденное высказывается без обмана – хотя здесь, скорее, имеется в виду без искажений, домыслов. Таким образом, история – это свидетельство очевидца, и оно воспринимается как априори достоверное. Именно в достоверности, точности передачи деяний ее сущностный смысл. Эта передача осуществляется путем παρὰ τὸ, письменного повествования, и никак иначе – из-за чего история является разделом грамматики и, по умолчанию, ее изложение подчинено грамматическим канонам. Несколько смущающий термин «наука», использованный Л.А. Харитоновым для перевода слова «disciplina», по ассоциативной цепочке отсылает к историческому познанию как к аналитике, однако это неверно. «Disciplina» здесь означает буквально дисциплину как род занятий, дело, научение.

Несколько ниже Исидор раскрывает значение истории более полно: «Inter historiam autem et annales hoc interest, quod historia est eorum temporum quae vidimus, annales vero sunt eorum annorum quos aetas nostra non novit. Unde Sallustius ex historia, Livius, Eusebius et Hieronymus ex annalibus et historia constant. Item inter historiam et argumentum et fabulam interesse. Nam historiae sunt res verae quae factae sunt; argumenta sunt quae etsi facta non sunt,

fieri tamen possunt; fabulae vero sunt quae nec factae sunt nec fieri possunt, quia contra naturam sunt» (I, 44, 4–5) («История же тем и отличается от анналов, что история – это [события] того времени, которое мы наблюдаем, анналы же – [события] того времени, которое было не в наши лета. Поэтому [книги] Саллюстия содержат историю, а [книги] Ливия, Евсевия, Иеронима – анналы и историю. Также и между историей, рассказом и басней есть различие. Ведь истории – это истинные дела, которые произошли, рассказы – это то, что, хотя и не произошло, однако же могло быть, а басни – это то, чего не было и быть не могло, ибо они противостественны») [6. С. 65]. Транспируя озвученную уже Сервием позицию различения истории и анналов по принципу повествование о прошлом – повествование о настоящем, Исидор расширяет список примеров авторов-историков христианскими писателями – Евсевием и Иеронимом. Подобно Ливию, они писали одновременно и анналы, и историю, поскольку начинали повествование с библейских времен, а заканчивали собственной эпохой. Таким образом, помимо анналов и истории как двух видов исторических сочинений, выделяется третий, синкретический, в котором одна часть состоит из анналов, а другая – из собственно истории. Несмотря на фундаментальность, с точки зрения Сервия и Исидора этот вид явно лишен целостности и внутреннего единства, поскольку его части основаны на разных подходах. Наконец, еще одна классификация, которую подчеркивает Исидор, – различие истории и басен. История – истинные деяния, которые были на самом деле, в отличие от басен, сказок, которые невозможны по природе вещей. Вновь повторяется противопоставление истинности, фактичности выдумке, фантазии. Определение истории выстраивается на двух бинарных оппозициях: настоящее–прошлое и истина–ложь.

Эту особенность восприятия историописания в период античности подробно рассматривают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, предлагая матрицу классификации античных нарративов по критериям правдоподобности и истинности. В ней история – жанр, претендующий на абсолютное соответствие этим критериям [7. С. 23–24]. Подытоживая свое рассуждение, авторы указывают на то, что под историей в период античности понималось нечто совершенно иное по сравнению с современным смыслом этого слова [7. С. 34]. Они имеют в виду прагматический смысл, вкладываемый в историческое сочинение в то время и определяющий требование истинности. С функциональной точки зрения историописание должно было предложить способы решения текущих проблем и образцы морального поведения [7. С. 29–30]. Действительно, Исидор, говоря о пользе истории, указывает на то, что «multi enim sapientes praeterita hominum gesta ad institutionem praesentium historiis indiderunt...» («Многие мудрецы прошлые деяния людей вводят в современные установления при помощи историй...») [6. С. 65]), подразумевая, что исторические работы являются источником правовых установлений.

Таким образом, особенности и функции историописания были в период поздней Античности достаточно четко определены и являлись общими и для языческих, и для христианских авторов. По крайней мере, Исидор не затрудняется ставить в один ряд Ливия и Евсевия,

что свидетельствует об отсутствии в его восприятии жесткого разделения историописания на языческое и христианское. Однако это разделение присутствует в современной историографии благодаря устойчивой традиции противопоставления язычества и христианства в поздней античности, берущей начало, вероятно, от хрестоматийной статьи А. Момильяно [8]. В отличие от языческих авторов, христианские историки, как отмечает А. Момильяно, создавали не описание событий, а религиозную философию истории. При этом А. Момильяно подчеркивает, что прямого конфликта между двумя традициями историописания в IV в. не было, поскольку Евсевий создал собственную нишу церковной истории, не конкурентную классическому взгляду. Исследователь указывает на то, что различие в целях ставило христианскую историографию в заведомо выгодное положение. Христиане свободно использовали языческие работы для собственных нужд, поскольку языческое историописание – это просто максимально достоверное изложение событий; язычники же не могли ответить тем же из-за агиографической и полемической природы работ христиан. А. Момильяно пытался найти в позднеантичной историографии свидетельства борьбы язычества и христианства, но сделал при этом такие оговорки, которые приводят скорее к мысли об обратном. Противостояние язычества и христианства показано им с помощью собственного дискурса, построенного на понятиях атаки и обороны. Точка зрения А. Момильяно во второй половине XX в. стала достаточно распространенной, и до сих пор встречается во взглядах антиковедов.

А.И. Сидоров образно пишет, что на излете существования Римской империи под звание языческой историографии была заложена бомба в виде христианства – языческих историков просто перестали читать [9. С. 38]. В. Либешутц пытается объяснить это изменение более развернуто. Он констатирует для Западной империи смерть классического историописания около 400 года; на Востоке же, где формируется традиция церковной истории через преемников Евсевия – Сократа Схоластика, Созомена и Феодорита Кирского – общее распространение исторических работ все же сильно уступает таким жанрам, как панегирики и письма. Это позволяет ему сделать вывод, что в данный период снижается интерес к истории как к познанию деяний прошлого вообще [10. Р. 216]. Эту же позицию высказывает и К. Майер, отмечая, что в сознании христиан того времени история занимала очень ограниченное место [5. С. 69]. С точки зрения В. Либешутца, это объясняется тем, что люди перестали верить в возможность истории дать нечто действительно важное для настоящего по сравнению с божественным откровением [10. Р. 216]. Тем самым основная польза истории оказалась под вопросом.

Однако представляется, что заявление о смерти классического историописания – это риторическое преувеличение. Церковная история как жанр в значительной степени перенимает те принципы, на которых было основано дохристианское историописание. Х. Леппин отмечает явную тенденцию к слиянию этих традиций, особенно на примере Созомена [11. Р. 253].

Историки церкви обосновывают необходимость написания своих произведений сохранением памяти о значимых деяниях прошлого, что все же предполагает сравнение прошлого с настоящим [12. Р. 150–151]. В частности, такие особенности исторического сочинения, как достоверность и авторство современника описываемых событий, сохраняют свою актуальность. По крайней мере, Д. Рорбахер указывает на то, что Аммиан Марцеллин и Евнапий утверждали полное соответствие исторических произведений истине, и большинство историков, в том числе и христиан, ссылались на личное участие в тех или иных описываемых событиях в качестве обоснования достоверности изложения и ради привлечения читателей [12. Р. 153].

В. Либешутц говорит об упадке именно западного историописания. Безусловно, греческая и латинская традиции историописания в период поздней Античности серьезно отличались друг от друга, поскольку формировались в разных условиях и ставили перед собой разные задачи. Однако констатировать полный упадок историописания на Западе нельзя, пусть оно и было менее активным, нежели на Востоке. Переводы работ Евсевия, осуществленные Иеронимом Стридонским и Руфином Аквилейским в конце IV в., ознаменовали рост интереса к истории в латиноязычном мире. Не замедлили появиться и такие оригинальные исторические сочинения, как «Хроника в двух книгах» Сульпиция Севера и «История против язычников» Павла Орозия. Последний является наиболее известным автором среди западных историков того времени, образцом и источником цитирования для последующих авторов. При этом характерно, что он не ссылается в своей работе на каких-либо христианских предшественников, по крайней мере в открытую. В то же время он прямо и многократно цитирует языческих писателей – Тацита, Помпея Трога, Тита Ливия. В.М. Тюленев объясняет это изначальной целью работы Орозия – убеждением язычников в правоте христианства на основе языческих же сочинений. Замалчивание же имен христианских авторов, как считает В.М. Тюленев, было вызвано миролюбивым желанием Орозия снизить остроту противопоставления христианства и язычества и градус конфликтной полемики [13. С. 16–17]. Впрочем, Д. Рорбахер замечает в этом отношении, что Орозий относился к своим языческим предшественникам довольно скептически, обвиняя их в преувеличении успехов родной страны из патриотических побуждений [12. Р. 157]. В то же время, по мнению Г. Дзеччини, Орозий своим риторическим изысканным стилем обозначил сознательное стремление вернуться к классическим традициям историописания. Он создавал универсалистское повествование, и в этом единственным его предшественником был Помпей Трог [14. Р. 321].

Помпей Трог, а точнее эпитома его сочинения, сделанная Юстином, являлся одним из главных источников для подражания и формирования исторической концепции Сульпиция Севера, еще одного значимого историка латинского Запада начала V в [14. Р. 335–336]. Д.Н. Старостин, суммируя существующие взгляды на концепцию хроники Сульпиция Севера, указывает, что этот автор использовал

подходы как классического, так и церковного историописания, опираясь на традицию светских историков, но признавая при этом ведущий авторитет церковных писателей и историчность библейских сведений [15. С. 408].

Следует вспомнить и авторов более позднего периода, в данном случае – VI в. Так, Кассиодор перечисляет в главе, посвященной христианским историкам, наиболее важные, с его точки зрения, имена. Это Иосиф Флавий, второй Тит Ливий, как его называет Кассиодор, Евсевий Кесарийский, его продолжатели Сократ Схоластик, Созомен и Феодорит, и, наконец, Орозий («ut est Ioseppus, paene secundus Livius <...>. post haec autem legenda est historia quae ab Eusebio quidem decem voluminibus Graeco sermone conscripta <...>. post historiam vero Eusebii apud Graecos Socrates, Sozomenus et Theodoritus sequentia conscripserunt <...>. Orosius quoque, Christianorum temporum paganorumque collator, praesto vobis est, si eum legere volueritis» (Cass. Inst. I, 17, 1)). Б. Гене обнаруживает подобный список в «Институциях» Флавия Кассиодора и полагает, что упомянутые в нем фигуры оставались базовыми для историописания в течение всего Средневековья [16. С. 344]. Греческие авторы указаны в латинских переводах Иеронима, Руфина, Епифания и самого Кассиодора. Необходимо отметить, что в главе речь идет, в соответствии с заглавием, именно о христианских историках, что подразумевает выведение за скобки всех дохристианских авторов. Тем не менее Кассиодор включил в свой перечень Иосифа Флавия, который христианином не был. Более того, он сравнил его с Титом Ливием, явно признав авторитет последнего. Следовательно, перечисленные Кассиодором историки-христиане не исчерпывали весь историографический багаж поздней античности, и, по крайней мере, Тит Ливий продолжал оставаться образцом историописания.

Григорий Турский, современник Кассиодора, в своей «Истории франков» прямо называет тех авторов, которых избрал в качестве образца: Евсевия, Сульпиция Севера, Иеронима, Орозия (Hist. Franc. II, Prefacio) [17. С. 26]. Кроме того, в тексте он приводит две прямые цитаты из «Заговора Катилины» Саллюстия (IV, 13; VII, 1), показывая свое хорошее знание по крайней мере этого дохристианского историка. Однако в этой связи Д.Н. Старостин указывает, что следует различать авторов, которых сам Григорий Турский называл в качестве примера для себя, и сочинения, которые просто являлись источниками информации [18. С. 127]. В данном случае христианские историки явно находятся в приоритете. Саллюстий же используется даже не с точки зрения содержащихся в его текстах исторических сведений, а как украшение стиля, по мнению В.Д. Савуковой. Цитаты, приведенные Григорием, являлись следствием его школьного образования в детстве, поскольку тексты Саллюстия изучались в качестве грамматических и риторических образцов [19. С. 349]. Однако представляется, что нельзя расценивать отсылки Григория к Саллюстию только как стилистические виньетки. В обоих случаях цитирования Григорий выбирает фразы, описывающие сложности занятия историописанием: во-первых, в связи с необходимостью соблюдать максимальную корректность

выражений и возможностью вызвать недоброжелательство, а во-вторых, в связи с нахождением баланса между равнодушием и недоверием читателя. Это говорит о том, что Саллюстий все же являлся авторитетной фигурой для Григория в оценке роли историописания для самого историка и специфики этой деятельности. Понимание Григорием Турским принципов создания исторического сочинения и его базовых смыслов основывается в числе прочего на идеях, декларируемых в классической римской историографии. Следовательно, концептуального разрыва традиции здесь нет. В то же время Григорий не ссылается ни на упомянутых Кассиодором Тита Ливия и Иосифа Флавия, ни на каких-либо иных дохристианских историков, кроме Саллюстия, что позволяет предположить, что его познания в классической историографии были фрагментарными.

Подытоживая вышесказанное, следует подчеркнуть несколько ключевых моментов. Первое: по крайней мере, в латиноязычной традиции историописания понимание истории на протяжении всего периода Античности опиралось на концепцию свидетельствования. Исторический нарратив жестко связывался с описанием настоящего, актуального, в той же, а иногда и большей степени, чем прошлого, отчего позиция историка коррелирует с позицией свидетеля и очевидца. Следует отметить серьезный семантический зазор между этим пониманием и современными контекстами понятия «историк»: античный концепт соотносится не с изучением прошлого, но скорее с репортажем с места событий. Второе: при оценке качества исторического сочинения приоритетной характеристикой является истинность

как правдивое отражение событий – что закономерно вытекает из роли историка как свидетеля. Третье: менее очевидно, но также закономерно, что требование истинности не элиминирует личностную позицию самого историка, но, напротив, делает ее принципиально важной, а само историографическое высказывание одновременно отображает проблемную повестку дня и формирует ее. Четвертое: значимость историка в том, что он создает (или, в дискурсе свидетельствования, фиксирует) образцы поступков (деяния), которые могут использоваться как прецеденты. Пятое: роль историка как свидетеля и транслятора истинных прецедентов сохранилась и в христианской историографии, что позволяет говорить о преемственности между языческими и христианскими авторами (вопреки бытующему мнению о разрыве в традиции историописания). Шестое: тезис об упадке историописания на Западе представляется преувеличением, а относительно меньшее количество исторических работ, чем на Востоке, можно объяснить не столь острой необходимостью осуществлять политическое и идеологическое высказывание или ситуативной предпочтительностью других форм такого высказывания. Седьмое: несмотря на приоритет, отдаваемый христианским историкам, знание классической дохристианской историографической традиции в V–VI вв. было широко распространено, существуя, скорее, по умолчанию, как очевидная характеристика образованного человека. Это знание актуализировалось в форме риторических образцов, афористичных цитат и грамматических шаблонов, но также и прямых отсылок в случае совпадающего контекста, в частности при оценке позиции историка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Koselleck R. *Historia Magistra Vitae. Über die Auflösung des Topos im Horizont neuzeitlich bewegter Geschichte.* // Koselleck R. *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten.* Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1995.
2. Koselleck R. *Linguistic Change and the History of Events* // Koselleck R. *Sediments of Time: On Possible Histories.* Stanford University Press, 2018.
3. Геллий Авл. *Аттические ночи.* СПб. : ИЦ Гуманитарная академия, 2007.
4. Вергилий. *Энеида.* С комментариями Сервия. М. : Лабиринт, 2001.
5. *Словарь основных исторических понятий.* М. : Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1.
6. Исидор Севильский. *Этимологии, или Начала в XX книгах.* Книги I–III: Семь свободных искусств. СПб. : Евразия, 2006.
7. Савельева И.М., Полетаев А.В. *Знание о прошлом: теория и история.* Т. 1: *Конструирование прошлого.* СПб. : Наука, 2003.
8. Momigliano A. *Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A.D.* // *The Conflict Between Paganism and Christianity in the Fourth Century.* Oxford : Clarendon Press, 1963.
9. Сидоров А.И. «Черная кошка в темной комнате»: формирование традиций историописания в раннесредневековой Европе // *Локальные исторические культуры и традиции историописания.* М. : ИВИ РАН, 2011.
10. Liebeschuetz W. *Pagan Historiography and the Decline of the Empire* // *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity.* Brill, 2003.
11. Leppin H. *Church Historians: Socrates, Sozomenus and Theodoretus* // *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity.* Brill, 2003.
12. Rohrbacher D. *The Historians of Late Antiquity.* Routledge, 2002.
13. Тюленев В.М. Павел Орозий и его «История против язычников» // Павел Орозий. *История против язычников.* СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2004.
14. Zecchini G. *Jerome, Orosius and the Western Chronicles* // *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity.* Brill, 2003.
15. Старостин Д.Н. *Идея истории у Сульпиция Севера* // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2013. № 13. С. 403–414.
16. Гене Б. *История и историческая культура Средневекового Запада.* М. : Языки славянской культуры, 2002.
17. Турский Г. *История франков.* М. : Наука, 1987.
18. Старостин Д.Н. *Григорий Турский и проблема региональной культуры историописания в Галлии VI в.* // *Локальные исторические культуры и традиции историописания.* М. : ИВИ РАН, 2011.
19. Савукова В.Д. *Григорий Турский и его сочинение* // Турский Г. *История франков.* М. : Наука, 1987.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 декабря 2019 г.

Witness and Christian: Historical Writing in Late Antiquity

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 121–126.

DOI: 10.17223/15617793/462/16

Dmitriy S. Konkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dkonkov@mail.ru

Keywords: historiography; history of concepts; late antiquity; historiography of Roman Empire; Christianity in Roman Empire; continuity of tradition.

When we begin to study historical sources and, in particular, works of the genre of historical writing, we should understand how the authors of these texts perceived their activities. The understanding of the meaning of historical writing in a particular historical period, the tasks and requirements that are set for the author is the basis for a reasoned decoding of a historical text. Similar research work is currently underway in the history of concepts. Reinhart Koselleck worked on the problem of historical shifts in the understanding of historical writing in his articles on the modern period and the Enlightenment. The aim of this article is to elicit an understanding of historical writing in late antiquity by adjusting existing historiographic positions. The toolkit of history of concepts is used to achieve this aim. The period of late antiquity is traditionally regarded as the decline of literature skills, including historical writing. However, it seems that this historiographic position arose more as a result of the steady discursive pattern of Latin authors than as a reflection of the actual situation of late antiquity. Researchers' attention to this period has grown significantly since the 1990s, but, at the same time, the concept of historical writing was not significantly revised. The image of the period as a decline extended to historical writing. The departure from the classical tradition of historiography was associated with the spread of Christianity in the empire. Christianity offered different guidelines in the past, shifted value priorities replacing historical precedents with the Old Testament and evangelical examples. In addition, the genre of historical writing within the framework of Christianity was transformed into the history of the church, changing its purposes to describe the ideological and political struggle of various religious factions and to make apologetics of the Christian worldview as opposed to the pagan one. However, despite the validity of such notions, it should be emphasized that the spread of Christianity was not a crucial factor that influenced the change in priorities in historical writing. Moreover, the positioning of historical writing as a statement of truth about current events remained unchanged. That means that the understanding of the activity of the author of a historical work did not undergo significant shifts in the period of late antiquity compared to the classical one. The main changes affected the subject matter of historical writing, that is, a sample of precedents that the authors considered necessary to describe within the framework of their current priorities. This conclusion is also confirmed by the fact that most Latin Christian historians directly or indirectly point out that they are based not only on their Christian predecessors, but also on pagan classics. The knowledge of the latter was included in grammatical and rhetorical education at least in the form of epitomes, and served as a source of direct and indirect quotes, imitations and stylizations – not as explicit as, for example, Christian patristics, but rather, by default, as a kind of conventional agreement.

REFERENCES

1. Koselleck, R. (1995) *Historia Magistra Vitae. Über die Auflösung des Topos im Horizont neuzeitlich bewegter Geschichte*. In: Koselleck, R. *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
2. Koselleck, R. (2018) Linguistic Change and the History of Events. In: Franzel, S. & Hoffmann, S.-L. (eds) *Sediments of Time: On Possible Histories*. Stanford University Press.
3. Gellius, Aulus. (2007) *Atticheskie nochi* [Attic nights]. Translated from Latin. St. Petersburg: IT's Gumanitarnaya akademiya.
4. Virgil. (2001) *Eneida. S kommentariyami Serviya* [Aeneid. With Servius's commentary]. Translated from Latin. Moscow: Labirint.
5. Zaretskiy, Yu., Levinson, K., & Shirle, I. (2014) *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy* [Dictionary of basic historical concepts]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Isidore of Seville. (2006) *Etimologii, ili Nachala v XX knigakh* [The etymologies, or Origins: In XX books]. Translated from Latin. Books I–III. St. Petersburg: Evraziya.
7. Savel'eva, I.M. & Poletaev, A.V. (2003) *Znanie o proshlom: teoriya i istoriya* [Knowledge of the past: Theory and history]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.
8. Momigliano, A. (1963) Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A.D. In: Momigliano, A. (ed.) *The Conflict Between Paganism and Christianity in the Fourth Century*. Oxford: Clarendon Press.
9. Sidorov, A.I. (2011) “Chernaya koshka v temnoy komnate”: formirovanie traditsiy istoriopisaniya v rannesrednevekovoy Evrope [“A black cat in a dark room”: Formation of historical writing traditions in early medieval Europe]. In: Sidorov, A.I. (ed.) *Lokal'nye istoricheskie kul'tury i traditsii istoriopisaniya* [Local historical cultures and historical writing traditions]. Moscow: Institute of World History, RAS.
10. Liebeschuetz, W. (2003) Pagan Historiography and the Decline of the Empire. In: Marasco, G. (ed.) *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity*. Brill.
11. Leppin, H. (2003) Church Historians: Socrates, Sozomenus and Theodoretus. In: Marasco, G. (ed.) *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity*. Brill.
12. Rohrbacher, D. (2002) *The Historians of Late Antiquity*. Routledge.
13. Tyulenev, V.M. (2004) Pavel Oroziy i ego “Istoriya protiv yazychnikov” [Paul Orosius and his “History against the pagans”]. In: Paul Orosius. *Istoriya protiv yazychnikov* [History against the pagans]. Translated from Latin. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko.
14. Zecchini, G. (2003) Jerome, Orosius and the Western Chronicles. In: Marasco, G. (ed.) *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity*. Brill.
15. Starostin, D.N. (2013) The ideas of history in the works of Sulpicius Severus. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*. 13. pp. 403–414. (In Russian).
16. Gene, B. (2002) *Istoriya i istoricheskaya kul'tura Srednevekovogo Zapada* [History and historical culture of the Medieval West]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
17. Turskiy, G. (1987) *Istoriya frankov* [History of the Franks]. Moscow: Nauka.
18. Starostin, D.N. (2011) Grigoriy Turskiy i problema regional'noy kul'tury istoriopisaniya v Gallii VI v. [Gregory of Tours and the problem of the regional culture of historical writing in the 6th-century Gaul]. In: Sidorov, A.I. (ed.) *Lokal'nye istoricheskie kul'tury i traditsii istoriopisaniya* [Local historical cultures and historical writing traditions]. Moscow: Institute of World History, RAS.
19. Savukova, V.D. (1987) Grigoriy Turskiy i ego sochinenie [Gregory of Tours and his writing]. In: Gregory of Tours. *Istoriya frankov* [History of the Franks]. Translated from Latin. Moscow: Nauka.

Received: 25 December 2019

В.И. Молодин, Л.С. Кобелева

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ НА НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ ТАРТАС-1 (БАРАБИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ). ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАХОРОНЕНИЙ, ПЕРЕРЕЗАЮЩИХ РАННИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ПАМЯТНИКА

Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Проанализированы погребальные комплексы культур эпохи неолита – ранней – развитой бронзы, выявленные на территории ранненеолитической стоянки памятника Тартас-1 в Барабинской лесостепи. Стоянка представлена двумя жилищно-хозяйственными сооружениями и серией специальных ям для квашения рыбы. Своеобразная посуда, каменные и костяные орудия, а также ритуальные захоронения животных (приклады) позволили выделить ранее неизвестную культуру эпохи неолита, названную «барабинской неолитической культурой».

Ключевые слова: Барабинская лесостепь; эпоха неолита и бронзы; одиновская культура; андроновская (федоровская) культура; хронология.

Раскопки памятника Тартас-1 ведет Западносибирский археологический отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН с 2003 г. [1]. Методика исследования, полностью себя оправдавшая, предусматривала: 1) максимально широкий геофизический мониторинг; 2) вскрытие методом сплошной площади. Раскопано 33 831 кв. м, исследованы погребальные комплексы различных культур от неолита до позднего средневековья включительно, изучено 764 захоронения и 1 609 ям различного назначения, а также культовые и поселенческие структуры разных эпох. Важнейшие результаты, ежегодно вводимые в оборот, активно используются научным сообществом.

В 2015 г. полностью изучена ранненеолитическая стоянка, представленная двумя жилищно-хозяйственными сооружениями и серией специальных ям для квашения рыбы [2]. Своеобразная посуда, каменные и костяные орудия, а также ритуальные захоронения животных (приклады) позволили говорить о ранее неизвестной культуре эпохи неолита, получившей наименование «барабинская неолитическая культура». Частично эти источники введены в научный оборот [3, 4]. При исследовании комплекса отмечено, что во многих местах культурный слой памятника, в том числе его архитектурные сооружения, были перерезаны более поздними захоронениями, что демонстрирует относительную хронологию изучаемых объектов.

Исследованные погребения, содержащие оригинальные материалы эпохи неолита и бронзы, заслуживают отдельной публикации. Ниже приводится их характеристика. Сквозная нумерация захоронениям присваивалась по мере их открытия и изучения. Учитывая специфику настоящей статьи, считаем необходимым оставить в тексте наблюдения, зафиксированные при раскопках и вошедшие в научные отчеты [5, 6].

Характеристика источников

Погребение № 617 зафиксировано в тр. 260, у северной стенки, в кв. В¹/2-3 (рис. 1) на уровне матери-

ка в виде подпрямоугольного пятна (1,20×0,80 м), продольной осью ориентированного по линии СВ-ЮЗ. Заполнено плотной темно-серой супесью. После выборки могила приобрела подчетыреугольную форму с закругленными углами, размером 1,25×0,83 м. Глубина ямы – 0,14 м от уровня материка. Стенки прямые, дно ровное.

На дне могильной ямы обнаружено два человеческих скелета (рис. 2).

Скелет № 1. Погребенный ребенок помещен в могилу вдоль северной стенки, в скорченном положении на левом боку, руки согнуты в локтевых суставах. Сохранилась кость только одной руки. Сохранность костей очень плохая. Ноги согнуты в коленных суставах, правая нога повернута к левой. Пальцы стоп и кистей рук практически не сохранились. Череп представлен фрагментарно (раздавлен). Погребение не потревожено, кости скелета залегают *in situ*, в анатомическом порядке.

Скелет № 2. Погребенный новорожденный помещен в могилу вдоль южной стенки в скорченном положении на левом боку, как и скелет № 1. Сохранность костей очень плохая. Зафиксированы длинные кости ног (подогнуты в коленях), несколько ребер и кости рук (согнуты в суставах). Череп представлен несколькими фрагментами. Скелет залегал в слое материковой подушки, *in situ*, в анатомическом порядке.

Находки: два керамических сосуда, расположенных около черепа скелета № 1, и два фрагмента керамики в засыпке, вероятно, попавших в погребение из нор грызунов или вместе с заполнением.

Сосуд № 1 (рис. 2, 5) баночной формы, орнаментирован по всей поверхности, кроме дна. По горловине – два ряда наклонных отпечатков подтреугольной формы, нанесенных углом гладкого штампа. Еще два ряда аналогичных, но более крупных вдавлений зафиксировано в зоне максимального диаметра по тулову и в придонной части. Композицию завершают вертикальные ряды гладкого штампа, разреженно нанесенные от венчика до придонной части.

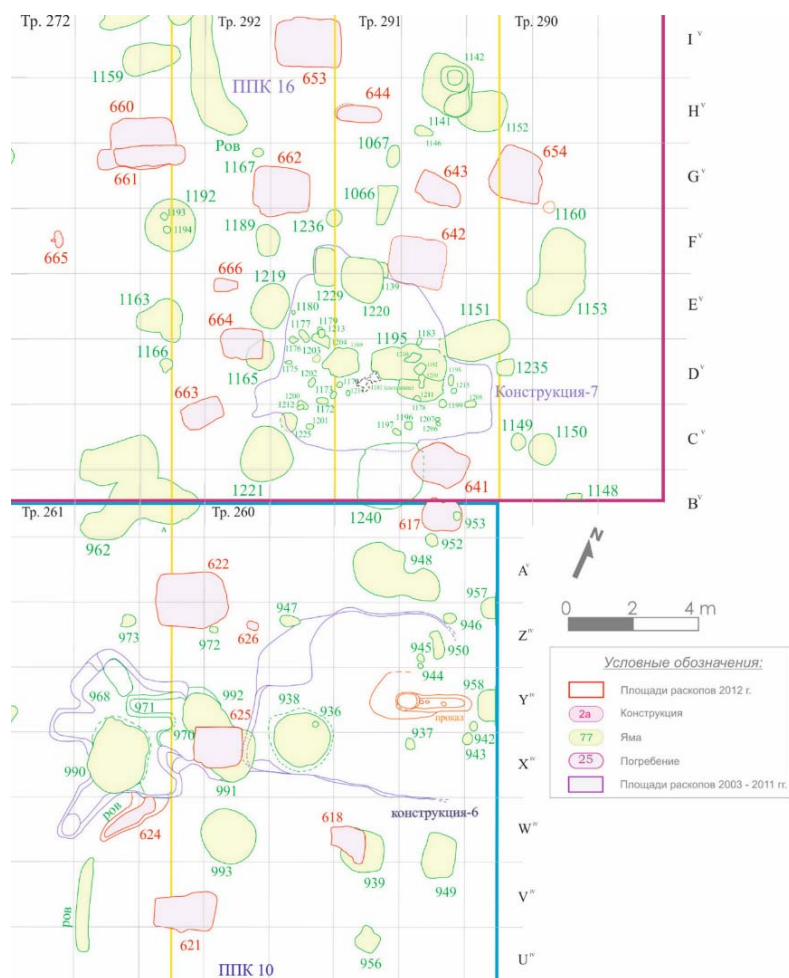

Рис. 1. Могильник Тартас-1. Погребение № 144. 1 – план погребения; 2 – фото погребения; 3 – стратиграфический разрез. I – темно-серая почва с включениями желтого суглинка; II – светло-серая почва; III – серая почва; IV – желтый суглинок; V – серо-желтая почва; VI – черная мешаная почва; VII – желто-серая мешаная почва

Сосуд № 2 (см. рис. 2, 4) – плоскодонный, хорошо профилированный горшок. Орнаментирован попеременно рядами мелких подтреугольных вдавлений и рядами наклонных отпечатков гребенчатого штампа.

В восточной части погребения, под черепом скелета № 1 и сосудами зафиксирована яма № 953, которая имеет отношение к неолитическому комплексу – конструкции № 6. Яма полностью перекрыта более поздней могильной ямой (рис. 1).

Погребальный обряд и обнаруженный в захоронении инвентарь позволяют однозначно квалифицировать комплекс как андроновский (федоровский) эпохи бронзы.

Погребение № 618 (рис. 1, 3, 4) зафиксировано на уровне материка в виде сильно вытянутого пятна под четырехугольной формы, размером 1,5×0,85 м, ориентированного продольной осью по линии 3-В. В процессе выборки пятно разделилось на два объекта. Погребение заполнено темно-серой однородной супесью мощностью до 0,15 м. Судя по разрезу, погребение частично перерезало раннеолитическую яму (№ 939) (рис. 3). После выборки заполнения контуры погребения проявились большей частью в западной части.

Могильная яма подпрямоугольной формы (0,7×0,8 м) с закругленными углами ориентирована

продольной осью по линии СВ-ЮЗ, глубина не более 0,15 м. На уровне материка пятно имело размеры 1,7×1,3 м. Дно могильной ямы ровное, северная и западная стенки прямые, южная – пологая. Восточная стенка не фиксировалась и была убрана при выборке профиля ямы 939.

На дне, *in situ*, обнаружен скелет ребенка плохой сохранности. Он помещен в могилу в скорченном положении на левом боку, головой на СВ. Удалось идентифицировать череп и длинные кости ног. Кости ребер и позвонков отсутствуют. Судя по расположению теменной доли черепа, погребенного уложили на бок.

У головы погребенного зафиксировано 2 керамических сосуда.

Сосуд № 1 (рис. 4, 1) – блюдо прямоугольной формы с защипами по углам. По венчику фиксируется ребро-валик. Сосуд не орнаментирован.

Сосуд № 2 (рис. 4, 2) – плоскодонный баночной формы, орнаментирован «зигзагом» в гребенчатой технике.

В данном случае выявлен классический образец перекрытия раннего объекта более поздним, о чем свидетельствуют, прежде всего, стратиграфические и планиграфические наблюдения.

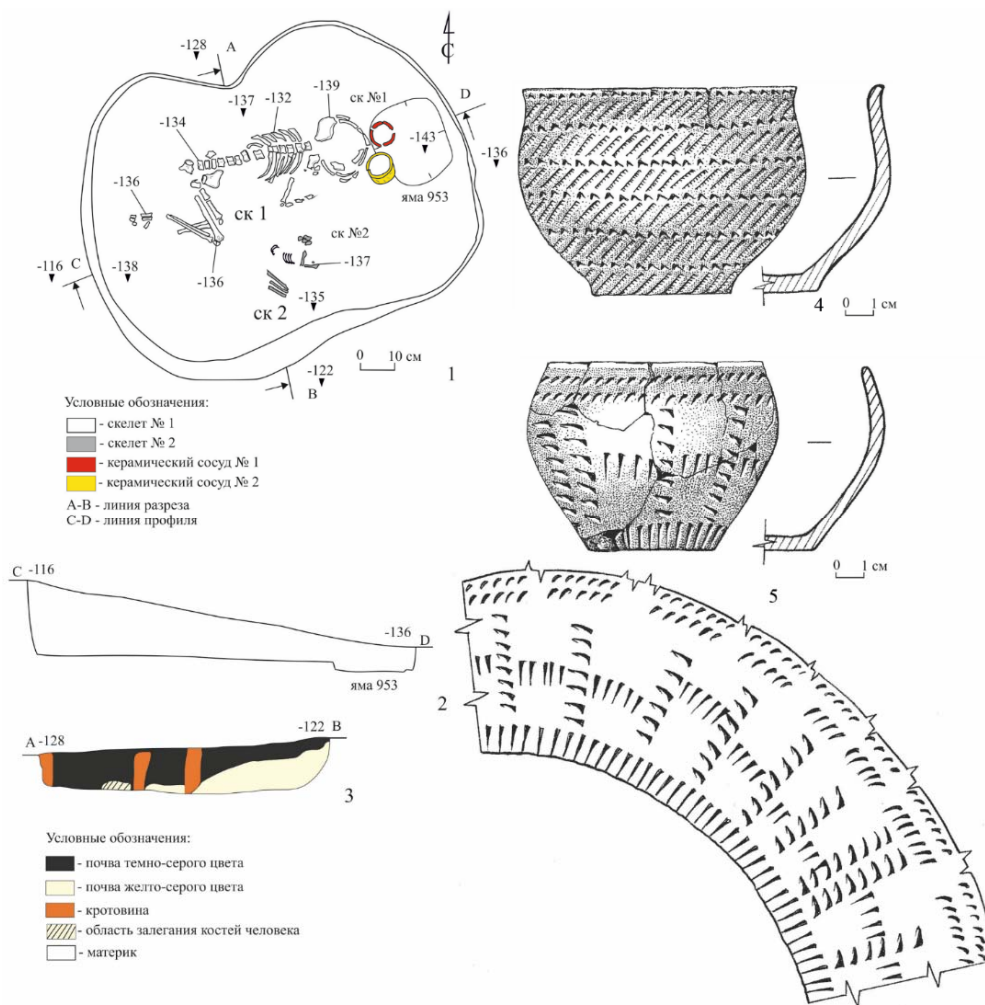

Рис. 2. Могильник Тартас-1. Погребение № 617.
 1 – план; 2 – профиль по линии СЗ-ЮВ; 3 – разрез по линии ЮЗ-СВ;
 4 – керамический сосуд № 2; 5 – керамический сосуд № 1

Зафиксированные особенности погребальной практики и инвентарь позволяют уверенно отнести захоронение к андроновской (федоровской) культуре.

Погребение № 621 зафиксировано на уровне материка в виде прямоугольного пятна с закругленными углами, ориентированного длинной осью по линии СЗ-ЮВ (см. рис. 1). Заполнение – темно-серая мешаная супесь с вкраплениями желтого материкового суглинка и фрагментов кальцинированных костей.

После выборки заполнения выявились контуры прямоугольной могилы с закругленными углами, ориентированной продольной осью по линии ЮЗ-СВ. Стенки прямые, дно ровное. Размеры ямы – 1,83×1,27 м. В заполнении на разном уровне встречались жженные кости человека. Скопление кальцинированных костей локализовалось в северном углу могильной ямы, где кремация распространяется от материка до дна погребения. Небольшое скопление жженных костей зафиксировано на дне в юго-западной части ямы. В центральной части ямы обнаружен крестец взрослого человека: скорее всего, несгоревшую часть кремированного человека поместили в могилу вместе со жженными костями. Находок не обнаружено.

Особенности погребального обряда позволяют отнести погребение к андроновской (федоровской) культуре.

Погребение № 622 зафиксировано на уровне материка в виде пятна темно-серой супеси подовальной формы (2,1×1,55 м) с закругленными углами, ориентированного продольной осью по линии СВ-ЮЗ (рис. 1).

Заполнение могильной ямы неоднородно. У юго-восточной стенки в верхнем горизонте отмечен слой серой супеси с мелкими кальцинированными вкраплениями. В придонной части встречался слой желто-серого мешанного предматерикового суглинка, в центральной части захоронения залегали кости погребенного. Могильная яма перерезала культурный слой неолитической стоянки, но стратиграфически это никак не выражено.

В процессе выборки заполнения проявились контуры могилы подпрямоугольной формы с закругленными углами и выгнутой по верхнему абрису СВ стенкой. Размеры ямы – 2,2×1,7 м. Стенки могильной ямы прямые, дно ровное, с незначительным понижением с СВ на ЮЗ: глубина ямы от уровня материка у СВ стенки – 0,36 м, у ЮЗ – 0,53 м. У северо-восточной стенки погребение имеет ступеньку шириной до 0,1 м на глубине 0,24 м от материка.

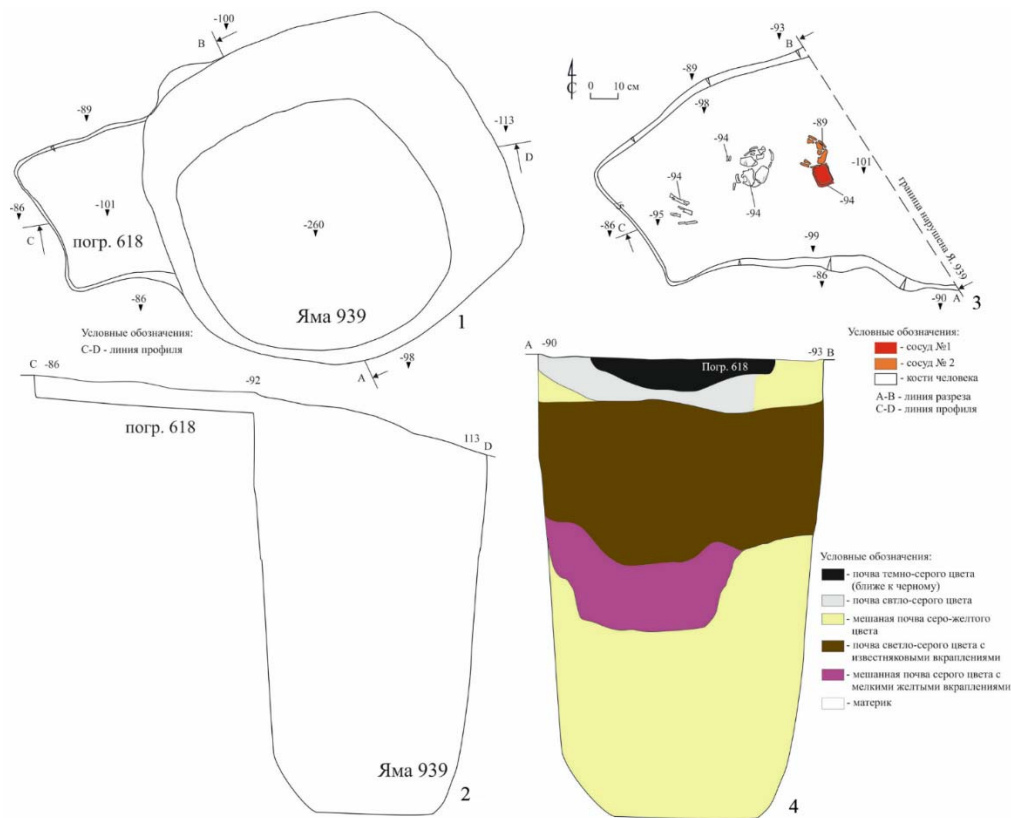

Рис. 3. Могильник Тартас-1. Погребение № 618. Яма № 939. 1 – план ямы № 939; 2 – профиль по линии СЗ-ЮВ; 3 – план погребения № 618; 4 – разрез по линии ЮЗ-СВ

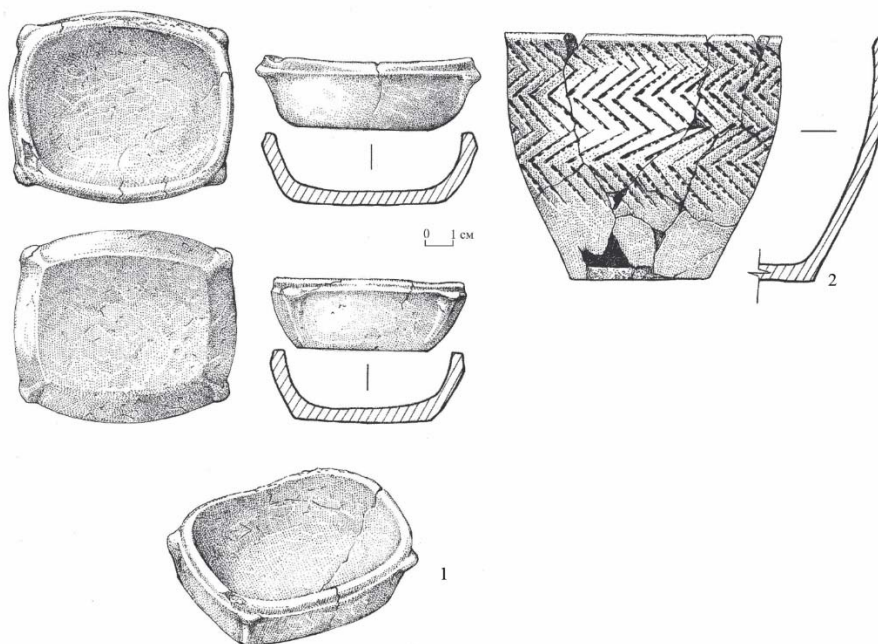

Рис. 4. Могильник Тартас-1. Погребение № 618. Яма № 939. 1 – керамический сосуд № 1; 2 – керамический сосуд № 2

Погребение ограблено в древности. На глубине 0,08 м от уровня материка обнаружены кости погребенного, залежавшие в полном беспорядке. Часть черепа человека зафиксирована в северо-восточной части погребения в верхнем горизонте заполнения. В заполнении помимо костей скелета человека встреча-

лись фрагменты керамики и охры. От скелета сохранились несколько позвонков, фрагменты ребер, фаланги пальцев, одна лучевая кость. Эта часть скелета сконцентрирована в центральной области могильной ямы. Здесь же обнаружен развал керамического сосуда, еще один фрагмент керамики найден у юго-

западной стенки ямы. Однозначно говорить о положении погребенного невозможно, но пропорции могильной ямы позволяют предполагать, что умерший был взрослым и уложен, скорее всего, в скорченном положении на боку.

В могилу помещены два сосуда. Один сосуд реконструирован полностью: горшок с выраженной шейкой и одутловатым туловом. Орнаментальная схема своеобразна, хотя более всего напоминает нарядные горшки андроновской (федоровской) культуры. От второго сосуда дошел фрагмент горловины с рядами насечек.

Особенности погребения и сосуда позволяют отнести комплекс к андроновской (федоровской) культуре.

В южной части стоянки ее культурный слой и яму № 993 перекрывает так называемый погребально-поминальный комплекс № 10 (ППК-10) (см. рис. 1). Данный комплекс включает два захоронения (№ 621, 624) и систему из трех ровиков, полукольцом охватывающих погребение № 621. Возможно, прерывистый ровик образовывал кольцо, однако восточная часть ППК 10 оказалась разрушенной современной дорожной колеей.

В контексте настоящей работы особое значение имеет северо-западный ровик ППК 10, поскольку часть рва перерезала более раннюю неолитическую

систему ям № 970, 990, 991. Центральной частью ППК-10 является погребение № 621.

Погребение № 624 зафиксировано при выборке заполнения западного рва ППК 10. При выборке пятна темно-серой супеси мощностью 0,7 м обнаружено скопление фрагментов черепа человека. Однозначно квалифицировать захоронение сложно. Предположительно захоронение черепа (или головы?) человека во рву было сопроводительной жертвой главному захоронению № 621, ППК-10. В таком случае погребение № 624 относится к андроновской (федоровской) культуре.

Погребение № 625 (рис. 5) на уровне материка читалось в виде пятна подквадратной формы с закругленными углами, заполненного темно-серой супесью. Пятно располагалось между овальными ямами № 991 и 992 (рис. 1), заполненными светло-серой супесью с белесыми вкраплениями. Края могильной ямы налагались на неолитические ямы, перерезая их верхнюю часть.

После выборки заполнения погребение приобрело подквадратную форму размерами 1,58×1,5 м, глубиной до 0,16 м от уровня материка, ориентировано по линии СВ-ЮЗ. Стенки могилы прямые, дно ровное. Заполнено темно-серой мешанной супесью с вкраплениями белесой супеси.

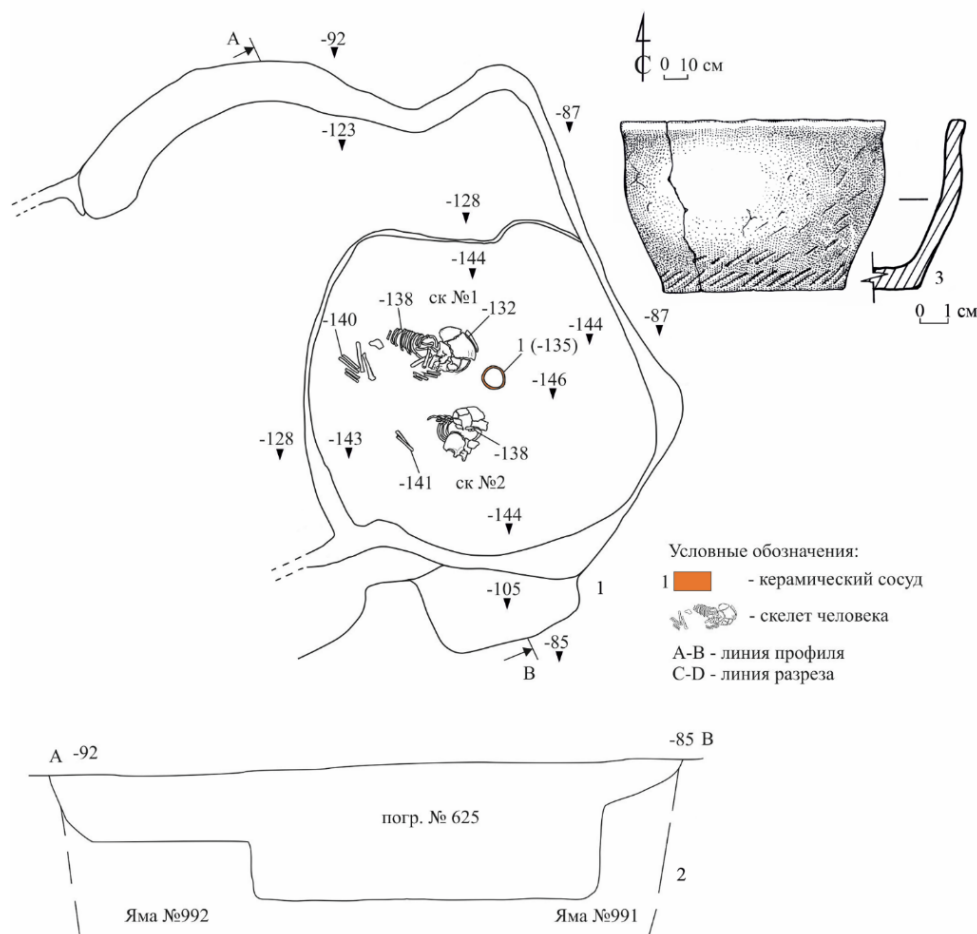

Рис. 5. Могильник Тартас-1. Погребение № 625.
1 – план; 2 – профиль по линии СВ-ЮЗ; 3 – керамический сосуд

В центральной части ямы обнаружено два детских скелета.

Скелет № 1. Погребен ребенок. Помещен в могилу в скорченном положении на левом боку, руки согнуты

в локтевых суставах. Сохранились только крупные кости, фаланги конечностей отсутствуют. Ноги согнуты в бедренных и коленных суставах. Эпифизы не сохранились. Дошла лишь часть одного крыла таза, остальные кости таза отсутствуют, как и позвонки поясничного отдела. Кости черепа хорошей сохранности, хотя череп раздавлен. Погребение не потревожено, кости скелета погребенного залегают *in situ*, в анатомическом порядке.

Скелет № 2. Погребен ребенок. Помещен в могилу в скорченном положении на левом боку, южнее первого скелета. Видимо, ноги были согнуты в бедренных и коленных суставах. Сохранилась бедренная кость, часть ребер и позвонки грудного и шейного отдела. Кости таза и позвонки поясничного отдела отсутствуют. Кости черепа погребенного раздавлены и несколько растащены. В остальном погребение не потревожено, кости скелета залегают *in situ*, в анатомическом порядке.

В восточной части погребения между голов погребенных обнаружен керамический слабопрофилированный плоскодонный горшок (см. рис. 5, 3). Орнамент выполнен наклонной гребенкой, сильно затерт и сохранился только на придонной части. Других находок нет.

Особенности погребального обряда и морфологические черты сосуда позволяют датировать погребение

время бытования андроновской (федоровской) культуры.

Перекрытые погребением № 625 ямы для квашения рыбы содержали еще и ритуальные приклады (яма № 991) собаки и росомахи, их стратиграфическое залегание безукоризненно.

Погребение № 626 перерезает культурный слой неолитического поселения (см. рис. 1). Зафиксировано на уровне материка в виде овального пятна темно-серой супеси. На площади пятна фиксировались кости черепа и несколько костей человека: фаланга пальца ноги и часть плечевой кости, уходящие в морозобойную трещину темно-серого цвета. Размеры ямы по уровню материка 0,2×0,3 м.

Заполнение могильной ямы – темно-серая, слегка мешанная супесь мощностью 0,05 м. После выборки могила приобрела округлую, слегка вытянутую по линии З-В форму (0,25×0,35 м). Стенки ровные, слегка наклонены. В верхней части могилы найдены кости черепа и часть плечевой кости человека, на дне ямы – еще один фрагмент черепа. Других находок нет. Культурная принадлежность не ясна. Скорее всего, это вторичное захоронение. Определенно можно сказать, что могильная яма была врезана в неолитический культурный слой.

Погребение № 641 (рис. 6) выявлено на уровне материка в виде вытянутого светло-серого пятна прямоугольной формы с закругленными углами.

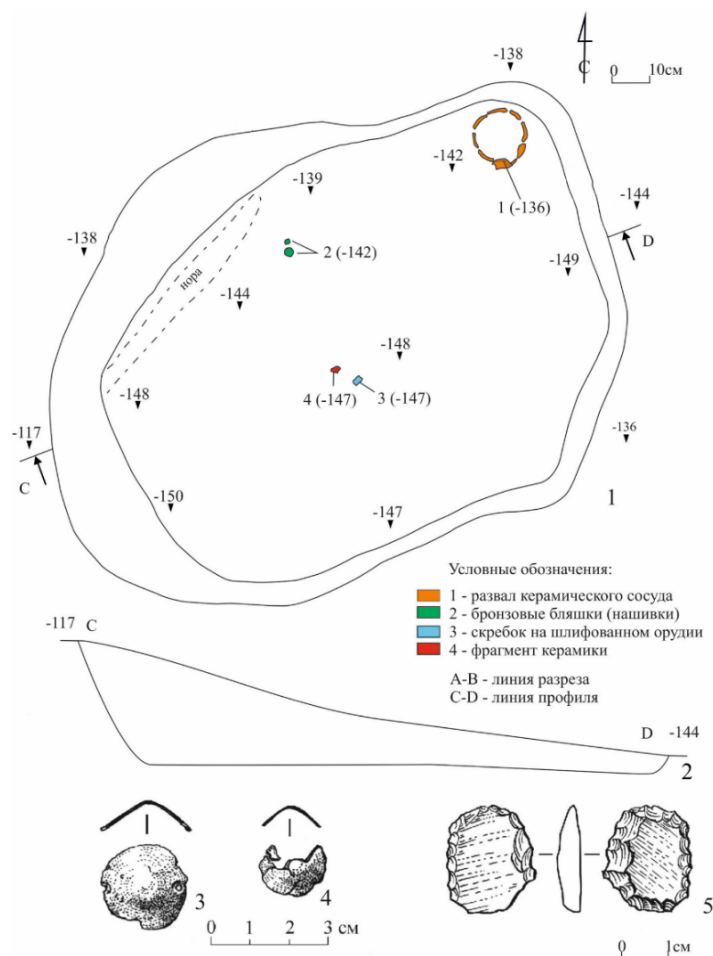

Рис. 6. Могильник Тартас-1. Погребение № 641.
1 – план; 2 – профиль по линии СВ-ЮЗ; 3, 4 – бронзовые бляшки; 5 – каменный скребок

На поверхности в восточном углу пятна найдена часть керамического сосуда. Могильная яма ориентирована длинной осью по линии ЮЗ-СВ. Размеры до выборки заполнения 1,58×1,15 м. Могильная яма перерезала раннюю, вероятно, неолитическую яму № 1240 (см. рис. 1).

После выборки заполнения могильная яма приобрела подпрямоугольную форму с округлыми стенками. Размеры после выборки по верхнему абрису 1,61×1,19 м, по нижнему – 1,31×1,2 м. Глубина от уровня материка достигает 0,31–0,35 м. Стенки пологие, дно ровное.

В заполнении могилы обнаружен один фрагмент кости ребенка. В центральной части ямы на дне найдены две бронзовые бляшки (нашивки?) (рис. 6, 3, 4), скребок (см. рис. 6, 5), фрагмент керамики, а в северо-восточном углу – развал керамического плоскодонного сосуда горшковидной формы, орнаментированного «зигзагом», нанесенным мелкозубым гребенчатым штампом.

Погребение сильно потревожено в древности. Практически весь костяк скелета был извлечен из могильной ямы. Сосуд, несмотря на очень плохую сохранность, как и бронзовые бляшки, можно однозначно отнести к андроновской (федоровской) культуре.

Скребок выполнен на обломке шлифованного орудия, рабочий край оформлен по периметру со спинки, по всей окружности контура крутой однорядной ретушью, а также частично ретуширован с брюшка. Его морфология сопоставима с другими раннеолитическими предметами поселенческого комплекса, перерезанного могильной ямой андроновской (федоровской) культуры.

Погребение № 642 (рис. 7) зафиксировано на уровне материка в виде подквадратного пятна со слегка закругленными углами.

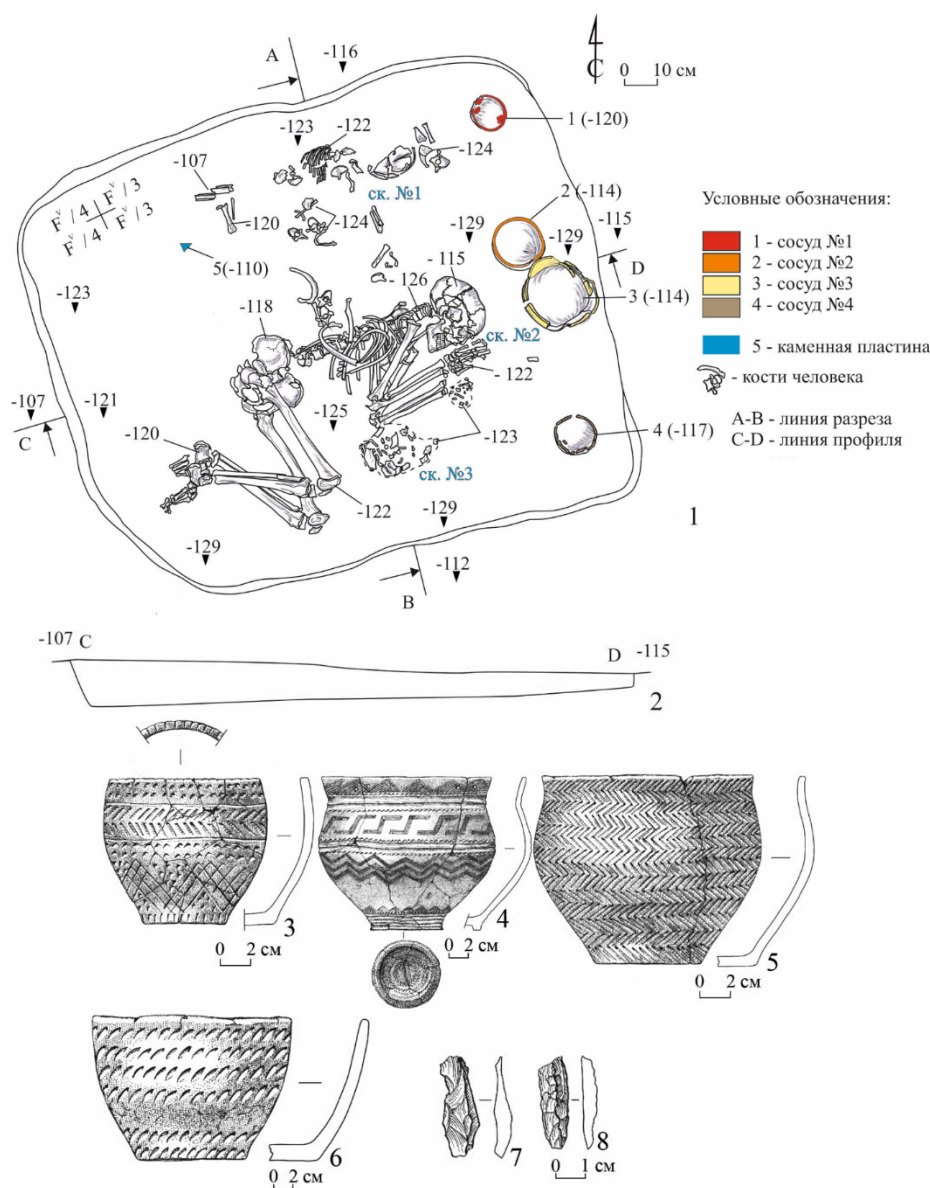

Рис. 7. Могильник Тартас-1. Погребение № 642.

1 – план; 2 – профиль по линии СВ-ЮЗ; 3 – керамический сосуд № 4; 4 – керамический сосуд № 3; 5 – керамический сосуд № 2; 6 – керамический сосуд № 1; 7 – орудие из камня; 8 – орудие из камня

На поверхности вдоль восточной стенки пятна выявлены венчики двух керамических сосудов. Цвет пятна неоднородный, в центральной части – темно-серый, по контуру – серо-желтая мешанная почва. Могильная яма ориентирована по линии СЗ-ЮВ, ее размеры до выборки 1,70×1,39 м. Северо-восточная часть могилы сильно пострадала от антропогенного воздействия. После выборки могильная яма имела подквадратную форму, стенки – прямые, пологие, дно – ровное. Размеры по верхнему абрису 1,74×1,42 м, по нижнему – 1,70×1,38 м, глубина от уровня материка 0,14–0,15 м.

Могильная яма врезана в неолитический слой, а ее южный угол перерезал стенку конструкции № 7 (см. рис. 1).

На дне могильной ямы обнаружено трое погребенных.

Скелет ребенка (№ 1) расположен у северной стенки могильной ямы. Большая часть костяка сдвинута, *in situ* остались ребра и часть черепа. Кости рук, ног, таза и прочего перемещены в результате жизнедеятельности грызунов. Следов грабительского лаза или вторичного проникновения не фиксируется. Возможно, на смещение костей повлияла современная полевая дорога, располагавшаяся чуть дальше метра от погребения. Судя по оставшимся костям, погребенного уложили на левый бок в скорченном положении, головой на СВ.

Скелет взрослого (№ 2) располагался в центральной части могилы. Кости лежали *in situ*, в анатомическом порядке за исключением нескольких ребер и позвонков. Погребенного уложили на левый бок в скорченном положении. Ноги согнуты в коленях, слегка подтянуты к животу. Руки согнуты в локтях, ладони расположены напротив лица погребенного. Челюсть имеет красновато-коричневый оттенок.

Скелет № 3 – жженные кости человека (кремация). Фрагменты крупные, цвет иссиня-черный и белесо-пепельный. Большая часть скопления компактно расположена на уровне живота погребенного № 2, возле его локтей, размеры скопления 0,15×0,25 м. Часть жженных костей находилась возле правой кисти погребенного № 2, размер скопления 0,9×0,8 м. Антропологически определимы кости черепа и крупных костей ног (?).

Находки: четыре керамических сосуда, поставленные в ряд вдоль восточной стенки могильной ямы.

Сосуд № 1 (см. рис. 7, б) – в северном углу могилы, в изголовье погребенного № 1. Плоскодонный, баночной формы, орнаментирован по всей поверхности, за исключением дна, рядами наклонных семечковидных вдавлений гребенчатого штампа.

Сосуды № 2, 3 расположены у восточной стенки в изголовье погребенного № 2.

Сосуд № 2 (рис. 7, 5) – плоскодонный горшок, орнаментирован по всей поверхности, за исключением дна, «зигзагом», нанесенным прямоугольным в сечении мелкозубым гребенчатым штампом.

Сосуд № 3 (рис. 7, 4) – плоскодонный сильно профилированный горшок, с выраженным поддоном. По горловине орнаментирован заштрихованными равнобедренными треугольниками, под которыми распола-

гались два прочерченных «желобка», подчеркнутые сверху и снизу рядами мелких треугольных вдавлений. Аналогичная композиция из «желобков» выявлена в широкой части тулова и в придонной части. На плечиках – ряд меандров в виде «половинчатой» свастики, в придонной части – три ряда горизонтального «зигзага». Придонная часть горшка украшена четырьмя желобками, а над ними – цепочкой заштрихованных равнобедренных треугольников. Край поддона и дно сосуда декорированы вписанными друг в друга кольцами елочного зигзага. Вся композиция, за исключением «желобков», нанесена мелкозубым гребенчатым штампом.

Сосуд № 4 (рис. 7, 3) расположен у восточной стенки в юго-восточном углу погребения. Скорее всего, он относится к кремации. Плоскодонный, баночной формы. Венчик орнаментирован «насечками». Верхняя часть сосуда декорирована двумя рядами наклонных вдавлений, нанесенных овальным в сечении гребенчатым штампом, «елочкой», выполненной прямоугольным в сечении крупнозубым гребенчатым штампом, и двумя горизонтальными параллельными прочерченными линиями. На нижней части сосуда – сложная композиция из двух рядов равнобедренных состыкованных треугольников. Верхний ряд нанесен в гребенчатой технике, а нижний – в резной. Придонная часть сосуда подчеркнута цепочкой вертикально поставленных насечек.

Исходя из особенностей погребальной практики, формы и орнаментации сосудов, перед нами классический образец захоронения андроновской (федоровской) культуры.

В могильной яме обнаружены два каменных предмета (рис. 7, 7, 8), попавших сюда из разрушенного культурного слоя, возможно, даже неолитической конструкции. Первый предмет – скол со следами обработки, второй – обломок каменного топора (?), с выраженным ребром, со сходящими фасетками крупной ретуши.

Погребение № 643 зафиксировано на уровне материка в виде вытянутого аморфного пятна, ориентированного длинной осью по линии З-В. Его размеры до выборки – 1,40×0,8 м. На поверхности пятна выявлена часть скелета человека. Верхняя часть захоронения повреждена дорогой.

После выборки заполнения могильная яма приобрела подпрямоугольную форму с сильно закругленной восточной стенкой. Другие стенки – прямые, пологие, дно ровное. Размеры ямы после выборки по верхнему краю – 1,45×0,82 м, по нижнему – 1,40×0,77 м. Глубина от уровня материка достигает 0,08–0,10 м.

На дне могилы обнаружен сильно смещенный (колея дороги?) скелет ребенка. Сохранность костей удовлетворительная. Кости рук и ног, несмотря на смещение, остались согнуты в суставах. На уровне шейных позвонков обнаружены фаланги пальцев рук. Костяк вытянут по линии З-В. Череп раздавлен и частично разрушен. Предположительно, погребенный лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на восток. При разборе скелета под основным массивом костей обнаружили кости таза, лопатка и ключица.

В восточной части могильной ямы, около черепа погребенного обнаружен коренной зуб взрослого человека.

У восточной стенки ямы, рядом с черепом, найден керамический сосуд. Плоскодонный горшок орнаментирован по горловине четырьмя горизонтальными линиями, нанесенными прямоугольным в сечении гребенчатым штампом. На тулове – «зигзаг», выполненный в той же технике. Дно орнаментировано бессистемными наколами. Сосуд однозначно относится к андроновской (федоровской) культуре.

Погребение врезано в более ранний, неолитический слой, который в этом месте также сильно пострадал от антропогенного воздействия (см. рис. 1).

Погребение № 644 (рис. 8) зафиксировано под колеёй старой дороги на уровне материка в виде вытянутого овального пятна светло-серого цвета, ориентировано длинной осью по линии ЮЗ-СВ. Размеры до выборки заполнения 1,40×0,5 м. Могильная яма в верхней части заполнена светло-серой мешанной супесью с включением жёлтого суглинка мощностью 0,3 м. Его подстилает темно-серая мешанная супесь с вкраплениями серого суглинка, мощностью 0,15 м. В центральной части заполнения – желто-серая пестрая супесь, частично нарушенная ходами грызунов.

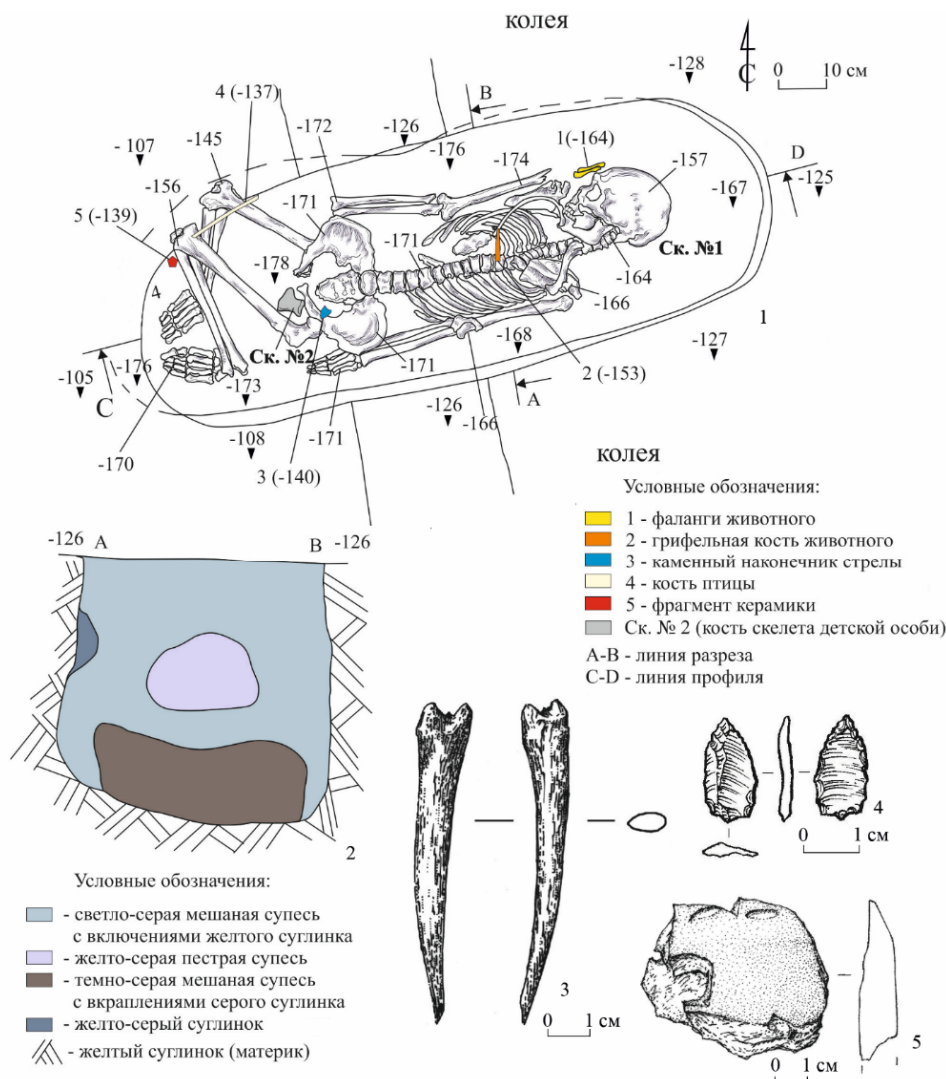

Рис. 8. Могильник Тартас-1. Погребение № 644.
1 – план, 2 – разрез по линии СВ-ЮЗ, 3 – разрез по линии СВ-ЮЗ

После выборки могильная яма приобрела форму вытянутого овала с отвесными стенками и неровным дном. Северная стенка имеет небольшой отрицательный угол. Размеры ямы по верхнему абрису 1,45×0,53 м, по нижнему – 1,53×0,5 м. Дно имеет наклон с СВ на ЮЗ. Глубина в западной части погребения – 0,68 м, в восточной – 0,42 м. В могиле обнаружен скелет взрослого человека, погребённого на спине, головой на СВ, с вытянутыми, расположенными вдоль тела руками, колени подняты вверх и прислонены к северной стенке. Сохранность антропологического материала хорошая. У скелета от-

сутствуют фаланги пальцев правой руки (расташены грызунами?). При разборе скелета зафиксированы следы охры: кости черепа, рук, ребер имели характерный красно-коричневый окрас. В процессе выборки над тазом взрослого скелета обнаружен фрагмент тазовой кости ребенка.

На разной глубине могильной ямы выявлен ряд предметов: 1) кость птицы в области ног у северной стенки; 2) фрагмент придонной части керамического сосуда в области ног у северо-западной стенки (рис. 8, 5), с орнаментом в виде двух семечковидных вдавле-

ний (относится к периоду раннего неолита, попал в заполнение могильной ямы из нарушенного культурного слоя); 3) каменный наконечник стрелы над костями таза погребенного (рис. 8, 4); 4) проколка из грифельной кости животного в области грудной клетки (рис. 8, 3); 5) две фаланги животного (птицы?) на дне ямы у костей лба, скорее всего, находки связаны с украшением головного убора.

По радиоуглеродной дате $4\ 691-4\ 550 \pm 21 (\pm 26)$ захоронение относится к позднему неолиту. Стратиграфически захоронение перерезало культурный слой ранне-неолитической стоянки (см. рис. 1).

На северо-западной периферии стоянки частично выявлен погребально-поминальный комплекс № 16 (ППК-16) (рис. 1) в виде кольцеобразного ровика, что характерно для подобных сооружений на памятнике. Центральной частью ППК-16 является погребение № 653. Ниже предлагается его характеристика.

Погребение № 653 выявлено на уровне материка в виде подпрямоугольного пятна ($2 \times 1,5$ м) с закругленными углами темно-серого цвета с пепельными включениями, ориентировано по длине с ЮЗ на СВ.

После выборки сохранились форма и ориентация могильной ямы, изменились размеры – $2,06 \times 1,53$ м. Стенки ямы ровные, отвесные. Дно ровное, имело небольшой наклон к северо-восточной стенке. На дне выявлены разрозненные кости скелетов двух взрослых человек. Большая часть костей сосредоточена в юго-западном углу погребения: длинные кости рук и ног, кости таза, ребра, позвонки и пр. В центральной части, ближе к северному углу, обнаружен череп одного из погребенных. На одной берцовой кости – бронзовые окислы.

В заполнении погребения найдены восемь бронзовых бусин и четыре фрагмента керамического плоскодонного сосуда, орнаментированного по дну и горловине заштрихованными равнобедренными треугольниками, составленными из оттисков гребенчатого штампа.

На дне могильной ямы обнаружены еще два сосуда.

Сосуд № 1 – археологически целый плоскодонный горшок с горизонтально прочерченными линиями, располагался в юго-восточном углу погребения дном вверх.

Фрагменты сосуда № 2 разбросаны по центральной части погребения. Плоскодонный горшок орнаментирован частыми горизонтальными линиями из оттисков гребенчатого штампа и «елочки».

Сосуды относятся к андроновской (федоровской) культуре. Весь ППК, включая захоронение, был сооружен на неолитическом культурном слое.

Погребение № 654 первоначально зафиксировано в виде подпрямоугольного пятна со слегка закругленными углами, ориентировано по линии С-Ю. На поверхности пятна отмечены длинные кости рук (?). Размеры до выборки – $1,54 \times 1,50$ м. Верхняя часть могилы сильно подрезана при ремонте дороги.

После выборки могильная яма имела подпрямоугольную форму с отвесными, неровными стенками. Восточная стенка отсутствует. Дно ровное, с небольшим понижением к северу. Глубина погребения от уровня материка $0,03-0,18$ м. Размеры после выборки по верхнему абрису $1,59 \times 1,53$ м, по нижнему – $1,54 \times 1,48$ м.

На дне погребения выявлены разрозненные кости взрослого человека, преимущественно размещавшиеся в центральной и южной части могильной ямы. Сохранились длинные кости рук (?), нижняя челюсть, фрагменты костей таза, лопатка. У северной стенки обнаружено два зуба.

Находки: кусочек охры и фрагменты двух керамических сосудов, расположенных, скорее, *in situ*.

Сосуд № 1 – верхняя часть горшка, выявлен у восточной стенки в центральной части погребения. Орнаментирован рядами «елочки», нанесенной гребенчатым штампом с прямоугольными по форме зубцами.

Сосуд 2 – горшок с оттисками гребенчатого штампа плохой сохранности в юго-восточном углу погребения.

Судя по расположению сосудов, изначально погребенного поместили в могилу головой на СВ.

Форма погребальной камеры, сосуд указывают на принадлежность захоронения к андроновской (федоровской) культуре. Следы неолитического культурного слоя в этом месте практически не сохранились.

Погребение № 660 (рис. 9, 1) зафиксировано на уровне материка в виде пятна подпрямоугольной формы с закругленными углами, темно-серого цвета, ориентировано длинной осью по линии ЮЗ-СВ. Размеры до выборки – $1,90 \times 1,40$ м. Южной частью пятно погребения № 660 налагалось на вытянутое, подпрямоугольное пятно светло-серого цвета (погребение № 661) (см. рис. 1).

Заполнение погребения № 660 – темно-серая супесь с вкраплением желтого суглинка мощностью $0,27$ м. В южной части слоя мешанные: супесь черного цвета и линза белесой супеси с пепельным включением.

В процессе выборки выявлены контуры подпрямоугольной могильной ямы с закругленными углами. Размеры $1,95 \times 1,51$ м. Глубина $0,27-0,30$ м. Стенки прямые, слегка пологие, дно ровное.

На дне ямы обнаружен скелет взрослого человека, которого поместили в могилу в скорченном положении на левом боку, головой на ЮЗ. Ноги подогнуты в коленях, левая подтянута к животу. Череп отсутствует. Кости предплечий сильно смещены к западной стенке. Из костей рук *in situ* сохранились плечевые кости. Судя по их расположению, руки погребенного были согнуты в локтевых суставах, ладони располагались на уровне черепа.

В заполнении погребения найдены фаланги пальцев рук, позвонки, ребра.

Находки представлены тремя фрагментами керамики от одного сосуда, отщепом с ретушью с вентральной стороны и бронзовой бусиной-пронизкой (рис. 9, 3), найденной под кистями рук погребенного.

Сосуд № 1 представлен крупным фрагментом тулова слабопрофилированного горшка, орнаментированного по всей поверхности «зигзагом», нанесенным прямоугольным в сечении гребенчатым штампом (рис. 9, 2). Отщеп с ретушью, скорее всего, происходит из нарушенного неолитического культурного слоя.

Судя по погребальной практике и характерному сосуду, захоронение относится к андроновской (федоровской) культуре.

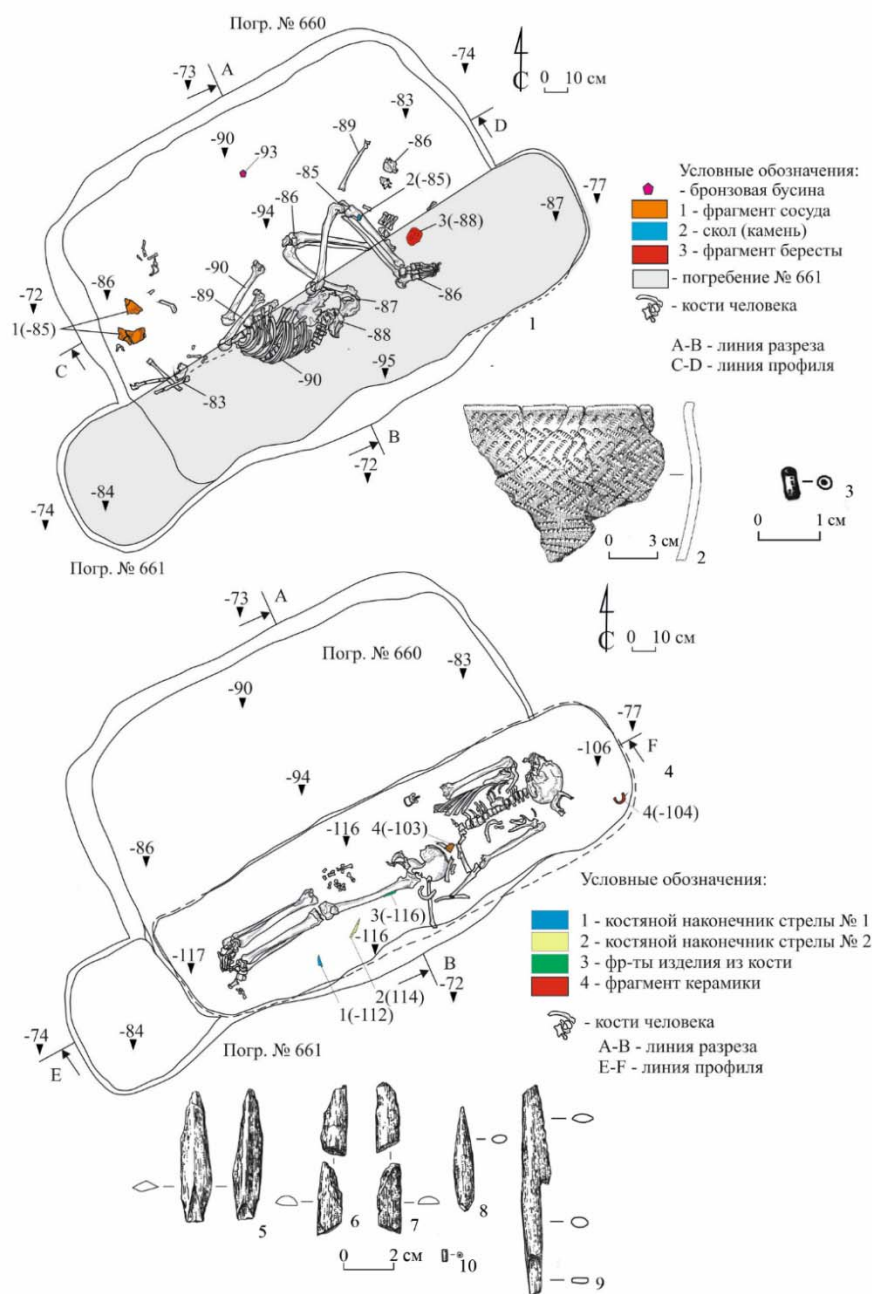

Рис. 9. Могильник Тартас-1. Погребения № 660, 661.
1 – план погребения № 660; 2 – фрагмент керамического сосуда; 3 – бронзовая бусина; 4 – план погребения № 661;
5, 8, 9 – наконечники стрел из кости; 6, 7 – фрагменты изделий из кости; 10 – пастовая бусина

Погребение № 661 (рис. 9, 1, 4). После снятия скелета в погребении № 660 проявилось могильное пятно № 661 в виде сильно вытянутого прямоугольника с закруглёнными углами, заполненное серо-желтой супесью мощностью 0, 21 м.

После выборки могильная яма представляла вытянутый, узкий прямоугольник с прямыми стенками и ровным дном. Размеры по верхнему абрису 2,64×0,70 м, по нижнему – 2,59×0,66 м. Дно имеет характерное повышение в северо-восточной части (в области головы погребенного). В юго-западной части могильной ямы – небольшая приступка.

На дне могильной ямы в вытянутом положении, на спине лежал скелет взрослого человека. Большая часть костей находилась в положении *in situ*. Смещены череп

и ребра с левой стороны грудной клетки. Отсутствовали предплечье правой руки, правое крыло таза, правая бедренная кость, левое предплечье и кисти. Голова приподнята за счет материковой подушки. В заполнении могильной ямы обнаружено несколько фрагментов керамики, к сожалению, неподдающихся надежной диагностике. В качестве сопроводительного инвентаря в могилу положено три костяных наконечника стрел и два обломка костяных изделий (рис. 9, 5–9). Кроме того, в заполнении погребения найдена миниатюрная пастовая бусина-пронизка (рис. 9, 10).

Этот классический образец захоронения эпохи ранней – развитой бронзы по характеру погребения и инвентаря относится к одиновской культуре. Могила была врезана в раннеолитический слой.

Погребение № 662 (см. рис. 1) зафиксировано на уровне материка в виде подпрямоугольного пятна тёмно-серого цвета, ориентированного длинной осью по линии ЮЗ-СВ. Размеры до выборки 1,70×1,45 м.

После выборки могильная яма приобрела вытянутую подпрямоугольную форму со слегка закругленными углами, с пологими стенками и ровным дном. Южная стенка частично разрушена грабителями. Поблизости от нее обнаружены фрагменты керамики и кости человека. Размеры могильной ямы после выборки по верхнему краю 1,75×1,50 м, по нижнему – 1,70×1,46 м. Глубина от уровня материка 0,2 м.

На дне захоронения обнаружены разрозненные кости скелета человека (скелет 1): в северо-западной части ямы – пальцы стоп погребенного, в центральной части – кости позвоночника, ребра, в северо-восточной части – пальцы ног и плечевая кость, у южной стенки – перевернутый череп без нижней челюсти. Длинные кости рук, ног и кости таза отсутствуют.

У юго-западной стенки зафиксирован грабительский лаз, а также фрагменты жженных костей человека (скелет 2). Второго погребенного, видимо, кремировали. Кремиция располагалась в западной части погребальной камеры, но так же бессистемно, как и кости скелета 1.

У северо-восточной стенки обнаружен развал плоскодонного горшка, орнаментированного по всей поверхности, за исключением дна, «зигзагом» из оттисков прямоугольного в сечении гребенчатого штампа, у восточной стенки – несколько невыразительных фрагментов другого сосуда.

Это парное захоронение, совершенное по типу труположения и трупосожжения, судя по горшку, относится к андроновской (федоровской) культуре, при его сооружении нарушен раннеэнеолитический слой.

Погребение № 663 – на уровне материка в виде вытянутого подпрямоугольного пятна с закругленными

углами, темно-серого цвета, размерами 1,20×1,70 м. Ориентировано длинной осью по линии ЮЗ-СВ.

После выборки могильная яма имела подпрямоугольную форму с закругленными углами, прямыми пологими стенками, ровным дном. Размеры после выборки по верхнему абрису 1,23 ×0,72 м, по нижнему – 1,19×0,69 м. Глубина от уровня материка 0,1 м.

На дне могилы размещался скелет подростка (?) в скорченном положении на правом боку, головой на СВ. Ноги согнуты в коленях, притянуты животу, руки согнуты в локтях, уложены напротив лица. Кости одной руки смещены грызунами. Между лопатками и затылочной костью обнаружена путовая кость лошади (бабка).

У северо-восточной стенки могильной ямы около головы погребенного найден археологически целый плоскодонный горшок. Орнаментирован по горловине заштрихованными равнобедренными треугольниками, а также рядами параллельных горизонтальных линий, составленных из оттисков гребенчатого штампа. По тулову в той же технике нанесены чередующиеся ряды наклонных оттисков гребенчатого штампа и мелких треугольных вдавлений. В придонной части – ряд заштрихованных равнобедренных треугольников.

Под черепом, в области правой височной кости обнаружено бронзовое височное кольцо полной сохранности. Второе кольцо найдено внутри керамического сосуда.

Это также классический вариант захоронения андроновской (федоровской) культуры. Погребение расположено поблизости от неолитического сооружения № 7 (рис. 1) и перерезает ранний неолитический слой.

Погребение № 664 (рис. 10) – вытянутое подпрямоугольное пятно со слегка закругленными углами, темно-серого цвета, ориентированное длинной осью по линии ЮЗ-СВ.

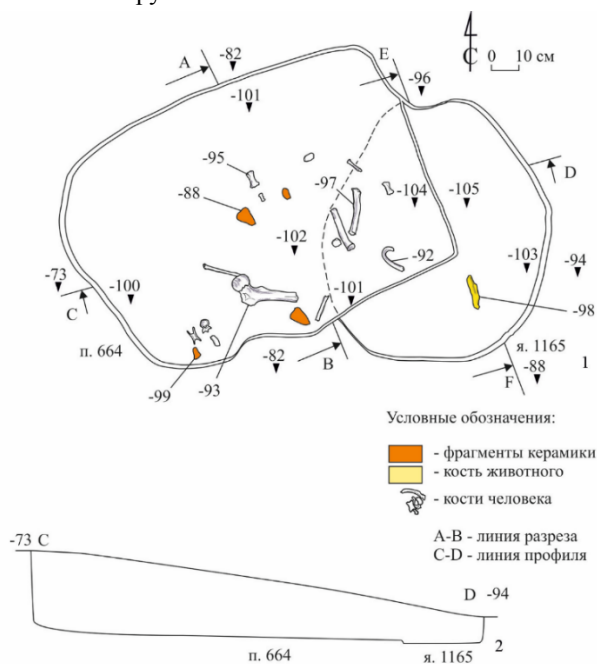

Рис. 10. Могильник Тартас-1. Погребение № 664.
1 – план, 2 – профиль по линии СВ-ЮЗ

Размеры до выборки 1,26×0,9 м. В северо-восточной части пятно погребения № 664 углом перекрывало другое пятно округлой формы светло-серого цвета (яма № 1165), которое относится к поселенческому комплексу эпохи неолита (см. рис. 1).

Основная часть погребения заполнена почвой темно-серого цвета мощностью до 0,2 м, в центральной части – серо-желтая мешаная почва с включениями желтого суглинка.

После выборки могила обрела прямоугольную форму с закругленными углами, прямыми, пологими стенками, ровным дном, слегка понижающимся к СВ. Размеры по верхнему абрису – 1,30×0,98 м, по нижнему – 1,27×0,95 м. Глубина от уровня материка 0,17 м.

На дне могильной ямы обнаружены разрозненные кости человека: части большой бедренной кости, лучевая и пяточная кости, ребра и несколько позвонков. Определить первоначальное положение умершего невозможно.

Среди костей найдено четыре мелких фрагмента керамического сосуда.

После выборки заполнения погребения № 664, в северо-восточной части, на уровне дна, выявились контуры пятна **ямы № 1165** (см. рис. 10). Размер пятна до выборки 0,9×0,8 м. Яма № 1165 заполнена однородной светло-серой супесью мощностью 0,15–0,09 м. После выборки форма стала округлой, с размытыми контурами западной стенки. Стенки ямы прямые, дно ровное. Глубина ямы и погребения практически совпадают.

В заполнении ямы обнаружена трубчатая кость животного.

Яма № 1165 более древняя, чем погребение № 664, планиграфически и стратиграфически тяготеет к системе хозяйственных ям вокруг конструкции № 7 (рис. 1), относится к эпохе неолита. Стратиграфически могильная яма андроновской (федоровской) культуры перекрывала более раннюю, неолитическую конструкцию.

Погребение № 665 почти полностью уничтожено старой дорогой (см. рис. 1). Сохранившаяся часть выявлена при зачистке колеи на уровне материка в виде овального пятна серого цвета (0,32×0,11 м), ориентированного длинной осью по линии ЮЗ-СВ. На поверхности пятна выявлены фрагменты керамического сосуда.

Полную конфигурацию могильной ямы восстановить невозможно, осталась только часть северо-восточной стенки, рядом с которой стоял керамический сосуд неполной сохранности. Орнаментация и форма сосуда свидетельствуют, что захоронение оставлено носителями андроновской (федоровской) культуры. Антропологический материал не найден. Судя по планиграфии, могильная яма, несомненно, была врезана в культурный слой эпохи неолита.

Погребение № 666 – верхняя часть разрушена старой дорогой и интенсивной пахотой. На уровне материка зафиксировано вытянутое подпрямоугольное пятно с закругленными углами (0,68×0,35 м), зауженное в восточной части. Ориентировано длинной осью по линии ЮЗ-СВ. В пахотном слое поблизости от захоронения найдены разрозненные кости скелета

ребенка и два астрагала барана (альчики) с отверстиями по краям. Сохранившаяся часть могилы содержала темно-серую и желто-серую супесь мощностью 0,02 м. После выборки могильная яма имела подпрямоугольную форму, ровное дно, отвесные стенки. Размеры по верхнему абрису 0,70×0,37 м, по нижнему – 0,67×0,30 м.

На дне захоронения обнаружены кости ребенка: длинные кости конечностей, ребра, несколько позвонков. Положение и ориентацию погребенного определить не удалось. На дне могильной ямы найден еще один астрагал барана с отверстиями по краям.

Расположение погребения № 666 в ряду могил андроновской (федоровской) культуры и наличие альчиков позволяют отнести его к указанной культуре.

Планиграфическое расположение андроновского погребения поблизости от неолитической ямы № 1219 и конструкции № 7 (рис. 1) свидетельствует, что могила была врезана в неолитический слой, который в этом месте также сильно пострадал.

Выводы

1. На исследованном участке памятника Тартас-1 общей площадью 33 831 кв. м. сосредоточены две неолитические конструкции и серия хозяйственных ям, в том числе для заготовки и квашения рыбы. Кроме того, ямы выполняли еще ритуальные функции [2]. В разные хронологические периоды на площади поселения периодически сооружались некрополи. Все погребальные комплексы, насчитывающие 20 захоронений и сопутствующие отдельным погребениям архитектурных сооружений в виде ровиков, в разной степени перерезали культурный слой неолитической стоянки и, несомненно, более поздние. Особенно важно, что погребение № 642 перерезало стенку неолитической конструкции № 7 (рис. 1), а погребения № 617, 618, 625, 641, 664 перерезали ямы эпохи неолита № 953, 939, 991, 992, 1240, 1165. Таким образом, данные не оставляют сомнений в относительной хронологии комплексов, исследованных на этом участке.

2. Выявленные захоронения относятся к различным хронологическим эпохам и культурам. Наиболее раннее – неолитическое погребение № 644. К эпохе ранней – развитой бронзы (одиновская культура) принадлежит погребение № 661. 18 погребений (№ 617, 618, 621, 622, 624–626, 641–643, 653, 654, 660, 662–666) и два погребально-поминальных комплекса (ППК 10, 16) относятся к андроновской (федоровской) культуре.

3. Калиброванная радиоуглеродная дата (4691–4550 ± 21(± 26) до н.э.) неолитического погребения № 644 существенно отличается от серии более ранних дат неолитической стоянки, слой которой оно перерезает [4]. К тому же в засыпке могилы содержался фрагмент раннеолитической керамики, попавшей в нее из культурного слоя. Специфика захоронения № 644 не позволяет приводить прямые аналогии с известными неолитическими могильниками Сопка-2/1, Венгерова-2А, Усть-Тартас-2, что может свидетельствовать о выявлении в будущем в неолите региона особого культурно-хронологического пласта.

4. Погребение № 661 относится к одиновской археологической культуре, о чем свидетельствует специфика погребальной практики и инвентарь [7]. Относительную хронологию данного захоронения ярко подчеркивает также то обстоятельство, что могила была перерезана андроновским (федоровским) захоронением № 660.

5. Практически все андроновские (федоровские) захоронения не вызывают сомнений в их культурной идентификации (даже несмотря на их антропогенное нарушение в древности и современности). Отчетливо прослеживаются два параллельных ряда могил, расположенных вдоль края террасы. В систему верхнего ряда встроены два погребально-поминальных комплекса (ППК 10, 16), где могила окружалась прерывистым кольцевидным ровиком. В этих случаях не исключено присутствие земляных сооружений, так называемых курганных насыпей. Отличает этот участок андроновского кладбища присутствие детских и взрослых захоронений. Детские захоронения планиграфически не дифференцированы. Присутствуют как одиночные, так и коллективные усыпальницы (до трех человек). Устойчиво положение покойника в могиле – в скорченном положении, преимущественно на левом боку (в одном случае на правом (№ 663)), головой, как правило, на СВ (в одном случае на ЮЗ (№ 660)). Отмечено всего два случая кремации, причем в захоронении № 642 присутствуют два труположения и одно трупосожжение. В свое время М.Д. Хлобыстина квалифицировала подобные захоронения как «биритуальные» [8]. Подобное сочетание различных вариантов погребальной практики у носителей андроновской (федоровской) культуры на могильнике Тартас-1 уже приходилось отмечать [9]. В

этой работе затрагиваются возможные причины такого многообразия. Вместе с тем очевидно, что вероятные причины мозаичности удастся установить лишь после анализа всего огромного массива андроновских (федоровских) комплексов, исследованных на Тартасе-1.

Почти во всех андроновских (федоровских) захоронениях анализируемой выборки присутствовал инвентарь, среди которого наиболее характерны глиняные сосуды (от одного до четырех в могиле). Как правило, они помещались в изголовье умерших. Даже представленная небольшая выборка из 20 сосудов демонстрирует тенденции, отмеченные для андроновских (федоровских) памятников Барабы [10]. Это характерные профилированные горшки со строгой зональностью орнамента, типичными для культуры мегалитическими и геометрическими узорами, нередко в сочетании с горизонтальной «елочкой» (9 экз.); баночные емкости, украшенные по всей поверхности рядами горизонтальной «елочки» (9 экз.). Один сосуд – промежуточной формы между горшком и банкой со схемой орнамента, характерной для баночных сосудов. Выделяется небольшое глиняное четырехугольное блюдо. Аналогии (вплоть до полного тождества) можно найти на памятниках андроновской (федоровской) культуры как Барабинской лесостепи, так и соседних территорий Западной и Южной Сибири [11].

Остальные предметы из могил также характерны для андроновских (федоровских) комплексов: бронзовые литые биконические бусины, височные кольца, нашивные бляшки, сверленные астрагалы и лошадиные бабки.

Таким образом, перед нами достаточно типичный комплекс, характерный для могильников андроновской (федоровской) культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молодин В.И., Софеев О.В., Дейч Б.А., Гришин А.Е., Чемякина М.А., Манштейн А.К., Балков Е.В., Шатов А.Г. Новый памятник эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (могильник Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (ПАЭАССТ). Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН), 2003. Т. IX. С. 441–446.
2. Молодин В.И., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Дураков И.А., Васильев С.К. Оригинальный производственный комплекс на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // ПАЭАССТ. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 326–331.
3. Молодин В.И., Хансен С., Ненахов Д.А., Рейнхольд С., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Васильев С.К. Новые данные о неолитических комплексах на памятнике Тартас-1 // ПАЭАССТ. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 135–140.
4. Молодин В.И., Райнхольд С., Мыльникова Л.Н., Ненахов Д.А., Хансен С. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в Барабе) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, Вып. 3: Археология и этнография. С. 39–51.
5. Молодин В.И. Отчет об археологических раскопках в Венгеровском и Чановском районах Новосибирской области в 2015 г. Новосибирск, 2016.
6. Молодин В.И. Отчет об археологических раскопках памятников Тартас-1, Венгерово-2, Одиночный курган Государево Озеро-1 в Венгеровском районе Новосибирской области в 2016 г. Новосибирск, 2017.
7. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
8. Хлобыстина М.Д. К вопросу о «биритуальных» образах в андроновских могильниках // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово : Кемер. гос. пед. ун-т, 1976. С. 8–15.
9. Молодин В.И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VIII. Кемерово, 2011. С. 58–70.
10. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
11. Ковтун И.В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань : Отечество, 2016. 547 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 августа 2020 г.

Stratigraphy at the Tartas-1 Neolithic Site (Baraba Forest-Steppe). The Characteristics of the Burials Cutting Through the Early Cultural Layer

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 127–141.

DOI: 10.17223/15617793/462/17

Vyacheslav I. Molodin, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Liliya S. Kobeleva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

Keywords: Western Siberia; Baraba forest-steppe; Neolithic era; Bronze Age; Odinov culture; Andronovo (Fedorovo) culture; funeral rite; chronology.

Burial complexes dating back from the Neolithic era to the early-developed Bronze Age have been analyzed. The complexes were revealed at the Early Neolithic site of the Tartas-1 area in the Baraba forest-steppe. The site is represented by two housing buildings and a set of special pits intended for fish fermentation. The peculiar dishes, stone and bone tools, as well as the ritual burials of animals (treasure troves/offerings), made it possible to speak about a previously unknown culture of the Neolithic era called the Baraba Neolithic culture. The necropolises of various chronological periods were periodically constructed in the settlement area. The primary aim of the study was to compile the most complete summary of these burials showing the relative chronology of these objects. The Neolithic burial is the earliest. According to the radiocarbon dating, it dates back to the middle of the 5th millennium BC. This date is much later than the set of early dates received at the Neolithic site, the layer of which the burial cuts. The specificity of the burial practice does not allow making direct analogies with the famous Neolithic burial grounds. This may indicate the future identification of a special cultural and chronological layer, which may have occurred in the Neolithic era of this region. One burial is related to the early-developed Bronze Age (the Odinov culture), as evidenced by the specifics of the burial practice and the inventory. The relative chronology of this burial is clearly emphasized by the fact that the grave was cut by the burial of the Andronovo (Fedorovo) culture. The remaining 18 burials belong to the Andronovo (Fedorovo) culture. Two funeral complexes belong to the same period. Two rows of graves are traced; they are located along the edge of the terrace, parallel to each other. Two funeral complexes, in which the grave was surrounded by an intermittent ring-shaped ditch, are integrated in the upper row system. A distinctive feature of this area of the Andronovo cemetery is the presence of children's and adults' graves at the same time. Children's burials are not planographically differentiated. There are both single and collective tombs. The accompanying inventory found in the graves is common to the Andronovo (Fedorovo) complexes; these are ceramic vessels, bronze cast biconical beads, temple rings, sewn plaques, as well as drilled astragali. The investigated funeral complexes include 20 burials and architectural structures (ditches) accompanying individual burials. To varying degrees, these complexes cut the cultural layer of the Neolithic site and have a later chronological position.

REFERENCES

1. Molodin, V.I. et al. (2003) Novyy pamyatnik epokhi bronzy v Barabinskoy lesostepi (mogil'nik Tartas-1) [A new monument of the Bronze Age in the Baraba forest-steppe (Tartas-1 burial ground)]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Vol. IX. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. pp. 441–446.
2. Molodin, V.I. et al. (2015) Original'nyy proizvodstvennyy kompleks na pamyatnike Tartas-1 (Barabinskaya lesostep') [The original production complex at the Tartas-1 monument (Baraba forest-steppe)]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Vol. XXI. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. pp. 326–331.
3. Molodin, V.I. et al. (2016) Novye dannye o neoliticheskikh kompleksakh na pamyatnike Tartas-1 [New data on the Neolithic complexes at the Tartas-1 site]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Vol. XXII. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. pp. 135–140.
4. Molodin, V.I. et al. (2018) Radiocarbon dates of the Tartas – 1 neolithic complex (early Neolithic in Baraba). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 17 (3). pp. 39–51. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-3-39-56
5. Molodin, V.I. (2016) *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Vengerovskom i Chanovskom rayonakh Novosibirskoy oblasti v 2015 g.* [Report on archaeological excavations in Vengerovsky and Chanovsky districts of Novosibirsk Oblast in 2015]. Novosibirsk.
6. Molodin, V.I. (2017) *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh pamyatnikov Tartas-1, Vengerovo-2, Odinochnyy kurgan Gosudarevo Ozero-1 v Vengerovskom rayone Novosibirskoy oblasti v 2016 g.* [Report on archaeological excavations of the monuments Tartas-1, Vengerovo-2, Single mound Gosudarevo Ozero-1 in Vengerovsky district of Novosibirsk Oblast in 2016]. Novosibirsk.
7. Molodin, V.I. (2012) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoy kul'tury* [The Sopka-2 monument on the Om River: A cultural-chronological analysis of the funerary complexes of the Odinov culture]. Vol. 3. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
8. Khlobystina, M.D. (1976) K voprosu o "biritual'nykh" obrazakh v andronovskikh mogil'nikakh [On the "biritual" images in the Andronovo burial grounds]. In: *Yuzhnaya Sibir' v skifo-sarmatskuyu epokhu* [Southern Siberia in the Scythian-Sarmatian era]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 8–15.
9. Molodin, V.I. (2011) Migratsii nositeley andronovskoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti v Barabinskuyu lesostep' [Migration of the representatives of the Andronovo cultural and historical community to the Baraba forest-steppe]. In: *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii. K 70-letiyu D.G. Savinova. Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva* [Ancient art in the mirror of archaeology. To the 70th anniversary of D.G. Savinov. Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Primitive Art]. Vol. VIII. Kemerovo. pp. 58–70.
10. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.
11. Kovtun, I.V. (2016) *Andronovskiy ornament (morfologiya i mifologiya)* [Andronovo ornament (morphology and mythology)]. Kazan: Otechestvo.

Received: 05 August 2020

Д.С. Никитин

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНДИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТСКОГО КОМИТЕТА В БРИТАНСКОЙ ПАЛАТЕ ОБЩИН

Исследуются предпосылки создания в парламенте Великобритании Индийского парламентского комитета (ИПК) – организации, отстаивавшей интересы индийского населения в палате общин. Проводится анализ целей и задач, стоявших перед комитетом, особенностей формирования состава организации, роли Индийского национального конгресса (ИНК) и Британского комитета ИНК в создании комитета. Большое внимание уделено деятельности Уильяма Уэддерберна – либерального члена парламента, президента ИНК 1889 г., председателя ИПК.

Ключевые слова: Индийский национальный конгресс; Индийский парламентский комитет; парламент Великобритании; Дадабхай Наороджи; Чарльз Бредлоу; Уильям Уэддерберн.

Период 60–90-х гг. XIX в. в общественно-политической жизни Индии характеризуется доминированием конституционных, умеренных взглядов на взаимоотношения колоний с Великобританией. Влияние западного образования, достижений науки и техники, постепенное внедрение в Индии законодательства по английскому образцу, появление у индийцев возможности получать образование в Англии способствовало тому, что передовые представители индийского общества воспринимали британское правление как прогрессивное явление в жизни страны. В силу этого многие из возникших в 60–80-х гг. XIX в. общественно-политических организаций ставили своей целью исправление только определенных недостатков британского правления, одну из основных причин которых политически активная часть индийского населения видела в непонимании английским народом (и парламентом как представителем народа) проблем, с которыми сталкивались индийцы под властью колониальной администрации, что, в свою очередь, связывалось с незнанием фактов о реальном положении дел в Индии.

Парламент Великобритании расценивался индийской интеллигенцией как главный арбитр в индийских делах, и потому считался главным инструментом для исправления недостатков колониального правления. Положение осложнялось, однако, тем, что Индия не имела своих представителей в палате общин и не имела возможности прямо влиять на обсуждение индийского вопроса в парламенте. В палату общин часто избирались парламентарии, имевшие многолетний опыт службы в Индии, но это были представители англо-индийских чиновничьих кругов, не только не связанные с общественно-политическими организациями Бенгалии, Бомбея, Мадраса, но зачастую враждебные по отношению к ним. Такое же положение складывалось и в совете при государственном секретаре по делам Индии – органе, который был создан для контроля за действиями исполнительной власти в колониях, однако вызывал нарекания у индийской общественности, считавшей его работу не эффективной. Парламент, куда можно было избраться в качестве кандидата от Либеральной или Консервативной партии, представлялся, таким образом, наиболее значимой целью для исправления положения дел в Индии. В начале 80-х гг. XIX в., когда к движению за расширение прав индийцев

присоединилось значительное число английских приверженцев либеральной идеологии, попытки получить «индийское место» в парламенте приобрели систематический характер.

Среди организаций, поддерживавших такую точку зрения, самой известной и влиятельной начиная со 2-й половины 1880-х гг. был Индийский национальный конгресс (ИНК). В конгрессиистской литературе, распространявшейся по стране десятками тысяч экземпляров, отчетливо проводилась мысль о том, что британский парламент готов рассматривать требования индийского народа и решать его проблемы, однако не располагает достаточными сведениями о них. В частности, автор «Тамильского катехизиса Конгресса» (1887 г.) М. Вир Рагхава Чарьяр отмечал, что «Члены этого грандиозного собрания [парламента]... склонны рассматривать дела нашей страны и содействовать нашему счастью; но, во-первых, они не имеют достаточно свободного времени для изучения индийских вопросов. Во-вторых, даже если бы у них было время, они не знают наших нужд... Если бы наши обиды предстали их взору в истинном цвете, вы можете быть уверены, что они постепенно были бы исправлены» [1. Р. 199]. Поэтому одним из основных методов борьбы за права индийских подданных Великобритании руководство Конгресса считало расширение индийской агитации в метрополии путем создания печатного органа британского отделения ИНК в Лондоне и отстаивание индийских интересов в парламенте.

Одним из основных проводников идеи расширения индийского присутствия в метрополии стал генеральный секретарь ИНК Аллан Октавиан Юм. Юм, свидетель сипайского восстания 1857 г., полагал, что недовольство колониальной администрацией грозит повторением масштабного вооруженного мятежа, способного поставить под угрозу существование британского правления в Индии. Задачей колониальной администрации, таким образом, должно было стать не отторжение лояльных британцам представителей индийской буржуазии и интеллигенции, а, напротив, привлечение их к принятию решений в качестве членов законодательных советов как на провинциальном, так и на общеиндийском уровне. Решение об изменении состава советов мог утвердить только парламент, и поэтому

разностороннее давление на палату общин и подготовка «делегатов от Индии» должны были стать ключевыми задачами зарождающегося национального движения.

Следует заметить, что парламентские устремления Конгресса и других общественно-политических организаций по всей Индии столкнулись с сопротивлением со стороны консервативных англо-индийских кругов. Ведущее англо-индийское печатное издание в Аллахабаде – газета «Пионир» – уже в марте 1886 г., спустя три месяца после создания ИНК, опубликовало статью, в которой «туземные агитаторы» критиковались за то, что их действия могут «серьезно затруднить работу тех, кто несет ответственность за правильное управление страной» [2]. Колумнист «Пионира» утверждал, что стремление индийцев к расширению прав в управлении страной беспочвенно и вдохновлено примером ирландских борцов за самоуправление; автор также высказывал опасение, что деятели национального движения посредством своих «радикальных сторонников» будут требовать от парламента рассмотрения каждого вопроса, по которому «решение правительства Индии и государственного секретаря противоположно их стремлениям, и обращаться к палате общин всякий раз, когда заметят промах исполнительной власти» [2]. «Пионир», однако, полагал, что индийцы не смогут создать в парламенте «сплоченную индийскую партию такой силы, чтобы решать судьбу министерств» [2], и потому их усилия окажутся бесполезными. Один из наиболее последовательных критиков Конгресса 1880-х гг., директор Алигархского мусульманского колледжа Теодор Бек поддерживал точку зрения «Пионира», считая цели ИНК недостижимыми. Создание представительных учреждений европейского образца посредством принятия соответствующего закона парламентом, по его мнению, было невозможно из-за отсутствия образования у крестьян, составлявших основную массу населения Британской Индии, и неимения класса, из которого можно было выбрать «способных государственных деятелей и законодателей», полиэтничность индийского общества и неподконтрольность армии парламенту [3. Р. 65].

В ответ на критику А.О. Юм заявлял о том, что Конгресс в своих действиях будет опираться только на мнение парламента, но не англо-индийской общечественности, а петиции, принимаемые на публичных собраниях по всей стране, «рано или поздно найдут свой путь в парламент» [4. С. 67]. Юм, однако, был убежден в том, что парламент не может решать индийские проблемы непосредственно, поскольку в его ведении находится множество других вопросов. Поэтому вопросы, касающиеся Британской Индии и индийских княжеств, по мнению Юма, следовало передать в ведение особого постоянного комитета палаты общин. Юм полагал, что комитет не будет разбирать «малозначительные проблемы индийского управления», но станет решать вопросы, по которым народ и правительство Индии «не смогли договориться или прийти к компромиссу» [4. С. 99].

Предполагаемые перемены в управлении британскими колониями на индийском субконтиненте должны были отразиться и на деятельности других

властных органов колониальной администрации. Юм предлагал упразднить Совет при государственном секретаре по делам Индии – «пагубную, мешающую, дорогостоящую организацию» [4. С. 97]. Юм считал, что деятельность совета не только не приносит пользы, но и вредит стране, подавляя «меры, благоприятные для национального дела и интереса». Функции контроля за действиями исполнительной власти следовало передать «в руки выходцев из Индии, избранных лучшими и мудрейшими из их соотечественников» [4. С. 98]. Вместе с тем Юм не призывал к радикальному расширению индийских полномочий, оставляя за исполнительной властью право игнорировать выводы и предложения подобной комиссии в тех вопросах, где вице-король и его совет сочтут необходимым.

Еще один английский сторонник индийского национального движения, Генри Коттон, также отмечал, что индийский вопрос не находит должного внимания в парламенте, а потому проблемы Индии должны стать делом «партийной политики» [5. Р. 205], чтобы кандидаты в палату общин (в частности, от Либеральной партии) включали индийские требования в свои предвыборные программы и освещали их в рамках агитации в избирательных округах.

Определенные предпосылки к превращению в парламенте индийского вопроса в «партийный» созрели в 1-й половине 80-х гг. XX в. В частности, в 1883 г. на одном из собраний Индийского общества в Лондоне, где присутствовали члены палаты общин Дж. Маккарти и Ф. О'Доннелл (ирландские националисты), последний выступил с речью, в которой высказался за создание в палате общин особого комитета по индийским делам. Этот комитет («информационный» или «временный» в терминологии О'Доннелла) предполагалось созывать раз в неделю после доставки почты из Индии, чтобы сравнивать мнения индийских и британских газет. Это, по мнению О'Доннелла, должно было помочь парламентариям лучше понимать текущую ситуацию в Индии и ставить необходимые вопросы перед государственным секретарем. Дж. Маккарти также выступил в пользу создания подобного комитета и согласился «поддержать любое движение, имеющее своей целью лучшее управление Индией» [6]. По итогам собрания члены Индийского общества сформировали внутренний Комитет национального представительства в составе десяти человек, представлявших «пять частей Индии» – Бенгальское, Бомбейское и Мадрасское президентства, Северо-Западные провинции и Пенджаб, а также территорию страны, не входившую в состав Британской Индии [6].

Таким образом, вопрос о большем внимании к положению Индии в парламенте приобретал растущее значение не только для представителей национального движения в колониях и их английских сторонников, но и для определенной части политических деятелей в метрополии – главным образом либералов и ирландских националистов. Активная борьба последних за предоставление Ирландии самоуправления, обострившаяся в 80-х гг. XIX в. в связи с созданием Ирландской парламентской партии (1882 г.), воспринималась индийской интеллигенцией как пример для подражания,

хотя лидеры национального движения выступали против террористических актов, имевших место в Ирландии. Тем не менее попытка Ирландской парламентской партии провести законопроект о самоуправлении Ирландии в 1886 г. оказала известное влияние на парламентские устремления индийцев, хотя и не привела к успеху.

Подготовка к созданию в палате общин комитета, который занимался бы исключительно индийским вопросом, началась одновременно с появлением ИНК. Летом 1885 г. делегация индийских националистов посетила Великобританию, где встречалась со многими влиятельными либеральными политиками, в частности с бывшим вице-королем Индии Рипоном и парламентариями У. Бакстером, Дж. Брайтом, Дж. Чемберленом. Большую роль в установлении связей с либералами сыграл А.О. Юм, в прошлом чиновник колониальной администрации, сопровождавший делегацию. Сын известного радикального члена палаты общин, Юм был лично знаком со многими членами парламента и мог заручиться их поддержкой. Один из членов делегации, Лалмохан Гхош, был избран кандидатом от либералов по округу Дептфорд. На торжественном собрании Дептфордской либеральной ассоциации, посвященном этому событию, появление «индийского кандидата» было расценено как «новое начинание в парламентской истории» и начало «замечательной эпохи в истории Индии» [7]. Вместе с тем, выражая интересы избирателей юго-востока Лондона, Гхош не мог полностью сосредоточиться на индийском вопросе и выступал, главным образом, с критикой консерваторов [8]. Другим кандидатом, шедшим на выборы, чтобы отстаивать индийские интересы, стал английский журналист и писатель Уильям Дигби. В 1870-х гг. Дигби жил в Индии и на Цейлоне, где был редактором англоязычных газет «Сейлон обсервер» и «Мадрас таймс». Во время голода в Южной Индии в 1876–1878 гг. Дигби активно участвовал в деятельности фондов помощи голодающим. Столкнувшись с неэффективными действиями колониальной администрации, Дигби изложил свои впечатления о кампании по борьбе с голодом в двухтомной работе, принесшей ему широкую известность как стороннику реформ в Индии. Вернувшись в Англию в 1879 г., Дигби стал членом нескольких либеральных клубов Лондона, а после начала реформы местного самоуправления в Британской Индии, объявленной вице-королем Рипоном, выступил одним из организаторов Ассоциации индийских реформ. Перед выборами 1885 г. он опубликовал пространный памфлет, в котором объяснял важность индийского вопроса для рядового британского избирателя: «Британский избиратель не может быть равнодушен к заботам Большой Британии, даже если захочет. Ответственность, лежащая на нем, слишком велика, чтобы проявлять беззаботность в этом вопросе. Каждый, кто будет голосовать в ноябре, отдаст свой голос не только от своего имени, но и от имени двухсот миллионов британских подданных в Индии, трех миллионов – на Цейлоне и двух миллионов в коронных колониях, взятых вместе» [9. Р. VIII]. На собраниях либеральных клубов Дигби доказывал, что с назначением лорда Рипона вице-королем Индии и началом реформ,

направленных на привлечение индийцев к государственной службе, либеральные идеи продемонстрировали свою действенность, но тем не менее отмечал и ряд недостатков, присущих либеральному управлению Индией. В частности, он считал, что принимаемые меры не соответствовали заявленной либералами программе реформ, а действия Рипона часто сталкивались с сопротивлением министерства по делам Индии. Примером противоречий такого рода стал отказ министерства дать ход инициативе вице-короля по повышению минимального возраста соискателей должностей в гражданской службе. Поэтому Дигби обещал, что в случае избрания в парламент будет «противиться принятию любых законов, касающихся Индии, которые... не пойдут ей на пользу, независимо от того, какая партия их предложит» [10].

Однако попытка «кандидатов от Индии» завоевать места в парламенте на всеобщих выборах 1885 г. не увенчалась успехом – и Гхош, и Дигби, уступили в своих округах (Дептфорде и Норт-Паддингтоне) оппонентам-консерваторам, во многом благодаря критике со стороны консервативных кругов, утверждавшей, что целью либеральных кандидатов является решение исключительно индийских вопросов, тогда как палата общин в большей степени занимается внутренними делами. Работа индийской делегации в целом, однако, была воспринята в либеральных кругах положительно. В декабре 1885 г., перед отъездом делегации в Индию, Национальный либеральный клуб устроил в ее честь прощальный прием, на котором член палаты общин У. Хантер объявил миссию делегации «полностью успешной», поскольку она добилась основной цели – пробудила в Англии интерес к индийским делам [11]. Один из членов делегации, Мономохан Гхош, подводя итог избирательной кампании, отметил: «Несколько лет назад едва ли можно было представить, что уроженец Индии может получить такую поддержку, как г-н Лалмохан в Дептфорде» [11].

У индийской общественности поражение Л. Гхоша и У. Дигби вызвало разочарование [12. Р. 405–406], но не остановило руководство ИНК от дальнейших попыток организовать работу в парламенте. А.О. Юм, в частности, писал: «...правда заставляет нас говорить не только о том, что мы надеемся создать сплоченную индийскую партию в парламенте, гораздо более грозную, чем ирландская... но и о том, что мы уже сейчас сделали огромный шаг к этому и уже имеем сильную группу друзей в парламенте, готовую поддержать любое конкретное действие, которое мы решим предпринять» [13. Р. 6]. Однако отсутствие индийских парламентариев в палате общин существенно осложняло защиту колониальных интересов в парламенте, и английские либералы – сторонники ИНК пытались привлечь внимание правительства на эту проблему. В частности, У. Дигби в феврале 1886 г. в письме Г. Гладстону, сыну британского премьер-министра, просил того «сделать что-нибудь для защиты интересов индийцев, которые... совершенно не представлены [в парламенте], не обладают голосом или прямым влиянием» [14. Р. 17].

На выборах 1886 г. получить место в парламенте впервые попытался Дадабхай Наороджи – ветеран ин-

дийского национального движения, один из основателей ИНК. Хотя в публичных выступлениях Наороджи постоянно подчеркивал, что представляет 250 млн соотечественников, его предвыборная программа была сконцентрирована на более понятной и знакомой британскому избирателю проблеме предоставления самоуправления Ирландии. Также Наороджи объявил своим долгом «представлять в полной мере интересы избирательного округа прежде, чем даже интересы Индии» [15. Р. 310]. Однако, выступив кандидатом в избирательном округе Холборн, где традиционно были сильны консерваторы, он проиграл на выборах, получив 1 950 голосов против 3 651 за кандидата от Консервативной партии Ф. Данкана. Наороджи, анализируя итоги кампании 1886 г., пришел к выводу, что «достойный индийский кандидат имеет такие же шансы, как и англичанин, и даже некоторое преимущество перед англичанином, поскольку у английских избирателей есть... искреннее желание оказать Индии любую помощь, на которую они способны» [15. Р. 317]. Таким образом, первые неудачи индийских кандидатов расценивались деятелями национального движения как стечение обстоятельств, а не закономерность, и потому парламентское направление в их деятельности оставалось одним из основных.

С открытием Индийского политического агентства (ИПА) в Лондоне в 1888 г. попытки организовать в парламенте индийскую партию приобрели более настойчивый характер. Секретарю агентства У. Дигби удалось заручиться поддержкой либерального парламентария Ч. Бредлоу, который взял на себя обязательства освещать индийские проблемы в палате общин. Бредлоу вскоре стал широко известен как «член парламента от Индии», однако он не мог посвятить индийскому вопросу все время, поскольку был вынужден отстаивать также и интересы избирателей своего округа. Кроме того, большая самостоятельность ИПА и его фактическая независимость от ИНК были причиной того, что Бредлоу обращался не только к общим вопросам, зафиксированным в резолюциях ИНК, но и к множеству частных проблем, не согласованных с программой Конгресса.

Вместе с тем в течение 1888–1889 гг. Бредлоу активно выступал в палате общин по индийскому вопросу. В условиях, когда многие парламентарии не были знакомы ни с положением дел в Индии, ни с особенностями развития политической жизни на субконтиненте, Бредлоу приходилось вставать на защиту ИНК, заверяя членов палаты общин в его лояльности и необходимости предлагаемых им реформ. Когда в декабре 1888 г. консерватор Дж. Маклин потребовал призвать к ответственности А.О. Юма и членов Конгресса за «революционные выступления... цель которых – сокрушить надежность британского правления в Индии», Бредлоу разоблачал ошибочность сведений Маклина [16. С. 1017–1018]. В марте 1889 г., в связи со схожими обвинениями Э. Хьюза, заместитель генерального секретаря по делам Индии Дж. Горст, приняв контраргументы Бредлоу, заявил, что «правительство не желает присоединяться к огульному обвинению Конгресса» [17. С. 827].

В декабре 1889 г. Бредлоу посетил сессию ИНК, где выступил с речью, в которой заявил, что считает своим долгом представить перед парламентом законопроект о реформировании законодательных советов, основанный на индийских требованиях [18. Р. 154]. Бредлоу также считал необходимым расширение индийского представительства в палате общин: «Есть те, кто просит за вас в палате общин – и не я один. Есть члены, столь же преданные вам, как и я; и я надеюсь, что вскоре мы увидим в этих рядах того, кто сможет говорить с таким весом и знанием, которые дали ему долгое пребывание в Индии. Я имею в виду вашего президента, сэра Уильяма Уэддерберна» [18. Р. 153]. У. Уэддерберн – хорошо известный как в Англии, так и в Индии чиновник колониальной администрации. После ухода в отставку в 1887 г. присоединился к Конгрессу и стал активным проводником конгрессистского курса на распространение в Великобритании информации о положении дел в колониях. Уэддерберн, как и Наороджи, был в числе организаторов Британского комитета ИНК – постоянного представительства Конгресса в Лондоне, возникшего вследствие обновления ИПА в 1889 г., стал его председателем. В знак признательности за успешную работу в метрополии Уэддерберн был избран президентом ИНК на сессии 1889 г., где выступил с отчетом о продвижении индийских интересов в Лондоне. Уэддерберн сообщил, что либералами в Англии была хорошо воспринята идея создания крестьянских банков для индийских райатов, однако в ответ на предложение правительства Рипона ввести подобную систему во всей Индии заместитель государственного секретаря Дж. Горст заявил, что она была признана министерством «непрактичной» [19. Р. 8]. Уэддерберн сделал вывод, что силы противников индийских реформ в метрополии лучше организованы, главными из оппонентов являются министерство по делам Индии, консервативная пресса, а также англо-индийцы, вернувшиеся в Лондон по окончании службы в Индии. Однако Уэддерберн полагал, что позиции национального движения не являются безнадежными, поскольку на его стороне «дух времени» и «силы новой демократии» – в то время как «старые организации» выступали против ИНК, «молодые», к которым Уэддерберн отнес агентство Конгресса, показывали «хороший и здоровый рост» [19. Р. 10]. Следующим шагом конгрессистской работы в Лондоне должно было стать создание «Индийской парламентской партии, состоящей из людей, которые – сколь бы не различались их взгляды по другим вопросам – хотя бы сотрудничать на основе справедливой и сочувственной политики в отношении Индии» [19. Р. 10].

Сессия ИНК 1889 г. была расценена руководством Конгресса преимущественно как успешное начало работы в Великобритании. По возвращении в Англию Бредлоу представил на рассмотрение парламента законопроект об индийских советах, основанный на схеме, изложенной во второй резолюции сессии ИНК. Схема предполагала увеличение числа выборных мест в вице-королевском и провинциальных советах с соблюдением определенной пропорции в отношении представителей религиозных меньшинств; выборы предлагалось осуществ-

лять в несколько этапов, избирателями могли быть мужчины – подданные Британской империи старше 21 года. Однако в первоначальном виде законопроект был отвергнут парламентом и принят со значительными изменениями в 1892 г., спустя год после смерти Бредлоу. Вопреки тому что закон вносил лишь незначительные изменения в состав законодательных советов, он был благосклонно принят общественным мнением Индии и стал свидетельством успеха работы ИНК в Англии.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. основные надежды на создание индийской секции в парламенте возлагались на всеобщие выборы 1892 г., где в качестве кандидатов от Либеральной партии в числе прочих были выдвинуты Дадабхай Наороджи и У. Уэддерберн. В 1887 г. Уэддерберн был выдвинут в качестве либерального кандидата от Норт-Эйршира; в течение четырех лет он активно работал в избирательном округе, но, вопреки ожиданиям, на выборах 1892 г. уступил кандидату от консерваторов Т. Кокрейну [20. Р. 70]. Однако Дадабхай Наороджи, бывший кандидатом от Либеральной партии по округу Финсбери-Сентрал, победил с перевесом в три голоса, став первым азиатским членом британского парламента [21. Р. 15]. Заметную роль в победе Наороджи сыграл скандал, разразившийся в 1888 г., когда премьер-министр Великобритании лорд Солсбери допустил в его адрес расистские высказывания, посчитав невозможным победу азиатского кандидата в британском избирательном округе [22, 23], что сделало Наороджи известным всей стране.

Создание индийского комитета в парламенте, однако, было отложено до 1893 г., когда в результате специальных выборов в округе Банфшир Уэддерберн, приглашенный Либеральной партией в качестве кандидата, получил место в палате общин. В июле 1893 г.

Уэддерберн и ряд приглашенных им либеральных парламентариев приняли решение о необходимости работы комитета «в целях содействия совместным и целенаправленным действиям среди тех, кто интересуется индийскими делами» [20. Р. 75]. Первыми задачами комитета были объявлены борьба за упразднение Совета при государственном секретаре по делам Индии и требование расследования в отношении финансового положения Индии [24]. Хотя задачи комитета в целом соответствовали резолюциям ИНК [25. Р. 1–6], он не был ограничен рамками конгрессистской программы и охватывал различные вопросы, так или иначе связанные с Индией, поскольку Уэддерберн придерживался мнения, что самый верный курс – привлечение в комитет как можно большего числа участников, сочувствующих Индии, пусть и не обладающих индийским опытом. Тем не менее комитет был тесно связан с ИНК, а Уэддерберн совмещал посты председателя ИПК и Британского комитета Конгресса.

Создание ИПК стало прогрессивным шагом в развитии индийского национально-освободительного движения, поскольку благодаря ему умеренные националисты и их английские сторонники-либералы получили новое средство борьбы за права индийских подданных Британской империи. Появление сторонников индийских реформ в парламенте стало свидетельством успешности принятого Конгрессом курса на расширение масштабов агитационной работы в Англии, хотя и не гарантировало значительных достижений в решении индийского вопроса. Комитет сильно зависел от результатов всеобщих выборов и от партийной борьбы в парламенте, и в последующие годы существования ИПК эти факторы оказывали заметное влияние на его деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Report of the Third Indian National Congress. London, 1888.
2. The Pioneer. 1886. 31 March.
3. Beck T. Essays on Indian Topics. Allahabad, 1888.
4. Юм А.О. Избранные произведения об индийском национальном движении (1886–1894). Новосибирск, 2019.
5. Cotton H. New India, or India in transition. London, 1907.
6. Freeman's Journal. 1883. 9 April.
7. Reynold's Newspaper. 1885. 28 June.
8. Daily News. London, 1885. 29 June.
9. Digby W. India's interest in the British ballot box. London, 1885.
10. The Tribune. Lahore, 1885. 1 August.
11. The Times. 1885. 17 December.
12. Mehrotra S.R. Emergence of the Indian National Congress. Delhi, 1971.
13. The Rising Tide, or, The progress of political activity in India. Calcutta, 1886.
14. Matikkala M. William Digby and the Indian Question // Journal of Liberal History. 2008. № 58. P. 12–21.
15. Essays, speeches, addresses and writings (on Indian politics) of the Hon'ble Dadabhai Naoroji. Bombay, 1887.
16. Hansard Parliamentary Debates. 3rd Series. London, 1899. Vol. 331.
17. Hansard Parliamentary Debates. 3rd Series. London, 1899. Vol. 333.
18. Bradlaugh Ch. Speeches. London, 1890.
19. Speeches and writings of sir William Wedderburn. Madras, 1918.
20. Ratcliff S. Sir William Wedderburn and Indian Reform Movement. London, 1923.
21. The First Indian Member of the Imperial Parliament: being a collection of the main incidents relating to the election of Mr. Dadabhai Naoroji to Parliament. Madras, 1892.
22. York Herald. 1888. 7 December.
23. Reynold's Newspaper. 1888. 16 December.
24. Daily Gazette for Middlesbrough. 1893. 31 July.
25. Proceedings of the First Indian National Congress. Bombay, 1886.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 ноября 2019 г.

To the History of the Formation of the Indian Parliamentary Committee in the British House of Commons

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 142–147.

DOI: 10.17223/15617793/462/18

Dmitry S. Nikitin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikitds33@gmail.com

Keywords: Indian National Congress; Indian Parliamentary Committee; Parliament of United Kingdom; Dadabhai Naoroji; Charles Bradlaugh; William Wedderburn.

The aim of this article is to study the history of the formation of the Indian Parliamentary Committee (IPC) in the British House of Commons in 1893. To achieve this aim, the following objectives are envisaged: determination of reasons for establishing the IPC; analysis of the activities of the Indian National Congress and British liberals; analysis of the election campaign of Dadabhai Naoroji, which enabled him to get a seat in the House of Commons in 1892. The sources of the study are the pamphlets of the Indian National Congress members, which explain the need for Indian representatives to participate in the British Parliament; records of parliamentary hearings on the Indian issue; materials of the press describing the course of the election campaign of 1892 and the tasks of the Indian Committee in Parliament. In the course of the study, the author came to the following conclusions. The moderate branch in the Indian liberation movement considered the British Rule in India to be a progressive phenomenon in the Indian life. The defects of the British administration were due to the fact that the English people and Parliament did not understand the problems that the Indian population faced under the British Rule. The Parliamentary Committee dealing exclusively with the Indian issue could contribute to solving this problem. The main conductor of this idea in India was the National Congress, which, since its inception, began work on the formation of the IPC. In the late 1880s, an Indian political agency, which intensified attempts to organize an Indian committee in Parliament, was established in London. The interests of the Indians in the House of Commons at that time were defended by the Liberal MP Charles Bradlaugh. On the basis of the proposals of the National Congress, he prepared a bill on Indian councils, which came into force in 1892. Nevertheless, the creation of the Indian Parliamentary Committee became possible only in 1893, when Dadabhai Naoroji and William Wedderburn (founders of the British Committee of the Indian National Congress) were elected to the House of Commons as Liberal MPs. In general, the creation of the IPC was a progressive step in the development of the Indian liberation movement because the IPC gave the moderate nationalists and their British liberal supporters new tools of fighting for the rights of Indian subjects of the British Empire. The appearance of supporters of Indian reforms in Parliament was the evidence of the success of the IPC's course of expanding political agitation in England, although it did not guarantee significant achievements in solving of the Indian question.

REFERENCES

1. Indian National Congress. (1888) *Report of the Third Indian National Congress*. London.
2. *The Pioneer*. (1886) 31 March.
3. Beck, T. (1888) *Essays on Indian Topics*. Allahabad: The Pioneer Press Collection.
4. Hume, A.O. (2019) *Izbrannye proizvedeniya ob indyskom natsional'nom daizhenii (1886–1894)* [Selected works on the Indian National Movement (1886–1894)]. Translated from English by D.S. Nikitin. Novosibirsk: SIBPRINT.
5. Cotton, H. (1907) *New India, or India in transition*. London: K. Paul, Trench, Trübner, & co., Ltd.
6. *Freeman's Journal*. (1883) 9 April.
7. *Reynold's Newspaper*. (1885) 28 June.
8. *Daily News* (London). (1885) 29 June.
9. Digby, W. (1885) *India's interest in the British ballot box*. London: Indian Political Agency.
10. *The Tribune* (Lahore). (1885) 1 August.
11. *The Times*. (1885) 17 December.
12. Mehrotra, S.R. (1971) *Emergence of the Indian National Congress*. Delhi: Vikas.
13. Calcutta Central Press. (1886) *The Rising Tide, or, The progress of political activity in India*. Calcutta: Calcutta Central Press.
14. Matikkala, M. (2008) William Digby and the Indian Question. *Journal of Liberal History*. 58. pp. 12–21.
15. Naoroji, D. (1887) *Essays, speeches, addresses and writings (on Indian politics) of the Hon'ble Dadabhai Naoroji*. Bombay: Caxton Printing Works.
16. *Hansard Parliamentary Debates*. (1899) 3rd Series. Vol. 331. London.
17. *Hansard Parliamentary Debates*. (1899) 3rd Series. Vol. 333. London.
18. Bradlaugh, Ch. (1890) *Speeches*. London: Walter Scott.
19. Wedderburn, W. (1918) *Speeches and writings of sir William Wedderburn*. Madras: G.A. Natesan & Co.
20. Ratcliff, S. (1923) *Sir William Wedderburn and Indian Reform Movement*. London: George Allen and Unwin.
21. Anon. (1892) *The First Indian Member of the Imperial Parliament: being a collection of the main incidents relating to the election of Mr. Dadabhai Naoroji to Parliament*. Madras.
22. *York Herald*. (1888) 7 December.
23. *Reynold's Newspaper*. (1888) 16 December.
24. *Daily Gazette for Middlesbrough*. (1893) 31 July.
25. Indian National Congress. (1886) *Proceedings of the First Indian National Congress*. Bombay.

Received: 26 November 2019

Н.Д. Потапова

ТАКАЯ РАЗНАЯ ПРАВДА: ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНО 1970-х гг.

Исследуется появившаяся на рубеже 1960–1970-х гг. новая форма документального кино, заимствованная в социологии и опирающаяся на техники развернутых интервью. Для исследования выбран случай одного документального фильма Марселя Офюльса «Горе и сострадание: Хроника французского города в период оккупации» (1969), в котором был остраним доминировавший нарратив героизации Сопrotивления. В статье обсуждается производство подобного знания о войне, его социальное действие, влияние этого направления на позднесоветскую документалистику.

Ключевые слова: документальное кино; память; компаративистика; Вторая мировая война; Пятая республика; перестройка.

Размышляя о том, как общество переживает войну и работает с травматичным опытом, оставленным войной, Алейда Асман выделяла несколько базовых стратегий. Она показала, как послевоенное бегство и забвение, охватившие практически все страны, принимавшие участие во Второй мировой войне, сменяются героизацией пошлого. Нарратив жертвенности, подвига, мученичества, вечной славы апеллировал к древним мотивам для оправдания перенесенных потерь и страданий. Возможность назвать большой период времени, наполненный разными событиями и принесший травматичный опыт в жизни миллионов людей, одним общим словом «война» работала на упрощение, отчуждение, идеологизацию памяти о прошлом. Пройдет немало лет и Джорджо Агамбен напишет: есть события, остающиеся непроницаемыми для тех, кто пытается их понять с точки зрения логики здравого смысла. Война наполнена такими событиями, с которыми не может справиться опыт, а память – преодолеть. «Смысл и причины поведения палачей и жертв, а зачастую и сами их слова все еще представляются непостижимой загадкой», – писал Агамбен о травматичной реальности холокоста [1. С. 7–8]. Так было прежде всего для самих участников событий, совесть которых сопротивлялась героизации, а память забвению. Страх, насилие, беспомощность, одиночество, разрушение привычного уклада жизни, желание оправдать свои действия, ужас от разрушения порядка и морали, происходящего вовне и переживаемого внутри слома собственных нравственных установок, – время показало, что все невозможно забыть и невозможно однозначно представить как подвиг. Прошлое возвращается, как тень новых надвигающихся событий и страха новых потерь.

«Почти все это произошло на самом деле. Во всяком случае, про войну тут почти все правда... тонны искрошенных в труху человеческих костей <...> Когда я вернулся домой после второй мировой войны, двадцать три года назад, я думал, что мне будет очень легко написать о разрушении Дрездена, потому что надо было только рассказывать все, что я видел <...> Но я никак не мог придумать нужные слова <...> Да слова не приходят и теперь <...> И я думаю: до чего бесполезны все мои воспоминания». Эти строки нового романа Курта Воннегута мир увидел в марте 1969 г. Память сопротивлялась идеологии, облеченной в слова. Война во Вьетнаме уносила новые жизни и была совсем не похожа на войну в кино, где играют

«знаменитости, скверные старики, которые обожают войну. И война... показана красиво» [2. С. 284, 296]. Герои Воннегута размышляли о силе пропаганды в кино. Что можно ей противопоставить? Снова и снова «у нас идут войны страшнее всего, что вы видели, о чем читали. И сделать мы тут ничего не можем, так что мы просто на них не смотрим. Мы не обращаем на них внимания. Мы их игнорируем», – Воннегут писал о войне, которая не может закончиться с росчерком пера дипломатов и калечит жизни тех, кто в этой бойне случайно выжил. Война во Вьетнаме творила насилие, а «партизан» делала не просто частью далекого прошлого. Остановить ее путем обычных гражданских протестов или выборов в 1969 г. многим казалось уже невозможным, существующие гражданские механизмы не срабатывали. Незадолго до этого была опубликована книга Ханны Арендт «Банальность зла», которая вскрывала невозможность устроить настоящий суд над виновными в массовом уничтожении людей во время войны, в антисемитизме и других военных преступлениях, поскольку вину эту разделяют все. Преступления эти произошли вследствие рутинного исполнения миллионами немцев своих обязанностей, они «никогда не приходили к решению об уничтожении евреев – они всего лишь совместными усилиями планировали шаги, необходимые для выполнения данного Гитлером приказа». Разделяют ответственность за то, что насилие оказалось возможным, и те, кто стал жертвами чудовищной машины: «пятнадцать тысяч человек охраняли всего сто вооруженных охранников». Почувствовать самообман, рутинные безразличие, покорность, ложь, как глубоко укоренено насилие в современном обществе, как оно прорастает в сознании потенциальных палачей и жертв, можно только на их месте. И искоренить антисемитизм, дискриминации, насилие возможно, только если люди, оказавшись на этом месте, поймут, как нужно поступать по-другому. Арендт описывала суд над отдельным нацистским преступником как театральное представление, работающее на пафосное и циничное самоуспокоение общества, – и потому бесполезное, чтобы искоренить антисемитизм, расизм, шовинизм, насилие. В этой игре мы всегда отождествляем себя с героями или невинными жертвами, а противников – с преступниками и палачами. Чтобы действительно искоренить возможность рецидива ужаса войны, необходима большая внутрен-

няя работа над собой, гражданская работа, которую обществу в целом и каждому его члену предстоит провести, чтобы не оказаться однажды палачом или жертвой. Сводить счеты и судить людей – значит продолжать войну, формально закончившуюся в 1945 г. Бессмысленно проводить показательные суды над другими и не видеть укорененные внутри обыденных практик привычные реакции, делающие новое насилие возможным. Аренд в своем эссе бралась за «серую зону», в которой насилие обесценивается не животной патологической ненавистью, а равнодушием, пассивностью, буржуазной привычкой к порядку, маскируемой под сознательность, круговой порукой, нежеланием поставить на кон маленькие повседневные радости и выгоды обывателя среднего класса. Кажется, что если бы не нацистское государство и его преступные законы, то мелочный шкурный эгоизм и бытовая неприязнь шовиниста никогда не произвели бы таких катастрофических последствий, как лагеря смерти, куда офицер гестапо Эйхман отправлял людей целыми эшелонами [3]. Но что такое государство? Как оно делает людей покорными и как они могут протестовать? Как исследовать власть, которая сидит в голове и реализуется через дисциплинарные практики, подчиняет, превращает людей в покорных жертв и беспощадных палачей, прорастает в обыденные практики и привычные схемы мышления, действует через предрассудки?

В 1970-е гг. в публичное пространство памяти оказались включены нарративы, не соответствовавшие официальной конъюнктуре, предметом общественной дискуссии стал травматичный опыт войны, увиденной глазами гражданского населения, чья память о бомбардировке городов, изнасиловании женщин, принудительной депортации, голоде, спекуляциях и других преступлениях военного времени стала предметом публичного обсуждения, границы свой-чужой утратили национальную определенность, а сопротивление фашизму – черты единого фронтового братства. Анри Руссо, исследовавший память о Второй мировой войне и режиме Виши во Франции, обратил внимание на решающую роль, которую сыграли в этом процессе кинодокументалисты, искавшие новые формы антивоенного кино, сделавшие эти темы предметом публичного обсуждения [4. Р. 98; 5. Р. 139]. Обсуждение фильма Марселя Офюльса «Горе и сострадание: Хроники оккупированного города» (*Le Chagrin et la pitié: chronique d'une ville française sous l'occupation*, 1969) изменило способы говорить о войне, затронув профессиональную историографию, публичную политику, общественное мнение, новая форма документалистики оказалась востребована в условиях новых войн, начинавшихся в разных точках мира. Мы обсудим его влияние на советское кино и сравним, как происходила работа по переосмыслению прошлого в 1970-е гг. в разных национальных контекстах, как преломились в ней социальные конфликты и гражданская непримиримость и как она связана с начинавшимся изменением отношений в обществе и режимов власти.

С момента выхода фильма «Горе и сострадание» специалисты расходятся в его оценках. Одни рассматривают его как противовес одностороннему представлению о войне и Сопротивлении, доминировавшему в

общественном дискурсе при де Голле [6; 7. Р. 139]. Другие, вслед за Стенли Хоффманом и Анри Руссо, делают акцент на том, что реальность военного времени была гораздо сложнее тех проблем, которые смог затронуть в своем фильме Офюльс. Пьер Лабори также расценивал фильм как результат политических манипуляций с памятью, когда без комментариев и альтернативы был создан миф о Франции пассивной вместо голлистского мифа о Франции героической [8]. С подобной оценкой фильма не согласен ряд современных исследователей [9. Р. 245].

Эндрю Собане и Ферзана Банаджи подчеркивали, что фильм не содержал радикального отказа от традиционной позиции в интерпретации войны. Фильм опирался на осуждение германского фашизма, не ставил под сомнение смысл жертвенного подвига павших героев Сопротивления, осуждал коллаборационизм, но предлагал более сложную и неоднозначную картину прошлого [10. Р. 47]. Собане акцентировал форму фильма, которая также несла важный политический заряд. В данной статье мы продолжим его работу, делая акцент на том, какие политические и социальные условия сделали возможным поставить в связи с войной те вопросы, которые задавала Ханна Арендт. Мы обсудим техники производства подобного знания о войне и его социальное действие. Важным инструментом анализа является компаративный анализ: мы рассмотрим влияние этого направления киноинтервью на позднесоветскую документалистику. Сравнение двух киношкол позволит увидеть особенность национальных условий производства памяти о войне.

Согласно официальным опросам, проведенным во Франции в 1967 г., большинством французов во время войны участвовали в Сопротивлении. Едва ли кто-то всерьез верил, что это правда, но статистика, считалось, показывала успех исторической политики правительства Шарля де Голля. Казалось, национальное единство создано, есть уверенность и консенсус в обществе в отношении того, как поступать в случае новых вызовов и возможного рецидива фашизма. Опросы эти проходили осенью, а в мае 1968 г. баррикады в Париже вскрыли другую, настоящую реальность: раскол в обществе, где насилие по-прежнему было основным инструментом разрешения конфликтов. Левые журналисты с телеканала ORTF – Марсель Офюльс, Андре Харрис и Ален де Седуи поднимали эту тему в своих телепроектах задолго до того, как напряжение проявилось в уличных столкновениях. К их работе привлекала внимание новая форма телевизионного языка. Вместе с другими французскими интеллектуалами они размышляли, как телевидение способно оказать политическое действие, изменить дисциплинарные формы и распределение власти в обществе. Традиционный телевизионный формат новостей отчуждал, по мнению ряда критиков, у зрителей право высказывать свое мнение о событиях, даже используя форму интервью, комментаторы оставляли за собой решающий «экспертный» голос, часто события комментировал голос за кадром. Зрителю оставалась роль пассивного наблюдателя [11. Р. 91, 117]. Творческие эксперименты левых кинодокументалистов были

направлены на то, чтобы показать, как кино и телевидение может превратиться из инструмента господства и подавления в инструмент исследования социальной реальности и форму политического взаимодействия. Телевидение способно дать голос тем, кто лишен его в медиапространстве, показать многочисленные, но маргинализованные группы, не имеющие доступа к информационным ресурсам. В этом виделась задача: позволить людям увидеть друг друга, раскрыть их друг другу, признать существующее многообразие и выслушать позицию и аргументы другого, признать сложность современного положения и начать работу с ним, начать работу друг с другом, вне иерархий, а не производить подавление, игнорирование и маргинализацию, толкающие к насилию.

Новый формат документалистики предложил Жан Руш, работавший вместе с этнологом-африканистом Марселем Гриолем и социологом Эдгаром Мореном. Они использовали интервью, чтобы показать, чем живут современные горожане. Новая техника позволила снимать с плеча на 16-миллиметровую пленку (живая камера) и писать звук прямо в городе, в поле, синхронизируя его с изображением (пилотон), а не накладывать его в студии. Кинематографисты отправлялись на окраины, останавливали на улице людей и предлагали им, без сценария, в духе киноправды (*la cinéma vérité*), рассказать, чем они живут, что их волнует. Сценарий в документальном кино неореализма приходил сам, по мере того как непривыкшие сознавать себя субъектами публичной политики люди начинали говорить о своем опыте. Задолго до баррикад и студенческих протестов, в 1961 г. на экраны вышел первый фильм «Хроника лета» (*Chronique d'une été*), в котором его создатели ставили задачу выяснить у молодых парижан, случайных прохожих, их отношение к жизни, задавая им один и тот же вопрос, он был нейтральным, но провоцировал размышления: «Скажите, вы счастливы?». Фильм монтировал истории и голоса людей с улицы, рабочих, мигрантов, их реакцию на внезапный вызов камеры – он претендовал на то, чтобы разглядеть разное, конфликты, разделяющие людей, показать скрытое за официальной статистикой игнорируемое устройство, основанное на логике повседневной рутины, выслушать мнение обычных людей, выявить социальный контекст, в котором укоренена возможность политического действия. Создатели фильмов отказались от прямого комментирования – в кадре или за кадром, предоставив зрителю включиться в обсуждение и проанализировать то, что ему было показано (смонтированные сцены и голоса людей, рассказывающих о себе и о том, от чего они отчуждены современными условиями, лишение чего сознают). Так началось большое движение, к которому были близки и солидаризировались Годар и Трюффо, Бертолуччи и многие другие и которое оказало влияние на кинематограф далеко за пределами Франции. Усилило оно и дискуссию о влиянии камеры и о том, можно ли действовать искренне перед камерой – может ли она исследовать и давать «прямой» доступ к социальной реальности или активно вмешивается как новый актер и все меняет. И как работать, чтобы получить по возможности прямой доступ к социальной ре-

альности. Дискуссии эти повлияли со временем на разработку методов социологического включенного наблюдения и устной истории.

Андре Харрис и Ален Седуи делали первые репортажи в форме *cinéma vérité* для телевидения, также стараясь дать основное право для комментария событий не репортеру или редактору, передать разные мнения и голоса. Андре Харрис работал в горячих точках, Будапеште и Алжире. Вместе с режиссером Марселем Офюльсом они опрашивали рабочих, студентов, молодежь, в мае 1968 г. снимали студенческое движение, обходя официальный запрет. Весной 1969 г., когда стало ясно, что политика де Голля окончательно зашла в тупик, они начинают работу над новым, историческим проектом¹. Название, которое Офюльс дал своему фильму, «Хроники оккупированного города», отсылало к традиции фильмов Рюша [10. Р. 61]. Фильм должен был дать возможность публично рассказать о своем прошлом тем, кто при де Голле был этой возможности лишен. Франция должна была увидеть «общественное мнение» в реализме, а не формате контролируемых элитами новостей. Проработать то, что скрыто и подавлено, но живо и действует подспудно, на уровне предрассудков, на чем держится рутинный порядок и действия. Показать даже неприемлемые мнения так, чтобы исключить возможность агрессии, начать судить мнения, а не людей. Начать ту большую работу, к которой призывали Арндт, Фуко и другие интеллектуалы 1960-х гг. Задачу это легко было описать на бумаге и даже реализовать на пленке, – но при столкновении с реальным зрителем она оказалась не такой простой.

Впервые речь шла не о боевых операциях по освобождению Франции, – темой стала жизнь на оккупированных территориях. Офюльс сфокусировал внимание на том, как разворачивались события с началом войны и как медленно складывалось их понимание, как сталкивались противоречивые интересы и разными путями преодолевались страхи и неуверенность в завтрашнем дне. Офюльсу удалось остранить сложившийся нарратив о едином Сопротивлении и шестивии Франция к победе над фашизмом и показать размытую «серую зону», события, в которых нет героев и предателей, а действуют обычные люди, в распадающемся государстве и обществе думающие о своей выгоде, своих интересах, пытающиеся сохранить собственный мирок, островок личного благополучия. Для этого каждый выбирает свой путь, они действуют разными средствами. Офюльс выбрал формат хроники, позволив зрителю вернуться в прошлое, услышать официальные сообщения старых пропагандистских кинороликов и газет и пережить обычную в такой ситуации реакцию обычного человека, который уверен, что весь этот ужас, называемый войной, ненадолго и скоро кончится. Фильм позволял увидеть, как работала логика того, что казалось здравым смыслом. У разных людей этот здравый смысл был свой, разный, и экстремальная ситуация войны обнажила заложенные в способах мышления о мире противоречия и породила антагонизмы. По тому, как люди вспоминают на экране о себе в прошлом, можно было видеть, что эти привычки и противоречия

действуют до сих пор, никто не раскаялся в том, как поступал, и каждый находит оправдание себе в прошлом. На интервью пришлось большая часть фильма, – из 260 минут только 45 заняли кинопропаганда и газеты военного времени [4. Р. 101; 5]². В фильм вошли 36 интервью. Не все, к кому обращался Офюльс, согласились говорить. Офюльс интерпретировал отказ как активную позицию, артикуляцию нежелания публично вспоминать и говорить о прошлом, которое также может расцениваться как свидетельство о неблагоприятном состоянии современного общества. Всего были записаны тысячи метров пленки, 60 часов интервью в трех странах: Франции (26 чел.), Германии (5 чел.), Англии (5 чел.). Большинство принадлежали к буржуа – предпринимателям, занимавшимся средним и малым бизнесом (аптекарь, коммивояжер, галантерейщик, владелец отеля, ресторатор, фермеры, парикмахер), пятеро аристократов (которые позиционируют себя как маргиналы – кокаинист-министр, женатый на американке; живущий идеалами чести и доблести офицер Waffen-SS; окруженный феодальной прислугой потомок Лаваля и др.), интеллектуалы (два профессора и журналист), партийные деятели. Создатели фильма старались не доминировать на экране, но строго контролировали организацию киноматериала, чтобы представить полярные взгляды на причину поражений на начальном этапе войны, цену войны, включая прямые и косвенные потери, судьбу военнопленных, разные взгляды на то, что значит выжить и сохранить себя в условиях оккупации и войны; опыт лагерей, пыток, убийства; как люди становились героями и палачами, исследовать мужество и трусость, почему люди не сопротивляются, – выслушать аргументы. Впервые прозвучавшие публично голоса французов, переживших войну, образуя смысловые оппозиции, показывали, что идеалы, партийность, классовость, происхождение мало влияют на то, что произошло. Человек не знает, как поведет себя.

Хроникальный рассказ позволял увидеть, какие нелепые действия казались «гражданской сознательностью» в самом начале войны, и как при столкновении с реальным опытом войны и смерти от этой «сознательности» не оставалось следа, она оборачивалась банальной привычкой к патернализму, производя в чрезвычайных обстоятельствах покорность силе, власти. Пьер Мендес-Франс рассказывал в фильме: «В благонамеренных кругах, в высшем парижском обществе симпатизировали нашим солдатам, проблемы которых были несравнимы с тем, что произошло после. В этот период люди искали отвлечения и развлечения от скуки. На линии Мажино, где время ташилось улиткой и было до боли скучно, благонамеренные дамы из парижской буржуазии решили сформировать комитет для развлечения наших храбрых солдат, чтобы создать приятную атмосферу. Идея была посадить розовые кусты вдоль линии Мажино, чтобы она приятнее выглядела, чтобы создать приятную атмосферу, были люди, которые жертвовали на это деньги, чтобы наши солдаты не смотрели на ужасные бетонные стены, чтобы они жили в цветущей обстановке. Это патетично, когда вы думаете о страшных вещах, которые были позднее».

Алексис Граве был одним из тех самых солдат, он вспоминал, что строительство укреплений не было завершено (об этой проблеме, требовавшей совсем иных сил и средств, едва ли разрешимой в короткие сроки, предпочли забыть, обсуждая «кусты роз»), – в результате солдаты оказались в один момент в недостроенных дотах и блиндажах с пулеметами против немецких танков. Люди гибли или сдавались в плен. «Огромное число людей в панике и страхе на дорогах сходили с ума, терроризируемые бомбежками, несли с собой, что могли: детей, животных, ценные вещи, на фурах, велосипедах, это была мешанина всего и вся, страшно смотреть, – продолжал Мендес-Франс. – Многие военные разделяли позицию штатских и вели войну без энтузиазма. Я не говорю, что они были предателями (в любом случае предателей было мало), но они предпочитали Гитлера Леону Блуму и это было очень популярно в буржуазных кругах, к этим кругам принадлежали многие солдаты.» «Тогда у всех были очень разные позиции», далеко не все готовы были продолжать сражаться, – подтвердит в своем интервью британский министр Энтони Иден. Находились те, кто полагал, что продолжение войны приведет к гибели нации, будет противно общему благу, разрушит города. Они не думали, что «есть вещи похуже, чем разрушение городов», – заявляет Иден.

Немецкая пропаганда призвала прекратить «сражаться за английских лордов». Офюльс мастерски монтирует в фильме вскоре после напоминания этих кадров пропагандистской хроники слова «чужого» британского политика, которому не жаль французских городов и который помнит, как хотел избежать бомбардировок А.Ф. Петен. Зритель начинает понимать логику того, что для многих решение сложить оружие было радостной новостью и сулило минимальной ценой положить конец резне, сохранить жизни близких и привычный уклад, сулило «возрождение жизни». На оккупированных территориях ждали «возрождения Франции», разрушенной, как уверяли, социалистами. Фармацевт Вердье сравнивал в своем интервью это с поражением на спортивном поле. Открыто заявивший в фильме о своем сочувствии фашистам, Кристиан де ла Мезьер в интервью связывал окончание войны с освобождением от власти социалистического правительства, которое и привело Францию к этому поражению в войне. Немецкая кинохроника показывает, как в Париже возобновились скачки, открылись театры, радостные лица французской публики, переживающей оккупацию как долгожданное окончание войны. Французы в кадре показаны рядом с немецкими солдатами, женщины кокетничают с военными, французы наполняют залы расистской выставки, слушают лекции об антисемитизме, собираются вместе с солдатами послушать немецкую музыку, смотрят нацистское кино и т.д. В это время англичане предлагали оставшимся в Англии французским морякам продолжать сражаться или просто рыть траншеи, те отказывались «почти злобно... они считали, что Англии повезло, тогда как французская армия разбита» – вспоминал генерал Эдвард Спирс. Те, кто ехал сражаться в Англию, на родине были осуждены за дезертирство – вспоминал Мендес-Франс.

Офюльс впервые покажет в кадре рядом бывших противников – он возьмет интервью у солдат вермахта и французской армии, смонтирует их, чтобы зритель видел одинаковые человеческие эмоции, которые производит война, первая ассоциация с которой страдания и горе. Вспоминая начало войны, они говорят, что не хотели воевать, хотели домой, чтобы все это быстрее закончилось, не хотели умирать. И одинаково радовались победам. Это память выживших, в отличие от политиков и пропаганды, они не говорят ни о героизме, ни о самопожертвовании, ни о патриотизме, ни о свободе или родной земле. Они помнят только свое желание выжить: «Человек всегда привязан к своей земле. – Думали вы об этом в Бухенвальде? – Нет, о выживании, вот о чем я в основном думал. Но я говорю о себе, как я смотрел на вещи. Я не говорю о тех, кто плакал. Когда я видел их плач, я знал, что они не выживут. Это невозможно, прежде всего, нужно думать о себе, а уже потом о других. Нет ничего глупее войны, – вспоминал Луи Граве, воевавший во французской армии и после участвовавший в Сопротивлении. – Думаете, кто-то на самом деле знал, за что воюет? Сомневаюсь. Есть кучка фанатиков, которые знают. Я не знал. Я ушел на войну в 1940, остался в 1939, меня послали в Модан, – я ничего не знал, что я мог сделать, я шел убивать парней, которых никогда не видел, которые никогда не вредили мне».

Насилие начинается как простое исполнение долга, подчинение приказам, затем работает на идентификацию – солдат встречает страх местного населения, в них видят «плохих парней», творящих насилие. «Мы видели разрушенные села, горящую землю, это оказывало на нас определенное воздействие, люди на дорогах спасались от плохих парней», – рассказывал полковник Вермахта Таузенд. – То есть вы были плохими парнями? – Ну, во-первых на нас смотрели как на врагов, решивших разрушить страну. Потом они увидели, что мы хотим помочь, это их успокоило».

Офюльс монтировал фрагменты интервью и пропагандистской хроники военного времени, показывая, как пропаганда внушает («либо мы, либо нас», «мы должны защитить наш народ от той участи, в которой оказался противник»), пропаганда перекладывает ответственность за убийства на «евреев-поджигателей войны» и «политиков-плутократов», срабатывает за счет укорененных в обществе предрассудков. «Англофобия, всегда бывшая во Франции, возникла с новой силой. И все это шло рука об руку с ужасающим цинизмом», – вспоминал Мендес-Франс. Одни не понимали, что происходит. Другие искали виновных, на кого можно было возложить ответственность за первые дни поражения: правительство Леона Блума, народный фронт или ошибки военного командования. «Так мы облегчали себе боль поражения нашей нации, смакуя удовлетворение и месть во внутренних делах». Это быстро привело к ксенофобии, англофобии, антисемитизму, включает Офюльс. «Антисемитизм начал поднимать свою уродливую голову. Те, кто обычно скрывал свои чувства, открыто заявили о своем антисемитизме, потому что Франция начала перенимать определенные германские ценности... антисемитизм и англофобию нетрудно пробудить во Франции, даже

если реакция на них латентна и придушена, нужно одно событие, один инцидент, международный кризис или дело Дрейфуса, чтобы эти скрытые чувства возникли вдруг со всей силой, оказавшись не умершими, а просто уснувшими», – вспоминал Мендес-Франс. Люди отказывали «врагам» в медицинской помощи, лишали работы, выносили пристрастные приговоры, казнили, – сначала масонов, евреев, левых, затем правых и сотрудничавших с немцами. Дважды в течение войны начинали преследовать тех, кто занимал высокое положение, – при установлении режима Виши и затем во время Освобождения. Жестокие казни имели место в обоих случаях, и в обоих случаях были «люди, жаждавшие жестоких приговоров», публика с одинаковым рвением требовала расправы. Никто не протестовал: «Вы не понимаете, какой тогда был менталитет», – отвечали Дантон и Дионе, профессора лицея Паскаля в Клермон-Ферране, на прямой вопрос Марся Офюльса, почему они не подали всем коллективом в отставку при увольнении евреев из лицея. Вспоминая об этом, оба добродушно смеются, – за этим смехом проступает то, что Агамбен предлагал называть «жестом» узника [1. С. 32], а Арндт разоблачала как то, на чем на самом деле держится весь механизм уничтожения людей: «пятнадцать тысяч человек охраняли всего сто вооруженных охранников». Профессорам и из 1969 г. кажется оправданным то, что они делали в 1940 г. Газеты, конечно, влияли на общественное мнение, но еще сильнее было действие предрассудков, глубоко укорененных внутри, – говорит адвокат Анри Роша, защищавший людей на политических процессах в Клермон-Ферране, сначала левых и евреев после оккупации, потом коллаборационистов и правых после Освобождения.

Действие предрассудков – как власть, которая сидит в голове. Офюльсу удалось продемонстрировать это на примере Кляйна Мариуса, галантерейщика из Клермон-Феррана. Во время войны он дал объявление в приложении к газете «Монитор», в котором заверял своих клиентов, что он француз родом из Дюнкерка, а не еврей. Офюльс разыскал его и уговорил дать интервью. Он начал с медалей, полученных в Первую мировую, которые Кляйн продолжал носить и которыми гордился: «Вы должны быть очень храбрым? – Я следовал за другими, выполняя свой долг». И тут же свидетельствует о своем подлинном малодушии: «Люди думали, что мы евреи. Мое имя Кляйн звучит как еврейское, но я католик. Это было поводом для беспокойства <...> евреев арестовывали, а они нас называли евреями, я не мог себе позволить иметь ярлык еврея, будучи католиком, вот почему я это сделал». Когда Кляйн Мариус произносит эти слова, в кадре он, как и профессора из лицея, не раскаивается в своем поступке, не видит в нем предательства, пассивной поддержки нацизма, условия массового уничтожения людей и соучастия в нем. Годы исторической политики де Голля научили его понимать, что антисемитизм это зло: «я никогда не был расистом», добавит Кляйн. При де Голле люди научились на словах отречься от того, что они продолжают считать оправданным мотивом для действий. Этот персонаж вновь напоминал тему коллаборационизма и посредничества, возможных

даже внутри еврейской общины, о которой писала Ханна Арендт.

Но работа предрассудков была не такой простой и производила не только предательство. Денис Рейк, британский тайный агент и диверсант, заброшенный на оккупированную территорию Франции, вспоминал, что пошел в разведку, дабы доказать себе, что не хуже своих друзей, которые стали пилотами: «Как гомосексуалист в тот момент моей жизни я боялся, что мне не хватит храбрости делать такие вещи. – В этом смысле Вы разделяли общие предрассудки, Вы чувствовали, что гомосексуализм делает Вас менее храбрым, чем других? – Да, я боялся этого». В отличие от остальных он пытается осознать действие предрассудков и приходит к парадоксальному выводу, что на самом деле ему было даже легче, чем другим на этой войне: «Люди часто смотрят, что они потеряют, мне терять было нечего, у меня не было ни родных, ни жены, так что это не влияло». Впрочем, история, которую он вспоминает, роман с немецким офицером, который доверился ему, не зная, с кем имеет дело, и которого он боялся потерять, открыв двойную игру, и все же потерял (тот погиб на восточном фронте), отношения без будущего, подрывают истинность того, что терять ему было нечего. И дальше зритель увидит, что выбор – «греть ли ноги у огня» или уйти в Сопrotивление – не зависел от того, был ли человек связан семейными обязательствами: историю мадам Ману знает весь город, она была замучена гестапо и заживо похоронена.

История парикмахера Соланж показывает, что убивать друг друга толкала людей не идеология, а бытовая ревность и сведение счетов. Ревнивая жена ее знакомого подделала почерк Соланж и отправила от ее имени доклад в гестапо, который был перехвачен участниками Сопrotивления. После Освобождения Соланж арестовали, пытали и осудили на 15 лет. Ее интервью было одним из первых случаев публичного обсуждения насилия над женщинами и пыток, которые совершали борцы Освобождения, те, кого много лет было принято считать героями: «Один человек снял с меня всю мою одежду, положил меня в ванну, полную воды. Я старалась держаться, но мои руки были связаны за спиной, я повернула голову, но он ударил меня в подбородок, так что я опустилась на дно ванны. Будучи под водой, мне пришлось глотать, они поняли, что я захлебываюсь. Он схватил меня за волосы и вытащил из воды, засунул мне два пальца в рот так что меня вырвало, спросил меня, признаюсь ли я. Но я была невиновна. И я жалела, что я ничего не сделала, это было так ужасно <...> больше я этих людей не видела. Думаю, это были люди, вовлеченные с единственной целью убивать других людей». Политика де Голля привела к тому, что эта несчастная женщина так и не решилась публично признать, что люди, пытавшие ее, принадлежали к Сопrotивлению, и что за все эти годы она так и не смогла их простить и принять тот дискурс, который возлагал всю ответственность за насилие обеих сторон на режим Петена: «Когда Вы говорите, что в зале были друзья и враги, Вы делите на друзей и врагов по определенному поведению при оккупации или нет? – Нет. – Вашими врагами были те, кто говорили, что они бойцы Сопrotивления? – Точно они не

были личными врагами, я поддерживала маршала, а они нет. Или я думаю так. – Когда Вас принесли в ту комнату с ванной, думали ли Вы прежде, когда в целом Вы были согласны с режимом, что то же самое происходило с другими? – Не знаю».

Вышедший на экраны в 1965 г. фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» обвинял пропаганду в разжигании войны³. Технически он был близок к работе Марселя Офюльса: также опирался на нацистскую кинохронику и документы военного времени, использовал «живую камеру», чтобы показать, насколько подвержены предрассудкам люди, насколько одинаковы их чаяния и желания, как все они боятся за жизнь своих близких и как легко сыграть на этих страхах. Принципиальным было лишь одно отличие. Офюльс считал необходимым дать голос свидетелям, вовлечь зрителя в совместную гражданскую работу, где дело каждого – осознать действие предрассудков внутри себя и увидеть собственную ответственность за возможное насилие. Ромм считал людей неспособными к этой работе. В его фильме звучал голос за кадром, который задавал одно единственно правильное видение. Впрочем, впервые в исторической документалистике это был голос автора, современника событий, что также создавало эффект «личной вовлеченности» и «субъективного вторжения», связывало с «собственным настоящим» [12. С. 110, 112; 13. Р. 145–148]. Ромм использовал приемы замещения непосредственных свидетельств – экзистенциальный опыт жертв нацизма он пытался передать, акцентируя при монтаже их эмоции и взгляд на старых фотографиях, приближаясь к ним камерой⁴. В духе марксистской критики Ромм утверждал, что нацистская идеология произвела ложное сознание, ввергла народные массы Германии в пучину заблуждения. Необходима контрпропаганда, чтобы нейтрализовать действие идеологии: «если бы все немцы вдумались, как следует, в содержание, пожалуй, судьба Германии могла бы стать иной». Голос за кадром субверсировал содержание нацистской хроники, а контрастный монтаж остроял благополучие порядка, построенного на насилии: кадры из архивов гестапо, фиксирующие насилие⁵, изуродованные детские трупы напоминали про невинные жертвы, порожденные преступным режимом, уже отправленным на скамью подсудимых. Покорные жертвы фашизма заблуждались, «думали, что будут жить» в лагерях смерти. Пособники, мелкие буржуа-обыватели, пребывали в плену иллюзий, демагогии и пустых обещаний: «я не хочу сказать, что немецкий народ был слеп, он был обманут», заявлял голос за кадром в этом фильме. Люди просто не хотели думать, критически мыслить, были косны и ленивы, поддавались «воздействию на простейшие чувства», равнодушно исполняли приказы. Другим не хватало мужества сопротивляться приказам, они не готовы признать вину. В отличие от Арендт, Воннегута, Офюльса и других Михаил Ромм не считал, что война в равной степени травмирует и тех, кто совершает убийства, и тех, кто подвергается нападению: «летчику сверху разбитые дома кажутся тихими, мирными, даже красивыми, а люди сверху кажутся муравьями или тараканами и их не страшно расстреливать». Фильм Ромма воспроизводил парадигму,

восходившую к пропаганде военного времени: вся ответственность за преступления была возложена на противника, борьба с которым героизировалась. «Они», нацисты, творили насилие и совершали убийства, «мы» совершали подвиги и «отдавали жизни» ради победы. Разоблачая манипуляции Гитлера с пропагандой и его теорию, согласно которой «масса охотно подчиняется силе», идет за тем, кто указывает на врага и охотно исполняет приказы, Ромм обращался со зрителями так же, как Гитлер: «все зависит от того, что мы с вами вылепим из них во что мы превратим их». В этом был парадокс и ловушка старого антивоенного кино. Оно опиралось на приемы пропаганды военного времени. Ромм делал это осознанно, он заявлял, война не окончена: «раковая опухоль фашизм вырезана, а метастазы остались».

Офюльс рассматривал форму киноповествования как политическое действие. Он сознательно отказался от прямого комментирования [6. Р. 162–166] и от того, чтобы фильм диктовал «правильный взгляд». Фильм должен был не выносить приговор нацистским преступникам, подобным Эйхману. Фильм, вслед за эссе Арендт, содержал призыв отказаться от суда над преступлениями прошлого. В нем есть слова Энтони Идена о том, что «нам трудно судить, была ли оправдана людская злоба. Мы не были под оккупацией, мы через это не прошли, поэтому не можем и судить» [5. Р. 139]. По мнению Ферзины Банаджи, Офюльс не давал своим зрителям простого ответа на вопросы, которые ставил фильм в связи с войной, но побуждал их к внутренней работе. А когда речь шла об отрицании холокоста и т.п., он предъявлял факты, и информантам приходилось признавать собственную неправоту, одновременно делая очевидной легкость, с которой ложь входит в коллективную память нации. Его фильм был примером столкновения не людей, а аргументов, сдержанности в отношении к собственным пристрастиям, учил воздерживаться от привычки судить и выносить приговор, предлагал слышать аргументы друг друга.

Ромм был уверен, зритель нуждается в помощи, чтобы преодолеть ложное сознание, навязанное пропагандой. Он утверждал: режим держался на том, что «народные массы» слепы. Офюльс в фильме «Горе и сострадание» показал людей, память которых вовсе не затронута пропагандой, люди сознавали ее условность: «мы никогда не обсуждали то, что писали газета... все, мясник или молочник, инженер или интеллектуал, берегли себя», – говорит Вердье. Пропаганда не справлялась и не срабатывала до конца в оправдании того ужаса, который несла война, и в котором пришлось участвовать этим людям. Важнее и опаснее было действие того, о чем не принято говорить, что принято было публично осуждать как предрассудки, но от чего люди до сих пор не избавились и чем продолжали руководствоваться, совершая политическое действие. Ханна Арендт считала это единственной возможностью предотвратить новую войну. «Практика самообмана была до такой степени всеобъемлющей, почти превратившейся в моральную предпосылку выживания, что даже теперь, через столько лет после падения

нацистского режима, когда большинство специфических деталей его лжи уже забыты, порою трудно не думать, что лицемерие стало составной частью национального характера», – писала она о Германии. Офюльс вывел на экраны то, что долгие годы было подавлено и вызывало страх во Франции.

Офюльс говорил, что главной задачей при создании фильма было «изобразить людей так, как они себя видят, не судить, услышать истории, которые они готовы рассказать» [14. Р. 309–327]. Его задачей было создать такие условия съемки, чтобы его респонденты рассказали больше, чем привыкли говорить о войне [15. Р. 480]. Создатели фильма избегали политических комментариев. В редких случаях они провоцировали, но всегда оставляли свободу идентификации респонденту. Характерен вопрос, обращенный в фильме к полковнику дю Жонше: «Вы республиканец? – Не слишком. – Вы более монархист? – Да, это так». Такой же вопрос был задан Кристиану де ла Мезьеру: «Вас не заденет, если мы скажем, грубо говоря, что в 1941 г. Вы были молодым фашистом? – Нет, это правда». Фрагмент диалога с мадам Соланж показывает, что респонденты не испытывали давления, делая признания с экрана: «Вы сказали, что были за Петена. Это объяснялось влиянием католической веры? – Нет. – Тогда почему, пожалуйста, постарайтесь вспомнить? – Возможно, из-за его идей... – Каких идей? – Его идей о будущем Франции. Я считала его великим человеком. – Вы и сейчас так думаете? – Да». Оператор, работавший с Офюльсом, обладал свободой в выборе крупных и общих планов [7. Р. 56], в результате ему удалось передать эмоциональный заряд момента, когда очевидцы ощущали столкновение со своим прошлым, это отмечал еще Марк Ферро [6].

Они старались исключить все, что может оказать давление на интервью. Сами участники могли выбирать, где им удобно говорить, дома, в баре или в рабочем кабинете, в кругу близких и друзей или наедине. Единственным условием было, чтобы они не забывали о присутствии камеры, что говорят публично. Офюльс принципиально не использовал скрытую камеру. Лишь в одном случае он вспоминал, что нарушил это правило. Мадам Соланж согласилась рассказать о совершенном над ней насилии, интервью проходило на работе, в комнате для персонала, наедине. Но в кульминационный момент, когда кто-то попытался войти, она бросилась к двери, чтобы закрыть ее. Офюльс решил сделать исключение, – тема была настолько важной и окружена безмолвием, стыдом, травмой, никто не решался ее затрагивать. Он решил включить этот фрагмент в фильм. Насилие над женщинами станет центральной темой этого фильма⁶. Зритель увидит доминирование мужчин и патриархальные отношения, проявляющиеся в сексистских шутках и комментариях, которые позволяют себе в отношении женщин все участники фильма [16. Р. 67]. Говорить согласились в основном мужчины, женщины присутствуют во втором плане, они прислуживают мужчинам за столом, пока те вспоминают о войне, смущенно улыбаются на шутки про бордели во время войны, которые отпускают все, и немецкий полковник Таузенд, и узник Бухенвальда Луи Граве. Офюльс намеренно вскрывал

мужское доминирование, акцентировал всплеск сексистской ненависти, отголоски которой звучат в злобных усмешках почти всех респондентов, показывал общество, сохраняющее тенденцию к господству и насилию, против которого была направлена сексуальная революция 1960-х гг. [17. Р. 149–159]. Как отметил Анри Руссо, отказ от этого типа общества шумно провозгласило поколение молодых в мае 1968 г. [4. Р. 98].

О том, что в войне принимали участие представители разных национальностей, рас и разных социальных слоев, парадоксальным образом напоминает нацистская хроника, монтируя портреты военнопленных с другим цветом кожи, «черных братьев французов», чтобы подчеркнуть «упадок цивилизации». Среди тех, кто согласился дать интервью, нет ни одного человека с темным цветом кожи, нет рабочих, духовенства. О рабочих говорят за рабочих. О людях с другим цветом кожи не вспоминает никто. Зато есть полуфеодалное поместье Пьера Лавала⁷. Нет де Голля, но есть довольно злые шутки над ним, полковник Куладон, например, отвечал, что так во время войны звали их пса в отряде. Мендес-Франс упомянул, что Жискара д'Эстен сотрудничал с режимом Петена, – фильм показывал ценности тех, кто пришел во Францию на волне протестов 1968 г. Но прежде всего он выводил на экран и делал предметом публичного обсуждения господствующие во Франции страхи. Отказ от участия был ярким свидетельством того, насколько сильным был страх объективировать свое политическое присутствие.

Выбирая респондентов, Офюльс показывал, что привычные классовые, религиозные, национальные интерпретации конфликтов не работают [4. Р. 111]. Общество сложнее стратифицировано. Ксенофобия и антисемитизм по-прежнему структурируют общество и работают на солидарности эффективнее, чем класс или партийность [4. Р. 111]. Два аристократа – д'Астье и де ла Мезьер представляют высшее общество, влиятельные кланы, золотую молодежь предвоенного времени, оба окончили военные академии и помнят о ценностях, которые культивировали дома, – помнят они и момент выбора. Этот момент застает их, кадровых офицеров, на фронте, оба говорят про горечь поражения, чувство потерянности, в одночасье переставший существовать старый порядок. Оба одинаково пронзительно вспоминают этот момент. Один, д'Астье, собирает людей, готовых продолжать сражаться, несмотря на приказы командования, он нарушает приказ. Второй, де ла Мезьер, вступает в ряды Ваффен СС. Свой выбор оба делают после Мерс-эль-Кебира, после того как вчерашние союзники, англичане, потопили французский флот, что привело к массовой гибели людей. Их объединяет сходство судеб, общая аристократическая среда и ценности, привитые в детстве (честь, порядок, воинская дисциплина), оба переживают свое увлечение политикой как «юношеский бунт против наших семей», нечто сродни религиозной экзальтации или донкихотству. Кардинальная противоположность их решений в критический момент создает то драматическое напряжение, на котором построен фильм Офюльса и в котором звучит главный, обращенный зрителю общий вопрос: «как?».

Д'Астье искал бесклассового общества, и его неподчинение приказам Виши в его трактовке приобретает почти анархическую природу. Де ла Мезьер утверждал, что в режиме Виши видел реставрацию старого порядка: «мы цвет нации... мы жили почти по-королевски, это было несомненно, все стыдятся сказать это ныне». Первый ненавидел иерархическое общество, второй восхищался иерархиями. По мнению де ла Мезьера, это было естественное следствие борьбы, развернувшейся в 1930-е гг.: «люди постоянно вдохновлялись бороться друг с другом», университеты были охвачены политической борьбой, которая принимала открыто насильственный характер, напряжение поддерживалось в печати, все говорили о революции, «для людей вроде нас реально не было другого выбора, мы не могли выбрать коммунистов и потому пришлось выбрать другую революционную партию, которой был фашизм». Д'Астье воевал в Испании на стороне республиканцев, де ла Мезьер, по его словам, был убежденным католиком: «как мог юноша моего возраста, выросший в той же атмосфере, что и я, быть кем-либо, кроме заклятого антикоммуниста, когда все газеты, которые я тогда читал, постоянно печатали фото расстрелянных монахинь или выкопанных кармелиток, оскверненных могильных плит». Однако в отличие от убежденного католика дю Жонше, еще одного участника фильма, который в интервью также не отрицал своего антикоммунизма, национализма и своих монархических взглядов, у де ла Мезьера и мысли не было поддержать Соппротивление. «Франция была расколота», – говорят все они. Но раскол этот не укладывается в простые классовые или религиозные интерпретации. Напротив, через продуманные создателями фильма структурные оппозиции и выбор риторических визави форма «открытого произведения» наполнялась драматизмом, а сюжетная коллизия и конфликты становились все сложнее и объемнее. Ни один из участников не выглядит кроважым врагом, каждый имеет боевые награды, и каждый очень неохотно, сбивчиво и путанно говорит про насилие «своих», – насилие, которым полна для них память об этой войне и которое оказывается в их памяти вытеснено, обезличено, отчуждено и заставляет их прятать взгляд.

Расколота была не только аристократия, фильм показывает, что это было характерно и для буржуазии. В название фильма вынесена цитата одного из них, аптекаря Вердье, ответившего на вопрос дочери (он давал интервью в кругу семьи), было ли во время войны что-то кроме героизма: «да, два чувства я испытывал чаще всего – горе и сострадание». Он, впрочем, не считает себя буржуа, у семьи жены было поместье, где он мог охотиться во время войны и кормить семью. Война для него ассоциируется с выживанием, а личная доблесть – с умением добыть продукты, он не произвел ни одного выстрела по людям, хоть и называет войну «резней». Горе и сострадание, о которых он заявил в начале, оказываются просто словами⁸. Он называет себя другом участников Соппротивления, другом замученных подпольщиков, евреев, но все что он может сказать о своем действии: «Можно было сделать лишь одно, если бы вы это видели... Вы взяли бы свои платки и сказали своим служащим, извините я вернусь через минуту, ушли бы

и плакали... и вы не должны забывать, даже если я никого не убил, я подумал о том, чтобы убить». Офюльс вспоминал, что им было нелегко найти человека, который публично признался бы в том, что «ничего не делал» во время войны. Для Вердые это была домашняя правда, семейная память, именно так его представила съемочной группе через своих друзей его дочь. Не ксенофоб и не герой, человек, исполнявший распоряжения правительства и не осуждавший тех, кто вел себя иначе, для которого семья и была его отечеством, а задача достать им мясо важнее, чем высокие моральные ценности и судьбы других людей. Парадоксально, но если стратегией Вердые была осторожность и неучастие, то бравый полковник Эмиль Куладон, также буржуа, предприниматель, торгующий бытовой техникой Philips, теми же мелкобуржуазными мотивами объясняет свой путь в Сопротивление: немцы отняли мясо наших коров, ввели комендантский час. Офюльсу удалось разговорить ветерана, который привык произносить патетические речи о патриотизме и гуманизме, о Сопротивлении как борьбе против ига немецко-фашистских захватчиков: «стоило даже умирать, чтобы не жить рабами». Сопротивление он также не героизирует и называет «школой преступлений, это был всего лишь вынужденный ответ тем, кто убивал наших товарищей». Офюльсу удалось добиться от этого ветерана войны искреннего сомнения, не жалеют ли его товарищи о том, что с ними было. Куладон («Гаспар») говорил о том, как его оскорбляла политика памяти де Голля. Зритель видел на экране общество, в котором подвиг мертвых был присвоен выжившими: ни один из участников фильма не помнил имен своих павших товарищей. Еще одним следствием этой политики было то, что большинство респондентов, вне зависимости от того, на чьей стороне они сражались и сражались ли вообще, под разными предлогами не хотели давать интервью и рассказывать о войне, даже те, кто как Мендес-Франс или д'Астье уже написали мемуары. Сложнее всего было найти тех, кто был готов публично заявить о своих симпатиях к нацизму, люди боялись за свою карьеру и репутацию [14. Р. 309–327].

Этот страх был проявлением незавершенной войны между французами. Ханна Арендт приводила факты, свидетельствующие о том, как «свои» участвовали в уничтожении «своих» («окончательная чистка Берлина от евреев была произведена именно еврейской полицией»). Офюльс показал, что французы разделяют эту уверенность: «Я говорю, что будь у немцев только их гестапо, они не смогли бы причинить и половины того вреда, что натворили, – говорит в фильме политик-коммунист Жак Дюкло. – Они убивали людей на улицах, но это французская полиция им помогала. Если бы французская полиция не помогала искать коммунистов, не говоря уже о других патриотах, немцы наносили бы удары в темноте, но никогда бы не нанесли такой урон, что они причинили Сопротивлению». «Я должен был убить женщину, 60-летнюю женщину, продавшую меня Гестапо, она продала меня за деньги, за 30 серебряников, сынок» – говорит боец из отряда маки. На вопрос, не пытался ли он отомстить и каково это иметь соседей, которые были доносчиками, Алексис Граве отвечает: «я знаю,

кто это сделал, я вычислил, мне предлагали отомстить, но мстить недостойно. Я ничего не забыл. Что с этим сделать? Ничего». Понятие достоинство появляется в его словах неслучайно. Война лишает людей достоинства, отчуждает его, оставляя только борьбу за биологическую жизнь. Прекратить войну можно, только вернувшись к осознанию достоинства человека. Иначе война не кончится никогда.

Фильм показывает зрителю людей, ни один из которых не отказался от своих прежних убеждений, хотя не все привыкли их афишировать, а некоторые привыкли скрывать. Это срез общества, которое не изменилось с момента войны. Ключевой вопрос прозвучит на экране только в конце фильма, Офюльс задаст его Эммануэлю д'Астье де ла Вижери, одному из организаторов движения Сопротивления внутри Франции: «Есть ли у Вас впечатление, что Франция сегодня в чем-то определена событиями Второй мировой войны, по крайней мере, с 1939 по 1944 гг.?» Д'Астье поддержал Офюльса: «думаю, что если бы в 1940 г. у нас был тот же референдум, что и несколько дней назад, 27 апреля, 90% французского населения проголосовало бы за Петена и спокойную германскую оккупацию».

Фильм не содержал радикального отказа от традиционной позиции в интерпретации войны [10. Р. 47]. Однако он спровоцировал скандал не меньший, чем вышедшее на несколько лет раньше эссе Ханны Арендт, посвященное нацистскому преступнику Эйхману. Фильм вызвал возмущение Сартра, против показа выступили женщины, участницы Сопротивления, прошедшие нацистские лагеря и считавшие сохранение памяти о героической борьбе с фашизмом своим гражданским долгом, – Симона Вейль, Жермен Тийон, Анис Постель-Винай, они были возмущены картиной мужского доминирования и откровенно сексистского отношения к женщине, оппортунизма, покорности, которые фильм выводил на публичное обсуждение. Симона Вейль вспоминала, что потребовалось очень много времени, чтобы понять, почему Офюльс описал Францию так [10. Р. 49]. В 1971 г. Жан-Жак де Брессон, участник Сопротивления, дал отзыв комитету Сената по культуре, что фильм разрушает миф, в котором народ Франции еще нуждается. Участники фильма были недовольны монтажными приемами Офюльса, вскрывавшими «киноправду». Рене де Шамбрэн пытался запретить показ, Мендес Франс открыто критиковал упущения режиссеров. Анри Руссо считал причиной запрета фильма к показу по французскому телевидению то, что в своем интервью Мендес-Франс упомянул о сотрудничестве отца Валери Жискара д'Эстена с правительством Петена. В апреле 1971 г. фильм показан в маленьком театре «Сен-Северин» в Латинском квартале, затем на Елисейских полях. Показ выдержал небывалое количество дневных сеансов, его посмотрели более 600 тыс. зрителей. В США фильм был номинирован на «Оскар» как лучший документальный фильм 1972 г. Несмотря на неприятие критиков, скандал и сложную экранную судьбу, фильм не только подтолкнул начавшуюся экспертизу прошлого, но во многом совпал и с начавшимися трансформациями во французском обществе, предопределившими победу социалистов на выборах и приход к власти Франсуа

Миттерана. После его победы на выборах в 1981 г. фильм был впервые показан по французскому телевидению. Фильм затрагивал те проблемы, о которых историки Марк Ферро, Пьер Нора будут говорить намного позже: как историческая политика влияет на историческое знание и формирует консенсус в отношении прошлого, как меняется память о пошлом и как современное состояние общества связано с ней. Он вызвал дискуссию в профессиональной среде историков, которая продолжилась и после выхода книги Пакстона, основанной на немецких архивах [18], и способствовал открытию архивов французских. Со временем многие затронутые в фильме темы нашли подтверждение в работах французских историков, среди которых в первую очередь исследования Жана-Пьера Азема и Мишеля Винока.

В год премьеры фильма во Франции, в 1981 г., Виктор Дашук и Светлана Алесиевич на студии Беларусьфильм начинают работу над той же темой – о жизни на оккупированных территориях, об опыте советских людей и Белоруссии. Если у Офюльса женские голоса подавлены, Дашук и Алексиевич сделают эту тему ключевой. Проект совпал с началом войны в Афганистане. С 1978 г. Светлана Алексиевич собрала 500 магнитофонных записей интервью, которые были использованы в работе над сценарием. Алексиевич вторила Воннегуту: «Написать бы такую книгу о войне, чтобы от войны тошнило, и сама мысль о ней была бы противна. Безумна. Самих генералов бы тошнило» [19. С. 10].

В фильме оказалось всего одиннадцать героинь, все женщины были связаны с ветеранскими организациями и привыкли к официальному героическому дискурсу о войне. Однако Дашук использовал приемы Офюльса, многочасовые глубинные интервью помогли преодолеть инерцию заученных публичных выступлений и получить свидетельства, взрывающие нарратив героизации. Фильм затрагивал тему действия идеологии, толкавшей мстить за неизвестного солдата или далекие земли. Оператор акцентировал эмоции, превращая их, подобно камере в фильме Офюльса, в аллегорию горя и травмы [20. Р. 85]. Фильм раскрывал травматичный опыт насилия, героини рассказывали, как тяжело было учиться убивать неизвестных людей, преодолеть страх и жалость к живому человеку, «руки немели, глаза слезились, все тело дрожало», – вспоминала снайпер Мария Морозова. Они говорили, как расстреливали своих. В первом фильме цикла «Это была не я» медсестра Ольга Омельченко вспоминала: «у нас два струсило, и началась паника, начали отступать... наутро пришел с особого отдела майор Аксенов, узнали двоих человек, которые струсили, и быстро трибунал судил за измену к расстрелу... Ну и командир батальон скомандовал “семь человек вперед” расстреливать... Три человека вышли, больше никто не выходит, тогда я с автоматом вышла четвертая, и за мной вышли несколько человек и расстреляли этих трусов. Потом через некоторое время я была в штабе полка, майор начальник штаба позвал меня и говорит, “когда кончится война, из тебя человека не будет”... Ничего... после войны, правда, тяжело болела, меня лечил профессор психиатр...».

В фильме была затронута тема сталинских репрессий, послевоенных лагерей, через которые пришлось

пройти тем, кто был в плену, в нацистских концлагерях. Правда, каждый раз режиссер подчеркивал, что арестовывали по ложному обвинению, а родственникам удалось добиться «справедливости»: «в 1937-м оклеветали отца, ночью арестовали мачеху. В Москве отец смог попасть на прием к Калинин, добился справедливости». Фильм акцентировал, что гибель близких и разрушение семьи лишали человека социальной защиты. В Советском государстве инвалиды, получившие тяжелые увечья на фронте, чувствовали себя обреченными на одиночество и смерть. Зенитчица Валентина Чудаева рассказала, как думала покончить с собой, узнав, что ей предстоит ампутация оторванных ног: «Ну, я думаю, отца нет, дома мачеха, кому я нужна-то, ну думаю, задушусь я... кому я нужна обрубок». Как и Офюльс, Дашук давал режиссерский комментарий только в исключительных случаях, он отметил: «Спасая ноги, врач знал, наверняка знал, что спасает жизнь». Медсестра Нина Вишневская вспоминала, как навещала после войны своего боевого товарища, танкиста Ивана Позднякова, выжившего во время Прохоровского танкового сражения и потерявшего зрение. Он прожил всю жизнь вдвоем с матерью. Много лет спустя он с отчаянием жалел, что не погиб: «Я единственное, о чем жалею, что рано дал команду своему экипажу покинуть горящий танк, мы могли бы подбить еще один танк, а так ребята все равно погибли, и я калекой остался...». Фильм описывал травму, которая не проходит с годами: «Эти лица у меня и сейчас в памяти. Я их вижу, глаза умерших. Это очень тяжело. Почему-то годы прошли, а хоть бы одно лицо забыть...».

Затронута в фильме и тема общей боли, рождавшей, вопреки идеологии, милосердие и жалость к противнику. Об этом вспоминала Антонина Кондрашова, мать которой убили каратели. Медсестра Зинаида Корж вспоминала, как спасала истекающего кровью немецкого солдата. Минская подпольщица Людмила Кашечкина прошла допросы, унижение и пытки в Гестапо, ее Дашук снимал скрытой камерой. Она привыкла показывать стойкость, но во время интервью плакала, вспоминая, как немцы дали ей попрощаться с дочерью перед отправкой в концлагерь. Горе, которое принесла война, было сильнее, чем голод и разруха. Зенитчица Клара Гончарова после войны стала уполномоченной обкома партии, она вспоминала, как в землянке вдова, потерявшая мужа в войну, отдала на антивоенный займ последнее: «я все отдам, чтобы только больше никогда не было войны». Если Офюльс создавал в своем фильме аллегории социальных групп, Дашук апеллировал, по традиции советской военной кинодокументалистики, к библейским образам, напоминая про две лепты бедной вдовы (фильм 7), предстояние у виселицы казненного нацистами товарища как предстояние у креста (фильм 6), воскрешение обреченных (фильм 2), милосердие к врагам, кровное братство (фильм 1), Рождество в овечьем хлеву в яслях (фильм 4).

Фильм затрагивал тему шовинизма и национализма: «иногда до оскорбительного больно говорят о женщинах, которые были на войне» (Софья Дубнякова), «через 20 лет про нас вспомнили. 20 лет мы были под спудом,

молчали, где были, что делали, была в армии и все, не вступали ни в какие разговоры, потому что мы знали, что все будет рикошетом в нас... Агишвили привез эту Нону к себе домой в Зестафони к старикам, и что вы думаете, когда они увидели, что это русская девушка, маленькая, худенькая, в солдатской шинели да с этим рюкзаком, да ничего у этой Ноны нету, выгнали эту Нону» (Валентина Чудаева). Светлана Алексиевич вспоминала, как во время интервью мужчины пытались отправить своих боевых подруг на кухню, чтобы те «не так, как надо, не рассказали» [19]. Фильм провоцировал зрителя задуматься, как мало изменилось общество со времен войны, насколько живы эти конфликты. Фронтвик Софья Дубнякова вспоминала: «Пережив такое горе, нельзя быть злым человеком, ведь все переживали, абсолютно все... А Вы знаете, горько об этом говорить, а ведь люди не стали такими, почему-то очень много злых людей».

«Кому теперь дано понять весь ужас и страх тех дней», – заключает Дашук, вторя главному лейтмотиву фильма Офюльса. Светлана Алексиевич отмечала, что это было предстояние человека с собой в прошлом: «По меньшей мере три человека участвуют в разговоре: тот, кто рассказывает сейчас, и тот, кто был этим человеком тогда, в момент события, и я. Моя цель – прежде всего добыть правду тех лет». Создатели фильма также старались сделать камеру инструментом исследования. Что отличало их проект – все съемки проходили дома и наедине, в редких случаях допускалась даже скрытая камера, это была домашняя, частная память. Вопрос о том, что новая форма публичного обсуждения войны может изменить режим и политические отношения, в отличие от Офюльса, советские кинематографисты прямо не ставили. Фильм также не ставил под сомнение значимость революции 1917 г., героизм участников Гражданской войны и классовую борьбу времен коллективизации, ответственность немцев за «людское горе» в годы войны, зверства нацистов, угрозу новой войны. Светлана Алексиевич описывала действие цензуры и самоцензуры, как женщины отказывались вспоминать: «рассказывать не могу. Нет сил... Это надо еще раз все это прожить... Мы привыкли о многом молчать». Невозможно было говорить с экрана о женской физиологии, сексе, насилии над женщинами, о женщинах, встречавшихся с немцами, о мародерстве и зверствах, которые творили советские солдаты («мы закалывали их, как свиней, шомполами, резали по кусочкам. Я ходила на это смотреть... Ждала! Долго ждала того момента, когда от боли у них начнут лопаться глаза»), безумии, самоубийствах.

Рецепция фильма Дашука происходила также в меняющемся социальном контексте и маркировала движение к перестройке позднесоветского общества. Также как и в случае с фильмом Офюльса, фильм «У

войны не женское лицо» сначала получил международное признание (в 1983 г. главную премию на Лейпцигском фестивале документальных фильмов). И только в 1985 г. режиссер был отмечен за этот фильм Государственной премией СССР. Алексиевич вспоминала, что смогла издать свою книгу только после начала перестройки: «Мою книгу сходу напечатали, у нее был удивительный тираж – два миллиона экземпляров» [19]. Как и фильма Офюльса, съемки Дашука и Алексиевич фиксировали сложный процесс дискурсивных трансформаций и формирование новых идентичностей, но главное – показывали несостоятельность базовых для советского проекта идеологием. Фильм подрывал уверенность в том, что советское общество это общество изобилия, свободы от иерархий, гендерного равенства, братства народов, где люди исполнены сознательности и совершают подвиги ради общего блага, а не из страха репрессий. Оба фильма показывали, что единство в борьбе с фашизмом и фронтное братство оказывалось идеологической условностью, за которой проступало сложное поле отношений и внутренних конфликтов, не разрешенных с момента окончания войны. Старые термины и схемы не годились для описания сложных явлений, порожденных Второй мировой войной, расколовшей общество на группы, границы между которыми не вписывались в привычную классовую логику.

Дашук снял, по сути, фильм не о войне, а о крушении советского проекта, не прошедшего испытания войной. Офюльс снял фильм о несостоятельности Пятой французской республики, несоответствии режима де Голля духу подлинного республиканизма и республиканскому пониманию свободы, неумению мирно достигать согласия с теми, кто придерживается иной точки зрения. За это де Голля и критиковал Пьер Мендес-Франс [21]. Пьер Нора сравнил миф о сопротивлении и победе над фашизмом с мифом о революции, деконструированным Франсуа Фюре, как два основных фундамента идеологии французского государства. Два фильма о войне рассказывали о социальных конфликтах и гражданской непримиримости в обществах, возводивших свою генеалогию к революции. Метонимия соучастия, ставшая лейтмотивом техники этого направления в документалистике, опережала время и предлагала подлинный республиканизм как политическую альтернативу, способную прийти на смену коммунизма и голлизма. Ни во Франции, ни в Советском Союзе эта идея не встретила отклика. Однако фильмы маркировали движение к изменению режимов. В Советском Союзе это было движение через гласность и умение говорить публично о тех отношениях в обществе и тех формах власти, которые люди не готовы терпеть дальше, об угрозе новой войны и новых бедствий, которые возможны, если не положить конец прежнему режиму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анри Руссо, исследовавший память о режиме Виши во Франции, отмечал, что переосмысление прошлого было имплицитно связано с разворачивавшимися столкновениями и острой критикой общества. На баррикадах спонтанно рождались ассоциации и параллели с военным временем, Соппротивлением нацистам и оккупации, студенты бросали вызов голлистскому режиму, сравнивая политиков с фашистами, а полицию с эсэсовцами и полицией. В этом усматривали подрыв, субверсию официального идеологического дискурса. Обвинения в фашизме были обращены режиму, идентифицировавшему себя с Соппротивлением. Вызов был адресован и тем, кто пытался скрыться в тени общей

славы. Кого считать подлинным участником Сопротивления? Что в действительности делали в годы войны миллионы так называемых «ветеранов»? Какое право имеют те, кто выжил, говорить от имени погибших героев? Кто все мы? Никто не ждал, что кризис 1968 г. затронет и выведет наружу подавленную травматичную память о войне. По мнению Руссо, сработало что-то вроде «бомбы замедленного действия», заложенной после войны [4. Р. 98].

² Выбор источников был отчасти вынужденным, по французским законам архивы Виши закрыты на 50 лет, срок давности еще не истек. В 1973 г. во Франции была переведена книга американского историка Роберта Пакстон, в основу которой положены документы из немецких архивов, в том числе переписка с французскими политиками. На основании архивов автор доказывал тезис, что Франция первой сделала шаг навстречу нацизму, правительство Виши не вело двойную игру и не поддерживало пассивное сопротивление, это было активное сотрудничество и установление откровенно профашистского порядка.

³ Вольфганг Байленхоф и Сабина Хэнсен назвали работу Ромма «первой всеобъемлющей попыткой кинематографического анализа фашизма и подспудно также собственного сталинского прошлого», они подробно рассмотрели влияние этого фильма на мировую документалистику и его роль в международных дискуссиях. По их мнению, структура и аргументация фильма опирались на «риторические клише холодной войны: мир четко разделен на добрый и злой – мир социалистического гуманизма и пораженный неофашизмом и милитаризмом капиталистический мир. Однако в то же время эта строгая оппозиция нарушается тем, что за счет визуальной организации материала создается сходство несходного: в негативно заряженных фашистских изображениях постоянно отражается и опыт собственной политической культуры» [12. С.104–106, 109].

⁴ «Его метод в чем-то близок подходу режиссера игрового кино, который хочет вызвать в зрителе сопереживание... Замысел Ромма приблизиться к повседневному, к обыденности фашизма, который он сам *в силу недостатка материала* смог реализовать лишь частично» [12. С. 111].

⁵ По мнению Байленхофа и Хэнсен, этот прием был заимствован Роммом в картине «Обычный день гестаповца Шмидта» [12. С. 110]. Они отмечают также влияние Алена Рене «Ночь и туман» (1955) на визуальную риторику Ромма, отсюда был заимствован контраст архивной и современной съемки концлагерей, как встреча с прошлым и предстояние выживших собственной памяти.

⁶ О том, как насиловали женщин, вспоминал и фашист де Ла Мезьер, и подпольщик Мену. Первый обвинял во всем русских и коммунистов («это одно из сильнейших воспоминаний моих, когда мы шли навстречу русским, мы столкнулись с потоком беженцев, это было похуже, чем в 1940, вся восточная Пруссия и часть Померании пытались укрыться в Центральной Германии. – Что они вам говорили? – Что они могли нам сказать? Они предлагали нам своих дочерей, они предпочитали отдать их нам, нежели их изнасиловать русские»), второй – нацистов («один из ее палачей сам рассказал мне, как они заталкивали ручку швабры ей в вагину»).

⁷ Офюльс показал Виши не как революцию, а как режим, враждебный революции 1789 г. и событиям 1936 г., возрождение феодализма Бурбонов [4. Р. 111].

⁸ Анри Руссо видел иронию в названии фильма, по его мнению, высокопарные слова усиливали карикатурность образа Вердье, подчеркнута контрастируя с откровенным безразличием к человеческим судьбам и отсутствием солидарности, которые зрителю предстояло увидеть на экране [4. Р. 101].

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М., 2012. 192 с.
2. Воннегут К. Колыбель для кошки. Бойня номер пять, или Крестовый поход детей. М.: АСТ, 2008. 416 с.
3. Арендт Х. Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008. 424 с.
4. Russo H. Vichy Syndrome. History and Memory in France Since 1944. Harvard, 1987. 400 p.
5. Banaji F. Rethinking Memory: the Violation of a 'lieu de mémoire' in Marcel Ophuls's *Le Chagrin et la pitié* // *Anamnesia: Private and Public Memory in Modern French Culture (Modern French Identities)* / ed. by P. Collier, A. Elsnér, O. Smith. Frankfurt am Main; New York; Wien, 2009. P. 131–143.
6. Ferro M. L'interview chez Ophuls, Harris et Sédouy // *Ferro M. Cinéma et Histoire*. Paris, 1977. Vol. 44. P. 162–166.
7. Entretien avec Marcel Ophuls / par B. Cohn, J.-P. Török // *Positif*: revue de cinema. 1971. № 128. P. 43–56.
8. Laborie P. *Le Chagrin et le venin*. La France sous l'Occupation, mémoire et idées reçues. Paris, 2011. 360 p.
9. Insdorf A. *Indelible Shadows: Film and the Holocaust*. Cambridge, 1989. 432 p.
10. Sobanet A. From Wedding Chapels to German Castles: Politicized Interview Sites in *Le Chagrin et la pitié* // *Contemporary French Civilization*. 2005. Vol. 29, № 1. P. 45–66.
11. Nichols B. *Introduction to Documentary*. Indiana, 2001. 223 p.
12. Байленхофф В., Хэнсен С. Зеркальные отражения // *Киноведческие записки*. 2010. № 97. С. 104–113.
13. Beilenhoff W., Hansgen S. Speaking about images: the voice of the author in *Ordinary Fascism* // *Studies in Russian and Soviet Cinema*. 2008. Vol. 2. P. 141–153.
14. Sobanet A. Revisiting The Sorrow and the Pity: An Interview with Marcel Ophuls // *Contemporary French Civilization*. 2007. Vol. 31, № 2. P. 309–327.
15. Baker Ch.A. *Le Chagrin et la pitié* by Marcel Ophuls // *The French Review*. 1980. Vol. 53, № 3. P. 480–481.
16. Lowy V. *Marcel Ophuls*. Paris, 2008.
17. Reynolds S. *The Sorrow and the Pity* // *French Cultural Studies*. 1990. Vol. 1. P. 149–159.
18. Paxton R. *Vichy France. Old Guard and New Order, 1940–1944*. Paris, 1972. 438 p.
19. Алексиевич С. У войны не женское лицо. Минск: Мастацкая літаратура, 1985. 320 с.
20. James C.P. *Documentary and Allegory: History Moralized in Le Chagrin et la pitié* // *The French Review*. 1985. Vol. 59, № 1. P. 84–89.
21. Mendès France P. *Pour une république modern*. Paris, 1962.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 сентября 2020 г.

Such a Different Truth: The Memory of World War II in the 1970s Documentaries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 148–160.

DOI: 10.17223/15617793/462/19

Natalia D. Potapova, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: n.d.potapova@gmail.com

Keywords: documentary film; memory; comparative studies; World War II; Fifth Republic; perestroika.

In memory studies carried out on the material of Germany, several basic strategies were noted for how society survived the war and dealt with the traumatic experiences; the post-war escape and forgetting were replaced by the glorification of the past. According to Aleida Assmann, the protests of 1968 showed that the heroic memorial project was not effective and the society was still ready for violence. The “ethical turn” in Germany was associated with the transition to a policy of repentance, with the idea of a “common catastrophe”, with a willingness to share responsibility for violence and solidarity based on compassion for a common sorrow. The aim

of this article is to determine how relevant the patterns Assman sees analyzing the experience of Germany were for other countries. Can we say that the experience of trauma processing was universal? How do the social structure, cultural heritage, the peculiarities of military operations, the political situation influence the nature of commemoration? The article uses methods of narrative analysis in film studies and viewer reception analysis to analyze, based on the techniques of contextualization, how the film was entangled in changing the social structure and national political culture. The research is based on the case study approach. I examine the case of one documentary film: analyze the materials of public discussion, interviews with the creators, reviews of film critics, and published viewer reviews. I argue how the discussion of Marcel Ophuls' film *The Sorrow and the Pity: The Chronicle of a French City under the Occupation* (*Le Chagrin et la pitié: chronique d'une ville française sous l'occupation*, 1969) changed the way we talk about war affecting professional historiography, public policy, public opinion. People discussed the traumatic experience of the war seen through the eyes of civilians, whose memory of the bombing of cities, the rape of women, forced deportation, hunger, speculation, and other wartime crimes became the object of public discussion, the borders between "us" and "them" lost their national identity, and resistance to fascism lost its features of a united frontier brotherhood. The film showed that the prejudices that split French society during the war did not lose their effect. It was prejudices, not propaganda, that possessed a powerful mobilizing force, pushing people to violence. The creative experiments of the left-wing documentary filmmakers aimed to show that film and television could turn from an instrument of domination and suppression into an instrument of research on social reality and a form of political interaction. France was supposed to see "public opinion" in realism (*cinéma vérité*), not in the format of elite-controlled news. Marcel Ophuls made the film about the inconsistency of the French Fifth Republic.

REFERENCES

1. Agamben, G. (2012) *Homo sacer. Chto ostaetsya posle Osventsima: arkhiv i svidetel'* [Remnants of Auschwitz: The Witness and the Archive]. Translated from Italian. Moscow: Evropa.
2. Vonnegut, K. (2008) *Kolybel' dlya koshki. Boynya nomer pyat', ili Krestovyy pokhod detey* [Cat's Cradle. Slaughterhouse Five, or the Children's Crusade]. Translated from English. Moscow: AST.
3. Arendt, H. (2008) *Banal'nost' zla: Eykhman v Ierusalime* [Eichmann in Jerusalem: A report on the banality of evil]. Translated from English. Moscow: Evropa.
4. Russo, H. (1987) *Vichy Syndrome. History and Memory in France Since 1944*. Harvard University Press.
5. Banaji, F. (2009) Rethinking Memory: the Violation of a 'lieu de mémoire' in Marcel Ophuls's *Le Chagrin et la pitié*. In: Collier, P., Elsner, A. & Smith, O. (eds) *Anamnesia: Private and Public Memory in Modern French Culture (Modern French Identities)*. Frankfurt am Main; New York; Wien: Peter Lang. pp. 131–143.
6. Ferro, M. (1977) L'interview chez Ophuls, Harris et Sédouy. In: Ferro, M. *Cinéma et Histoire*. Vol. 44. Paris: Calmann-Lévy. pp. 162–166.
7. Cohn, B. & Török, J.-P. (1971) Entretien avec Marcel Ophuls. *Positif: revue de cinéma*. 128. pp. 43–56.
8. Laborie, P. (2011) *Le Chagrin et le venin. La France sous l'Occupation, mémoire et idées reçues*. Paris: Bayard.
9. Insdorf, A. (1989) *Indelible Shadows: Film and the Holocaust*. Cambridge University Press.
10. Sobanet, A. (2005) From Wedding Chapels to German Castles: Politicized Interview Sites in *Le Chagrin et la pitié*. *Contemporary French Civilization*. 29 (1). pp. 45–66.
11. Nichols, B. (2001) *Introduction to Documentary*. Indiana University Press.
12. Baylenkhoff, V. & Khensgen, S. (2010) Zerkal'nye otrazheniya [Mirror reflections]. *Kinovedcheskie zapiski*. 97. pp. 104–113.
13. Beilenhoff, W. & Hansgen, S. (2008) Speaking about images: the voice of the author in Ordinary Fascism. *Studies in Russian and Soviet Cinema*. 2. pp. 141–153.
14. Sobanet, A. (2007) Revisiting The Sorrow and the Pity: An Interview with Marcel Ophuls. *Contemporary French Civilization*. 31 (2). pp. 309–327.
15. Baker, Ch.A. (1980) *Le Chagrin et la pitié* by Marcel Ophuls. *The French Review*. 53 (3). pp. 480–481.
16. Lowy, V. (2008) *Marcel Ophuls*. Paris: Le Bord de l'Eau.
17. Reynolds, S. (1990) The Sorrow and the Pity. *French Cultural Studies*. 1. pp. 149–159.
18. Paxton, R. (1972) *Vichy France. Old Guard and New Order, 1940–1944*. New York: Alfred A. Knopf, inc.
19. Aleksievich, S. (1985) *U voyny ne zhenskoe litso* [The war does not have a woman's face]. Minsk: Mastatskaya literatura.
20. James, C.R. (1985) Documentary and Allegory: History Moralized in *Le Chagrin et la pitié*. *The French Review*. 59 (1). pp. 84–89.
21. Mendès France, P. (1962) *Pour une république moderne*. Paris: Gallimard.

Received: 06 September 2020

Н.В. Солдаткин

КОНФИГУРАЦИИ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ СИНТАШТИНСКО-ПЕТРОВСКОГО ТИПА: ФОРМЫ, РАЗМЕРЫ, ТРАНСФОРМАЦИИ

На основании обобщения и сопоставления результатов дистанционных исследований и археологических раскопок характеризуются формы, размеры, видоизменения поселений синташтинско-петровского типа. Описаны два вида форм – округлая и подпрямоугольная, между которыми отмечены и общие черты. По размерам поселения разделены на малые, средние и большие. Рассмотрены варианты изменений конфигураций и представлена общая схема трансформации архитектурной модели поселений, основу которой составлял ряд близкорасположенных построек.

Ключевые слова: бронзовый век; Южное Зауралье и Северный Казахстан; археология поселений; укрепленные поселения синташтинско-петровского типа; аэрофотоснимки; геомагнитные карты.

Введение. Обнаруженные в Южном Зауралье и Северном Казахстане поселенческие памятники эпохи бронзы, выделяющиеся замкнутыми укреплениями и регулярной планировкой, с момента открытия и до сих пор привлекают широкое внимание, активно исследуются и обсуждаются. Благодаря анализу аэрофотоснимков были получены эффектные изображения абрисов укрепленных площадок, застроенных рядами расположенных вплотную больших построек (рис. 1). Это вызвало интерес к исследованию форм, планировок, соотношению жилищ с линиями укреплений, т.е. к изучению конфигураций памятников. В этой теме существует достаточно противоречий и разных точек зрения на многие из ее аспектов.

Есть несколько вариантов для обозначения поселений: синташтинские, синташтинско-петровские, синташтинско-петровского типа, синташтинско-аркаимские, типа Аркаим-Синташта, поселения Страны городов, протогорода и др. Наиболее подходящим представляется несколько громоздкое, но уточняющее определение «укрепленные поселения

синташтинско-петровского типа», сокращенно – поселения СПТ. Основные критерии их выделения: 1 – линии укреплений, состоящие из валов и рвов, образующих замкнутые площадки округлых и подпрямоугольных форм; 2 – плотная регулярная застройка этих площадок организованными в ряды большими однотипными подпрямоугольными жилищами; 3 – соответствие ранних слоев поселений материалам синташтинской и петровской археологических культур. Помимо перечисленных «диагностирующих», есть еще несколько устойчиво повторяющихся признаков. Это ландшафтное расположение памятников – вблизи рек, часто в местах слияний, в низких чашеобразных долинах, окруженных холмами. Строительный материал – дерево, грунт, в небольшом количестве – камень. Особенности конструкций укреплений – стены с широким основанием и неглубокие рвы, жилищ – слабоуглубленные каркасно-столбовые постройки. Особенности интерьера жилищ – выделенная хозяйственная зона, наличие колодцев и печей, следов металлопроизводства и др.

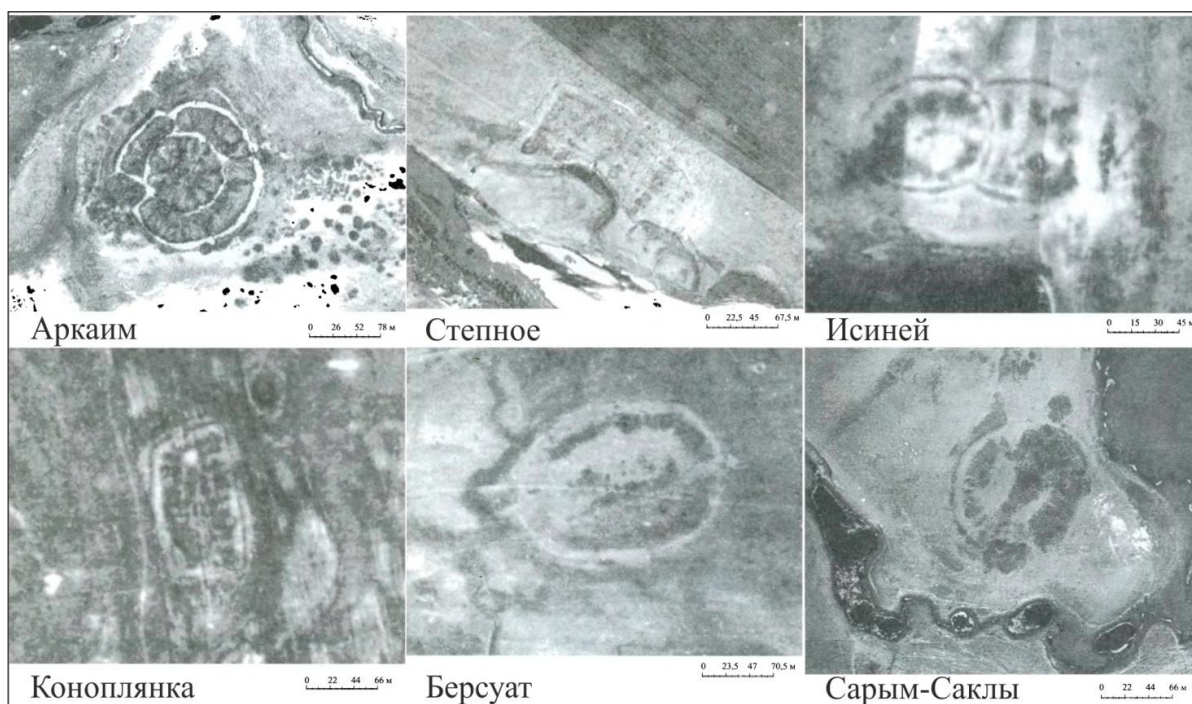

Рис. 1. Примеры аэрофотоснимков поселений СПТ [1]

Существуют различные версии точного количества таких памятников – 22 [2. С. 9; 3. Р. 202], 23 [4. С. 74], 25 [5. С. 50–54], 27 [6. Р. 12] и др. Чаще всего в публикациях встречается обобщающая формулировка «более 20». Такая неопределенность связана с различными критериями выделения поселений, а также с недостаточным количеством информации об отдельных из них. По обозначенным в предыдущем абзаце признакам в список укрепленных поселений СПТ на сегодня можно внести 24 памятника (рис. 2). Кроме них, есть еще три, часто упоминаемые в литературе как синташтинские укрепленные поселения. Это Селек [5. С. 50–54], Шикуртау [7. С. 93–94] и Кызыл-Маяк [3. Р. 202]. Но малое количество опубликованных сведений и качественных изображений не позволяет на данный момент с уверенностью отнести их к группе СПТ. Нельзя включить в нее и поселение с синташтинскими и петровскими материалами Семиозерное II [8], а также поселения с петровскими материалами Боголюбово I [9. С. 22–26] и Камышное II [10. С. 76–103]. Исследованные на них

укрепления – не замкнутые, а также не установлено наличие характерной регулярной организации жилищ. В отдельных публикациях в общей группе с укрепленными приводятся и поселения без следов фортификаций, но с синташтинскими материалами – Шибаетово I [5. С. 50–54], Стрелецкое I [6. Р. 12], Каменный брод [6. Р. 12]. Есть данные о синташтинских материалах еще на нескольких неукрепленных поселениях, в первую очередь на расположенных в хорошо исследованном районе Аркаимской долины (Утяганское I, Лисьи горы III, Большешкараганское [11. С. 127]), а также на других памятниках [12. С. 27]. Многочисленные неукрепленные петровские поселения [12. С. 97] обычно не указываются в общей категории с укрепленными СПТ. Хотя отмеченное разнообразие поселенческих памятников с синташтинскими и петровскими материалами показывает, что для оставивших их коллективов строительство замкнутых городищ не было единственной архитектурной традицией, в данной работе рассматриваются конфигурации только поселений СПТ.

Рис. 2. Карта памятников. Поселения СПТ: 1 – Степное; 2 – Черноречье III; 3 – Бахта; 4 – Париж; 5 – Устье I; 6 – Чекатай; 7 – Исинец; 8 – Родники; 9 – Куйсак; 10 – Сарым-Саклы; 11 – Коноплянка; 12 – Журумбай; 13 – Каменный Амбар; 14 – Камысты; 15 – Улак I; 16 – Кизильское; 17 – Аркаим; 18 – Синташта; 19 – Синташта II; 20 – Андреевское; 21 – Аландское; 22 – Берсуат; 23 – Петровка II; 24 – Новоникольское I. Возможно, что поселения СПТ: 1 – Селек; 2 – Шикуртау; 3 – Кызыл-Маяк. Поселения с незамкнутыми укреплениями с синташтинскими и петровскими материалами: 1 – Семиозерное II; 2 – Камышное II; 3 – Боголюбово I. Неукрепленные поселения с синташтинскими материалами: 1 – Каменный брод; 2 – Стрелецкое I; 3 – Шибаетово I

Изучение конфигураций, схем организации жилой среды является одним из аспектов в направлении «археологии поселений» («settlement archaeology») [13]. Кроме него, на уровне исследования отдельного поселенческого памятника направление предполагает и многие другие: изучение форм адаптации населения к естественной и культурной среде, закономерностей ландшафтного расположения памятников, отражения в архитектуре социальных структур, хозяйственных систем, уровня технологий, мировоззренческих представлений и др. Многообразие тем поселенческой археологии также можно разделить на две группы: 1 –

изучение поселения как такового (in-site analysis); 2 – изучение пространства за пределами поселения (off-site analysis). Из тем второй группы в отношении памятников СПТ разрабатывались вопросы ландшафтных, климатических, ресурсных условий существования [1, 14 и др.], в последнее время активно применяются GIS-технологии [15, 16]. Различные стороны, направления рассматривались и в изучении пространств самих поселений. Для анализа конфигураций, моделей поселений (settlement pattern) накоплена достаточно представительная и разнообразная база источников, состоящая как из материалов раскопок, так

и результатов дистанционных работ (дешифровок аэрофотоснимков, геомагнитных и топографических карт) [17. С. 215–218]. Самым значительным и единственным обобщающим исследованием по теме конфигураций поселений СПТ остается монография «Аркаим – Страна городов: Пространство и образы» Г.Б. Здановича и И.М. Батаниной [1]. В ней опубликованы аэрофотоснимки 21 памятника, включенного авторами в «Страну городов», и представлены варианты дешифровок фотоизображений. На основании дешифровок рассчитаны размеры поселений, размеры, количество и типология жилищных впадин, приведены описания форм и структур памятников, предложены интерпретации их видоизменений.

Формы. По мнению Г.Б. Здановича и И.М. Батаниной, поселения были строго спланированными, единовременно сооруженными комплексами. Их общие формы, определяемые абрисами внешних линий фортификаций, делились на три основных типа, близких к геометрическим фигурам овала, круга и прямоугольника, а также на дополнительные разновидности: квадрат, ромб, многоугольник [1. С. 181–192]. Большинство исследователей синташтинских и петровских памятников придерживается более простого деления только на два вида – округлые и подпрямоугольные поселения, соответствующие радиальной и линейной организации жилищ [12. С. 30; 18. С. 38; 19. С. 25]. Эта точка зрения подтверждается обобщением и сопоставлением данных раскопок и дистанционных исследований (рис. 3, 4). Действительно, фиксируется два вида взаимного расположения сблокированных построек: радиально вокруг общего центра и линейно, в несколько параллельных друг другу рядов. Постройки обрамлялись линиями укреплений, примыкающими к их задним сторонам. Таким образом формировалось замкнутое укрепленное поселение, с несколькими неширокими проходами. Разделяя памятники на округлые и подпрямоугольные (рис. 3), отметим, что в их формах больше не отличающих, а сближающих, общих признаков, подчеркивающих единство архитектурной традиции поселений СПТ. Так, многие из поселений с радиальной планировкой имеют прямые и близкие к прямым участки строений, а практически все поселения с линейной планировкой имеют округлые изгибы и скругленные углы. На некоторых памятниках можно предполагать сочетание из линейно и радиально ориентированных участков.

Округлая планировка выделяется на восьми поселениях. Форма трех из них – Аркаима, Сарым-Саклы и Синташты ближе других к правильному кругу. Аркаим и Синташта состоят из двух окружностей укреплений и жилищ, их наличие определено по аэрофотоснимкам и доказано проведенными раскопками. Очертания внешнего кольца построек Аркаима, по-видимому, состоящего из четырех отдельных секторов, имеют значительные искажения относительно геометрически правильной фигуры круга. Наиболее заметна практически прямая линия северо-западного сектора построек, очевиден большой разрыв между ним и южным сектором, трактуемый как главный вход в поселение, но, вероятно, объясняющийся нестыковкой между разными участками строений. Внутреннее кольцо,

ориентированное вокруг достаточно просторной незастроенной центральной части, обладает более правильной формой. Предполагаемое по дешифровкам отдельных аэрофотоснимков существование третьей окружности или полуокружности строений пока не имеет надежных подтверждений по данным топоъемки и проведенным шурфовкам культурного слоя [24. С. 81]. По всей вероятности, из двух окружностей состояло и уничтоженное наполовину изменившимся руслом реки поселение Синташта. Об этом говорят материалы сохранившейся части, раскопанной практически полностью [25]. Внешнее кольцо сооружений, скорее всего, также состоявшее из четырех секторов, тоже отклоняется от правильной формы, есть несколько спрямленных участков. По причине размыва рекой и многочисленных поздних перестроек трудно определить особенности внутреннего кольца. Поселение Сарым-Саклы, по геомагнитной карте и данным топоъемки, состоит из одной окружности строений, разделенной двумя проходами [26], по данным дешифровки аэрофото, предполагалось также наличие внутренней застройки.

Кроме этих трех поселений, радиальная ориентация построек которых создала относительно близкие к кругу формы, выделяется еще пять памятников с подобной планировкой, с одним кольцом строений и с менее «правильными» конфигурациями. Не совсем ясна форма поселения Улак I – в размытой северной части памятника линия укреплений фиксируется слабо, но совокупность дистанционных данных и результатов небольших по площади раскопок позволяет предполагать радиальное расположение построек и вытянутую округлую форму поселения [20]. Два больших по площади и близких по форме к овалу памятника, Берсуат и Аландское, вероятно, имели радиальную планировку, при этом абрисы их внешних укреплений близки к прямым линиям, имеющим плавный изгиб или скругленным в углах. Наличие на такой большой площади внутренних рядов построек кажется весьма вероятным, но не читается достаточно четко по дешифровкам, и для поселения Берсуат не подтверждено топоъемкой и шурфовкой [24. С. 81]. Прямые и скругленные линии фортификаций сочетаются и в конфигурации Журумбая, сектора его построек ориентированы радиально, в центральной части следы строений не фиксируются. Поселение Куйсак при кольцевом расположении построек имеет форму, схожую со скругленным прямоугольником. Наличие внутреннего сектора строений, отмеченное на дешифровке аэрофотоснимка, не зафиксировано геофизическими исследованиями.

Подпрямоугольные конфигурации со скругленными участками чаще всего образовывали памятники с линейным расположением жилищ. Трудно отнести к одному из двух видов форм поселения Кизильское и Исиной. По данным дешифровок, на них предполагается радиальная планировка, при этом вытянутые подовальные формы и общие размеры поселений схожи с подпрямоугольными линейными памятниками, такими как Синташта II, Коноплянка, Петровка II, Новоникольское I. Исиной с линейными поселениями сближает и отмеченная по дешифровке внутренняя,

перегораживающая линия укреплений, которая зафиксирована также на Синташте II, Петровке II, Каменном

Амбаре и, возможно, присутствует на некоторых других, менее исследованных памятниках.

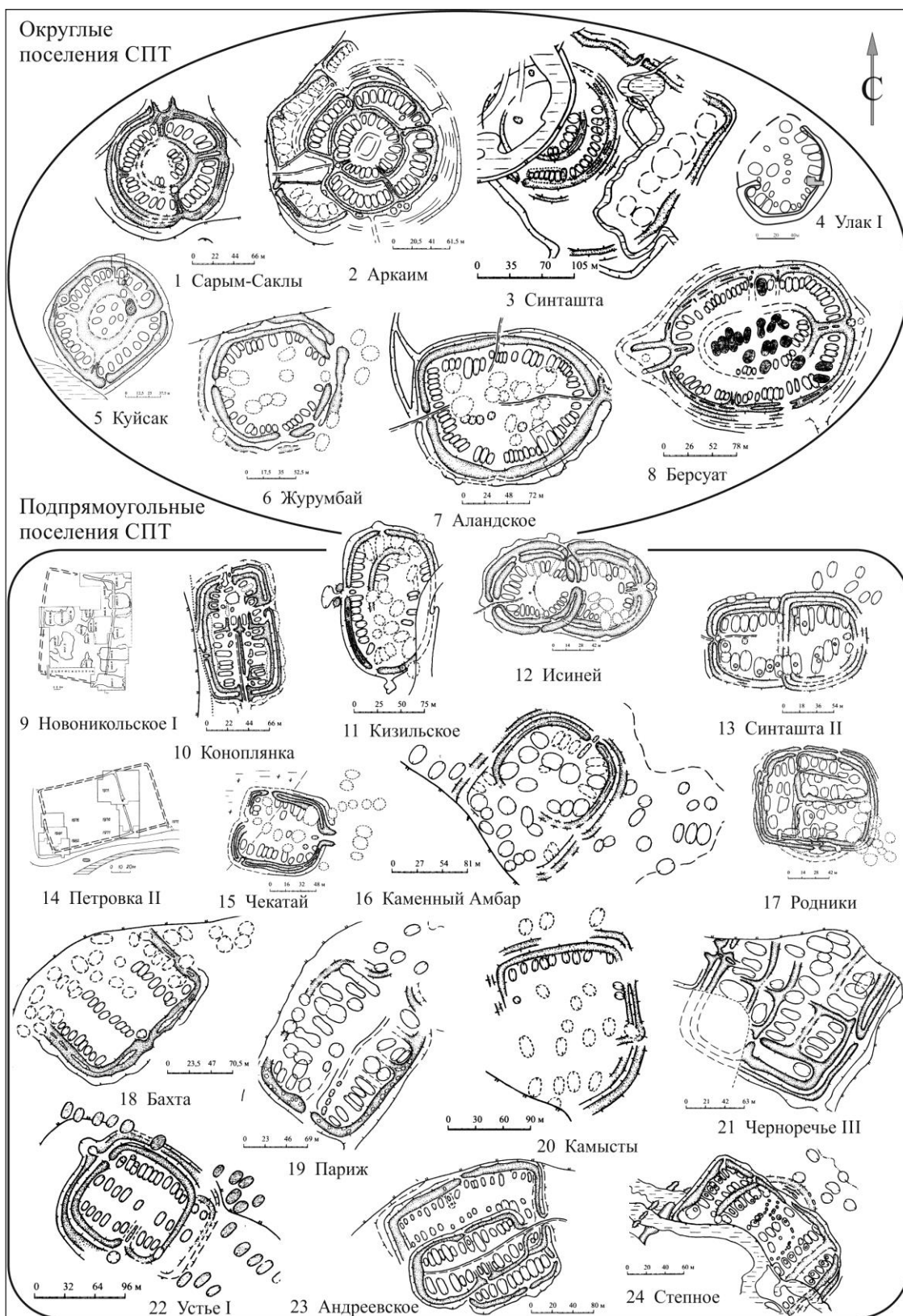

Рис. 3. Формы поселений СРТ. По дешифровкам аэрофотоснимков (1–3, 5–8, 10–13, 15–24 по: [1]) и общим планам (4 по: [20]; 9, 14 по: [9])

Два параллельных друг другу линейных ряда жилищ, вероятно, были основой конфигураций значительной части всех известных на сегодня поселений

СРТ. Выделяется несколько разновидностей. Форму, близкую к вытянутому прямоугольнику со скругленными углами, имели поселения Коноплянка, Петровка

II, Новоникольское I. Близки к ним более округлые внешние очертания Синташты II, Исинея, Кизильского. Схожая по ширине, но меньшая по длине, подквадратная форма поселения Чекатай, видимо, также создана двумя линиями построек. Они же просматриваются среди переплетенных структур еще как минимум двух памятников линейной планировки со сложной, многосоставной конфигурацией, объясняемой несколькими эпизодами перестроений, – Андреевском [21] и Устье I [22].

Конфигурация из четырех параллельных линий жилищ установлена на Каменном Амбаре. Следы подобной схемы, по дистанционным данным, намечаются также на поселении Родники. Схожа форма этих двух памятников: несколько вытянутый широкий прямоугольник с плавно скругленными угловыми участками. Возможно, Андреевское также изначально состояло из четырех рядов построек. Конфигурации еще пяти, больших по площади поселений подпрямоугольной формы – Бахта, Камысты,

Париж, Степное, Черноречье III – изучены только дистанционными методами (по аэрофотоснимкам, кроме Степного, где проводились также геофизические исследования и небольшие раскопки), площадки самих памятников достаточно сильно деформированы антропогенным воздействием, частично разрушены при меандрировании рек. Все это не позволяет уверенно обозначить особенности их планировок. По данным дешифровок можно только гипотетически обозначить следующее. Поселения Бахта и Париж, вероятно, состояли из четырех рядов жилищ, формой и размером Париж напоминает Каменный Амбар. Поселение Камысты имело внутреннюю, перегораживающую линию укреплений или сочетание подпрямоугольного и округлого участков. Следы нескольких существенных перестроений просматриваются на поселениях Черноречье III и Степное. Возможно, в их конфигурациях отражены процессы, схожие с трансформациями на Андреевском и Устье I.

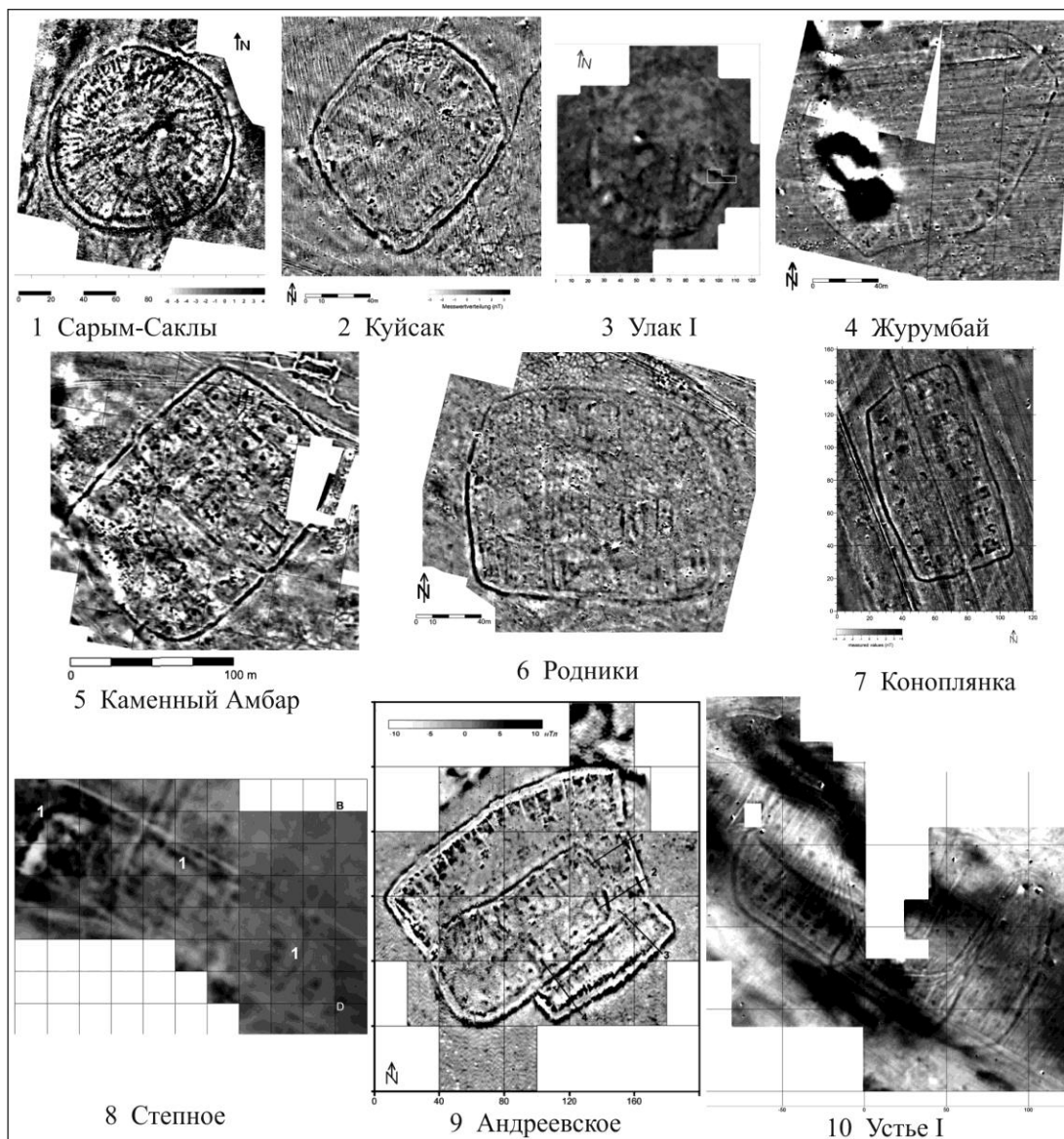

Рис. 4. Геофизические карты поселений СПТ. Магнитные карты (1–2, 4–7 по: [14], 3 по: [20], 9 по: [21], 10 по: [22]) и данные электроразведки (8 по: [23])

Размеры. Существует несколько вариантов различных описаний размеров поселений СПТ. Часто, даже при характеристике одного и того же памятника, авторы указывают значительно отличающиеся цифры. Составленная таблица – вариант обобщения округленных параметров. Традиционно основным источником информации о размерах поселений СПТ являются аэрофотоснимки. По данным их дешифровок [1] в таблице представлены размеры 20 поселений. Размеры памятников Синташта II, Улак I, Петровка II и Новоникольское I указаны по сведениям топоъемки и раскопок [9. С. 37, 52; 20. С. 39; 24. С. 76]. Еще одна группа источников – результаты геофизических исследований [14; 20–22; 27]. Их

сопоставление с аэрофотоснимками демонстрирует некоторые отличия, обусловленные разницей методик. Общая тенденция состоит в более завышенных оценках размеров, реконструируемых по аэрофото, кроме случаев, когда на них не прослеживаются слабо выраженные в рельефе структуры (как на поселениях Устье I и Родники). При распределении поселений по площади (таблица, рис. 5) предпочтение отдавалось геофизическим данным и размерам, указанным авторами раскопок соответствующих памятников. Площади рассчитаны по формулам круга (Акраим, Синташта, Сарым-Саклы, Улак I), овала (Аландское, Берсуат, Журумбай, Исиней, Куйсак, Кизильское) и прямоугольника (остальные).

Таблица

Поселение	Размеры по аэрофото, м	Площадь по аэрофото, м ²	Размеры по геофизике, м	Площадь по геофизике, м ²	Реконстр. кол-во жилищ
1. Черноречье III (реконстр. размер)	180 × 180	32 000	–	–	–
2. Камысты (реконстр. размер)	150 × 140 + 1/2 d 140	29 000	–	–	–
3. Бахта (реконстр. размер)	165 × 165	27 000	–	–	–
4. Берсуат	200 × 150	24 000	–	–	–
5. Аландское	185 × 160	23 000	–	–	–
6. Устье I	120 × 120 + 100 × 25 (пос. А)	17 000	165 × 140	23 000	? 25 п. А + 15 в юж. секторах
7. Париж	160 × 130	21 000	–	–	–
8. Аркаим	d 160 общий; d 85 внутр. круг	20 000 общая; 6 000 внутр. круг	–	–	60 (40 внешн. + 20 внутр. круг)
9. Андреевское	165 × 100 п. А + 95 × 30 п. С	19 000 общая	155 × 110 п. А, 125 × 65 п. В, 95 × 30 п. С	20 000 общая; 17 000 п. А, 8000 п. В, 3 000 п. С	? 60 п. А, 20 п. В, 10 п. С
10. Родники	125 × 110	14 000	155 × 125	19 000	40
11. Каменный Амбар	160 × 140	22 000	160 × 115	18 000	40
12. Синташта (реконстр. размер)	d 145–140	17 000–15 000	–	–	? 40 внешн. круг
13. Синташта II	175 × 105	18 000–16 000	–	–	25
14. Степное (сохран. часть)	180 × 90	16 000	180 × 90	16 000	–
15. Журумбай	160 × 150	19 000	160 × 120	15 000	40
16. Исиней	175 × 95	13 000	–	–	–
17. Сарым-Саклы	d 130	13 000	d 125	12 000	30
18. Куйсак	135 × 125	13 000	125 × 115	11 000	30
19. Кизильское	160 × 85	11 000	–	–	–
20. Улак I	d 120	11 000	d 110	10 000	–
21. Коноплянка	140 × 80	11 000	125 × 70	9 000	20
22. Чекатай	100 × 90	9 000	–	–	–
23. Петровка II	120 × 70	8 000	–	–	–
24. Новоникольское I	95 × 60	6 000	–	–	–

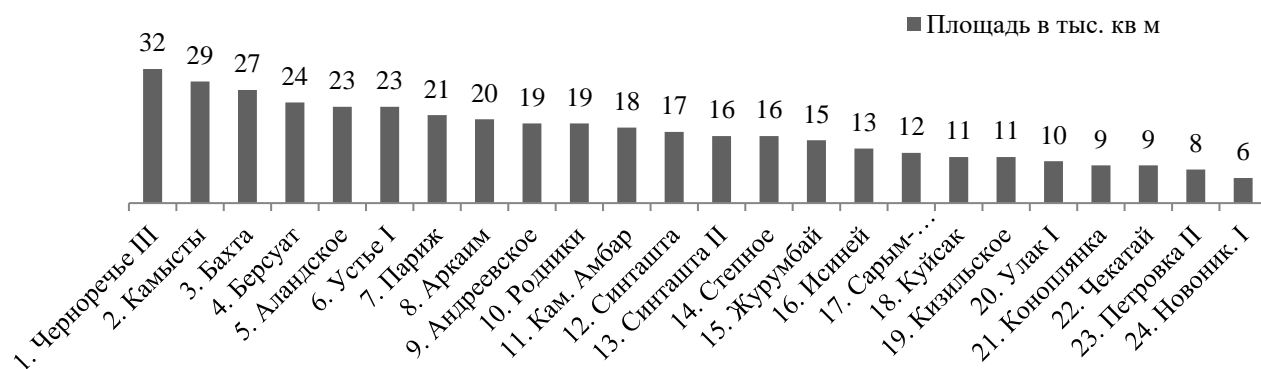

Рис. 5. Диаграмма площадей поселений СПТ

Важным показателем, соотносящимся с общими размерами поселений, является количество расположенных в них жилых построек. Поселения СПТ – многослойные памятники, число жилищ реконструируется только для раннего, синташтинско-петровского этапа их заселения, связанного с регулярной застройкой. Обозначить количество жилищ, округленно и с приблизительной точностью, возможно только для памятников, изученных масштабными раскопками или обеспеченных качественными геомагнитными картами.

Аркаим, по данным раскопок и дистанционных исследований, состоял из 60 жилищ: 20 составляли внутренний круг построек и еще 40 было в четырех секторах внешнего круга. Также около 40 жилищ можно предполагать во внешнем круге Синташты, увеличив в два раза количество ранних построек, обнаруженных в раскопанной половине. Из-за перестроек и затопления внутренней части трудно оценить общее число жилищ на памятнике. На Устье I, в границах, предполагавшихся по аэрофото и раскопкам, реконструируется примерно 25 построек (условно – поселок А), еще не менее 15 читается в обнаруженных по геофизике южных участках. Несколько жилищ, вероятно, было и среди структур, находящихся к востоку от поселка А. Каменный Амбар изначально состоял из 40 жилищ. По геомагнитным и топографическим картам порядка 40 жилищ можно предполагать также на Журумбае и Родниках, 30 – на Куйсаке и Сарым-Саклы. Вероятно, из 60 построек состоял ранний поселок А поселения Андреевское, из 20 – находящийся в его границах поселок В, еще 10 составляли «пристрой» С. По сопоставлению небольших раскопок с дистанционными данными на Синташте II реконструируется 25 жилищ, на Коноплянке – 20.

По размерам поселения СПТ можно разделить на три группы: малые, средние и большие. В группу малых вошло девять памятников площадью от 6 до 13 тыс. м². Из них четыре – подпрямоугольные, с двумя рядами жилищ (Коноплянка, Чекатай, Петровка II, Новоникольское I), еще два более округлой, подовальной формы (Исиней и Кизильское) и три округлых поселения с одним кольцом строений (Сарым-Саклы, Куйсак, Улак I). На малых поселениях реконструируется 20–30 построек. Средних поселений также девять, они имеют площадь 15–21 тыс. м². К этой группе относятся подпрямоугольные памятники, вероятно, с четырьмя рядами жилищ (Каменный Амбар, Родники, Париж, Андреевское), три округлых поселения – с двумя кольцами построек (круглые Аркаим и Синташта) и с одним кольцом (подовальный Журумбай). Также в эту категорию попало подпрямоугольное поселение с двумя рядами жилищ – Синташта II и сильно разрушенный, многократно перестраиваемый памятник Степное, реальные размеры которого установить на сегодня невозможно. Вероятное количество жилищ на средних поселениях – от 40 до 60. Исключение – Синташта II, где реконструируется только около 25 построек. К большим отнесено шесть поселений, площадью от 23 до 32 тыс. м². Среди них два подовальной формы (Аландское и Берсуат) и четыре подпрямоугольной (Черноречье III, Камысты, Бахта, Устье I). Крупные размеры как минимум трех

памятников (Черноречье III, Камысты, Устье I), вероятно, связаны с существенными перестройками и достройками разных участков. Для оценки количества жилищ на больших поселениях СПТ данных недостаточно. Из шести памятников масштабно исследовалось только Устье I, где реконструируется больше 40 построек.

Трансформации. Большая часть поселений СПТ, а возможно и все они являются многосоставными архитектурными комплексами, конфигурации которых складывались в процессе неоднократных трансформаций. Отраженные в структурах памятников перестройки добавления и сокращения площади, изменения планировок и архитектурных традиций отмечаются и дистанционными методами (рис. 3, 4, 6) и проявляются в разнокультурных слоях раскопанных объектов. Существует обобщающая схема изменений планировок СПТ, разработанная Г.Б. Здановичем и И.М. Батаниной. Наиболее ранние поселения – овальные, затем появляются круглые, их сменяют, при этом часто накладываясь и разрушая, поселки прямоугольной и квадратной формы. Заключительный этап – поселения без регулярной планировки и укрепления. Эта схема разработана в первую очередь на дешифровках аэрофотоснимков [1. С. 21, 182–183]. Кроме заключительного этапа, выделение такой последовательности недостаточно аргументировано и не подтверждается последними данными междисциплинарных исследований. Так, мнение о приоритете овальных поселений основано только на одном памятнике: планировка Исинея объясняется как результат наложения круглого поселения на более раннее овальное. Ранние овалы и круги, разрушенные поздними прямоугольниками и квадратами, предполагались на Каменном Амбаре, Камысты, Степном, Родниках, Устье I, Чекатае [1. С. 182–186]. Однако геофизические исследования не зафиксировали ранних округлых структур на Каменном Амбаре, Родниках, Устье I. Под большим сомнением их существование и на Степном (слабо проявляются только на отдельных аэрофото), и на Исинее (вероятна интерпретация конфигурации не как результата наложения круга на овал, а как наличия внутренней перегораживающей линии укрепления), и на других памятниках. Таким образом, гипотетическая цепочка овал–круг–прямоугольник не имеет достаточных доказательств и не объясняет механизма происходивших на поселениях СПТ трансформаций.

Обобщение данных о конфигурациях памятников позволяет предложить другую схему преобразований (рис. 7). Основным структурным компонентом всех поселений СПТ является ряд близкорасположенных жилищ, обведенных линией укрепления. Взаиморасположения нескольких рядов, чаще всего двух или четырех, создают изначально замкнутые площадки двух форм – округлой (сектора вокруг общего центра) и подпрямоугольной (ряды параллельно друг другу). Следующий этап «жизни» поселений связан с происходившими перестройками. Опираясь на конкретные примеры, можно выделить три варианта. Первый – это достройка новых рядов к исходному «ядру».

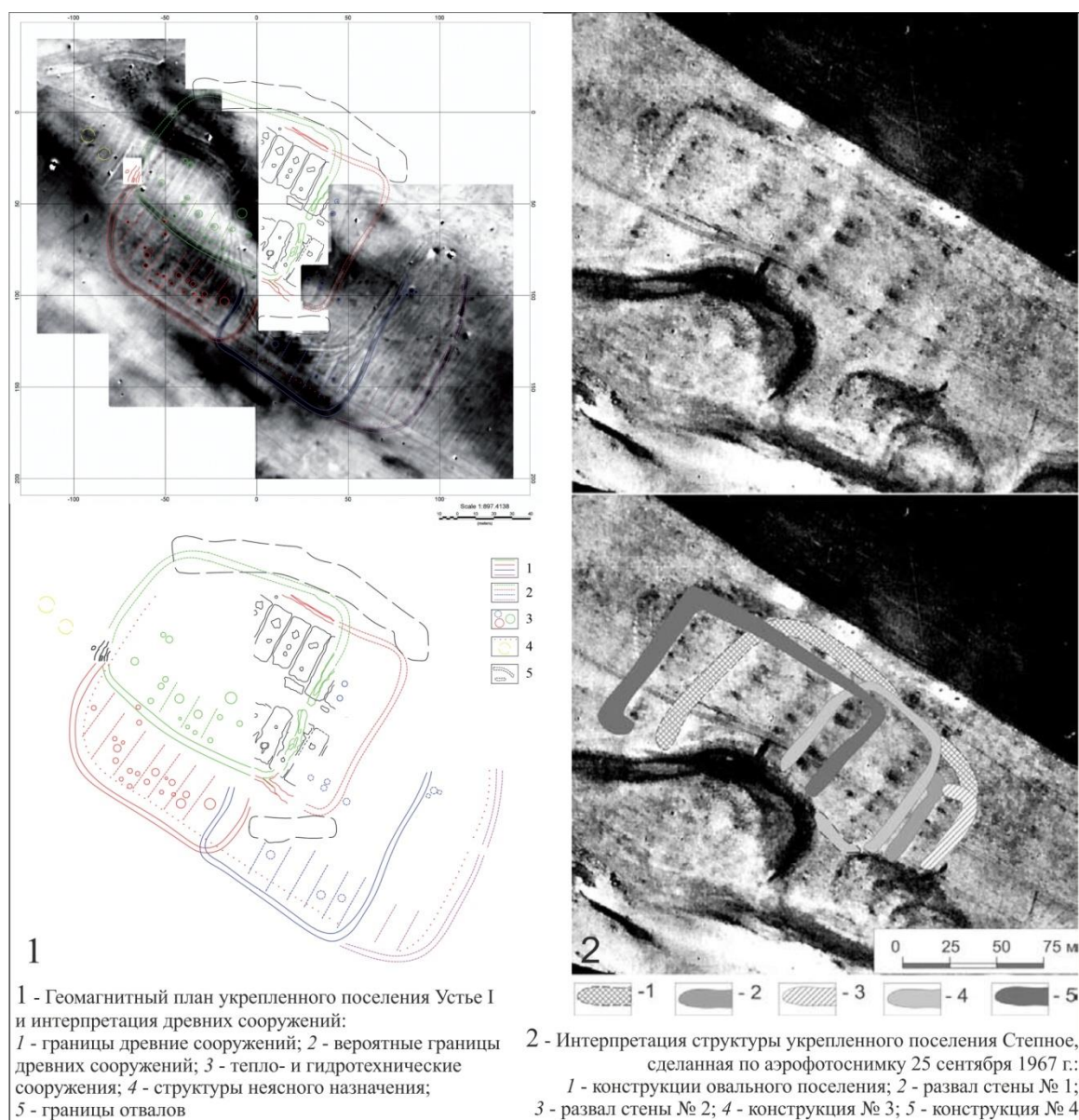

Рис. 6. Примеры интерпретаций данных дистанционных исследований: 1 – Интерпретация геомагнитного плана поселения Устье I (по: [22]); 2 – Интерпретация аэрофотоснимка поселения Степное (по: [27])

Наиболее яркий пример – Аркаим, внешние сектора которого, вероятно, являются более поздними пристроями к внутреннему участку. Второй вариант – масштабная перестройка на площадке раннего поселения: строительство новых замкнутых участков или внутри старых, или накладывающихся на них. Такой вариант можно назвать «наложением» одного (нескольких) поселка на другой. Примеры – Устье I и Андреевское. В обоих случаях вместе с наложением прослеживается и вероятная достройка. Еще одним сценарием, зафиксированным на поселении Каменный Амбар [28], является сокращение площади функционирующего замкнутого участка. Сокращение примерно в полтора раза произошло при возведении внутренней перегораживающей линии укреплений. Возможно, сокращение площади укрепленного поселения было достаточно распространенным путем трансформаций, так как подобные перегораживающие линии есть еще на нескольких памятниках. Перестройки, хотя и меняли форму и размеры поселений, но

проходили в рамках изначальной архитектурной традиции и заключались в сокращении и добавлении функционирующих участков, с сохранением принципов регулярной планировки и замыкания линий укреплений.

Эти принципы постепенно размываются и частично исчезают на заключительном этапе трансформаций. Он связан с изменением всего облика материальной культуры. Используя археологическую терминологию, заключительный этап можно обозначить как срубно-алакульский. Жилища этапа возводились как в пределах укрепленных площадок, так и за ними. В пределах укреплений одни поздние жилища строились с учетом ранней планировки, другие – хаотично, нарушая исходную конфигурацию строений, накладываясь на линии фортификаций. Основная часть срубно-алакульских построек выходит из границ замкнутых поселений, равномерно распределяясь по расширяющейся ойкумене.

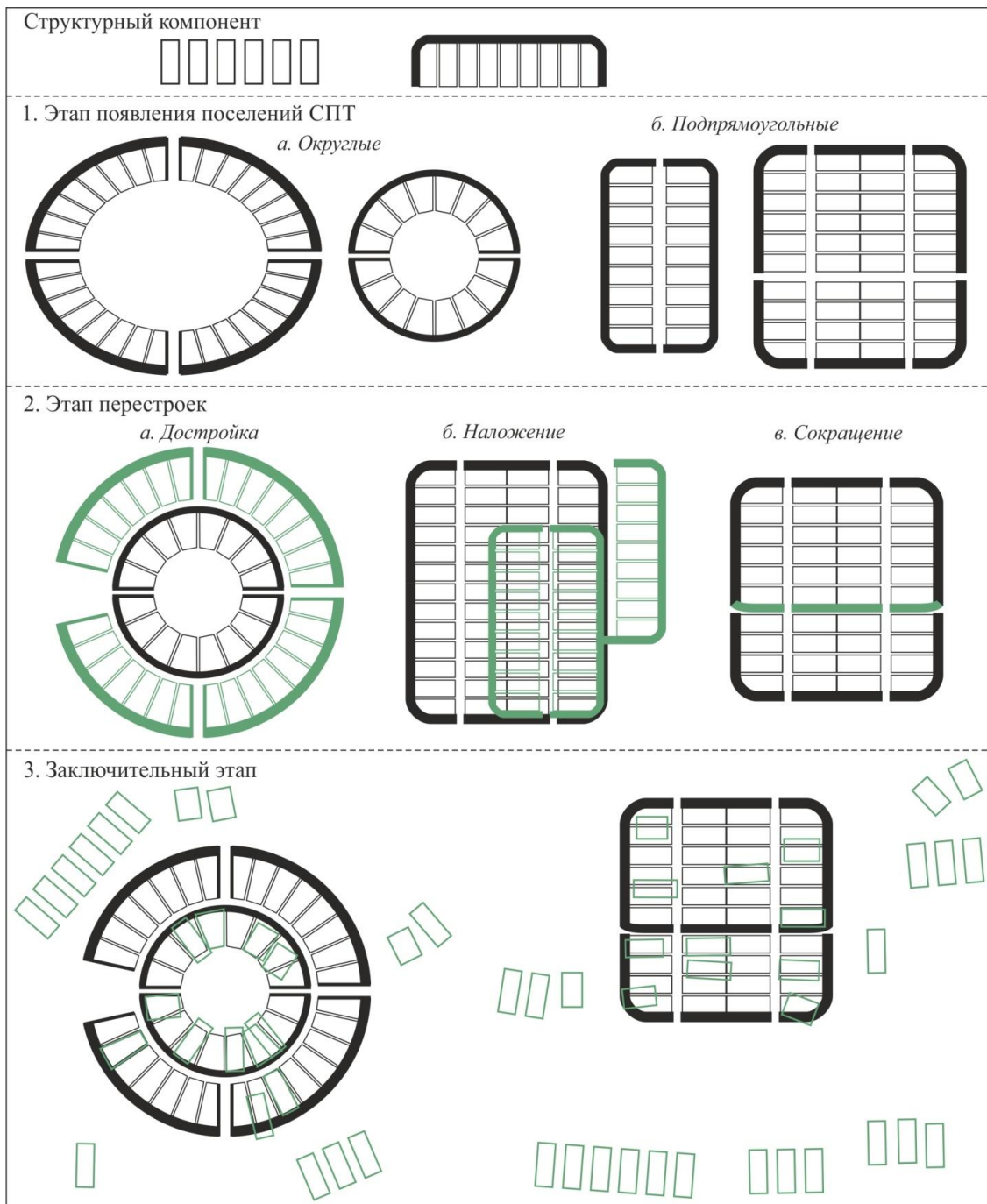

Рис. 7. Схема трансформаций поселений СРТ

Традиция организации жилищ в ряд близкорасположенных строений сохраняется, сосуществуя с вариантами более свободных планировок. Традиция обведения жилищ укреплениями исчезает, следы фортификаций фиксируются только на отдельных срубно-алакульских (и шире – андроновских и андроновидных) памятниках.

Заключение. Главным источником информации о конфигурациях поселений СРТ выступают результаты дистанционных исследований. Геофизические и топографические карты памятников позволяют определять их общие формы, размеры, контуры планировок, уточнять выводы, сделанные по дешифровкам аэрофотоснимков. Получить более подробные сведения об особенностях архитектуры и ее развития возможно только

при сопоставлении дистанционных данных с результатами ширококомасштабных раскопок. Поселения СРТ, при отличительных чертах каждого из них, принадлежат к единой архитектурной традиции, на уровне поселения проявляющейся в главных принципах конфигураций – строительстве замкнутых укрепленных поселков, состоящих их нескольких регулярно расположенных рядов заблокированных жилищ. Признаки конкретного поселения, – округлая или подпрямоугольная форма, малый, средний или большой размер, варианты перестроек и др. – определялись условиями его сооружения и историей функционирования: количеством коллектива, строительными навыками и обычаями, ландшафтными характеристиками выбранной локации, воздействием меняющихся социальных и природных

факторов. Различающиеся в вариантах трансформации поселений отражают общее направление преобразований в организации жилой среды. При появлении поселений СПТ их структурные компоненты – ряды стоящих вплотную жилищ, были упорядочено организованы в тесном пространстве, замкнутом линиями укреплений. В ходе дальнейшего развития,

сопровождающегося изменением всего комплекса материальной культуры, регулярность и скученность планировок вместе с возведением фортификаций постепенно утрачивают свое значение, и конфигурации поздних поселений – наследников синташтинско-петровских культурных стереотипов воспроизводят «простое» линейное расположение построек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы. Челябинск : Крокос, 2007. 260 с.
2. Приходько В.Е., Иванов И.В., Зданович Д.Г., Зданович Г.Б., Манахов Д.В., Инубуши К. Аркаим – укрепленное поселение эпохи бронзы степного Зауралья: почвенно-археологические исследования. М. : Россельхозакадемия, 2014. 264 с.
3. Batanina N.S., Hanks V.K. Soviet period air photography and archaeology of the Bronze Age in the Southern Urals of Russia // *Archaeology from Historical Aerial and Satellite Archives* / Eds. W.S. Hanson, I.A. Oltean. London : Springer, 2013. P. 199–219.
4. Виноградов Н.Б. Синташта как транскультурный феномен // *Поволжская Археология*. 2018. № 1 (23). С. 74–90.
5. Епимахов А.В., Чуев Н.И. Абашевские и синташтинские памятники: предварительные результаты пространственного анализа // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2011. № 2 (15). С. 47–56.
6. Chechushkov I.V. Bronze Age human communities in the Southern Urals Steppe: Sintashta-Petrovka social and subsistence organization: Doctoral Dissertation / University of Pittsburg. Pittsburg, 2018. 214 p.
7. Левит Н.В., Батанина И.М. Новое на карте «Страны городов» // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала / науч. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск : Крокос, 2004. С. 87–98.
8. Евдокимов В.В., Ткачев А.А., Логвин А.В. Поселение Семиозерное II // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2016. № 2 (33). С. 30–40.
9. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.
10. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М. : Наука, 1985. 376 с.
11. Петров Ф.Н., Куприянова Е.В. Поселения эпохи бронзы в Аркаимской долине: по результатам разведочных исследований 1997–2015 гг. М. : Моск. обл. обществ. фонд «Наследие», 2016. 148 с.
12. Виноградов Н.Б. Степи южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск : Абрис, 2011. 175 с.
13. Корякова Л.Н. Формирование и развитие археологии поселений (зарубежный опыт) // *Уральский исторический вестник*. 2012. № 4 (37). С. 4–14.
14. Fornasier J., Krause R., Korjakova L.N., Stobbe A., Rühl L., Schneider H., Thiemeyer H., Peters S., Epimakhov A.V., Sharapova S.V., Pantelieva S.E., Molčanov I.V., Berseneva N.A., Patzelt A., Noskevič V.V. Architektur, Wirtschaft und Landschaft der bronzezeitlichen Siedlungen am Nordrand der Eurasischen Steppe im Trans-Ural (Russische Föderation) // *Eurasia Antiqua*. 2014. № 20. P. 229–272.
15. Knoll D. Siedlungen und landschaftsarchäologische Untersuchungen zu den befestigten Siedlungen der Bronzezeit im Trans-Ural // *Zwischen Tradition und Innovation: Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation)* / Herausgegeben von R. Krause, L.N. Korjakova. Bonn : Verlag Dr. Rudolf Habel GmbH, 2014. P. 139–198.
16. Якимов А.С., Дакович Г., Чечушков И.В. Архитектурно-планировочные решения синташтинско-петровских поселений: проблема интерпретации // *Российская археология*. 2018. № 3. С. 75–93.
17. Солдаткин Н.В., Жилая архитектура укрепленных поселений синташтинско-петровского типа : обзор источников // *Научный диалог*. 2018. № 1. С. 209–220.
18. Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2002. 170 с.
19. Петров Ф.Н. Поселение Аркаим в культурном пространстве эпохи бронзы. Дубна : Фонд «Наследие», 2009. 64 с.
20. Бахшиев И.И., Носкевич В.В., Насретдинов Р.Р. Геофизические и дистанционные исследования укрепленного поселения эпохи бронзы Улак-1 в Башкирском Зауралье: соотношение полученных данных с результатами археологических раскопок // *Поволжская Археология*. 2018. № 3 (25). С. 30–44.
21. Носкевич В.В., Федорова Н.В., Бебнев А.С., Вдовин А.Г., Мехоношина Т.Л. Результаты исследования геофизическими методами археологического памятника бронзового века городище Андреевское (Южный Урал) // *Уральский геофизический вестник*. 2014. № 1 (23). С. 72–80.
22. Хэнкс Б.К., Чечушков И.В., Дунан Р.К., Питман Д., Мужич Б., Медарич И., Мори М. Новейшие результаты и перспективы исследований микрорайона древнего расселения Устье и долины реки Нижний Тогузак // *Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье* / отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск : Абрис, 2013. С. 393–416.
23. Merrony C., Hanks V., Doonan R. Seeking the process: The application of geophysical survey on some early mining and metalworking sites // *Metals and societies. Studies in honor of Barbara S. Ottaway*. Bonn : Habelt, 2009. P. 421–430.
24. Петров Ф.Н. Что мы узнали о «Стране городов» за последние 10 лет? // *Аркаимский мир: взгляд в прошлое* / отв. ред. И.А. Валиахметов. Челябинск : Наследие, 2019. С. 64–88.
25. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.
26. Чечушков И.В. Методы геостатистики в изучении поселенческих памятников бронзового века // *Этнические взаимодействия на Южном Урале*. Челябинск : Челябинский гос. краевед. музей, 2015. С. 90–96.
27. Батанина Н.С., Батанин С.А. Трансформации архитектурного облика укрепленного поселения Степное по данным дистанционных методов исследований // *Этнические взаимодействия на Южном Урале*. Челябинск : Челябинский гос. краевед. музей, 2015. С. 52–58.
28. Берсенева Н.А., Епимахов А.В., Носкевич В.В., Федорова Н.В. Возможности синтеза геофизической и археологической информации при интерпретации результатов раскопок (на примере поселения бронзового века Каменный Амбар) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2015. № 1 (28). С. 4–14.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 июля 2019 г.

Configurations of Fortified Settlements of the Sintashta-Petrovka Type: Forms, Sizes, Transformations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 161–172.

DOI: 10.17223/15617793/462/20

Nikolai V. Soldatkin, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: niksoldatkin@yandex.ru

Keywords: Bronze Age, Southern Trans-Urals and Northern Kazakhstan; settlement archaeology; fortified settlements of Sintashta-Petrovka type; aerial photos; geomagnetic maps.

The article aims to analyze the configurations of fortified settlements of the Sintashta-Petrovka type (SPT settlements). Sources of information about the configurations are the results of remote research (aerial photographs, geomagnetic maps, topographic maps) and data from archaeological excavations. The study of configurations is one of the aspects of settlement archaeology at the level of research of the structure of the whole settlement. The article summarizes and compares the characteristics of forms, layouts, sizes, variants of transformations. The forms of SPT settlements can be divided into two types: rounded, with a radial arrangement of rows of dwellings, and subrectangular, with a linear arrangement. Eight sites are classified as rounded, sixteen are subrectangular. In the forms of many settlements there are mixed signs that emphasize the common architectural tradition: rounded settlements have separate straightened segments and straight rows of buildings, and subrectangular ones have rounded bends of building lines and rounded corner sections. In summarizing the size indicators, small, medium and large settlements were identified. The small ones have an area from 6 to 13 thousand m²; nine sites – subrectangular, with two rows of dwellings, and rounded, with one ring of buildings – are small. The small settlements have about 20 to 30 buildings. The number of medium settlements is also nine, their area is from 15 to 21 thousand m². Most medium-sized sites are either subrectangular, with four rows of buildings, or rounded, with two rings of buildings. The medium-sized settlements have about 40 to 60 buildings. There are six large settlements; their area is 23 to 32 thousand m². Two of the large settlements are oval, four subrectangular, with traces of significant rearrangements. Due to the small volume of field research, it is difficult to estimate the number of dwellings in large settlements. The generalization of the remote data and the results of the excavations allows the author to propose a scheme of transformations of the SPT settlements. The structural component of their configurations is a row of closely spaced dwellings, enclosed by a line of fortifications. Several rows, most often two or four, oriented linearly or radially, form the inner space of the closed fortified settlement. While the fortified settlements functioned, they were restructured, with preservation of the general principles of regularity and isolation of the living environment. There are three main scenarios for rebuilding: the completion of rows to the early section, the overlapping of fortified villages, the reduction of the area of a fortified settlement. The final stage of the life of settlements is associated with the gradual abandonment of the cramped and closed configurations. The Srubnaya-Alakul settlements, successors of the SPT settlements, use more spacious, dispersed layouts, with partial preservation of the tradition of building rows of closely spaced dwellings and with refusal to build fortifications.

REFERENCES

1. Zdanovich, G.B. & Batanina, I.M. (2007) *Arkaim – Strana gorodov: Prostranstvo i obrazy* [Arkaim – a Country of Cities: Space and images]. Chelyabinsk: Krokus.
2. Prikhod'ko, V.E. et al. (2014) *Arkaim – ukreplennoe poselenie epokhi bronzы stepnogo Zaural'ya: pochvenno-arkheologicheskie issledovaniya* [Arkaim – a fortified settlement of the Bronze Age of the Trans-Urals steppe: Soil-archaeological research]. Moscow: Rossel'khozakademiya.
3. Batanina, N.S. & Hanks, B.K. (2013) Soviet period air photography and archaeology of the Bronze Age in the Southern Urals of Russia. In: Hanson, W.S. & Oltean, I.A. (eds) *Archaeology from Historical Aerial and Satellite Archives*. London: Springer. pp. 199–219.
4. Vinogradov, N.B. (2018) Sintashta as a Transcultural Phenomenon. *Povolzhskaya Arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 1 (23). pp. 74–90. (In Russian). DOI: 10.24852/pa2018.1.23.74.90
5. Epimakhov, A.V. & Chuev, N.I. (2011) Abashevskie i sintashtinskie pamyatniki: predvaritel'nye rezul'taty prostranstvennogo analiza [Abashevo and Sintashta sites: Preliminary results of spatial analysis]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2 (15). pp. 47–56.
6. Chechushkov, I.V. (2018) *Bronze Age human communities in the Southern Urals Steppe: Sintashta-Petrovka social and subsistence organization: Doctoral Dissertation*. University of Pittsburg. Pittsburgh.
7. Levit, N.V. & Batanina, I.M. (2004) Novoe na karte “Strany gorodov” [The new on the Country of Cities map]. In: Zdanovich, G.D. (ed.) *Arkaim. Po stranitsam drevney istorii Yuzhnogo Urala* [Arkaim. Through the pages of the ancient history of the South Urals]. Chelyabinsk: Krokus. pp. 87–98.
8. Evdokimov, V.V., Tkachev, A.A. & Logvin, A.V. (2016) Poselenie Semiozernoe II [Semiozernoe II settlement]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2 (33). pp. 30–40. DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-030-040
9. Zdanovich, G.B. (1988) *Bronzovyy vek Uralo-Kazakhstanskikh stepey (osnovy periodizatsii)* [The Bronze Age of the Ural-Kazakhstan steppes (basis of periodization)]. Sverdlovsk: Ural State University.
10. Potemkina, T.M. (1985) *Bronzovyy vek lesostepnogo Pritobol'ya* [The Bronze Age of the forest-steppe of the Tobol region]. Moscow: Nauka.
11. Petrov, F.N. & Kupriyanova, E.V. (2016) *Poseleniya epokhi bronzы v Arkaimskoy doline: po rezul'tatam razvedochnykh issledovaniy 1997–2015 gg.* [Settlements of the Bronze Age in the Arkaim Valley: Based on the Results of Exploration Studies in 1997–2015]. Moscow: Mosk. obl. obshchestv. fond “Nasledie”.
12. Vinogradov, N.B. (2011) *Stepi yuzhnogo Urala i Kazakhstana v pervye veka II tys. do n.e. (pamyatniki sintashtinskogo i petrovskogo tipa)* [The steppes of the southern Urals and Kazakhstan in the first centuries of the 2nd millennium BC (monuments of the Sintashta and Petrovsky types)]. Chelyabinsk: Abris.
13. Koryakova, L.N. (2012) Evolution and development of settlement archaeology (Western practices). *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 4 (37). pp. 4–14. (In Russian).
14. Fornasier, J. et al. (2014) Architektur, Wirtschaft und Landschaft der bronzezeitlichen Siedlungen am Nordrand der Eurasischen Steppe im Trans-Ural (Russische Föderation). *Eurasia Antiqua*. 20. pp. 229–272.
15. Knoll, D. (2014) Siedlungs- und landschaftsarchäologische Untersuchungen zu den befestigten Siedlungen der Bronzezeit im Trans-Ural. In: von Krause, R., & Korjakova, L.N. (Hrsg.) *Zwischen Tradition und Innovation: Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation)*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habel GmbH. pp. 139–198.
16. Yakimov, A.S., Dakovich, G. & Chechushkov, I.V. (2018) Architectural and planning design of Sintashta-Petrovka settlements and the issue of the Bronze Age warfare. *Rossiyskaya arkheologiya*. 3. pp. 75–93. (In Russian). DOI 10.31857/S086960630001661-6
17. Soldatkin, N.V. (2018) Residential Architecture of Fortified Settlements of Sintashta-Petrovka Type: Sources Review. *Nauchnyy dialog*. 1. pp. 209–220. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-209-220
18. Epimakhov, A.V. (2002) *Yuzhnoe Zaural'e v epokhu sredney bronzы* [Southern Trans-Urals in the Middle Bronze Age]. Chelyabinsk: South Ural State University.
19. Petrov, F.N. (2009) *Poselenie Arkaim v kul'turnom prostranstve epokhi bronzы* [Arkaim settlement in the cultural space of the Bronze Age]. Dubna: Fond “Nasledie”.
20. Bakhshiev, I.I., Noskevich, V.V. & Nasretdinov, R.R. (2018) Geophysical and Remote Studies of the Ulak-1 Fortified Settlement of the Bronze Age in Bashkir Trans-Urals: the Correlation of the Obtained Data with the Results of the Archaeological Excavations. *Povolzhskaya Arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 3 (25). pp. 30–44. (In Russian).

21. Noskevich, V.V. et al. (2014) Results of the geophysical research of bronze age archaeological monuments Andreevskoe (Southern Ural mountains). *Ural'skiy geofizicheskiy vestnik – Ural Geophysical Messenger*. 1 (23), pp. 72–80. (In Russian).
22. Hanks, B. et al. (2013) Noveyshie rezul'taty i perspektivy issledovaniy mikrorayona drevnego rasseleniya Ust'e i doliny reki Nizhniy Toguzak [The latest results and prospects of studies of the microdistrict of ancient settlement The estuary and valley of the Nizhny Toguzak River]. In: Vinogradov, N.B. (ed.) *Drevnee Ust'e: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e* [Ancient Ustye: A fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. Chelyabinsk: Abris. pp. 393–416.
23. Merrony, C., Hanks, B. & Doonan, R. (2009) Seeking the process: The application of geophysical survey on some early mining and metalworking sites. In: Kienlin, T. & Roberts, B. (eds) *Metals and societies. Studies in honor of Barbara S. Ottaway*. Bonn: Habelt. pp. 421–430.
24. Petrov, F.N. (2019) Chto my uznali o "Strane gorodov" za poslednie 10 let? [What have we learned about the Country of Cities over the past 10 years?]. In: Valiakhmetov, I.A. (ed.) *Arkaimskiy mir: vzglyad v proshloe* [The Arkaim world: A look into the past]. Chelyabinsk: Nasledie. pp. 64–88.
25. Gening, V.F., Zdanovich, G.B. & Gening, V.V. (1992) *Sintashta: Arkheologicheskie pamyatniki ariyskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepey* [Sintashta: Archaeological sites of the Aryan tribes of the Ural-Kazakhstan steppes]. Pt. 1. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo.
26. Chechushkov, I.V. (2015) [Methods of geostatistics in the study of settlement sites of the Bronze Age]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic interactions in the Southern Urals]. Conference Abstracts. Chelyabinsk: Chelyabinsk Museum of Local Lore. pp. 90–96. (In Russian).
27. Batanina, N.S. & Batanin, S.A. (2015) [Transformations of the architectural appearance of the Stepnoe fortified settlement according to remote sensing data]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic interactions in the Southern Urals]. Conference Abstracts. Chelyabinsk: Chelyabinsk Museum of Local Lore. pp. 52–58. (In Russian).
28. Berseneva, N.A., Epimakhov, A.V., Noskevich, V.V. & Fedorova, N.V. (2015) *Vozmozhnosti sinteza geofizicheskoy i arkheologicheskoy informatsii pri interpretatsii rezul'tatov raskopok (na primere poseleniya bronzovogo veka Kamennyy Ambar)* [The potential of the synthesis of geophysical and archaeological information when interpreting the results of excavations (on the example of the Bronze Age Kamenny Ambar settlement)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 1 (28). pp. 4–14.

Received: 01 July 2019

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.02

М.А. Гаврилина

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ РУССКОЯЗЫЧНОГО ШКОЛЬНИКА ЛАТВИИ

Сделана попытка проанализировать и обобщить опыт, накопленный автором в течение многих лет и связанный с вопросами освоения школьниками русского (первого, родного) языка в Латвии. В центре внимания – устное и письменное речевое поведение школьников в ситуации билингвального школьного образования; влияние естественной русской речевой среды Латвии на речевое развитие; типичные проблемы, с которыми сталкиваются школьники при создании ими письменных текстов; характер речевых ошибок.

Ключевые слова: речевой портрет школьника; билингвальное образование; русскоязычный ученик диаспоры; речевая среда; речевая ошибка.

Введение

Особенность современного мира такова, что носители того или иного языка и той или иной культуры в силу разных обстоятельств оказываются в различных социокультурных условиях проживания. Одни живут в метрополии, т.е. на территории этнической родины, другие – в диаспорах. Например, люди, считающие себя причастными к русской культуре и признающие в качестве родного (первого) русский язык, живут не только в России, но и в странах Европы, Америки, Азии.

Так, в настоящее время в Латвии проживает достаточно большое количество русскоязычных (русская диаспора составляет 27% от общего количества жителей страны). Многие из них считают важным сохранить данный язык и культуру для своих детей, развить их знания и умения в русском языке не только в семье, но и в ходе школьного образования. Такая возможность в Латвии до 2018 г. была достаточно реальной, поскольку наряду со школами, где велось обучение на латышском языке, был целый ряд школ, в которых реализовались учебные программы для детей национальных меньшинств (в том числе русскоязычных). Учебное содержание в них ребята осваивали на русском языке, билингвально и на латышском языке. Реформа школьного образования, проведенная в 2018 г. [1], существенно сократила долю участия русского языка в учебном процессе, в том числе и количество уроков русского языка и литературы в начальной и основной школе (в старшей школе учебный предмет «Русский язык и литература» предусмотрен по выбору).

Несомненно, процессы развития и становления языковой личности школьника диаспоры в первом (в нашем случае – русском) языке обусловлены целым рядом факторов. И прежде всего тем,

– где ребенок изучает первый (родной) язык и / или учится на нем – в метрополии или в диаспоре, развивается ли он как монолингвальная или билингвальная личность;

– каков развивающий потенциал окружающей ребенка речевой среды;

– какое место в ценностной парадигме семьи и окружении ребенка отводится хорошему владению русским (родным) языком;

– какое место в системе школьных учебных предметов отведено первому языку, знания каких еще областей жизни ребенок может осваивать на родном языке и под.

В результате влияния этих факторов складывается речевой портрет школьника в первом (родном) языке. В современной науке накоплен достаточно обширный опыт, связанный с описанием речевого портрета школьника и студента. Однако в центре внимания исследователей чаще оказывается речевое поведение ученика метрополии. Исследования, которые были бы посвящены речевому портрету русскоязычного школьника диаспоры, пока немногочисленны.

Обзор

В настоящее время достаточно много исследований посвящено речевым портретам личности школьника, студента, интеллигента, телеведущего, политического деятеля, персонажа художественного произведения и под. Однако принципы его конструирования и анализа до сих пор в лингвистике (точнее – в лингвоперсонологии) подробно не описаны, а для разных исследователей важными оказываются различные аспекты речевых портретов. Так, по мнению Ю.Н. Караулова, речевой портрет – это реализация в речи языковой личности человека, т.е. представление в речи «многокомпонентного и многослойного набора языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [2. С. 32].

О.И. Асташова предлагает осуществлять комплексный анализ речевого портрета личности, опираясь на трехуровневую модель языковой личности, сформулированную Ю.Н. Карауловым [3. С. 131]. С точки зрения С.В. Мамаевой, речевой портрет – это «комплексная характеристика речи отдельной (индивидуальной) или коллективной языковой личности, включающая в себя детальное описание речевых особенностей на всех уровнях реализации языковой компетенции с учетом специфики речевого поведения, особенностей личных (психологических) и профессиональных (социальных) параметров, условий усвоения русского языка, степени владения им и т.п.» [4. С. 542]. Речевой портрет в описании Т.П. Тарасенко есть «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или

определенного социума в отдельно взятый период существования» [5. С. 8].

Можно привести еще много определений данного понятия, часто противоречивых. Но для нас важнее другое: понятия «речевой портрет ученика» и «языковая личность школьника» чрезвычайно важны для лингводидактики. Совершенно очевидно, что без понимания того, как развивается и формируется языковая личность школьника, его речевое поведение в разных ситуациях общения, каковы лингводидактические характеристики его речевого поведения, невозможно создать эффективную модель обучения языку (первому, второму, иностранному). Особую значимость это приобретает в диаспоре, когда ученик осваивает родной язык в билингвальной и инокультурной среде.

Формирование речевого портрета личности во многом зависит от коммуникативно-речевого пространства языковой (речевой) среды. Нельзя не согласиться с Е. Протасовой в том, что «язык индивидуума в значительной степени – производное от усилий окружения» [6. С. 4] (автор имеет в виду процесс освоения ребенком второго языка, но не менее верно данное суждение и применительно к освоению родного языка в диаспоре). В Латвии «бином языковой среды», т.е. наряду с латышской языковой средой, функционирует и русскоязычная среда. Надо сказать, что русская речевая среда достаточно активна: издаются русскоязычные газеты, работает русскоязычный театр, транслируются передачи на русском языке по радио и телевидению (правда, в 2020 г. количество телевизионных передач на русском языке существенно сократилось), налажены культурно-экономические контакты с Россией. Однако это не свидетельствует о том, что у русской языковой среды Латвии тот же развивающий потенциал для русскоязычного школьника (языковая среда как обучающий фактор), что и у среды страны-метрополии (России). Это и понятно: среда диаспоры насыщена несколько иными (специфическими) реалиями, номинациями, она билингвальна.

Ученые, рассуждая о процессе становления языковой личности и ее речевой деятельности, пришли к выводу о том, что «каждый человек, каждая языковая личность обладает своим собственным индивидуальным когнитивным пространством (ИКП) как определенным образом структурированной совокупностью знаний и представлений. В индивидуальное когнитивное пространство входят коллективные коммуникативные пространства (ККП) <...> и когнитивная база (КБ) <...> того национально-лингвокультурного общества, членом которого данная личность является» [7. С. 129–130]. Т.П. Млечко, исследующая особенности языковой личности новой диаспоры после 1991 г., замечает, что «структура знания русской языковой личности вне России характеризуется обязательным наличием дополнительного компонента в его составе: помимо индивидуальных, национальных и универсальных знаний и представлений присутствуют еще и определенные инонациональные» [8. С. 60]. В связи с этим автор вводит понятие «диаспоральное когнитивное пространство», в котором «происходит компрессия «своего» и декомпрессия (за счет «чужого») тезауруса языковой личности, что засвидетельствовано, с одной

стороны, проявлением когнитивной лакунарности, которая является следствием дистанцированности от исходной когнитивной базы, а с другой – заимствованиями как результатом постоянного пребывания в зоне притяжения иной когнитивной базы» [9. С. 33]. Представляется заслуживающей внимания для нашей (латвийской) ситуации мысль Т.П. Млечко о том, что в диаспоре следует говорить об изменениях в классической схеме взаиморасположения КБ (когнитивная база), ККП (коллективное коммуникативное пространство) и ИКП (индивидуальное коммуникативное пространство), которая применяется к одному лингвокультурному сообществу.

Цель данной статьи – охарактеризовать речевой портрет русскоязычного школьника Латвии. Научная новизна исследования состоит в том, что в латвийском образовательном контексте такая попытка предпринимается впервые (до сих пор в центре внимания оказывались лишь отдельные проблемы в русском речевом поведении наших учеников). Данное исследование может внести определенный вклад в изучение русской языковой личности ученика диаспоры.

Материалы и методы

В данной статье автор опирается на результаты исследований (анализ русской языковой среды Латвии; апробация и мониторинг учебников русского языка, разработанных в Латвии; анализ качества письменной речи школьников и студентов; анализ мнений учителей школ), которые проводились в 2007–2019 гг. В них приняло участие 8 759 русскоязычных школьников Латвии (4–12 классы), 636 студентов первого курса высших учебных заведений Латвии (Латвийский университет и RISEBA; 2013–2019 гг.), 65 учителей начальной школы и учителей-русистов.

При анализе качества и развивающего потенциала русской языковой среды Латвии был использован метод наблюдения. Мы согласны с теми учеными (например, Ю.А. Жлуктенко), которые считают, что ценные сведения об особенностях речевого поведения билингвов или людей, проживающих в иноязычной языковой среде, можно почерпнуть в результате наблюдения, из их непринужденной беседы, когда они не чувствуют, что за ними наблюдают. Наблюдение за устным речевым поведением позволило нам констатировать особенности устного речевого общения наших школьников и студентов.

В ходе исследований анализировались письменные тексты русскоязычных школьников и студентов Латвии: а) сочинения учеников 4, 6, 9 и 12-х классов, которые ребята писали в 2012–2019 гг., выполняя комплексные проверочные работы (диагностирующие и экзаменационные), разработанные специалистами Министерства образования Латвии; б) сочинения студентов двух вузов Латвии. Мы исходили из того, что именно письменная речь, по мнению ученых, в силу своей специфики является ярчайшим показателем уровня развития языковой (речевой) личности человека. В центре внимания данного анализа были коммуникативная и семантическая организация текстов школьников и студентов, качество их речевого

поведения (следование языковым нормам при выражении коммуникативного замысла, или «грамматика говорящего» по Н.И. Жинкину). Данный анализ позволил нам констатировать как достижения в становлении речевого портрета школьников и студентов, так и ряд серьезных проблем.

Для понимания того, как учителя оценивают процесс развития языковой личности школьников, были использованы следующие методы: анкетирование, беседа и фокус-групповая дискуссия. В сотрудничестве с учителями обсуждалось несколько блоков проблем: развитие первичной языковой личности школьника в билингвальной среде (значимость и возможности); основные проблемы в речевом развитии русскоязычных школьников, их причины; дидактические возможности развития языковой личности школьника в билингвальной образовательной среде.

Результаты исследования и обсуждение

Анализ качества устной речи школьников осуществлялся в тесной связи с анализом русской языковой Латвии. В настоящее время в науке предпринята попытка классификации объективных факторов языковой среды, воздействующих на личность в плане формирования ее коммуникативно-речевой и лингвокультурологической компетенций. В ходе исследования мы принимали во внимание точку зрения Е.В. Бурвиковой, которая среди прочих факторов справедливо выделяет субъективные факторы (компоненты): мотивация и особенности личности ребенка [10. С. 117].

Мы исходили из того, что когда речь идет о ребенке диаспоры, то мотивация имеет отношение не только к самому ребенку, но и к его родителям. Заинтересованы ли они в том, чтобы их ребенок полноценно овладел первым (родным) языком, какую роль данному языку они отводят в дальнейшей жизни ребенка, насколько готовы помочь ему в освоении языка? В 2016–2017 гг. среди родителей русскоязычных дошкольников и учеников начальной школы Латвии, Финляндии и Эстонии было проведено исследование «Развитие моделей вовлеченности родителей в работу билингвальных детских садов и школ» (Development of Parent Involvement Models for Bilingual Pre- and Primary School), которое показало следующее:

– 100% латвийских родителей, участвовавших в исследовании, высказали заинтересованность в том, чтобы дети полноценно изучали русский язык в процессе школьного образования;

– мотивируя то, для чего ребенку необходим русский язык в будущем, родители так распределили предложенные варианты ответов по степени важности: 1) чтобы оставаться русским (сохранить идентичность); 2) использовать русский язык для своих увлечений в свободное время; 3) иметь русских друзей; 4) быть своим среди русских; 5) применять русский язык на работе и 6) получить образование на русском языке;

– кроме того, 62% родителей положительно оценивают двуязычное обучение детей, считая, что оно расширяет кругозор ребенка (59%) и обогащает его

личность (50%), развивает познавательные и умственные способности ребенка (55%), помогает быстрее и гибче ориентироваться в ситуации (52%), способствует лучшей социальной адаптации ребенка (53%) и формирует толерантность (48%) [11. С. 5–37].

Таким образом, мы констатировали некое противоречие: с одной стороны, заинтересованность родителей в том, чтобы их дети полноценно осваивали русский (родной) язык, а с другой – существенное сокращение уроков русского языка в школе (латвийская реформа образования 2018 г.), уменьшение доли участия русского языка в школьном образовательном контексте (преподавание учебных предметов билингвально или на латышском языке). Кроме того, наши исследования свидетельствуют о том, что развивающий потенциал русской языковой среды Латвии (особенно – «обучающая стихия языка») все же недостаточно высок. Естественная русская речевая среда (язык прессы, обиходно-бытовое общение) часто предлагает современному ученику неудовлетворительный по своему качеству речевой материал. В принципе, мы наблюдаем ситуацию, которую Т.П. Млечко охарактеризовала так: «...среда дает мало примеров и не запрашивает языкового разнообразия и богатства» [9. С. 60]. Русская речь, окружающая ребенка диаспоры, часто прагматична, синтаксически элементарна, стилистически бедна, пестрит отклонениями от литературной нормы (речевыми ошибками и недочетами), насыщена латышским и английским сленгом. Наши исследования подтверждают справедливость мысли О.А. Ярошенко о том, что речь школьников в полной мере содержит в себе черты, которые являются типичными для языковых особенностей и привычек окружающей ученика естественной речевой среды [12. С. 69]. Так, достаточно типична ситуация, когда школьники и студенты замещают русские слова латышскими эквивалентами, чаще всего – в ситуации названия тех реалий, которые связаны со взаимодействием человека и государства, его органов (субституция). Например: *аплицеца* вместо *удостоверение*, *свидетельство*; *иесниегум(с)* вместо *заявление* (латыш. *iesniegums*); *иззиня* вм. справка (латыш. *izzina*); *сколотая* вместо *учительница* (латыш. *skolotāja*); *вадытайс / вадытая* вместо *начальник / начальница* (латыш. *vadītājs / vadītāja*) и др. Сходные явления наблюдаются в речи русскоязычных жителей Литвы и Эстонии. Следует согласиться с Н. Авиной, исследующей речевое поведение русскоязычных жителей Литвы, в том, что и в нашем случае выбор в пользу латышского варианта лексемы следует оценивать с коммуникативно-прагматической позиции, так как в ситуации общения латышская номинация, по мнению говорящего, выполняет «позитивную информационно-различительную функцию» [13. С. 18].

Находясь в двуязычной среде, русскоязычный школьник подстраивается под грамматические особенности латышского речевого поведения и допускает в русской речи отступления от литературных норм (интерференционные ошибки и погрешности: калькирование, типичные, повторяющиеся ошибки на всех уровнях языка – инерционная интерференция). При этом

разного рода кальки могут быть «резкими» и «нерезкими» (термины Е.А. Земской) [14. С. 97]. Например, в речи русскоязычных школьников закрепилось достаточно много устойчивых калькированных словосочетаний: *основная школа, персональный код, русский Новый год, русское Рождество, русское время (о времени вхождения Латвии в состав СССР), абсолюенты, рефлектанты* и др. Типична ситуация, когда русскоязычные старшеклассники и студенты, которые звонят или пишут (sms, электронная почта) преподавателю, зная его имя и отчество, чаще обращаются так, как это принято в латышской речевой традиции (без отчества): *Здравствуйте, Маргарита Гаврилина! (вместо Маргарита Анатольевна) Вам пишет...* Более того, многие из них в данной ситуации предпочитают писать письма не на русском, а на латышском языке. Объясняют это тем, что им легче общаться на латышском языке тогда, когда это связано с учебой.

Нередки ситуации перехода школьников с одного языка на другой в процессе общения, переключение языковых кодов, под которым принято понимать попеременное использование билингвом элементов двух или более языков в рамках одного коммуникативного акта [15. С. 282]. Особенно заметно это в тех случаях, если компания общающихся смешанная (русско-латышская). Однако зачастую можно услышать такое кодовое переключение и тогда, когда собеседники являются носителями русского языка. Причины этого, как следует из наших наблюдений, свидетельствуют:

– о коммуникативной стратегии говорящего: говорящий, для того чтобы достичь конкретного результата общения, на короткое время переходит на второй (в нашем случае – латышский) язык;

– сбалансированном двуязычии общающихся: обычно кодовые переключения мы наблюдаем у школьников, хорошо владеющих обоими языками. Исследования И.Е. Дубининой и М.С. Полинской показывают, что чаще всего «переходят с языка на язык» люди, свободно или достаточно свободно владеющие вторым языком [16];

– несбалансированном двуязычии: это наблюдается в речевом поведении русскоязычных младших школьников, которые учатся в латышской школе (общаясь друг с другом вне учебной среды, дети пользуются русским и латышским языками, допуская большое количество отступлений от языковых норм обоих языков).

Приведем фрагменты реальных диалогов русскоязычных собеседников:

– Вау, я себе такую сумку прикупила! Супер!

– Красивая... Ну и *цик макса?* (вместо *сколько стоит*)

Все, о чем говорилось выше, в целом, типично для русскоязычной естественной речевой среды Латвии. Заметим, однако, что развивающий потенциал русской речевой (языковой) среды все же неодинаков в достаточно небольшой Латвии. Он выше в тех районах страны, где исторически компактно проживает многочисленная русская диаспора (например, в Даугавпилсе), значительно ниже там, где исторически русскоязычные жители практически не селились.

Анализ письменных текстов школьников и студентов позволил нам констатировать целый ряд проблем в

речевом поведении ребят. Сразу заметим, что данные проблемы не имеют гендерных различий, они практически одинаково проявляются в речевом поведении мальчиков и девочек.

Во-первых, коммуникативно организуя тексты, 87% учеников всех возрастов используют эксплицитную Я-коммуникацию (высказывания рефлексивного типа, эгоцентрическая направленность текстов), демонстрируют достаточно бедный словарный запас и синтаксический монотон. Предпочтение эксплицитной Я-коммуникации, на наш взгляд, следует объяснить прежде всего тем, что на уроках языка (да и других учебных предметов гуманитарного цикла) основное внимание уделяется ориентации на рефлексии учащихся, созданию текстов эссе, в которых от ученика требуется лишь высказать свое отношение к той или иной проблеме или ситуации (на это указало 92% учителей, участвовавших в исследовании). В результате чего формируется эгоцентрическая направленность речевого поведения ребят, а их тексты оказываются примитивными семантически, синтаксически и по смыслу.

По нашим наблюдениям, для текстов современных школьников и студентов характерна трансдукция (переход в рассуждениях от частного к частному, минуя общее, рассуждение с опорой на множество единичных, случайных конкретных примеров) и соположение (отсутствие связи между суждениями). Особенностью письменных текстов современных девятиклассников, двенадцатиклассников и студентов является и то, что ребята сочинения не пишут, а составляют. Их тексты скорее компиляция, нежели творчество. На эту особенность обращают внимание и российские ученые. И.Ю. Гац в монографии «Лингвистическое образование школьников в современной языковой ситуации» характеризует эту ситуацию следующим образом: «Утрачивается ощущение границы между текстом, созданным самостоятельно, и «чужим» текстом. <...> Присвоение «чужих» текстов становится способом приобщения личности к культуре» [17. С. 37].

Во-вторых, в сочинениях 89% девятиклассников, 76% двенадцатиклассников, 77% студентов-первокурсников практически нет интертекстуальных включений (упоминания фактов и ценностей русской истории и культуры, цитат из русских текстов культуры и под.), поэтому их тексты кажутся «бедными» в смысловом отношении. Например, 89% девятиклассников и двенадцатиклассников в текстах-рассуждениях предпочитают иллюстрировать и аргументировать свою позицию, опираясь только на собственный жизненный опыт или опыт близких им людей. Основная причина этого, на наш взгляд, заключается в том, что принцип соизучения языка и культуры народа в последние двадцать лет по разным причинам оказался нереализованным в латвийском школьном образовании национальных меньшинств [18. С. 428–444]. В том, что именно так происходит в латвийских школах, автор постоянно убеждается, встречаясь с учителями начальной школы и учителями-филологами на курсах повышения квалификации. Для 72% педагогов идея культуросообразного образования, которое как раз и предполагает включение ученика в контекст культуры (неважно – язык, математику, литературу или другой учебный

предмет он изучает в данный момент), кажется отстраненной и даже пугающей. Свою задачу они видят в том, чтобы «донести до ученика языковой материал, научить его более-менее грамотно говорить и писать по-русски», объясняя свою позицию малым количеством уроков русского языка и литературы, сложностью системы билингвального образования и пр. Таким образом, целесообразность и дидактическая необходимость соизучения языка и культуры народа является аксиомой лишь «в кабинетах ученых», в школьной жизни все обстоит иначе.

В-третьих, общим для всех возрастов учеников является то, что ребята не стремятся проявлять эмоции на письме, преобладает рациональное / прагматичное описание проблемы, ситуации (в текстах ребят очень мало прилагательных, средств языковой выразительности). Так, в сочинениях 52% четвероклассников мы констатировали либо отсутствие прилагательных, либо их незначительное количество. В сочинениях 81% девятиклассников и 59% двенадцатиклассников практически отсутствуют тропы и фигуры речи. По мнению Э. Бялысток, одна из причин такого речевого прагматизма заключается в том, что «с точки зрения когнитивных процессов создание текста для билингва является более сложным процессом, чем для монолингва. Это связано с тем, что в процессе письма и говорения когнитивная сфера билингва постоянно держит под контролем две языковые системы, подавляя одну и активируя другую» [19. С. 218]. Однако в нашей ситуации объяснить этот тревожный симптом в текстовом поведении школьников следует еще и тем, что на уроках, которые ведутся на латышском языке, а ученики еще недостаточно им владеют, ребята стараются понять главное – факты, общее содержание (что обычно выражено существительными, глаголами, наречиями). «Прекрасные подробности», выраженные прилагательными, тропами, фигурами, часто остаются за пределами понимания, кажутся ненужными, а затем не появляются и в собственной речи школьников в первом языке.

В-четвертых, в сочинениях четвероклассников и шестиклассников мы констатируем проблему, связанную со структурированием текста. Безусловно, создание собственного текста (особенно – письменного) – непростая для ученика задача. По мнению ученых, структурирование текста – метаязыковой навык, который достаточно сложно развить у школьника вне зависимости от конкретного языка [20. С. 46]. В большинстве случаев, как показывает наш опыт, сочинения ребят представляют собой один развернутый абзац. Тема часто раскрыта не полностью, в тексте достаточно много речевого материала, не несущего смысловой нагрузки.

В-пятых, в текстах учеников наблюдаются отступления от языковых норм на всех уровнях языковой системы [21. С. 17–33]. Наиболее проблемной зоной является нарушение орфографических, пунктуационных и стилистических норм русского языка, в том числе интерференционного характера (вызванные влиянием норм латышского языка). На протяжении последних лет (с 2012 по 2019 г.), как показывают наши исследования, ситуация с грамотностью школьников

стабильно ухудшается: лишь 32% девятиклассников и 30% двенадцатиклассников допускают 4–5 орфографических ошибок в сочинениях. Заметим, что наши школьники демонстрируют достаточно низкий уровень грамотности и в латышском языке, хотя уроков латышского языка в их школьной программе, да и доля участия данного языка при освоении содержания других учебных предметов намного больше, чем русского языка. Тексты 96% школьников и студентов пестрят многочисленными и разнообразными стилистическими ошибками и недочетами. Наблюдается смешение в речи учеников разностилевых слов и словосочетаний, несформированность чувства стиля (наряду с литературными словами в текстах активно присутствуют жаргонные слова и выражения). 69% четвероклассников и шестиклассников строят письменный текст по принципам организации внешней (устной) речи. Из бесед с учениками мы делаем вывод о том, что одна из причин и низкой грамотности школьников, и пренебрежения к стилю изложения мысли кроется в ценностных ориентациях современных ребят. Грамотная, стилистически богатая устная и письменная речь для большинства из них, к сожалению, не является ценностью. Нет ценности – нет мотива. Например, у многих младших школьников отсутствует мотивация к тому, чтобы научиться писать (нередко принимающая форму школьной фобии), а для старшеклассников – качественная письменная речь не включена в круг их предпочтений. В ходе исследования «Development of Parent Involvement Models for Bilingual Pre- and Primary School» (2016–2017 гг.) в начале учебного года (перед изучением азбуки) мы спросили шестилетних детей, хотят ли они научиться писать. 46% ребят ответили на вопрос отрицательно. Большинство из них объяснили свою позицию так: «это трудно», «у меня не получится», «а вдруг я сделаю неправильно, и меня будут ругать». Мнения старшеклассников при ответе на вопрос: «Как Вы относитесь к ошибкам в письменной речи?» распределились следующим образом: 65% ребят считают, что «речевые ошибки – норма (главное – содержание, а не форма!)», 25% – «я их не замечаю», 10% – «ошибки меня раздражают».

Анализ ошибок, допускаемых школьниками, позволил нам сформулировать выводы, которые могут повлиять на дидактическое решение данной проблемы: 1) частотность и характер ошибок напрямую зависят от того, какая модель билингвального образования реализуется в школе, где учится школьник; 2) в основе той или иной речевой ошибки, допущенной учеником, часто лежит комплекс причин: влияние окружающей русской речевой среды, межъязыковая интерференция, небольшой читательский опыт ученика, методические проблемы (несформированность у ученика того или иного языкового понятия, нехватка учебного времени на закрепление освоенных языковых умений на уроках обоих языков и под.). Важно и то, как учителя русского языка и литературы оценивают ситуацию с письменной речью школьников, сотрудничают ли они с коллегами-филологами (прежде всего учителями латышского языка). Наши исследования показывают, что 78% учителей начальных классов и учителей-русистов не выражают желания и готовности сотрудничать с

учителями второго (латышского) языка. На наш взгляд, интеграция дидактических усилий учителей обоих языков необходима прежде всего потому, что освоение языков – процесс уникальный для каждого ученика настолько, насколько уникальны биографии школьников. Совершенно очевидно: если у ученика не ладятся дела в родном языке, то и со вторым языком у него, скорее всего, будут проблемы. Значит, помочь ребенку (развить его языковую способность) должны оба педагога.

Заключение

Исследование позволило выявить основные характеристики речевого портрета русскоязычного школьника Латвии:

1) для устного речевого поведения школьников характерны кодовые переключения (переход с одного языка на другой в процессе общения), свидетельствующие о несбалансированном (у младших школьников) или частично / полностью сбалансированном двуязычии (у подростков и старших школьников и студентов), а также о желании реализовать себя как члена билингвального социума;

2) в письменном речевом поведении большинства школьников всех возрастов и независимо от гендерной принадлежности:

– преобладает эксплицитная Я-коммуникация, практически отсутствует выражение понимания другой точки зрения, восприятия другого человека, понимания перспективы другого («perspective taking»);

– отсутствует или минимально представлена культурологическая информация, связанная с фактами,

ценностями и текстами русской культуры, что свидетельствует о незнании школьниками русской истории и культуры (информация об истории, географии и культуре России лишь фрагментарно включена в содержание латвийского школьного образования) и существенно обедняет этнокультурный речевой портрет пишущего;

– практически отсутствуют средства языковой выразительности (тропы, фигуры речи, у четвероклассников – прилагательные, в том числе в текстах-описаниях), наблюдается прагматическая направленность текстов (стремление к стенограмме изложения, отсутствие эмоциональной окрашенности текстов), что рассматривается нами как тревожный симптом, свидетельствующий о проблемах в развитии эмоциональной стороны речевой личности;

– имеет место большое количество отступлений от языковых норм (орфографических, пунктуационных, стилистических), которые часто порождают коммуникативно-релевантные ошибки, не позволяют полностью раскрыть коммуникативный замысел пишущего и свидетельствуют о проблемах в развитии языковой компетенции школьников.

Факты и рассуждения, приведенные выше, безусловно, свидетельствуют о том, что процесс становления языковой личности школьника диаспоры в русском (родном, первом) языке протекает недостаточно успешно. Принимая во внимание особенности латвийской реформы школьного образования, предпринятой в 2018 г., которая предусматривает существенное сужение пространства русского языка и культуры в школьном обучении, мы, к сожалению, можем прогнозировать еще более серьезные (негативные) изменения в речевом портрете русскоязычного школьника Латвии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Competency based curriculum: Skola2030. Riga : IZM, 2018. URL: <https://www.skola2030.lv/lv> (дата обращения: 10.03.2020).
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 263 с.
3. Астахова О.И. Речевой портрет политика как динамический феномен: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 245 с.
4. Мамаева С.В. Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание / под ред. А.П. Сквородникова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск : Сиб. фед. ун-т, 2014. С. 542.
5. Тарасенко Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара) : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 280 с. URL: <http://www.disserscat.com/content/yazykovaya-lichnost-starsheklassnika-v-aspekte-ee-rechevykh-realizatsii-na-materiale-dannykh> (дата обращения: 09.02.2020).
6. Протасова Е.Ю. Как связаны многоязычие и среда // Многоязычие и среда / под ред. Е. Протасовой. Berlin : Retorika, 2017. С. 4–7.
7. Красных В.В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) // Язык, сознание, коммуникация / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М. : Филология, 1997. Вып. 1. С. 128–144.
8. Млечко Т.П. Индивидуальное когнитивное пространство русской языковой личности в новом зарубежье // Русский язык за рубежом. 2012. № 1. С. 58–64.
9. Млечко Т. Русская языковая личность в социокультурном измерении новой диаспоры // Слово.ру: Балтийский акцент. 2012. № 2. С. 30–35.
10. Бурвикова Е.В. Русский язык в Новой Англии: опыт преподавания РКИ в университетах // Русский язык за рубежом. 2012. № 1. С. 116–120.
11. Джалалова А., Зорина Н., Костюкевич И., Протасова Е., Бурса А., Виимаранта Х., Гаврилина М., Григуле Л. Семейная языковая политика и двуязычное образование // Многоязычие и среда / под ред. Е. Протасовой. Berlin : Retorika, 2017. С. 8–45.
12. Ярошенко О.А. Штрихи к речевому портрету русского интеллигента // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия: Филология. 2010. № 3 (11). С. 68–77.
13. Авина Н. Язык русской диаспоры: культурно-речевые проблемы (на материале Литвы) // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. М. : Языки славянской культуры, 2007. С. 9–19.
14. Земская Е.А. Речевой портрет эмигрантки первой волны (к вопросу об объяснительной силе теории естественной морфологии) // Русский язык сегодня / отв. ред. Л.П. Крысин. М. : Азбуковник, 2000. С. 100–121.
15. Hansen M.-B. The syntactic and semiotic status of direct quote, with reference to French // Transactions of the Philological Society. 2000. Vol. 98 (2). P. 281–322.
16. Dubinina I., Polinsky M. Russian in the US // Slavic Languages in Migration (Slavische Sprachgeschichte vol. 6), ed. Michael Moser and Maria Polinsky. Wien : Lit Verlag, 2011. URL: http://scholar.harvard.edu/mpolinsky/files/moser_english_final_edited_version.pdf (дата обращения: 12.02.2020).
17. Гац И.Ю. Лингвистическое образование школьников в современной языковой ситуации: моногр. М. : Изд-во МГОУ, 2012. 202 с.
18. Гаврилина М.А. Изучение русского (родного, первого) языка в школах Латвии. Rīga : Mācību grāmata, 2018. 192 с.

19. Bialystok E. Cognitive Effects of Bilingualism: How Linguistic Experience Leads to Cognitive Change // International journal of Bilingual education and bilingualism. 2007. Vol. 10, № 3. P. 210–223.
20. Schoonen R., van Gelderen A., Stoel R.D., Hulstijn J., de Gloppe C. Modeling the Development of L1 and EFL Writing Proficiency of Secondary School Students // Language Learning. 2011. Vol. 61, № 1 (03). P. 31–79.
21. Gavrilina M.A. Speech behaviour of Latvian Russian-speaking schoolchildren in argumentative texts // Russian language studies. № 17 (4). Moscow : RUDN, 2019. P. 428–444. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-4-428-444

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 3 ноября 2020 г.

The Speech Portrait of Russian-Speaking Schoolchildren in Latvia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 173–180.

DOI: 10.17223/15617793/462/21

Margarita A. Gavrilina, University of Latvia (Riga, Latvia). E-mail: margarita.gavrilina@lu.lv

Keywords: speech portrait of schoolchildren; bilingual education; Russian-speaking schoolchild in diaspora; verbal environment; speech mistake.

The article presents an attempt of analyzing and summarizing the experience the author acquired over a number of years and which is connected with the problems of the Russian (L1, native) language acquisition by schoolchildren in Latvia. The author aims to describe the speech portrait of Russian-speaking schoolchildren in Latvia. The material presented in the article is based on the results of the author's long-term research. It includes: 1) Russian language textbooks (grades 4–9) development, testing and monitoring, 2007–2019; 2) project work which has been and still is focused on the analysis of Russian speech quality among university students and schoolchildren, 2008–2019; 3) research into the quality of writing skills of university students in Latvia (University of Latvia and RISEBA), 2013–2019; 4) the author's scholarly and methodological dialogue with the teachers of Russian in Latvia for more than twenty years. The author mainly focuses on several problems. Firstly, it is the analysis of the oral speech of schoolchildren and of the Russian verbal environment whose developing potential is not high enough for the successful development of a child's language personality. The natural Russian verbal environment (media language, everyday speech) often offers low-quality material. Secondly, the author carries out a special study of the quality of schoolchildren's writing skills as, according to scholars, it is written language, due to its specificity, that most vividly indicates the development of a language personality. Taking into account the results of the research, the author points out that there are many serious problems in the verbal behavior of most Russian-speaking schoolchildren. One of them is departures from linguistic norms at all linguistic system levels. The nature of these departures depends directly on the model of bilingual education that is implemented at schools children attend. The author pays attention to the problem areas of the schoolchildren's written language: 1) breaking of the spelling and punctuation rules of Russian; 2) confusion in speech of words and collocations belonging to different styles, lack of sense of style; 3) quality of written texts created by schoolchildren: problems with text structure; schoolchildren more often use explicit "I-communication" (reflective statements, texts with egocentric perspective), have a rather limited vocabulary; schoolchildren's essays contain very few intertextual inclusions, as a result, their texts seem very poor semantically; schoolchildren have no desire to express emotions in their writing (rational/pragmatic description of a problem, situation prevails). The author concludes that the development of a diaspora schoolchild's language personality in L1 (the Russian language) is not successful enough.

REFERENCES

1. Skola2030. (2018) *Competency based curriculum: Skola2030*. Riga: IZM. [Online] Available from: <https://www.skola2030.lv/lv> (Accessed: 10.03.2020).
2. Karaulov, Yu.N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Nauka.
3. Astashova, O.I. (2013) *Rechevoy portret politika kak dinamicheskij fenomen* [The speech portrait of a politician as a dynamic phenomenon]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
4. Mamaeva, S.V. (2014) *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii)*. *Slovar'-spravochnik. Elektronnoe izdanie* [Effective verbal communication (basic competencies). Reference dictionary. Electronic edition]. 2nd ed. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
5. Tarasenko, T.P. (2007) *Yazykovaya lichnost' starsheklassnika v aspekte ee rechevykh realizatsiy (na materiale dannykh assotsiativnogo eksperimenta i sotsiolektakh shkol'nikov Krasnodara)* [Language personality of a high school student in the aspect of its speech realizations (based on the data of the associative experiment and sociolect of Krasnodar schoolchildren)]. Philology Cand. Diss. Krasnodar. [Online] Available from: <http://www.dissercat.com/content/yazykovaya-lichnost-starsheklassnika-v-aspekte-ee-rechevykh-realizatsii-na-materiale-dannykh> (Accessed: 09.02.2020).
6. Protasova, E.Yu. (2017) *Kak svyazany mnogoyazychie i sreda* [How multilingualism and the environment are connected]. In: Protasova, E. (ed.) *Mnogoyazychie i sreda* [Multilingualism and the environment]. Berlin: Retorika. pp. 4–7.
7. Krasnykh, V.V. (1997) *Kognitivnaya baza vs kul'turnoe prostranstvo v aspekte izucheniya yazykovoy lichnosti (k voprosu o russkoy kontseptosfere)* [Cognitive base vs cultural space in the aspect of studying the language personality (to the question of the Russian conceptual framework)]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Vol. 1. Moscow: Filologiya. pp. 128–144.
8. Mlechko, T.P. (2012) Individual cognitive space of the Russian-speaking personality in the new identity abroad. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*. 1. pp. 58–64. (In Russian).
9. Mlechko, T.P. (2012) *Russkaya yazykovaya lichnost' v sotsiokul'turnom izmerenii novoy diaspory* [Russian language personality in the sociocultural dimension of the new diaspora]. *Slovo.ru: Baltiyskiy aktsent*. 2. pp. 30–35.
10. Burvikova, E.V. (2012) Russian Language in New England: Teaching Russian as a foreign language in universities in the United States. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*. 1. pp. 116–120. (In Russian).
11. Dzhahalova, A. et al. (2017) *Semeynaya yazykovaya politika i dvuyazychnoe obrazovanie* [Family language policy and bilingual education]. In: Protasova, E. (ed.) *Mnogoyazychie i sreda* [Multilingualism and the environment]. Berlin: Retorika. pp. 8–45.
12. Yaroshenko, O.A. (2010) Speech and language features of the Russian intellectual. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Filologiya*. 3 (11). pp. 68–77. (In Russian).
13. Avina, N. (2007) *Yazyk russkoy diaspory: kul'turno-rechevye problemy (na materiale Litvy)* [The language of the Russian diaspora: Cultural and speech problems (based on the material of Lithuania)]. In: Zemskaya, E.A. & Kalenchuk, M.L. (eds) *Yazyk v dvizhenii: k 70-letiyu L.P. Krysin* [Language in motion: To the 70th anniversary of L.P. Krysin]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 9–19.

14. Zemskaia, E.A. (2000) Rechevoy portret emigrantki pervoy volny (k voprosu ob ob"yasnitel'noy sile teorii estestvennoy morfologii) [Speech portrait of an emigrant of the first wave (on the explanatory power of the theory of natural morphology)]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Russkiy yazyk segodnya* [Russian language today]. Moscow: Azbukovnik. pp. 100–121.
15. Hansen, M.-B. (2000) The syntactic and semiotic status of direct quote, with reference to French. *Transactions of the Philological Society*. 98 (2). pp. 281–322.
16. Dubinina, I. & Polinsky, M. (2011) Russian in the US. In: Moser, M. & Polinsky, M. (eds) *Slavic Languages in Migration* (Slavische Sprachgeschichte vol. 6). [Online] Available from: http://scholar.harvard.edu/mpolinsky/files/moser_english_final_edited_version.pdf (Accessed: 12.02.2020).
17. Gats, I.Yu. (2012) *Lingvisticheskoe obrazovanie shkol'nikov v sovremennoy yazykovoy situatsii* [Linguistic education of schoolchildren in the modern language situation]. Moscow: Moscow Region State University.
18. Gavrilina, M.A. (2018) *Izuchenie russkogo (rodnogo, pervogo) yazyka v shkolakh Latvii* [Studying Russian (native, first) language in schools in Latvia]. Riga: Mācību grāmata.
19. Bialystok, E. (2007) Cognitive Effects of Bilingualism: How Linguistic Experience Leads to Cognitive Change. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 10 (3). pp. 210–223.
20. Schoonen, R., van Gelderen, A., Stoel, R.D., Hulstijn, J. & de Glopper, C. (2011) Modeling the Development of L1 and EFL Writing Proficiency of Secondary School Students. *Language Learning*. 61:1 (03). pp. 31–79.
21. Gavrilina, M.A. (2019) Speech behaviour of Latvian Russian-speaking schoolchildren in argumentative texts. *Russian Language Studies*. 17 (4). pp. 428–444. (In Russian). DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-4-428-444

Received: 03 November 2020

Г.Я. Гревцева, И.О. Котлярова, Г.Н. Сериков, А.В. Фахрутдинова, М.В. Циulina

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Раскрыта актуальность проблемы подготовки студентов к профессиональной инновационной деятельности, определены методологические подходы, раскрыты их функции, реализующиеся через систему определенных принципов. Выделены ключевые понятия проблемы. Охарактеризованы ценности инновационной деятельности; раскрыта сущность профессиональной инновационной деятельности. Представлены методы, средства, способствующие развитию творческого потенциала студентов. Указана необходимость педагогического содействия.

Ключевые слова: инновация; инновационный подход; энергоресурсный подход; интегративный подход; профессиональная инновационная деятельность.

Сегодня задача системы высшего образования – удовлетворять возросшие образовательные потребности общества XXI в. Среди глобальных общегосударственных проблем – подготовка нового поколения специалистов, конкурентоспособных, мобильных, готовых к инновационной деятельности, владеющих современными социальными, управленческими, экономическими, производственными технологиями.

В рамках направления «Инновационное развитие и модернизация экономики» «будут реализованы мероприятия, которые не только позволят российской экономике оставаться мировым лидером в энергетическом секторе, добыче и переработке сырья, но и создадут конкурентоспособную экономику знаний и высоких технологий» [1]. В подпрограмме «Экономическое развитие и инновационная экономика» планируется значительный рост «доли организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций и количества малых инновационных компаний» [2], что требует подготовки кадров и, в частности, и руководителей, способных осуществлять инновационную деятельность, на что также обращается внимание в государственных программах инновационного развития России.

Инновационная деятельность осуществляется специалистами в разных сферах человеческой профессиональной жизнедеятельности. Й. Шумпетер называет пять типичных проявлений инновационной деятельности: использование новой техники, новых технологических процессов или нового рыночного обеспечения производства (купля-продажа); внедрение продукции с новыми свойствами; использование нового сырья; изменения в организации производства и его материально-технического обеспечения; появление новых рынков сбыта [3].

В результате разработки новых идей учеными, мыслителями, деятелями искусства, вследствие заимствования культурных достижений других человеческих сообществ возникают инновации в культуре и образовании. В течение последних десятилетий художественная культура претерпевает фундаментальные изменения в связи с развитием компьютерных и цифровых технологий. Возникли цифровые искусства, осуществляется оцифровка произведений мирового культурного наследия.

Инновационные процессы в образовании стали сегодня неотъемлемой частью общественного развития как главного требования времени. Оно обращено к профессионалам системы образования, в частности к преподавателям вузов. Подготовка к проектно-конструкторскому и научно-исследовательскому аспектам инновационной деятельности будущих специалистов, бакалавров, магистров является требованием федеральных государственных образовательных стандартов. В то же время не все аспекты инновационной деятельности при этом учитываются.

Инновационная деятельность охватывает четыре основных вида: созидание, освоение, апробация, внедрение новаций [4, 5], при этом субъекты могут выполнять не обязательно все виды инновационной деятельности, а специализироваться лишь на отдельных из них. Однако это не означает, что студентов не следует готовить ко всем четырем видам инновационной деятельности.

Созидание требует развития креативности, самостоятельности, готовности к самореализации. Созидание есть главный процесс создания нового, оригинального, не бывшего ранее продукта. Освоение может быть связано с анализом продуктов (новаций), созданных другими субъектами. Освоение есть сложный процесс сближения признаков созданной новации и условий организации (предприятия), в котором созданное новшество будет использовано. Апробация обусловила требования к верификации полученного продукта и позволяет нивелировать погрешности теоретического обоснования инновационного продукта путем временного включения его в условия, в которых ему предстоит функционировать. После апробации и корректировки осуществляется внедрение новации.

Б.С. Гершунский, В.А. Кан-Калик, Н.В. Кузьмина, Н.Д. Никандров, В.А. Сластенин и др. внесли значительный вклад в разработку проблемы подготовки студентов к инновационной деятельности. Ученые определили общие и специфические особенности творческой инновационной педагогической деятельности.

Методологические основы педагогической инноватики изучали В.И. Загвязинский, Н.Р. Юсуфбекова, Ю.К. Бабанский, В.Н. Иванов, М.Н. Скаткин и др. Вопросы организации инновационной деятельности, возможности использования ее форм исследовали В.И. Андреев, В.С. Дудченко, В.Ю. Питюков,

А.С. Прутченков, Е.В. Титова, Н.Е. Щуркова и др. Для нас представляют интерес труды А.А. Вербицкого, Б.С. Гершунского, М.М. Поташника, В.Г. Рындак, Н.М. Яковлевой и других исследователей, посвященные творчеству, подготовке к творческой деятельности.

Принципиальное значение имеют исследования ученых (В.В. Байлук [6], А.Ф. Балакирев [7], Н.В. Костюк [8], Ю.Г. Максимов [9], С.А. Попенко [10], Н.И. Раитина [11], Л.А. Саенко [12], В.А. Сластенин [13], и др.), которые свидетельствуют о том, что вышеуказанная проблема подготовки студентов к инновационной деятельности актуализировалась в условиях развития современного образования.

В работах выявляются социально-педагогические и психолого-педагогические факторы подготовки студентов к инновационной деятельности в школе (Ю.Г. Максимов [9]); изучаются затруднения учителей в инновационной деятельности (А.Ф. Балакирев [7]); указывается на необходимость формирования инновационной культуры учителей начальных классов (С.Г. Григорьева [14]). Представляет интерес работа Н.И. Раитиной [11], посвященная подготовке учителя к инновационной деятельности в условиях повышения квалификации. Заслуживает внимания концепция формирования готовности выпускников учреждений профессионального образования к инновационной деятельности, разработанная Н.В. Костюк [8]. Управлению инновационной деятельностью в средних профессиональных учебных заведениях посвящено исследование С.А. Попенко [10]. Однако следует отметить, что в последнее десятилетие недостаточно работ, посвященных формированию готовности к инновационной деятельности студентов технических вузов и вузов культуры.

Нами использовались следующие методы исследования: анализ, опрос (анкетирование, интервьюирование, беседа), диагностические (тестирование, ранжирование, обобщение независимых характеристик), наблюдательные (прямое, косвенное наблюдение), праксиметрические (анализ продуктов деятельности), изучение педагогического опыта.

Терминологическое поле исследования содержит следующие понятия:

– инновация «как новшество, прогрессивный результат творческой деятельности, который приводит к изменениям в жизнедеятельности человека, общества, природы» [15. С. 21];

– «профессионально-педагогическое творчество – это такой объективно обусловленный процесс интеллектуально-энергетической, эмоционально-волевой и практической деятельности педагога, который характеризуется направленностью, нацеленностью, организованностью, способностью на поиск нового, нестандартного, оригинального, рационального, оптимального решения педагогических задач и практической реализации в образовательном процессе» [16. С. 39];

– инновационная деятельность – «деятельность, представляющая собой комплекс научных, технических и организационных действий, направленных на создание, использование новшеств путем введения их в образовательный процесс» [17. С. 199];

– профессиональная инновационная деятельность – целенаправленная, осознанная, созидательная человеческая деятельность в интересах человека и общества, которая выступает как явление социальное, процесс формирования культуры межличностных и межсоциальных отношений, является средством трансляции, передачи, обмена культурными ценностями в системе отношений;

– готовность к инновационной деятельности – это интегративное профессионально значимое качество личности, представленное единством взаимосвязанных компонентов: когнитивный (представления и знания, необходимые для инновационной деятельности, осознание необходимости внедрения инноваций), ценностно-мотивационного (ответственное отношение к профессиональной инновационной деятельности, ценностям профессии, осознание значимости приобретаемых компетенций), эмоциональный (творческая мотивация, эмоциональная гибкость, оригинальность, уверенность в успехе, мобильность), деятельно-практического (организаторские, коммуникативные и другие умения и навыки реализовывать новшества), обеспечивающих созидательную, осознанную, творческую деятельность.

Готовность к инновации, которая является результатом подготовки к профессиональной инновационной деятельности, является, на наш взгляд, одним из срезов многоаспектной квалификации специалиста и, следовательно, включает его компетентность, инициативность, нравственность и процессуальную состоятельность [18]. Компетентность охватывает теоретические знания и опыт инновационной деятельности в своей профессиональной сфере; инициативность в сочетании с креативностью является движущей силой выдвижения специалистом новых идей. Профессиональная нравственность заставляет его критически и взвешенно относиться к результатам своей инновационной деятельности, просчитывать риски и осуществлять деятельность по их снижению. Процессуальная состоятельность специалиста предусматривает владение им всеми необходимыми компетенциями, лежащими в основе созидания, освоение, апробации и внедрения новаций.

Готовность к профессиональной инновационной деятельности не может ограничиваться характеристиками опытности, мастерства и профессионализма. Готовность включает основные компоненты: мотивационно-ориентационный, операциональный, когнитивный и рефлексивный.

Мотивационно-ориентационный компонент готовности к инновационной деятельности – совокупность устойчивых мотивов, которая является движущей силой смыслотворческой деятельности, интерес как форма проявления значений и смыслов, потребностей и целей, осознанное формирование образа своего профессионального будущего, позитивное отношение к будущей профессии, стремление внедрять новое; профессиональные психолого-педагогические качества (активность, гуманизм, ответственность, мобильность, коммуникабельность, оптимистичность, энтузиазм, самостоятельность, толерантность, трудолюбие, тактичность, доброжелательность, наблюдательность, организаторские способности и т.д.).

Операциональный компонент готовности к инновационной деятельности – личностная саморегуляция в процессе инновационной деятельности. Основным предметом личностной саморегуляции являются действия, направленные на преобразования отношений человека к различным видам деятельности, к другим людям, самому себе. Особое значение для определения личностной саморегуляции имеют самооценка, самоконтроль, настойчивость и самообладание.

Когнитивный компонент готовности к инновационной деятельности – совокупность знаний и умений, которые обучающиеся получили в образовательном процессе; наличие аналитических, прогностических, проективных умений.

Методологические знания об основных тенденциях развития современной науки российского образования, об инновационном образовательном процессе, инновационной деятельности, источниках инноваций, о факторах, препятствующих внедрению инноваций в образовательный процесс, о типических чертах инновационной личности, особенностях социокультурной среды и т.д.

Теоретические знания о целях, содержании, инновационных технологиях, методах, формах инновационной деятельности.

Методико-технологические, включающие знания о методиках реализации требований образовательного процесса с учетом принципов гармонизации педагогических парадигм (плюрализм мнений, преодоление односторонности, взаимного дополнения, нахождения полей пересечения, иерархичности парадигм).

Аналитические умения предполагают теоретический анализ педагогических факторов и явлений, анализ, систематизацию информации, установление внутренних связей процесса, формулирование доказательства.

Прогностические умения способствуют ориентации субъекта инновационной деятельности на конечный результат. Умения прогнозировать позволяют грамотно спроектировать план инновационной деятельности, прогностические мероприятия могут повлиять способы решения возникших проблем и на эффективность инновационной деятельности.

Проективные умения включают: определение стратегических и тактических задач, планирование, отбор видов, содержания деятельности, форм, методов, средств инновационного процесса, приемов стимулирования активности, учет интересов и потребностей, опыта, личностных качеств, особенностей социально-культурной среды (его структурных компонентов: нормативно-ценностного, предметно-пространственного, информационно-событийного, деятельностного). В социально-культурной среде происходит социализация и инкультурация личности, она способствует формированию определенных норм и ценностей инновационной деятельности.

Рефлексивный компонент – самооценка личностных качеств, их соответствие требованиям, которые предъявляются к личности, а также умения постоянно оценивать и анализировать восприятие себя другими людьми. Это подчеркивают в своих исследованиях М.В. Демиденко, М.И. Дьяченко, Е.А. Климов,

А.В. Крутецкий и другие ученые. Рефлексия необходима при решении проблемных ситуаций, конфликтов, при конструировании своих действий. Следует отметить, что рефлексия содействует развитию способности критически оценивать свои поступки и адекватно оценивать других, находить верные решения в ситуации неопределенности.

Готовность к профессиональной инновационной деятельности не возникает стихийно, требует целенаправленных действий по подготовке будущих специалистов к профессиональной инновационной деятельности. Среди задач высшей школы – повышение творческого потенциала и интеллектуального развития будущих специалистов, воспитание созидательной гражданственности и профессионального патриотизма. Новые условия деятельности образовательных учреждений внесли изменения в содержание и организацию учебно-воспитательного процесса. Профессионально-деятельностный подход позволит смоделировать будущую самостоятельную деятельность студента, а профессионально-личностный подход обеспечит формирование личности специалиста как профессионала [19].

Выбор методологических подходов подготовки специалистов к инновационной деятельности в третьем десятилетии XXI в. обусловлен следующими факторами:

- скоростью развития новых технологий, не позволяющей до конца оценить ее возможности и риски использования до появления следующей, более современной технологии;
- многозначностью факторов влияния на результаты развития экономики, науки и культуры, требующей выявления наиболее значимых зависимых и независимых параметров (переменных) и абстрагирования от менее существенных;
- тенденцией перехода к человекоориентированному мировоззрению, управлению ресурсами, выдвижения человека и его интересов на первый план по сравнению с коммерческими интересами;
- явлениями глобализации и, следовательно, интеграционными процессами, происходящими в самых различных сферах человеческой жизнедеятельности.

Названные факторы обуславливают внимание авторов к инновационному, энергоресурсному и интегративному подходам к исследованию проблем подготовки студентов к инновационной профессиональной деятельности. Возможность взаимодополнения данных подходов друг другом определяется внутренними связями между ними.

Инновационный подход выступает как ценность, социокультурный процесс, отражающий социально-культурные потребности современного общества. Инновации имеют длительную историю. Г. Песталоцци считал, что педагогическая деятельность носит инновационный характер. Инновационную деятельность осуществляли А. Дистерверг, К.Д. Ушинский, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, С.Т. Шацкий, В.С. Библер, В.В. Давыдов, А.Н. Тубельский, В.А. Караковский и другие. Они обогатили педагогическую практику новыми идеями, новым содержанием и новыми технологиями.

Специфика деятельности педагога-новатора состоит в том, что его действия ощутимо влияют на окружающих. Задумывая образовательную инновацию, педагог должен предвидеть возможные негативные последствия для физического и психического здоровья, интеллектуального развития личности, руководствуясь гуманистическими принципами.

Реализация инновационного подхода в управлении педагогическим процессом опирается на инновационный потенциал образовательного учреждения, активность коллектива, инновационную восприимчивость в целях удовлетворения образовательных потребностей социума. Болонский процесс, положенный в основу перестройки профессиональной подготовки будущих специалистов, выступил как инновационный процесс.

Успешность взаимодействия субъектов образовательного процесса в вузе и качество подготовки студентов к профессиональной инновационной деятельности зависят от стратегии развития вуза, условий для развития инновационной работы коллектива, межкультурной коммуникации, выбора эффективных средств и методов стимулирования, научно-методического сопровождения, личностных качеств, материально-технической базы и т.д.

Объективным условием инновационной деятельности, характеристикой инновационного процесса является творчество. Результатом творческой деятельности является новшество. Такое понимание отражает прогресс, развитие, творческий характер деятельности и позитивный результат.

Инновационный подход выполняет гуманистическую функцию (использование личностно ориентированных технологий, личностно-личностный стиль общения), развивающую (реализация творческого потенциала), инновационно-созидательную (производство новых ценностей), коммуникативную (диалог культур), рефлексивную (самообразование, самокоррекция поведения и отношений) функции.

Энергоресурсный подход позволяет трактовать готовность будущего специалиста к инновационной деятельности как один из его личных энергоресурсов. При этом энергоресурс – это вид ресурса человека в достижении цели в том или ином виде деятельности, который ограничен лишь внутренними, потенциальными и актуализировавшимися возможностями его организма, мышления, психики [20].

Энергоресурсный подход позволяет выявить и отобразить как целостность социальную компетенцию человека и его компетенцию в самореализации. «Социальная компетенция человека предполагает исполнение им набора полномочий, направленных на совершение действий, способствующих воплощению в действительность намерений государства, общества или иной корпорации» [20. С. 12]. «Компетенция в самореализации человека выражается в его свободе действий, совершаемых по собственной инициативе, не во вред своему окружению. Ее конкретное содержание определяется самим человеком и является обязательным только для него самого» [20. С. 13]. Согласно энергоресурсному подходу, латентный энергоресурс человека (врожденный энергопотенциал) в результате

реализации человека отношений с кем-то (чем-то) преобразует с его личный энергоресурс и обуславливает его целесообразное поведение и деятельность.

Считаем целесообразным дополнить вышеуказанные подходы *интегративным*. Это объясняется следующим: рассматривая подготовку студентов к профессиональной инновационной деятельности как систему, считаем одной из сторон процесса ее развития интеграцию, которая «обеспечивает совместимость научных знаний из разных систем благодаря общей методологии, универсальным логическим приемам современного системного мышления» [21. С. 46]. В.М. Лопаткина считает, что данный подход – это средство, обеспечивающее «целостность картины мира; способствует развитию способностей человека к системному мышлению при решении теоретических и практических задач» [17. С. 162].

Основными *принципами* интегративного подхода при изучении педагогических дисциплин являются: принцип субъектности, культуросообразности, креативности, ориентации на гражданско-патриотические ценности и ценностные отношения, синергии, самообразования, диалога культур, вариативности в выборе средств взаимодействия субъектов учебно-воспитательного процесса, диалогизации, обратной связи, а компонентами – организационно-методический, деятельностно-практический и ресурсно-содержательный [22].

Интеграция образования и науки – это «эволюционирующая процессуально-результатная целостность внутренних и внешних связей и отношений образования и науки, основанная на их взаимном стремлении к устранению своей обособленности, характеризующаяся универсальностью, многообразием возникновения новых адаптивных связей, преобразованием связей из внешних во внутренние, системностью соотношения целого и составляющих его частей, непрерывным усложнением структуры и необратимым ее переходом на качественно иной образовательно-научный уровень» [23. С. 32].

В аспекте рассматриваемой проблемы рассмотрим формы и методы, содействующие развитию творческих способностей. Например, педагогическая мастерская, посвященная информационно-коммуникационной культуре, познавательной активности, творческой созидательной деятельности студентов, является моделированием жизненной ситуации, когда участники высказывают различные, иногда прямо противоположные точки зрения; патриотическому воспитанию (история и педагогика, психология); духовно-нравственному воспитанию (культурология и педагогика); этическому образованию как основе социокультурного развития личности (философия, культурология, педагогика) и т.д.

Например, круглые столы «Что есть гражданственность?», «Как нам разговаривать с молодежью о патриотизме», «Педагогика будущего», «Права человека и национальная безопасность»; дискуссии «Социальное партнерство в воспитании молодежи», «Социальная ответственность и моя профессия», «Возможности олимпиад в развитии дивергентного мышления» и т.д. Таким образом, происходит взаимообогащение и

проникновение нескольких предметов, сопровождающееся комплексностью и системностью.

Содержание учебных дисциплин предоставляет широкие возможности для формирования ценностных отношений, которые проявляются в предметно-практической и духовной деятельности (отношение к труду и его результатам, отношение к своим гражданским обязанностям и т.д.). В отношениях проявляются ценности, которые составляют сущностную характеристику личности человека.

Особенностью образования личности является его отношение к себе, окружающим, труду, своим достижениям. Ценности образования выступают в трех аспектах: как процесс формирования сознания, отношений, поведения.

Ценности профессиональной деятельности – это ценности успешной профессиональной самореализации человека. Как справедливо утверждает В.В. Байлук, «в профессиональной деятельности, кроме производства того продукта, для которого она предназначена, также производятся различные знания, нравственные и эстетические ценности, здоровье, воспитывается и перевоспитывается субъект труда, формируется культура самоуправления, накапливается профессиональный опыт, возрастает уровень профессионализма» [6. С. 26–27]. Причастность к общему делу влияет на познавательную активность.

В связи с этим возникает вопрос: «Какие качества необходимы для творчества, инновационной деятельности?». Исследователи (А.К. Маркова, Н.Ю. Посталюк, В.С. Шубинский и др.) в ряду качеств творческой личности называют более пятидесяти (критичность мышления, самостоятельность суждений, готовность памяти, смелость, оптимизм, упорство, оригинальность, чувство новизны и т.д.).

Мы провели опрос среди студентов 1-го курса культурологического, консерваторского, хореографического факультетов Челябинского государственного института культуры и выяснили, что в числе трех приоритетных качеств – профессиональный патриотизм, профессиональное здоровье (работоспособность), креативность.

Чувство гордости, любви к выбранной профессии есть *профессиональный патриотизм*. «Чтобы студенты были увлечены своей будущей специальностью, преподавателям необходимо постоянно совершенствовать свои знания, чаще проходить стажировки на предприятиях реального сектора экономики. Использовать в своей работе новые педагогические технологии, которые могут быть освоены при условии постоянного совершенствования» [12].

Способствуют формированию любви к выбранной специальности, по мнению студентов, участие:

1) в выставках, фестивалях, отчетных концертах творческих встречах, благотворительных концертах, конкурсах профессионального мастерства; заседаниях исторического, философского, дискуссионного клубов;

2) научно-практических конференциях «Культурные инициативы», «Современное образование: методология, теория и практика», «Университет XXI века в системе непрерывного образования»

3) форумах «Культура – Искусство – Образование: новые идеи в теории и практике», «Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века»; презентациях научных изданий, творческих показах, акциях;

4) мастер-классах: «Мастерство и новаторство», «Молодежь и инновационные технологии»;

5) круглых столах: «Что происходит в культуре? Молодежь о культуре XXI века», «Культурные инициативы на основе информационных технологий в профессиональной деятельности», «Образование и кадры», «Инновационные практики», «Цифровая культура: плюсы и минусы», «Особенности социально-культурного развития личности как феномен ее социализации»; «Какова модель социокультурного лидерства?»;

6) аудиторных обсуждениях: «Приоритетные направления инновационной деятельности», «Инновационная деятельность в образовании», «Развитие инновационной среды в вузе», «Педагоги-новаторы», «Проблемы воспитания и социализации личности в контексте педагогической антропологии»;

7) педагогических мастерских: «Интегративно-деятельностный подход к гражданско-патриотическому воспитанию студентов», «Психолого-педагогическая олимпиада как условие развития креативности у студентов», «Современные образовательные технологии: теория и практика», «Значение здоровьесберегающих технологий в процессе профессиональной подготовки студентов», «Ценности инновационной деятельности» и т.д.

Использование интерактивных методов содействует развитию аналитических, прогностических, проективных, рефлексивных умений, дает информацию для размышления, осмысления происходящих событий, явлений, «призывает» к поиску новых способов решения возникающих проблем. Все эти методы раскрывают творческий характер деятельности педагогов и студентов. Из сказанного выше вытекает важный вывод: задача педагогов – обучая и воспитывая студентов, нацеливать их на активную самообразовательную деятельность.

Фундаментальной ценностью человеческой жизнедеятельности, основой социального благополучия является *здоровье*. Чтобы успешно адаптироваться в конкретных условиях образовательного пространства, будущий специалист должен уметь обеспечить здоровый образ жизни. Основными факторами, определяющими культуру здоровья, являются традиции и обычаи, уклад жизни, отношение к своему здоровью. Позитивная профессиональная самореализация неразрывно связана со здоровьем. Инновационная, культуросообразная деятельность неотделима от здоровьесозидания. Каждому студенту важно осознать то, что овладение системой профессиональных знаний – это не только путь к профессиональной инновационной деятельности, к успеху, но и путь к своему здоровью.

Для развития профессиональной мотивации наибольшую значимость имеет характер усвоенных трудовых ценностей. Среди ценностей у студентов особое значение имеет креативность «как способность к творчеству, принятию и созданию нового, нестандартному мышлению, генерированию большого числа

оригинальных и полезных идей. Креативность личности определяет ее готовность изменяться, отказываться от стереотипов, помогает находить оригинальные решения сложных проблем в ситуации неопределенности; это внутренний ресурс человека, который поможет ему успешно самоопределиваться в обществе» [24. С. 44]. Креативность является творческой способностью. Если творчество выступает как процесс и результат, то креативность – как мотивационно-потребностная основа творчества. Осознание системы ценностей, смыслов профессиональной позиции делает деятельность человека творческой.

Деятельность выступает как способ существования человека, как средство и фактор его образования и развития. Поэтому не случайно существует аксиоматическое утверждение, что «образование и развитие личности происходят только в деятельности», «деятельность – движущая сила развития» и т.д. Профессиональная инновационная деятельность – целенаправленная, осознанная, созидательная человеческая деятельность в интересах человека и общества. Она выступает как явление социальное; как сложный феномен культуры, как процесс формирования культуры межличностных и межсоциальных отношений; является средством трансляции, передачи, обмена культурными ценностями в системе отношений.

В.А. Слостенин, Л.С. Подымова считают, что инновационная деятельность выступает важнейшей особенностью педагогического труда и характеризует сложную сущностную взаимосвязь общей культуры педагога, его творческого потенциала и профессиональной направленности [13]. Профессиональная инновационная деятельность многогранна.

Результатом профессиональной инновационной деятельности является *проект*. Любой вид проекта (исследовательский, инновационный, социальный, практикоориентированный, информационный, ролевой) является творческим. Творчество – это стремление к самовыражению и самореализации. «Творчество как вид активности человека всегда является формой качественного развития, и выступает как способность создавать продукты, отличающиеся новизной, оригинальностью» [6. С. 158]. Одним из признаков творчества является развитие и саморазвитие личности. В процессе инновационной деятельности приходится решать творческие задачи (разрешать противоречия). Для разрешения противоречий необходимы знания, умения, творческие способности.

Особенностями профессионально-творческой деятельности являются: многосторонность процесса (социальное партнерство, собственного опыта); непрерывность (систематическое взаимодействие); двусторонний и активный характер (сотрудничество, диалог, обмен опытом, идеями); постоянное решение педагогических проблем; нравственный аспект творчества, педагогическое кредо (идеалы, взгляды, убеждения, ценности и т.д.).

Исследовательский, инновационный, социальный, практикоориентированный, информационный, ролевой проекты содействуют активизации мыслительной деятельности. Метод проектов является хорошей демонстрацией межпредметных связей, позволяет

стимулировать в студентах их личную заинтересованность в приобретенных знаниях, способствует развитию творческой самостоятельности, интеллектуальной активности и т.д.

В качестве примеров рассмотрим разработку проектов в смешанных группах профессоров, доцентов, представителей производства, аспирантов и магистрантов технических направлений ЮУрГУ (до 100 человек в каждом), которые, начиная с 2013 г., выполнили восемь инновационных проектов. Среди них отметим проекты: «Развитие производства модельного ряда микротурбинных электростанций нового поколения», «Высокотехнологичное производство нового поколения радиомаячной системы посадки самолётов, выходные параметры которой принципиально не зависят от уровня снежного покрова» и др. [25, 26].

В Челябинском государственном институте культуры в реализации проектов особая роль принадлежит межкафедральным научным центрам. Среди них: Институт культурной политики и проектного менеджмента; Институт культуры детства; музейный комплекс, Центр традиционной культуры народов Урала; Центр чтения – ЮУО Русской ассоциации чтения и др. Так, например, научно-образовательный центр «Информационное общество», реализующий проекты «Чтение как искусство», «Междисциплинарная литературно-библиографическая лаборатория», «Студенческое библиографическое бюро» объединяет научные и творческие кафедры, что уникально и возможно в творческом вузе. Интегративный подход к организации образовательной и научной деятельности студентов обогащает учебный процесс. Творческие кафедры получают серьезную научную поддержку со стороны теоретических кафедр, а последние – образную демонстрацию их достижений разным группам пользователей с использованием визуализации (движение, слово, звук, цвет и проч.). Проекты научно-образовательного центра «Информационное общество» можно сгруппировать.

Первая – интегративные проекты, объединяющие теоретические кафедры, например кафедры информационно-библиографической деятельности и информатики (результат – разработка студентами мультимедийных презентаций, учебных баз данных, электронных картотек, посвященных выдающимся библиографам; такая работа способствует формированию профессионального патриотизма, так как студенты, творчески представляя деятельность библиографа, постигают и его вклад в профессию, видят реакцию государства и общества на него), туризма и литературы (результат – практическая разработка маршрутов литературного туризма, как реальных, так и виртуальных; здесь большое значение имеет совместная исследовательская работа: интервью крупных ученых, разъяснения их учеников, подготовка текстов, понятных молодежи, с переводом научной информации на язык эмодзи, сокращений, иллюстрирования, графики и проч.). Авторитет наставников и их профессиональный патриотизм важны для поддержания высокой интеллектуальной планки работы, препятствования скатывания ее до современных тенденций упрощения информации.

Вторая группа – интеграция теоретических и творческих кафедр, например кафедр истории и хореографии, философии и театрального искусства (результат – уникальные сценические постановки, отражающие последние тенденции сцены: танец на текст (не на музыку, но в нашем случае на научный исторический текст о репрессиях библиотечных работников), сценическое иллюстрирование фрагмента монографии (в нашем случае – А.В. Соколова «Философия информации»). Смысл такой интеграции – визуализация мысли, достижение доступности научного текста молодому поколению. Студенты-хореографы, артисты, памятуя о законах сцены, находят в сложных текстах фрагменты, которые можно изобразить; трансформируют научный текст в сценарии, давая «роли», обращая внимание на ссылки в тексте, цитирования, диалоги и монологи автора, что позволяет одновременно интеллектуализировать сцену, получать практику подготовки серьезных культурно-досуговых мероприятий.

Студенты теоретических специальностей, в свою очередь, видят возможные формы адаптации произведений под современного зрителя, слушателя или читателя, способы популяризации сложного знания. Формат длительного проекта позволяет студентам осваивать возможности разных искусств в визуализации и (или) иллюстрировании текста с помощью движения, звука, голоса, цвета, линии и др. От постановки к постановке формируется готовность к генерированию творческих идей, так как интеграционный проект показывает необычные, нетривиальные ходы, заимствуемые из других областей научного знания, культуры, искусства, методы и приемы, которые никто не ожидает увидеть в единстве. Такого рода неожиданность помогает учиться привлекать внимание к традиционным темам и проблемам, к которым обычно приковано внимание социума (получение профессии, защита Отечества, нравственный выбор, помощь ближнему и проч.).

Несомненно, использование проектных технологий (как процесс, так и результат) формирует у студентов чувство гражданственности, способности и готовности выполнять социальный заказ. Проектировочная функция включает предвидение возможных результатов, моделирование педагогического взаимодействия, организацию инновационной деятельности. Студентам предлагается обобщенная схема представления педагогического проекта, разработанная Н.О. Яковлевой [28. С. 146].

И. Вводная часть: 1. Название проекта. 2. Автор, авторский коллектив (научные консультанты, руководители или координаторы). 3. Субъекты реализации (исполнители и участники проекта). 4. Материальная база и источники финансирования. 5. Границы применимости.

II. Общие положения: 1. Актуальность решаемой проблемы и самого проекта. 2. Цели и задачи проекта. 3. Ожидаемые результаты реализации проекта. 4. Принципы и теоретико-методологические основания проекта. 5. Особенности работы в рамках проекта. 6. Этапы реализации проекта.

III. Содержание проекта: 1. План или программа, составляющие основу проекта. 2. Содержание

спроектированных мероприятий. 3. Описание методов и форм работы. 4. Представление наглядного материала, макеты, модели и т.д.

IV. Приложения.

Участие в волонтерском движении, в деятельности педагогических, поисковых отрядов позволяет реализовать на практике проекты, созданные на практических занятиях или в процессе индивидуальной, групповой самостоятельной творческой работы.

К принципам инновационной деятельности относим:

– принцип научности (знание общих и специфических законов деятельности, о пространстве и времени, использование данных всех наук о человеке; соответствие содержания образования уровню развития современной науки и техники, опыту; знание научных фактов, явлений, законов и закономерностей, теорий и концепций и т.д.);

– принцип единства познания и практики (поиск истины, развитие культуры мышления, использование полученных научных знаний в практической деятельности и т.д.);

– принцип творчества (развитие творческого мышления, реализация потенциала личности и т.д.);

– принцип совместной деятельности (выбор оптимальных методов сотрудничества, развитие умений работать в команде, субъект-субъектное взаимодействие и т.д.);

– принцип проблемности (оптимизация учебно-познавательного процесса посредством внедрения проблемных ситуаций; практическая направленность);

– принцип объективности позволяет получить истинное знание об изучаемом явлении; предполагает использование разных позиций исследователей, применение инновационных средств проверки предположений;

– принцип открытости педагога культуре и обществу, введение диалогического полифонии педагогической деятельности;

– принцип преемственности предполагает сохранение базовых знаний, умений, навыков, личностных качеств как результата предыдущих этапов, дальнейшее их развитие; взаимодействие целей, задач, форм, методов, средств и содержания инновационной деятельности;

– принцип управляемости (планирование, организация, контроль, самоконтроля, регулирование процессом инновационной деятельности);

– принцип единства и дополнительного дискурсивного и интуитивного в инновационной деятельности (внутренняя взаимосвязь осознанного и неосознанного, рационального и интуитивного);

Данные принципы выполняют функции:

– целеполагающую (решение конкретных задач по достижению цели);

– мотивационную (определение причин выбора целей и путей ее достижения);

– развивающую (создание условий развития субъектов инновационного процесса, обеспечение средствами саморазвития педагога и воспитанников, развитие творческих способностей, потенциала личности);

- воспитательную (перевод образования в самообразование), созидательная (создание ценностей);
- культуротворческую (формирование духовных качеств личности, способности целостно видеть мир, осознавать значение социальных проблем и межличностных отношений, овладеть чувством социальной ответственностью, профессиональным патриотизмом);
- рефлексивную (анализ собственной деятельности, оценка объективности результата взаимодействия, осмысление и освоение субъектами инновационного процесса опыта взаимодействия, фиксирование педагогов и воспитанниками состояния развития самопознание (самопрогнозирование, самопланирование, само моделирование, самоорганизация и т.д.).

Потребность и готовность к рефлексии своей жизнедеятельности – это субъектность человека. Важнейшая характеристика субъекта – воля (потребность в преодолении препятствий). В инновационной деятельности такие препятствия встречаются часто. Субъект активен, самостоятелен, способен к саморегуляции, инновационной деятельности.

Однако следует отметить, что появляются трудности на различных этапах инновационного процесса. К ним относятся: проблемы материально-технического характера; проблемы, обусловленные спецификой педагогической деятельности; проблемы, связанные со спецификой инновационной деятельности; а также проблемы, связанные с подготовкой к профессиональной инновационной деятельности, личностные проблемы и т.д. Эффективность процесса подготовки студентов к инновационной деятельности зависит от педагогических условий. К ним мы относим:

- включение студентов в различные виды деятельности (самостоятельно-познавательную, предметно-практическую, проектную, исследовательскую, рефлексивно-оценочную, выставочную, концертную, игровую, аналитическую, деятельность общения и т.д.);
- использование инновационных методов логико-графического структурирования информации, средств (педагогические кластеры, интеллект-карты, рефлексивные дневники, концептуальные схемы, таблицы, денотатные графы, видео-, аудиоматериалы), позволяющих развивать мышление (творческое, ассоциативное, логическое, критическое и т.д.);
- реализация междисциплинарных индивидуальных, групповых и коллективных проектов;
- использование индивидуальных и групповых форм рефлексивной деятельности;
- организация ценностно-ориентированной социокультурной среды;
- использование возможностей автодидактики, педагогической валеологии, эргономики;
- актуализация творческого потенциала личности и социально-этических норм в процессе инновационной деятельности.

В процессе инновационной деятельности формируются ценностные ориентиры, которые выступают факторами профессионального становления будущего специалиста.

Особое значение имеет педагогическое содействие развитию готовности студентов к профессиональной инновационной деятельности. Согласно позиции Г.Н. Серикова, оно представляет собой аспект педагогического сопровождения, для которого характерны: разработка методического замысла образования обучающихся; отбор информации и помощь в ее отборе для освоения обучающимися; побуждении обучающихся к освоению социального опыта в социально приемлемых проявлениях; контроль степени достижения результатов образования [18].

Выбор педагогического содействия как наиболее адекватного способа педагогического сопровождения обусловлен тем, что такой вид сопровождения не регламентирует жестко образовательную деятельность обучающихся, а лишь создает условия обучающимся для самостоятельного образования, развивая в них одновременно с готовностью к инновационной деятельности и способность управления образовательной деятельностью по ее развитию.

Наставничество в самореализации студентов, которых готовят к инновационной деятельности, является адекватной формой оказания педагогического содействия. Также целесообразно использование методов работы в группах (мы считаем, что наиболее целесообразной является работа в смешанных группах людей с разным уровнем образованности и квалификации, что и позволяет в полной мере реализовывать педагогическое содействие путем наставничества и в партнерских взаимоотношениях) [25–27].

Таким образом, в условиях глобальных изменений рынок труда и образования с высоким уровнем конкуренции предъявляет новые требования к будущему специалисту.

Проблему инновационной деятельности, как и большинство научных проблем, мы относим к «вечно актуальным» и к «актуализирующимся» на современном этапе. Актуальность выбранной проблемы определяется наличием значимых потребностей современного общества в специалистах, готовых внедрять инновации. Сегодняшняя действительность «приглашает» к действиям. Инновационную направленность деятельности стимулируют социально-экономические преобразования, происходящие в обществе, образовательная политика, которая заявлена в нормативных документах.

Среди задач высшей школы – повышение творческого потенциала и интеллектуального развития будущих специалистов, готовых осуществлять инновационную деятельность.

Инновационная деятельность – это вид педагогической творческой деятельности по планированию и реализации новшеств, направленной на повышение качества образования, отражающий творческий потенциал субъектов образовательного процесса. Инновации рассматриваются как образовательно-педагогическое явление и как культурно-образовательный, социально-педагогический феномен. Инновация возникает из реальной жизни образовательных учреждений. Источниками инноваций могут быть: успех, неудача, профессиональный опыт, потребности образовательной организации, идеи, события, модернизация образования,

новые научные знания, нормативные документы и т.д. Все источники инноваций взаимосвязаны, взаимообусловлены. Реализация новых идей требует кропотливой работы, ориентации на потребности, интересы. Однако необходимо помнить о том, что традиционные способы решения проблем, если они дают положительный результат, необходимо сохранять.

Инновационно-креативные компетенции отражают развитие творческих исследовательских способностей студентов, способностей находить нетрадиционные способы решения проблем.

Теоретико-методологическими основаниями подготовки студентов к профессиональной инновационной деятельности выступают единство инновационного, энергоресурсного и интегративного подходов. Объективной необходимостью в инновационной деятельности личности, сущностной характеристикой инновационного процесса является творчество. Типичными качествами инновационной личности являются: потребность к переменам, наличие креативного мышления, способность находить идеи и использовать возможности их оптимальной реализации; системный, прогностический подход к отбору

и организации нововведений, готовность рисковать и преодолевать препятствия, способность к рефлексии, самоанализу и т.д. Инновационная деятельность требует особых знаний, умений, способностей. Педагогу-новатору важно не только включаться в инновационные процессы, но быть их инициатором.

Важным условием инновационного процесса и объективной необходимостью в профессиональной инновационной деятельности является творчество. Среди условий подготовки студентов к профессиональной инновационной деятельности: социально-культурные, субъектно-управленческие. Успешность инновационной поведения зависит от способности вхождения во взаимодействие с социально-культурной средой вуза, его интеллектуальной активности, этической культуры и т.д.

Цель высшего образования – формирование конкурентоспособного, компетентного, творческого профессионала, готового к созидательной, гражданской деятельности. Главная цель профессиональной инновационной деятельности – сохранение и развитие инновационного потенциала ответственной, критически мыслящей, думающей личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственная программа «Инновационное развитие и модернизация экономики» // Портал госпрограмм РФ: URL: <https://programs.gov.ru/>
2. Государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика» // Портал госпрограмм РФ. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/program/15/indicators>
3. Шумпетер И.А. Теория экономического развития. М. : Директ-Медиа, 2007. 400 с.
4. Котлярова И.О. Непрерывная подготовка студентов технических направлений к инновационной деятельности // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2012. № 26 (285), вып. 17. С. 15–19.
5. Котлярова И.О. Инновационные образовательные системы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование, здравоохранение, физическая культура. 2008. № 13 (113). С. 12–24.
6. Байлук В.В. Формирование готовности будущих специалистов в вузе к профессиональной самореализации. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2016. 464 с.
7. Балакирев А.Ф. Затруднения учителей в инновационной деятельности : дис. ... канд. пед. наук. Шуя, 2000. 222 с.
8. Костюк Н.В. Формирование готовности выпускников учреждений профессионального образования к инновационной деятельности : дис. ... д-ра пед. наук. Великий Новгород, 2013. 425 с.
9. Максимов Ю.Г. Педагогические условия подготовки студентов к инновационной деятельности в школе : дис. ... канд. пед. наук. Ижевск, 2001. 199 с.
10. Попенко С.А. Управление инновационной деятельностью в средних профессиональных учебных заведениях : дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2002. 199 с.
11. Раитина Н.И. Подготовка учителя к инновационной деятельности в условиях повышения квалификации как фактор профессионального развития : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2011. 24 с.
12. Саенко Л.А., Картасова В.Н. Развитие гражданской активности студенческой молодежи средствами студенческого самоуправления. Ставрополь : АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2018. 152 с.
13. Сластенин В.А., Подымова Л.С. Готовность педагога к инновационной деятельности // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 1. С. 42–49.
14. Григорьева С.Г. Подготовка будущих учителей начальных классов к инновационной деятельности : дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары, 2003. 211 с.
15. Карпова Ю.А. Инновации, интеллект, образование. М. : МГУЛ, 1998. 213 с.
16. Циулина М.В., Гревцева Г.Я. Понятийный аппарат проблемы рефлексивно-ценностного сопровождения профессионально-творческой подготовки студентов педагогического вуза // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2018. Т. 10, № 4. С. 37–47.
17. Лопаткин В.М. Интеграционные процессы в региональной системе педагогического образования. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2000. 162 с.
18. Сериков Г.Н. Педагогика. Кн. 1: объект исследований. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2005. 440 с.
19. Яковлев Е.В., Яковлева Н.О. Педагогическое исследование: содержание и представление результатов. Челябинск : Изд-во РБИУ, 2010. 317 с.
20. Сериков Г.Н. Личный энергоресурс как основа жизнедеятельности человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2014. Т. 6, № 1. С. 7–19.
21. Галицких Е.О. Интегративный подход к профессиональному становлению учителя на этапе вузовской подготовки // Вестник ВГПУ. 1999. № 2. С. 34–38.
22. Гревцева Г.Я., Циулина М.В., Болодурин Э.А., Банников М.И. Интегративный подход в учебном процессе вуза // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26857>
23. Тягунова Ю.В. Признаки интеграции образования и науки в университете // Вестник ЮУрГУ. Серия Образование. Педагогические науки. 2010. Вып. 8, № 12 (188). С. 31–39.
24. Рындак В.Г. Педагогика креативности. М. : Университетская книга, 2012. 284 с.
25. Vaulin S. Integration of education, science and entrepreneurship in student training and professional development of academic staff and enterprise employees // INTED2017 Proceedings. 2017. P. 2701–2704.
26. Voloshina I., Kotlyarova Ir. Elite engineering education in mixed project groups // Proceedings of the 14th International Conference Efficiency and Responsibility in Education, 8th–9th June 2017, Prague, Czech Republic, EU. P. 528–535.

27. Котлярова И.О., Сериков Г.Н. Роль социального партнерства в социальной политике, направленной на самореализацию человека // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. 2016. № 3. С. 22–26.
28. Яковлева Н.О. Концепция педагогического проектирования: методологические аспекты. М. : Информационно-издательский центр АТнСО, 2002. 194 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 22 июня 2020 г.

Methodological Approaches to Preparing Students for Professional Innovative Activity

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 181–191.

DOI: 10.17223/15617793/462/22

Gulsina Ya. Grevtseva, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: yakupovna@rambler.ru

Irina O. Kotlyarova, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: kotliarovaio@susu.ru

Gennadii N. Serikov, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: serikovgn@susu.ru

Anastasia V. Fakhrutdinova, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: avfach@mail.ru

Marina V. Tsiulina, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: ciulnamv@cspu.ru

Keywords: professional training; approach; innovation; creativity; activity; innovative approach; energy-resource approach; integrative approach; professional innovative activity; pedagogical assistance.

The article reveals the preparation for professional innovative activities at different levels (public, socio-pedagogical, theoretical-methodological, and methodological-technological). The main types of innovation – creation, development, testing, implementation – are characterized. The phenomenon is briefly analyzed. Despite the accumulated experience and existing interest in the problem, there are few studies on the preparation for innovative activity of students of technical and cultural universities. In the article, a definition of the term “professional innovation” is proposed. The essence of readiness for innovation is presented. The choice of innovative, energy-resource, integrative approaches to preparing students for innovative activity is substantiated. The functions of the approaches are presented. These functions are realized through a system of certain principles. In the article, the methods of analysis, questionnaire, testing, ranking were used to identify students’ and teachers’ values of innovative activity, to determine objective and subjective factors affecting professional innovative activity, and methods and means students and teachers find effective in developing creative abilities. The respondents emphasize professional patriotism, professional health (capacity for work), and creativity as the most significant values of innovative activity. The article presents the most effective forms, methods, and tools that contribute to readiness for innovation. Particular attention is paid to the innovative projects in mixed groups of the South Ural State University. The implementation of sociocultural projects at Chelyabinsk State Institute of Culture is described. Examples from practical experience are given. It is noted that the training of students in various types of their independent activities is based on their personal experience of independent activities. The necessity of pedagogical assistance is the most appropriate way of pedagogical support, creating conditions for students for independent education. It develops the readiness for innovative activity and the ability to manage educational activities. The key results of the study are: the specified content of key concepts; the determined structural elements of readiness for innovation, skills (forecast, planning, analysis, interpretation, reflection), values of innovation (professional patriotism, performance, health, creativity, etc.); the revealed methodological approaches to preparing students for professional innovative activity; the identified principles and conditions for the implementation and functioning of the phenomenon.

REFERENCES

1. State programs of the Russian Federation. (n.d.) *Gosudarstvennaya programma “Innovatsionnoe razvitie i modernizatsiya ekonomiki”* [State program “Innovative development and modernization of the economy”]. [Online] Available from: <https://programs.gov.ru/>.
2. State programs of the Russian Federation. (n.d.) *Gosudarstvennaya programma “Ekonomicheskoe razvitie i innovatsionnaya ekonomika”* [State program “Economic development and innovative economy”]. [Online] Available from: <https://programs.gov.ru/Portal/program/15/indicators>.
3. Schumpeter, J.A. (2007) *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [he theory of economic development]. Moscow: Direkt-Media.
4. Kotlyarova, I.O. (2012) Nepreryvnaya podgotovka studentov tekhnicheskikh napravleniy k innovatsionnoy deyatel’nosti [Continuous training of technical students for innovative activities]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki – Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Educational Sciences*. 26 (285):17, pp. 15–19.
5. Kotlyarova, I.O. (2008) Innovatsionnye obrazovatel’nye sistemy [Innovative educational systems]. *Vestnik Yuzhno-Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie, zdravookhraneniye, fizicheskaya kul’tura*. 13 (113). pp. 12–24.
6. Bayluk, V.V. (2016) *Formirovaniye gotovnosti budushchikh spetsialistov v vuze k professional’noy samorealizatsii* [Formation of the readiness of future specialists at the university for professional self-realization]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
7. Balakirev, A.F. (2000) *Zatrudneniya uchiteley v innovatsionnoy deyatel’nosti* [Difficulties of teachers in innovative activity]. Pedagogy Cand. Diss. Shuya.
8. Kostyuk, N.V. (2013) *Formirovaniye gotovnosti vypusnikov uchrezhdeniy professional’nogo obrazovaniya k innovatsionnoy deyatel’nosti* [Formation of the readiness of graduates of vocational education institutions for innovative activity]. Pedagogy Dr. Diss. Veliky Novgorod.
9. Maksimov, Yu.G. (2001) *Pedagogicheskie usloviya podgotovki studentov k innovatsionnoy deyatel’nosti v shkole* [Pedagogical conditions for preparing students for innovative activity at school]. Pedagogy Cand. Diss. Izhevsk.
10. Popenko, S.A. (2002) *Upravleniye innovatsionnoy deyatel’nost’yu v srednikh professional’nykh uchebnykh zavedeniyyakh* [Management of innovative activity in secondary vocational educational institutions]. Pedagogy Cand. Diss. Chelyabinsk.
11. Raitina, N.I. (2011) *Podgotovka uchiteleya k innovatsionnoy deyatel’nosti v usloviyakh povysheniya kvalifikatsii kak faktor professional’nogo razvitiya* [Preparing a teacher for innovative activity in the context of advanced training as a factor of professional development]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Chita.
12. Saenko, L.A. & Kartashova, V.N. (2018) *Razvitie grazhdanskoj aktivnosti studencheskoj molodezhi sredstvami studencheskogo samoupravleniya* [Development of student youth civic engagement by means of student self-government]. Stavropol: AGRUS of Stavropol State Agrarian University.
13. Slastenina, V.A. & Podymova, L.S. (2007) *Gotovnost’ pedagoga k innovatsionnoy deyatel’nosti* [The teacher’s readiness for innovative activity]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 1. pp. 42–49.
14. Grigor’eva, S.G. (2003) *Podgotovka budushchikh uchiteley nachal’nykh klassov k innovatsionnoy deyatel’nosti* [Preparation of future primary school teachers for innovative activity]. Pedagogy Cand. Diss. Cheboksary.
15. Karpova, Yu.A. (1998) *Innovatsii, intellekt, obrazovanie* [Innovation, intelligence, education]. Moscow: MGUL.

16. Tsiulina, M.V. & Grevtseva, G.Ya. (2018) Ponyatiynny apparat problemy reflektivno-tsenostnogo soprovozhdeniya professional'no-tvorcheskoy podgotovki studentov pedagogicheskogo vuza [The conceptual apparatus of the reflective and value-based support of pedagogical students' professional and creative training]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki – Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Educational Sciences.* 10 (4). pp. 37–47. (In Russian). DOI: 10.14529/ped180405
17. Lopatkin, V.M. (2000) *Integratsionnye protsessy v regional'noy sisteme pedagogicheskogo obrazovaniya* [Integration processes in the regional system of teacher education]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
18. Serikov, G.N. (2005) *Pedagogika* [Pedagogy]. Book 1. Moscow: Gumanit. izd. tsentr VLADOS.
19. Yakovlev, E.V. & Yakovleva, N.O. (2010) *Pedagogicheskoe issledovanie: sodержanie i predstavlenie rezul'tatov* [Pedagogical research: Content and presentation of results]. Chelyabinsk: Izd-vo RBIU.
20. Serikov, G.N. (2014) Personal source of energy as the basis of human life. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki – Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Educational Sciences.* 6 (1). pp. 7–19. (In Russian).
21. Galitskikh, E.O. (1999) Integrativnyy podkhod k professional'nomu stanovleniyu uchitelya na etape vuzovskoy podgotovki [An integrative approach to the professional development of a teacher at university]. *Vestnik VGPU.* 2. pp. 34–38.
22. Grevtseva, G.Ya., Tsiulina, M.V., Bolodurina, E.A. & Bannikov, M.I. (2017) Integrativnyy podkhod v uchebnom protsesse vuza [An integrative approach in the educational process of a university]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education.* 5. [Online] Available from: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26857>.
23. Tyagunova, Yu.V. (2010) Priznaki integratsii obrazovaniya i nauki v universitete [Signs of education and science integration at the university]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki – Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Educational Sciences.* 8:12 (188). pp. 31–39.
24. Ryndak, V.G. (2012) *Pedagogika kreativnosti* [Pedagogy of creativity]. Moscow: Universitetskaya kniga.
25. Vaulin, S. (2017) Integration of education, science and entrepreneurship in student training and professional development of academic staff and enterprise employees. *INTED2017 Proceedings.* pp. 2701–2704.
26. Voloshina, I. & Kotlyarova, Ir. (2017) Elite engineering education in mixed project groups. *Proceedings of the 14th International Conference Efficiency and Responsibility in Education.* 8–9 June 2017. Prague, Czech Republic, EU. pp. 528–535.
27. Kotlyarova, I.O. & Serikov, G.N. (2016) Rol' sotsial'nogo partnerstva v sotsial'noy politike, napravlennoy na samorealizatsiyu cheloveka [The role of social partnership in social policy aimed at human self-realization]. *Sotsial'naya pedagogika v Rossii.* 3. pp. 22–26.
28. Yakovleva, N.O. (2002) *Kontseptsiya pedagogicheskogo proektirovaniya: metodologicheskie aspekty* [The concept of pedagogical design: Methodological aspects]. Moscow: Informatsionno-izdatel'skiy tsentr ATiSO.

Received: 22 June 2020

ШКОЛА БУДУЩЕГО: МОЖЕТ ЛИ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ОБЕСПЕЧИТЬ КОГНИТИВНУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ?

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-14059.

Представлены результаты аналитического форсайт-исследования, демонстрирующего возможности построения класса будущего, интенсивно использующего идею когнитивно-эффективного образования, технологии искусственного интеллекта и современных технических средств. Целью работы было показать возможности применения технологий искусственного интеллекта и средств инструментальной психодиагностики для обеспечения эффективной работы когнитивных механизмов обучения.

Ключевые слова: когнитивно-эффективное обучение; искусственный интеллект в образовании; средства инструментальной психодиагностики; термография в образовании; окулография в образовании; прогноз будущего в образовании; форсайт-исследование в сфере образования.

Введение

Без работы когнитивных механизмов обучения научиться чему-либо невозможно. Эти механизмы обеспечивают процессы: запечатления, сохранения и воспроизведения учебной информации, учебного знания (память); восприятия, понимания и осмысления учебного знания (восприятие, мышление); концентрации на учебной деятельности (внимание); обработки и переработки учебного знания, логического, наглядно-действенного решения учебных задач (мышление); порождения и преобразования учебных образных представлений (в частности, продуцирования учебных образов по описанию), построения образов средств и результатов учебной деятельности, творческого, образного решения учебных задач (в частности, задач с высокой степенью неопределенности или неполноты данных) (воображение) и других. Эффективную работу когнитивных учебных механизмов обеспечивает своевременное формирование у ребенка необходимых когнитивных навыков, когнитивных компетенций. В современном мире тотальной цифровизации, информатизации и гаджетизации когнитивные процессы трансформируются, подстраиваются к изменяющейся реальности. Это очевидно относится и к когнитивным процессам, обеспечивающим обучение, усвоение новых знаний, формирование новых компетенций. Поэтому задача современного обучения – не просто обеспечивать эффективность когнитивных функций, задействованных в обучении, но и учитывать их возможные трансформации в существующих условиях быстро меняющегося мира. Возникает вопрос, можно ли сделать это средствами современных кибернетических технологий? Анализу когнитивных оснований эффективности активно использующих автоматизацию и цифровизацию обучающих технологий и возможностей применения этих технологий в образовательных форматах ближайшего будущего и посвящена данная работа.

Методы

Поиск и анализ литературных источников проводился по ключевым словам «искусственный интеллект в образовании», «автоматизация обучения», «автоматизация образования», «интеллектуализация информационных систем в образовании», «интеллектуальные образовательные платформы», «дистанционные психофизиологические методы». Анализировались теории и концепции применения искусственного интеллекта в образовании и обучении. Проводились: прогнозирование развития систем автоматизированного школьного обучения и анализ возможностей применения дистанционных психофизиологических методов в образовательной практике; анализ когнитивных оснований современных обучающих технологий и возможности их приложения в образовательных форматах ближайшего будущего.

Прогностическое (форсайт) исследование заключалось в анализе возможностей применения в ближайшем будущем систем искусственного интеллекта и дистанционных психофизиологических измерений для контроля и нивелирования негативно влияющих на эффективность обучения когнитивных факторов, для обеспечения высокой когнитивной эффективности школьного обучения.

Результаты и обсуждение

Про возможности применения искусственного интеллекта в образовании опубликовано огромное количество научных работ, но в аспекте обеспечения средствами искусственного интеллекта когнитивной эффективности обучения результатов исследований практически не представлено, если не считать отдельных идей, высказываемых пока на уровне декларации, например о возможности оценки чатботами вероятности забывания учебного материала учеником [1. С. 208] или о разработке индивидуальной образовательной траектории средствами искусственного интеллекта с учетом когнитивных особенностей ученика [2. С. 158], о возможностях моделирования когнитивных процессов учащихся [3. С. 53], адаптации информации с помощью искусственного интеллекта для повышения ее понимания [4. С. 123].

Сегодняшние идеологи и концептологи искусственного интеллекта в обучении сосредоточились на идеях адаптивных обучающих систем [5], электрон-

ных платформ, интеллектуально адаптирующих учебный контент для каждого студента [6. С. 185], образовательных чатботов (виртуальных ассистентов, тьюторов, интеллектуальных компаньонов, являющихся вариантами интеллектуальных обучающих систем [7, 8]), которые производят оценку успеваемости (например, по определенной системе баллов, при этом считается, что искусственный интеллект способен непредвзято оценивать знания учащихся [4. С. 123]), отслеживают, что и когда изучал учащийся, оценивая при этом вероятность забывания и при необходимости предлагая повторение материала, собирают мнения учеников о преподавателе [1. С. 208], прогнозируют учебные проблемы и помогают их преодолевать [9. С. 216], прогнозируют академические результаты (в частности, с помощью нейронных сетей) [3. С. 53]. В сфере персонализированного обучения использование искусственного интеллекта предлагается в рамках контроля и подбора индивидуального темпа обучения, учета интересов конкретного учащегося, обучения на понятных учащемуся примерах [10. С. 336].

Существуют декларации о задачах искусственного интеллекта в образовании, в которые входят, например, автоматизация оценивания результатов учебной деятельности; адаптация обучающих программ к индивидуальным образовательным потребностям; выявление «недоученных» разделов, пробелов в изучавшихся курсах; дополнительная поддержка от преподавателей-машин; обеспечение учащихся и преподавателей обратной связью и оповещение преподавателей о наличии учебных проблем у учащихся; адаптация поиска информации и взаимодействия с ней; расширение обучения методом проб и ошибок [11. С. 79–81].

Интеллектуализация информационных систем в образовании рассматривается как очевидное будущее [12. С. 111]. В рамках футуристической концепции «Индустрия 4.0» образование будущего переносится в глобальную сеть, заменяющую класс, и происходит постоянно в формате «24/7» [13. С. 125], прогнозируется появление новых психолого-педагогических технологий, постулируется, что искусственный интеллект в ближайшем будущем существенно трансформирует и формы, и средства обучения [14. С. 294]. Искусственный интеллект может создать подстраивающиеся цифровые интерфейсы цифровых систем обучения, помочь преподавателям разрабатывать «умный» контент для учебных программ, создавать онлайн-помощников ученика, выбирать траекторию обучения с учетом существующих учебных трудностей [15. С. 46]. Интеллектуальные образовательные платформы будут адаптироваться к индивидуальному стилю учения каждого обучающегося, адаптировать для каждого учебные тексты для лучшего понимания и запоминания, причем такие системы уже разрабатываются [15. С. 47]. При этом высказана идея, что пока ни один из электронных образовательных ресурсов, использующих искусственный интеллект, не может заменить учителя и не выступает угрозой для профессии преподавателя [6. С. 184].

Если говорить об исследованности и проработанности проблемы использования искусственного ин-

теллекта для задач обеспечения когнитивной эффективности обучения, то можно констатировать недостаточность как исследованности, так и проработанности данного вопроса. Возможности же интеграции в интеллектуальные учебные системы методов инструментальной психодиагностики, например айтрекинга – измерения психических показателей на основе фиксации параметров движения взгляда и изменения диаметра зрачка, психодиагностической термографии – диагностики психических параметров на основе дистанционного измерения изменений температуры открытых участков тела, в первую очередь лица, вообще не исследованы. При этом такие возможности представляются крайне перспективными.

Представляется также, что учебное место ученика будущего должно быть обеспечено по крайней мере несколькими инструментальными психодиагностическими каналами. В частности, это могут быть видеокamеры. С их помощью, используя методы распознавания, система искусственного интеллекта может отслеживать конкретного ученика в классе, даже при его перемещении, с помощью видеокamер интеллектуальная система может контролировать учебное внимание в классе – отвернулся ученик, спит, смотрит в окно, разговаривает с друзьями, играет в телефоне и т.п. вместо того, чтобы слушать учителя, отслеживать признаки стресса у учащихся (по нетипичным движениям, тремору и т.п.) – в состоянии стресса эффективность обеспечивающих учебную деятельность когнитивных процессов может резко снижаться. Применение камер также позволит системе искусственного интеллекта отслеживать психоэмоциональное состояние школьника по лицевой экспрессии [16. С. 26], выявляя возможные негативно влияющие на когнитивную эффективность обучения эмоциональные изменения.

Класс также может быть оборудован микрофонами, обеспечивающими аудиофиксацию происходящего с каждым учеником, система искусственного интеллекта может распознавать учащихся по звуковым параметрам речи. С помощью фиксации, распознавания и анализа речи учащихся система сможет, в частности, определять пробелы в их учебной памяти, отмечать факты забывания ранее усвоенной информации и т.п. Анализ паравербальных показателей – тонов, ритмов и тембра речи также позволит выявлять и анализировать значимые в плане обучения (в том числе и когнитивно-эффективного обучения) эмоциональные состояния школьника, стресс, усталость и т.п. [16. С. 30].

Третьим важным устройством, которым можно было бы оборудовать класс, является термовизор (также часто называемый термографом или тепловизором). Он представляет собой сверхчувствительную инфракрасную камеру, которая фиксирует изменения температуры открытых участков тела. Для психологических целей необходимы термовизоры с высокой точностью измерения. По таким изменениям можно отслеживать признаки стресса, недостоверности сообщаемой информации (лжи), эмоциональные состояния, проявления симпатии или антипатии к другому человеку [17]. С помощью термовизора,

внедренного в системы искусственного интеллекта, можно отслеживать мешающий эффективной когнитивной деятельности на уроке учебный стресс и другие негативные и отрицательно влияющие на когнитивную эффективность обучения психические явления (агрессию, тревогу, «выключенность» из учебной деятельности, различные измененные состояния сознания и др.).

Четвертым устройством, применение которого в системах искусственного интеллекта в образовании представляется интересным, является айтрекер. Этот прибор, отслеживая движения глаз ученика, сможет сообщить интеллектуальной системе о наличии или потере учебного внимания, зафиксировать, куда (в какую сторону, при дополнительном интеллектуальном анализе можно даже будет определить, на что он смотрит) чаще всего смотрит ученик, если он не смотрит на информирующего его учителя, на что он отвлекается и т.п. Большинство современных айтрекеров имеют систему распознавания диаметра зрачка, по этому показателю можно диагностировать эмоциональные состояния, в частности, негативно влияющие на обучение. Сегодня для работы айтрекера пока необходима фиксация головы по отношению к отслеживающей движения глаза камере прибора, поэтому в стационарных айтрекерах применяется специальная подставка для головы. Другим вариантом является широко применяемое сегодня в маркетинговых (особенно мерчандайзинговых) исследованиях использование айтрекера на шлеме. Представляется, что в ближайшем будущем будут разработаны окулографические инструменты, позволяющие фиксировать изменение зрения без необходимости фиксации головы по отношению к камере, например с интеллектуальным отслеживанием движений головы, или будет реализовано добавление окулографических функций обычным камерам и будет осуществляться окулографический мониторинг всего класса в целом несколькими такими камерами и т.д.

Помимо предложенных приборов, интересно использование и других психофизиологических методов дистанционной диагностики психических состояний: лазерной доплеровской виброметрии, биорадиолокации [16. С. 23]. Анализ биорадиолокационного сигнала позволит по дистанционному отслеживанию сокращений лёгких при дыхании и пульсаций сердца, а также крупных поверхностно залегающих артерий выявить эмоциональные изменения и состояния школьника [18]. Лазерная доплеровская виброметрия позволяет дистанционно фиксировать связанные с психоэмоциональным состоянием параметры мышечного напряжения, сердечного ритма, тонов сердца, различные показатели дыхания [16. С. 25]. Фактически с помощью этих двух дистанционных инструментов можно реализовать неконтактный аналог полиграфа. Контроль психофизиологических параметров школьника с помощью этих приборов позволит отслеживать потенциально влияющие на когнитивную эффективность обучения изменения функционального состояния, эмоциональные реакции, усталость.

Очевидно, что в рамках системы искусственного интеллекта необходимо согласование информации,

получаемой по различным каналам – от различных видео- и аудиодатчиков, окулографических, термографических и других приборов, также как человеческий мозг обеспечивает целостное восприятие объекта, совмещая получаемую с помощью разных анализаторов информацию.

Ранее нами был выделен ряд когнитивных факторов, негативно влияющих на эффективность обучения [19. С. 56–64]. В данной статье мы попытаемся описать, как можно обеспечить контроль и учет этих и ряда других негативных когнитивных факторов обучения в целях их преодоления средствами искусственного интеллекта и инструментальной психодиагностики. Нужно отметить, что фактически эти факторы отражают различные грани единой системы общего когнитивного механизма, обеспечивающего обучение, поэтому их выделение является относительно условным. Нижепредставленные факторы связаны с когнитивной эффективностью обучения, с когнитивными основаниями эффективности современных обучающих технологий. Рассмотрим эти факторы и проанализируем возможности снижения их негативного влияния на обучение с помощью систем автоматизации и цифровизации в образовательных форматах ближайшего будущего.

Факторы, связанные с удержанием учебного знания. Фактически речь идет об одном и том же, но чтобы показать различные грани проблемы, мы сочли возможным разделить этот аспект на составляющие.

Несохранение учебного знания в долговременной памяти. При существующей системе обучения учебные знания плохо сохраняются. Часто после запечатления учебной информации происходит временное её сохранение в течение нескольких дней, недель или «до экзамена», потом же происходит частичное или полное стирание, знание не фиксируется в долговременной памяти (точнее, в истинной долговременной памяти, обеспечивающей сохранение информации на годы, а то и на всю жизнь). Из-за этого эффективность обучения становится крайне низкой. Возможными причинами несохранения учебного знания в долговременной памяти являются атрибуция психическими механизмами обработки информации этому знанию неактуальности, ненужности, а также то, что у сегодняшнего человека значительные ресурсы мозга направлены на обработку многочисленных информационных потоков и поскольку мнемические ресурсы не бесконечны, учебное знание попросту «теряется» в этих потоках.

Как можно использовать искусственный интеллект для повышения долговременного сохранения учебного знания? С помощью средств искусственного интеллекта может быть реализован контроль сохранности запомненного знания, анализ того, какое знание у конкретного человека долговременно сохраняется, а какое – нет, прогноз сохранения усвоенного знания, подбор индивидуальных методов эффективного долговременного запоминания, контроль осмысления запоминаемого (считается, что максимальное осмысление информации значительно увеличивает возможности ее сохранения в

долговременной памяти [20. С. 102]), организовано повторение знаний, в отношении которых обнаружены признаки несохранности, реализовано предложение проведения специальных мнемотехнических тренировок и т.п. Проверка остаточных знаний для систем искусственного интеллекта может осуществляться с помощью тестов или сообщаться системе учителем. В случае внедрения систем распознавания и анализа учебной речи искусственный интеллект может и сам фиксировать, что человек знал и забыл.

Также искусственный интеллект может отслеживать и оценивать влияние цифровизации на долговременное хранение учебного знания, в частности определять связь забывания с какими-то параметрами использования гаджетов и т.п. Роль искусственного интеллекта в противодействии негативным эффектам цифровизации по данному фактору заключается в том, что, во-первых, умные цифровые системы смогут вовремя выявить потерю учебного знания, предложить повторение или обучение эффективным методам запоминания, тренировку памяти, подобрать индивидуальный вариант эффективного развития когнитивной сферы для того, чтобы успешно сохранить усвоенное «пройденное». Также интеллектуальная система сможет отслеживать мешающее учебе (соответственно, и эффективной работе учебных когнитивных механизмов) неучебное использование гаджетов и информировать об этом учителя или самого ученика (например, включать в случае неучебного обращения на уроке к телефону вибрацию на смарт-браслете, сообщающую ученику, что он отвлекается).

Негомогенность учебного знания. Чем более гомогенно знание, чем более оно семантически «сфокусировано», чем сильнее его семантическое «ядро», т.е. существует увеличивающаяся и развивающаяся в процессе обучения система смыслов этого знания, с которым перманентно «сталкивается» обучающийся, тем выше эффективность усвоения знания в процессе обучения. Негомогенное же, широко распределенное знание «размывается», «теряется» в потоке информации современного цифрового мира. Условно школьные предметы можно разделить на предметы с гомогенным и негомогенным знанием. К первым относятся, например, лингвистические дисциплины, ко вторым – те предметы, для которых характерно изучение малосвязанных друг с другом разделов. Так или иначе семантическое «ядро», конечно, наличествует у любой дисциплины, но его объем, «сила» могут существенно различаться. Несмотря на то, что гомогенное знание лучше в аспекте сохранения, задача формирования и удержания семантического «ядра» для гомогенных дисциплин выступает особо важной, ведь если школьник утратит базовые знания, на которых строится вся дисциплина, то его возможности по дальнейшему развитию в рамках данного предмета станут фактически нулевыми.

Система искусственного интеллекта может осуществлять контроль сохранности семантического «ядра», которое может или быть задано ему человеком (определено экспертами, например, на основе базовых понятий дисциплины), или могут быть разра-

ботаны алгоритмы, с помощью которых искусственный интеллект сможет сам выделять такое «ядро» (при этом реализация данной возможности выступает отдельной задачей в области искусственного интеллекта). Для контроля и анализа сохранности и необходимого развития семантической базы дисциплины система искусственного интеллекта может использовать анализ учебной речи ученика (интеллектуальный семантический анализ учебной речи). Анализируя то, как ученик использует слова (значения) семантической базы, система сможет выделить пробелы и предложить дополнительные занятия, информировать учителя о существующих учебных проблемах. Очевидно, что здесь должна быть задействована интегрированная с интеллектуальным модулем система распознавания речи и должна использоваться звукозаписывающая аппаратура.

Таким образом, искусственный интеллект поможет вовремя выявить потерю или неувоенность обязательного базового знания по дисциплине, предложить повторение и способы тренировки когнитивной сферы для того, чтобы эффективно сохранять усвоенное базовое «пройденное», или система искусственного интеллекта может сама, например в рамках образовательных чатботов осуществлять такую тренировку ученика или повторение. Нужно отметить, что возможность разработки подобной системы уже сегодня достаточно высокая.

Роль искусственного интеллекта в противодействии негативным эффектам цифровизации по данному фактору – искусственный интеллект может анализировать влияние силы неучебных цифровых информационных потоков, в которых живет современный школьник или студент, на усваиваемость и сохраняемость семантического «ядра» дисциплины, предлагать меры по противодействию деятельности таких потоков. Данные о включенности ученика в эти потоки система искусственного интеллекта может получать, например, с помощью анализа трафика смартфона ученика (конечно при решении всех необходимых юридических вопросов).

Несформированность необходимого информационно-когнитивного базиса знаний для изучения дисциплины или дальнейшего обучения в целом. Для того чтобы успешно изучать тот или иной предмет (или даже вообще продолжать обучение), школьнику необходимо иметь некую созданную ранее информационно-когнитивную базу – систему знаний, усвоенных понятий, сформированных когнитивных навыков, которые позволят успешно освоить данный предмет, обеспечат его «попадание» в зону ближайшего развития школьника. Очевидно, что невозможно учить первоклассника квантовой физике. Для каждой дисциплины существует необходимый спектр представлений и понятий, которые позволят успешно освоить данный предмет. В условиях вызванного цифровизацией масштабного информационного потока сегодня даже самые важные, значимые знания могут быть вытеснены малоценной неучебной информацией. В современной ситуации проверок наличия и сохранности информационно-когнитивного базиса, необходимого для освоения дисциплины, у ученика фактиче-

ски не проводится. Применение искусственного интеллекта обеспечит мониторинг сформированности исходных базовых знаний, необходимой для освоения предмета общей эрудиции, тезауруса, сможет оценить вероятность понимания учеником парадигмальных и методологических основ планируемой для изучения науки или ее нового (возможно, более сложного) раздела. Можно предложить термин информационно-когнитивной готовности к изучению определенного предмета, определенной науки. Системы искусственного интеллекта могут оценивать уровень готовности по результатам мониторинга текущих знаний учащегося. Несформированность такой готовности может быть связана также с тем, что сегодня ученики часто приучаются постоянно искать информацию в интернете и не сохраняют ее после использования, а информационный базис должен, как представляется, находиться в памяти, а не в интернете.

Системы искусственного интеллекта будущей школы обеспечат контроль наличия информационно-когнитивного базиса для каждой новой дисциплины, они смогут оценивать, давать рекомендации по персонализации обучения, предлагать ученику индивидуальные программы необходимого саморазвития. Контроль может осуществляться по результатам тестов по ранее изученным дисциплинам, но эти тесты должны быть не на узнавание или угадывание из предлагаемого списка правильных и неправильных ответов, а требовать доказательства ответа, как это реализовано, например, в тестах международной программы контроля эффективности обучения PISA (Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся) [21], также могут быть задействованы системы распознавания и анализа ответов ученика на занятиях, его учебной речи, могут применяться автоматизированные диагностические кейс-системы.

Задачами автоматических экспертных систем в рамках искусственного интеллекта выступают экспертиза учебных знаний и оценка их качества в аспекте формирования информационно-когнитивного базиса других дисциплин.

Роль искусственного интеллекта в противодействии негативным эффектам цифровизации по данному фактору заключается в контроле негативного влияния «мусорных» информационных потоков на сохранение обеспечивающих информационно-когнитивный базис усвоения дисциплины знаний и когнитивных умений, предложения и реализации мер противодействия такому влиянию.

В качестве дополнительных факторов успешного сохранения учебной информации могут рассматриваться *распределение, рассредоточение запоминания во времени (если рассматривать негативно, то нераспределение, нерассредоточение)*, по мнению ряда авторов [22. С. 143], позволяющие значительно увеличить эффективность запоминания, и *активность и вовлеченность школьника в учебные действия (если рассматривать негативно, то неактивность, невовлеченность)*, создающие необходимую для эффективного запоминания учебную мотивацию. Системы искусственного интеллекта могут быть полезны и в

реализации этих идей. Искусственный интеллект может распределить учебное знание по урокам и другим учебным событиям так, чтобы оно запоминалось максимально эффективно. С помощью интегрированных в системы искусственного интеллекта вышеописанных средств инструментальной психодиагностики системы искусственного интеллекта смогут отслеживать эмоциональную включенность школьника в учебный процесс, интересность происходящего для него, фиксировать его учебную активность (путем анализа, например, двигательных или речевых паттернов, выделяемых на основе распознавания и анализа видеопотока или с помощью анализа речи).

Фактор недостаточности учебного внимания. Неспособность концентрироваться на восприятии учебного материала, особенно однородного, в течение необходимого учебного времени, потеря учебного внимания, «усталость» внимания в учебной деятельности являются серьезными проблемами современного среднего и высшего образования. Цифровизация и гаджетизация жизни вносят свой негативный вклад и здесь – постоянное переключение внимания на различные информационные цифровые каналы часто формирует у учащихся феномен «перемещающегося» внимания, который в рамках неучебной гаджет-деятельности может быть и адаптивным, но в условиях учебы мешает усвоению знания, особенно в ситуациях необходимости концентрации на однородном образовательном материале. В результате учащийся «выключается» из учебного процесса, фактически тратит свое учебное время впустую.

Системы искусственного интеллекта можно применять для контроля внимания ученика на уроке. Например, с помощью анализа движений взгляда, которые предоставляет современная окулография, можно отслеживать, куда он смотрит – на учителя, в окно или в свой гаджет и т.п. При этом система может подстраивается под определенное учебное место, физические параметры ученика и т.д. Также с помощью термографии и других дистанционных психофизиологических каналов анализа эмоционального состояния можно контролировать изменения психического состояния ученика, определять, может ли он в данном состоянии сосредоточиться на учебном процессе или нет, информировать его о потере учебного внимания (например, с помощью смарт-браслета), сообщать учителю о том, какие ученики слушают его, а какие – нет. Чатботы могут предлагать ученику с низким уровнем учебного внимания необходимую когнитивную тренировку.

Роль искусственного интеллекта в противодействии негативным эффектам цифровизации по данному фактору состоит, в частности, в том, что искусственный интеллект поможет отслеживать и контролировать негативные действующие на учебное внимание гаджет-факторы, оценить удержание учебного внимания при использовании различных обучающих технологий, в частности цифровых.

Фактор отсутствия когнитивной тренировки. Вопрос о необходимости специальной тренировки познавательной сферы – памяти, мышления, внимания, восприятия, воображения – сегодня стоит остро.

Хотя реально такой тренировки практически не проводится, постулируется, что необходимое развитие когнитивных процессов происходит и так. В ситуации масштабной цифровизации и информатизации нагрузка на когнитивную сферу значительно возрастает, происходят ее трансформации в рамках адаптации психики к изменяющемуся миру, поэтому сейчас тренировка когнитивной сферы для эффективного обучения представляется однозначно нужной. Разработка и внедрение специальных когнитивных упражнений (тренингов) могут осуществляться как для каждой учебной дисциплины в зависимости от требуемых для ее успешного освоения видов памяти, внимания, мышления и т.д., так и для общего познавательного развития.

Искусственный интеллект может анализировать когнитивную сферу ученика по результатам тестов и успеваемости, автоматизированному анализу учебной речи, выявлять трудности и предлагать адаптированные варианты тренировки для развития тех познавательных компонентов, которые у конкретного ученика развиты недостаточно.

Нужно отметить, что существуют элементы когнитивной сферы, развитие которых представляется особо важной и тренировка которых может значимо повлиять на успеваемость. Так, например, обязательным элементом такой тренировки, по-видимому, должны быть упражнения по повышению осмысления знания, что необходимо, в частности, для лучшего долговременного его запоминания. В результате необходимых психологических исследований на выборке хорошо рефлексующих и осмысляющих учеников могут быть определены эффективные алгоритмы когнитивной деятельности, выступающие когнитивными моделями, на основе которых могут быть разработаны методы когнитивной тренировки, осуществляемой системой искусственного интеллекта с элементами антрополоподобного моделирования. В рамках тренировки система будет давать подсказки (что нужно осмыслить и т.п.), направлять ученика к эффективному алгоритму осмысления, проверять, осмыслил ученик или нет нужную информацию и как он это сделал, подбирать ему нужную модель осмысления (если будет существовать несколько различных эффективных вариантов) и т.д. Также система может проверять эффективность различных алгоритмов и способов тренировки с помощью корреляционного анализа между показателями их применения (какие способы тренировки и в каком формате осуществлялись, на основе каких моделей они были построены и т.п.) и параметрами когнитивной эффективности, например степенью долговременного запоминания учебной информации. Таким образом, система сможет обучить ребенка эффективным способам когнитивной деятельности. Одним из вариантов когнитивной тренировки может быть применение автоматизированных интеллектуальных кейсов.

Специальная тренировка может проводиться интеллектуальной системой для нивелирования негативного влияния гаджетизации на учебную сферу, например может проводиться тренировка удержания внимания и длительной когнитивной концентрации

(как противодействие формируемому гаджетизацией клиповому мышлению и «прыгающего», постоянно «перемещающегося» внимания). Представляется, что в рамках организованной с помощью систем искусственного интеллекта тренировки когнитивной сферы могут успешно применяться описанные выше приборы, в частности окулографические (айтрекер).

Фактор формирования узнавания при отсутствии возможности произвольной актуализации знания. Когнитивные компетенции узнавания и произвольной актуализации знания определены различны (узнавание в значительной сфере связано с ассоциативным мышлением, произвольная же актуализация обычно требует осмысления), некоторые современные тесты (например, ЕГЭ) активно используют элементы, требующие не компетенции произвольной актуализации, а компетенции узнавания (например, из нескольких вариантов ответа), и подготовка к таким тестам (сейчас часто можно встретить термин «натаскивание») требует другой образовательной технологии. Возникает вопрос, а часто ли будет человеку нужна компетенция узнавания знания? Будут ли в жизни ему представлены варианты ответов, в которых надо узнать правильный? Возможно, такие ситуации и будут, но определенно не очень часто. Произвольная же актуализация знания в жизни будет требоваться значительно чаще. Представляется, что современное обучение должно отдавать предпочтение формированию произвольно актуализируемого, а не сугубо узнаваемого знания. Хотя компетенция узнавания тоже нужна.

С помощью искусственного интеллекта можно оценить, какими знаниями владеет тот или иной ученик, только узнаваемыми или свободно произвольно актуализируемыми, определить, насколько человек может без подсказки актуализировать знание, которое он правильно узнал в тесте, информировать учителя о том, что ученик может узнавать, но сам не может актуализировать знание, информировать об этом самого ученика и предлагать ему необходимое дополнительное обучение. Вообще, существует большая надежда, что с массовым внедрением искусственного интеллекта в образование ЕГЭ и ему подобные вещи уйдут в прошлое, так как оценка знаний станет осуществляться на постоянной основе цифровыми системами.

Роль искусственного интеллекта в противодействии негативным эффектам цифровизации по данному фактору состоит в том, что искусственный интеллект поможет определить, какие цифровые технологии обучения обеспечивают только узнавание, а какие – возможность произвольной актуализации учебного знания. В этом аспекте представляется интересным следующий фактор.

Фактор неэффективности отдельных методов цифрового образования. Очевидно, что усвоение учебных знаний и формирование требуемых навыков и компетенций при различных формах обучения, в частности при использовании различных цифровых образовательных технологий, могут сильно различаться, как и сохранность этих знаний и навыков с течением времени. По-разному обучаются при этом и ученики с различными стилями учения. Необходимы исследования эффективности различных технологий,

возможностей персонификации обучения с помощью этих технологий, подбора подходящих для каждого конкретного ученика. Эти исследования можно осуществлять в рамках деятельности систем искусственного интеллекта в образовании, которые обеспечат как первичную оценку, так и текущий мониторинг эффективности разных цифровых обучающих технологий как в целом, так и в отношении отдельного ученика.

Разрабатываемые и внедряемые сегодня цифровые технологии обладают различным качеством. Присутствие в образовательной практике неэффективных и даже иногда вредных (например, формирующих зависимость или имеющих несоответствующие требованиям эргономические показатели и негативно влияющие на здоровье учащегося) цифровых образовательных систем можно рассматривать как своеобразный нежелательный эффект цифровизации. Роль искусственного интеллекта в противодействии этому негативному эффекту может заключаться в том, что с помощью искусственного интеллекта можно отслеживать и выявлять такие системы, мониторить и оценивать эффективность различных подходов в цифровом обучении и информационных технологиях и разрабатываемых на их основе прикладных образовательных программ. Влияние цифрового продукта на зрение в рамках интеллектуальных систем можно оценить с применением видеорекамера и окулографии.

Несформированность эксплицирования знания и актуализации знания в диалоге. Важным негативным фактором эффективности обучения может выступать несформированность у учащегося компетенции учебного эксплицирования, т.е. самостоятельного выражения в явном виде учебного знания. Знание, которое всплывает в диалоге, и знание, самостоятельно, без каких-либо подсказок и ассоциативных стимулов, выражаемое, – это различные виды знания. Учебная подготовка должна обеспечить школьнику возможность эффективно как эксплицировать знание, так и актуализировать его в диалоге, сформировать обе компетенции. Современный цифровой мир меняет диалог, предлагает новые его формы. Поэтому необходимы исследования того, как новые формы коммуникации влияют на обозначенные компетенции. В проведении таких исследований можно задействовать системы искусственного интеллекта.

Хорошие способности к эксплицированию помогают лучшему усвоению, пониманию и осмыслению учебных знаний. Искусственный интеллект позволит исследовать влияние развитости компетенции эксплицирования учебного знания на его понимание, сохранение, осмысление и т.п., также искусственный интеллект может осуществлять текущий мониторинг сформированности обозначенных компетенций, оценивать его уровень, выявлять пробелы и предлагать школьнику и учителю возможности их устранения. Можно обозначить и возможную роль искусственного интеллекта в противодействии негативным эффектам цифровизации по данному фактору – искусственный интеллект может оценивать связь параметров сформированности обозначенных компетенций с параметрами вовлеченности в гаджетизацию и предлагать меры противодей-

ствия. При этом с помощью видеорекамер, айтрекинга и анализа звуков можно определять, как часто ученик отвлекается на неучебное использование гаджетов и т.п., и рассчитывать корреляции показателей отвлечения с параметрами эксплицирования или актуализации знания в диалоге.

Фактор различной когнитивной готовности учеников в классе. Об этом речь уже шла выше, но представляется возможным рассмотреть данный фактор отдельно. Разные ученики могут обладать различным уровнем когнитивной готовности к усвоению того или иного предмета, в частности при цифровом обучении. Идея опирающегося на применение искусственного интеллекта адаптивного обучения сегодня активно обсуждается, но необходимо сделать акцент именно на адаптацию в аспекте когнитивной готовности.

Задача искусственного интеллекта – оценить когнитивную готовность каждого ученика к обучению по каждой из тех дисциплин, которые он изучает или собирается изучать, адаптировать учебный материал под когнитивные особенности учащегося, выстроить правильную образовательную траекторию, возможно, даже предложить варианты межшкольного трекинга (распределения учащихся по разным типам школ, различающимся по параметрам образовательного потенциала и характеристикам обучения [23. С. 47]), при необходимости предложить или автоматически реализовать в рамках работы, например, чатботов дополнительные тренировки по развитию когнитивных навыков или индивидуальную подготовку. Искусственный интеллект позволит максимально детализировать анализ когнитивной готовности, повысить его качество и, соответственно, качество персонализации обучения. Нужно отметить, что в данной области необходимы дополнительные исследования, которые также можно проводить в рамках работы систем искусственного интеллекта. Искусственный интеллект может также мониторить эффективность различных методов персонификации обучения или адаптации учебного материала с учетом когнитивной готовности учащегося, влияние неучебного применения гаджетов во время учебы на формирование этой когнитивной готовности.

Фактор гаджет-стресса. Связанный с использованием гаджетов (в первую очередь, смартфонов) стресс может негативно влиять на когнитивные аспекты учебной деятельности. В частности, негативные переживания могут способствовать незапечатлению или быстрому забыванию учебного материала, так как психика вовлечена в отражение стрессовой ситуации, а не в учебный процесс, ее ресурсы в плане учебы снижены. Возможно также, что психика иногда стремится вытеснить информацию, ассоциированную с травмирующим или стрессовым состоянием, и если учебная информация окажется как-то ассоциирована с чем-то стрессогенным, то и она может оказаться вытесненной. Стресс очевидно снижает и учебное внимание, порожденные стрессом мысли и переживания мешают школьнику сосредоточиться на учебе.

Искусственный интеллект может мониторить возможный стресс с помощью термовизора, айтрекера

(по изменениям диаметра зрачка, в частности) и других дистанционных психофизиологических датчиков, при этом регистрируя уровень неучебного обращения ребенка к гаджету (например, по анализу интернет-трафика или видеоканала) и, сопоставляя параметры уровней стресса и гаджет-деятельности, диагностировать стрессовое состояние, о чем информировать преподавателя. Таким образом, искусственный интеллект может мониторить именно гаджет-стресс. Стресс может быть связан с различными личностными особенностями, например с инфантилизмом, ригидностью аффекта или эмоциональной лабильностью и др., поэтому диагностика стресса позволит делать также выводы или предположения о психологических характеристиках учеников.

Фактор непонимания прочитанного (функциональной неграмотности). По мнению бывшего министра просвещения РФ О.Ю. Васильевой, «от 22 до 25% населения страны не владеют функциональным чтением» [24], т.е. могут прочесть текст, но не могут его осмыслить и отразить, полностью понять прочитанное. Проблема понимания учебного текста, неумения правильно работать с текстами сегодня крайне актуальна. Очевидно, что ученик, не понимающий так, как нужно, учебный текст, будет испытывать серьезные трудности в обучении. Одной из возможных причин этой проблемы является то, что человек, в основном имеющий только дело с краткими сообщениями в мессенджерах или в социальных сетях, чатах, СМС и т.д., не формирует способности адекватно понимать большие тексты. Таким образом, существует возможное влияние цифровизации и гаджетизации на развитие функциональной неграмотности.

Может ли искусственный интеллект определить, понял ученик прочитанное или нет, понял ли он правильно? Вероятно, такие системы могут быть разработаны. При этом может применяться и внешнее обучение, т.е. учитель определяет сам, что ученик понял или не понял прочитанное, и как-то отмечает это для искусственного интеллекта, который использует данные учителя как диагностические эталоны, и обучение на больших данных – искусственный интеллект сам учится это делать по специально разработанной программе, анализируя большое количество разных показателей. Возможен и сочетанный вариант: сначала с помощью внешнего обучения формируется необходимая база примеров, а потом с помощью этой базы искусственный интеллект уже сам совершенствует точность диагностики. Искусственный интеллект также может мониторить и оценивать вовлеченность ученика в неучебную цифровую деятельность и потом оценивать связь этой вовлеченности с уровнем понимания текста.

Заключение

Мы представили примеры возможного применения систем искусственного интеллекта в школе будущего. Очевидно, что это всего лишь малая толика возможных вариантов использования интеллектуальных систем для обеспечения когнитивной эффектив-

ности современного обучения и существует еще множество вопросов, связанных с обозначенной сферой. Представляется интересным, в частности, вопрос антропоморфизма – нужен ли антропоморфизм, например, виртуальному ассистенту, тьютору (в частности, связанному с обеспечением когнитивной эффективности обучения), если нужен, то в каких аспектах и как можно оценить уровень его антропоморфизма.

Очевидно, что психофизиологическое оборудование, применяемое для обеспечения работы систем искусственного интеллекта, должно быть неконтактным, вряд ли кто-то будет ежедневно опутывать учеников психофизиологическими датчиками. Хотя применение технологий на основе анализа электроэнцефалограммы было бы определенно перспективным, сложно даже представить себе реальный класс, в котором все ученики сидят в энцефалографических «шапочках».

В заключение нужно отметить, что определенно существуют и различные другие значимые факторы когнитивной сферы, влияющие на учебную деятельность, которые формат данной работы не позволил нам обсудить. Это и понимание логики, закономерностей науки, и когнитивные особенности освоения знаний учениками разных возрастов, и когнитивные составляющие образовательных траекторий, и образная обработка учебной информации, и отрицательно влияющие на образовательный процесс нарушения когнитивной сферы (кстати, оценка рисков таких нарушений определенно интересна в рамках применения интеллектуальных систем), и многое другое. В будущем мы планируем проанализировать с позиции применения в их отношении возможностей искусственного интеллекта и эти факторы.

Представляется важным максимальное использование алгоритмов самообучения и экспертного обучения систем искусственного интеллекта в образовании, обучаясь, система будет развиваться и совершенствоваться, адаптироваться к происходящим в мире изменениям.

Крайне важным является также понимание системой образования необходимости внедрять, «потреблять» разработки на основе искусственного интеллекта, осознание идеи соответствия образования требованиям времени.

Проведенное форсайт-исследование показало, что одной из возможных задач внедрения технологий искусственного интеллекта и инструментальной психодиагностики может стать обеспечение эффективности когнитивных процессов ребенка в рамках обучения. Представляется, что комплексное внедрение систем искусственного интеллекта и современных технических средств в образовательный процесс для снижения негативных когнитивных эффектов современного обучения реально и возможно. Ответ на вопрос, может ли искусственный интеллект обеспечить когнитивную эффективность обучения, представляется однозначно положительным. Другое дело, когда это удастся практически реализовать и внедрить в педагогическую практику? До определенной степени существующие технологии уже сегодня позволяют создать действующую модель когнитивно-эффективного обу-

чения с применением искусственного интеллекта и технических средств современной психофизиологии. Такие технологии пока, к сожалению, слишком доро-

гостоящи как в плане разработки математических моделей и программного обеспечения, так и в аспекте использования необходимого оборудования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпунин С.В., Лобаевич В.В. Использование искусственного интеллекта в образовании: перспективы и проблемы // *Философия и культура информационного общества* : тез. докл. Седьмой междунар. науч.-практ. конференции : в 2 ч. 2019. С. 206–209.
2. Славянов А.С., Фешина С.С. Технологии искусственного интеллекта в образовании как фактор повышения качества человеческого капитала // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019. № 7. С. 156–159.
3. Проскурин И.Е. Обзор методов искусственного интеллекта, с особой ссылкой на сферу образования // *Инновационные технологии в машиностроении, образовании и экономике*. 2019. Т. 22, № 1 (11). С. 46–57.
4. Шарунов Н.Д. Технология искусственного интеллекта как эффективная форма, применяемая в системе образования // *Вестник научных конференций*. 2018. № 3–2 (31). С. 122–124.
5. Ноткин Л.И. Искусственный интеллект и проблемы обучения. М., 2009. 132 с.
6. Чертовских О.О. Перспективы использования цифровых образовательных ресурсов // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019. Т. 8, № 4 (29). С. 184–187.
7. Nkambou R., Bourdeau J., Mizoguch R. Computer Assisted Instruction and Intelligent Tutoring Systems: Shared Goals and Complementary Approaches. Springer Berlin Heidelberg, 2010. 288 p.
8. Murray T. Authoring Intelligent Tutoring Systems: An analysis of the state of the art // *International Journal of Artificial Intelligence in Education*. 1999. Vol. 10. P. 98–129.
9. Филонов Д.Р., Чалый Д.Ю. История и перспективы развития разговорного искусственного интеллекта в сфере образования // *Заметки по информатике и математике* : сб. науч. ст. Ярославль, 2019. С. 213–219.
10. Пырнова О.А., Зарипова Р.С. Технологии искусственного интеллекта в образовании // *Преподавание информационных технологий в Российской Федерации* : материалы Семнадцатой открытой Всерос. конф. 2019. С. 335–337.
11. Усамов И.Р. Использование искусственного интеллекта в образовании: проблемы и перспективы // *Миллионщиков-2019* : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. студ., аспирантов и молодых ученых, посвященной 100-летию ГНТУ. Грозный, 2019. С. 78–82.
12. Казиахмедов Т.Б., Мосягина Т.В. Модель интеллектуальной информационной системы для образования // *Ученые записки ИУО РАО*. 2016. № 4 (60). С. 111–114.
13. Нежметдинова Ф.Т., Барабаш Н.С. Трансформация образования в условиях формирования цифровой экономики // *Инноватика и экспертиза* : науч. тр. 2018. № 2 (23). С. 120–131.
14. Китайгородский М.Д. Индустрия 4.0 и ее влияние на технологическое образование // *Современные наукоемкие технологии*. 2018. № 11–2. С. 290–294.
15. Чулюков В.А. Индустрия образования и искусственный интеллект // *Тенденции развития науки и образования*. 2019. № 53-1. С. 45–47.
16. Chernorizov A.M., Isaychev S.A., Zinchenko Yu.P., Znamenskaya I.A., Zakharov P.N., Khakhalin A.V., Gradoboeva O.N., Galatenko V.V. Psychophysiological methods for the diagnostics of human functional states: new approaches and perspectives // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2016. Vol. 9, Is. 4. P. 23–36.
17. Salazar-López E., Domínguez E., Juárez Ramos V., De la Fuente J., Meins A., Iborra O., Gálvez G., Rodríguez-Artacho M.A., Gómez-Milán E. The mental and subjective skin: Emotion, empathy, feelings and thermography // *Consciousness and Cognition*. 2015. № 34. P. 149. DOI: 10.1016/j.concog.2015.04.003
18. Биорадиолокация / под ред. А.С. Бугаева, С.И. Ивашова, И.Я. Иморева. М. : Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2010. 398 с.
19. Елшанский С.П. Некоторые когнитивные факторы эффективности обучения // *Психология обучения*. 2018. № 3. С. 56–64.
20. Алексеев Г.А. Применение теоретических знаний психологии памяти в организации эффективности учебного процесса // *European research* : сб. ст. XVII Междунар. науч.-практ. конф. 2018. С. 101–104.
21. Пентин А. Настоящее образование пойдет параллельно школе. Об электронных учебниках и о том, в чьих руках образование. URL: <http://www.edutainme.ru/post/nastoyashee-obrazovanie-poydet-parallelno-shkole/> (дата обращения: 26.01.2020)
22. Ботоканов А.И., Сарымсаков А.А., Эсеналиева В.А. Значение памяти в обучении // *Известия вузов*. 2015. № 3. С. 141–144.
23. Иванюшина В.А., Уильямс Е.П. Трекинг, школьная мобильность и образовательное неравенство // *Вопросы образования*. 2019. № 3. С. 47–70. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-4-47-70
24. Васильева: четверть населения России не владеет функциональным чтением. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5413075> (дата обращения: 26.01.2020).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 9 марта 2020 г.

School of the Future: Can Artificial Intelligence Provide Cognitive Learning Efficiency?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 192–201.

DOI: 10.17223/15617793/462/23

Sergey P. Elshansky, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ye_@mail.ru

Keywords: cognitive-effective learning; artificial intelligence in education; tools for instrumental psychodiagnostics; thermography in education; oculography in education; forecast of future in education; foresight research in education.

This study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-29-14059.

The aim of the work was to demonstrate the possibility of using artificial intelligence technologies and instrumental psychodiagnostics tools to ensure the effective operation of cognitive learning mechanisms. The presented literary review shows the main directions of modern scientific thought in relation to the use of artificial intelligence in education. These are adaptive learning systems, whose main task is to adapt educational content within the framework of personalization of learning, and educational chatbots (virtual assistants, tutors), which assess the student's progress, monitor what and when the student studied, collect students' opinions about the teacher, predict educational problems and help to overcome them, predict academic results. The presented analysis of the scientific elaboration of the problem of using artificial intelligence for the tasks of ensuring the cognitive effectiveness of training showed the lack of such elaboration. The possibilities of integrating instrumental psychodiagnostics methods, such as laser Doppler vibrometry, bioradiolocation, eyetracking, thermography, recognition and analysis of audio and video recordings, into intelligent educational systems have not been studied at all. The idea that the educational place of the student of the future should be provided with at least several instrumental psychodiagnostic channels has been expressed. At the same time, the artificial intelligence

system must coordinate the information received for these various channels. The article presents the results of an analytical foresight study that demonstrates the possibilities of building a class of the future, intensively using the idea of cognitive-effective education, artificial intelligence technology, and modern technical means. This study analyzes the cognitive factors that negatively affect the effectiveness of learning and the possibilities of overcoming them by means of artificial intelligence and instrumental psychodiagnostics, as well as the possible impact of digitalization on cognitive learning processes. The factors are analyzed: of non-preservation of learning knowledge in long-term memory, of non-homogeneity of academic knowledge, of non-formation of the necessary information and cognitive basis of knowledge for a discipline or for further training in general, of insufficient academic attention, of lack of cognitive training, of the formation of recognition in the absence of the possibility of free actualization of knowledge, of the inefficiency of certain methods of digital education, of non-formation of knowledge explication and actualization in a dialogue, of different cognitive readiness of students in the class, of gadget-stress, of misunderstanding of reading (functional illiteracy), and others. The conclusion is made about the possibility and reality of an integrated implementation of artificial intelligence systems and of modern technical means in the educational process to reduce the negative cognitive effects of modern learning.

REFERENCES

1. Karpukhin, S.V. & Lobazhevich, V.V. (2019) [The use of artificial intelligence in education: Prospects and problems]. *Filosofiya i kul'tura informatsionnogo obshchestva* [Philosophy and culture of the information society]. Abstracts of the 7th International Conference. St. Petersburg: Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. pp. 206–209. (In Russian).
2. Slavyanov, A.S. & Feshina, S.S. (2019) Technologies of artificial intelligence in education as a factor of improving the quality of human capital. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika – Economy and Business: Theory and Practice*. 7. pp. 156–159. (In Russian). DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11096
3. Proskurin, I.E. (2019) A review of artificial methods with a special reference to the field of education. *Innovatsionnye tekhnologii v mashinostroenii, obrazovanii i ekonomike*. 22:1 (11). pp. 46–57. (In Russian).
4. Sharunov, N.D. (2018) Tekhnologiya iskusstvennogo intellekta kak effektivnaya forma, primenyaemaya v sisteme obrazovaniya [Artificial intelligence technology as an effective form used in the education system]. *Vestnik nauchnykh konferentsiy*. 3–2 (31). pp. 122–124.
5. Notkin, L.I. (2009) *Iskusstvennyy intellekt i problemy obucheniya* [Artificial intelligence and learning problems]. Moscow: [s.n.].
6. Chertovskikh, O.O. (2019) Prospects for the use of digital resources in education. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Baltic Humanitarian Journal*. 8:4 (29). pp. 184–187. (In Russian).
7. Nkambou, R., Bourdeau, J. & Mizoguch, R. (2010) *Computer Assisted Instruction and Intelligent Tutoring Systems: Shared Goals and Complementary Approaches*. Springer Berlin Heidelberg.
8. Murray, T. (1999) Authoring Intelligent Tutoring Systems: An analysis of the state of the art. *International Journal of Artificial Intelligence in Education*. 10. pp. 98–129.
9. Filonov, D.R. & Chalyy, D.Yu. (2019) Istoriya i perspektivy razvitiya razgovornogo iskusstvennogo intellekta v sfere obrazovaniya [History and prospects for the development of colloquial artificial intelligence in education]. In: *Zametki po informatike i matematike: sb. nauch. st.* [Notes on computer science and mathematics: Articles]. Yaroslavl: Yaroslavl State University. pp. 213–219.
10. Pyrnova, O.A. & Zaripova, R.S. (2019) [Artificial intelligence technologies in education]. *Prepodavanie informatsionnykh tekhnologiy v Rossiyskoy Federatsii* [Teaching information technologies in the Russian Federation]. Conference Proceedings. Moscow. pp. 335–337. (In Russian).
11. Usamov, I.R. (2019) [The use of artificial intelligence in education: problems and prospects]. *Millionshchikov-2019*. Conference Proceedings. Grozny: Grozny State Oil Technical University. pp. 78–82. (In Russian).
12. Kaziakhmedov, T.B. & Mosyagina, T.V. (2016) Model' intellektual'noy informatsionnoy sistemy dlya obrazovaniya [Model of an intelligent information system for education]. *Uchenye zapiski IJU RAO*. 4 (60). pp. 111–114.
13. Nezhmetdinova, F.T. & Barabash, N.S. (2018) Transformation of education in the digital economy. *Innovatika i ekspertiza – Innovatics and Expert Examination*. 2 (23). pp. 120–131. (In Russian).
14. Kitaygorodskiy, M.D. (2018) Industry 4.0 and its impact on technological education. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii – Modern High Technologies*. 11-2. pp. 290–294. (In Russian).
15. Chulyukov, V.A. (2019) Industriya obrazovaniya i iskusstvennyy intellekt [Education industry and artificial intelligence]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 53-1. pp. 45–47.
16. Chernorizov, A.M. et al. (2016) Psychophysiological methods for the diagnostics of human functional states: new approaches and perspectives. *Psychology in Russia: State of the Art*. 9 (4). pp. 23–36.
17. Salazar-López, E. et al. (2015), The mental and subjective skin: Emotion, empathy, feelings and thermography. *Consciousness and Cognition*. 34. p. 149. DOI: 10.1016/j.concog.2015.04.003
18. Bugaev, A.S., Ivashov, S.I. & Imoreev, I.Ya. (eds) (2010) *Bioradiolokatsiya* [Bioradiolocation]. Moscow: Bauman Moscow State Technical University.
19. Elshanskiy, S.P. (2018) Nekotorye kognitivnye faktory effektivnosti obucheniya [Some cognitive factors of learning efficiency]. *Psikhologiya obucheniya – Psychology of Education*. 3. pp. 56–64.
20. Alekseev, G.A. (2018) [Application of theoretical knowledge of psychology of memory in organizing an effective educational process]. *European research*. Proceedings of the International Conference. Penza: Nauka i Prosveshchenie. pp. 101–104. (In Russian).
21. Pentin, A. (2013) *Nastoyashchee obrazovanie poydet parallel'no shkole. Ob elektronnykh uchebnikakh i o tom, v ch'ikh rukakh obrazovanie* [Real education will go parallel to school. On electronic textbooks and on who controls education]. [Online] Available from: <http://www.edutainme.ru/post/nastoyashchee-obrazovanie-poydet-parallelnno-shkole/> (Accessed: 26.01.2020)
22. Botokanov, A.I., Sarymsakov, A.A. & Esenalieva, V.A. (2015) Znacheniye pamyati v obuchenii [The value of memory in learning]. *Izvestiya vuzov*. 3. pp. 141–144.
23. Ivanyushina, V.A. & Williams, E.P. (2019) Tracking, school mobility, and educational inequality. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. 3. pp. 47–70. (In Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2019-4-47-70
24. TASS. (2018) *Vasil'eva: chetvert' naseleniya Rossii ne vladeet funktsional'nym chteniem* [Vasilieva: A quarter of the population of Russia does not know functional reading]. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/5413075> (Accessed: 26.01.2020).

Received: 09 March 2020

А.А. Колесников

КАК ОБУЧАТЬ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ РЕШЕНИЯ

Рассмотрен ряд проблем, препятствующих организации эффективно ориентированного обучения иностранному языку при подготовке студентов педагогического вуза к их будущей образовательно-коммуникативной деятельности. Предложена авторская стратегия повышения эффективности обучения в соответствии с моделью «от присвоения методического опыта к собственным методическим решениям». Рассмотрены этапы реализации данной стратегии и используемые методы обучения в рамках практического курса иностранного языка.

Ключевые слова: подготовка учителей иностранного языка; урок иностранного языка; методический опыт; учебно-коммуникативная деятельность.

Введение

Вопросы профессионально ориентированной подготовки будущих учителей иностранного языка (ИЯ) рассматривались достаточно подробно в отечественной и зарубежной методике. Несмотря на это, каждый год появляются новые (в том числе крупные) исследования в этой сфере, что свидетельствует о стабильности актуальности обсуждаемых проблем и необходимости постоянно обновлять, совершенствовать систему педагогического образования (в частности, в области языков и культур) в связи с высокой динамикой развития и преобразования самой педагогической профессии.

В настоящее время большое количество исследований посвящено компетентностной составляющей подготовки учителя ИЯ [1–4], а также развитию умений систематической профессиональной рефлексии, в том числе конструированию «профессионального автопортрета» (см., напр., [5]). Состав профессиональных компетенций учителя ИЯ достаточно подробно описан в отечественных и зарубежных исследованиях. Так, в работе К.С. Махмурян рассматриваются общекультурная, психолого-педагогическая, социальная, управленческая, информационно-коммуникационная, филологическая, коммуникативная компетенции [2]. Похожий состав компетенций предлагают авторы пособия «Основы методики обучения иностранным языкам», добавляя лингводидактическую и методическую компетенции [6] (которые, на наш взгляд, было бы целесообразно объединить). Р. Ланкер выделяет предметную, дидактическую (методическую), организационно-учебную, личностную (Selbstkompetenz) компетенции, способности к речевому взаимодействию (Gesprächskompetenz) и способности к выстраиванию отношений (Beziehungskompetenz) [3. С. 7].

Анализ показывает, что основное внимание исследователей обоснованно концентрируется на методической компетенции, которая в известной степени интегрирует элементы других названных компетенций. Отечественные ученые выделяют в составе данного конструкта проектировочный, гностический, конструктивно- и информационно-технологический, коммуникативно-организаторский и обучающий, коррекционно- и рефлексивно-гностический компоненты [1]. В зарубежных моделях представлены похожие

(если не по названию, то по сути) составляющие: диагностическая, оценочная, воспитательная, личностно-социальная, компетенция саморазвития и пр. [4]. Этот далеко не полный перечень дает представление о широком спектре профессиональных способностей и качеств, которыми должны овладеть студенты за время обучения. Дисциплины психолого-педагогического цикла несут особую ответственность за освоение студентами большинством профессиональных педагогических компетенций, однако, как свидетельствует практика, часто эти (преимущественно теоретические) дисциплины способны сформировать лишь когнитивную основу профессиональных представлений обучающегося. Лекции и семинары по методике, обеспечивающие формирование методической компетенции, на практике позволяют вывести студента только на начальные уровни готовности к образовательной деятельности, что, конечно, нельзя считать достаточным. Одновременно с этим практически все методисты едины во мнении, что обучение иностранным языкам будущих учителей должно быть профессионально ориентированным: ведь именно собственный учебный опыт мы чаще всего используем при обучении других. Если выстраивать обучение студентов в виде моделей их будущей педагогической (коммуникативно-образовательной) деятельности, мы получим дополнительный мощный ресурс формирования большинства компонентов методической и ряда других профессиональных компетенций через учебно-коммуникативную практику. Если же мы обучаем ИЯ будущих учителей так же, как, например, лингвистов или переводчиков, или же с использованием устаревших методик (скажем, грамматико-переводного метода, который до сих пор популярен в вузах), то даже прекрасно организованный курс методики не сможет радикально исправить ситуацию. Человеку свойственно воспроизводить образцы поведения, поэтому многие студенты последуют примеру своих преподавателей, а не словам лектора-методиста или педагога.

Сказанное является едва ли не азбучной истиной; вместе с тем, даже несмотря на наличие соответствующих научных исследований, практика обучения ИЯ в педагогических вузах в подавляющем большинстве случаев не ориентирована на поддержание формирования методической компетенции. Такой вывод сделан нами на основе анализа ситуации с преподавани-

ем дисциплины «ИЯ» на четырех педагогических отделениях / факультетах в вузах Москвы и Рязани. С чем это связано? Думается, можно выделить следующие факторы, препятствующие профессионально ориентированной организации практического курса ИЯ в педвузе. Во-первых, до сих пор отсутствуют фундаментальные научные исследования, в которых было бы представлено обоснование *целостной системы обучения иностранным языкам студентов педагогического вуза*. Насколько нам известно, исследуются лишь отдельные элементы этой системы (цели и содержание обучения, организация учебного процесса и пр.), однако взятые по отдельности они не дают общей непротиворечивой картины. В этой же связи до настоящего времени отсутствуют прошедшие массовую апробацию и хорошо зарекомендовавшие себя в большинстве вузов научно обоснованные рабочие программы по дисциплине «ИЯ» с профессионально ориентированным педагогическим уклоном. Вторая проблема заключается в отсутствии учебного пособия по обучению ИЯ будущих учителей. Очевидно, что разработка такого пособия возможна лишь после обоснования системы обучения. Третий сдерживающий фактор – это отсутствие готовности самих преподавателей к планированию занятий с использованием особых приемов, форм и содержания, что, в свою очередь, обусловлено двумя предыдущими факторами, а также отсутствием специальных курсов повышения квалификации по методике обучения ИЯ именно студентов-педагогов.

Заявленные проблемы, как отмечалось, носят фундаментальный характер, и данная статья не претендует на их всестороннее исследование. Вместе с тем опора на ряд дидактических и методических научных концепций, названных ниже, и переосмысление в их свете опыта коллег-преподавателей языковых дисциплин и методики, а также собственного пятнадцатилетнего опыта работы в двух педагогических вузах одновременно в качестве преподавателя немецкого языка и методики позволяют автору сделать ряд обобщений и предложить в качестве дискуссии некоторые решения, апробированные на практике. Эти решения имеют целью постепенное объединение образовательных задач дисциплины «ИЯ» в рамках вуза и профессиональной задачи формирования методической компетенции студентов. Полагаем, описание данного опыта будет в определенной степени способствовать преодолению третьей из названных выше трудностей.

Методология

Представленная в нашем исследовании модель обучения опирается на идеи *контекстного обучения*: уточненные принципы (личностно-смысловое включение студента в будущую профессиональную деятельность, последовательное моделирование содержания, форм и условий профессиональной деятельности, проблемность содержания, адекватность форм организации обучения ИЯ целям и содержанию методической и педагогической деятельности и др.), проблемный подход к отбору содержания обучения ИЯ

будущих учителей, актуализацию ряда обучающих моделей, позволяющих осуществить переход от учебной к «квазипрофессиональной» (А.А. Вербицкий) деятельности в рамках практического курса ИЯ [7. С. 123–145]. Исследование в значительной степени опирается на разработанные нами ранее положения методики профориентационного обучения иностранному языку: в частности, на *принцип компетентностной корреляции и интеграции*, а также на метод *поэтапного моделирования профессиональных ситуаций* [8]. Во взаимосвязи с контекстно-профориентационным актуализируется и деятельность-продуктивный характер обучения ИЯ [9], заключающийся в необходимости получения лично и (в нашем случае) профессионально значимого продукта в виде как когнитивных приращений (осознания специфики учебного процесса, его компонентов, характеристик и пр.), так и конкретных методических действий студентов. Мы также принимали во внимание принцип поэтапного обучения (межкультурному) общению студентов-бакалавров языкового вуза: от лингвистической интерпретации к продуктивной коммуникации в рамках ситуативных контекстов с учетом постепенного развития внутренней мотивации, самостоятельности, умений сотрудничества (социальной компетенции) [10].

Исследование и результаты

В самом общем виде предлагаемая нами модель обучения ИЯ студентов-бакалавров направления «Педагогическое образование» представляет собой следующую формулу: *от присвоения опыта преподавания к самостоятельным методическим решениям при изучении дисциплины «Иностранный язык»*. Данная модель предполагает двухэтапную реализацию. Рассмотрим подробнее эти этапы.

На **первом этапе**, который соответствует первым двум годам обучения на языковом педагогическом факультете, организуется преимущественно аналитическая работа студентов, нацеленная на осмысление преподавательской практики. В качестве «методического образца» выступает непосредственно преподаватель данной группы. Отдельно отметим, что на этой ступени обучения студенты еще не изучают методику как отдельную дисциплину. В рамках описываемого периода при обучении ИЯ особое внимание уделяется таким приемам, как демонстрация методов и моделей учебного процесса непосредственно через практическое обучение языку, аналитические обсуждения со студентами элементов занятия, рефлексия.

Важным условием является моделирование на практическом занятии по ИЯ отдельных структурных элементов и некоторых технологических особенностей школьного урока. Такое моделирование должно опираться на принцип сознательности: студентам необходимо осознавать смысл моделируемых явлений, которые затем будут перенесены в их преподавательскую практику. Приведем наиболее показательные, на наш взгляд, примеры.

1. *Осуществление индивидуализированного целеполагания, планирования и самооценивания (рефлек-*

сии). Современный урок нацелен на развитие регулятивных учебных действий учащихся. Ученик должен продемонстрировать способность и готовность к индивидуализации цели занятия, т.е. уметь определять лично значимые (конкретно для него) задачи в рамках общей цели, а также планировать наиболее оптимальный для него путь решения этих задач и осуществлять самоконтроль. На занятиях со студентами мы используем разработанные нами карты целеполагания и планирования, общая структура которых может быть перенесена в контекст обучения ИЯ в 8–9-х и 10–11-х классах школы. Приступая к изучению новой темы, мы предлагаем студентам ознакомиться с предстоящими видами деятельности, зафиксированными в «карте», и выбрать / отметить те из них, которые представляют для того или иного студента особый интерес (см. столбик «Это меня особенно интересует», таблица). Обычно обучающиеся должны выделить в карте 1–2 вида деятельности.

При этом имеется в виду, что, выбирая тот или иной вид активности, студент тем самым берет на себя дополнительные обязательства, заключающиеся в необходимости индивидуального вклада: подготовки авторской презентации, аудио- или видеоподкаста и пр. Помимо этого, студенты добавляют несколько индивидуальных целей (обычно 1–2), связанных с данной темой, определяют план достижения и ожидаемые результаты. Далее, в ходе учебного процесса, студенты фиксируют достижение общих и индивидуальных целей и осуществляют самооценивание (в том числе тех результатов, которые получены в соответствии с дополнительными обязательствами). В конце темы преподаватель просматривает карты, проводит консультации, вносит в карту рекомендации для студента. Один из примерных вариантов данной карты (по теме «Система образования») представлен в таблице. Карта составляется на изучаемом языке.

Таблица

Карта целеполагания

Учебная цель	Это я уже умею	Это меня особенно интересует	Цель достигнута	Мой авторский вклад (самооценка)	Комментарий (со стороны преподавателя)
Уметь объяснять структуру образовательных систем в Германии и России					
Разбираться в отечественных и зарубежных образовательных документах, уметь их сравнивать					
Уметь рассказывать о видах социальной активности учащихся Германии и России, приводить примеры					
Уметь анализировать проблемы образовательных систем					
Уметь анализировать и интерпретировать художественный фильм на тему «Образование»					
Уметь анализировать и интерпретировать научно-популярный фильм / телепередачу на тему «Образование»					
Уметь проводить презентацию и осуществлять критическую аналитику интернет-ресурсов (включая блогосферу) на тему «Образование»					
Уметь участвовать в дебатах по проблемам образовательной системы					
Уметь представить и обосновать прогноз развития образовательных систем					
<i>Индивидуальная цель: ...</i>					
<i>Индивидуальная цель: ...</i>					

Реализация регулятивных действий также должна быть направлена на демонстрацию студентам возможностей сочетания, взаимодействия аудиторного, внеаудиторного и самостоятельного типов работы. Для этого есть несколько способов; остановимся здесь на одном из них. Это способ организации самостоятельной учебной деятельности, который в немецкой / европейской лингводидактике называется «*Wochenplanarbeit*» («Недельный план работы») [11]. Преподаватель готовит дополнительные материалы в рамках изучаемой темы, над которыми студенты будут самостоятельно работать в течение одной или двух недель. Данный «план» включает в себя три блока заданий. Первый – это *обязательные задания*, второй – *факультативные*, из которых студент вы-

бирает как минимум одно, и третий – *индивидуальные* (студент в рамках консультации с преподавателем самостоятельно определяет свое индивидуальное задание). Форма отчетности по заданию жестко задается только в первом блоке; во втором и третьем студент определяет ее самостоятельно. Кроме того, студенты сами планируют форму выполнения заданий: они могут работать индивидуально, в паре или мини-группе. В последних двух случаях должна быть распределена степень ответственности между студентами в рамках консультации с преподавателем. Далее студенты устанавливают сроки выполнения заданий и определяют (совместно с преподавателем) форму презентации своих индивидуальных результатов на занятии.

Таким образом, студенты знакомятся с возможными стратегиями учебной автономии, которые в дальнейшем смогут перенести в контекст работы со школьниками.

2. *Обучение языковым средствам.* Студентам необходимо продемонстрировать способы работы, направленные на овладение лексической, грамматической и фонетической сторонами речи. При этом следует учитывать обновленные требования полилингвального / поликультурного подхода, заявленного в новой версии «Общеввропейских компетенций» [12]. С помощью лексических упражнений, дополняемых краткими методическими пояснениями со стороны преподавателя, происходит знакомство студентов с переводными и беспереводами способами семантизации, разнообразными лексическими играми, стратегиями присвоения лексической единицы. Аналогичным образом осуществляется обучение грамматике, где в качестве дополнительной методической задачи выступает знакомство студентов с индуктивным и дедуктивным подходами к овладению грамматическими средствами. Фонетические упражнения, в свою очередь, должны продемонстрировать особенности организации обучения произношению на начальной, средней и старшей ступенях школьного образования: от отдельного звука и дифференциации звуков в словах до отработки интонационных моделей в условно-речевых упражнениях (например, *согласитесь или не согласитесь с утверждениями, выразите убежденность или сомнение в сказанном* и пр.). Названные группы упражнений, где помимо учебной задачи (напр.: *на основе иллюстрации определите значение слов и выражений*) также реализуется дополнительная методическая задача благодаря краткому комментарию, дополнительному вопросу (*какой способ семантизации лексики использован в данном случае?*), мы предлагаем называть *учебно-методическими*.

Наряду с представленным традиционным набором используются также упражнения, демонстрирующие студентам способы развития полилингвального репертуара и полилингвальной эрудиции учащихся [12]. Приведем некоторые примеры:

1) Межъязыковые лексические сопоставления. *Дополните следующие закономерности и приведите примеры:*

– *русские заимствованные слова на «-ция» имеют в итальянских аналогах (схожий) корень и часто заканчиваются на -(zione) (инновация – innovazione, эмоция – emozione, нация – nazione);*

– *русские заимствованные слова на -(ический), -(ичный) в итальянских аналогах часто заканчиваются на -ico (романтичный – romantico, аналитический – analitico) и т.д.*

2) Межъязыковой словообразовательный анализ. *Проанализируйте модели словообразования, используемые в немецком языке при заимствовании существительных и глаголов из английского.*

3) Межъязыковые сопоставления устойчивых конструкций. *Какие эквиваленты английской конструкции «there is / are» имеются а) в немецком (es gibt), б) французском (il y a), в) итальянском (c'è)*

языках? Какие обнаруживаются сходства и различия в их составе и сферах употребления? Приведите примеры, сравнив использование данных конструкций в утвердительных и отрицательных предложениях.

4) Межъязыковые грамматические сопоставления. *Прокомментируйте сходства и различия в образовании и употреблении времен Present Perfect (английский язык) и Perfekt (немецкий язык).*

5) Лингвокультуроведческие сопоставления, предполагающие сравнение типичных ассоциаций, возникающих у представителей разных культур в связи с определенным понятием, специфики понимания тех или иных концептов в разных культурах. Например: *какие типичные ассоциации вызовет слово «фрукт» у: а) носителя русского языка, проживающего в России (яблоко); б) жителя США (апельсин); в) жителя Евросоюза (нет определенного образа, возникает обобщенный образ разных фруктов).*

– и т.д.

3. *Демонстрация активизирующих форм, приемов и технологий организации коммуникативной деятельности.* Важной задачей является формирование у студентов представления о том, как развивать речевые умения учащихся, ориентируясь на виды и формы социально-коммуникативной деятельности. Это означает, что занятие по иностранному языку обязательно должно характеризоваться вариативностью форм и методов, причем ведущую роль должны играть так называемые активизирующие способы организации работы. Активизация осуществляется посредством личностно значимого и проблемного содержания обучения, кооперативных форм обучения, актуализации стратегий учебной автономии, ориентации на продуктивную деятельность, использования открытого формата занятий (т.е. такого формата, который позволяет обучающимся в рамках занятия построить индивидуальный образовательный маршрут, например с помощью перечисленных далее способов организации учебного процесса) [13]. Названные факторы обуславливают приоритет таких видов работы, как, например, кооперативное чтение, «работа на станциях», «прогулка по классу» («*mingling activities*» / «*Klassenspaziergang*»), кооперативное и ситуативное письмо, «вихревые группы», «коммуникативная салфетка», «зигзаг-дебаты», которые подробно описаны в методической литературе, в том числе в наших работах.

4. Особое место в этом списке занимает *методическая рефлексия*. Все описанные выше формы, приемы и технологии работы следует не просто использовать в процессе обучения студентов, но и ориентировать обучающихся на методическое осознание форм и способов организации занятия. Для этого после каждого введенного методически ценного факта преподаватель должен обратить на него внимание студентов, зафиксировать его название (мы это делаем на русском и иностранном языках), обсудить его задачи и функции на определенном этапе обучения, зафиксировать (по возможности, на иностранном языке) его описание и (или) инструкцию. Помимо этого, студентам полезно вести «методические дневники». Такой

дневник может состоять из трех частей. Первая представляет собой методический глоссарий, содержащий, например, такие разделы, как «Формы работы» («*Sozialformen*»), «Приемы и технологии работы» («*Arbeitsformen*»), «Разное» («*Sonstiges*»). Во второй части студенты фиксируют свои методические наблюдения, критически оценивают те или иные методические факты и решения. В зависимости от уровня владения языком это можно делать как на иностранном, так и на русском языке. Третья часть – это «Профессиональный автопортрет». Существует несколько форматов такого «автопортрета»; один из весьма удачных представлен в работе [5]. Он состоит из трех основных частей: «Преподаватель» («*Lehrende*»), «Занятие» («*Unterricht*») и «Учащийся» («*Lernende*»). В каждом разделе дано начало рефлексивных фраз, которые студент должен самостоятельно закончить с учетом своих профессионально-педагогических взглядов. Например, **Lehrende:** *Meine Hauptaufgabe besteht darin...; Unterrichten bedeutet für mich...; Auf jeden Fall muss ich als Lehrkraft...; Auf keinen Fall darf ich als Lehrkraft...; Unterricht:* *Für einen guten Unterricht ist es wichtig, dass...; Ich halte viel / überhaupt nichts von...; Ich bemühe mich im Unterricht immer...; Lernende:* *Lernende sollten vor allem...; Am besten lernen die Schüler Deutsch, wenn sie...; Ich erwarte von den Lernenden... и др. [5. S. 27].* Студентам следует периодически обращаться к заполнению данного «автопортрета»: в идеальном случае, один раз в семестр, каждый раз вписывая ответы, которые они считают верными на данный момент. Таким образом, они получают возможность проследить развитие своей профессиональной личности.

Следует отметить, что граница между первым и вторым этапами описываемой модели обучения достаточно условна. Названные нами методы работы сохраняют актуальность и на втором этапе, но акценты смещаются на новые способы организации учебного процесса, о чем речь пойдет далее.

Итак, **второй этап** методически ориентированного обучения ИЯ включает в себя 3–4-е курсы. Это период, когда студенты уже освоили многие психолого-педагогические дисциплины, изучают методику обучения ИЯ как особую дисциплину и должны обладать уже достаточно высоким уровнем языковой подготовки. В связи с этим на данном этапе мы постепенно переходим к организации продуктивной учебно-методической иноязычной деятельности. Опыт работы со студентами позволил выделить три основных способа методически ориентированного обучения.

1. *Модификация аутентичных (вузовских) материалов для разных возрастных групп школьников.* Предусматриваются задания, которые нацеливают студентов на видоизменение материалов (текстов, упражнений и пр.), используемых на вузовских занятиях по практическому курсу ИЯ, таким образом, чтобы получившийся методический продукт (как правило, фрагмент конспекта школьного урока, последовательность упражнений и т.п.) соответствовал требованиям к организации обучения ИЯ в определенном классе или на определенной ступени обучения. В рамках данного способа актуализируется предше-

ствующий рецептивный методический опыт студентов. Осуществляется методическая тренировка в организации регулятивных действий учащихся, учебных действий с языковыми средствами и способов моделирования коммуникативной деятельности. Принципиально важно, что студенты при подготовке материалов должны учитывать закономерности обучения ИЯ на данном этапе, а значит, опираться на приобретенные психологические и методические знания. Как показывает практика, такой способ работы наиболее удобно и эффективно использовать в рамках организации индивидуального чтения студентов. В этом случае на основе фрагмента художественного текста студенты проектируют последовательность упражнений для работы над языковым материалом, интерпретации содержания и выхода в коммуникативную ситуацию, учитывая возраст школьников и изучаемую тему. Выполнение заданий может осуществляться в паре или микрогруппе, а результат презентуется всей учебной группе с последующим обсуждением.

2. *Условная «профессиональная проба».* В рамках этого блока предполагается не только разработка, но и проведение собственного занятия (чаще его фрагмента). Предусматриваются методические задания, предполагающие тесное сотрудничество преподавателя и студента. Преподаватель заранее определяет те разделы, в рамках которых студенты смогут подготовить собственные разработки. Далее осуществляется распределение заданий и устанавливается график консультаций. На консультации преподаватель объясняет студенту содержание предстоящей работы, студент высказывает свои предложения относительно способов ее организации, преподаватель, в случае необходимости, предлагает свое понимание, после чего происходит обсуждение. Темы целесообразно распределять между студентами с учетом их интересов: в этом случае, как свидетельствует опыт, обучающиеся лучше мотивированы и выполняют задание с большим творчеством. Занятия (или фрагменты) проводятся студентами в их же группе, в некоторых случаях – в параллельных группах, если позволяет расписание и существует договоренность между преподавателями. Конечно, данный тип заданий можно лишь условно назвать профессиональной пробой, однако несомненным плюсом являются широкие возможности для методических экспериментов, которые в таком объеме редко предоставляются студентам даже на педагогической практике.

3. *Проектная учебно-методическая деятельность.* Каждая тема практического курса ИЯ заканчивается презентацией результатов проекта с использованием мультимедийных аудиовизуальных средств. Новым требованием к иноязычным проектам на данном этапе является обязательное наличие методического компонента, включающего в себя фазы ознакомления, тренировки и (или) практики, рефлексии. Таким образом, студенты не только демонстрируют результаты своей творческой продуктивной деятельности, но и вовлекают в обучающее взаимодействие своих сокурсников. Например, проект по теме «*Umweltschutz*» («Защита окружающей среды»), посвященный проблеме раздельного сбора мусора в Германии и России, может быть представлен следую-

щим образом. Студенты знакомят своих одноклассников с правилами раздельного сбора мусора, представляют на слайдах типологию мусорных контейнеров в городах Германии. У слушающих студентов имеются рабочие листы, где объясняются новые лексические единицы и слова-реалии, используемые в презентации. Далее проектная команда предлагает выполнить одно или несколько небольших упражнений: например, соотнести разные вещи с типами контейнеров, куда их следует выбрасывать. После этого демонстрируется небольшой фрагмент передачи, в которой рассказывается о проблеме загрязнения определенного региона или города в Германии и как она решается. На основе данного фрагмента выполняются упражнения (одно-два), которые предложены в рабочих листах. Далее проектная команда предлагает остальным студентам, воспользовавшись интернетом, найти информацию о раздельном сборе мусора в родном городе. Студенты кратко сообщают о результатах на немецком языке, после чего проектная команда демонстрирует ту информацию (уже более подробно, с иллюстрациями, статистикой и пр.), которую удалось обнаружить им. Организуется совместная дискуссия о перспективах решения проблемы раздельного сбора мусора в нашей стране, по завершении которой каждый студент кратко сообщает о своих выводах и наиболее интересных фактах, которые он узнал из материалов своих сокурсников. Так организуется рефлексия.

Заключение

Итак, в данной статье на основе обобщения авторского преподавательского опыта и практики через призму концепций контекстного, проориентационного и продуктивного обучения ИЯ была предложена новая модель методически ориентированного обучения иностранным языкам в языковом педагогическом вузе, затрагивающая весь период высшего педагогического образования. Обоснована стратегия поэтапного усиления специализации обучения ИЯ студентов-педагогов, поддержания формирования методической компетенции на всех этапах обучения ИЯ в вузе в соответствии с формулой «от присвоения методического опыта к собственным методическим решениям». Двухэтапная реализация этой модели предполагает на первом этапе аналитическую работу студентов, нацеленную на осмысление преподавательской практики, а на втором – переход к организации продуктивной методически ориентированной иноязычной деятельности. Думается, описанные здесь решения могут послужить поводом для научно-практической дискуссии и дальнейшей оптимизации предложенной стратегии, что, в свою очередь, будет способствовать и решению других проблем, обозначенных в начале статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Языкова Н.В. Формирование методической компетенции учителя иностранного языка в университете: истоки, опыт, проблемы, перспективы // Профессиональное становление учителя иностранного языка в системе педагогического образования : материалы междунар. конф. М. : МГПУ, 2017. С. 14–23.
2. Махмуриян К.С. Теоретико-методические основы ускоренной подготовки учителя иностранного языка в условиях дополнительного образования : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2009. 421 с.
3. Schocker-von Dittfurth M. Unterricht verstehen. Medienpaket zur Förderung reflektierter Unterrichtspraxis. Modul 1: Erfahrungswissen reflektieren und den eigenen Unterricht weiterentwickeln. München : Goethe-Institut, 2002. 92 S.
4. Hallet W. Didaktische Kompetenzen. Lehr- und Lernprozesse erfolgreich gestalten. Stuttgart: Klett, 2006. 183 S.
5. Schart M., Legutke M. DLL 01: Lehrkompetenz und Unterrichtsgestaltung. München : Klett-Langenscheidt, 2012. 199 S.
6. Основы методики обучения иностранным языкам / Н.Д. Гальскова [и др.]. М. : Кнорус, 2018. 390 с.
7. Вербицкий А.А., Ларионова О.Г. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции. М. : Логос, 2015. 336 с.
8. Колесников А.А. Научные основы проориентационного обучения иностранным языкам в системе непрерывного филологического образования. Рязань : Рязан. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2016. 428 с.
9. Коряковцева Н.Ф. Продуктивное языковое образование как реализация развивающей образовательной парадигмы // Иностранные языки в школе. 2018. № 2. С. 2–10.
10. Суйская В.С. Технологии обучения бакалавров межкультурному диалоговому общению // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 4. С. 164–166.
11. Vaupel D. Das Wochenplanbuch für die Sekundarstufe – Schritte zum selbständigen Lernen. Weinheim, Basel : Beltz, 1998. 175 S.
12. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors. Strasbourg: Council of Europe, 2018. URL: <https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989>
13. Thomson K. Schüleraktivierung // Englisch Methodik / Ch. Lütge (Hrsg.). Berlin : Cornelsen, 2014. S. 177–201.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 18 августа 2020 г.

Foreign Language Classes in a Pedagogical University: Topical Problems and Possible Solutions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 202–208.

DOI: 10.17223/15617793/462/24

Andrei A. Kolesnikov, Ryazan State University named for S.A. Yesenin (Ryazan, Russian Federation); Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kolesnikow@list.ru

Keywords: teacher's training; foreign language classes; didactic experience acquisition; educational-communicative activities of students.

The article discusses a new strategy of professionally-directed (didactic-oriented) foreign language teaching to students of a language pedagogical university (future teachers of a foreign language). The study analyses the components of the teacher's methodological (linguodidactic) competence, revealing a number of problems concerning their formation in a pedagogical university, as well as showing the dependence of their development on the intensity of their actualisation in the Foreign Language Practice discipline. The article identifies several factors hindering the formation of the linguodidactic competence within foreign language classes. In order to overcome these negative factors, the article offers a new model of teaching foreign languages, described in the formula

“from the acquisition of didactic experience to one’s own educative decisions”. The methodology of this model is based on two inter-related methods: contextual teaching and vocation-focused foreign languages teaching, as well as related methods for organizing productive teaching of a foreign language. The model mentioned above assumes a two-stage implementation. At the first stage, analytical work of students is organized. Its aim is to understand and analyse the teaching practice. An important condition is the modelling of basic structural elements and some procedural features of a school lesson while organising university foreign language classes. Particular attention is paid to the implementation of individualised goal-setting, planning and self-assessment (reflection), demonstration of lexis, grammar and phonetics mastering, of active forms and techniques for organising communicative activities, methodological reflection. At the first stage, university students are also offered some methodological tools (for example, goal-setting maps and maps for academic work planning, etc.), which can be used in teaching foreign languages at school. When organising the educational process, much attention is paid to the awareness of methodological facts, phenomena, patterns. Therefore, a new type of exercises (educational-methodological) has been proposed. In addition to an educational task, these exercises contain a methodological task in form of a short comment, an additional question, etc. At the second stage, there is a transition to the organising of a productive methodologically oriented foreign language activity. Three main methods of methodologically oriented teaching are distinguished: modification of authentic (university) materials for different age groups of schoolchildren, conventional “professional test”, and project educational-methodological activity. In conclusion, the main results of the study are summarised.

REFERENCES

1. Zazykova, N.V. (2017) [Formation of methodological competence of a foreign language teacher at the university: Origins, experience, problems, prospects]. *Professional'noe stanovlenie uchitelya inostrannogo yazyka v sisteme pedagogicheskogo obrazovaniya* [Professional formation of a foreign language teacher in the system of pedagogical education]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 14–23. (In Russian).
2. Makhmuryan, K.S. (2009) *Teoretiko-metodicheskie osnovy uskorennoy podgotovki uchitelya inostrannogo yazyka v usloviyakh dopolnitel'nogo obrazovaniya* [Theoretical and methodological foundations of accelerated training of a foreign language teacher in conditions of additional education]. Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
3. Schocker-von Ditfurth, M. (2002) *Unterricht verstehen. Medienpaket zur Förderung reflektierter Unterrichtspraxis*. Modul 1: Erfahrungswissen reflektieren und den eigenen Unterricht weiterentwickeln. München: Goethe-Institut.
4. Hallet, W. (2006) *Didaktische Kompetenzen. Lehr- und Lernprozesse erfolgreich gestalten*. Stuttgart: Klett.
5. Schart, M. & Legutke, M. (2012) *DLL 01: Lehrkompetenz und Unterrichtsgestaltung*. München: Klett-Langenscheidt.
6. Gal'skova, N.D. et al. (2018) *Osnovy metodiki obucheniya inostrannym yazykam* [Fundamentals of methods of teaching foreign languages]. Moscow: Knorus.
7. Verbitskiy, A.A. & Larionova, O.G. (2015) *Lichnostnyy i kompetentnostnyy podkhody v obrazovanii: problemy integratsii* [Personality- and competence-based approaches in education: Problems of integration]. Moscow: Logos.
8. Kolesnikov, A.A. (2016) *Nauchnye osnovy proforientatsionnogo obucheniya inostrannym yazykam v sisteme nepreryvnogo filologicheskogo obrazovaniya* [Academic bases of vocational guidance teaching foreign languages in the system of continuous philological education]. Ryazan: Ryazan State University.
9. Koryakovtseva, N.F. (2018) Produktivnoe yazykovoe obrazovanie kak realizatsiya razvivayushchey obrazovatel'noy paradigmy [Productive language education as the implementation of a developing educational paradigm]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 2. pp. 2–10.
10. Suyskaya, V.S. (2013) Tekhnologii obucheniya bakalavrov mezhkul'turnomu dialogovomu obshcheniyu [Technologies for teaching bachelors in intercultural dialogue communication]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki – Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 4. pp. 164–166.
11. Vaupel, D. (1998) *Das Wochenplanbuch für die Sekundarstufe – Schritte zum selbständigen Lernen*. Weinheim, Basel: Beltz.
12. Council of Europe. (2018) *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors*. Strasbourg: Council of Europe. [Online] Available from: <https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989>.
13. Thomson, K. (2014) Schüleraktivierung. In: Lütge, Ch. (Hrsg.) *Englisch Methodik*. Berlin: Cornelsen. pp. 177–201.

Received: 18 August 2020

В.В. Черкасов, И.И. Черкасова

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассмотрены возможности практико-ориентированной технологии формирования профессиональных компетенций будущих учителей физической культуры и предложены варианты решения проблемы их подготовки к выполнению основных требований ФГОС к результатам обучения по предмету «Физическая культура». Представлены содержание и способы реализации практико-ориентированной технологии профессиональной подготовки студентов, результативность которой доказана в ходе двухлетнего педагогического эксперимента.

Ключевые слова: студенты; дисциплина «Методика преподавания физической культуры»; формирование профессиональных компетенций в области физической культуры; личностные, метапредметные и предметные результаты обучения; практико-ориентированная технология.

Актуальность

Проблема соответствия вызовов рынка труда и ответов системы профессионального образования сегодня стоит особенно остро. Одним из главных вызовов в системе профессионального педагогического образования является снижение качества практической подготовки педагогических кадров. Определённые решения данной проблемы предпринимаются на уровне государственной образовательной политики, в частности, за счёт введения прикладного бакалавриата, реализации компетентностного подхода как основы образовательных стандартов, изменения роли, объёма и места педагогической практики в общей системе подготовки и т.д. На уровне конкретных вызовов в рамках набирающей силу тенденции открытости к практико-ориентированному образованию ведётся поиск новых моделей и технологий обучения и воспитания будущих педагогов.

Авторами Атласа новых профессий зафиксировано усиление практико-ориентированности в качестве одного из четырех ведущих изменений образования наряду с такими трендами, как включение в учебный процесс онлайн-курсов, тренажёров и симуляторов; увеличение ресурсных возможностей образования за счет углубления индивидуализации обучения; активное внедрение игровых технологий [1].

Качественное изменение образовательного пространства, происходящее на наших глазах и с нашим участием, а также протраиваемые на основе форсайт-технологий, таких, например, как «Форсайт образования 2035. Стратегические ориентиры: взгляд в будущее образования в 2035 г.», контуры образования будущего актуализируют новую совокупность требований к педагогу и реализуемой им деятельности. На этапе профессионального образования у будущих педагогов должны быть сформированы компетенции, которые позволяют им достигать не только предметных результатов обучения, но и успешно взаимодействовать с обучающимися в контексте совместного целеполагания, решения мотивационных и социальных проблем и задач как в собственно предметной сфере, так и в воспитательной деятельности, важность которой в 2020 г. была подтверждена на законодательном уровне поправками, утверждёнными

Государственной Думой РФ в законе «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся.

Одной из сложных задач является подготовка студентов к формированию у учащихся метапредметных результатов обучения. В особой мере это относится к подготовке будущих учителей физической культуры, что связано со спецификой проектирования урока физической культуры, пространства его проведения, динамичным протеканием, двигательной активностью обучающихся, строгим соответствием всех задач урока принципу оздоровительной направленности.

Кроме того, в области подготовки будущих учителей физической культуры проблема неготовности к реализации основных требований стандарта школьного образования усугубляется тем, что многие действующие учителя сталкиваются с трудностями при реализации требований Стандарта, в частности, формировании универсальных учебных действий (УУД) у школьников на уроках физической культуры, что затрудняет их деятельность в качестве наставников молодых педагогических кадров.

Предлагаемая практико-ориентированная технология подготовки будущих учителей физической культуры к формированию универсальных учебных действий школьников, основанная на включении студентов в профессиональные пробы, преодолении разрыва между теоретической и практической подготовкой, обучении на основе приобретения опыта – один из возможных конкретных шагов по решению данной проблемы.

В структуре общего образования Федеральным государственным образовательным стандартом (ФГОС) установлены требования к достижению личностных, метапредметных и предметных результатов обучения. Между тем, как показывают результаты проведенных исследований [2–4], при реализации указанных требований по предмету «Физическая культура» не только молодые педагоги, но и учителя со стажем испытывают затруднения, связанные: с разработкой документов планирования; с выделением из метапредметных результатов обучения отдельных универсальных учебных действий (познавательных, регулятивных, коммуникативных); внедрением в образовательный процесс инно-

вационных технологий физического воспитания, что снижает эффективность образовательного процесса.

Проблемы, возникающие у молодых учителей, могут косвенно свидетельствовать о недостатках образовательных программ вузов, учебный материал которых выстроен без учёта требования и реалий современных общеобразовательных школ. Поэтому не случайно вопросы профессиональной подготовки студентов вузов находятся в зоне приоритетных направлений исследовательской деятельности отечественных и зарубежных ученых-педагогов.

Поиск бенчмарков практико-ориентированных технологий подготовки будущих педагогов показал, что исследователями накоплен определенный опыт в данном направлении. Так, А.Г. Поливаевым разработана многолетняя модель практико-ориентированной подготовки студентов, включающая теоретико-методический этап по формированию первичных профессионально-педагогических умений, этап актуализация взаимодействия связи предметной и профессиональной подготовки, результативно-компетентный этап в процессе производственной практики [5]. А.М. Имашевым апробированы дидактические технологии с использованием проблемно-творческих методов, включающих мозговой штурм, развернутые конспекты, анонимное взаимооценивание [6].

Отдельное внимание в литературе уделяется вопросам формирования у будущих учителей физической культуры профессиональных компетенций. В число условий, необходимых для успешного формирования профессиональных компетенций, входят: личностно ориентированный характер обучения на основе реализации индивидуально-типологического маршрута образовательной деятельности; использование активных и интерактивных форм обучения, включая контекстное обучение и квазипрофессиональную деятельность; наличие технического сопровождения и др. [7].

Широкими возможностями для профессионального становления студентов обладает организация различных видов практик, что также нашло отражение в анализируемой литературе. Формирование профессиональных компетенций специалиста в условиях производственной практики предлагается осуществлять на основе последовательного внедрения системных педагогических подпроектов, соответствующих по направленности основным видам профессиональной деятельности педагога по физической культуре [8]. Н.А. Паршиной и соавт. разработана система профессионально ориентированных заданий, направленная на овладение будущими учителями технологической компетентностью: проектирование и реализации общепедагогических технологий, технологий физкультурно-оздоровительной и физкультурно-спортивной деятельности [9]. Положительное влияние на повышение уровня подготовленности к будущей деятельности в ходе практики оказывает организационно-методическое обеспечение процесса проведения студентами самоанализа и самооценки профессиональных умений [10]. По мнению Т.В. Яковлевой и соавт., наибольший эффект по овладению общекультурными и профессиональными компетенциями создаётся при

условии участия студентов в непрерывной практике с 1-го по 4-й курс; привлечение старшекурсников к практическому участию в учебно-воспитательном процессе школьников является основой для подготовки будущего учителя физической культуры и способствует закреплению выпускников в системе образования [11].

Тенденция усиления практико-ориентированности образования характерна и для зарубежных стран. Так, Е. Куриакидесом и соавт. рассмотрены варианты интеграции общих и специальных образовательных методик, оказывающих влияние на повышение качества обучения студентов в области физического воспитания [12].

По мнению Й. Енסיгна и соавт., основным условием для повышения эффективности образовательного процесса является расширение опыта практической деятельности студентов и включение активных методов обучения для развития тесных взаимоотношений и проектирования позитивного индивидуального настроения на учебный процесс [13]. Для решения этих задач наиболее эффективной формой организации занятий, с точки зрения авторов, является работа в малых группах [14].

В университетах США программы подготовки будущих учителей физической культуры реализуются на основе междисциплинарного подхода и командного обучения; включается учебный материал по овладению педагогическими компетенциями, формированию навыков лидерства и маркетинга. Для развития тесных взаимоотношений и проектирования позитивного индивидуального настроения студентов на учебный процесс используются активные методы обучения в форме тренингов [15, 16]. Содержательная составляющая тренингов может быть направлена на овладение навыками саморегуляции, организационными и управленческими навыками, приобретение практического опыта преподавания, необходимого при разработке и внедрении оздоровительных технологий, реализуемых в различных формах и условиях занятий физическими упражнениями [17].

Таким образом, анализ подходов к формированию профессиональных компетенций будущих учителей физической культуры, выполненный на основе отечественного и зарубежного опыта, свидетельствует о схожих тенденциях в развитии физкультурно-педагогического образования. Научный поиск ведется в направлении индивидуализации образования, внедрения в практику подготовки интерактивных технологий обучения, усиления практико-ориентированности образования и др.

Вместе с тем в литературе фиксируется недостаточное количество эмпирических данных о содержании и способах подготовки будущих учителей физической культуры к выполнению требований ФГОС основного образования к личностным и метапредметным результатам обучения. При реализации ФГОС ВО третьего поколения (3+; 3++) по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (профиль Физическая культура), возникает ряд нетривиальных вопросов, связанных с отбором содержания и поиском способов формирования у студентов профессиональных

компетенций, позволяющих в структуре общеобразовательных учреждений в соответствии с требованиями образовательных стандартов решать основные учебно-воспитательные задачи предмета «Физическая культура». Решение данной проблемы предполагает учёт особенностей учебного предмета «Физическая культура» с его специфическими педагогическими задачами, динамичным протеканием, двигательной активностью обучающихся. В процессе развития профессиональных компетенций будущих учителей физической культуры возникает противоречие между выделенными теоретическими положениями о сущностных характеристиках универсальных учебных действий, способах их формирования и не разработанностью механизмов целенаправленного развития готовности студентов к реализации метапредметных результатов обучения в структуре физического воспитания. Данное противоречие позволило выделить проблему исследования – каковы механизмы подготовки студентов к реализации современных требований Стандарта к результатам обучения по дисциплине «Физическая культура» в общеобразовательной школе.

Цель исследования: разработать и экспериментально обосновать практико-ориентированную технологию формирования у студентов профиля «Физическая культура» профессиональных компетенций, необходимых для реализации требований стандарта общего образования.

Разработанная технология направлена на овладение студентами профессиональными компетенциями, включая навыки формирования УУД учащихся на уроках физической культуры. Она предполагает поэтапное формирование компетенций и включает три модуля: 1) целеполагание для отдельных учебных заданий и различных дидактических циклов; 2) подбор и программирование средств физического воспитания в соответствии с возрастными и этапными особенностями обучения; 3) реализация практической деятельности с элементами проектной технологии, технологий проблемного и дифференцированного обучения.

Материалы и методы исследования

Основополагающими методологическими и методическими подходами в данном исследовании явились компетентностный, деятельностный и ситуационный. Компетентностный подход нормативно закреплён как методологическая основа образовательных стандартов высшего образования третьего поколения, реализация которых осуществляется в парадигме концептуальных положений Болонского процесса. Он ориентирует участников образовательного процесса на формирование компетенций, необходимых для самостоятельного ведения профессиональной деятельности. В области физической культуры и спорта под профессиональной компетентностью педагога понимается интегральная характеристика интериоризированных личностью фундаментальных знаний, обобщённых умений и навыков, профессионально значимых личностных качеств, необходимых для реализации профессиональной деятельности [18].

Деятельностный подход упрощает переход от учебной деятельности к квазипрофессиональной и собственно профессиональной. Ведущими принципами в рамках данного подхода явились принципы интерактивности и рефлексивности [19]. Обращение к данным принципам согласуется с последними зарубежными исследованиями в области подготовки учителей физической культуры на основе технологии LAMPE – обучение осмысленному физическому воспитанию [20].

В основу ситуационного подхода положена идея о значимости развития личностно-смысловой сферы студента, механизмов образования личностного опыта (рефлексия, переживание). Главным элементом содержания образования выступает ситуация, предполагающая выполнение определённых действий [21]. Применительно к процессу обучения студентов сущность ситуационного подхода заключается в разработке, решении и анализе комплекса ситуационных задач по формированию УУД.

Рассмотренные подходы легли в основу содержания технологии формирования у будущих учителей физической культуры профессиональных компетенций, разработанной и внедрённой в учебный процесс бакалавриата по дисциплине «Методика преподавания физической культуры».

Исследование, в котором приняли участие 45 студентов третьего курса направления подготовки «Физическая культура», проводилось в течение 2 лет в естественных условиях учебного процесса. Основным методом исследования был выбран независимый педагогический эксперимент, предполагающий апробацию экспериментальной методики в нескольких экспериментальных группах. В первую экспериментальную группу (ЭГ-1) вошли 23 студента (набор 2014 г.), во вторую группу (ЭГ-2) – 22 студента (набор 2015 г.). В качестве методов исследования использовались методы анализа и обобщения, тестирование, педагогическое наблюдение, опросные методы, методы математической статистики (непараметрический X-критерий Ван дер Вардена).

Результаты и обсуждения

В соответствии с учебным планом, изучению курса «Методика преподавания физической культуры» предшествовало освоение дисциплин психолого-педагогического блока, теории и методики физической культуры и спорта, методик обучения базовым видам спорта.

Теоретические аспекты реализации физической культуры в общеобразовательной школе рассматривались в процессе лекционных занятий и самостоятельного изучения материала. На семинарских занятиях студенты осваивали навыки целеполагания и постановки учебно-воспитательных задач для отдельных заданий и различных дидактических циклов; выполнялись задания по подбору и программированию средств физического воспитания в соответствии с возрастными и этапными особенностями обучения; на основе научно-методических публикаций учителей физической культуры и педагогов-исследователей обсуждались воз-

возможные пути решения проблем формирования универсальных учебных действий средствами физической культуры. Апробация технологий формирования УУД для различных возрастных категорий обучающихся осуществлялась в процессе лабораторных занятий, проводимых в форме урока физической культуры, в ходе которых студентами отрабатывались: реализация элементов проектной технологии, технологий проблемного и дифференцированного обучения; педагогические навыки и умения в организации, контроле и коррекции учебного процесса. Контроль деятельности обучающихся на таких занятиях осуществлялся с помощью видеорегистрации, что при последующем коллективном анализе и обсуждении давало возможность при необходимости обращаться к полученному опыту на лекциях и практических занятиях, помогало видеть ошибки и анализировать эффективность действий студентов в процессе проведения урока.

Для овладения студентами профессиональными навыками в содержание включались задания по решению кейсов. Например, в рамках кейса «Формирую-

щее оценивание» моделировались различные ситуации из школьной практики по совместному целеполаганию учителей и учащихся с целью их анализа и решения. В кейсе «Формирование регулятивных УУД школьников при занятиях физическими упражнениями» студентами осуществлялась апробация технологий формирования у школьников навыков самооценки и саморегуляции.

Построение занятий на основе деятельностных и интерактивных форм и методов обучения, имитационного проектирования способствовало активному вовлечению студентов в решение задач по формированию универсальных учебных действий школьников. Последующий коллективный анализ и обсуждение проведенных студентами уроков, в том числе с использованием видеорегистрации, были направлены на развитие критического мышления студентов.

Для оценки уровня сформированности компонентов профессиональных компетенций использовались различные способы оценки, которые представлены в табл. 1.

Таблица 1

Способы оценки профессиональных компетенций студентов

Компонент профессиональных компетенций	Способ оценки уровня сформированности профессиональных компетенций
Умение изучать и обобщать информацию в области методического обеспечения физической культуры	Учебная дискуссия по проблеме реализации обучения физической культуре на основе анализа научно-методических публикаций учителей и педагогов-исследователей
Умение формулировать цели и задачи на различных этапах учебно-воспитательного процесса по физической культуре, подбирать соответствующие им средства и методы	Формулировка целей и учебно-воспитательных задач для различных дидактических циклов. Разработка планов-конспектов урока физической культуры. Разработка технологической карты
Умение устанавливать параметры нагрузок для занимающихся разного пола и возраста	Кейс «Подготовка школьников к выполнению норм 1–5 ступеней ВФСК ГТО». Проектирование параметров нагрузок в соответствии с задачами урока физической культуры
Умение проектировать ситуации и события, развивающие эмоционально-ценностную и духовно-нравственную сферу занимающихся в процессе занятий физической культурой	Кейс «Формирование ценностно-личностных качеств обучающихся средствами физической культуры». Имитационное моделирование ситуаций, развивающих эмоционально-ценностную и духовно-нравственную сферу занимающихся. Проектирование, деловые игры
Умение подбирать средства и методы физической культуры для формирования у обучающихся универсальных учебных действий	Кейс «Формирование регулятивных УУД школьников на занятиях физической культурой». Кейс «Формирование коммуникативных УУД школьников на занятиях физической культурой»
Умение подобрать критерии оценки личностных, предметных и метапредметных результатов освоения ООП	Решение кейса «Формирующее оценивание»
Умение осуществлять учебно-воспитательный процесс по физической культуре в соответствии с требованиями образовательных стандартов	Разработка и проведение урока физической культуры
Умение определять формы, методы и средства оценивания процесса деятельности занимающихся физической культурой	Деловая игра «Урок физической культуры»

Контроль усвоения учебного материала осуществлялся на семинарских и лабораторных занятиях. Исходный уровень теоретических знаний определялся в начале модуля в форме контрольной работы по соответствующей тематике после предварительного курса лекций и самостоятельного изучения методических материалов учителей физической культуры, размещённых на web-порталах (open-lesson.net, easyen.ru, nsportal.ru, pedportal.net, урок.рф/library, kopilkaurokov.ru и др.). Повторная проверка уровня освоения учебного материала проводилась в рамках промежуточной аттестации.

Контрольная работа первого модуля включала десять заданий, например, в соответствии с указанным в задании классом и разделом учебной программы по физической культуре сформулировать: цель и задачи урока; предполагаемые личностные, метапредметные и предметные результаты обучения; используя учебно-методическую литературу, отобрать основные средства для решения поставленных задач и достижения заявленных результатов обучения.

Контрольным заданием второго модуля являлась разработка технологической карты урока физической культуры в соответствии с требованиями стандартов к

формированию личностных, метапредметных и предметных результатов обучения. Критерии оценки: точность формулировок цели, задач и предполагаемых результатов обучения; оригинальность выбранных средств, их соответствие поставленным задачам и возрастным особенностям обучающихся; методическая целесообразность в последовательности выполнения упражнений и дозировке нагрузки; соблюдение терминологии, наличие методических указаний.

В третьем модуле оценивались профессиональные навыки и умения студентов в организации учебно-воспитательного процесса по физической культуре. В качестве задания предлагалось проведение фрагмента (основной части) урока физической культуры в соответствии с содержанием технологической карты, разработанной на предыдущем этапе обучения. Контроль осуществлялся с использованием технических средств (видеокамеры). Фиксировался уровень сформированности педагогических умений по таким показателям, как соответствие организации учебно-воспитательного процесса возрастным и гендерным особенностям

обучающихся; соблюдение техники безопасности и лимита времени; выбор и реализация наиболее эффективных средств физического воспитания для достижения личностных, метапредметных и предметных результатов обучения; наличие контроля и коррекции учебной деятельности; владение терминологией и культурой речи.

При контроле за каждый правильный ответ или действие начислялось 2 балла, которые затем суммировались и по количеству правильно выполненных заданий выводилась итоговая оценка: меньше 50% – неудовлетворительно (уровень ниже минимального); 50–70% – удовлетворительно (пороговый уровень); 71–85% – хорошо (базовый уровень); 86–100% – отлично (повышенный уровень). Снижение балла осуществлялось в случае наличия ошибок: существенных – на 1,5 балла, грубых – 1 балл, незначительных – 0,5 балла.

Уровень сформированности профессиональных знаний и умений студентов по результатам освоения учебных модулей на предварительном и контрольном этапах исследования представлен в табл. 2.

Таблица 2

Показатели уровня знаний и умений студентов на этапах исследования (% от количества испытуемых в группе)

Уровень результатов обучения	Этап исследования	Учебный модуль					
		Модуль I		Модуль II		Модуль III	
		ЭГ-1	ЭГ-2	ЭГ-1	ЭГ-2	ЭГ-1	ЭГ-2
Ниже порогового	Предварительный	13	13,6	8,7	4,5	0	0
	Контрольный	0	0	0	0	0	0
Пороговый	Предварительный	52,2	50,0	43,5	54,5	39	40,9
	Контрольный	34,8	27,2	30,5	31,8	21,7	18,2
Базовый	Предварительный	34,8	36,4	47,8	41,0	61	59,1
	Контрольный	43,5	50,0	43,5	41,0	47,8	50
Повышенный	Предварительный	0	0	0	0	0	0
	Контрольный	21,7	22,8	26	27,2	30,5	31,8

По итогам предварительного контроля в числе основных проблемных зон студентов при составлении документов планирования на первом месте стоит неправильная постановка цели и задач урока – 87% ($n = 20$) в ЭГ-1 и 86% ($n = 19$) в ЭГ-2. На втором месте по количеству допущенных ошибок (78% ($n = 18$) в ЭГ-1 и 73% ($n=16$) в ЭГ-2) были задания по выбору соответствующих поставленным задачам урока средств и методических приёмов. Проблемы с терминологией и отсутствие методических указаний отмечены у 14 (61%) испытуемых ЭГ-1 и 15 (68%) студентов ЭГ-2.

В проведении урока основными ошибками в обеих группах являлись отсутствие или ограниченное количество указаний, исправляющих ошибки выполнения двигательного действия (87–91%), неправильный показ упражнения (65–73%), владение техникой речи и терминологией (56–59%), нерациональное распределение времени урока (45–50%). Данные результаты соотносятся с аналогичными исследованиями методической подготовленности будущих учителей физической культуры, что может свидетельствовать о типичном характере ошибок [22, 23].

Анализ результатов, полученных по итогам педагогического эксперимента, показал, что за время ис-

следования в обеих группах отмечен прирост качественных значений уровня сформированности профессиональных знаний и умений. В контрольных заданиях первого модуля количество ответов студентов, соответствующих оценкам базового и повышенного уровней, по сравнению с предварительным этапом увеличилось на 30,4% в ЭГ-1 и на 36,4% – в ЭГ-2, составив 65,2% и 72,8% соответственно. При сопоставлении аналогичных показателей во втором модуле качественная составляющая с 47,8% выросла до 69,6% в ЭГ-1 и с 41 до 68,2% – в ЭГ-2. Наиболее существенные сдвиги в уровне подготовленности к решению профессиональных задач отмечены в третьем модуле, где количество студентов, получивших на контрольном этапе оценки «хорошо» и «отлично», составило 78,2% в ЭГ-1 и 81,8% – в ЭГ-2.

В целом по совокупной сумме трёх модулей количество студентов, имеющих ниже порогового и пороговый уровни знаний и умений, сократилось с 23,2% в ЭГ-1 и на 28,7% – в ЭГ-2. Показатели базового и повышенного уровней за время исследования выросли от 23,2% в ЭГ-1 до 28,7% в ЭГ-2, составив 71% в ЭГ-1 и 74,3% в ЭГ-2.

Средние значения результатов внутригруппового контроля освоения программы учебных мо-

дулей дисциплины на этапах исследования представлены в табл. 3.

Математико-статистическая обработка результатов внутригруппового контроля освоения учебной программы по X-критерию Ван дер Вардена (Ψ) установила во всех модулях достоверный прирост показателей. В обеих группах все эмпирические значения

($X_{эмп}$) по сравнению с первоначальным тестированием находится в зоне значимости ($\Psi = 9,72-9,93$ при $P < 0,01$).

Межгрупповое сравнение результатов итогового контроля, существенных различий между показателями студентов первой и второй экспериментальных групп не выявило (табл. 4).

Таблица 3

Результаты оценки выполнения заданий студентами на этапах исследования (по 20-балльной шкале)

Учебный модуль	Группа	n	Средняя оценка ($X \pm \sigma$), баллы		Ψ	P
			Предварительный этап	Контрольный этап		
Модуль I	ЭГ-1	23	13,7 \pm 2,39	16,0 \pm 2,87	9,72	< 0,01
	ЭГ-2	22	13,9 \pm 2,42	15,9 \pm 2,42	9,82	< 0,01
Модуль II	ЭГ-1	23	13,9 \pm 2,20	16,1 \pm 2,67	9,93	< 0,01
	ЭГ-2	22	13,8 \pm 2,48	16,0 \pm 2,39	9,92	< 0,01
Модуль III	ЭГ-1	23	15,8 \pm 1,98	17,4 \pm 1,90	9,91	< 0,01
	ЭГ-2	22	15,7 \pm 1,95	17,6 \pm 1,68	9,85	< 0,01

Эмпирические значения X-критерия находятся в зоне незначимости ($\Psi = 2,61-4,84$ при $P > 0,05$). Полученные данные в целом соответствует требованиям к результатам независимого эксперимента,

предусматривающего в качестве доказательства эффективности идентичность прироста показателей в экспериментальных группах за время исследования.

Таблица 4

Сравнение различий показателей студентов первой и второй экспериментальных групп по результатам итогового контроля

Учебные модули	Средняя оценка ($X \pm \sigma$), баллы		Ψ	P
	ЭГ-1 (n = 23)	ЭГ-2 (n = 23)		
Модуль I	16,0 \pm 2,87	15,9 \pm 2,42	2,87	> 0,05
Модуль II	16,1 \pm 2,67	16,0 \pm 2,39	2,61	> 0,05
Модуль III	17,4 \pm 1,9	17,6 \pm 1,68	4,84	> 0,05

Отсроченный образовательный эффект был проверен на четвертом курсе в процессе прохождения студентами экспериментальных групп государственной педагогической практики на базе общеобразовательной школы. В качестве экспертов на этом этапе выступили учителя-методисты и групповые руководители практики из числа преподавателей вуза, которым было предложено дать оценку уровня сформированности профессиональных знаний и умений студентов. Для определения уровня профессиональных компетенций использовался оценочный материал третьего модуля практико-ориентированной технологии. По результатам рейтинговой оценки в первой экспериментальной группе 47,8% студентов продемонстрировали повышенный уровень и 34,8% – базовый уровень сформированности профессиональных компетенций; в ЭГ-2 аналогичные результаты составили 50 и 36,3% соответственно. Таким образом, полученные данные рейтинговой оценки в целом коррелируют с результатами проведенного исследования.

Ещё один положительный эффект был установлен при анализе результатов научно-исследовательской работы студентов. Отмечено существенное увеличение числа выполненных исследовательских работ по проблемам формирования универсальных учебных действий школьников. Количество курсовых работ от общего объёма по данному направлению составило 30,4% в ЭГ-1 и 36,3% в ЭГ-2; 75% работ были продолжены в качестве выпускной квалификационной

работы. Результаты исследований студентов были представлены в докладах и опубликованы в материалах региональных и всероссийский студенческих конференций, научно-методических журналах.

Заключение

По результатам проведенного исследования установлено, что реализация экспериментальной практико-ориентированной технологии обучения, предполагающей поэтапное овладение знаниями и умениями, включение студентов в профессиональные пробы, обучение на основе опыта позволила на достоверном уровне ($P < 0,01$) сформировать основные профессиональные компетенции будущих учителей физической культуры. Использование деятельностных и интерактивных методов, имитационного моделирования и проектирования, технологии решения ситуационных задач и кейсов способствовало формированию у студентов умений и навыков в постановке педагогических целей и задач, отбору оптимальных средств и методов физического воспитания для достижения личностных, метапредметных и предметных результатов обучения, планированию содержания образования, осуществлению контроля и коррекции учебно-воспитательного процесса на уроках физической культуры. Если на предварительном этапе в среднем 13,3% студентов в первом учебном модуле и 6,6% испытуемых во втором модуле продемонстрировали знания ниже порогового уровня, а

по результатам контрольных заданий трёх модулей студентами было допущено до 35% существенных и грубых ошибок, то на контрольном этапе все студенты успешно справились с заданиями. При этом существенных ошибок выявлено не было, а количество грубых ошибок сократилось с 27,8 до 14,8% в ЭГ-1 и с 25,5 до 11,2% в ЭГ-2.

Отсутствие достоверных различий ($P > 0,05$) между показателями студентов первой и второй экспериментальных групп в соответствии с требованиями к результатам независимого эксперимента может свидетельствовать об эффективности предложенной технологии проектирования образовательного процесса по предмету «Методика преподавания физической культуры».

Разработанная практико-ориентированная технология направлена на решение «болевых» проблем

современного учителя. Освоение данной технологии вооружает студентов инструментом решения наиболее сложных профессиональных задач, а также способствует развитию метапредметных умений самих обучающихся за счет развития комплекса регулятивных, познавательных, коммуникативных универсальных учебных действий.

Дальнейшее направление исследования видится в разработке технологий по подготовке студентов к качественной и количественной оценке личностных, метапредметных и предметных результатов с учетом специфики занятий в области физической культуры и спорта, а также интеграции взаимодействия учителей отдельных предметов в процессе формирования у школьников личностных, метапредметных и предметных результатов обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас новых профессий. URL: <http://atlas100.ru/> (дата обращения: 10.06.2020).
2. Гарина Е.В., Лепёшкина С.В. Трудности, испытываемые учителями физической культуры, работающими по федеральному государственному образовательному стандарту // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2018. № 4 (158). С. 65–68.
3. Годжиев Г.Т., Воробьева И.Н. Актуальные проблемы современного школьного физического воспитания // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 2. С. 73–75.
4. Шеенко Е.И., Полинцев С.В., Сундин А.В. Анализ проблем качества современного урока физической культуры // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. С. 229.
5. Поливаев А.Г., Фомичева Н.В., Григорович И.Н. Практико-ориентированная подготовка педагога по физической культуре в условиях требований профессионального стандарта «Педагог» // Теория и практика физической культуры. 2016. № 11. С. 20–22.
6. Имашев А.М. Формирование гностических функциональных компетентностей будущих учителей физической культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2012. Т. 14, № 2. С. 36–40.
7. Стеблев А.А., Чайковская О.Е., Стефановский М.В. Модернизация системы профессиональной подготовки специалистов по физической культуре и спорту на основе инновационных технологий // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2019. № 2 (168). С. 338–342.
8. Куликова Л.М., Куликов Л.М. Формирование профессиональной компетентности будущего специалиста сферы физической культуры и спорта в условиях производственной практики // Теория и практика физической культуры. 2014. № 5. С. 101–104.
9. Паршина Н.А., Горшенина С.Н., Кудряшова С.К. Педагогическая практика как фактор формирования технологической компетентности будущих учителей физической культуры // Теория и практика физической культуры. 2019. № 6. С. 19–21.
10. Гусева Л.Н. Формирование профессионально-педагогической рефлексии как способ совершенствования подготовки студентов вуза физической культуры // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2018. № 1 (155). С. 81–85.
11. Яковлева Т.В., Андрианова, Т.И. Полунина и др. Непрерывная педагогическая практика студентов факультета физической культуры как фактор развития профессиональной компетентности и закрепления выпускников в системе образования // Теория и практика физической культуры. 2018. № 7. С. 8–9.
12. Kyriakides E., Tsangaridou N., Charalambous C., Kyriakides L. Integrating generic and content-specific teaching practices in exploring teaching quality in primary physical education // European Physical Education Review. 2017. Vol. 24 (1). P. 418–448.
13. Ensign J., Woods A.M., Kulinna P.H., McLoughlin G. The teaching performance of first-year physical educators // Journal Physical Education and Sport Pedagogy. 2018. Vol. 23 (6). P. 592–608.
14. Fletcher T., Baker K. Prioritising classroom community and organisation in physical education teacher education // Journal Teaching Education. 2015. Vol. 26 (1). P. 94–112.
15. Castelli D.M., Carson R.L., Kulinna P.H. PETE Programs Creating Teacher Leaders to Integrate Comprehensive School Physical Activity Programs // Journal of Physical Education, Recreation and Dance. 2017. Vol. 88 (1). P. 8–10.
16. Carson R.L., Castelli D.M., Kulinna P.H. CSPAP Professional Preparation: Takeaways from Pioneering Physical Education Teacher Education Programs // Journal of Physical Education, Recreation and Dance. 2017. Vol. 88 (2). P. 43–51.
17. Lavay B., Henderson H., French R., Guthrie S. Behavior management instructional practices and content of college/university physical education teacher education (PETE) programs // Physical Education and Sport Pedagogy. 2012. Vol. 17 (2). P. 195–210.
18. Анисимова В.А., Драговоз Л.А. Реализация компетентностного подхода в процессе профессиональной подготовки студентов университета физической культуры // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 4. С. 76–81.
19. Борытко Н.М. Гуманитарные принципы профессионального образования педагога-воспитателя в системе непрерывного образования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 11 (75). С. 41–45.
20. Chróinin D.N., Fletcher T., O'Sullivan M. Pedagogical principles of learning to teach meaningful physical education // Journal Physical Education and Sport Pedagogy. 2018. Vol. 23 (2). P. 117–133.
21. Жилин В.И. Ситуационный подход в планировании учебных занятий. Омск : Изд-во Омского гос. техн. ун-та, 2006. 150 с.
22. Иванова Н.Ю., Овчинников А.Ю. Оценка уровня профессиональной подготовленности студентов при освоении базовых видов спорта // Вестник спортивной науки. 2015. № 6. С. 42–44.
23. Данкеева Е.В., Абазов З.В., Кишев А.З. и др. Методические аспекты профессионально-педагогической подготовленности студентов факультета физического воспитания и организации учебной практики // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 5–4 (47). С. 33–35.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 10 декабря 2020 г.

Practice-Oriented Technology for the Formation of Professional Competencies of Future Physical Education Teachers

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 209–217.

DOI: 10.17223/15617793/462/25

Vladimir V. Cherkasov, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: v.v.cherkasov@utmn.ru

Irina I. Cherkasova, D.I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute (Branch) of Tyumen State University (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: i.i.cherkasova@utmn.ru

Keywords: students; Methods of Teaching Physical Culture discipline; formation of professional competencies in physical culture; personal, meta-subject and subject learning results; practice-oriented technology.

The article presents the results of testing the practice-oriented technology for the formation of professional competencies of future physical education teachers. Strengthening the practical orientation of modern education is considered by researchers as a key change in the educational space. The greatest difficulty in the process of forming professional competencies is the search for mechanisms for preparing students to implement the requirements of the standard of general education for meta-subject learning results in a specific subject area – physical culture. The aim of the research was to develop and experimentally substantiate a practice-oriented technology for the formation of professional competencies necessary for the implementation of the requirements of the general education standard for students with a major in physical culture. The study was conducted for 2 years, and involved 45 third-year students majoring in physical culture. The research methods were analysis and generalization, independent pedagogical experiment, testing, observation, survey methods, and methods of mathematical statistics. The developed technology is aimed at mastering students' professional competencies, including the skills of forming students' universal educational actions in physical education classes. The technology is based on including students in professional tests, bridging the gap between theoretical and practical training, learning and gaining experience on the basis of a step-by-step formation of competencies. The technology includes three modules: 1) goal-setting for individual educational tasks and various didactic cycles; 2) selection and programming of physical education methods; 3) implementation of practical activities. A system for monitoring and evaluating the level of professional competence formation using interactive methods and techniques was developed for each module. During the experiment, problem areas, typical difficulties and students' mistakes were identified and classified. As a result of the research, a significant increase in the qualitative values of the level of professional competence formation of future physical education teachers has been established. At the same time, the most significant changes in the level of readiness to solve professional tasks have been noted in the third module, in which professional tests were implemented. The results of the research show that the implementation of the practice-oriented training technology (which involves students' inclusion in professional tests, the use of activity and interactive methods, simulation and design, technology for solving situational problems and cases) has contributed to the formation of the main professional competencies in future physical education teachers.

REFERENCES

1. *New professions atlas*. [Online] Available from: <http://atlas100.ru/> (Accessed: 10.06.2020). (In Russian).
2. Garina, E.V. & Lepeshkina, S.V. (2018) Difficulties experienced by teachers of physical culture working according to the federal state educational standard. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 4 (158). pp. 65–68.
3. Godzhiev, G.T. & Vorob'eva, I.N. (2018) Actual problems of contemporary school physical education. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya – Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 7 (2). pp. 73–75. (In Russian).
4. Sheenko, E.I., Polyntsev, S.V. & Sundin, A.V. (2016) Analysis of quality problems of modern physical education lesson. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 5. (In Russian).
5. Polivaev, A.G., Fomicheva, N.V. & Grigorovich, I.N. (2016) Praktiko-orientirovannaya podgotovka pedagoga po fizicheskoy kul'ture v usloviyakh trebovaniy professional'nogo standarta "Pedagog" [Practice-oriented training of a teacher in physical culture in the conditions of the requirements of the professional standard "Teacher"]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 11. pp. 20–22.
6. Imashev, A.M. (2012) Formirovanie gnosticheskikh funktsional'nykh kompetentnostey budushchikh uchiteley fizicheskoy kul'tury [Formation of gnostic functional competencies of future physical culture teachers]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. 14 (2). pp. 36–40.
7. Steblev, A.A., Chaykovskaya, O.E. & Stefanovskiy, M.V. (2019) Formation of gnostic functional competencies of future physical culture teachers. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 2 (168). pp. 338–342. (In Russian).
8. Kulikova, L.M. & Kulikov, L.M. (2014) Formirovanie professional'noy kompetentnosti budushchego spetsialista sfery fizicheskoy kul'tury i sporta v usloviyakh proizvodstvennoy praktiki [Formation of professional competence of a future specialist in the sphere of physical culture and sports in terms of industrial practice]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 5. pp. 101–104.
9. Parshina, N.A., Gorshenina, S.N. & Kudryashova, S.K. (2019) Pedagogicheskaya praktika kak faktor formirovaniya tekhnologicheskoy kompetentnosti budushchikh uchiteley fizicheskoy kul'tury [Pedagogical practice as a factor in the formation of technological competence of future physical culture teachers]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 6. pp. 19–21.
10. Guseva, L.N. (2018) Formation of professional and pedagogical reflection as a way of improving students training of the university of physical culture. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 1 (155). pp. 81–85. (In Russian).
11. Yakovleva, T.V. et al. (2018) Nepreryvnaya pedagogicheskaya praktika studentov fakul'teta fizicheskoy kul'tury kak faktor razvitiya professional'noy kompetentnosti i zakrepleniya vypusnikov v sisteme obrazovaniya [Continuous pedagogical practice of students of the Faculty of Physical Culture as a factor in the development of professional competence and consolidation of graduates in the education system]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 7. pp. 8–9.
12. Kyriakides, E., Tsangaridou, N., Charalambous, C. & Kyriakides, L. (2017) Integrating generic and content-specific teaching practices in exploring teaching quality in primary physical education. *European Physical Education Review*. 24 (1). pp. 418–448.
13. Ensign, J., Woods, A.M., Kulinna, P.H. & McLoughlin, G. (2018) The teaching performance of first-year physical educators. *Journal Physical Education and Sport Pedagogy*. 23 (6). pp. 592–608.
14. Fletcher, T. & Baker, K. (2015) Prioritising classroom community and organisation in physical education teacher education. *Journal Teaching Education*. 26 (1). R. 94–112.
15. Castelli, D.M., Carson, R.L. & Kulinna, P.H. (2017) PETE Programs Creating Teacher Leaders to Integrate Comprehensive School Physical Activity Programs. *Journal of Physical Education, Recreation and Dance*. 88 (1). pp. 8–10.
16. Carson, R.L., Castelli, D.M. & Kulinna, P.H. (2017) CSPAP Professional Preparation: Takeaways from Pioneering Physical Education Teacher Education Programs. *Journal of Physical Education, Recreation and Dance*. 88 (2). pp. 43–51.
17. Lavay, B., Henderson, H., French, R. & Guthrie, S. (2012) Behavior management instructional practices and content of college/university physical education teacher education (PETE) programs. *Physical Education and Sport Pedagogy*. 17 (2). pp. 195–210.

18. Anisimova, V.A. & Dragovoz, L.A. (2014) Realizatsiya kompetentnostnogo podkhoda v protsesse professional'noy podgotovki studentov universiteta fizicheskoy kul'tury [Implementation of the competence-based approach in the professional training of students of a physical culture university]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 4. pp. 76–81.
19. Borytko, N.M. (2012) Principles of the humanities of professional education of a teacher in the system of continuing education. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of Volgograd State Pedagogical University*. 11 (75). pp. 41–45. (In Russian).
20. Chróinín, D.N., Fletcher, T. & O'Sullivan, M. (2018) Pedagogical principles of learning to teach meaningful physical education. *Journal Physical Education and Sport Pedagogy*. 23 (2). pp. 117–133.
21. Zhilin, V.I. (2006) *Situatsionnyy podkhod v planirovanii uchebnykh zanyatiy* [A situational approach to planning training sessions]. Omsk: Omsk State Technical University.
22. Ivanova, N.Yu. & Ovchinnikov, A.Yu. (2015) Otsenka urovnya professional'noy podgotovlennosti studentov pri osvoenii bazovykh vidov sporta [Assessment of the level of students' professional preparedness in mastering basic sports]. *Vestnik sportivnoy nauki – Sports Science Bulletin*. 6. pp. 42–44.
23. Dankeeva, E.V., et al. (2016) Methodological aspects of professional and pedagogical readiness of students of faculty of physical training and organization of educational practice. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International Research Journal*. 5–4 (47). pp. 33–35. (In Russian).

Received: 10 December 2020

ПРАВО

УДК 343.13

О.В. Качалова, В.И. Качалов

ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ «ОБОСНОВАННОСТЬ ОБВИНЕНИЯ» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Обоснованность обвинения является неперенным условием применения уголовно-процессуальных мер, существенно ограничивающих важнейшие конституционные права и свободы граждан. Обоснованность обвинения предполагает причастность лица к совершению преступления, а также факт его уголовного преследования. Ответственность за установление обоснованности обвинения несет суд, поскольку неустановление этого означает необоснованность принятого решения.

Ключевые слова: обоснованность обвинения (подозрения); причастность лица к совершению преступления; меры принуждения; суд; особый порядок судебного разбирательства.

Производство процессуальных действий и принятие процессуальных решений, существенно затрагивающих важнейшие права и свободы лиц, подвергаемых уголовному преследованию, возможно лишь при наличии предусмотренных законом оснований и условий. Как верно отмечает О.И. Андреева, «права человека... предопределяют правила, на которых строятся взаимоотношения между личностью и должностными лицами государственных органов в уголовном процессе» [1. С. 10]. Одним из условий ограничения важнейших прав и свобод лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, является обоснованность этого преследования, наличие уголовно-правовой претензии к данному лицу, а также конкретных сведений и фактов, облаченных в процессуальную форму, подтверждающих факт причастности лица к инкриминируемому ему преступлению. Обоснованность уголовного преследования, а также наличие процессуальных сведений, подтверждающих причастность лица к совершенному преступлению, представляют собой обоснованность подозрения либо обвинения – в зависимости от этапа уголовного судопроизводства. Фактически обоснованность подозрения и обоснованность обвинения – синонимичные понятия, они различаются лишь объемом уголовно-правовой претензии, определяющей процессуальный статус лица в качестве подозреваемого или обвиняемого. Обоснованность обвинения по смыслу ст. 171 УПК РФ более емкое понятие, поскольку предполагает наличие достаточных доказательств, дающих основание для обвинения лица в совершении преступления.

В интерпретации Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) обоснованность подозрения и обоснованность обвинения не разграничиваются, ЕСПЧ в своих решениях пишет об обоснованности подозрения, поскольку использует юридические термины в автономном значении (без четкой привязки к национальным уголовно-процессуальным законам государств – членом Совета Европы).

В большинстве случаев уголовно-процессуальный закон прямо не указывает на обоснованность подозрения (обвинения) как необходимое условие при применении мер принуждения (заключения под стра-

жу, домашнего ареста, запрета определенных действий, отстранения от должности, наложения ареста на имущество и др.). Однако по смыслу тех серьезных правоограничений, с которыми сопряжено их применение, данные принудительные меры могут применяться лишь при наличии серьезных оснований предполагать причастность лица к совершению преступления, поскольку ограничение важнейших конституционных прав граждан, которые в силу презумпции невиновности являются невиновными в совершении преступления, возможно лишь в исключительных случаях. Это означает, что, принимая решения о применении процессуально-принудительных мер, суд в каждом случае должен установить, в первую очередь, обоснованность подозрения (обвинения), а потом уже наличие оснований для применения этих мер. Суд не должен ограничиваться наличием формальных оснований для применения процессуально-принудительных мер, а установить обоснованность уголовного преследования лица. В противном случае судебный контроль за ограничением важнейших конституционных прав и свобод граждан будет носить формальный и половинчатый характер, что не соответствует его сути и предназначению.

Обоснованность подозрения (обвинения) оценивается судом по смыслу ст. 17 УПК РФ по внутреннему убеждению, основанному на законе и совести.

Оценка судом обоснованности подозрения является одним из обстоятельств, оцениваемых ЕСПЧ при рассмотрении жалоб на нарушения права на свободу, предусмотренного ст. 5 Европейской конвенции. Обоснованность подозрения в силу подпункта «с» п. 1 ст. 5 Конвенции является ключевым условием, которое, наряду с другими основаниями, делает возможным ограничение права на свободу. Подозрение считается обоснованным тогда, когда сторонний разумный наблюдатель, рассматривая факты дела, приходит к выводу, что лицо, о котором идет речь, могло совершить инкриминируемое преступление [2]. Выводы об отсутствии обоснованного подозрения были сделаны ЕСПЧ в следующих ситуациях: при наличии исключительно ничем более не подкрепленной оперативной информации о том, что заявитель вовлечен в торговлю оружием [3], криминальную деятельность

мафиозных структур [2]; в заявлении потерпевшего о совершенном в отношении него преступлении не был упомянут обвиняемый [4]; потерпевший указывает, что не писал заявления о совершении обвиняемым преступления (при наличии его в деле); в заявлении потерпевшего имя обвиняемого было упомянуто по указанию сотрудника полиции при принятии заявления [4]; суды указывают на «материалы дела», если в данных материалах отсутствуют какие-либо доказательства, свидетельствующие о причастности обвиняемого к преступлению [5]; вмененные обвиняемому действия не содержат в себе состава преступления в момент их совершения [6].

Согласно позиции Верховного Суда РФ, обоснованность подозрения предполагает наличие достаточных данных о том, что лицо могло совершить преступление (лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.) [7]. Причастность лица к совершению преступления может подтверждаться наличием постановления о возбуждении уголовного дела и привлечении лица в качестве обвиняемого, протоколами задержания, допросов обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, иными материалами.

Однако не всегда наличие таких материалов само по себе может свидетельствовать об обоснованности подозрения. Представленные материалы должны содержать конкретные фактические данные о причастности лица к инкриминируемому ему деянию и обладать свойством относимости.

Так, например, постановлением Советского районного суда г. Казани отказано в удовлетворении ходатайства о заключении под стражу С. Уголовное дело в отношении группы лиц, в том числе С. – председателя совета директоров коммерческой организации «У», было возбуждено в связи с пожаром в принадлежащем этой организации здании торгового комплекса «А». Принятое решение суд мотивировал тем, что в качестве доказательств обоснованности подозрения в причастности С. к инкриминируемому ему преступлению суду представлены копии допросов свидетелей и документы, свидетельствующие только о факте пожара в результате нарушения норм пожарной безопасности, однако не представлены данные о том, что коммерческая организация «У» имеет какое-либо отношение к эксплуатации торгового комплекса «А», ведет на объекте какую-либо производственную деятельность и оказывает услуги, а С. является должностным лицом, ответственным за нарушение требований пожарной безопасности на данном объекте [8].

Если суд не провел необходимого исследования фактов дела с целью проверки обоснованности подозрения, то это является нарушением как подпункта «с» п. 1 ст. 5 Европейской конвенции, так и существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену принятого решения.

Так, например, Рузский районный суд Московской области в постановлении о заключении под

стражу Б., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, ничего не указал относительно обоснованности подозрения Б. в совершении преступления. Принятое решение суд мотивировал тяжестью преступления и данными о личности Б., которые, по его мнению, свидетельствуют о невозможности избрания более мягкой меры пресечения. Апелляционным постановлением Московского областного суда постановление отменено, так как суд первой инстанции не проверил обоснованность подозрения Б. в совершении преступления [9].

Согласно позиции ЕСПЧ, наличие обоснованного подозрения должно иметь место в течение всего периода предварительного заключения обвиняемого [5]. Очевидно, что в ходе расследования могут быть установлены обстоятельства, как усиливающие обоснованность подозрения, так и делающие его менее обоснованным. Поэтому данный вопрос подлежит исследованию при каждом продлении меры пресечения в отношении обвиняемого, а также при рассмотрении его ходатайств об изменении меры пресечения на более мягкую. Общий принцип заключается в том, что чем дольше человек содержится под стражей, тем сильнее должно быть «обоснованное подозрение». В ходе расследования должны появляться новые доказательства, подтверждающие его.

При продлении заключения под стражу в отношении лица, которому уже предъявлено обвинение, суды в решениях нередко указывают на наличие обоснованного обвинения как необходимого условия предварительного заключения, поскольку лицо уже не является подозреваемым. Случается, что такие решения изменяются судом апелляционной инстанцией, который исключает из судебных актов выводов о наличии обоснованного обвинения ввиду того, что суд не вправе входить в обсуждение обоснованности или доказанности предъявленного обвинения. Такой подход представляется принципиально неверным.

Во-первых, само по себе исследование доказательств для определения наличия обоснованного обвинения не нарушает ни презумпцию невиновности, ни принцип беспристрастности судей (в случае, если тот же судья в последствии будет рассматривать уголовное дело по существу) [10]. Суд вправе ограничиться более поверхностным изучением доказательственной базы. Стандарт доказывания «обоснованного обвинения» для целей ареста значительно более низкий, чем стандарт доказывания для разрешения уголовного дела по существу [11]. Согласно позиции Конституционного Суда РФ, факты, обосновывающие подозрение при заключении под стражу, не обязательно должны обладать той же степенью убедительности, что и те, которые необходимы для предъявления обвинения [12].

Во-вторых, отсутствие выводов суда об обоснованности подозрения или обвинения – прямой путь к признанию ЕСПЧ нарушения права на свободу. Безусловно, в решении не должно содержаться прямого или косвенного указания на виновность лица; следует избегать формулировок, которые могут создать у сторон впечатление о предрешенности вопроса о винов-

ности обвиняемого [13]. Однако проверить наличие на момент продления заключения под стражу данные об обоснованности подозрения или выдвинутого обвинения, не исключая возможность заключения под стражу в качестве меры пресечения, убедиться в том, что квалификация не изменилась в более мягкую сторону, суд обязан.

Обоснованность подозрения (обвинения) по смыслу уголовно-процессуального закона и ряда положений Конституции РФ должна устанавливаться судом и при применении иных принудительных мер и процессуальных действий, существенно затрагивающих важнейшие конституционные права и свободы граждан.

Решения о санкционировании судом следственных действий, затрагивающих важнейшие конституционные права и свободы граждан, могут приниматься как перед осуществлением следственных действий (в обычном порядке), так и после них (в исключительном порядке) [14. С. 10]. И в том, и в другом случае суд должен установить обоснованность подозрения (обвинения) лица в совершении преступления (в случае, если оно установлено). Как верно пишет М.В. Беляев, непременным условием для принятия процессуально-принудительных решений, позволяющих осуществлять производство следственных действий, затрагивающих важнейшие права и свободы участников уголовного судопроизводства, является установление судом наличия уголовно-правовой претензии к лицу, подвергаемому уголовному преследованию. Как правило, это выражается в установлении обоснованности подозрения – возможности совершения лицом инкриминируемого ему преступления [15. С. 345–346].

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» [16] указывается на документы, необходимые суду для рассмотрения ходатайства, среди которых копии постановлений о возбуждении уголовного дела и принятии уголовного дела к производству, о продлении срока предварительного расследования, о возобновлении производства по уголовному делу, материалы, подтверждающие наличие оснований для производства следственного действия, и др.). Полагаем, что исследование этих материалов позволяет суду установить наличие связи между подозреваемым (обвиняемым) и инкриминируемом ему деянием. Однако прямо указанных в данном постановлении документов может быть недостаточно. Этот перечень может быть дополнен постановлением о привлечении лица в качестве обвиняемого, протоколами задержания, допросов обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, иными материалами, подтверждающими причастность лица к совершенному преступлению, без установления которой осуществление действий принудительного характера в отношении лица будет необоснованным.

Так, например, рассматривая вопрос о законности производства обыска в квартире подозреваемого Р.,

суд исследовал копии постановления о возбуждении уголовного дела, протокола допроса потерпевшей, протокола вручения подозреваемому копии уведомления о подозрении в совершении преступления, протокола допроса подозреваемого и другие документы [17].

Ключевое значение имеет категория «обоснованность обвинения» при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства, предусмотренном главой 40 УПК РФ. В упрощенном виде формула особого порядка судебного разбирательства может быть выражена следующим образом: отсутствие спора сторон обвинения и защиты в условиях состязательного процесса при разделении процессуальной функций при определенных условиях влечет за собой констатацию судом факта никем не оспариваемой и не вызывающей сомнений виновности лица в совершении преступления и назначение наказания [18. С. 198]. Непременным условием, при котором суд может рассмотреть уголовное дело в упрощенном порядке, является обоснованность обвинения и его подтверждение собранными по делу доказательствами. Необоснованность обвинения исключает возможность рассмотрения дела в особом порядке.

Так, по уголовному делу в отношении М. в обвинении не было указано, какие именно фразы были истолкованы как угроза и в чем выражались его действия. Суд не учел, что ч. 1 ст. 119 УК РФ вменена излишне, к тому же обвинение в этой части не конкретизировано. В результате вышестоящим судом приговор был изменен [19].

Судья вправе назначить рассмотрение уголовного дела в особом порядке, помимо прочих условий, установленных законом, лишь убедившись в достаточности доказательств, подтверждающих виновность обвиняемого. В этой ситуации обоснованность обвинения рассматривается в неразрывном единстве с достаточностью доказательств, подтверждающих виновность лица в совершении преступления. При этом суд должен убедиться в доброкачественности каждого из доказательств, их непротиворечивости, определить их содержание, проверить подтвержденность обвинения собранными по делу доказательствами, не содержащими процессуальных изъянов, прийти к выводу о том, что совокупность собранных по делу доказательств является достаточной для вынесения обвинительного приговора. Невыполнение этого требования признается фундаментальным нарушением уголовно-процессуального закона, поскольку объективно сопряжено с нарушением права подсудимого на справедливое судебное разбирательство и тем самым предопределяет невозможность вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора [20. С. 20].

Условия установления обоснованности обвинения в разных процессуальных ситуациях существенно различаются. При разрешении вопроса о применении заключения под стражу и иных мер пресечения обоснованность подозрения (обвинения) устанавливается в рамках судебного заседания в условиях состязательности с участием сторон. Как верно отмечает Д.В. Гурин, принятие обоснованных индивидуализированных решений о применении мер пресечения не-

возможно вне состязательной судебной процедуры, предусматривающей гарантии беспристрастного и справедливого рассмотрения доводов сторон, находящихся в равном положении [21. С. 274]. О.И. Андреева и Т.В. Трубникова справедливо отмечают, что активное противоборство спорящих сторон является и должно являться наиболее эффективным способом достижения целей уголовного процесса. Реализация прав и исполнение обязанностей сторонами, отстаивающими частные и публичные интересы, влияют на принятие судом законного и обоснованного решения по делу [22. С. 194]. Стороны имеют реальную возможность присутствия и активного участия в судебном заседании по вопросу об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 13 ст. 109 УПК РФ). На суд в силу осуществляемой им функции возлагается ответственность за обеспечение равенства и состязательности сторон в этом судебном заседании. Бремя доказывания обоснованности подозрения (обвинения) возлагается на сторону обвинения, обвиняемый не обязан доказывать свою непричастность к совершенному преступлению.

В случае, если стороной обвинения соответствующие материалы не были представлены для исследования в судебном заседании, суд не вправе считать установленной обоснованность подозрения (обвинения) и, соответственно, удовлетворить ходатайство следователя о заключении под стражу либо продлении ее сроков. Ходатайства стороны защиты об исследовании показаний свидетелей, которые могут оказать существенное влияние на разрешение вопроса о наличии либо отсутствии обоснованного подозрения, должны быть удовлетворены судом в случае, если они обоснованы, мотивированы и имеют непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу. По смыслу уголовно-процессуального закона ходатайства, имеющие значение для разрешения дела, подлежат удовлетворению. При исследовании представленных материалов суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица, он может лишь устанавливать наличие либо отсутствие оснований и условий для заключения лица под стражу, в том числе наличие обоснованного подозрения.

В иных процессуальных условиях обоснованность подозрения (обвинения) устанавливается при даче судом разрешения на производство процессуальных действий в порядке ст. 165 УПК РФ. В судебном заседании для разрешения вопросов о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, о производстве обыска и выемки в жилище, о производстве выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, о производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката, о производстве личного обыска, о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, о наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи, о наложении ареста на имущество, о контроле и записи телефонных и иных

переговоров о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами вправе участвовать лишь ряд участников процесса со стороны обвинения – прокурор, следователь и дознаватель. Вопрос разрешается в отсутствие состязательности. Такой подход законодателя вполне обоснован: в отличие от мер пресечения, носящих обеспечительный характер, вышеуказанные действия направлены преимущественно на собирание доказательств, дача разрешения на их проведение в условиях тайны следствия без участия сторон обеспечивает их дальнейшую результативность. В этой ситуации деятельность суда по установлению причастности лица к совершению преступления приобретает особо важное значение, поскольку именно суд должен исключить возможность осуществления действий, существенно затрагивающих важнейшие конституционные права и свободы лиц, непричастных к преступлению. В случае, если принудительные действия затрагивают лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства (например, обыск у третьих лиц), суд должен устанавливать обоснованность обвинения (подозрения), а также наличие связи между подозреваемым (обвиняемым) и лицом, у которого будет проведен обыск.

В принципиально иных процессуальных условиях устанавливается обоснованность обвинения при назначении судебного разбирательства в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ. В этой ситуации процессуальный спор между сторонами отсутствует, обвиняемый соглашается с предъявленным обвинением, не оспаривает ни обоснованность обвинения, ни его доказанность, и заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке. Обоснованность обвинения устанавливается судом вне рамок судебного заседания в отсутствие сторон. В условиях, исключая состязательность, непосредственность и устность, судья знакомится с письменными доказательствами, закрепленными в материалах уголовного дела. В такой ситуации особенно важное значение приобретает мыслительная гносеологическая деятельность судьи по оценке имеющихся в деле доказательств [20. С. 27].

Таким образом:

1. Обоснованность подозрения (обвинения) содержательно означает обоснованность уголовного преследования, наличие уголовно-правовой претензии к лицу, а также наличие процессуальных сведений, подтверждающих причастность лица к совершенному преступлению.

2. Обоснованность подозрения и обоснованность обвинения – синонимичные понятия, они различаются лишь объемом уголовно-правовой претензии, определяющей процессуальный статус лица в качестве подозреваемого или обвиняемого.

3. Наиболее серьезные процессуально-принудительные меры в отношении подозреваемых и обвиняемых могут применяться лишь при установлении судом обоснованности выдвинутого подозрения (обвинения), поскольку ограничение важнейших конституционных прав граждан, которые в силу презумпции невиновности являются невиновными в совершении

преступления, возможно лишь в исключительных случаях при наличии серьезных оснований.

4. Обоснованность обвинения (подозрения) устанавливается при наличии достаточных данных о том, что лицо могло совершить преступление, и подтверждается постановлением о возбуждении уголовного дела и привлечении лица в качестве обвиняемого, протоколами задержания, допросов обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, иными материалами.

5. В процессуальном смысле условия установления обоснованности обвинения существенно различаются. При разрешении вопроса о применении заключения под стражу и иных мер пресечения обоснованность подозрения (обвинения) устанавливается в рамках судебного заседания в условиях

состязательности с участием сторон. При даче судом разрешения на проведение следственных и иных процессуальных действий в порядке ст. 165 УПК РФ вопрос в целях обеспечения тайны следствия разрешается в отсутствие состязательности с возможным участием лишь прокурора, следователя и дознавателя. Обоснованность обвинения при назначении судебного разбирательства в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, устанавливается судом вне рамок судебного заседания в отсутствие сторон. В любой из вышерассмотренных ситуаций ответственность за установление обоснованности обвинения несет суд, поскольку неустановление этого означает необоснованность принятого решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2007. 49 с.
2. Постановление ЕСПЧ от 06.04.2000 г. «Лабита (Labita) против Италии» [Большая палата], № 26772/95, § 155.
3. Постановление ЕСПЧ от 08.10.2009 г. «Лазороски (Lazoroski) против Бывшей югославской Республики Македония», № 4922/04, § 48.
4. Постановление ЕСПЧ «Степуляк (Stepuleac) против Молдавии», § 70.
5. Постановление ЕСПЧ от 22.05.2014 г. «Ильгар Маммадов (Ilgar Mammadov) против Азербайджана», № 15172/13, § 97.
6. Постановление ЕСПЧ от 27.11.2012 г. «Хачатрян и другие (Khachatryan and Others) против Армении», № 23978/06, § 136.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 (ред. от 24.05.2016 г.) // СПС КонсультантПлюс.
8. Архив Советского районного суда г. Казани за 2017 г.
9. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017 г.) // СПС КонсультантПлюс.
10. Постановление ЕСПЧ от 13.06.2013 г. «Роменский (Romenskiy) против России», № 22875/02, § 27.
11. Постановление ЕСПЧ от 27.11.1997 г. «К.-Ф. (K.-F.) против Германии», № 25629/94, § 57.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2005 г. № 330-О // СПС КонсультантПлюс.
13. Постановление ЕСПЧ от 31.01.2017 г. «Вахитов и другие (Vakhitov and Others) против России», № 18232/11 §§ 67-71.
14. Подольский М.А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 25 с.
15. Беляев М.В. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 453 с.
16. Российская газета. 2017. 9 июня.
17. Постановление о проверке законности обыска в жилище № 3/6/2018 // Архив Октябрьского районного суда г. Белгорода за 2018 г.
18. Качалова О.В., Качалов В.И. Право на справедливое судебное разбирательство и особый порядок судебного разбирательства: есть ли коллизия? // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 445. С. 197–202.
19. Справка по результатам обобщения практики рассмотрения судами Челябинской области уголовных дел в порядке главы 40 УПК РФ // Сайт Челябинского областного суда. URL: http://www.chel-oblsud.ru/upload/file/reviews/criminal/reviews_on_criminal_cases_1.doc
20. Качалова О.В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе. М. : Юрлитинформ, 2016. 243 с.
21. Гурии Д.В. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики в свете постановлений Европейского Суда, касающихся соблюдения ст. 5 Конвенции: достижения и перспективы // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека № 1 (2019).
22. Андреева О.И., Трубникова Т.В. Принятие судом решения о наличии в деянии лица злоупотребления правом и его последствия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 194–200.

Статья представлена научной редакцией «Право» 18 апреля 2020 г.

Meaning of the Category “Validity of the Charge” in Criminal Proceedings

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 218–223.

DOI: 10.17223/15617793/462/26

Oksana V. Kachalova, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: oksana_kachalova@mail.ru

Viktor I. Kachalov, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: okukel@yandex.ru

Keywords: validity of charge (suspicion); person’s involvement in crime commission; coercive measures; court; special procedure of proceedings.

The aim of the article is to identify the meaning of the category “validity of the charge” in criminal proceedings and the scope of its application. After analyzing the content and legal essence of this category, as well as procedural situations in which it is necessary to establish the validity of the charge, the authors come to the following conclusions. Any coercive measures against suspects and accused persons can be applied only if there are serious grounds to assume that a person is involved in the commission of a crime since the restriction of the most important constitutional rights of citizens who, by virtue of the presumption of innocence, are innocent of committing a crime is possible only in exceptional cases. The validity of the charge (suspicion) assumes that a person is involved in the commission of a crime, as well as the fact of the criminal prosecution of this person. It is established if there is sufficient evidence that a person may have committed a crime (a person was caught committing a crime or immediately after it was committed; the victim or witnesses identified the person as the perpetrator of the crime; obvious traces of the crime were found on the person or their clothing, with them or in their house, etc.). The validity of the charge may be confirmed by a decision to initiate a

criminal case and bring a person as an accused, by protocols of detention, interrogations of the accused, the victim, witnesses, and other materials. In the procedural sense, the conditions for establishing the validity of the charge differ significantly. When resolving the issue of the use of detention and other preventive measures, the validity of the charge is established within the framework of a court session in the conditions of adversariality with the participation of the parties. When giving the court permission to conduct investigative and other procedural actions in accordance with Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, to ensure the secrecy of the investigation, the issue is resolved in the absence of adversariality with the possible participation of only the prosecutor, the investigator, and the inquirer. The category “validity of the charge” is significant in legal terms in a criminal case with the special order of proceedings. A prerequisite for the court to consider a criminal case in a simplified procedure is the validity of the charge and its confirmation by the evidence collected in the case. The validity of the charge in the appointment of a trial in the special order provided for by Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is established by the court outside the court session in the absence of the parties. In any of the above situations, the court is responsible for establishing the validity of the charge since failure to establish it means that the decision made is unfounded.

REFERENCES

1. Andreeva, O.I. (2007) *Kontseptual'nye osnovy sootnosheniya prav i obyazannostey gosudarstva i lichnosti v ugovolnom protsesse Rossiyskoy Federatsii i ikh ispol'zovanie dlya pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti po rasporyazheniyu predmetom ugovolnogo protsessa* [Conceptual foundations of the relationship between the rights and obligations of the state and the individual in the criminal procedure of the Russian Federation, and their use for the legal regulation of activities to dispose of the subject of the criminal procedure]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.
2. ECHR. (2000) *Labita v. Italy Judgment. Application no. 26772/95*, § 155.
3. ECHR. (2009) *Lazoroski v. The former Yugoslav Republic of Macedonia Judgment. Application no. 4922/04*, § 48.
4. ECHR. (2007) *Stepuleac v. Moldova Judgment. Application no. 8207/06*, § 70.
5. ECHR. (2014) *Ilgar Mammadov v. Azerbaijan Judgment. Application no. 15172/13*, § 97.
6. ECHR. (2012) *Khachatryan and Others v. Armenia Judgment. Application no. 23978/06*, § 136.
7. Consultant.ru. (2016) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2013, No. 41 (as amended on May 24, 2016)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/. (In Russian).
8. Archive of the Soviet District Court of Kazan for 2017. (In Russian).
9. Consultant.ru. (2017) *Overview of the practice of consideration by the courts of petitions to choose a preventive measure in the form of detention and to extend the period of detention (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on January 18, 2017)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211320/. (In Russian).
10. ECHR. (2013) *Romenskiy v. Russia Judgment. Application no. 22875/02*, § 27.
11. ECHR. (1997) *K.-F. v. Germany Judgment. Application no. 25629/94*, § 57.
12. Consultant.ru. (2005) *Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 12, 2005, No. 330-O*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55927/. (In Russian).
13. ECHR. (2017) *Vakhtov and Others v. Russia Judgment. Application no. 18232/11*, §§ 67–71.
14. Podol'skiy, M.A. (2010) *Sudebnye resheniya v dosudebnom proizvodstve po ugovolnomu delu: voprosy teorii i praktiki* [Court decisions in pre-trial proceedings in a criminal case: Theory and practice]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
15. Belyaev, M.V. (2019) *Sudebnye resheniya v rossiyskom ugovolnom protsesse: teoreticheskie osnovy, zakonodatel'stvo i praktika* [Court decisions in the Russian criminal procedure: Theoretical foundations, legislation and practice]. Law Dr. Diss. Moscow.
16. *Rossiyskaya gazeta*. (2017) 9 June.
17. Archive of the Oktyabrsky District Court of Belgorod for 2018. *Postanovlenie o proverke zakonnosti obyska v zhilishche № 3/6/2018* [Resolution on verification of the legality of the search in the home No. 3/6/2018].
18. Kachalova, O.V. & Kachalov, V.I. (2019) The Right to a Fair Trial and a Special Procedure: Is There a Conflict? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 445. pp. 197–202. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/445/30
19. Chelyabinsk Regional Court. (n.d.) *Spravka po rezul'tatam obobshcheniya praktiki rassmotreniya sudami Chelyabinskoy oblasti ugovolnykh del v poryadke glavy 40 UPK RF* [Report on the results of generalization of the practice of consideration by the courts of Chelyabinsk Oblast of criminal cases in the order of Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.chel-oblsud.ru/upload/file/reviews/criminal/reviews_on_criminal_cases_1.doc.
20. Kachalova, O.V. (2016) *Vidy uskorenного proizvodstva v rossiyskom ugovolnom protsesse* [Types of accelerated proceedings in the Russian criminal procedure]. Moscow: Yurlitinform.
21. Gurin, D.V. (2019) Sovershenstvovanie ugovolno-protsessual'nogo zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noy praktiki v svete postanovleniy Evropeyskogo Suda, kasayushchikhsya soblyudeniya st. 5 Konventsii: dostizheniya i perspektivy [Improvement of criminal procedure legislation and law enforcement practice in the light of the European Court's judgments regarding compliance with Art. 5 of the Convention: Achievements and Prospects]. *Rossiyskiy ezhegodnik Evropeyskoy konventsii po pravam cheloveka – Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights*. 1.
22. Andreeva, O.I. & Trubnikova, T.V. (2019) A Court's Decision on the Presence of Abuse of Right in the Act of a Person and Its Consequences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 438. pp. 194–200. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/438/26

Received: 18 April 2020

К.С. Кондратьева, И.А. Стерлягов

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДОКТРИНЫ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД

Рассматривается вопрос становления доктрины «снятия корпоративной вуали» в различных правовых системах с целью определения возможности ее применения при привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) в России. Невозможность рецепции доктрины «прокалывания корпоративной вуали», являющейся процессуальным инструментом в прецедентной правовой системе, обусловлена ограниченным набором полномочий судов, относящихся к континентальной правовой семье, которые не вправе самостоятельно создавать нормы права.

Ключевые слова: банкротство; юридические лица; субсидиарная ответственность; корпоративные отношения; снятие корпоративной вуали.

Доктрина «прокалывания корпоративной вуали» зародилась в Великобритании. Дело *Salomon V. Salomon 1897*, возникшее изначально по иску кредитора компании по производству обуви и носившее название *Broderip v Salomon 1895*, считается положившим начало дискуссии о возможности преодоления имущественной обособленности юридического лица ввиду нанесения ущерба кредиторам путем злоупотреблениями бенефициаров [1].

Суд первой инстанции, удовлетворяя иски требования, указал, что схема, позволяющая господину Саломону вести бизнес от имени компании с ограниченной ответственностью, вопреки смыслу Закона о компаниях 1862 г., противоречит целям законодателя и является средством обмана кредиторов.

Палата лордов, однако, отменила вышеуказанное решение и единогласно постановила, что, поскольку компания была должным образом зарегистрирована, она является независимым лицом с соответствующими ей правами и обязанностями.

Судьи Высшей инстанции указали на необходимость учитывать, что юридическое лицо обладает автономией воли, а кредиторы, заключившие сделки с фирмой господина Саломона, понимали, что договариваются с компанией, а не физическим лицом. Компания не утрачивает своей правоспособности даже в случае ее учреждения одним акционером.

Решение по делу *Salomon V. Salomon* вызвало изменение в законодательстве о банкротстве. В 1897 г. по требованиям «льготных» кредиторов – сотрудников им был предоставлен приоритет перед иными кредиторами по налоговым платежам.

В дальнейшем английские суды неоднократно указывали на необходимость различать акционерную компанию и ее владельцев (даже в случае единоличного владения), в отсутствие доказательств того, что компания являлась фиктивной или «ширмой» для своего владельца [2–4].

Таким образом, в Великобритании суды акцентировали внимание на традиционных концепциях общего права и доктрине фидуциарных обязанностей управляющих: обязанность лояльности (*the duty of loyalty*), обязанность проявлять заботливость и осмот-

рительность (*the duty of care*) и обязанность действовать добросовестно (*the duty of good faith*) [5].

Знаковым делом, характеризующим современное положение доктрины «прокалывания», является кейс *Lungowe v Vedanta Resources plc*, рассмотренный Верховным Судом Великобритании. Граждане Замбии, проживающие в провинции Чингола, в июле 2015 г. обратились к компании *Konkola Copper Mines plc* («КСМ»), ведущей разработку медного месторождения Нчанга, и ее материнской компании – *Vedanta Resources Plc*, зарегистрированной в Великобритании, с исковыми требованиями о возмещении вреда, вызванного сбросом токсичных отходов в реку, из которой жители провинции Чингола черпали воду для орошения сельскохозяйственных земель и бытовых нужд.

Истцы считали, что материнская компания – *Vedanta Resources Plc* обязана была контролировать добычу «КСМ» полезных ископаемых и ее ответственное отношение к окружающей среде и Обществу Замбии. В связи с чем перед Верховным Судом Великобритании стояло сразу два вопроса: несет ли ответственность материнская компания и подсудно ли дело для рассмотрения британским судом?

Верховный Суд, рассмотрев дело 10 апреля 2019 г., указал, что прямое или косвенное владение не может рассматриваться как безусловное основание для возложения на материнскую компанию ответственности за деятельность дочернего общества. Все зависит от степени вмешательства и контроля материнской компании соответствующих операций (включая землепользование) дочерней компании.

Суд посчитал, что, согласно рассмотренным материалам, *Vedanta* взяла на себя ответственность за поддержание надлежащих стандартов экологического контроля за деятельностью своих дочерних компаний, в частности операций на руднике, реализацию стандартов по обучению, мониторингу и обеспечению их соблюдения, и после изучения соответствующих внутренних документов можно судить об ответственности материнской компании холдинга перед истцами, в случае нарушения фидуциарных обязанностей по отношению к «КСМ» [6].

При этом Верховный Суд признал Великобританию надлежащим местом для проведения данного судебного разбирательства, в связи с невозможностью истцов добиться надлежащего уровня правосудия в Замбии, приняв во внимание особенности финансирования и отсутствия опытных юридических образований для судебного сопровождения дел такого размера и сложности.

Решение Верховного Суда Великобритании создало важный прецедент в пользу истцов, не имеющих возможности на справедливое возмещение вреда, нанесенного компанией, действующей в интересах материнской организации из иностранной юрисдикции, и напомнило о необходимости установления наличия деликта при решении вопроса об ответственности материнской компании.

Термин «piercing the corporate veil» применил Моррис Уормсер, профессор права Нью-Йоркского юридического института. Посвятив свою деятельность изучению природы корпораций и корпоративных взаимоотношений, он в 1912 г. сравнил управляющих и акционеров, применяющих корпоративную вуаль, с «вороватыми волками, будь те в корпоративном одеянии бабушки Красной Шапочки или в своих собственных мохнатых шкурах» [7. Р. 496].

В 1931 г. этот же автор в книге «Frankenstein, Incorporated», отмечая стремительное развитие концепции ограниченной ответственности и ее положительное влияние на американскую экономику, обратил внимание на возникшие проблемы номинальных корпораций, фиктивных акционеров и директоров, субинфундацию материнских и дочерних компаний [8. С. 242].

Американское право, формировавшееся на фундаменте английской правовой системы, тем не менее, претерпело изменения. Консолидация и систематизация законодательства («общего права») происходили на уровне штатов, которые являются суверенными государственными образованиями. Согласно положениям ст. VI Конституции США, действует принцип верховенства федерального права относительно нормативно-правовых актов штатов [9. С. 55]. При этом Верховный Суд США разрешает коллизии, возникшие в ходе рассмотрения споров на уровне судов штатов и формирует доктринальное толкование права.

В 1888 г. в Штате Нью-Джерси принят закон, предоставляющий право компаниям на перекрестное владение акциями, при этом компании сохраняли ограниченную ответственность в условиях централизации коммерческих и руководящих функций. Таким образом, право Нью-Джерси позволяло нивелировать действие более позднего Акта Шермана 1890 г., ограничивающего монопольную торговлю («антитрестовский закон»).

Однако в 1904 г. Правительству США пришлось столкнуться с жизненно важным вопросом о возможности управления гигантскими корпорациями, фактически монополизировавшими секторы экономики.

Первым делом стало Northern Securities Co. v. United States. Компания в результате агрессивной политики на бирже при банковской поддержке монопо-

лизировала железнодорожные перевозки в западной части Соединенных Штатов. В 1902 г. против Northern Securities было возбуждено антимонопольное дело, в результате рассмотрения которого, в 1904 г. Верховный Суд США принял решение распустить компанию. В Верховном Суде адвокаты утверждали, что только Нью-Джерси может регулировать деятельность корпорации в Нью-Джерси, так как операции с ценными бумагами не осуществляются в рамках торговли между штатами.

Необходимо отметить, что решение было вынесено не единогласно: пять против четырех. Судья Холмс, к которому присоединились судьи Фуллер (на тот момент Главный судья Соединенных Штатов), Уайт, Пекхэм, выразили несогласие. Несогласие Холмса включало в себя знаменитый отрывок: «Великие дела, такие как трудные дела, порождают плохой закон. Ведь великие дела называются великими не по причине их реальной важности в формировании закона будущего, но по причине некоторой случайности, вызвавшей непреодолимый интерес, который апеллирует к чувствам и искажает суждение» [10].

В 1929 г. Йельский юридический журнал опубликовал статью Уильяма Дугласа и Кэрола Шанкса «Изоляция от ответственности через дочерние корпорации», в которой был разобран широко распространенный кейс на примере создания такой структуры отдельной сети, где на балансе у дочерней малоизвестной компании находится здание отеля, таким образом на нее возложено налоговое бремя и бремя содержания, а материнской (титульной) компания выступает именем для привлечения клиентов. Подобная схема имела следующие особенности: во-первых, о существовании дочерней компании никому неизвестно, что затрудняло предъявление к ней исков в случае нанесения ущерба отелем; во-вторых, работодателем сотрудников была материнская компания.

Кроме того, дочерняя компания являлась постоянным должником материнской, а материнская компания получала всю прибыль дочерней корпорации. Такая схема ведения бизнеса наносила вред независимым кредиторам, у которых имелись иски о требованиях к дочерней компании [11. С. 309].

Статья была написана в год начала Великой депрессии. В условиях сокращения выручки, отсутствия заказов, ложной социальной обстановки, кредиторы заостряют внимание на причинах неплатежеспособности должника.

Правоведы США, исследующие проблему применения доктрины «прокальвания корпоративной вуали», в 2006 г. провели анализ около 3 тыс. дел и пришли к выводу, что суды прибегали к ней в 48,51% случаев [12. С. 89].

Практика применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в Германии может рассматриваться как полезный опыт для российского права, в силу принадлежности обоих государств к романо-германской правовой семье.

Рассмотрим теоретические обоснования «пронизывающей ответственности» ученых немецкой правовой школы. Теория субъективного злоупотребления, предложенная Р. Серик, состоит в том, что

учредитель (участник) юридического лица в случае использования им корпоративной формы для обхода закона или умышленного причинения вреда третьим лицам, т.е. при злоупотреблении, несет ответственность по обязательствам этого юридического лица. В. Мюллером-Фрайнфельсом разработана теория нарушения основополагающих целей закона. Следуя теории, можно говорить о том, что соблюдение принципа ограниченной ответственности юридического лица должно соответствовать основополагающим целям закона (а именно – достижение справедливости) и не нарушать их. В случае нарушения, принцип ограниченной ответственности юридического лица не должен быть применен. Продолжением теории нарушения основополагающих целей закона может служить позиция Э. Рехбиндера, который утверждал, что слепое следование принципу ограниченной ответственности юридического лица нарушало бы правовую систему в целом [13. С. 169].

Регулирование ответственности материнского общества по обязательствам дочернего в Германии заключалось в Законе об акционерных обществах 1965 г. Данным нормативно-правовым актом закреплены принципы, направленные на защиту от конфликта интересов дочернего предприятия и мажоритарного акционера, а также возмещения убытков кредиторам зависимого общества, вызванных действиями господствующей компании.

По мнению С.А. Будылина и Ю.Л. Иванец, история развития «прокалывания корпоративной вуали» насчитывает три этапа: ранняя судебная практика, изменение практики, современное состояние вопроса [14. С. 120–122].

В немецком праве «пронизывающая, проникающая ответственность» обозначается термином «Durchgriffshaftung». По причинам развитости норм немецкого корпоративного права и высокого уровня защиты кредиторов, «пронизывающая ответственность» в Германии получила толчок к развитию в 1990-е гг., гораздо позднее, чем в странах англосаксонского права. Также «позднее» развитие связано с тем, что право концернов, известное как право контролируемых компаний (Konzernrecht), кодифицировано в Германии, включает в себя конечную схему, устанавливающую статус отдельных компаний – участников группы [15. С. 127]. Кроме того, при рассмотрении споров по исследуемой категории германские суды в качестве основы для решений берут действующее законодательство, а не судебные прецеденты [16. С. 21].

На первом этапе ключевыми для развития стали дела Autokran и Tiefbau, разрешенные Верховным Судом Германии. Указанные компании являлись компаниями с ограниченной ответственностью, поэтому судом были применены по аналогии положения ст. 302 Закона об акционерных обществах (о компенсации доминирующим предприятием убытков подчиненного общества) [12. S. 169]. Кроме того, судом введено понятие «специальная группа де-факто» (qualifizierter faktischer Konzern), которое означает, что доминирующее предприятие оказывает долго-

срочное и всеобъемлющее воздействие на подчиненное общество.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. наблюдается изменение судебной практики, можно говорить о втором этапе в развитии института «пронизывающей ответственности». Германские суды при привлечении к ответственности контролирующих корпорацию лиц применяют основание – концепцию разрушительного вмешательства (existenzvernichtender Eingriff), а не идею неформальной группы GmbH (qualifizierter faktischer Konzern). Дело Vulkan является знаковым для данного этапа: Верховный Суд осуществил юридическую квалификацию действий директоров материнской компании как «разрушительное вмешательство» в дела общества. В результате действий директоров дочерняя компания не имела возможности сохранить активы, а лишалась их и переставала исполнять свои обязательства перед третьими лицами. Суд отправил дело на новое рассмотрение.

Можно сделать вывод, что новая концепция образовалась под влиянием института злоупотребления правом и стала его частью. Параграф 226 Германского гражданского уложения [17] аналогичен ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [18] и устанавливает запрет использования участниками гражданских правоотношений своих прав исключительно с целью причинения вреда другому лицу. Параграф 242 Германского гражданского уложения закрепляет необходимость добросовестного исполнения обязательства. Данный принцип нашел свое отражение в ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации [18].

Дело KBV GmbH интересно тем, что суд указал на злоупотребление ими корпоративной формой юридического лица при привлечении к личной ответственности участников.

В 2007 г. в деле TriHotel Верховный Суд Германии изменил концепцию злоупотребления права, при этом не отказываясь полностью от идеи ответственности участников за «деструктивное вмешательство». В соответствии с новым подходом рассматриваемую доктрину невозможно рассматривать и применять как самостоятельное, отдельное основание ответственности, она представляет собой разновидность деликта, регулируемого Германским гражданским уложением. Новый подход предоставляет возможность подать иск о привлечении к ответственности за «деструктивное вмешательство» одновременно с иском о возврате средств в капитал общества [15. С. 22].

Таким образом, накопленный Верховным Судом Германии опыт по привлечению к ответственности и «прокалыванию корпоративной вуали» нашел отражение в параграфе 826 Германского гражданского уложения. Так, К.А. Батыршина рассматривает положение параграфа 826 Германского гражданского уложения, которое представляет собой общую норму деликтного права об ответственности за умышленное причинение вреда противным добрым нравам образом (in einer gegen die guten Sitten verstossenden Weise). Германский суд применяет данную норму как альтернативное основание для ответственности участника перед кредитором общества [9. С. 87].

Рассмотренные стадии развития института «прокалывания корпоративной вуали» и сопутствующих доктрин позволяют резюмировать, что суды избегают необоснованного вмешательства в принципы ограниченной ответственности и автономии воли, являющиеся краеугольными камнями в развитии деловой активности.

Представляется, что институт ответственности контролирующих лиц при банкротстве прошел длинный путь становления: от этапа непринятия ответственности акционера более, чем его вклад в уставный капитал до этапа непринятия судами опоры на формальные критерии, при наличии признаков мошеннических действий управляющих, направленных на преднамеренное банкротство, в условиях личной выгоды, наносящих вред кредиторам.

Рассмотрим проблемы применения доктрины «прокалывания корпоративной вуали» в современном праве. Отметим, что в настоящее время теоретики говорят о новом витке развития доктрины [19. С. 52]. Предпосылкой для такого «оживления» является широкая и разнообразная судебная практика. Разбирая дело *Beckett Investment Management Group v. Hall* о контрактных отношениях между компанией-наемателем и бывшими работниками в части положения о неконкуренции, апелляционный суд «снял» корпоративную вуаль между дочерней и материнской компаниями для установления факта нарушения условий контракта бывшими работниками дочерней корпорации [20]. Также Палатой лордов было рассмотрено дело *Stone & Rolls v. Moore Stephens*. Суд, рассматривая исковое заявление кредиторов против аудиторской компании, не усмотревшей мошеннических действий единственного акционера и директора *Stone & Rolls*, был вынужден признать, что компания не являлась самостоятельным юридическим лицом, а директор был «волей и разумом» компании [21].

На данный момент можно выделить пять законодательных исключений из принципа ответственности компании только в рамках уставного капитала:

- ежегодная подача в Государственный реестр компаний корпоративной отчетности (*annual return*) группы компаний, содержащей информацию об участниках компаний и их основной деятельности;

- дела по искам о неосновательно нанесенном ущербе при принятии решений мажоритарным акционером не в интересах общества или остальных акционеров;

- обман кредиторов при ликвидации компании. При установлении судом факта обмана кредиторов, направленного на нанесение им ущерба, он может обязать лицо, пытавшееся совершить обман, докапитализовать компанию;

- директор или уполномоченное лицо будет нести ответственность перед держателем чека компании, в случае признания компанией сделки по выдаче чека недействительной (отказа осуществить платеж) и выявленном факте неверного указания наименования компании;

- последнее законодательное изъятие – при невыполнении компанией сделки, заключенной ранее по-

лучения компанией сертификата, подтверждающего факт размещения компанией акционерного капитала. В этом случае директора несут солидарную ответственность [5].

Перспективы применения доктрины в праве Великобритании некоторые ученые предлагают оценить при помощи обращения к теории цикличности, предполагая возникновение исключений из общего принципа ограниченной ответственности в связи с развитием альтернативного этапа корпоративного права [9. С. 54].

В Соединенных Штатах Америки также распространено широкое применение доктрины. Кроме того, развитие обеспечивается в зависимости от штата применения или формы злоупотребления.

В 1931 г. Ф. Пауэллом разработан *two-prongtest* (двухэлементный тест), который требует следующих обстоятельств для доказывания «проникновения»:

- установление фактов, указывающих на учреждение акционерами корпорации в качестве «инструмента» для ведения хозяйственной деятельности при игнорировании автономности воли юридического лица (на это могут указывать недостаточная капитализация, несоблюдение корпоративных формальностей, невыплата дивидендов, отсутствие трудоустроенных сотрудников и т.д.);

- использование компании для совершения противоправных действий, направленных на обман и злоупотребление правом (признаки: неплатежеспособность при заключении сделок контрагентами, «откачивание» средств доминирующим акционером, использование корпорации как фасада для отдельных сделок) [22. С. 54].

Так, в деле *Victoria Elevator Co. v. Meriden Grain Co.*, 282 N.W.2d 509 (Minn. 1979) суд, признавая необходимость рассматривать корпорацию как «альтер-эго» ответчика, указал, что ее мажоритарный акционер не проводил четкого разграничения между собственностью, принадлежащей ему как физическому лицу, и собственностью корпорации. Таким образом, он позволял корпорации включать в налоговые декларации отчисления на амортизацию собственного имущества, уменьшая налогооблагаемую базу. При этом корпорация не осуществляла выплату арендной платы за использование имущества ответчика, а акционер перечислял в свой адрес денежные средства при отсутствии на то оснований в условиях неплатежеспособности компании [23].

На практике суды зачастую используют упрощенный вариант доктрины «прокалывания корпоративной вуали», поскольку классический тест требует скрупулезного анализа фактических обстоятельств, что приводит к бесконечной неразберихе в этой сфере. Практической альтернативой ему часто становится так называемый однофакторный тест (*single-factor doctrine*), согласно которому нужно установить всего один из следующих фактов (которые характеризуют две разновидности данного подхода), при условии, что он носит «вопиющий» характер: нарушение принципа разделения (*lack of separate identity*) либо использование корпорации для совершения обманных, а равно и других неправомерных целей [24. С. 73].

В американском праве судебная практика обращения к доктрине «снятия корпоративной вуали» формируется индивидуально для каждого штата, ее применение не однообразно, а количество вопросов, включаемых судами в тесты для «прокалывания», может доходить до 25.

После рассмотрения Верховным Судом Германии дела TriHotel (2007), в вопросе развития концепции «снятия корпоративной вуали» в немецком правоприменении не отмечалось каких-либо изменений. Истцы, рассчитывающие получить удовлетворение своих требований, должны доказать факт злоупотребления мажоритарной компанией корпоративной формой юридического лица, которая в случае удовлетворения иска возместит убытки дочернему предприятию.

Следует согласиться с мнением А.Н. Беляевой о том, что настоящее время в Германии суды при принятии решения о «снятии корпоративной вуали» опираются на установление фактов недостаточной капитализации, смешении активов, несоблюдении корпоративных формальностей [25. С. 67]. В результате становится очевидным сходство критериев применения доктрины в Соединенных Штатах Америки и Германии.

По мнению В.Г. Крылова, в современном немецком правосудии действует тенденция: суд старается не применять доктрину, пока это возможно. Любая попытка приподнять завесу посягает на основной принцип построения корпорации, суть которого в том, что компания является юридическим лицом, которое отделено от своих участников, и возможности найти теоретическое обоснование для исключения из этого принципа, вероятно, не существует [15. С. 5].

Данный подход немецких судов к применению доктрины соответствует общепринятому подходу правоприменителей, независимо от правовой семьи.

В Российской Федерации доктрина «прокалывания корпоративной вуали» законодательно не закреплена, однако на практике существуют случаи обращения к ней арбитражных судов, например в Постановлении Президиума ВАС РФ от 24 апреля 2012 г. № 16404/11 по делу № А40-21127/11-98-184 [26], решении Арбитражного суда Красноярского края от 15.02.2012 по делу № А33-18291/2011 [27], решении Арбитражного суда Краснодарского края от 06.08.2014 по делу № А32-1966/2014 [28].

Часть научного сообщества (А.А. Иванов, И.Ф. Колонтаевская, Т.П. Подшивалов) рассматривают доктрину «прокалывания корпоративной вуали» как положительный пример установления бенефициаров бизнеса и оценки причиненного ущерба, вызванного недобросовестным поведением контролирующих должника лиц.

Внесенные Федеральным законом от 29.07.2017 № 266-ФЗ [29] изменения в Федеральный закон № 127-ФЗ от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)» направлены прежде всего на недопустимость неконтролируемого применения и ссылки на какую-либо доктрину для установления справедливости и исключения незаконного использования института ограниченной ответственности и соответствуют

правовой системе государства, воспринимающей источниками права нормативно-правовые акты. Так, главой III.2 Федерального закона № 127-ФЗ от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)» [30] установлено понятие контролирующего должника лица, обозначены четкие критерии контроля и обстоятельства, презюмирующие нанесение вреда кредиторам. В этой реакции российское право проявило сходство с немецким подходом к решению проблемы.

Представляется, что правовой основой применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в России должна являться норма Гражданского кодекса Российской Федерации о злоупотреблении правом. Но при этом судам необходимы четкие указания относительно того, что именно подлежит доказыванию в подобных делах. Важно подчеркнуть обязательность доказывания двух элементов: во-первых, наличие контроля и, во-вторых, наличие злоупотребления корпоративной формой. Формулировки соответствующего документа необходимо вырабатывать, учитывая российскую правовую терминологию, а критерии применения доктрины – учитывая богатый зарубежный опыт. В этой связи опыт Германии, где взаимоотношения аффилированных обществ закреплены на законодательном уровне, представляет для России, как страны континентальной правовой системы, особый интерес [12. С. 169].

С развитием судебной практики, складывающейся в условиях растущего числа «контролируемых» банкротств, у судов сложилось критическое отношение к представляемым аффилированными кредиторами «идеальным» доказательствам наличия кредиторской задолженности.

При представлении независимыми кредиторами или конкурсным управляющим доказательств, указывающих на корпоративный характер заявленного участником требования, на последнего переходит бремя по опровержению соответствующего довода путем доказывания гражданско-правовой природы обязательства.

Эта позиция, высказанная Верховным Судом Российской Федерации в определении от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556 (2) по делу № А32-19056/2014 [31], стала основой для последующего рассмотрения судами требований кредиторов, аффилированных к должнику.

До этого Верховный Суд Российской Федерации в определении от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 [32] обратил внимание на то, что доказывание в деле о банкротстве факта общности экономических интересов допустимо не только через подтверждение аффилированности юридической (в частности, принадлежность лиц к одной группе компаний через корпоративное участие), но и фактической.

В определении Верховного Суда Российской Федерации от 11 сентября 2017 г. № 301-ЭС17-4784 [33] суд указал на возможность совпадения в условиях банкротства ответчика и «дружественного» кредитора в судебном споре, которые могут совпадать в ущерб интересам прочих кредиторов. Для создания видимости долга в суд могут быть представлены внешне безупречные доказательства исполнения по существу

фиктивной сделки. Скрытие действительного смысла сделки находится в интересах обеих ее сторон. Реальной целью сторон сделки может быть, например, искусственное создание задолженности должника-банкрота для последующего распределения конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора.

Таким образом, за несколько лет сложилась тенденция повсеместного отказа для включения требований аффилированных к должнику кредиторов в реестр требований кредиторов, и Верховный Суд Российской Федерации в определении № 304-ЭС18-14031 [34] разъяснил, что действующее законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым очередность удовлетворения требований аффилированных (связанных) кредиторов по гражданским обязательствам, не являющимся корпоративными, понижается. Кроме того, тот факт, что участник должника является его заимодавцем, сам по себе не свидетельствует о корпоративном характере требования по возврату суммы займа для целей банкротства.

Итогом нарастающего числа споров о возможности или невозможности включения в реестр требований кредиторов должника требований участников (акционеров), руководителей и заинтересованных лиц явился «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц», утвержденный Верховным Судом Российской Федерации 29 января 2020 г. [35]. Обзор систематизировал случаи рассмотрения требований заинтересованных лиц и установил возможность понижения очередности удовлетворения требований лица, предоставившего финансирование в условиях кризисной для компании ситуации, в случае если это лицо являлось контролирующим или действовало под влиянием контролирующего лица (компенсационное финансирование).

Так, российское право переняло опыт Германии, правопорядок которой также допускает субординацию

требований акционеров и аффилированных с ними лиц, а также перешедших прав требований по ним.

Подводя итог рассмотрению возможности внедрения доктрины «снятия корпоративной вуали» при привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) в России, необходимо отметить, что в связи с нахождением в романо-германской правовой семье, немецкий подход к «разрушительному вмешательству» в бизнес-процессы корпорации отразился на развитии концепции отечественного права по борьбе с недобросовестными практиками ведения дел, наносящих ущерб предприятию и его кредиторам. Невозможность рецепции доктрины «прокалывания корпоративной вуали», являющейся процессуальным инструментом в прецедентной правовой системе, обусловлена ограниченным набором полномочий судов, относящихся к континентальной правовой семье, которые не вправе самостоятельно создавать нормы права.

Анализ судебной практики рассмотрения споров, связанных с недобросовестными действиями акционеров, позволяет полагать, что суды могут обратиться к доктрине «снятия корпоративной вуали» как к процессуальному инструменту, вне зависимости от категории спора. Так, актуальной группой споров, в которых применяется доктрина, являются споры, возникающие из трудовых отношений.

Вследствие возникновения и развития доктрины «прокалывания корпоративной вуали» в прецедентной системе права, авторы считают невозможной рецепцию доктрины отечественным правом.

Перспективным направлением развития института ответственности контролирующих должника лиц представляется детализация и легальное закрепление норм оценки деятельности контролирующих должника лиц в докризисный период на предмет доведения корпорации до банкротства и в период имущественного кризиса на предмет докапитализации компании и сохранения ее активов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Salomon v. Salomon & Co Ltd [1897] AC 22. URL: https://www.trans-lex.org/310810/_/salomon-v-salomon-co-ltd-%5B1897%5D-ac-22/ (дата обращения: 30.03.2020).
2. Macaura v Northern Assurance Co Ltd [1925] AC 619. URL: <https://www.explore-law.com/macaura-v-northern-assurance/> (дата обращения: 21.04.2020).
3. Lee v Lee's Air Farming Ltd [1960] UKPC 33. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5b2897cf2c94e06b9e19b798> (дата обращения: 21.04.2020).
4. Farrar v Farrars Ltd., (1888) 40 ChD 395. URL: [https://ca.practicallaw.thomsonreuters.com/a-009-1196?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true&bhcp=1](https://ca.practicallaw.thomsonreuters.com/a-009-1196?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true&bhcp=1) (дата обращения: 21.04.2020).
5. Англичане поделились в ВАС РФ своим опытом срывания вуалей // Сайт Российского агентства правовой и судебной информации. URL: http://rapsinews.ru/international_publication/20130211/266372585.html (дата обращения: 10.02.2020).
6. Vedanta Resources PLC and another (Appellants) v Lungowe and others Respondents). URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2017-0185-judgment> (дата обращения: 24.4.2020).
7. Wormser I.M. Piercing the Veil of Corporate Identity. 12 Columbia L. Rev., 1912. P. 496.
8. Wormser I.M. Frankenstein, Incorporated. New York : Whittlesey House, McGraw-Hill Book Company, inc., 1931. 242 p.
9. Батыршина К.А. Законодательное регулирование и применение доктрины «снятия корпоративной вуали» в российском праве и праве зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
10. Информационные бюллетени Findlaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/193/197.html>
11. Douglas W.O., Shanks C.M. Insultation From Liability Through Subsidiary Corporations // The Yale Law Journal. 1929. Vol. 39, Is. 2. URL: <https://digitalcommons.law.yale.edu/yj/vol39/iss2/2>
12. Peter B.Oh. Veil-Piercing. Texas Law Review, 2010. S. 169.
13. Беляева А.Н. Доктрина «снятия корпоративной вуали» как исключение из принципа ограниченной ответственности юридического лица // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8 (99).
14. Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 120–122.

15. Федчук В.Д. De facto зависимость de jure независимых юридических лиц: проникновение за корпоративный занавес в праве ведущих зарубежных стран. М. : Волтерс Клувер, 2010. 400 с.
16. Крылов В.Г. Доктрина снятия корпоративной вуали в Германии // Гражданское право. 2014. № 1.
17. Российский правовой портал. URL: <https://constitutions.ru/?p=1727> (дата обращения: 20.02.2020).
18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
19. Невская И., Стюарт Е. Доктрина «снятия корпоративной вуали» в английской и российской правоприменительной практике // Слияния & Поглощения. 2012. № 11 (117).
20. Beckett Investment Management Group v. Hall. URL: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2007/613.html> (дата обращения: 30.03.2020).
21. Stone & Rolls v. Moore Stephens. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff76960d03e7f57eac426> (дата обращения: 30.03.2020).
22. Powell F.J. Parent and Subsidiary Corporations. Chicago, 1931.
23. Victoria Elevator Co. v. Meriden Grain Co., 282 N.W.2d 509 (Minn. 1979) URL: <https://law.justia.com/cases/minnesota/supreme-court/1979/49015-1.html>
24. Быканов Д.Д. Снятие корпоративной вуали по праву США, Нидерландов и России. // Закон. 2014. № 7.
25. Беляева А.Н. Особенности применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в странах континентальной правовой системы на примере Германии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2017. № 1. 64–68.
26. Постановление Президиума ВАС РФ от 24 апреля 2012 г. № 16404/11 по делу № А40-21127/11-98-184 // СПС КонсультантПлюс.
27. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 15.02.2012 по делу № А33-18291/2011 // СПС КонсультантПлюс.
28. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 06.08.2014 по делу № А32-1966/2014 // СПС КонсультантПлюс.
29. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4815.
30. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
31. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556(2) по делу № А32-19056/2014 // СПС КонсультантПлюс.
32. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 по делу № А53-885/2014 // СПС КонсультантПлюс.
33. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.09.2017 № 301-ЭС17-4784 по делу № А38-1381/2016 // СПС КонсультантПлюс.
34. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.12.2018 № 304-ЭС18-14031 по делу № А81-7027/2016 // СПС КонсультантПлюс.
35. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) // СПС КонсультантПлюс.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 сентября 2020 г.

Perspectives in Applying the Doctrine of “Piercing the Corporate Veil” in Cases of Subsidiary Liability of Persons Controlling the Debtor in the Russian Federation: A Comparative Legal Approach

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 224–231.

DOI: 10.17223/15617793/462/27

Ksenya S. Kondrateva, Higher School of Economics – Perm Branch (Perm, Russian Federation). E-mail: kcenua-9@mail.ru

Ilya A. Sterlyagov, Perm Krai Office of the Federal Tax Service of Russia (Perm, Russian Federation). E-mail: foxik25@mail.ru

Keywords: bankruptcy; legal entities; subsidiary liability; corporate relations; piercing of corporate veil.

The article discusses the issue of the formation of the doctrine of “piercing the corporate veil” in various legal systems in order to determine the possibility of its application when bringing persons controlling the debtor to subsidiary liability in case of insolvency (bankruptcy) in Russia. In the study, general and specific methods of cognition were used: retrospective, historical, logical, and comparative legal. Methods of logical analysis and dialectics were applied, which together with the seeming contradictions of a significant number of scholarly views allow concluding about their unity and constructiveness. It has been established that, in order to use the “piercing” doctrine as a procedural tool to ignore the property isolation of a legal entity, the courts conduct multi-stage tests to justify the need for such use and prove the exclusivity of the case in question. The importance of the legislative introduction of the concept “person controlling the debtor” is noted in connection with the use of corporate structures and forms of informal control, as well as clear criteria for control and circumstances that presume harm to creditors. Based on the analysis of judicial practice, conclusions were drawn about the main ways of abuse of rights when using corporate governance. The question of the possibility of including the claims of participants (shareholders), company managers and interested parties in the register of claims of the debtor’s creditors is problematic in judicial practice. It is concluded that, due to being in the same legal family, the approach of German law enforcement officers to piercing the corporate veil, better known as responsibility for “destructive interference” in the affairs of society, and to recovering damage caused to creditors under the current legislation is close to Russian law. In this connection, the practice of applying the doctrine in Germany can be regarded as a useful experience for Russian law. Taking into account the precedent legal nature of the doctrine of “piercing the corporate veil”, the authors come to the conclusion that it is impossible to borrow it by domestic law. At the same time, Russian law, the main source of which is normative legal acts, if necessary, selects current trends in ways of solving problems that meet the needs of society and the legal community.

REFERENCES

1. Trans-Lex. (1897) *Salomon v. Salomon & Co Ltd [1897] AC 22*. [Online] Available from: https://www.trans-lex.org/310810/_salomon-v-salomon-co-ltd-%5B1897%5D-ac-22/ (Accessed: 30.03.2020).
2. Explore Law. (1952) *Macaura v Northern Assurance Co Ltd [1925] AC 619*. [Online] Available from: <https://www.explore-law.com/macaura-v-northern-assurance/> (Accessed: 21.04.2020).
3. Casemine. (1960) *Lee v Lee’s Air Farming Ltd [1960] UKPC 33*. [Online] Available from: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5b2897cf2c94e06b9e19b798> (Accessed: 21.04.2020).
4. Practical Law. (1888) *Farrar v Farrars Ltd., (1888) 40 ChD 395*. [Online] Available from: [https://ca.practicallaw.thomsonreuters.com/a-009-1196?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true&bhcp=1](https://ca.practicallaw.thomsonreuters.com/a-009-1196?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true&bhcp=1) (Accessed: 21.04.2020).

5. Russian Agency for Legal and Judicial Information. (2013) *Anglichane podelilis' v VAS RF svoim opytom sryvaniya vualey* [The British shared their experience of piercing veils at the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://rapsinews.ru/international_publication/20130211/266372585.html (Accessed: 10.02.2020).
6. UK Supreme Court. (2017) *Vedanta Resources PLC and another (Appellants) v Lungowe and others Respondents*. [Online] Available from: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2017-0185-judgment> (Accessed: 24.04.2020).
7. Wormser, I.M. (1912) Piercing the Veil of Corporate Identity. *Columbia L. Rev.* 12.
8. Wormser, I.M. (1931) *Frankenstein, Incorporated*. New York: Whittlesey House, McGraw-Hill Book Company, inc.
9. Batyreshina, K.A. (2018) *Zakonodatel'noe regulirovanie i primeneniye doktriny "snyatiya korporativnoy vuali" v rossiyskom prave i prave zarubezhnykh stran: sravnitel'no-pravovoy analiz* [Legislative regulation and application of the doctrine of "piercing the corporate veil" in Russian law and the law of foreign countries: Comparative legal analysis]. Law Cand. Diss. Moscow.
10. FindLaw. (1904) *NORTHERN SECURITIES CO. v. U.S.* (1904) No. 277. [Online] Available from: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/193/197.html>.
11. Douglas, W.O. & Shanks, C.M. (1929) Insultation From Liability Through Subsidiary Corporations. *The Yale Law Journal.* 39 (2). [Online] Available from: <https://digitalcommons.law.yale.edu/yjl/vol39/iss2/2>
12. Peter, B.Oh. (2010) Veil-Piercing. *Texas Law Review.* 81.
13. Belyaeva, A.N. (2016) The doctrine of "piercing the corporate veil" as an exception to the principle of limited liability of legal entity. *Evraziyskiy yuridicheskii zhurnal – Eurasian Law Journal.* 8 (99). (In Russian).
14. Budylin, S.L. & Ivanets, Yu.L. (2013) Sryvaya pokrovy. Doktrina snyatiya korporativnoy vuali v zarubezhnykh stranakh i v Rossii [Tearing off the covers. The doctrine of piercing the corporate veil in foreign countries and in Russia]. *Vestnik VAS RF.* 7. pp. 120–122.
15. Fedchuk, V.D. (2010) *De facto zavisimost' de jure nezavisimyykh yuridicheskikh lits: proniknoveniye za korporativnyy zanaves v prave vedushchikh zarubezhnykh stran* [De facto dependence of de jure independent legal entities: Piercing the corporate veil in the law of leading foreign countries]. Moscow: Volters Kluver.
16. Krylov, V.G. (2014) Doktrina snyatiya korporativnoy vuali v Germanii [The doctrine of piercing the corporate veil in Germany]. *Grazhdanskoe pravo.* 1.
17. *Russian law portal*. [Online] Available from: <https://constitutions.ru/?p=1727> (Accessed: 20.02.2020). (In Russian).
18. Russian Federation. (1994) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya)* ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 16.12.2019, s izm. Ot 12.05.2020) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 16.12.2019, as amended on 12.05.2020)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 32. Art. 3301.
19. Nevskaya, I. & Styuart, E. (2012) Doktrina "snyatiya korporativnoy vuali" v angliyskoy i rossiyskoy pravoprimenitel'noy praktike [Doctrine of piercing the corporate veil in British and Russian Law Enforcement Practice]. *Slyaniya i Pogloshcheniya.* 11 (117).
20. Bailii. (2007) *Beckett Investment Management Group v. Hall*. [Online] Available from: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2007/613.html> (Accessed: 30.03.2020).
21. Casemine. (2007) *Stone & Rolls v. Moore Stephens*. [Online] Available from: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff76960d03e7f57eac426> (Accessed: 30.03.2020).
22. Powell, F.J. (1931) *Parent and Subsidiary Corporations*. Chicago: Callaghan.
23. Justitia: US Law. (1979) *Victoria Elevator Co. v. Meriden Grain Co., 282 N.W.2d 509 (Minn. 1979)*. [Online] Available from: <https://law.justia.com/cases/minnesota/supreme-court/1979/49015-1.html>.
24. Bykanov, D.D. (2014) Snyatie korporativnoy vuali po pravu SSHa, Niderlandov i Rossii [Piercing the corporate veil under the laws of the United States, the Netherlands, and Russia]. *Zakon.* 7.
25. Belyaeva, A.N. (2017) The features of doctrine of "piercing the corporate veil" in continental legal system using the example of Germany. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo.* 1. 64–68. (In Russian).
26. Consultant.ru. (2012) *Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of April 24, 2012, No. 16404/11 in Case No. A40-21127/11-98-184*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
27. Consultant.ru. (2012) *Decision of the Arbitration Court of Krasnoyarsk Krai of February 15, 2012, in Case No. A33-18291/2011*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
28. Consultant.ru. (2014) *Decision of the Arbitration Court of Krasnodar Krai of August 06, 2014, in Case No. A32-1966/2014*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
29. Russian Federation. (2017) O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)" i Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh": Federal'nyy zakon ot 29.07.2017 № 266-FZ [On amendments to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and the Code of the Russian Federation on Administrative Offences": Federal Law of July 29, 2017, No. 266-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 31 (I). Art. 4815.
30. Russian Federation. (2002) O nesostoyatel'nosti (bankrotstve): Federal'nyy zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ (red. Ot 13.07.2020) [On insolvency (bankruptcy): Federal Law of October 26, 2002, No. 127-FZ (as amended on 13 July 2020)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 43. Art. 4190.
31. Consultant.ru. (2017) *Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of July 06, 2017, No.* [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
32. Consultant.ru. (2016) *Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2016, No. 308-ES16-1475 in Case No. A53-885/2014*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
33. Consultant.ru. (2017) *Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of September 11, 2017, No. 301-ES17-4784 in Case No. A38-1381/2016*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
34. Consultant.ru. (2018) *Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2018, No. 304-ES18-14031 in Case No. A81-7027/2016*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
35. Consultant.ru. (2012) *Overview of judicial practice in resolving disputes related to the establishment in bankruptcy procedures of the claims of the controlling debtor and persons affiliated with him (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on January 29, 2020)*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).

Received: 13 September 2020

Д.Б. Лантнев

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Анализируется содержание мер воспитательного воздействия. Аргументируется необходимость исключения предупреждения из перечня принудительных мер. Обосновывается законодательное решение не назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести. Предлагается исключить помещение несовершеннолетних, совершивших преступления средней тяжести, в учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Ключевые слова: ювенальная юстиция; освобождение от уголовной ответственности; принудительные меры воспитательного воздействия; предупреждение; передача под надзор родителей.

Принудительные меры воспитательного воздействия применяются к лицам, не достигшим возраста 18 лет, если характер и степень общественной опасности содеянного и данные о личности виновного позволяют правоприменителю принять такое решение.

Несмотря на тот факт, что преступность несовершеннолетних составляет всего около 4% в структуре зарегистрированной преступности в России [1], формирование современной модели правосудия в этой сфере представляет повышенную актуальность.

Во-первых, действовавшая в 2012–2017 гг. Национальная стратегия действий в интересах детей [2] одной из задач имела приведение в соответствие с международными стандартами уголовно-правовых и уголовно-процессуальных особенностей применения уголовной ответственности к несовершеннолетним. И эта задача решена не была: до настоящего времени новых правил в этой сфере не разработано; более того, нормы раздела V УК РФ корректировались в этот период лишь однажды (Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ), а внесенные изменения носили во многом технический характер (например, в ст. 91 слова «образовательное учреждение» были заменены словами «образовательная организация»). Положения гл. 50 УПК РФ, устанавливающие порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, были незначительно изменены в 2013 и 2018 гг.

Во-вторых, Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3] подростки, привлекавшиеся к уголовной ответственности, относятся к категориям лиц, в отношении которых предусмотрена индивидуальная профилактика. В том числе она должна вестись и в отношении лиц, к которым применены принудительные меры воспитательного воздействия, и в отношении осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и в отношении отбывших наказание в виде лишения свободы. Однако дифференцированный подход ко всем перечисленным группам подростков-правонарушителей в нормах закона отсутствует.

Из этого можно заключить, что нормативная база по-прежнему не в полном объеме соответствует международным стандартам осуществления правосудия в

отношении несовершеннолетних правонарушителей. А с учетом того, что в правовой доктрине в современный период получили одобрение подходы, связанные с расширением элементов медиации по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними [4. С. 258–261; 5. С. 168–185; 6. С. 17–21], принудительные меры воспитательного воздействия требуют серьезного анализа.

Содержание принудительных мер воспитательного воздействия может быть охарактеризовано следующим образом.

Предупреждение как разъяснение сущности вреда, причиненного в результате совершения преступлений, и последствия повторного нарушения уголовного закона следует признать в современных условиях недостаточно актуальным. Бесспорно, что по своей форме оно является индивидуальной пропагандой законопослушного поведения [7. С. 554–562], и отчасти именно в этом и состоит его воспитательный характер. Однако ч. 1 ст. 91 УК РФ не регламентирует конкретной формы предупреждения, а ст. 432 УПК РФ не дает ответа на вопрос о том, какие негативные последствия для несовершеннолетнего могут наступить, если надлежащих выводов из объявленного предупреждения он не сделал, но нового преступления еще не совершил (например, неоднократно после прекращения уголовного дела задерживался в состоянии наркотического опьянения, но наркотических средств, по объему достаточных для привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 228 УК РФ, при себе не имел). Может ли в данном случае возобновляться производство по уголовному делу, прекращенному в связи с применением (объявлением) предупреждения? Как представляется, ответ на данный вопрос может быть только отрицательным. Аналогично можно отметить, что никаких дополнительных обязанностей мера в виде предупреждения не предусматривает, что ставит под сомнение ее воспитательный характер, который для данной группы мер справедливо признается доминирующим [8. С. 84]. Одновременно можно упомянуть и о том, что элементы принуждения в структуре этой меры также сомнительны.

В этой связи возникает вопрос, в каком конкретно случае она может быть применена на практике. По изученным уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних нами таких случаев не выявлено.

В идеале, если общественно опасные последствия совершения противоправного деяния могут быть восполнены (компенсированы) вынесением предупреждения (по сути своей, устного взыскания), не будет ли более правильной постановка вопроса о признании деяния малозначительным? В связи с изложенным, и поскольку эффективность применения предупреждения является достаточно спорной, представляется необходимым исключить его из перечня принудительных мер воспитательного воздействия. Дополнительно в данном случае следует упомянуть и о том, что праворазъяснительная функция реализуется при производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего следователем, дознавателем, прокурором и судом, а вопрос о компенсации вреда, причиненного преступлением, решен в содержании другой принудительной меры воспитательного воздействия.

Эта мера называется возложением обязанности загладить причиненный вред (ч. 3 ст. 91 УК РФ). Как и предупреждение, она не связывается с исчислением определенного срока. Закон предполагает, что при ее применении необходимо учитывать имущественное положение несовершеннолетнего и наличие у него трудовых навыков. Представляется, в данном случае нормативный подход к определению содержания этой меры весьма архаичен и требует дальнейшей регламентации, как это, к примеру, изложено в одном из постановлений Пленума Верховного Суда РФ, где сформулированы критерии заглаживания вреда (компенсация морального вреда, оказание помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства) [9].

Результаты изучения материалов судебной практики дают основания полагать, что несовершеннолетние привлекаются к работам по восстановлению поврежденного имущества потерпевшего (35% изученных нами уголовных дел, по которым итоговое решение было связано с применением принудительных мер воспитательного воздействия), обязываются принести извинения (отметим, что в 100% дел, по которым несовершеннолетний подсудимый полностью или частично признавал вину в совершении преступления, извинения приносились добровольно в последнем слове подсудимого, что отражалось в протоколе судебного заседания), а также с них взыскивается стоимость нанесенного ущерба и компенсация морального вреда (надо отметить и то, что невозмещенный ущерб суды взыскивают и при назначении наказания либо при применении условного осуждения). В последнем случае не имеет значения, будет ли производиться выплата потерпевшему из личных средств несовершеннолетнего, или же из средств его родителей.

К сожалению, эффективность возложения обязанности загладить причиненный вред весьма эфемерна. В тех случаях, когда речь идет о возмещении его стоимости из средств самого несовершеннолетнего, налицо принудительный элемент (субъект утрачивает материальные блага), но в тех, когда компенсация выплачивается его родителями, он достаточно усло-

вен (риск утраты блага, которое могло быть потенциально приобретено, сохраняется, но только вероятно, а не неизбежно). Если же исполнение обязанности заключается в личном оказании помощи потерпевшему (ремонт испорченного имущества и т.д.), возникает определенный «конфликт взаимосвязей», заключающийся в том, что, во-первых, не каждый подросток владеет необходимыми навыками, а во-вторых, не каждый потерпевший готов принять такое удовлетворение. Единичные примеры в целом подтверждают благоприятное воздействие такой меры на формирование мировоззрения подростка и отказа от криминально ориентированного образа жизни [10. С. 27–31]. Однако говорить о высокой степени вероятности реализации данной меры на практике и получения от нее эффекта представляется преждевременным.

Далее, переходя к принудительным мерам в виде передачи под надзор родителей или лиц, их заменяющих, и в виде ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего, считаем их регламентацию в уголовном законодательстве достаточно корректной. Они обеспечены сроком применения, дифференцированным в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного подростками преступления. В то же время отсутствие четко сформулированных в законе видов и пределов надзора и контроля не позволяет адекватно решать вопрос о применении этих мер к несовершеннолетним, выросшим в маргинализованных семьях. В целом на отсутствие алгоритма правоприменительной деятельности в этой сфере ученые уже обращали внимание [11. С. 13], но законодателя данная проблема так и не получила. При этом, например, передача под надзор подразумевает возложение обязанности не на самого несовершеннолетнего, а на третьих лиц, а из смысла ст. 432 УПК РФ следует, что при неисполнении принудительной меры воспитательного воздействия несовершеннолетним для последнего могут наступить негативные последствия, сопряженные с возобновлением производства по уголовному делу.

Соответственно, возникает коллизия, когда, например, родители подростка не исполняют обязанности по осуществлению за ним надзора, и он ведет антиобщественный образ жизни (убегает из дома, бродяжничает). Родители, очевидно, совершают ошибку воспитательного характера, ставят ребенка в социально опасное состояние. Но насколько эта ошибка будет компенсирована возобновлением производства по уголовному делу, назначением наказания, судимостью? И будет ли в таком случае достигнута цель ресоциализации несовершеннолетнего?

Данные вопросы носят риторический характер, но сам факт их постановки заставляет усомниться в надежности существующего уголовно-правового инструментария в виде принудительных мер воспитательного воздействия.

Полагаем, что фактически наиболее адекватной существующей криминальной ситуации является только одна из принудительных мер воспитательного воздействия, а именно ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершен-

нолетнего. Она не только находит применение на практике в течение длительного времени (в отличие, например, от предупреждения или возложения обязанности загладить причиненный вред) [12. С. 245–253], но и обладает следующими позитивными корректирующими чертами.

Во-первых, ее можно признать «технически исполнимой» (иными словами, с помощью современных средств дистанционного контроля становится реальным отследить местонахождение несовершеннолетнего в ночное время, выявить факт посещения им запрещенного места, факт самовольного выезда за пределы местности, где он проживает). Во-вторых, именно в данном случае в полном объеме проявляются принуждение (как воздействие, осуществляемое помимо воли субъекта) и элементы воспитания (при осознании субъектом связи воздействия с собственным поведением). В-третьих, изоляция несовершеннолетнего от форм бесконтрольного досуга имеет превентивный эффект, физически исключая возможность совершения конкретных противоправных действий (хулиганства, вандализма, приобретения наркотических средств и пр.).

Исходя из изложенного, именно данная мера имеет максимально высокий потенциал в перечне принудительных мер воспитательного воздействия. В этой связи укажем, что некоторые авторы негативно относятся к установлению ограничения досуга, полагая, что данная мера тождественна ограничению свободы или условному осуждению [13. С. 127–132]. На наш взгляд, юридическая коллизия здесь отсутствует: действительно, правила, подобные установленным ч. 4 ст. 91 УК РФ, присутствуют и в ст. 53 УК РФ (ограничение свободы), и в ст. 73 УК РФ (условное осуждение). Однако дискреционные полномочия законодателя позволяют использовать аналогичные средства в структуре различающихся по своей природе правовых регуляторов. При этом может варьироваться их объем, интенсивность, перечень субъектов, в отношении которых они применяются.

Кроме того, различные варианты ограничения возможности самостоятельно распоряжаться своим свободным временем предусмотрены не только уголовным, но и, например, административным правом (в частности, уже более пяти лет действует ст. 3.14 Кодекса РФ об административных правонарушениях, устанавливающая в качестве административного наказания административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения).

Соответственно, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, даже при использовании других мер уголовно-правового или административно-правового воздействия, не утрачивает принудительный, воспитательный и превентивный компоненты воздействия на поведение и формирование личности подростка.

Исключительное положение среди принудительных мер воспитательного воздействия занимает помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Хотя некоторые правила его применения подвергаются

критике [14. С. 118–120], оно обеспечивает максимальное принуждение и может применяться достаточно длительный срок.

Так, в соответствии со ст. 92 УК РФ оно является и видом освобождения от наказания, и принудительной мерой воспитательного воздействия. Оно устанавливается на определенный срок, который может быть сокращен или продлен в судебном порядке. В период пребывания в учреждении поведение несовершеннолетнего корректируется, и по собственной воле покинуть его он не может. В возможности досрочно завершить пребывание в учреждении мы видим испытательный и воспитательный характер данной меры.

В целом данная мера включает нестрогую изоляцию от общества, поскольку в ст. 92 УК РФ оговорено, что несовершеннолетний помещается в учреждение закрытого типа. В то же время, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в такие учреждения могут помещаться и лица, не достигшие возраста уголовной ответственности, и субъекты с признаками возрастной невменяемости. Иными словами, законодатель полагает, что профилактика правонарушений несовершеннолетних может осуществляться в условиях нестрогой изоляции от общества. С учетом результатов, полученных другими исследователями, свидетельствующих о том, что свыше половины подростков, в отношении которых применены положения ст. 92 УК РФ, совершили тяжкие корыстные или корыстно-насильственные преступления [15. С. 93–97], это представляется разумным.

В то же время исключение несовершеннолетнего осужденного из обычных условий жизни влечет разрыв социальных связей и способствует формированию негативного отношения к социально одобряемым правилам поведения [16. С. 5]. Этот тезис представляется справедливым, равно как и выводы о необходимости насыщенного педагогического содержания воспитательного воздействия на несовершеннолетнего [17. С. 38–44]. В этой связи помещение несовершеннолетних, совершивших преступления средней тяжести, в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа представляется нецелесообразным. В том числе из-за того, что несовершеннолетний в таком случае пребывает в условиях изоляции от общества, тогда как наказание в виде лишения свободы назначается судами при аналогичных обстоятельствах крайне редко (в 2019 г., например, только 643 осужденным из 5 859 признанных виновными в совершении преступлений средней тяжести [18]). Иными словами, частичный отказ от применения к несовершеннолетним, совершившим преступления, не являющиеся тяжкими и особо тяжкими, уголовного наказания должен базироваться не только на правовой, но и на педагогической концепции, учитывающей приоритет наилучшего обеспечения интересов ребенка.

В итоге это способствует ресоциализации несовершеннолетнего и препятствует продолжению им преступной деятельности. При тех обстоятельствах, что ресоциализация несовершеннолетнего, т.е. при-

способление его к правилам человеческого общежития и формирование его личности сквозь призму правопослушания, является приоритетной целью коррекции преступного поведения подростков, для ее достижения, очевидно, недостаточно только уголовного наказания.

Пленум Верховного Суда РФ рекомендовал судам не назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если при рассмотрении уголовного дела суд придет к выводу о том, что их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия [19]. В то же время закон (ч. 1 ст. 90 УК РФ) не рассматривает эту норму как императивную. С учетом того обстоятельства, что в современный период в большом количестве регионов России уже накоплен опыт формирования дружественного к ребенку правосудия, отвечающего международным стандартам [20. С. 351–352], назрела необходимость более четкого закрепления этого правила.

Так, в ч. 1 ст. 90 УК РФ считаем верным заменить слова «может быть освобожден от уголовной ответственности» словами «подлежит освобождению от уголовной ответственности». Тем самым, во-первых, будет возможно разграничить случаи, когда целесообразно освобождение на общих основаниях (ст. 75–76 УК РФ), а когда – с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Во-вторых, безусловным, т.е. осуществляемым по усмотрению суда, должно быть освобождение от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, если несовершеннолетний признан виновным в совершении тяжкого преступления: в данном случае характер и степень общественной

опасности выше, а возможность освобождения от уголовной ответственности юридически отсутствует.

В силу того, что более 75% преступлений, совершаемых несовершеннолетними и при их соучастии, относится к категориям небольшой или средней тяжести [1], внесенное предложение представляется востребованным с точки зрения гуманизации уголовно-правовой политики. При том условии, что в современный период принудительные меры воспитательного воздействия применяются крайне ограниченно (например, в 2019 г. были осуждены 16 858 несовершеннолетних, и только 705 подвергнуты принудительным мерам воспитательного воздействия, а 291 освобождены от наказания с направлением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа [18]), изменение этой практики должно происходить в сторону активного расширения.

Подводя итог, необходимо отметить, что дальнейшее развитие принудительных мер воспитательного воздействия в системе правовых инструментов, которые могут применяться к лицу, совершившему преступление в несовершеннолетнем возрасте, уместно осуществлять на основе принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка, включенного в ст. 3 Конвенции о правах ребенка, являющейся частью российской правовой системы.

Педагогический потенциал принудительных мер воспитательного воздействия усилен положениями об индивидуальной профилактике преступного поведения, но только некоторые из регламентированных законом мер могут служить эффективными средствами формирования законопослушной личности (ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа).

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности в России // МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 04.02.2019).
2. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы : утв. указом Президента РФ от 01.06.2012 № 761 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.
3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федер. закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ [принят Гос. Думой 21.05.1999] (по сост. на 27.06.2018) // КонсультантПлюс: СПС.
4. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М. : Дело, 2001. 272 с.
5. Шестакова Л.А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации. М. : Юрлитинформ, 2016. 280 с.
6. Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития / отв. ред. Н.П. Мелешко. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. 787 с.
7. Трунцевский Ю.В. Понятие, содержание и виды мер уголовно-правового и административного воздействия // Административное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 554–562.
8. Биктимеров Э.Л. Иные меры уголовно-правового характера и их роль в осуществлении задач уголовного права России : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 206 с.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 2016. 7 декабря.
10. Бурлака С.А. Принудительные меры воспитательного воздействия в системе мер предупреждения преступлений несовершеннолетних // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 27–31.
11. Ерофеева В.А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 242 с.
12. Бахвалова Л.А. Актуальные проблемы эффективности системы мер уголовно-правового воздействия, применяемых в отношении несовершеннолетних // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 2. С. 245–253.
13. Благов Е.В. Об освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Юридическая наука. 2017. № 4. С. 127–132.
14. Терентьева В.А., Черненко Т.Г. Освобождение несовершеннолетних от уголовного наказания на основании ст. 92 УК РФ // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 118–120.
15. Корягина С.А. Практика применения принудительных мер воспитательного воздействия (по материалам Иркутской области) // Криминологический журнал Байкальского национального университета экономики и права. 2014. № 1. С. 93–97.

16. Середин А.А. Принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним при освобождении от уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 203 с.
17. Беляева Л.И. Международные стандарты в области правосудия в отношении несовершеннолетних и ювенальная юстиция в России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 4. С. 38–44.
18. Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 12 месяцев 2019 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения: 05.07.2020).
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. 2011. 11 февраля.
20. Рабец А.М. Ювенальное право Российской Федерации. М. : Юрайт, 2018. 362 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 июля 2020 г.

Coercive Measures of Educational Influence in the Current Development of Legislation in Juvenile Delinquency Prevention *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2021, 462, 232–237.

DOI: 10.17223/15617793/462/28

Dmitry B. Laptev, West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Lapa612@mail.ru

Keywords: juvenile justice; exemption from criminal liability; coercive measures of educational influence; prevention; transfer to parental surveillance.

The article examines the effectiveness of existing criminal legal instruments of educational influence on minors. On the basis of the analysis of strategic planning documents affecting children, changes in criminal and other federal legislation on the basis of the system for the prevention of juvenile neglect and delinquency, it is concluded that the task of bringing the legislation in question in line with international standards has not yet been solved. Criminal legislation in this area is not impeccable and needs to be finalized. Judicial statistics show a low demand for warning as an educational measure. At the same time, criminal legislation does not regulate a specific form of warning and does not answer the question of what negative consequences for a minor may occur if they have not made appropriate conclusions from the declared warning, but have not yet committed a new crime. In addition, the question of the element of coercion in the structure of this measure is raised, and the difficulties of its application are indicated, taking into account the existence in criminal law of rules on the insignificance of the act. It is proposed to remove warning from the list of compulsory measures of educational influence. Based on the analysis of the practice of implementing the obligation to make amends for the harm caused, it is concluded that the coercive element in the structure of this measure is conditional in cases when compensation is paid not by minors themselves, but by their parents. In this part, the measure in question seems ineffective. When considering the provisions governing the transfer of a minor to the surveillance of parents or other persons replacing them, attention is drawn to the absence of the types and limits of surveillance and control clearly defined in the law. In addition, it is concluded that there is a conflict that arises between the rules of criminal procedure law, which provides for negative consequences from failure to comply with the measure imposed on minors, and the provisions of criminal law, according to which the duties are imposed not on the minor, but on third parties. In the light of judicial statistics showing that it is extremely rare for minors to be sentenced to imprisonment for crimes of moderate gravity, the relevance of the provisions of the criminal law providing for the possibility of placing minors who have committed crimes in this category in a special educational facility of a closed type is questioned.

REFERENCES

1. Ministry of Internal Affairs of Russia. (2019) *Sostoyanie prestupnosti v Rossii* [The state of crime in Russia]. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (Accessed: 04.02.2019).
2. Russian Federation. (2012) *Natsional'naya strategiya deystviy v interesakh detey na 2012–2017 gody: utv. ukazom Prezidenta RF ot 01.06.2012 № 761* [National Strategy for Action for Children for 2012–2017: Approved by decree of the President of the Russian Federation of 01.06.2012 No. 761]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 23. Art. 2994.
3. Consultant.ru. (2018) *On the fundamentals of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law of 24.06.1999 No. 120-FZ [adopted by the State Duma on 21.05.1999] (as of 27.06.2018)*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
4. Mel'nikova, E.B. (2001) *Yuvenal'naya yustitsiya. Problemy ugovnogo prava, ugovnogo protsessa i kriminologii* [Juvenile justice. Problems of criminal law, criminal procedure and criminology]. Moscow: Delo.
5. Shestakova, L.A. (2016) *Realizatsiya kontseptsii yuvenal'noy yustitsii v proizvodstve po delam nesovershennoletnikh v Rossiyskoy Federatsii* [Implementation of the concept of juvenile justice in juvenile proceedings in the Russian Federation]. Moscow: Yurlitinform.
6. Meleshko, N.P. (ed.) (2006) *Yuvenal'naya yustitsiya v Rossiyskoy Federatsii: kriminologicheskie problemy razvitiya* [Juvenile justice in the Russian Federation: Criminological problems of development]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
7. Truntsevskiy, Yu.V. (2015) *Ponyatie, sodержание i vidy mer ugovno-pravovogo i administrativnogo vozdeystviya* [The concept, content and types of criminal-law and administrative measures]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo – Administrative and Municipal Law*. 6. pp. 554–562.
8. Biktimerov, E.L. (2009) *Inye mery ugovno-pravovogo kharaktera i ikh rol' v osushchestvlenii zadach ugovnogo prava Rossii* [Other measures of a criminal-legal nature and their role in the implementation of the tasks of the criminal law of Russia]. Law Cand. Diss. Saratov.
9. *Rossiyskaya gazeta*. (2016) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29.11.2016 № 56 "O vnesenii izmeneniy v nekotorye postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po voprosam sovershenstvovaniya osnovaniy i poryadka osvobodzheniya ot ugovnoy otvetstvennosti"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2016, No. 56 "On amendments to some decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on improving the grounds and procedure for exemption from criminal liability"]. 7 December.
10. Burlaka, S.A. (2010) *Prinuditel'nye mery vospitatel'nogo vozdeystviya v sisteme mer preduprezhdeniya prestupleniy nesovershennoletnikh* [Forced measures of educational influence in the system of measures for juvenile delinquency prevention]. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*. 1. pp. 27–31.
11. Erofeeva, V.A. (2018) *Prismotr za nesovershennoletnim podozrevaemym, obvinyaemym v ugovnom sudoproizvodstve* [Supervision over a minor suspect accused in criminal proceedings]. Law Cand. Diss. Moscow.
12. Bakhvalova, L.A. (2012) *Aktual'nye problemy effektivnosti sistemy mer ugovno-pravovogo vozdeystviya, primenyaemykh v otnoshenii nesovershennoletnikh* [Current problems of the effectiveness of the system of measures of criminal law applied to minors]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo – Herald of Omsk University. Series: Law*. 2. pp. 245–253.

13. Blagov, E.V. (2017) Ob osvobozhdenii ot ugolovnoy otvetstvennosti nesovershennoletnikh s primeneniem prinuditel'nykh mer vospitatel'nogo vozdeystviya [On the exemption from criminal liability of minors with the use of compulsory measures of educational influence]. *Yuridicheskaya nauka*. 4. pp. 127–132.
14. Terent'eva, V.A. & Chernenko, T.G. (2017) Release of juveniles from criminal punishment according to Art. 92 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. 2. pp. 118–120. (In Russian).
15. Koryagina, S.A. (2014) Practice of application of compulsory measures of educational influence (based on Irkutsk region materials). *Kriminologicheskyy zhurnal Baykal'skogo natsional'nogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 1. pp. 93–97. (In Russian).
16. Seredin, A.A. (2005) *Prinuditel'nye mery vospitatel'nogo vozdeystviya, primenyaemye k nesovershennoletnim pri osvobozhdenii ot ugolovnoy otvetstvennosti* [Coercive measures of educational influence applied to minors upon exemption from criminal liability]. Law Cand. Diss. Moscow.
17. Belyaeva, L.I. (2008) Mezhdunarodnye standarty v oblasti pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnikh i yuvenal'naya yustitsiya v Rossii [International standards in the field of juvenile justice and juvenile justice in Russia]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 4. pp. 38–44.
18. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2019) *Otchet ob osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniya v nesovershennoletnem vozraste, za 12 mesyatsev 2019 goda* [Report on convicts who committed crimes as a minor, for 12 months of 2019]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (Accessed: 05.07.2020).
19. *Rossiyskaya gazeta*. (2011) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 01.02.2011 № 1 “O sudebnoy praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osobennosti ugolovnoy otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnikh” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2011 No. 1 “On judicial practice of the application of legislation governing the peculiarities of criminal liability and punishment of minors”]. 11 February.
20. Rabets, A.M. (2018) *Yuvenal'noe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Juvenile law of the Russian Federation]. Moscow: Yurayt.

Received: 13 July 2020

Н.И. Малыхина, С.В. Кузьмина

АЛГОРИТМ ДЕЙСТВИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ В ТИПОВЫХ СИТУАЦИЯХ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Учитывая особенности принятия тактико-управленческих решений на различных этапах деятельности следователя при расследовании мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет, авторами выделены типовые ситуации при проверке сообщения о преступлении, типовые ситуации первоначального и последующего этапов расследования. В каждой типовой ситуации определен алгоритм действий следователя, разработаны методические рекомендации по тактике отдельных следственных действий с учетом специфики совершаемых преступлений.

Ключевые слова: интернет; мошенничество; киберпреступность; типовые следственные ситуации; расследование.

В современных условиях информатизации и цифровизации всех сфер общественной и частной жизни актуальность приобретают вопросы расследования и раскрытия киберпреступлений, темпы роста которых отличаются особой динамичностью. По данным МВД РФ о состоянии преступности за 2019 г., в Российской Федерации зарегистрировано более 294 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, что почти на 70% превышает показатели предыдущего года [1]. В 2019 г. основной массив киберпреступлений в России (около половины от числа зарегистрированных преступлений в сфере информационных технологий) составили интернет-мошенничества, число которых в общей структуре киберпреступности увеличилось на 40% [2].

В связи с обозначенными качественными и количественными изменениями структуры преступности возрастает практическая необходимость в дополнении и совершенствовании методик расследования отдельных видов киберпреступлений, в том числе мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет.

Учитывая, что деятельность по расследованию и раскрытию преступлений осуществляется под воздействием факторов и процессов объективной действительности, в конкретных условиях времени, места, взаимодействия субъектов с различным процессуальным статусом, при разработке частных методик расследования преступлений целесообразным является использование ситуационного подхода.

Отдельные положения, касающиеся характеристики ситуаций, попадающих в сферу изучения криминалистики, в частности следственных, рассматривались в работах Р.С. Белкина, Л.Г. Видонова, В.К. Гавло, Л.Я. Драпкина, И.М. Лузгина, Е.Р. Россинской, Т.А. Седовой, Н.А. Селиванова, Н.П. Яблокова и других ученых. Криминалистическая ситуалогия как целостная теория ситуаций в криминалистике впервые получила освещение в работе Т.С. Волчецкой, определившей следственную ситуацию как «степень информационной осведомленности следователя о преступлении, а также состоянии процесса расследования, сложившееся на любой определенный момент времени, анализ и оценка которого позволяют следователю принять наиболее целесообразные по делу решения» [3. С. 93].

Важным аспектом построения частных криминалистических методик является осуществление типич-

зации следственных ситуаций. Однако, наряду с относительно согласованными научными воззрениями по вопросу определения основных структурных компонентов методики расследования преступлений, используемых в качестве основы при построении частных криминалистических методик, в науке отсутствует единое представление о сущности понятий «типичная» и «типовая» применительно к характеристике следственных ситуаций, что нередко приводит к отождествлению данных понятий.

В толковом словаре современного русского языка Д.Н. Ушакова термин «типовой» определяется как «являющийся образцом, типом, стандартом для ряда явлений, случаев». Термин «типичный» трактуется как «наделенный характерными особенностями, свойственными какому-либо типу, легко подводимый под тип» [4. С. 678]. Аналогичное толкование указанных терминов представлено и в иных словарях, энциклопедиях.

Проецируя данные положения на определение понятий типичных и типовых следственных ситуаций, отметим, что термин «типичный» характеризует индивидуальные ситуации, наиболее соответствующие определенному типу, а основу построения методик расследования, к примеру вида, групп преступлений, составляют типовые следственные ситуации, являющиеся более абстрактными по формулировке содержания в отличие от типичных ситуаций. Разработка именно типовых следственных ситуаций обусловлена, в частности, многообразием способов и специфики механизмов совершения преступлений, например интернет-мошенничеств, что не позволяет выделить конкретные характерологические особенности следственных ситуаций, можно лишь определить ситуации, носящие типовой характер. В этой связи уместно справедливое замечание Т.С. Волчецкой о том, что в информационной структуре типичной ситуации преобладают общие, часто повторяющиеся черты, в отличие от типовой ситуации [3. С. 105–106].

Учитывая данные положения, в целях исследования особенностей принятия тактико-управленческих решений на различных этапах деятельности следователя при расследовании мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет, следует выделить:

1) типовые ситуации при проверке сообщения о мошенничестве, совершенного с использованием сети

Интернет (с момента получения сообщения о преступлении до возбуждения либо отказа в возбуждении уголовного дела);

2) типовые ситуации первоначального этапа расследования мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет (с момента возбуждения уголовного дела до предъявления обвинения по уголовному делу);

3) типовые ситуации последующего этапа расследования мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет (с момента предъявления обвинения до окончания предварительного расследования).

Определение типовых следственных ситуаций и степени их распространенности на каждом из указанных этапов базируется на результатах изучения 70 приговоров по уголовным делам о мошенничествах, совершенных в сети Интернет, и проведенного опроса 82 следователей в форме онлайн-анкетирования по проблемам расследования интернет-мошенничеств. Уголовные дела за 2019 г. были рассмотрены судами на территории Саратовской, Тамбовской, Волгоградской, Пермской, Костромской, Кемеровской, Оренбургской, Ростовской, Ивановской областей, Приморского края и Республики Татарстан.

Следует отметить, что в условиях совершения интернет-мошенничеств в специфичной среде (виртуальном киберпространстве) наблюдается возможность одновременного осуществления преступной деятельности одним лицом в нескольких регионах и стирание границ интернет-преступности. Обозначенную особенность интернет-мошенничеств можно проиллюстрировать примером из следственной практики Управления уголовного розыска УМВД России по Ивановской области. При раскрытии серии мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет, было установлено, что криминальная деятельность преступника, проживающего в Ивановской области, насчитывала более двадцати эпизодов и распространилась на Хабаровск, Иркутск, Москву, Ярославль, Калугу, Ростов-на-Дону и другие города Российской Федерации [5].

В этой связи процессы совершения и расследования интернет-мошенничеств наименее подвержены влиянию географических и иных факторов, связанных со спецификой различных регионов, что позволяет отметить универсальность рассматриваемых типовых следственных ситуаций и алгоритма действий следователя на различных этапах при расследовании рассматриваемых преступлений.

В ходе проведения проверки сообщения о совершении интернет-мошенничества определены следующие типовые ситуации в зависимости от источника и объема информации.

Ситуация 1: *сведения о мошенничестве, совершенном с использованием сети Интернет, полученные из заявления потерпевшего, иных неофициальных источников; информации для принятия итогового процессуального решения недостаточно.*

В указанной ситуации целесообразным является проведение следующих проверочных действий.

1. Получение объяснений от заявителя и лиц, указанных в первичной информации в качестве возможных свидетелей.

2. Истребование выписки о движении денежных средств с банковского счета потерпевшего.

3. Осмотр места происшествия, компьютерных и иных устройств с привлечением специалистов в области информационных технологий в целях выявления и фиксации данных, свидетельствующих о совершении преступления.

В рассматриваемой ситуации этапа проверки сообщения о преступлении осмотр проводится по месту нахождения компьютерного оборудования потерпевшего. При этом особое внимание в ходе данного осмотра следует уделить обнаружению и фиксации цифровых следов, таких как данные аккаунта пользователя в социальных сетях, переписка потерпевшего и преступника в социальных сетях и серверах для обмена сообщениями, данные журнала интернет-браузера потерпевшего, следы вывода денежных средств, log-файлы, отчеты и статистика антивирусного программного обеспечения.

В протоколе осмотра места происшествия применительно к расследованию мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет, указываются: 1) сведения о месте размещения компьютерных и иных устройств, их цвете, маркировочных и фирменных обозначениях, серийных номерах, внешнем состоянии и повреждениях, иных индивидуальных характеристиках (например, MAC-адрес, IP-адрес устройства), материальных следах, обнаруженных на устройствах; 2) сведения о наличии подключения компьютерных устройств к сети Интернет, виде связи сети и используемой для подключения аппаратуре (модеме); 3) состояние компьютерной техники на момент осмотра (включенное либо выключенное), описание изображения экрана, открытых файлов, выполняющихся программ и запущенных процессов при включенном состоянии оборудования [6. С. 129]; 4) порядок проводимых действий с оборудованием, последовательность открывания веб-страниц, окон и файлов, в которых содержались цифровые следы мошенничества (например, применительно к осмотру страницы потерпевшего в социальной сети в первую очередь указывается способ доступа к странице, персональный идентификатор страницы, сведения о содержании главной страницы пользователя, его анкетных данных, затем осуществляется последовательный переход к страницам «Настройки», «Безопасность» для установления сведений об истории активности, к странице «Сообщения», страницам других пользователей с фиксацией в протоколе криминалистически значимой информации); 5) применимые дополнительные способы фиксации цифровых следов (скриншоты экрана и др.); 6) наименование файлов, подлежащих копированию в ходе осмотра (log-файлов, сохраненных веб-страниц, электронных документов), способ копирования с указанием используемого программного обеспечения и технических средств, носителей информации, количества изготовленных копий; 7) порядок выключения и изъятия компьютерных и сетевых устройств (компьютерные устройства изымаются в выключенном состоянии либо в состоянии «спящего режима» для сохранения данных оперативной памяти в случае изъятия порта

тивных компьютеров; вопросы, связанные с процессом выключения компьютерных устройств, рекомендуется согласовывать со специалистом для предотвращения утраты значимых следов).

Ситуация 2: сведения о мошенничестве, совершенном с использованием сети Интернет, получены по результатам оперативно-розыскной деятельности; информации для принятия итогового процессуального решения достаточно.

В указанной ситуации результаты оперативно-розыскной деятельности, предоставленные для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, подлежат рассмотрению с точки зрения достаточности данных, указывающих на признаки преступления; наличия сведений о месте, времени, обстоятельствах преступления, признаки которого обнаружены; о лицах, совершивших интернет-мошенничество (если они известны); о местоположении предметов, которые могут стать вещественными доказательствами.

На практике наиболее часто на этапе проверки сообщения о преступлении возникают ситуации первого типа, характеризующиеся недостаточностью первичной информации о наличии признаков преступления (95%), значительно реже встречаются ситуации второго типа (5%), что подтверждается результатами проведенного в ходе настоящего исследования анкетирования следователей.

Итоговым процессуальным решением на рассматриваемой стадии выступает постановление об отказе в возбуждении уголовного дела либо постановление о возбуждении уголовного дела, являющееся основанием для начала предварительного расследования.

На первоначальном этапе расследования мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет, определены в зависимости от содержания исходной информации следующие типовые ситуации.

Ситуация 1: установлены способ совершения интернет-мошенничества, потерпевшие и свидетели, выявлены отдельные цифровые следы, данные о лице, совершившем преступление, отсутствуют.

В данной ситуации выявленные отдельные цифровые следы (например, следы неправомерного доступа к аккаунту в социальных сетях, доменное имя сайта мошеннического интернет-магазина и следы оформления заказа на сайте, следы соединений между абонентскими устройствами, следы вывода денежных средств с банковских счетов) могут служить источником информации о лице, совершившем преступление.

Направление расследования в данной ситуации сводится к установлению информации о лице, совершившем интернет-мошенничество, по оставленным следам.

Для обозначенной следственной ситуации характерен следующий алгоритм действий следователя.

1. Допросы потерпевших, в ходе которых в зависимости от примененного способа интернет-мошенничества и вида выявленных цифровых следов выяснению подлежат следующие вопросы: имеется ли у потерпевшего по месту проживания или работы персональный компьютер, мобильный телефон, планшет с доступом к сети Интернет; имеет ли кто-либо помимо потерпевшего доступ к компьютеру,

мобильному телефону, планшету; зарегистрирован ли потерпевший в социальных сетях и под какой учетной записью; известны ли кому-либо, помимо потерпевшего, входные данные (логин, пароль) для доступа к профилю в социальной сети; имеются ли у потерпевшего банковские счета, карты и в каких банках, подключены ли у потерпевшего услуги «Онлайн-банк», «Мобильный банк», известны ли реквизиты карты / счета потерпевшего третьим лицам; производились ли потерпевшим платежи в пользу каких-либо сайтов, интернет-магазинов, физических лиц и в каких целях, с каких банковских счетов и на какие; с помощью каких технических средств осуществлялась плата; каким образом осуществлялась связь потерпевшего и мошенника (номера мобильных телефонов, переписка с использованием СМС, электронной почты, мессенджеров); обладал ли мошенник какими-либо особенностями голоса, речи; сталкивался ли потерпевший с фактами несанкционированного удаленного доступа к персональному компьютеру; имеются ли на компьютере потерпевшего программы, препятствующие несанкционированному удаленному доступу; устанавливались ли на компьютерные устройства потерпевшего программы, после которых на устройствах проявлялась подозрительная активность (самостоятельное подключение к сети, появление нехарактерных ошибок, автоматический запуск программ и файлов, выключение устройства).

2. Изучение выписок о движении денежных средств на банковских счетах потерпевшего.

3. Направление запросов в банки и кредитные организации о предоставлении данных владельца счета, на который в результате мошенничества были перечислены денежные средства.

4. Направление запросов регистраторам доменного имени о предоставлении сведений об администраторе (владельце) доменного имени сайта мошеннического интернет-магазина.

5. Направление запроса информации оператору связи о лице, на которое зарегистрирован абонентский номер.

6. Направление запросов провайдером о предоставлении информации об интернет-соединениях абонента или абонентского устройства (указанная информация, предоставленная провайдером, может содержать сведения о дате и времени добавления записи по системному времени сервера соединений; IP-адрес маршрутизатора, обслуживающего данную сессию, login пользователя, наименование линии, вид соединения, тип записи (start, stop, update) и дополнительные параметры); сведения об интернет-соединениях имеют важное значение для расследования интернет-мошенничества и позволяют установить, кто использовал известный IP-адрес в заданный промежуток времени (по записям типа stop).

В рассматриваемой следственной ситуации практикующие работники сталкиваются с трудностями, вызванными отсутствием необходимого и оперативного содействия банков, интернет-провайдеров, регистраторов доменных имен при предоставлении ответов на запросы. Это отмечают 60% опрошенных следователей.

7. Допросы свидетелей, к которым в силу специфики преступления могут относиться лица, обладающие криминалистически значимой информацией ввиду профессионального статуса (представители регистратора доменных имен, провайдера хостинга, сотрудники банков и кредитных организаций).

При допросе представителя регистратора доменных имен выяснению подлежат сведения о порядке регистрации доменных имен, лице, осуществившем приобретение конкретного домена, выполненных платежах для регистрации доменного имени и наличии подтверждающих документов об этом.

Представитель компании провайдера может быть допрошен в качестве свидетеля относительно сведений о логинах, анкетных данных, адресах абонентских подключений, конкретных внешних IP-адресах, с которых осуществлялся доступ к сети Интернет, типе IP-адреса (статический либо динамический), сроках и порядке заключения договора на предоставление интернет-соединений.

Работники банковских и кредитных организаций подлежат допросу по вопросам осуществления банковского обслуживания счетов, принадлежащих потерпевшему либо преступнику, и проведения ими банковских операций, установления размера несанкционированно переведенных денежных средств и номеров банковских счетов; определения статуса операций по переводу денежных средств (была ли проведена операция или попытка перевода денежных средств, которая не удалась по техническим причинам, что будет свидетельствовать о покушении на хищение денежных средств).

Следует отметить, что допрос представителей регистраторов доменных имен, компаний-провайдеров, сотрудников банков может осуществляться по иным вопросам, конкретизирующим и разъясняющим информацию, представленную в ответе на запрос следователя в рамках расследования уголовного дела.

8. Назначение и проведение необходимых экспертиз.

9. Направление поручения органам дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление лиц, причастных к совершению мошенничества в сети Интернет.

10. При наличии возможности принятие необходимых мер для задержания подозреваемых с последующим проведением допросов задержанных лиц.

Ситуация 2: *установлены способ совершения интернет-мошенничества, потерпевшие и свидетели, цифровые следы не выявлены, данные о лице, совершившем преступление, отсутствуют.*

Данная следственная ситуация, обусловленная легкостью уничтожения и модификации цифровых следов, может возникать в связи с неосторожными либо умышленными действиями потерпевших (например, удаление истории веб-браузера, журнала вызовов, сообщений в социальных сетях) и преступника (например, использование программного обеспечения для сокрытия присутствия в системе вредоносных программ; удаление сайта интернет-магазина или аккаунта в социальной сети, с использованием которых осуществлялось мошенничество), а также в связи с техническими особенностями работы компью-

терных и мобильных устройств (например, автоматическое уничтожение следов, хранящихся в оперативной памяти, при отключении компьютерного устройства; уничтожение следов при повреждении компьютерных и мобильных устройств).

Разрешение данной следственной ситуации осуществляется путем выявления следов совершения преступления (преимущественно цифровых) с применением специальных знаний и технических средств для последующего установления лица, совершившего мошенничество с использованием сети Интернет.

Для реализации указанного направления расследования проводятся действия по следующему алгоритму.

1. Допросы потерпевших с целью получения сведений о предпринятых ими возможных действиях, повлекших уничтожение цифровых следов, а также запомнившейся им информации, содержащейся в цифровых следах (например, сохранившиеся в памяти допрашиваемого сведения о доменном имени, конфигурации, внешнем виде сайта мошеннического интернет-магазина, сведения об анкетных, контактных и иных данных, указанных мошенником в социальной сети, сведения об абонентском номере мошенника, дате и времени соединения, данные о содержании переписки с преступником в мессенджерах и социальных сетях).

Например, в Тюменской области в ходе расследования уголовного дела по факту мошенничества с использованием интернет-магазина, сайт которого впоследствии был заблокирован и недоступен для просмотра, при допросе потерпевших следователям удалось получить информацию о наименовании интернет-магазина, адресе, контактных данных, указанных на данном сайте, что способствовало установлению подозреваемых [7].

2. Направление запроса регистратору доменного имени с целью получения сведений об администраторе (владельце) доменного имени и основаниях аннулирования домена сайта мошеннического интернет-магазина (в случае, если в ходе допроса потерпевших получена информация о доменном имени сайта).

3. Направление запроса оператору связи о соединениях по абонентскому номеру потерпевших за определенный период (в случае, если в ходе допроса потерпевших получена ориентировочная информация о дате и времени соединения с мошенником по телефону).

4. Допросы свидетелей, в том числе представителей регистратора доменных имен и оператора связи, по вопросам, связанным с установлением информации, содержащейся в цифровых следах, а также по иным вопросам (например, связанным с разъяснением ответов на запросы следователя).

5. Выемка и осмотр компьютерных и мобильных устройств потерпевших с участием специалистов и применением специальных технических средств.

Важным аспектом при проведении обозначенных следственных действий в данной ситуации являются подбор и эффективное использование программных и технических средств, позволяющих осуществлять обнаружение и изъятие уничтоженных цифровых следов. Например, для извлечения и копирования

файлов операционных систем компьютерных и мобильных устройств могут использоваться переносная лаборатория «RM3», аппаратно-программные комплексы «UFED», позволяющие извлекать удаленные файлы и пароли; для поиска, сбора и восстановления следов использования интернет-браузеров может быть использована программа «NetAnalysis».

Кроме того, при осмотре компьютерных устройств целесообразно использование комплектов аппаратных блокираторов записи («ForensicPC Ultimate Write Block Kit», «DriveLock Firewire/USB»), позволяющих просматривать файлы, хранящиеся на устройстве, без опасности внесения в них каких-либо изменений.

6. Назначение судебной компьютерной и иных экспертиз.

В ходе судебной компьютерной экспертизы по делам о расследовании мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет, могут быть разрешены следующие вопросы: каковы марка, модель, технические характеристики, MAC-адрес представленного на исследование объекта; какая информация, содержащая конкретный перечень данных или ключевые слова имеется в памяти компьютерного устройства; совершалось ли с помощью представленных компьютерных устройств подключение к сети Интернет, для доступа к каким ресурсам сети Интернет и в какие промежутки времени; осуществлялась ли посредством использования представленного на исследование оборудования электронная почтовая переписка, каковы реквизиты адресата и отправителя, время направления / получения сообщений; имеются ли на представленном компьютерном или мобильном устройстве сведения, подтверждающие использование кредитных карт для проведения электронных платежей и др. Формулировки вопросов при назначении компьютерной экспертизы целесообразно предварительно согласовать с экспертом или специалистом.

В случае обнаружения в ходе осмотра переписки потерпевшего и лица, совершившего преступление (в социальных сетях и серверах для обмена сообщениями), может проводиться судебная автороведческая экспертиза текстов электронных сообщений. В некоторых случаях при расследовании интернет-мошенничеств возможно проведение психологической, комплексной психолого-психиатрической, психолингвистической экспертиз.

Также при разрешении данной следственной ситуации необходимо проведение ранее обозначенных действий, направленных на установление личностных особенностей преступника.

Ситуация 3: *установлены способ совершения интернет-мошенничества, потерпевшие и свидетели, выявлены цифровые следы, известны некоторые данные о лице, совершившем преступление, но его местонахождение неизвестно.*

На первоначальном этапе расследования в обозначенной ситуации могут быть известны фамилия, имя, отчество лица, совершившего преступление, установленные, например, на основании данных профиля мошенника в социальной сети или по номеру его банковской карты / счета, на которые были перечислены денежные средства через сервисы онлайн-банков.

В рассматриваемой ситуации расследование преступления осуществляется путем проверки достоверности имеющихся сведений о лице, совершившем преступление, и установления его местонахождения. При этом предопределяются следующие следственные и иные действия.

1. Допросы потерпевших и свидетелей с целью детализации сведений о преступнике и возможном месте его нахождения.

2. В случае наличия информации о номере мобильного телефона, принадлежащего мошеннику, целесообразно направление запроса информации оператору связи о лице, на которое зарегистрирован абонентский номер, и о соединениях по абонентскому номеру, а также направление поручения органам дознания о проведении необходимых оперативно-розыскных мероприятий (снятие информации с технических каналов связи и др.).

3. Проверка и истребование информации о преступнике и его месте жительства по базам ИЦ и ГИАЦ, при наличии судимости у проверяемого лица целесообразно истребование дактилоскопической карты, фотографий, характеризующего материала из места отбытия наказания. Истребование информации о преступнике по указанным базам целесообразно и в силу того, что в некоторых случаях интернет-мошенничества совершаются гражданами, содержащимися под стражей в исправительных учреждениях. Например, в Ивановской области, по статистике за 2018–2019 гг., подобные мошеннические действия составили подавляющее большинство в числе хищений, совершенных с использованием информационных технологий [8].

4. Направление поручения органам дознания о проведении мероприятий по розыску мошенника.

5. Задержание и допрос подозреваемых.

6. Проведение осмотра мест применения компьютерного оборудования и осмотра компьютерных устройств, использованных для совершения преступления.

Обнаружению и внешнему осмотру подлежат компьютерные, мобильные устройства; устройства соединения с интернет-сетью; специальная литература, посвященная интернет-технологиям; платежные документы; распечатанные на бумажных носителях реквизиты банковских карт; адреса электронной почты, пароли; «скрипты» диалогов с клиентами мошеннических интернет-магазинов; документы на предоставление интернет-услуг, услуг сотовой связи. Компьютерные устройства, а также клавиатуру, компьютерную мышь, сканеры, принтеры, роутер, модемы необходимо осмотреть на предмет наличия следов рук, кожных покровов человека, следов биологического происхождения.

В рамках этого следственного действия изучается внешний вид устройства (его марка, модель, цвет, конструкция, фоновый рисунок, повреждения, потери) и проходит осмотр аппаратного обеспечения (жесткого диска, оперативной памяти и сетевой карты компьютера, на которой указывается MAC-адрес устройства; аккумуляторной батареи, микропроцессора, дисплея, клавиатуры, фото- и видеокамеры, интерфейсов связи мобильного телефона).

Значимым действием осмотра выступает определение типа операционной системы, IMEI (для мобильного телефона), IP-адреса и MAC-адреса устройства. Применительно к осмотру мобильного устройства код IMEI, операционная система, версия прошивки, IP-адрес, MAC-адрес, модель и серийный номер телефона указываются в разделе «Настройки» – «Об устройстве». Код IMEI, являющийся уникальным идентификатором мобильного устройства, также указывается под аккумуляторной батареей либо на задней поверхности крышки мобильного телефона и может быть отображен на экране аппарата в результате набора на клавиатуре комбинации знаков – «*#06#».

При осмотре компьютерного устройства тип операционной системы может быть определен по характерному виду графического интерфейса и логотипам (Microsoft Windows: XP, Vista, 7, 8, 10; Mac OS) либо посредством изучения сведений о системе, которые отражаются, например, в разделах «Панель управления» – «Система и безопасность» – «Система» (для Microsoft Windows 10). IP-адрес и MAC-адрес компьютерного устройства отображаются при переходе по значку сетевого соединения в правом нижнем углу экрана монитора, в разделах «Параметры сети и Интернет» – «Wi-Fi» либо «Ethernet» – «Свойства оборудования» (для Microsoft Windows 10). Следует отметить, что наименования указанных разделов, содержащих сведения о свойствах оборудования, могут отличаться в зависимости от типа операционной системы. IP-адрес, указанный в свойствах компьютера, начинающийся на 10, 100.64, 172.16 или 192.168, является внутренним (имеет значение только в локальной сети). В целях установления внешнего IP-адреса устройства необходимо с помощью любого браузера перейти на специализированный сайт (например, «myip.ru» или «2ip.ru»).

Осмотр мобильных устройств сопровождается изучением списка контактов, журнала вызовов, СМС-сообщений. При большом объеме контактов и СМС-сообщений целесообразно использовать выборочный способ осмотра, заключающийся в использовании функции поиска или фильтра.

Кроме того, при осмотре мобильных и компьютерных устройств целесообразно изучить данные интернет-браузеров, истории просмотра веб-страниц и закладок, в частности, социальных сетей, страниц электронных платежных систем, электронной почты в целях выявления следов преступления.

В рамках осмотра веб-страниц в сети Интернет следователю при участии специалиста целесообразно установить и отразить в протоколе доменное имя сайта и администратора домена (владельца сайта); проверить соответствие символьного адреса сайта его настоящему IP-адресу посредством трассировки, чтобы убедиться в том, что браузер отображает страницы подлинного сайта; зафиксировать содержание сайта в сети Интернет посредством описания внешнего вида, структуры сайта, расположения гиперссылок, текстового содержания и количества страниц сайта. Детально описанию подвергаются страницы, содержащие криминалистически значимую информацию о совершенном преступлении.

Все проводимые в ходе осмотра веб-страниц процедуры и переходы по ссылкам необходимо фиксировать в протоколе осмотра с указанием даты и времени, URL страниц, IP-адресов, технических средств, с помощью которых проводился осмотр. Ход и результаты осмотра интернет-страниц дополнительно фиксируются с помощью скриншотов экрана сайта (при нажатии на клавиатуре клавиши «Print Screen»), что является специфическим способом фиксации цифровых следов.

При осмотре электронной почты следует обратить внимание на вложения, содержащиеся в сообщении, к которым могут относиться текстовые документы, изображения, видеофайлы. Наличие и содержание указанных вложений также целесообразно отразить в протоколе следственного действия. В протоколе осмотра электронной почты указываются сведения о служебном заголовке сообщения (имена и электронные адреса отправителя и получателя сообщения, тема, дата, время отправки, получения сообщения), первые слова текста, последние фразы, содержание вложений. Сообщения, содержащие криминалистически значимую для расследования информацию, целесообразно отражать в протоколе дословно.

Таким образом, разрешение типовых следственных ситуаций первоначального этапа расследования мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет, сводится к собиранию и исследованию максимального объема доказательств и установлению лиц, причастных к совершению преступления.

Последующий этап расследования, в отличие от первоначального, как правило, характеризуется наличием необходимого объема собранной по делу доказательственной информации и в большей степени направлен на закрепление и проверку имеющихся в уголовном деле доказательств.

На последующем этапе расследования мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет, определены типовые ситуации в зависимости от степени признания вины обвиняемого и достаточности доказательств.

Ситуация 1: *обвиняемый признает свою вину в совершении преступления, дает показания относительно обстоятельств преступления и соучастников, что подтверждается доказательствами по уголовному делу.*

Указанная типовая ситуация последующего этапа расследования является для следователя наиболее благоприятной. Действия следователя в данной ситуации направлены на систематизацию полученных по делу доказательств и совершение процессуальных действий, необходимых для окончания предварительного расследования.

При этом целесообразно проведение следующих следственных действий.

1. Допрос обвиняемого с целью детализации сведений об обстоятельствах и эпизодах криминальной деятельности (о способах подготовки, совершения, сокрытия интернет-мошенничества, соучастниках и роли каждого из них в совершении преступления).

Допрос обвиняемого по делам о мошенничествах, совершенных с использованием сети Интернет, требует особой подготовки. На подготовительном этапе допроса целесообразно детально изучить материалы уголовного дела и личностные особенности допрашиваемого. При этом источником информации о личностных качествах допрашиваемого и некоторых фактах его биографии могут быть социальные сети [9. С. 8]. Например, анализ списка друзей и групп пользователя в социальной сети позволяет установить круг общения и личных интересов, публикуемые записи и комментарии пользователя на странице опосредованно могут свидетельствовать об отношении лица к определенным социальным явлениям и событиям [10. С. 164].

При подготовке к допросу следователю целесообразно изучить специальную литературу, посвященную информационным технологиям, используемым в ходе совершения преступления; провести консультации со специалистами в области IT-технологий для правильной постановки вопросов, учитывая специфику способа преступления.

В ходе допроса выяснению подлежат общие вопросы о наличии у обвиняемого персонального компьютера с доступом к сети Интернет, навыков работы с компьютерной техникой и интересующим программным обеспечением; должности и месте работы; времени возникновения умысла на совершение мошенничества с использованием интернет-технологий, мотивах, целях. Далее в ходе допроса необходимо детализировать данные о способе конкретного преступления, о следах, которые могли остаться в результате совершения преступления.

Например, в ходе допроса обвиняемого в мошенничестве, совершенном с использованием интернет-магазина, выяснению подлежат вопросы, связанные с установлением времени создания и действия сайта интернет-магазина; технических средств, программного обеспечения, конструкторов, использованных для создания сайта; зарегистрированного доменного имени сайта; товаров, подлежащих продаже на сайте, способов и ресурсов рекламирования интернет-магазина и привлечения потенциальных клиентов; способов связи с потенциальными клиентами, используемых номеров телефонов с указанием их владельцев, адресов электронной почты; способов оплаты товара и реквизитов банковских счетов мошенника, на которые поступала оплата; способов сокрытия преступления.

При допросе обвиняемого в мошенничестве, совершенном с использованием социальных сетей, выяснению подлежат способы преодоления защиты информации: использованные средства подбора логинов и паролей для доступа к сети либо похищения паролей посредством перехвата информации.

Допрос обвиняемого, совершившего мошенничество с использованием вредоносных программ, характеризуется выяснением сведений об использованном языке программирования при создании вредоносной программы (C++, Си, Java, C#), кодах вредоносных программ и их функциональном назначении, средствах управления версиями программного кода, сред-

ствах управления базами данных, способах распространения вредоносного программного обеспечения.

2. Очная ставка при наличии противоречий в имеющихся по делу показаниях.

3. Обыск (либо выемка) в случае указания обвиняемым в ходе допроса ранее неизвестных следствию мест нахождения предметов, документов, имеющих значение для уголовного дела.

При подготовке к обыску или выемке в ходе расследования мошенничества, совершенного с использованием сети Интернет, целесообразно выяснить, какие средства вычислительной техники находятся в месте производства следственного действия, оснащены ли они программами защиты информации от несанкционированного доступа (по возможности установить коды доступа к компьютерной технике), определить расположение и тип источников электропитания, пункты отключения электропитания в месте производства следственного действия, подготовить необходимые технические средства для производства обыска или выемки, пригласить для участия в производстве следственного действия специалистов и понятых. В силу того, что следователю необходимо сконцентрировать внимание на поведении обыскиваемого лица при проведении обыска, рекомендуется получить и изучить данные о личностных особенностях обыскиваемого лица, что позволит оптимизировать процесс наблюдения за его поведением [11. С. 82].

В научной литературе встречаются рекомендации о необходимости привлечения в качестве понятых лиц, обладающих специальными знаниями в сфере компьютерной информации. Указанная рекомендация небезосновательна, поскольку понятому как лицу, удостоверяющему факт производства и ход следственного действия, следует понимать смысл и содержание происходящих событий. Однако полагаем, что реализация данной рекомендации в практической деятельности, в том числе в большинстве случаев в условиях необходимости незамедлительного производства следственного действия, является трудновыполнимой.

В ходе обыска при расследовании мошенничества, совершенного с использованием сети Интернет, целесообразно максимально ограничить лицо, в помещении которого проводится обыск, в доступе к электронным устройствам и исключить его свободное передвижение.

По результатам обыска или выемки составляется протокол, изымаются необходимые предметы. В протоколе фиксируются место и обстоятельства, при которых обнаружены компьютерное оборудование, иные предметы, документы, факт добровольной выдачи или принудительного изъятия предметов; указывается перечень изымаемых предметов с описанием моделей и номерных знаков, частных признаков; фиксируется наименование, объем обнаруженных файлов, подлежащих копированию с указанием данных и характеристик накопителя; обозначается факт копирования и передачи информации законному владельцу при наличии соответствующего ходатайства, являющегося прило-

жением к протоколу, либо фиксируется отказ в удовлетворении указанного ходатайства.

4. Проверка показаний на месте в целях детализации сведений о механизме совершения мошенничества, совершенного с использованием сети Интернет.

Ситуация 2: *обвиняемый признает свою вину в совершении преступления, но в материалах уголовного дела содержится недостаточное количество доказательств его виновности.*

Направлением расследования в обозначенной ситуации является получение новых доказательств по делу, предопределяя следующие действия.

1. Проведение повторных допросов обвиняемого, свидетелей, потерпевших с целью установления дополнительных источников доказательств.

2. Использование в ходе расследования специальных знаний в виде проведения исследований и экспертиз.

В качестве примера эффективного использования специальных знаний в рассматриваемой следственной ситуации можно привести уголовное дело по факту мошенничества с использованием интернет-магазина в Тюменской области. В рассматриваемом деле обвиняемый в ходе дачи показаний подтвердил, что он принимал решения в компании, осуществляющей деятельность с использованием мошеннического интернет-магазина, был ее фактическим руководителем, давал указания менеджерам, составлял «скрипты» диалогов с клиентами, при этом юридически директором компании являлось иное лицо. Данные показания были подтверждены в ходе допросов работников компании, а также в ходе проведения судебной почерковедческой экспертизы, согласно выводам которой рукописные записи, подписи в договорах компании, в том числе договоре об оказании услуг по созданию сайта мошеннического интернет-магазина, выполнены обвиняемым, а не номинальным директором компании [7].

3. Поручения, адресованные органам дознания, о проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на получение новых данных, относящихся к предмету доказывания.

Ситуация 3: *обвиняемый отрицает свою вину в совершении преступления полностью или частично, но в материалах дела содержится достаточное количество доказательств, подтверждающих вину.*

В данной ситуации возможно проявление активного противодействия расследованию со стороны обвиняемого в форме дачи ложных показаний либо отказа от дачи показаний. Основное направление расследования в этой ситуации заключается в систематизации имеющихся источников доказательственной информации и поиске новых, проверке (опровержении или подтверждении) данных обвиняемым показаний.

В указанной следственной ситуации необходимо провести следующие действия.

1. Повторный допрос обвиняемого с изменением тактики допроса.

При этом наибольшей эффективностью при расследовании преступлений в сфере информационных технологий обладают следующие тактические прие-

мы: маскировка главного вопроса второстепенными; разъяснение допрашиваемому возможности установления того или иного факта путем проведения экспертизы, создание впечатления о большей осведомленности следователя об обстоятельствах совершения преступления [12. С. 124].

Тактические приемы допроса в указанной следственной ситуации следует использовать с учетом личностных особенностей допрашиваемого. Например, при допросе интернет-мошенников, не ведущих активную социальную жизнь вне виртуального пространства, в том числе не обладающих устойчивыми криминальными связями, эффективным приемом воздействия может выступить разъяснение тяжести и последствий ответственности за совершенное преступление. В ходе допроса лиц, обладающих высоким уровнем знаний в сфере информационных технологий (например, лиц, совершивших мошенничество, сопровождающееся использованием компьютерных вирусов и программ), целесообразным является акцентирование внимания на положительных качествах и профессиональных навыках допрашиваемого.

2. Уточнение роли обвиняемого в подготовке, совершении, сокрытии преступления; установление иных лиц, причастных к преступному событию.

Обобщая вышеизложенное, укажем основные выводы по исследуемой тематике.

1. В криминалистической литературе недостаточно разработаны вопросы разграничения типичных и типовых следственных ситуаций, что нередко приводит к отождествлению данных понятий при формировании положений частных методик расследования преступлений. Анализ смысловых значений терминов «типичный» и «типовой» сквозь призму определения ситуаций расследования интернет-мошенничеств позволил установить, что при разработке частных криминалистических методик целесообразнее использовать термин « типовые » применительно к следственным ситуациям.

На основе изучения материалов судебной практики по уголовным делам об интернет-мошенничествах, проведенного опроса следователей по проблемам расследования данных преступлений выделены типовые ситуации этапов работы – при проверке сообщения о преступлении, типовые ситуации первоначального и последующего этапов расследования.

2. Установлено, что этапу проверки сообщения о совершении интернет-мошенничества, в зависимости от источника и объема информации, присущи две ситуации: а) недостаточно первичной информации о наличии признаков преступления, что обуславливает необходимость проведения проверочных действий (истребование выписок о движении денежных средств с банковского счета потерпевшего, осмотр места происшествия и компьютерных устройств с применением специальных технических средств и программ и др.) (95%); б) информации для принятия итогового процессуального решения достаточно; имеющиеся материалы подлежат рассмотрению с точки зрения достаточности данных, указывающих на признаки преступления; сведений о месте, времени, обстоятельствах преступления, признаки которого обнаружены;

о местоположении предметов, которые могут стать вещественными доказательствами, и др. (5%) (по результатам анкетирования следователей).

3. Первоначальный этап расследования мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет, в большинстве случаев характеризуется отсутствием сведений о мошеннике, при наличии данных о способе совершения преступления, установлении потерпевших и свидетелей, выявлении цифровых следов. Расследование осуществляется путем установления информации о лице, совершившем интернет-мошенничество, по оставленным следам (80%).

Также для данного этапа расследования характерна ситуация, определяющаяся идентичными обстоятельствами, но отсутствием цифровых следов (17,5%). Разрешение этой следственной ситуации осуществляется путем выявления цифровых следов преступления с применением специальных знаний и технических средств для последующего установления лица, совершившего мошенничество с использованием сети Интернет. Значительно реже имеет место ситуация, характеризующаяся установлением цифровых следов, способа совершения преступления, потерпевших и свидетелей, наличием отдельных сведений о преступнике, но отсутствием данных о его местонахождении. Расследование преступления направлено на проверку достоверности имеющихся сведений о лице, совершившем преступление, и установление его местонахождения (2,5%) (по результатам анкетирования следователей).

4. Три типовые ситуации последующего этапа расследования данных преступлений выделены в зависимости от степени признания вины обвиняе-

мого и достаточности доказательств. Наиболее распространенной определена ситуация, характеризующаяся признанием обвиняемым своей вины и наличием необходимых доказательств по делу. Действия следователя в данной ситуации направлены на систематизацию полученных по делу доказательств и совершение процессуальных действий, необходимых для окончания предварительного расследования (90%). Также выявлены ситуации, когда: 1) обвиняемый признает свою вину в совершении преступления, но в материалах уголовного дела содержится недостаточное количество доказательств его виновности (расследование направлено на получение новых доказательств по делу) (4%); 2) обвиняемый отрицает свою вину в совершении преступления полностью или частично, но в материалах дела содержится достаточное количество доказательств, подтверждающих вину (расследование направлено на систематизацию имеющихся и поиск новых источников доказательственной информации, проверку – опровержения или подтверждения данных обвиняемым показаний) (6%) (по результатам изучения материалов судебной практики).

5. Разработка типовых следственных ситуаций и рекомендаций по их разрешению имеет существенное значение для совершенствования теоретико-прикладных положений методики расследования мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет. Практическая значимость данных положений определяется их общей направленностью на совершенствование и повышение эффективности деятельности по расследованию указанных преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2019 // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения: 29.02.2020).
2. В МВД оценили ущерб от киберпреступлений в России в 2019 году // Сетевое издание «Russia Today». URL: <https://russian.rt.com/russia/news/696185-mvd-kiberprestuplenie-statistika> (дата обращения: 29.02.2020).
3. Волчещая Т.С. Криминалистическая ситуалогия / под ред. проф. Н.П. Яблокова. М. : Калининград, 1997. 248 с.
4. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014. 800 с.
5. В Ивановской области полицейские раскрыли серию мошенничеств через Интернет // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/8984038> (дата обращения: 12.07.2019).
6. Кольчева А.Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 197 с.
7. Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени № 1-20/2019 1-718/2018 от 16 мая 2019 г. по делу № 1-20/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/HxP89erYhSxq/?regular-txt=®ular-case_doc=1-20%2F2019®ular-lawchuninfo=®ular-date_from=01.05.2019®ular-date_to=12.07.2020®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=Бухарова+Амина+Салимяновна+%28Ленинский+районный+суд+г.Тюмени+%28Тюменская+область%29%29&_id=1594544617793 (дата обращения: 12.07.2019).
8. Отчет врио начальника УМВД России по Ивановской области полковника полиции В.А. Пронина перед депутатами Ивановской областной Думы от 28 марта 2019 г. // Официальный сайт УМВД РФ по Ивановской области. URL: <https://37.mvd.rf/отчет-начальника-умвд-россии-по-ивановской> (дата обращения: 12.07.2019).
9. Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Юань В.Л. Исследование личности обвиняемого посредством анализа материала социальных сетей // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: проблемы и перспективы противодействия преступлениям, совершаемым с применением информационных технологий : сб. науч. ст. / отв. ред. С.И. Давыдов, В.В. Поляков. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. XV. С. 7–14.
10. Шевченко Е.С. Социально-технологические детерминанты следственных действий при расследовании киберпреступлений // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10 (71). С. 160–169.
11. Ахмедшин Р.Л. Некоторые психологические аспекты проведения обыска // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 348. С. 82–85.
12. Поляков В.В., Ширяев А.В. Проблемы тактики допроса по делам о компьютерных преступлениях // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 15-1. С. 123–126.

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 сентября 2020 г.

The Algorithm of the Investigator's Actions in Typical Situations of Internet Fraud Investigations
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 238–247.
DOI: 10.17223/15617793/462/29

Natalya I. Malykhina, Saratov State Academy of Law (Saratov, Russian Federation). E-mail: nim1707@yandex.ru

Svetlana V. Kuzmina, Consulting Plus, LLC (Saratov, Russian Federation). E-mail: kuz44ina.svet@yandex.ru

Keywords: Internet; fraud; cybercrime; typical investigative situations; investigation.

The article considers the creation of theoretical and applied provisions for supplementing and improving the methodology of Internet fraud investigations. The aim of the study was to identify typical situations of investigation of these crimes and to develop the algorithm of the investigator's actions in these situations. The methodological basis of the research was the dialectical method, modeling, the system-structural method, the specific sociological method, the method of expert assessments, logical methods. The situational approach was used. Considering the peculiarities of making tactical and managerial decisions at various stages of the investigator's activity in Internet fraud investigations, the typical situations of checking crime reports and of the initial and subsequent stages of the investigation have been identified. The determination of typical investigative situations at each of the indicated stages was based on the results of the study of materials of judicial practice in criminal cases on Internet frauds, a survey of investigators on the problems of investigating these crimes. It has been revealed that the stage of checking the report of Internet fraud, depending on the source and amount of information, is characterized by two situations: either by the lack of primary information about the presence of signs of a crime (95%), or, conversely, by information sufficient to make a final procedural decision (5%). The initial stage of the investigation of Internet fraud, depending on the content of the initial information, is characterized by situations determined by the presence (80%) or absence (17.5%) of identified digital footprints in conjunction with the establishment of the method of committing a crime, victims and witnesses, the lack of information about the fraudster. A far less likely situation is characterized by the establishment of digital footprints, the method of committing a crime, victims and witnesses, the presence of some information on the criminal, but the lack of data about his/her location (2.5%). Three typical situations of the subsequent stage of the investigation of these crimes are classified depending on the degree of the confession of guilt by the accused and the sufficiency of evidence. The most common situation is characterized by the confession of guilt by the accused and the availability of necessary evidence in the case (90%). In each typical situation, the algorithm of the investigator's actions is determined, methodological recommendations on the tactics of individual investigative actions are developed taking into account the specifics of the crimes committed. Particular attention is paid to the issues of working with digital footprints, the necessary software and hardware are indicated; to the features of the tactics of inspecting the scene, mobile and computer devices; to the determination of the issues to be clarified during the interrogation of the accused, victims, witnesses.

REFERENCES

1. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2019) *Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-December 2019*. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (Accessed: 29.02.2020). (In Russian).
2. Russia Today. (2019) *V MVD otsenili ushcherb ot kiberprestupleniy v Rossii v 2019 godu* [The Ministry of Internal Affairs assessed the damage from cybercrimes in Russia in 2019]. [Online] Available from: <https://Russian.rt.com/russia/news/696185-mvd-kiberprestuplenie-statistika> (Accessed: 29.02.2020).
3. Volchetskaya, T.S. (1997) *Kriminalisticheskaya situologiya* [Forensic situation studies]. Moscow: Kaliningrad.
4. Ushakov, D.N. (2014) *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow: Adelant.
5. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2016) *In Ivanovo Oblast, the police uncovered a series of Internet frauds*. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/8984038> (Accessed: 12.07.2019). (In Russian).
6. Kolycheva, A.N. (2018) *Fiksatsiya dokazatel'stvennoy informatsii, khranyashchey na resursakh seti Internet* [Fixation of evidentiary information stored on the resources of the Internet]. Law Cand. Diss. Moscow.
7. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. (2019) *Sentence of the Leninsky District Court of Tyumen No. 1-20/2019 1-718/2018 of 16 May 2019 in Case No. 1-20/2019*. [Online] Available from: https://sudact.ru/regular/doc/HxP89erYhSxq/?regular-txt=®ular-case_doc=1-20%2F2019®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=01.05.2019®ular-date_to= (Accessed: 12.07.2019). (In Russian).
8. RF MIA Office for Ivanovo Oblast. (2019) *Report of Police Colonel V.A. Pronin, the Acting Chief of the RF MIA Office for Ivanovo Oblast, to the deputies of Ivanovo Regional Duma, March 28, 2019*. [Online] Available from: <https://37.xn--b1aew.xn--p1ai/%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82-%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0-%D1%83%D0%BC%D0%B2%D0%B4-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D0%BF%D0%BE-%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA> (Accessed: 12.07.2019). (In Russian).
9. Alekseeva, T.A., Akhmedshin, R.L. & Yuan', V.L. (2018) *Issledovanie lichnosti obvinyaemogo posredstvom analiza materiala sotsial'nykh setey* [Investigation of the personality of the accused by analyzing social network data]. In: Davydov, S.I. & Polyakov, V.V. (eds) *Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya na Altai: problemy i perspektivy protivodeystviya prestupleniyam, sovershaemym s primeneniem informatsionnykh tekhnologiy* [Criminal-procedural and criminalistic readings in Altai: Problems and prospects of countering crimes committed with the use of information technologies]. Vol. 15. Barnaul: Altai State University. pp. 7–14.
10. Shevchenko, E.S. (2016) Social and technological determinants of investigative activities in investigating cyber crimes. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 10 (71). pp. 160–169. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2016.71.10.160-169
11. Akhmedshin, R.L. (2011) Some psychological aspects of carrying out a search. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 348. pp. 82–85. (In Russian).
12. Polyakov, V.V. & Shiryaev, A.V. (2015) *Problemy taktiki doprosa po delam o komp'yuternykh prestupleniyakh* [Problems of interrogation tactics in cases of computer crimes]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*. 15-1. pp. 123–126.

Received: 24 September 2020

И.Ю. Остапович, А.В. Савоськин

О ПОНЯТИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ «ОБРАЩЕНИЕ ГРАЖДАНИНА»

Проводится системный анализ правовой категории «обращение гражданина» и формулируется его понятие для закрепления в законе. Право гражданина РФ обращаться не только является конституционным, но и выступает составной частью механизма реализации подавляющего числа основных прав и свобод. Вместе с тем законодательное определение правовой категории «обращение гражданина» является неинформативным и порождает многочисленные вопросы и проблемы на практике.

Ключевые слова: право на обращение; обращение гражданина; понятие; заявление; жалоба; предложение; конституционное право.

Ст. 33 Конституции РФ гарантирует гражданам РФ права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления. Однако приведенная норма Основного закона содержит указание только на адресантов и адресатов соответствующего правоотношения, а также частично на способ подачи обращения и не раскрывает содержательной сути правового явления. Более того, даже в Конституции РФ термин «обращение» использован в разных значениях, что объективно предопределено особенностями русского языка, поскольку обращение – это слово, с одной стороны, имеющее несколько значений, а с другой стороны, это отглагольное существительное, объединяющее в себе признак как предмета, так и действия.

Интерпретация слова «обращение» в общеупотребимом русском языке и нормативных актах

С.И. Ожегов в толковом словаре русского языка слово «обращение» в первую очередь определяет как глагол и раскрывает через слова *обратиться* и *обращаться* и после приводит еще четыре значения слова «обращение»: «проявление отношения к кому-чему-нибудь в поведении, в поступках (ласковое обращение с ребенком, небрежное обращение с вещами); призыв, речь или просьба, обращенные к кому-нибудь (обращение к народу, выступить с обращением); процесс обмена, оборота, участие в употреблении (обращение товаров, вошло в обращение новое слово); особый лингвистический термин, применяемый в грамматике и обозначающий называющее лицо (реже – предмет), к которому обращена речь» [1. С. 833].

Неудивительно, что такое многообразие значений отразилось и в законодательстве. Как уже было отмечено, в Конституции РФ слово «обращение» использовано в двух разных значениях: как поведение (согласно ч. 2 ст. 21 Конституции РФ никто не может подвергаться *обращению*, унижающему человеческое достоинство) и как вид волеизъявления (согласно ст. 33, граждане имеют право направлять *обращения*). Еще большую вариативность в использовании слова «обращение» демонстрируют федеральные законы и подзаконные акты. Например, в Федеральном законе «Об обращении лекарственных средств» термин «об-

ращение» используется для обозначения процесса купли-продажи или иного оборота лекарственных средств. Другое, причем узкоспециализированное понимание термина «обращение» встречается в гл. 46 УПК РФ «Обращение к исполнению приговоров, определений постановлений» и ст. 237 ГК РФ «Обращение взыскания на имущество по обязательствам собственника». В приведенных примерах слово «обращение» неразрывно связано с другим словом, что переопределяет его самостоятельное значение.

Пожалуй, самым распространенным значением термина «обращение» в федеральных законах является требование одного субъекта права (уполномоченного субъекта) к другому субъекту права (обязанному субъекту), предъявляемое в целях реализации первым своих субъективных прав и законных интересов. Именно в таком смысле термин «обращение» использован в гл. 6 «Предварительное рассмотрение обращений» Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», ст. 333.37 «Льготы при обращении в арбитражные суды» Налогового кодекса РФ и других законах.

Проведенный нами комплексный анализ позволяет утверждать, что в юридических актах слово «обращение» следует использовать только в сочетании с термином, поясняющим контекст его применения. Иное порождает правовую неопределенность, что с позиции Конституционного Суда РФ недопустимо (постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР “О Государственной налоговой службе РСФСР”» и законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции»; постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2005 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 48 и статьи 58 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, пункта 7 статьи 63 и статьи 66 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации»; постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о про-

верке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» и многие другие). Именно поэтому в названии публикации слово «обращение» использовано в связке со словом «гражданин», что ориентирует на правильное его понимание.

Вместе с тем приходится признать, что несмотря на использование в Конституции РФ термина, состоящего из двух слов, его понимание проясняется слабо, так как непосредственно конституционные положения не дают возможности определиться с содержательным наполнением правовой категории «обращение гражданина», вынуждая нас прибегнуть к системному анализу федерального и регионального законодательства, решений Конституционного Суда РФ, международной правовой практики и юридической доктрины.

Законодательное определение термина «обращение гражданина»

В условиях недостаточной информативности конституционного текста и принимая во внимание, что согласно ст. 1 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» правоотношения, связанные с реализацией гражданином РФ его конституционного права на обращение, установлены именно этим законом, наиболее логичным будет сначала обратиться к анализу его положений. Согласно ст. 4 названного акта, «обращение гражданина – направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления». Далее в законе приводятся понятия предложения, заявления и жалобы, а также устанавливаются реквизиты традиционных письменных и условно новых электронных обращений, т.е. законодатель использовал для определения правовой категории «обращение гражданина» собирательный подход. При этом, как справедливо отмечается в специальной литературе, законодатель фактически не дал определение, в полной мере соответствующее правилам логики, поскольку не предложил правоприменителю обобщающее изложение сущностных признаков данного явления общественной и правовой действительности, позволяющих идентифицировать его вне зависимости от конкретных форм своего существования [2. С. 119].

Существенным недостатком существующего легального определения является отсутствие в нем сущностных признаков, позволяющих уяснить суть (а при необходимости идентифицировать) самого общественно-правового явления обращений граждан, и перечисление лишь небольшой части разновидностей обращений. При этом важно подчеркнуть, что существующие в законе определения этих разновидностей также не называют сущностных характеристик обращений граждан, а лишь указывают на их назначение: совершенствование законодательства и деятельности

органов власти для предложений; реализация субъективных прав и свобод либо критика деятельности органов власти для заявлений; защита прав для жалоб. Очевидно, что существующие легальные определения не дают ответа на вопросы «в чем отличие предложений от заявлений?» и «чем отличаются заявления от жалоб, отзывов о деятельности, запросов информации и иных аналогичных видов обращений?». Не отвечают легальные определения и на вопросы об исчерпывающем перечне заявителей и адресатов, а также на вопросы о допустимых и недопустимых внешних формах воплощения обращений граждан.

В настоящее время законодательно установленный закрытый перечень обращений рассматривается правоприменителями зачастую излишне буквально. Иными словами, они отказываются видеть иные обращения кроме тех, что названы в федеральном законе. Следуя подобной логике, Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», принятый непосредственно во исполнение ст. 33 Конституции РФ, не может применяться к иным видам обращений, поскольку для них тогда нужно установить отдельный порядок их подачи и рассмотрения. Однако такой подход, по нашему мнению, является ошибочным и нивелирует общий и универсальный характер нормы анализируемого закона.

Попытки доктринального определения термина «обращение гражданина»

В исследованиях уже предпринимались попытки предложить научные определения термина «обращение гражданина», сложилось четыре основных подхода к его пониманию.

Во-первых, законодательный подход, основанный на положениях Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ», когда исследователи в той или иной мере пытаются детализировать легальное определение. Неудачность исходного материала порождает неудачность предлагаемых определений, в которых термин «обращение» традиционно раскрывается через возможность обращаться [3. С. 6–7; 4. С. 5].

Во-вторых, доказывается тезис об обращении как о способе охраны прав и свобод человека [5. С. 7] или средстве участия граждан в управлении общественными делами [6. С. 11].

В-третьих, обращение понимается как действие. Так, по мнению С.Ю. Тюриной и Н.И. Борисова, «Обращение – это действие в установленной законом юридической форме (письменно, устно), которое создает информационный повод и запускает действие государственного механизма, обеспечивающего соблюдение, охрану и защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина» [7. С. 12]. Аналогичной позиции придерживается В.А. Мецерегина [8. С. 75].

В-четвертых, обосновывается понимание обращений граждан как формы волеизъявления. Впервые эти идеи системно развил С.А. Ширококов [9. С. 31], далее они получили свое закономерное развитие в более поздних трудах К.А. Черкесова [10. С. 9], Д.Г. Нилова [11. С. 12], А.В. Савоськина [12. С. 23–65] и др.

Принимая во внимание, что нормативное определение неудачно, соответствующее наполнение содержания понятия должно быть осуществлено учеными, прежде всего конституционалистами, поскольку наука стремится к достижению более объективной и целостной характеристике изучаемого объекта, стремится к исключению устаревшей информации и получению новой, соответствующей конкретной исторической и юридической реальности. К этому призывали еще советские ученые. Так, например, В.И. Ремнев утверждал, что «...в правовых актах, изданных по вопросам приема, рассмотрения и разрешения заявлений, предложений, жалоб граждан, не всегда определённа и ясна терминология, что нередко создает на практике трудности для их правильного решения» [13. С. 30]. Сегодня его поддерживает Н.Ю. Хаманева: «...вопрос о разграничении видов обращений имеет очень важное теоретическое и практическое значение» [14. С. 10] и далее: «...точность терминологии, употребляемой в юридических документах, способствует правильному применению и использованию правовых предписаний, делает правовой акт доступным и понятным, помогает гражданам лучше использовать свои права, выполнять обязанности» [14. С. 11].

Для правильного понимания категории «обращение гражданина» и объективной оценки имеющихся научных подходов к ее содержанию очень важно разграничивать разные формы бытия обращения граждан: первая – это информация, представленная заявителем адресату в объективной и доступной для восприятия форме – звуковой или символической; вторая – действие по фактическому направлению – передача должностному лицу советующей информации. Поэтому для познания сущности обращения следует различать формы бытия данного правового явления. В одной из них обращение – это объективизированные сведения (информация), изложенные автором в доступной для восприятия форме посредством применения определенной и понятной адресату знаково-символьной системы. В другой форме обращение является юридически значимым действием по передаче (адресации) предварительно изложенных или определенным образом систематизированных сведений (информации) уполномоченному (по мнению автора) субъекту [2. С. 123].

Каждой форме бытия обращения соответствуют свое содержание и свои формы. О. Валуева, анализируя содержание и значение права на обращение, выделяет в качестве существенных признаков субъекта и адресата предмет (содержание вопроса, просьбы, требования, их значимость для общества), форму и цель (некий ожидаемый результат) обращений [15. С. 28]. К.А. Черкесов вводит обобщенную характеристику – направленность, производную от содержания обращения [16. С. 4]. Показательно здесь то, что ст. 33 Конституции РФ признает и гарантирует заявителю именно возможность действовать, т.е. право заявителя изложить и передать сведения (информацию) адресату в лице компетентных органов, должностных лиц, но не конкретизирует требований к форме и содержанию обращения.

Иными словами, основной закон ориентирован лишь на одну форму бытия обращений. Однако, восполняя нормативный пробел, в юридической науке определение содержательных характеристик термина «обращение гражданина» необходимо осуществлять в единстве требований к «сведениям, содержащимся в обращении» и «действиям по направлению обращения».

Авторская трактовка правовой категории «обращение гражданина»

Не претендуя на абсолютную истину, но воспользовавшись системным анализом существующей терминологии, мы предлагаем следующее определение правовой категории «*обращение гражданина*»: гарантированное Конституцией РФ волеизъявление человека (группы людей или организации), соответствующее по своей форме нормативно-установленным правилам и выраженное в виде письменного, устного или конклюдентного требования к государственному органу или органу местного самоуправления (государственному или муниципальному учреждению или организации, реализующей публично значимую функцию), направленное на реализацию субъективных прав, свобод и законных интересов как заявителя, так и третьих лиц.

Предлагаемая дефиниция включает, как представляется, необходимый и достаточный набор сущностных характеристик, раскрывающих исследуемое явление, а именно: конституционную обусловленность, указание на надлежащего адресанта – субъекта обращения и адресата, объективную характеристику процессуальной формы волеизъявления, а также цель направления обращения. Только все элементы в совокупности позволяют раскрыть содержание и назначение обращений граждан как юридической и фактической конституционной категории. Отсутствие любого из вышеперечисленных элементов устраняет обращение гражданина как таковое или трансформирует его в иной вид волеизъявления.

1. Конституционная обусловленность предполагает прямую непосредственную связь обращения гражданина со ст. 33 Конституции РФ. Если говорить о конституционном институте обращений граждан в зарубежных странах, то в большинстве случаев речь идет о петициях, т.е. коллективных (чаще массовых) обращениях по наиболее общественно значимым вопросам. В подобном случае ключевые характеристики таких обращений – их предмет и субъект. Однако в России конституционная норма право на обращение формулирует очень широко, давая обоснованный повод включать в объект конституционной охраны расширенный перечень волеизъявлений, который, однако, меньше общего перечня разновидностей обращений граждан.

2. Конституция России (в том числе с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации” в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской обла-

сти») прямо определяет круг заявителей и адресатов, а также частично объем их прав и обязанностей. Вместе с тем, определив пределы реализации конституционного права на обращение, Основной закон неизбежно вывел за рамки иные общегражданские волеизъявления, прежде всего существующие в гражданском обороте между непубличными субъектами права (например, претензии).

Субъектом реализации конституционного права на обращение в России всегда является гражданин, группа граждан или объединение граждан (организация), но не органы публичной власти или их должностные лица. В научной статье термин «гражданин», используемый в законодательстве, целесообразно заменить термином «индивид», активно используемым в научной литературе при обозначении гражданина (человека) как самостоятельного субъекта права [17. С. 57].

Термин «индивид» включен нами не случайно. Как верно подмечено Н.И. Матузовым, «под словом индивид понимается человек, а не какое-либо иное существо» [18. С. 72], при этом термин «индивид», являясь обобщающим научным термином, не применяемым в Конституции РФ, позволяет исключить полемику по вопросам его соотношения с такими терминами, как «личность», «человек», «гражданин», «гражданин РФ» и т.п. Содержание термина «индивид» уже термина «субъект права», т.е. является более конкретным, точным и акцентирует внимание на то обстоятельство, что исследуемое субъективное право принадлежит любому (каждому) вне зависимости от наличия гражданства.

В настоящей статье термин «индивид» использован для обозначения любого человека (в том числе гражданина РФ, иностранца и апатрида), что не исключает использование терминов «человек», «гражданин» и «заявитель», если это более приемлемо для удобства восприятия материала. По нашему мнению, термин «индивид» в отличие от абстрактных терминов «субъект» или «лицо» подчеркивает принадлежность права на обращение именно человеку, а не должностному лицу как представителю органа власти, т.е. частному, а не публично-правовому субъекту, тем самым позволяя отличать обращение гражданина от обращения должностного лица. Субъективное право на обращение, являясь универсальным конституционным правом, входит в общий правовой и специальный конституционно-правовой статус индивида. Вместе с тем получение индивидом специального юридического статуса (в отдельных случаях) может блокировать применение его субъективного права на обращение. Например, любой сотрудник государственного органа направляет большое количество заявлений своему руководителю (о предоставлении материальной помощи, об увольнении и т.п.), однако они не являются обращениями в конституционно-правовом значении этого слова и не подлежат рассмотрению по правилам Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ», поскольку правоотношение возникает не между гражданином и органом власти, а между работником и работодателем. Безусловно, работник может

выступать заявителем, а его работодатель – адресатом, но волеизъявление человека в этом случае не может именоваться обращением в конституционно-правовом смысле, поскольку порождает правоотношения не публичные, а совсем иного рода – локальные (трудовые).

Также важно отметить, что право объединений граждан на обращение долгое время официально не признавалось, а в легальное определение не включено и по сей день, что порождало многочисленные споры на практике. Так, еще в 1996 г. Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 24.10.1996 № 17-П, рассматривая запрос Арбитражного суда Брянской области и жалобы акционеров нескольких юридических лиц, столкнулся с проблемой «ненадлежащего заявителя», которая заключалась в том, что согласно буквального содержания ч. 1 ст. 96 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» право на обращение в Конституционный Суд предоставлено исключительно гражданину, чьи права и свободы нарушены законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле, но не организации. Стремясь обойти это формальное препятствие, заявители обращались в суд не от имени организации напрямую (хотя фактически пострадали интересы юридических лиц), а от имени акционеров организации, права которых косвенно нарушены в качестве участников (но даже не учредителей) такой организации. Рассматривая этот, безусловно, частный случай, Конституционный Суд РФ сформулировал универсальную правовую позицию о том, что по своей юридической природе юридические лица, которые созданы гражданами для совместной реализации своих конституционных прав (в том числе права свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности), вправе обращаться в суд напрямую. По сути, Конституционный Суд сформулировал новое правило поведения [19, 20], которое позволило реализовать конституционное право на обращение во все органы власти. В последующем суд еще не раз подтверждал свою практику, в частности в Постановлении от 17.12.1996 № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 г. “О федеральных органах налоговой полиции”».

3. Раскрывая предложенное нами определение категории «обращение гражданина» далее, необходимо обратить внимание на процедуру реализации конституционного права на обращение, которая предусматривает и внешнюю форму выражения обращения (устную, письменную или конклюдентную), и непосредственно способ его подачи (например, на личном приеме, посредством почтовой связи, возможностей сети Интернет).

Число требований к форме обращений и соответствующим способам их подачи достаточно вариативно, вместе с тем наиболее подробной нормативной регламентации подвергнута только письменная. Естественно, что в зависимости от содержания и характера обращения требования к его форме могут разли-

чаться, однако общим для всех письменных обращений являются: адресат; фамилия, имя, отчество заявителя; адрес для направления ответа; суть обращения; подпись заявителя и дата составления обращения. Несоблюдение обязательных требований внешней формы обращения влечет его юридическую ничтожность и не влечет обязанности реагировать на него. Например, административные регламенты предоставления конкретных государственных услуг содержат типовое требование о том, что «заявление к рассмотрению не принимается, если нарушены требования к его форме и содержанию» (п. 34 Административного регламента предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на временное проживание в Российской Федерации, утв. Приказом ФМС России от 22.04.2013 № 214).

Мы утверждаем, что минимальные требования к форме обращения не просто создают необходимые предпосылки для его надлежащего рассмотрения по существу, а делают такое рассмотрение возможным в и целесообразным в принципе. Иными словами, требования к форме обращения не самоцель, а средство надлежащей реализации правоотношения. Поэтому усложнение внешней формы обращения, по сравнению с Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ», не может быть произвольным, поскольку такие требования не должны быть избыточными и препятствовать подаче обращений.

4. С точки зрения содержания обращения очень важным его элементом является цель, поскольку она определяет назначение волеизъявления заявителя, предопределяет то, к чему стремится индивид, направляя обращение. По мнению С.З. Женетль, «волеизъявление, как правило, детерминировано какими-то внешними обстоятельствами, содержащими для гражданина неблагоприятный или негативный оттенок. Даже в случае предложения об усовершенствовании чего-либо ясно проявляется неудовлетворенность субъекта текущим положением дел» [21. С. 69]. Думается, что такой вывод неточен, поскольку демонстрирует необъективность и стремление рассматривать обращения в качестве способов защиты субъективных прав. Мы, напротив, полагаем, что при определении понятия юридического термина «обращение гражданина» надлежит исключить какую-либо оценочную характеристику обращений, поскольку они могут выступать способом как реализации прав, так и их защиты.

Цель направления обращений всегда предвосхищает и его содержание, и форму, и адресата. Например, стремление получить компенсацию морального вреда возможно только путем подачи гражданско-правового иска в суд по правилам ГПК РФ.

Цели граждан при подаче обращений различны: реализация, предоставление, защита или восстановление прав, свобод и законных интересов самого заявителя или прав и свобод третьих лиц, в том числе непосредственно не связанных с заявителем, или общества в целом. При этом отсутствие цели делает обращение бессмысленным. Потому не случайно в 2017 г. ст. 11

Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» была дополнена ч. 4.1, позволившей органам власти не рассматривать обращения, если «текст письменного обращения не позволяет определить суть».

Цель также является факультативным критерием, разграничивающим обращения граждан и письма должностных лиц. Как уже было указано выше, целью обращения гражданина является, прежде всего, реализация его субъективных прав и свобод, а целью волеизъявлений должностных лиц является реализация их должностных полномочий, т.е. фактически – обязанностей.

5. Заключительным элементом анализа предлагаемого в публикации определения нами не случайно выбран адресат обращения. Если с государственными органами и органами местного самоуправления все относительно понятно, то в отношении нетрадиционных адресатов (государственных и муниципальных учреждений, и особенно в отношении организаций, осуществляющих публично значимые функции) на практике возникают большие сложности, порождающие крайне противоречивую судебную практику. Следует отметить хотя бы тот факт, что само понятие «организация, осуществляющая публично значимые функции» было введено в юридический оборот Постановлением Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации” в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» и продублировано при внесении изменений в Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Вместе с тем ни Конститутивный Суд РФ в 2012 г., ни федеральный законодатель в 2013, расширив пределы действия конституционного права на обращение (за счет новых адресатов), не разъяснили это понятие. В результате сам Конституционный Суд вынужден был выносить несколько определений с позитивным содержанием, проясняющих содержание термина «организация, осуществляющая публично значимые функции».

Так, в 2017 г. в Конституционный Суд РФ обратился гражданин Литовский Борис Владимирович. Поводом для подачи жалобы в Конституционный Суд РФ стал отказ руководителя филиала Волго-Вятского банка ОАО «Сбербанк России» предоставить ответ на претензию заявителя (вызванную отказом сотрудника банка открыть интересующий заявителя вклад). Свои требования к банку заявитель обосновывал ссылками на положения Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». При этом, обращаясь в Конституционный Суд РФ, заявитель обоснованно утверждал, что термин «публично значимые функции» является неопределенным и не позволяет установить сферу применения Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и определить, распространяются ли его положения на обращения граждан в коммерческие организации. Конституционный Суд РФ, отказывая в рассмотрении дела, в

своем Определении от 27.06.2017 № 1361-О все же сформулировал правовую позицию по этому вопросу, указав, что отношения, регулируемые Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», распространяются не на все организации, созданные публично-правовыми образованиями. Иными словами, ключевым для признания субъекта права адресатом обращения гражданина является установление осуществления именно социальных-культурных или иных функций некоммерческого характера, тогда как гражданско-правовые отношения, складывающиеся между гражданами и банками (даже если последние созданы государством), таковыми не являются. Увы, но такие примеры из практики деятельности Конституционного Суда РФ далеко не единичны. Так, можно привести Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 629-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мельникова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 1 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»» и Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 2310-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мельникова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 1 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»» и др. А ведь обращению в Конституционный Суд предшествуют иски в иные суды, и число соответствующих споров в них велико, что и демонстрирует анализ судебной практики (например, постановления Верховного Суда РФ: от 15.02.2019 № 48-АД19-2; от 15.02.2019 № 88-АД19-2; от 14.02.2019 № 88-АД19-1; от 22.10.2018 № 88-АД18-3; от 22.10.2018 № 88-АД18-2 и др.).

Комплексный анализ судебной практики демонстрирует не только разные подходы к признанию одних и тех же организаций в качестве допустимых ад-

ресатов обращений граждан (например, управляющих компаний), но и подталкивает к единственному способу решения этой проблемы – законодательному закреплению нового понятийного аппарата в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Мы признаем, что определение границ и установление точной дефиниции категории «обращение гражданина» – это сложный и дискуссионный процесс. Вместе с тем крайне желательно выйти за рамки только академического анализа и закрепить более развернутое (нежели сегодня) нормативное определение категории «*обращение гражданина*», например, в следующем виде: «это конституционно гарантированное волеизъявление человека (группы граждан или организации), соответствующее по форме нормативно установленным требованиям, выражающееся в виде письменного или устного требования о реализации или защите прав, свобод и законных интересов, обращенное к государственному (муниципальному) органу, государственному (муниципальному) учреждению или организации, осуществляющей публично значимые функции, а также к их должностным лицам». Однако, чтобы не перегружать основное определение, но при этом убрать правовую неопределенность, предлагаем также дополнить федеральный закон определениями таких терминов, как *заявитель* – «гражданин, группа граждан или организация, направившие обращение» и *организации, осуществляющие публично значимые функции*, – «это юридические лица, учрежденные публично-правовым образованием в целях осуществления функций некоммерческого характера или осуществляющие отдельные государственные или муниципальные полномочия». Считаем, что такое законодательное понятие категории «обращение гражданина» не только сократит число судебных споров, но и обеспечит более эффективную реализацию конституционного права гражданина на обращение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1991. 915 с.
2. Прием граждан и рассмотрение обращений в следственных органах / под ред. А.М. Багмета. М.: Моск. акад. СК России, 2020. 450 с.
3. Скрыбина М.В. Реализация конституционного права на обращение в органы публичной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. 21 с.
4. Ольшевская О.В. Правовые аспекты рассмотрения обращений граждан органами внутренних дел // Правовая идея. 2013. № 2. С. 5–11.
5. Штырова Е.П. Конституционное право человека и гражданина на обращение в межгосударственные органы по защите прав человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 22 с.
6. Беляков П.А. Защита прав граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления // Законность. 2014. № 4. С. 11–16.
7. Тюрина С.Ю., Борисов Н.И. Обращения граждан как инструмент повышения эффективности взаимодействия населения и власти: нормативно-правовое регулирование и практика // Административное и муниципальное право. 2012. № 10. С. 12–19.
8. Мещерягина В.А. Юридическая природа конституционного права на обращение как субъективного права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10. С. 71–77.
9. Ширококов С.А. Конституционное право человека и гражданина на обращение : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 164 с.
10. Черкесов К.А. Конституционное право на обращение в органы публичной власти в государствах – членах СНГ и странах Балтии: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.
11. Нилов Д.Г. Обращения граждан: понятие и виды // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. С. 12–18.
12. Савоськин А.В. Обращения граждан в РФ (конституционно-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 482 с.
13. Ремнев В.И. Право жалобы в СССР. М.: Юрид. лит., 1964. 132 с.
14. Хаманева Н.Ю. Защита прав граждан в сфере исполнительной власти. М., 1997. 214 с.
15. Валуева О. Право граждан на обращение: конституционные и административные аспекты содержания и реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4 (61). С. 26–35.
16. Черкесов К.А. Обращения граждан в органы местного самоуправления, их виды и особенности правового регулирования // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2010. № 4. С. 2–6.

17. Лаптев П.А. О правосубъектности индивида в свете международно-правовой защиты прав человека // Журнал российского права. 1999. № 2. С. 51–58.
18. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. 292 с.
19. Саликов М.С., Либанова С.Э., Остапович И.Ю. Конституционно-контрольное нормотворчество в контексте доктрины живой конституции // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 219–231. DOI: 10.17223/15617793/440
20. Остапович И.Ю. Нормативность решений Конституционного Суда Российской Федерации: методы ее рождения, объективные и субъективные границы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 112–122. DOI: 10.17223/22253513/31/10
21. Женетль С.З. Теоретический анализ основных положений Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Административное право. 2008. № 4. С. 62–71.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 июня 2020 г.

On the Concept of the Constitutional and Legal Category “Citizen’s Appeal”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 248–255.

DOI: 10.17223/15617793/462/30

Igor Yu. Ostapovich, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation); Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ostapovich7@mail.ru

Alexander V. Savoskin, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation); Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: savoskinav@yandex.ru

Keywords: right to appeal; citizen’s appeal; concept; application; complaint; proposal; constitutional law.

The right of a citizen of the Russian Federation to appeal to state bodies and bodies of local self-government is one of the oldest human rights. It is an integral part of the mechanism for the implementation of a large number of subjective rights and freedoms. However, the concept of the legal category “citizen’s appeal” contained in the Federal Law “On the Procedure for Considering Appeals of Citizens of the Russian Federation” is not informative and creates many questions and problems. It is difficult to establish the content of the category “citizen’s appeal” because the word “appeal” is a verbal noun and has several meanings in Russian. In order to establish the true meaning of the term “citizen’s appeal”, the authors conducted a lexical analysis of the word “appeal” and examined its use in legal acts. Based on the analysis, it has been established that the term “appeal” in normative acts is used in different meanings and, to clarify it, an additional term is required that would explain the context of the use of the word “appeal”. Then, using specific legal methods of cognition (formal-legal, formal-logical, systemic, technical-legal methods), the authors analyzed the legislative definition of the term “citizen’s appeal”, namely, its understanding in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, and in special legal literature. The authors have formulated the definition of the category “citizen’s appeal”: it is the will of a person (group of people or organization) guaranteed by the Constitution of the Russian Federation, corresponding in its form to the normatively established rules and expressed in the form of a written, oral or implied-in-fact requirement to a state body or local government. The appeal is aimed at realizing the subjective rights, freedoms and legitimate interests of the applicant and third parties. The definition includes the necessary and sufficient set of essential characteristics that reveal the analyzed phenomenon, namely: constitutional conditionality, the proper applicant (subject of the appeal), the proper addressee, the form of expressed will, the purpose of the appeal. The absence of any of the above elements eliminates the citizen’s appeal as such or transforms it into a different kind of expression of will. Based on this theoretical construct, a new legislative definition of the legal category “citizen’s appeal” is formulated. The terms “applicant” (citizen, group of citizens, or organization sending the appeal) and “organization that performs publicly significant functions” (a legal entity established by a public law entity with the aim of performing non-commercial functions or a legal entity that exercises certain state or municipal powers) are also defined.

REFERENCES

1. Ozhegov, S.I. (1991) *Slovar’ russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 23rd ed. Moscow: Rus. yaz.
2. Bagmet, A.M. (ed.) (2020) *Priem grazhdan i rassmotrenie obrashcheniy v sledstvennykh organakh* [Reception of citizens and consideration of appeals in the bodies of investigation]. Moscow: Moscow Academy of the RF Investigative Committee.
3. Skryabina, M.V. (2007) *Realizatsiya konstitutsionnogo prava na obrashchenie v organy publichnoy vlasti* [Implementation of the constitutional right to appeal to public authorities]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.
4. Ol’shevskaya, O.V. (2013) *Pravovye aspekty rassmotreniya obrashcheniy grazhdan organami vnutrennikh del* [Legal aspects of consideration of citizens’ appeals by the internal affairs bodies]. *Pravovaya ideya*. 2. pp. 5–11.
5. Shtyrova, E.P. (2007) *Konstitutsionnoe pravo cheloveka i grazhdanina na obrashchenie v mezhgosudarstvennye organy po zashchite prav cheloveka* [The constitutional right of a person and a citizen to appeal to interstate bodies for the protection of human rights]. Law Cand. Diss. Saratov.
6. Belyakov, P.A. (2014) The protection of the rights of citizens to application to public and local government authorities. *Zakonnost’*. 4. pp. 11–16. (In Russian).
7. Tyurina, S.Yu. & Borisov, N.I. (2012) *Obrashcheniya grazhdan kak instrument povysheniya effektivnosti vzaimodeystviya naseleniya i vlasti: normativno-pravovoe regulirovanie i praktika* [Citizens’ appeals as a tool to improve the efficiency of interaction between the population and the authorities: Legal regulation and practice]. *Administrativnoe i munitsipal’noe pravo – Administrative and Municipal Law*. 10. pp. 12–19.
8. Meshcheryagina, V.A. (2015) The legal nature of the constitutional right to appeal as a subjective right. *Aktual’nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 10. pp. 64–69. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2015.59.10.064-069
9. Shirobokov, S.A. (1999) *Konstitutsionnoe pravo cheloveka i grazhdanina na obrashchenie* [The constitutional right of a person and a citizen to appeal]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
10. Cherkosov, K.A. (2010) *Konstitutsionnoe pravo na obrashchenie v organy publichnoy vlasti v gosudarstvakh – chlenakh SNG i stranakh Baltii: sravnitel’no-pravovoe issledovanie* [The constitutional right to appeal to public authorities in the CIS member states and the Baltic states: Comparative legal research]. Law Cand. Diss. Moscow.
11. Nilov, D.G. (2010) *Obrashcheniya grazhdan: ponyatie i vidy* [Citizens’ appeals: Concept and types]. *Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendentsii*. 3. pp. 12–18.
12. Savoskin, A.V. (2019) *Obrashcheniya grazhdan v RF (konstitutsionno-pravovoe issledovanie)* [Citizens’ appeals to the Russian Federation (constitutional and legal research)]. Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
13. Remnev, V.I. (1964) *Pravo zhaloby v SSSR* [The right of complaint in the USSR]. Moscow: Yurid. lit.

14. Khamaneva, N.Yu. (1997) *Zashchita prav grazhdan v sfere ispolnitel'noy vlasti* [Protection of the rights of citizens within executive power]. Moscow: [s.n.].
15. Valueva, O. (2007) Pravo grazhdan na obrashchenie: konstitutsionnye i administrativnye aspekty sodержaniya i realizatsii [The right of citizens to appeal: Constitutional and administrative aspects of content and implementation]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 4 (61). pp. 26–35.
16. Cherkasov, K.A. (2010) Obrashcheniya grazhdan v organy mestnogo samoupravleniya, ikh vidy i osobennosti pravovogo regulirovaniya [Citizens' appeals to local governments, their types and features of legal regulation]. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy*. 4. pp. 2–6.
17. Laptsev, P.A. (1999) O pravosub'ektivnosti individa v svete mezhdunarodno-pravovoy zashchity prav cheloveka [On the legal personality of the individual in the light of international legal protection of human rights]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2. pp. 51–58.
18. Matuzov, N.I. (1972) *Lichnost'. Prava. Demokratiya. Teoreticheskie problemy sub'ektivnogo prava* [Person. Rights. Democracy. Theoretical problems of subjective law]. Saratov: Saratov State University.
19. Salikov, M.S., Libanova, S.E. & Ostapovich, I.Yu. (2019) Constitutional Supervisory Rulemaking in the Context of the Doctrine of the Living Constitution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 440. pp. 219–231. DOI: 10.17223/15617793/440/30
20. Ostapovich, I.Yu. (2019) Normalization of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: methods of its emergence, objective and subjective purviews. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 31. pp. 112–122. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/31/10
21. Zhenetl', S.Z. (2008) Theoretical analysis of the main provisions of the Federal Law “On the Procedure for Considering Appeals of Citizens of the Russian Federation”. *Administrativnoe pravo – Administrative Law*. 4. pp. 62–71.

Received: 04 June 2020

К.В. Черкасов, О.С. Иванова, И.С. Чалых

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ СВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Представлены результаты исследования форм государственной поддержки религиозных объединений в контексте правовой регламентации и реализации принципа светского государства и обеспечения свободы совести и вероисповедания; раскрыто многообразие прямых и косвенных мер государственной поддержки, предложена их классификация по юридическому содержанию, с учетом правозащитных рисков; обоснована допустимость такой поддержки при системном правовом регулировании ее мер, соблюдении баланса публичных, коллективных и индивидуальных интересов.

Ключевые слова: религиозное объединение; конфессия; община; формы государственной поддержки; меры; правовая регламентация; свобода совести и вероисповедания; гарантии.

Свобода совести и вероисповедания, признанная на международном уровне [1] и закреплённая в национальных правовых системах, в силу специфики предмета, исторических и иных традиций, подвергается расширительному доктринальному и легальному толкованию, что закономерно влечет разнообразие подходов к государственно-правовому регулированию конфессиональных и сопряженных с ними отношений, существенно отличающемуся по концептуальным аспектам и юридическому содержанию [2].

Особую актуальность затронутая проблематика приобретает в контексте сформулированных поправок к российской Конституции, инициированных (поддержанных) Президентом России и одобренных Федеральным Собранием Российской Федерации, упоминающих сохранение веры в Бога как одного из идеалов, переданных России предшествующими поколениями: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняющая память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [3]. Данные инициативы свидетельствуют о признании Российским государством правового и организационного значения религии, а также ее институтов в формировании современного конституционного (светского) государства.

В этой связи логично предположить наличие специфики и в механизмах правореализации, затрагивающих взаимоотношения государства и религиозных объединений (конфессий, общин), аксиологически ориентированных на обеспечение свободы совести и вероисповедания и юридически выраженных в осуществлении гарантий последней. Представляется, в заявленном аспекте особого внимания заслуживают формы государственной поддержки религиозных объединений в современных светских государствах.

Как отмечается в одном из решений Конституционного суда Италии, принцип светскости подразумевает не безразличие государства к религиям, а гарантии со стороны государства по защите свободы религии в условиях режима конфессионального и культурного плюрализма [4]. Многие из таких гарантий как раз связаны с прямой или косвенной государственной поддержкой религиозных объединений. При

этом в большинстве случаев государства пытаются выстраивать такие «системы поддержки» на основе принципа религиозного нейтралитета (со своей стороны), по крайней мере в отношении признанных конфессий. В то же время указанный принцип нередко сочетается с особым подходом к исторически превалявавшим или наиболее распространенным конфессиям, фактически предусматривающим их привилегированное положение.

Типичные меры поддержки по характеру выражаются в прямой форме (льготном налогообложении доходов признанных религиозных объединений, предоставлении налоговых вычетов гражданам и организациям, жертвующим денежные средства в поддержку непосредственно целевой деятельности таких объединений, участия государства в реконструкции и поддержании наиболее значимых культурных объектов), а также в косвенной форме – содействии реализации социально значимых проектов религиозных объединений, в которых государство заинтересовано, и др. Часто такая поддержка предоставляется религиозным организациям наравне с другими общественными объединениями, участвующими в реализации социальных функций государства, например: предоставление помощи малоимущим, несовершеннолетним, больным, профилактика наркомании и алкоголизма и т.д. Однако указанным перечнем формы и меры государственной поддержки религиозных объединений не исчерпываются: имеют место производные, альтернативные, аутентичные их варианты, сущность, светское и правовое содержание которых не всегда поддается однозначно позитивной оценке.

Для обеспечения полноценной возможности граждан беспрепятственно осуществлять свое право на свободу вероисповедания, в том числе путем проведения совместных религиозных обрядов и богослужений, необходимы культовые здания и сооружения, места отправления культов. В данной связи одно из наиболее распространенных направлений государственной поддержки – это *содержание и сохранение культовых зданий и сооружений, иных объектов религиозного назначения*. Большинство государств сегодня устанавливают гарантии свободного распоряжения религиозными организациями своим имуществом, его неприкосновенности. При этом в ряде

стран, где после секуляризации имущество религиозного назначения, особенно недвижимое, оказалось в государственной или муниципальной собственности, впоследствии был установлен механизм его безвозмездной передачи в собственность или пользование религиозных общин, получивших публичный правовой статус, в соответствии с его конфессиональной принадлежностью (в том числе имущества, имеющего особую историческую и культурную ценность). Так, например, во Франции здания, используемые для отправления культа, из государственной и муниципальной собственности могут бесплатно передаваться в собственность или пользование религиозных объединений (ст. 4, 13–14 Закона от 09.12.1905 о разделении церквей и государства [5]; ст. 5 Закона от 02.01.1907 о публичном осуществлении культов [6]). Подобные процедуры также предусмотрены законодательством Великобритании [7], России [8], отдельных земель Федеративной республики Германия (ФРГ) [9] и др. При этом на религиозные объединения, как правило, возлагаются обязательства по обеспечению сохранности, реконструкции, популяризации переданного государственного и муниципального имущества, устанавливается контроль за распоряжением таким имуществом. Например, может быть предусмотрена необходимость получения согласия от государственных или муниципальных органов на отчуждение религиозными организациями отдельных видов имущества религиозного назначения, чаще всего недвижимости [9]. Некоторые объекты религиозного значения, как правило, имеющие особую историческую и культурную ценность, могут оставаться в собственности государства, но безвозмездно использоваться религиозными организациями. Такая практика имеет место, к примеру, в ФРГ (ст. 2 EvKiVtr BE 2006 [10]), во Франции (ст. 17 Закона от 09.12.1905 о разделении церквей и государства [5]).

Следует отметить, что практика выделения государственных средств на содержание религиозных зданий и сооружений, иных объектов религиозного назначения во многих странах обусловлена достаточно большими затратами на поддержание их в надлежащем состоянии, особенно в силу того, что многие из них были созданы достаточно давно, часто имеют не только религиозное, но и особое историческое и культурное значение, требуют специальных (дорогостоящих) мер содержания. Кроме того, следует учесть длительное нахождение указанных объектов на государственном обеспечении. В результате процессов секуляризации они, как правило, сначала переходили в государственную собственность, а затем многие из таких объектов на безвозмездной основе передавались в собственность религиозных объединений соответствующих конфессий, которые, утратив в этот период государственное финансирование, не справлялись с нагружкой по их содержанию. Чаще всего государство оказывает соответствующую поддержку косвенно, через общественные или государственные фонды (ст. 3–8 Закона от 09.12.1905 о разделении церквей и государства [5] (Франция)).

В Англии, например, государство организует управление религиозными зданиями, не используе-

мыми для общественного поклонения, в том числе бесхозными; оказывает поддержку религиозным объединениям посредством государственных грантов для фондов, формируемых такими объединениями, в частности для Фонда охраны церквей, который имеет своей целью сохранение в интересах нации и Церкви Англии церквей или их частей, находящихся в его ведении и представляющих исторический и археологический интерес, имеющих архитектурную ценность. С 2016 по 2020 гг., при необходимости, государство вправе внести в указанный Фонд сумму в размере до 10 699 000 фунтов стерлингов в качестве грантов [7, 11].

В свою очередь в Италии был создан Фонд религиозных зданий. Фонд является юридическим лицом и функционирует на основании правил, регулирующих управление имуществом государства. Управление Фондом религиозных зданий возложено на одно из министерств, которое формирует коллегиальный орган управления фонда – совет директоров фонда, а на территориальном уровне оно осуществляется через префектов. В совет директоров, помимо должностных лиц, представляющих заинтересованные министерства, также входят три представителя, назначенные Итальянской епископской конференцией (один из институтов католической церкви в Италии). Государство ежегодно перечисляет в бюджет Фонда средства в установленном размере; он пополняется и за счет доходов от имущества, которым управляет, и от пожертвований. Средства Фонда используются для консервации, реставрации, защиты и улучшения религиозных зданий, принадлежащих Фонду, а также для других сборов, взимаемых с самого Фонда. Фонд является правопреемником нескольких ранее действовавших крупных религиозных фондов [12].

Комплексно оценивая юридическое содержание указанных мер государственно-конфессиональной поддержки, можно отнести их к патронажной форме, предполагающей ограниченное (предметное) «покровительство» государства в отношении религиозных объединений, обусловленное необходимостью функционального обеспечения свободы вероисповедания и реальной неспособностью конфессий его осуществлять в полном объеме вне взаимодействия с государством (в лице уполномоченных органов управления). Однако в случае расширения зоны влияния государства в организационно-компетенционном направлении – в части внутриконфессионального управления, особенно финансовыми вопросами, – форма поддержки фокусного религиозного объединения уже может приобрести патерналистский характер, что создает угрозу нивелирования даже общепризнанных гарантий свободы вероисповедания.

Определенный исследовательский интерес представляют и меры государственной поддержки духовенства. Одним из актуальных примеров здесь служит практика Италии: при Национальном институте социального обеспечения образован Фонд социального страхования духовенства и священнослужителей не католических конфессий («Fondo di previdenza del clero secolare e dei ministri di culto delle confessioni religiose diverse dalla cattolica»). Фонд создан в целях

пенсионного обеспечения по старости, вследствие инвалидности, а также иждивенцев по потере кормильца застрахованных представителей духовенства и священнослужителей (такая страховка для указанных лиц не католических конфессий обязательна, за исключением случаев, предусмотренных законом, например, когда лицо выбрало другую систему страхования). Фонд пополняется ежегодным взносом каждого застрахованного священнослужителя, а также ежегодным взносом государства (ст. 6, 21 Закона от 22.12.1973 № 903 об учреждении Фонда обеспечения духовенства и служителей культа религиозных конфессий, отличных от католических, и новом порядке их пенсионного обеспечения [13]). Согласно указу Министерства труда и социальной политики Италии от 26.07.2019 такой взнос, уплачиваемый государством, увеличен до 8 115 572,36 евро [14].

В контексте юридического содержания указанную меру поддержки можно отнести к форме паритетного взаимодействия, предполагающей условно равный вклад (соучастие) в реализацию гарантий свободы вероисповедания и конфессии (в лице представителей духовенства), и государства. Думается, такая форма минимально подвержена злоупотреблениям со стороны органов власти, так как не сопряжена с конкретным религиозным направлением, не осуществляется исключительно государством (в аспекте финансирования), системно обеспечена правоустанавливающими и конкретизирующими юридическими (публично-правовыми) нормами.

В свою очередь, в ряде стран допускается введение так называемых церковных налогов в пользу отдельных религиозных общин. Налогоплательщиками по такому налогу являются только представители соответствующей религиозной общины, иногда (при совместной форме уплаты налога супругами) члены семьи представителя соответствующей религиозной общины, не обязательно принадлежащие к данной конфессии, что становилось предметом судебных разбирательств не только на национальном, но и на международном уровне [15]. Размер и формы уплаты налога определяют религиозные общины, но такие решения требуют утверждения уполномоченными государственными органами; сбор и управление таким налогом могут осуществлять непосредственно органы религиозного объединения, представляющего религиозную общину, или государственные органы в соответствии с переданными им религиозным объединением полномочиями.

Так, конституционные установления в ФРГ предусматривают право религиозных обществ, признанных государством в качестве субъекта публичного права, взимать налоги и специальные «церковные деньги» на основании гражданских налоговых списков в соответствии с нормами государственного права (ст. 137 (6), 140 Das Grundgesetz (GG) [16]). Согласно федеральному законодательству ФРГ церковным налогом облагаются все проживающие на территории государства члены конфессии, обладающей правом на налогообложение. Далеко не все признанные конфессии в равной мере обладают таким правом. Более конкретно вопрос о видах церковных налогов, порядке и услови-

ях взимания регулируется в каждом субъекте Федеративной Республики Германия, в основном посредством принятия специальных законов, а в некоторых случаях путем заключения договоров с конкретными религиозными организациями – признанными субъектами публичного права [17–19].

Размер, порядок уплаты, виды церковных налогов определяются органами соответствующей религиозной общины на основании норм канонического права, внутрицерковных предписаний. Однако данные решения требуют признания государственным земельным органом, ответственным за управление финансами. Сбор и управление церковными налогами могут осуществлять сами церковные органы, для чего им передаются документы, необходимые для налогообложения со стороны государственных органов и муниципальных образований, округов и муниципальных объединений. Они же обязуются вести соответствующую отчетность. Однако по просьбе церкви управление причитающимся ей церковным налогом на доходы (установление и сбор, а также подведение годового баланса и т.п.) может осуществляться государственными финансовыми органами на основании специального договора, заключаемого органами признанных религиозных общин (церквей) и государством в лице государственных органов земель. Осуществление такого управления государственными финансовыми ведомствами предполагает, что ставка церковного налога в пределах земли едина. Если церковный налог с доходов управляется данным образом, работодатели обязаны удерживать церковный налог со всех членов церкви. За государственное управление сбором церковного налога религиозные объединения выплачивают государству вознаграждение (Приложение II Глава IV раздел I. Договора между Федеративной Республикой Германия и Германской Демократической Республикой о создании единой Германии 1990 г. [20]).

Законодательство некоторых земель ФРГ допускает сбор такого налога не только в пользу собственно религиозных объединений, являющихся субъектами публичного права (причем во многих землях не конкретизируется конфессиональная принадлежность религиозного образования), но и иных мировоззренческих общин (§ 12a (Kirchensteuergesetz) Gesetz über die Erhebung von Steuern durch öffentlich-rechtliche Religionsgemeinschaften im Land Berlin Vom 4. Februar 2009 [21]; § 2 Gesetz über die Erhebung von Steuern durch Kirchen, andere Religionsgemeinschaften und Weltanschauungsgemeinschaften in der Freien Hansestadt Bremen Vom 23.12.1974 [22] и др.).

Религиозные общины в Австрии, действующие на основании специальных соглашений с Австрийской Республикой, также наделяются правом взимать церковные взносы в соответствии с принятыми ими распоряжениями для покрытия церковных имущественных и кадровых потребностей. Взносы распространяются на совершеннолетних членов этих церквей. Церковные взносы устанавливаются и взимаются религиозными объединениями, но требуют утверждения со стороны государственных органов. Поэтому, в частности, допускается предъявление иска о церковных

взносах в рамках официального (государственного) судопроизводства. В то же время государственные органы наделяются правом надзора за использованием религиозными объединениями таких взносов, а церковные органы – обязанностью предоставлять им соответствующую отчетность [23].

Указанные меры поддержки в целом можно отнести к преференциальной форме, оценив ее как обоснованную и в целом юридически допустимую. При этом комплексный – законодательно-договорной – способ регулирования взаимодействия конфессий и государства в данной связи представляется оптимальным, позволяющим минимизировать факторы негативного воздействия на осуществление организационно-правовых гарантий свободы вероисповедания, а также фокусные правозащитные риски [24].

Распространенной косвенной формой государственной поддержки признанных религиозных объединений являются и *меры в области налогообложения*, связанные с освобождением таких объединений от уплаты некоторых видов налогов, предоставлением им или субъектам (гражданам, организациям), осуществляющим финансовую поддержку религиозных объединений, налоговых вычетов. Так, в Италии католические религиозные учреждения, их филиалы, церкви, признанные юридическими лицами, при осуществлении коммерческой деятельности могут получить налоговый вычет, за исключением расходов на социальное обеспечение, в сумме, равной сумме годового минимального размера пенсий, выплачиваемых Пенсионным фондом (ст. 26 Закона от 20.05.1985 № 222 [12]). Налоговые льготы предусмотрены и для австрийских объединений, действующих согласно их учредительным документам исключительно в религиозных целях (§ 34 Федерального налогового кодекса Австрии [25]), причем освобождение от некоторых видов налогов для религиозных объединений предусматривает и законодательство земель в Австрии (§ 4 Тирольского закона о взимании налога на проживание 2003 г. [26]; § 2 Венского закона о поощрении спорта 2012 г. [27] и др.). Признанные религиозные объединения также освобождаются от уплаты отдельных видов налогов, например, во Франции (ст. 24 Закона от 09.12.1905 о разделении церкви и государства [5], ст. 1382 Налогового кодекса Франции [28]), в ФРГ (§ 52, 54 раздела 3 Налогового кодекса ФРГ [29]) и ее землях (ст. 26 Ev/KathKiVG BW 2008 [30]; ст. 9 Договора земли Берлин с Евангелической церковью 2006 г. [10] и др.).

Достаточно распространенной является практика предоставления соответствующего налогового вычета физическим лицам. Например, в Италии – в размере пожертвования в пользу признанных религиозных объединений или Центрального института поддержки духовенства Итальянской католической церкви из общего облагаемого налогом дохода (ст. 46 L. 20 maggio 1985, n. 222 Disposizioni sugli enti e beni ecclesiastici in Italia e per il sostentamento del clero cattolico in servizio nelle diocesi [12]; ст. 26 L. 29 novembre 1995, n. 520 Norme per la regolazione dei rapporti tra lo Stato e la Chiesa Evangelica Luterana in Italia (CELI) [31] и др.). Законодательство Австрии также преду-

сматривает налоговые вычеты из подоходного налога в размере обязательных церковных взносов для признанных религиозных объединений (но не более 400 евро в год) (§ 18 Einkommensteuergesetz 1988 [32]), а также из налогов на наследство и дарение – в сумме пожертвований на религиозные цели таким объединениям; также граждане Австрии имеют право на освобождение от налогов на наследование сумм, предназначенных для «поддержания памяти или исцеления души получателя или его близких», денежных пожертвований и имущества, переданного церквям и иным признанным религиозным организациям (§ 8, 15 Закона о налоге на наследство и дарение 1955 г. [33]). Во Франции предусмотрен налоговый вычет в размере 66% от суммы пожертвований и платежей в пользу религиозных объединений, но не более 20% от налогооблагаемого дохода (ст. 200 Налогового кодекса Франции [28]).

В целом указанные формы налоговой поддержки также можно отнести к преференциальным. При этом именно законодательное регулирование – наличие устойчивых юридических гарантий – и отсутствие встречных обязательств со стороны религиозных объединений, иных организаций и граждан, участвующих в осуществлении «религиозной» деятельности, позволяет судить о достаточной защищенности свободы вероисповедания от вмешательства со стороны государства, его органов, включая фискальные.

Особый интерес в контексте форм материального обеспечения религиозных объединений представляет система институтов по материальной поддержке католического духовенства в Италии, также косвенно затрагивающая вопрос церковного налогообложения. Эта негосударственная система формируется католической церковью, но с государственным участием: состоит из институтов по поддержанию духовенства, учреждаемых на уровне епархий и Центрального института по поддержанию духовенства (interdiocesano), которые возглавляются Итальянской епископской конференцией и приобретают правосубъектность и статус юридического лица на основании декрета соответствующего министра. Минимум одна треть совета директоров таких институтов формируется из представителей, назначаемых епархиальным духовенством на выборной основе. Эта система заменила государственное финансирование католической церкви. В соответствии с нормами канонического права Итальянская епископская конференция периодически определяет размер адекватного и достойного обеспечения духовенства, выполняющего службу в пользу епархии. Священники имеют право на получение вознаграждения за свою службу в установленном объеме (причем с этих средств удерживаются налоги).

Если доходы конкретного епархиального института поддержки духовенства (от управления имуществом, пожертвований, от Центрального института) недостаточны для обеспечения того, чтобы каждый священник получал вознаграждение в устанавливаемом Итальянской епископской конференцией размере, они запрашивают у Центрального института недостающую сумму, любые излишки передают институту. Доход Центрального института поддержки духо-

венства в основном состоит из пожертвований и сумм, которые ежегодно выделяет Итальянская епископская конференция. В свою очередь, Итальянская епископская конференция ежегодно получает от государства часть средств, собранных в качестве подоходного налога с физических лиц (часть от суммы, равная восьмой части от подоходного налога на каждую тысячу граждан (IRPEF)). Каждый налогоплательщик – физическое лицо – в Италии вправе выбрать направление расходования некоторой части своего налога: она может быть передана им в государственное управление для социальных нужд (для чрезвычайных мер по борьбе с голодом в мире, стихийными бедствиями, помощи беженцам, по сохранению культурного наследия, реструктуризации, безопасности, сейсмической безопасности и энергоэффективности объектов государственной собственности, для школьного образования – цель налогоплательщик также выбирает сам) или предназначена для религиозных целей католической церкви (для религиозных нужд, для материальной поддержки духовенства, благотворительных целей внутри государства или стран третьего мира) либо некоторым другим религиозным организациям (действующим на основе специального договора с Итальянской Республикой). Свой выбор налогоплательщик отражает в годовой налоговой декларации. В случае если выбор не сделан, при расчете его часть налога распределяется пропорционально для всех указанных целей. Высчитав часть налога, предназначенную для католической церкви, государство впоследствии передает ее Итальянской епископской конференции. При этом государство сохраняет за собой право сокращать размер (т.е. общую сумму, которую составит восьмая часть от подоходного налога на каждую тысячу человек (IRPEF), предназначенную налогоплательщиками для социальных или религиозных целей). Например, в 2015 г. она была снижена на 10 млн евро; следовательно, начиная с 2016 г. сократилась и доля для Итальянской епископской конференции (ст. 47 и др. L. 20 maggio 1985, n. 222 Disposizioni sugli enti e beni ecclesiastici in Italia e per il sostentamento del clero cattolico in servizio nelle diocesi [12]).

Государства могут использовать и иные (*прямые*) формы финансирования отдельных, как правило, имеющих массовое распространение, религиозных общин. Так, Австрийская Республика осуществляет такую поддержку в отношении некоторых признанных религиозных объединений – церквей, исторически имевших особое значение в государстве, традиционно представляющих значительную часть верующего населения Австрии. Эти отношения регулируются посредством заключения специальных договоров с органами церкви или принятия специальных законов. Например, согласно ст. 2 Договора между Святым Престолом и Австрийской Республикой от 1960 г. «Об урегулировании имущественных отношений», с учетом внесенных изменений, Австрийская Республика ежегодно выплачивает католической церкви определенную сумму (с 2009 г. – 17 295 000 евро), а также эквивалент вознаграждения для 1 250 церковных служащих, исчисляемый на основе средней заработной платы государственных служащих определен-

ной категории [34]; § 20 Закона Австрии от 06.07.1961 «О внешних правовых отношениях евангелической церкви» предусматривает ежегодное выделение Евангелической церкви грантов из средств федерального бюджета Австрии в размере 1 113 000 евро, а также эквивалент вознаграждения 81 церковного служащего, исчисляемый на основе средней заработной платы государственных служащих определенной категории [35]. В ряде земель ФРГ также имеют место договоры, заключенные с отдельными религиозными общинами, которые позволяют последним получить право на государственные ежегодные субсидии в установленном объеме (ст. 13 Договора свободного государства Тюрингия с евангелическими церквями в Тюрингии 1994 г. [9] и др.).

Указанные формы государственной поддержки можно отнести к комплексной группе – патронажно-преференциальной. В контексте юридического содержания, с одной стороны, договорный (или законодательно-договорный) способ их регламентации предполагает минимизацию факторов «несветского» воздействия государства на деятельность соответствующих религиозных объединений. С другой стороны, вызывает вопрос официальная интерпретация самой характеристики светского государства, допускающая избирательный подход к предоставлению возможности получения финансовой поддержки со стороны государства, который не предполагает равных возможностей претендовать на нее для всех (хотя бы признанных) конфессий. Думается, в указанных условиях – фактического признания конфессионально-правового неравенства – действенной юридической гарантией, направленной на минимизацию правозащитных рисков в отношении свободы вероисповедания, могла бы выступить обязательная грантовая форма государственной поддержки религиозных объединений с соотносимыми статусными характеристиками.

К смешанной патронажно-преференциальной категории форм государственно-конфессиональной поддержки прямого характера можно отнести и примеры *инфраструктурного обеспечения* в отношении религиозных объединений. К примеру, законодательством Турции предусмотрены льготы по оплате электроэнергии, используемой для освещения мест поклонения (ст. 6 глава 6 ELEKTRİK PİYASASI KANUNU от 14.03.2013 № 6446 [36]). Законодательство некоторых земель в Германии устанавливает дополнительные гарантии в сфере радиовещания для отдельных религиозных объединений. Так, в Тюрингии евангелическим и католическим церквям, еврейским общинам по желанию предоставляется соответствующее время вещания в программах радиовещания для передачи богослужебных мероприятий и торжеств, а также других религиозных передачах, в том числе по вопросам их общественной ответственности. Интересы других религиозных общин, являющихся субъектами публичного права, также могут быть учтены в указанном аспекте (ч. 3,4 §11 DRadioStVtrG TH vom 22.12.1993 [37]). Соотносимые по предмету гарантии предусмотрены и в земле Баден-Вюртемберг (ст. 14 Закона о евангелическом церковном договоре Баден-Вюртемберг и соглашение

Баден-Вюртемберг с Римско-католической церковью 2008 г. [38]).

В качестве косвенной формы поддержки деятельности религиозных объединений можно рассматривать некоторые модели правового регулирования религиозного компонента системы общего образования в государственных и (или) муниципальных образовательных учреждениях [39]. При этом анализ таких моделей, к примеру, в рамках конфессиональной и неконфессиональной форм религиозного образования, позволяет судить о наличии в практике современных светских государств преимущественно комплексных по юридическому содержанию форм соответствующей поддержки конфессий, сочетающих патронажные, преференциальные, паритетного взаимодействия и другие их разновидности. Соответственно, в зависимости от степени превалирования той или иной из них увеличивается либо уменьшается степень правозащитных рисков в отношении свободы вероисповедания, что требует особого внимания и сбалансированного подхода к правовому регулированию сферы образования со стороны государства в рассматриваемом аспекте.

В числе гарантий реализации свободы вероисповедания, которые преимущественно следует отнести к косвенным формам поддержки религиозных организаций, многие страны используют институт *духовной поддержки (душепопечительства)*. В основном он представлен на военной службе, в медицинских учреждениях, учреждениях призрения и исполнения наказаний. Роль светского государства в функционировании такого института обычно состоит в создании необходимых условий, возможных в силу специфики учреждения, для исполнения религиозных обрядов, доступа священнослужителя к верующим, проходящим военную службу или службу в правоохранительных органах, осужденным, находящимся в местах лишения свободы, пациентам – в медицинских учреждениях. На военной службе (как и другой государственной) эту функцию выполняют, как правило, капелланы. Обычно это «рукоположенные» священники или иные представители религиозных организаций, на которых возложена эта функция [40. С. 28–29]. Так, во Франции при общем запрете государственного и муниципального финансирования на культовые цели допускается включение в государственный или муниципальный бюджет расходов, связанных с обслуживанием капеллана и обеспечением свободного отправления культов в государственных учреждениях, таких как лицеи, колледжи, школы, хосписы, приюты и тюрьмы. Административным регламентам Министерства юстиции Тюрингии определены правила службы для протестантских и католических конфессий в исправительных учреждениях земли Тюрингия. Эти правила строятся на основе взаимодействия сотрудников учреждения исполнения наказаний и представителей соответствующих церквей при осуществлении последними функции душепопечения, но при условии приоритетного соблюдения правил распорядка и отбывания наказаний в указанных учреждениях [41]. В ряде стран капелланы могут находиться на военной службе, занимать военные должности, в по-

следнем случае – иметь двойное подчинение (например, в Австрии [40. С. 28–29], Франции [42]). Так, во Франции капелланы – это военнослужащие, проходящие службу по контракту. На них распространяются положения, применимые к офицерам. Главные военные капелланы назначаются министром обороны из числа кандидатов, предложенных религиозными объединениями в соответствии с правилами последних. Остальные капелланы назначаются министром обороны по предложению главного военного капеллана. Военные капелланы оказывают религиозную поддержку военнослужащим обороны и военнослужащим национальной жандармерии, которые выразили на это свое желание. Главный военный капеллан организует и контролирует деятельность капелланов своего культа и обеспечивает связь между военными и религиозными властями. Он – личный советник начальника штаба армий [42].

По юридическому содержанию указанную форму государственной поддержки можно отнести к патронажной категории со всеми присущими ей правозащитными рисками, где одним из ключевых выступает невозможность (либо нежелание) со стороны государства создать равные условия для доступа всех (или хотя бы признанных) конфессий в соответствующие специальные учреждения (либо к соответствующей категории верующих) с особым правовым статусом. Относительно капелланов, одновременно находящихся в статусе священнослужителя и военнослужащего, также наличествует риск «подмены» отдельных элементов компетенционной составляющей. В этом случае способом нивелирования должно выступить четкое нормативное разграничение их «религиозных» и служебных полномочий, не допускающее смешения или взаимозамены, использования одних с целью реализации других.

Следует особо отметить, что законодательство некоторых стран допускает передачу отдельных государственных полномочий по регистрации актов гражданского состояния органам религиозных объединений. Так, полномочия по регистрации брака в Турции могут быть делегированы соответствующим государственным органом, помимо других должностных лиц государства, а также муфтиям (исламским духовным лицам) провинций и округов (ст. 22 NÜFUS HİZMETLERİ KANUNU 25.04.2006 № 5490 [43]). В соответствии со специальными соглашениями, заключаемыми между государством и руководящими органами отдельных религиозных конфессий, Итальянская Республика признает браки, заключенные по религиозным нормам, в случае их регистрации в установленном порядке в муниципальных органах (ст. 14 L. 8 marzo 1989, n. 101 Norme per la regolazione dei rapporti tra lo Stato e l'Unione delle Comunità ebraiche italiane [44], ст. 11 L. 11 agosto 1984, n. 449 Norme per la regolazione dei rapporti tra lo Stato e le chiese rappresentate dalla Tavola valdese [45], ст. 13 L. 29 novembre 1995, n. 520 Norme per la regolazione dei rapporti tra lo Stato e la Chiesa Evangelica Luterana in Italia (CELI) [31] и др.).

Указанный вариант государственной поддержки религиозных объединений, исходя из его юридиче-

ского содержания, можно отнести к форме замещения, по сути, схожей с делегированием (передачей) отдельных полномочий между уровнями организации публичной власти в государстве. По своему содержанию данная форма близка к форме паритетного взаимодействия, предполагает формально-юридическую определенность (конкретизированность) и достаточную гарантированность свободы вероисповедания, при условии, что государство в лице компетентных органов не будет осуществлять контроль за исполнением переданных религиозным объединениям полномочий (как при делегировании). Однако и здесь имеет место риск необеспечения равных условий доступа к реализации публичных функций для последних со стороны государства, особенно в контексте наличия территорий преимущественного проживания представителей одной конфессии, которая соответствующим правомочием не наделяется (по сути, лишь по желанию профильных государственных органов).

В свою очередь, одной из традиционных форм косвенной поддержки религиозных объединений со стороны государства можно считать установление конкретных юридических гарантий осуществления свободы вероисповедания, адресованных как непосредственно верующим, так и опосредованно – конфессиям. При этом, исходя из способа правового регулирования, можно выделить две разновидности таких форм – позитивного и негативного гарантирования.

К первой подгруппе можно отнести гарантии соблюдения (проведения) религиозных обрядов в дни основных религиозных праздников, признанных государством религиозных общин. Так, в Италии работник в такой период, как правило, имеет право получить выходной за счет отпуска или посредством использования возможностей гибкого графика рабочего времени; рекомендуется не планировать на это время испытания в образовательных учреждениях или предоставить учащимся возможность пройти испытания в другое время (ст. 3,4 L. 8 marzo 1989, n. 101 Norme per la regolazione dei rapporti tra lo Stato e l'Unione delle Comunità ebraiche italiane [44]). В ФРГ воскресенье и признанные государством церковные праздники «охраняются» законами земель, например, в Баварии, как выходные дни и дни душевного подъема (ст. 2 Ev/KathKiVG BW 2008 г. [30]). Законодательство Австрии содержит защитные гарантии от воспрепятствования в дни религиозных праздников проведению богослужений в храмах и торжественных мероприятий религиозного характера (Art. 13 Regelung der interkonfessionellen Verhältnisse der Staatsbürger 1868 [46]), по «соблюдению тишины» на прилегающей к храмам территории (§ 10. Gesetz vom 21. März 1890, betreffend die Regelung der äußeren Rechtsverhältnisse der israelitischen Religionsgesellschaft (Äußere Rechtsverhältnisse der Israeliten) [47]; § 20. Bundesgesetz über die äußeren Rechtsverhältnisse islamischer Religionsgesellschaften (Islamgesetz 2015) [48] и др.). Ряд исламских праздников считаются государственными в Турции (ст. 1 ULUSAL BAYRAM VE GENEL TATİLLER HAKKINDA KANUN 17.03.1981 № 2429 [49]). Также для религиозных объединений могут быть упрощены отдельные административные

процедуры, например, организация публичных мероприятий (ст. 25 Закона от 09.12.1905 о разделении церкви и государства [5]; ч. 2. ст. 1 Венского закона о публичных мероприятиях 1971 г. [50]).

Относительно второй группы – негативного гарантирования – можно отметить, что уголовное и административное законодательство многих стран предусматривает ответственность за публичное оскорбление вероисповедания человека, публичное уничтожение или оскорбление объектов религиозного назначения, воспрепятствование проведению религиозных церемоний (ст. 402–405 Уголовного кодекса Италии [51]), публичное унижение, издевательство над лицом или вещью, являющимися предметом поклонения церкви или религиозного общества, или вероучения, обычая или установления такой церкви или религиозного общества (§ 188–189 Уголовного кодекса Австрии [52]). Уголовный кодекс Турции в ст. 153 предусматривает ответственность за осквернение, уничтожение и повреждение мест поклонения; причем указанные действия образуют квалифицированный состав и наказываются строже, если осуществлялись в целях оскорбления верующих [53].

В целом указанные формы государственно-конфессиональной поддержки можно признать наименее подверженными рискам в контексте осуществления свободы совести и вероисповедания в силу их формально-юридической определенности, как правило, посредством системного закрепления на законодательном уровне. А проблемы их реализации могут быть сопряжены преимущественно с качеством законотворчества и правоприменительной практики.

Таким образом, оценивая юридическое содержание представленных и иных форм государственной поддержки религиозных объединений в зарубежных странах, можно прийти к выводу, что наиболее рискованными в части обеспечения свободы совести и вероисповедания выступают (в чистом виде) патронажная и преференциальная формы. При этом разнообразие государственно-конфессиональных отношений не позволяет выделить в качестве приоритетной какую-либо из менее рискованных форм. В данной связи оптимальным видится сбалансированное сочетание вариаций государственной поддержки – с акцентом на форме паритетного взаимодействия, ограниченно – преференциальной форме, а также формах замещения и прямого юридического гарантирования. При этом значимым условием эффективной реализации таких форм следует признать их системное закрепление в нормативных правовых (в первую очередь законодательных) актах общегосударственного уровня, а также рациональное сочетание с иными способами регламентации, прежде всего нормативно-договорного характера.

Между тем осуществление государственной поддержки религиозных общин (как правило, признанных) в целом имеет и обратную сторону. Нередко оно влечет за собой, в силу как субъективных, так и объективных факторов, фактическое государственное регулирование отдельных внутриконфессиональных (внутрицерковных) вопросов.

Так, в ФРГ создание церковных общин, иных религиозных объединений, в случае соответствия их установленным государством критериям, как правило, требует только уведомления соответствующих государственных органов; при этом создание учреждений и фондов указанных образований уже может иметь разрешительный порядок (ст. 7 Договора свободного государства Тюрингия с протестантскими церквями в Тюрингии 1994 г. [9]). Участие государства в управлении церковным налогом в лице региональных органов власти порождает необходимость публичного объявления в окружном суде о выходе из религиозной общины [54].

Турция провозглашает себя светским государством, однако, в силу исторических и политических причин, одна из признанных конфессий – ислам – обладает привилегированным положением, пользуясь большей поддержкой государства по сравнению с иными; при этом конфессия одновременно подвергается и достаточно сильному воздействию государства как в области религиозной догматики, форм распространения учения, так и в обрядовой сфере. Так, Конституцией Турецкой Республики [55] в ст. 136 прямо предусмотрен специальный орган по вопросам религии – Управление по делам религии, который является высшим органом по решению и консультированию президента страны по религиозным вопросам. Конституция подчеркивает особую историческую миссию, которая возложена на Управление по делам религии. Управление имеет статус государственного учреждения согласно принципам светского государства, проводит независимую от политики стратегию, стремится к народному единению и выполнению обязанностей, указанных в особом документе. Этот орган занимается вопросами развития исламской науки, основами исламского вероисповедания и морали, популяризацией ислама (определенного течения) в стране и за ее пределами, содействует изучению ислама, учреждает мечети и иные места для поклонения, оказывает услуги религиозного характера (например, занимается организацией паломнических туров). Наряду с этим он наделяется и рядом административных функций, связанных с исповеданием ислама. В частности, осуществляет официальную публикацию и санкционирует опубликование частными лицами некоторых видов исламской религиозной литературы, например текстов Корана, может запретить отдельные публикации, обратиться в соответствующий государственный орган с требованием о блокировке такой информации в сети Интернет [56]. Примечательно, что деятельность данного органа финансируется государством; предусматривается также формирование специальных фондов, в частности религиозного фонда, частично пополняемого из государственного бюджета и освобожденного от уплаты налогов.

Церковь Англии, имея определенные полномочия законодательного характера (акты Генерального Синода – представительного органа Церкви Англии, принятые в пределах его компетенции, т.е. по любым вопросам, касающимся Церкви Англии, имеют значение актов парламента), подвергается гораздо большему государственному влиянию, чем другие религиоз-

ные образования в Великобритании, в том числе в области внутрицерковных вопросов. Так, указанные выше решения Генерального Синода подлежат парламентскому контролю со стороны специального комитета, состоящего из членов парламента, который оценивает правовые последствия этих решений, целесообразность, влияние на состояние конституционных прав граждан [57]. Решения утверждаются королевой [58]. Также монархом назначаются некоторые из высших должностных лиц указанной церкви.

Создавая дополнительные гарантии для отдельных религиозных конфессий, концептуально направленные на обеспечение свободы вероисповедания, государство прямо или косвенно воздействует на свободу совести личности, нередко нивелируя уже ее гарантированность, что порождает правовые конфликты. К примеру, в ФРГ допускается совместная уплата налогов супругами; применительно к церковному налогу это часто вызывало определенные споры, когда членом церкви был только один из супругов, причем не имеющий самостоятельного дохода. До внесения изменений в налоговое законодательство земель церковный налог фактически взимался с обоих, что впоследствии было признано нарушением права на свободу совести супруга, который не относится к конфессии, в пользу которой взимается налог [15].

В свою очередь, государственные гарантии в области обязательного религиозного образования в государственных (муниципальных) образовательных учреждениях зачастую требуют от учащегося, реализующего, в силу своих религиозных и иных мировоззренческих взглядов, право отказа от посещения дисциплин, имеющих конфессиональное содержание, сообщить о таких убеждениях публично, что находится на грани незаконного ограничения права на свободу совести [39. С. 239].

Таким образом, многообразие форм государственной конфессиональной поддержки в зарубежных странах отнюдь не означает единство их интерпретации и признания, обоснованность и эффективность реализации, особенно в контексте оценки правозащитных рисков [24], применительно к свободе совести и вероисповедания. Причем ключевыми рисками здесь следует признать фактическое участие государства в управлении делами церкви (конфессии), а также косвенное регулятивное («несветское») воздействие государственной власти на реализацию свободы вероисповедания посредством организационно-управленческих, финансовых, бюджетных, налоговых и других инструментов.

Следует отметить, что большинство заявленных форм государственной поддержки религиозных объединений реализовано и в России, причем чаще всего используются формы косвенного характера, а с позиций юридического содержания преобладают такие их категории, как преференциальная, паритетная взаимодействия и прямого юридического гарантирования. Однако отечественная законодательная и правоприменительная практика в области данного сегмента государственно-конфессиональных отношений обладает своей спецификой, в первую очередь с позиций позитивистской концепции регулирования обще-

ственных отношений. Это выражается в достаточно детальной нормативной правовой регламентации фокусной группы государственно-конфессиональных отношений [8, 59, 60], что в сравнении с зарубежными светскими странами можно признать в целом положительным опытом – установлены относительно системные и конкретные юридические гарантии осуществления свободы вероисповедания. Между тем детальное правовое регулирование не всегда является эффективным с точки зрения правоприменения, на что указывает значительный объем неоднозначной и разрозненной судебной практики [61–63]. В данной связи, в контексте стремления к минимизации право-защитных рисков в сфере применения различных форм государственной поддержки религиозных объединений, результаты анализа соответствующей практики зарубежных стран могут выступить в качестве основы для выработки тенденций и фактической законодательной и правоприменительной оптимизации исследуемых форм поддержки в Российской Федерации.

Резюмируя, следует отметить, что светский характер государства отнюдь не исключает применение тех или иных форм поддержки религиозных общин разных конфессий. При этом представляется важным, чтобы меры поддержки были направлены именно на обеспечение соответствующего права граждан, а не искусственного приоритета той или иной конфессии. Необходимо здесь соблюсти баланс публичных (государственных и общественных), коллективных (например, религиозных сообществ) и индивидуальных интересов граждан. Зарубежный опыт государственно-конфессиональной поддержки свидетельствует о возможности в силу ряда исторических причин, религиозных предпочтений значительного количества населения предусмотреть особый правовой статус для отдельных религиозных объединений, но при этом не в ущерб правам других субъектов и интересам государства. Однако обязательным условием в данной связи должно выступать обеспечение со стороны государства неприкосновенности и равноценного осуществления свободы совести и вероисповедания представителями других конфессий и неверующих (атеистов).

Особого внимания заслуживает и тот факт, что большинство современных светских государств постепенно отказывается от прямого финансирования религиозных объединений, предпочитая косвенные формы поддержки, включая содействие социально значимой деятельности религиозных объединений, государ-

ственное участие в сохранении и ремонте культовых объектов, имеющих историческую, культурную и иную социальную ценность. Но чем выше уровень государственной поддержки и приоритетность для государства конкретных конфессий, тем больше возможностей легального государственного вмешательства во внутри-церковные дела, что не в полной мере соответствует принципам светского государства. Причем даже после активных процессов секуляризации, приобретения устойчивых признаков светскости в государственной политике такие институты (атавизмы, часто фактически не выполняющие реальных функций, но теоретически обладающие ими) могут сохраняться в государстве достаточно долго.

Современное государство в процессе длительного развития пришло к осознанию значимости принципа разделения церкви и государства, оценило перспективы сотрудничества с различными религиозными объединениями в решении сложных социальных проблем, старается, по крайней мере на декларируемом уровне, действовать конфессионально нейтрально. От прямой государственной поддержки в определенный момент осознанно отказались и крупнейшие религиозные конфессии. Отчасти это было обусловлено возросшим социальным запросом на внутреннюю свободу личности, светские ценности, на которые церковь как институт общества должна была отреагировать. С другой стороны, был накоплен и негативный опыт существования зависимой от государства церкви, государственного вмешательства в дела веры, а в некоторых случаях – и в развитие религиозной мысли. Часто тесная связь государства оборачивалась фактически огосударствлением религиозных институтов, низведением служителей церкви до статуса чиновников бюрократического аппарата. В критические моменты это оборачивалось потерей религиозными объединениями социальной базы – поддержки со стороны населения, что представляет существенную опасность для любой конфессии.

Таким образом, имеются достаточные основания полагать, что в конфессиональной политике светского государства важно придерживаться фактической сущности принципов светскости, тем более что модели их реализации могут быть различны и позволяют учитывать исторический опыт и особенности социальной структуры общества, его политические, национальные, конфессиональные особенности, а не ограничиваться формальным декларированием таковых на законодательном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 декабря.
2. Ivanova O.S., Chalykh I.S., Guseva A.A., Skorohodov S.S., Protoporova V.A. Current trends in state and legal regulation of the religious component in education // Amazonia Investiga. 2018, Enero-Junio. Vol. 7, № 12. P. 166–171.
3. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : проект закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7> (дата обращения: 10.03.2020).
4. Corte Costituzionale Sent. 203/1989. URL: http://presidenza.governo.it/USRI/ufficio_studi/scuola.html (дата обращения: 22.12.2019).
5. Loi du 9 décembre 1905 concernant la séparation des Eglises et de l'Etat. URL: <https://beta.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 12.01.2020).
6. Loi du 2 janvier 1907 concernant l'exercice public des cultes. URL: <https://beta.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 12.01.2020).
7. Redundant Churches and Other Religious Buildings Act 1969. URL: <https://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 16.01.2020).

8. О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности : федеральный закон от 30.11.2010 № 327-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Российская газета. 2010. 3 дек.
9. Vertrag des Freistaats Thüringen mit den Evangelischen Kirchen in Thüringen vom 17. Mai 1994. URL: <http://landesrecht.thueringen.de> (дата обращения: 18.01.2020).
10. EvKiVtr BE 2006. URL: <http://gesetze.berlin.de> (дата обращения: 18.01.2020).
11. The Grants to the Churches Conservation Trust Order 2016 STATUTORY INSTRUMENTS. URL: <http://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 16.01.2020).
12. Legge 20 maggio 1985, n. 222 Disposizioni sugli enti e beni ecclesiastici in Italia e per il sostentamento del clero cattolico in servizio nelle diocesi. URL: <https://www.normattiva.it> (дата обращения: 22.12.2019).
13. Legge 22 dicembre 1973, n. 903 Istituzione del Fondo di previdenza del clero e dei ministri di culto delle confessioni religiose diverse dalla cattolica e nuova disciplina dei relativi trattamenti pensionistici. URL: <https://www.normattiva.it> (дата обращения: 22.12.2019).
14. Decreto 26 luglio 2019 in G.U. 23/09/2019, n. 223. URL: <https://www.normattiva.it> (дата обращения: 22.12.2019).
15. Постановление Европейского Суда по правам человека от 06.04.2017 по делу «Кляйн и другие против Германии (Klein and Others v. Germany)» (жалоба № 10138/11). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-187959> (дата обращения: 20.01.2020).
16. Das Grundgesetz (GG). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de> (дата обращения: 18.01.2020).
17. Закон о сборе налогов в счет церкви и других религиозных общин в земле Бранденбург от 18.12.2008 (BbgKiStG). URL: <https://bravors.brandenburg.de/gesetze/bbgkistg> (дата обращения: 18.01.2020).
18. Закон о сборе налогов в счет церкви, других религиозных обществ и мировоззренческих общин в Свободном ганзейском городе Бремен от 23.12.1974. URL: https://www.transparenz.bremen.de/vorschrift_detail/bremen2014_tp.c.74489.de (дата обращения: 18.01.2020).
19. Закон о сборе налогов за счет публично-правовых религиозных общин в Баден-Вюртемберг от 15.06.1978. URL: http://www.landesrecht-bw.de/jportal/portal/t/mxq/page/bsbawueprod.psml?pid=Dokumentanzeige&showdoccase=1&js_pid=Trefferliste&documentnumber=7&numberofresults=118&fromdoctodoc=yes&doc.id=jlr-KiStGBW1978V11P5&doc.part=X&doc.price=0.0&doc.hl=1#focuspoint (дата обращения: 18.01.2020).
20. Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik über die Herstellung der Einheit Deutschlands (Einigungsvertrag) Anlage II Kap IV I Anlage II Kapitel IV Abschnitt I Vom 31.08.1990. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/einigvtr/anlage_ii_kap_iv_i.html (дата обращения: 18.01.2020).
21. Gesetz über die Erhebung von Steuern durch öffentlich-rechtliche Religionsgemeinschaften im Land Berlin Vom 4. Februar 2009. URL: http://gesetze.berlin.de/jportal/portal/t/yf2/page/bsbeprod.psml?pid=Dokumentanzeige&showdoccase=1&js_pid=Trefferliste&documentnumber=1&numberofresults=1&fromdoctodoc=yes&doc.id=jlr-KiStGBE2009rahmen&doc.part=X&doc.price=0.0&doc.hl=1#focuspoint (дата обращения: 18.01.2020).
22. Gesetz über die Erhebung von Steuern durch Kirchen, andere Religionsgemeinschaften und Weltanschauungsgemeinschaften in der Freien Hansestadt Bremen Vom 23.12.1974. URL: https://www.transparenz.bremen.de/vorschrift_detail/bremen2014_tp.c.74489.de (дата обращения: 18.01.2020).
23. Gesetz über die Erhebung von Kirchenbeiträgen im Lande Österreich. URL: <https://www.ris.bka.gv.at> (дата обращения: 21.01.2020).
24. Новикова А.Е. Риск как объект конституционно-правовой науки. М. : Издательский дом «Юр-ВАК», 2019. 98 с.
25. Bundesgesetz über allgemeine Bestimmungen und das Verfahren für die von den Abgabenbehörden des Bundes, der Länder und Gemeinden verwalteten Abgaben (Bundesabgabenordnung – BAO). URL: <https://www.ris.bka.gv.at> (дата обращения: 21.01.2020).
26. Tiroler Aufenthaltsabgabengesetz 2003. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/Lr-Tirol> (дата обращения: 21.01.2020).
27. Wiener Sportförderungsbeitragsgesetz 2012. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/Lr-Wie> (дата обращения: 21.01.2020).
28. Code général des impôts. URL: <https://beta.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 12.01.2020).
29. Dritter Abschnitt Abgabenordnung 16.03.1976. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de> (дата обращения: 18.01.2020).
30. Ev/KathKiVG BW 2008. URL: <http://www.landesrecht-bw.de> (дата обращения: 19.01.2020).
31. Legge 29 novembre 1995, n. 520 Norme per la regolazione dei rapporti tra lo Stato e la Chiesa Evangelica Luterana in Italia (CELI). URL: <https://www.normattiva.it> (дата обращения: 24.12.2019).
32. Einkommensteuergesetz 1988. URL: <https://www.ris.bka.gv.at> (дата обращения: 21.01.2020).
33. Bundesgesetz vom 30. Juni 1955, betreffend die Erhebung einer Erbschafts- und Schenkungssteuer (Erbschafts – und Schenkungssteuergesetz 1955). URL: <https://www.ris.bka.gv.at> (дата обращения: 21.01.2020).
34. Vertrag Zwischen Dem Heiligen Stuhl Und Der Republik Österreich Zur Regelung Von Vermögensrechtlichen Beziehungen 1960. URL: <https://www.ris.bka.gv.at> (дата обращения: 21.01.2020).
35. Bundesgesetz vom 6. Juli 1961 über äußere Rechtsverhältnisse der Evangelischen Kirche. URL: <https://www.ris.bka.gv.at> (дата обращения: 21.01.2020).
36. Elektrik Piyasasi Kanunu от 14.03.2013 № 6446. URL: <https://mevzuat.gov.tr> (дата обращения: 23.01.2020).
37. DRadioStVtrG TH vom 22.12.1993. URL: <http://landesrecht.thueringen.de> (дата обращения: 19.01.2020).
38. Gesetz zu dem Evangelischen Kirchenvertrag Baden-Württemberg und zu der Römisch-katholischen Kirchenvereinbarung Baden-Württemberg Vom 8. Januar 2008. URL: <http://www.landesrecht-bw.de> (дата обращения: 19.01.2020).
39. Черкасов К.В., Иванова О.С., Чалых И.С. Модели государственного регулирования религиозного компонента общего образования: российский и зарубежный опыт // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 237–247.
40. Государства и религии в Европейском Союзе (опыт государственно-конфессиональных отношений) / сост. Г. Робберс; под ред. М.А. Воскресенского, А.А. Красикова, Р.Н. Лункина, Р.А. Подопригоры, Л.С. Симкина, И.А. Шалобиной. М. : Институт Европы РАН, ТЦ Юнеско, 2009. 720 с.
41. Dienstordnung für die evangelischen und katholischen Anstaltsseelsorger/innen in den Justizvollzugsanstalten des Freistaates Thüringen 01.11.1994 № 2412-4-1/94. URL: <http://landesrecht.thueringen.de> (дата обращения: 19.01.2020).
42. Décret n 2008-1524 du 30 décembre 2008 relatif aux aumôniers militaires. URL: https://beta.legifrance.gouv.fr/loda/texte_lc/LEGITEXT000020076584 (дата обращения: 12.01.2020).
43. Nüfus Hizmetleri Kanunu 25.04.2006 № 5490. URL: <https://mevzuat.gov.tr> (дата обращения: 23.01.2020).
44. Legge 8 marzo 1989, n. 101 Norme per la regolazione dei rapporti tra lo Stato e l'Unione delle Comunità ebraiche italiane. URL: <https://www.normattiva.it> (дата обращения: 24.12.2019).
45. Legge 11 agosto 1984, n. 449 Norme per la regolazione dei rapporti tra lo Stato e le chiese rappresentate dalla Tavola valdese. URL: <https://www.normattiva.it> (дата обращения: 24.12.2019).
46. Regelung der interkonfessionellen Verhältnisse der Staatsbürger 1868 г. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/bundesrecht> (дата обращения: 21.01.2020).
47. Gesetz vom 21. März 1890, betreffend die Regelung der äußeren Rechtsverhältnisse der israelitischen Religionsgesellschaft (Äußere Rechtsverhältnisse der Israeliten). URL: <https://www.ris.bka.gv.at/Bundesrecht> (дата обращения: 21.01.2020).
48. Bundesgesetz über die äußeren Rechtsverhältnisse islamischer Religionsgesellschaften (Islamgesetz 2015). URL: <https://www.ris.bka.gv.at/Bundesrecht> (дата обращения: 21.01.2020).
49. Ulusal Bayram ve Genel Tatiller Hakkında Kanun 17.03.1981 № 2429. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr> (дата обращения: 23.01.2020).

50. Gesetz über die Regelung des Veranstaltungswesens (Wiener Veranstaltungsgesetz) 1971 г. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/Lr-Wien> (дата обращения: 21.01.2020).
51. Codice Penale REGIO DECRETO 19 ottobre 1930, n. 1398. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:regio.decreto:1930-10-19;1398> (дата обращения: 24.12.2019).
52. Bundesgesetz vom 23. Jänner 1974 über die mit gerichtlicher Strafe bedrohten Handlungen (Strafgesetzbuch – StGB). URL: <https://www.ris.bka.gv.at> (дата обращения: 21.01.2020).
53. Türk Ceza Kanununda 26.09.2004 № 5237. URL: <https://mevzuat.gov.tr> (дата обращения: 23.01.2020).
54. KiAustrG BE 1979. URL: <http://gesetze.berlin.de> (дата обращения: 19.01.2020).
55. Конституция Турции. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=84> (дата обращения: 19.01.2020).
56. Diyanet İşleri Başkanlığı Kuruluş ve Görevleri Hakkında Kanun 22.06.1965 № 633. URL: <https://mevzuat.gov.tr> (дата обращения: 23.01.2020).
57. Church of England Assembly (Powers) Act 1919. URL: <http://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 16.01.2020).
58. Synodical Government Measure 1969. URL: <http://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 16.01.2020).
59. О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
60. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
61. Определение Верховного Суда РФ от 27.05.2019 № 310-ЭС19-7798 по делу № А14-16798/2016 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.12.2019).
62. Определение Верховного Суда РФ от 14.02.2018 № 367-ПЭК17 по делу № А40-67333/2016 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.12.2019).
63. Определение Верховного Суда РФ от 22.08.2017 № 308-КГ17-9780 по делу № А53-34447/2015 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.12.2019).

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 мая 2020 г.

State Support of Religious Associations in the Modern Secular State: Foreign Experience of Legal Regulation and Law Enforcement

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 256–268.

DOI: 10.17223/15617793/462/31

Konstantin V. Cherkasov, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation); All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of the Russian Federation) (Moscow, Russian Federation); Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

Olga S. Ivanova, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: ktgp@syktsu.ru

Irina S. Chalykh, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: kgpd@syktsu.ru

Keywords: religious association; religion; community; forms of state support; measures; legal regulation; freedom of conscience and religion; guarantees.

The article presents the results of an analysis of foreign experience of the legal regulation and the implementation of state support of religious associations in modern secular states in the context of variability of forms and measures of such support, which allow their systematization. The choice of the topic of the article is due to the existence of a complex contradiction in the relationship between the traditional understanding of the secular state characteristic and the practice of providing state support for individual religious denominations, the legally unequal availability of access to support, as well as the risk of actual state interference in the administration of church (denomination) affairs when implementing certain measures of state support. The aim of the research was to substantiate the optimal approach to the definition, legal regulation and implementation of forms and measures of state-confessional support in the modern secular state, prioritizing freedom of conscience and religion and minimizing human rights risks. In order to achieve it, the authors carried out a legalistic analysis of the focused law-making and law-enforcement practices of several foreign countries, which recognize themselves as secular but are distinguished by historical traditions, national, political, social and confessional features; emphasis was placed on systematizing the forms and measures of such support, as well as the most debating aspects of the issue. Also, the following methods of scientific knowledge were used in the research: universal (dialectical, formal logic, systemic, analysis, synthesis, classification) and specific (interpretation of law, comparative law, statistical). The research justifies that the secular nature of the state does not exclude the use of certain forms of support for various confessional communities. However, such support measures should ideally be aimed at ensuring the freedom of conscience and religion of citizens and their associations, rather than the artificial priority of a particular denomination. At the same time, it is necessary to observe the balance of public, collective and individual interests of subjects of confessional relations. The research is based on actual data on the provision of direct and indirect state support to religious associations. However, there are their derivative, alternative, authentic versions, the essence, secular and legal content of which are not always clearly positive. In this regard, an alternative classification of forms and measures of state-confessional support has been carried out – according to the legal content, the results of which allowed assessing the degree of their human rights risk, highlighting permissible and optimal combinations in this aspect. Considering that most of the forms and measures that have been studied are also implemented in Russia, the conclusions and recommendations, presented on the basis of foreign experience, can serve as a basis for an appropriate legislative and law enforcement optimization in the modern Russian state.

REFERENCES

1. *Rossiyskaya gazeta*. (1998) Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka (prinyata General'noy Assambleey OON 10.12.1948) [Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948)]. 10 December.
2. Ivanova, O.S. et al. (2018) Current trends in state and legal regulation of the religious component in education. *Amazonia Investiga*. 7 (12). pp. 166–171.
3. Russian Federation. (2020) *On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities: The draft law of the Russian Federation on an amendment to the Constitution of the Russian Federation*. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7> (Accessed: 10.03.2020). (In Russian).
4. Italy. (1989) *Corte Costituzionale Sent. 203/1989*. [Online] Available from: http://presidenza.governo.it/USRI/ufficio_studi/scuola.html (Accessed: 22.12.2019).

5. France. (1905) *Loi du 9 décembre 1905 concernant la séparation des Eglises et de l'Etat*. [Online] Available from: <https://beta.legifrance.gouv.fr> (Accessed: 12.01.2020).
6. France. (1907) *Loi du 2 janvier 1907 concernant l'exercice public des cultes*. [Online] Available from: <https://beta.legifrance.gouv.fr> (Accessed: 12.01.2020).
7. UK. (1969) *Redundant Churches and Other Religious Buildings Act 1969*. [Online] Available from: <https://www.legislation.gov.uk> (Accessed: 16.01.2020).
8. *Rossiyskaya gazeta*. (2010) O peredache religioznykh organizatsiyam imushchestva religioznogo naznacheniya, nakhodyashchegosya v gosudarstvennoy ili munitsipal'noy sobstvennosti: federal'nyy zakon ot 30.11.2010 № 327-FZ (s posl. izm. i dop.) [On the transfer of state or municipal property to religious organizations for religious purposes: Federal Law No. 327-FZ of 30.11.2010 (with latest amendments and additions)]. 3 December.
9. Germany. (1994) *Vertrag des Freistaats Thüringen mit den Evangelischen Kirchen in Thüringen vom 17. Mai 1994*. [Online] Available from: <http://landesrecht.thueringen.de> (Accessed: 18.01.2020).
10. Germany. (2006) *EvKiVtr BE 2006*. [Online] Available from: <http://gesetze.berlin.de> (Accessed: 18.01.2020).
11. UK. (2016) *The Grants to the Churches Conservation Trust Order 2016. STATUTORY INSTRUMENTS*. [Online] Available from: <http://www.legislation.gov.uk> (Accessed: 16.01.2020).
12. Italy. (1985) *Legge 20 maggio 1985, n. 222 Disposizioni sugli enti e beni ecclesiastici in Italia e per il sostentamento del clero cattolico in servizio nelle diocesi*. [Online] Available from: <https://www.normattiva.it> (Accessed: 22.12.2019).
13. Italy. (1973) *Legge 22 dicembre 1973, n. 903 Istituzione del Fondo di previdenza del clero e dei ministri di culto delle confessioni religiose diverse dalla cattolica e nuova disciplina dei relativi trattamenti pensionistici*. [Online] Available from: <https://www.normattiva.it> (Accessed: 22.12.2019).
14. Italy. (2019) *Decreto 26 luglio 2019 in G.U. 23/09/2019, n. 223*. [Online] Available from: <https://www.normattiva.it> (Accessed: 22.12.2019).
15. ECHR. (2017) *Klein and Others v. Germany Judgment. Application no. 10138/11*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-187959> (Accessed: 20.01.2020).
16. Germany. (2020) *Das Grundgesetz (GG)*. [Online] Available from: <http://www.gesetze-im-internet.de> (Accessed: 18.01.2020).
17. Germany. (2008) *Gesetz über die Erhebung von Steuern durch Kirchen und andere Religionsgemeinschaften im Land Brandenburg (Brandenburgisches Kirchensteuergesetz – BbgKiStG)*. [Online] Available from: <https://bravors.brandenburg.de/gesetze/bbgkistg> (Accessed: 18.01.2020).
18. Germany. (1974) *Gesetz über die Erhebung von Steuern durch Kirchen, andere Religionsgemeinschaften und Weltanschauungsgemeinschaften in der Freien Hansestadt Bremen (Kirchensteuergesetz – KiStG)*. [Online] Available from: https://www.transparenz.bremen.de/vorschrift_detail/bremen2014_tp.c.74489.de (Accessed: 18.01.2020).
19. Germany. (1978) *Gesetz über die Erhebung von Steuern durch öffentlich-rechtliche Religionsgemeinschaften in Baden-Württemberg (Kirchensteuergesetz – KiStG) in der Fassung der Bekanntmachung vom 15. Juni 1978*. [Online] Available from: http://www.landesrecht-bw.de/jportal/portal/t/mxq/page/bsbawueprod.phtml?pid=Dokumentanzeige&showdoccase=1&js_peid=Trefferliste&documentnumber=7&numberofresults=118&fromdoctodoc=yes&doc.id=jlr-KiStGBW1978V11P5&doc.part=X&doc.price=0.0&doc.hl=1#focuspoint (Accessed: 18.01.2020).
20. Germany. (1990) *Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik über die Herstellung der Einheit Deutschlands (Einigungsvertrag) Anlage II Kap IV I Anlage II Kapitel IV Abschnitt I vom 31.08.1990*. [Online] Available from: http://www.gesetze-im-internet.de/einigvtr/anlage_ii_kap_iv_i.html (Accessed: 18.01.2020).
21. Germany. (2009) *Gesetz über die Erhebung von Steuern durch öffentlich-rechtliche Religionsgemeinschaften im Land Berlin vom 4. Februar 2009*. [Online] Available from: http://gesetze.berlin.de/jportal/portal/t/yf2/page/bsbeprod.phtml?pid=Dokumentanzeige&showdoccase=1&js_peid=Trefferliste&documentnumber=1&numberofresults=1&fromdoctodoc=yes&doc.id=jlr-KiStGBE2009rahmen&doc.part=X&doc.price=0.0&doc.hl=1#focuspoint (Accessed: 18.01.2020).
22. Germany. (1974) *Gesetz über die Erhebung von Steuern durch Kirchen, andere Religionsgemeinschaften und Weltanschauungsgemeinschaften in der Freien Hansestadt Bremen vom 23.12.1974*. [Online] Available from: https://www.transparenz.bremen.de/vorschrift_detail/bremen2014_tp.c.74489.de (Accessed: 18.01.2020).
23. Austria. (2020) *Gesetz über die Erhebung von Kirchenbeiträgen im Lande Österreich*. [Online] Available from: <https://www.ris.bka.gv.at> (Accessed: 21.01.2020).
24. Novikova, A.E. (2019) *Risk kak ob'ekt konstitutsionno-pravovoy nauki* [Risk as an object of constitutional legal science]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Yur-VAK".
25. Austria. (2020) *Bundesgesetz über allgemeine Bestimmungen und das Verfahren für die von den Abgabenbehörden des Bundes, der Länder und Gemeinden verwalteten Abgaben (Bundesabgabenordnung – BAO)*. [Online] Available from: <https://www.ris.bka.gv.at> (Accessed: 21.01.2020).
26. Austria. (2003) *Tiroler Aufenthaltsabgabengesetz 2003*. [Online] Available from: <https://www.ris.bka.gv.at/Lr-Tirol> (Accessed: 21.01.2020).
27. Austria. (2012) *Wiener Sportförderungsbeitragsgesetz 2012*. [Online] Available from: <https://www.ris.bka.gv.at/Lr-Wie> (Accessed: 21.01.2020).
28. France. (2020) *Code général des impôts*. [Online] Available from: <https://beta.legifrance.gouv.fr> (Accessed: 12.01.2020).
29. Germany. (1976) *Dritter Abschnitt Abgabenordnung 16.03.1976*. [Online] Available from: <https://www.gesetze-im-internet.de> (Accessed: 18.01.2020).
30. Germany. (2008) *Ev/KathKiVG BW 2008*. [Online] Available from: <http://www.landesrecht-bw.de> (Accessed: 19.01.2020).
31. Italy. (1995) *Legge 29 novembre 1995, n. 520 Norme per la regolazione dei rapporti tra lo Stato e la Chiesa Evangelica Luterana in Italia (CELI)*. [Online] Available from: <https://www.normattiva.it> (Accessed: 24.12.2019).
32. Austria. (1988) *Einkommensteuergesetz 1988*. [Online] Available from: <https://www.ris.bka.gv.at> (Accessed: 21.01.2020).
33. Austria. (1955) *Bundesgesetz vom 30. Juni 1955, betreffend die Erhebung einer Erbschafts- und Schenkungssteuer (Erbschafts- und Schenkungssteuergesetz 1955)*. [Online] Available from: <https://www.ris.bka.gv.at> (Accessed: 21.01.2020).
34. Austria. (1960) *Vertrag Zwischen Dem Heiligen Stuhl Und Der Republik Österreich Zur Regelung Von Vermögensrechtlichen Beziehungen 1960*. [Online] Available from: <https://www.ris.bka.gv.at> (Accessed: 21.01.2020).
35. Austria. (1961) *Bundesgesetz vom 6. Juli 1961 über äußere Rechtsverhältnisse der Evangelischen Kirche*. [Online] Available from: <https://www.ris.bka.gv.at> (Accessed: 21.01.2020).
36. Turkey. (2013) *Elektrik Piyasası Kanunu*, 14.03.2013, no. 6446. [Online] Available from: <https://mevzuat.gov.tr> (Accessed: 23.01.2020).
37. Germany. (1993) *DRadioSiVtrG TH vom 22.12.1993*. [Online] Available from: <http://landesrecht.thueringen.de> (Accessed: 19.01.2020).
38. Germany. (2008) *Gesetz zu dem Evangelischen Kirchenvertrag Baden-Württemberg und zu der Römisch-katholischen Kirchenvereinbarung Baden-Württemberg vom 8. Januar 2008*. [Online] Available from: <http://www.landesrecht-bw.de> (Accessed: 19.01.2020).
39. Cherkasov, K.V., Ivanova, O.S. & Chalykh, I.S. (2019) Models of Government Regulations of the Religious Component in General Education: Russian and International Practices. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 442. pp. 237–247. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/442/30
40. Voskresenskiy, M.A. et al. (eds) (2009) *Gosudarstva i religii v Evropeyskom Soyuze (opyt gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy)* [States and religions in the European Union (experience of state-confessional relations)]. Moscow: Institute of Europe RAS, Creativity Center for UNESCO.
41. Germany. (2004) *Dienstordnung für die evangelischen und katholischen Anstaltsseelsorger/innen in den Justizvollzugsanstalten des Freistaates Thüringen 01.11.1994 № 2412-4-1/94*. [Online] Available from: <http://landesrecht.thueringen.de> (Accessed: 19.01.2020).

42. France. (2008) *Décret n 2008-1524 du 30 décembre 2008 relatif aux aumôniers militaires*. [Online] Available from: https://beta.legifrance.gouv.fr/loda/texte_lc/LEGITEXT000020076584 (Accessed: 12.01.2020).
43. Turkey. (2006) *Nüfus Hizmetleri Kanunu*, 25.04.2006, no. 5490. [Online] Available from: <https://mevzuat.gov.tr> (Accessed: 23.01.2020).
44. Italy. (1989) *Legge 8 marzo 1989, n. 101 Norme per la regolazione dei rapporti tra lo Stato e l'Unione delle Comunità ebraiche italiane*. [Online] Available from: <https://www.normattiva.it> (Accessed: 24.12.2019).
45. Italy. (1984) *Legge 11 agosto 1984, n. 449 Norme per la regolazione dei rapporti tra lo Stato e le chiese rappresentate dalla Tavola valdese*. [Online] Available from: <https://www.normattiva.it> (Accessed: 24.12.2019).
46. Austria. (1868) *Regelung der interkonfessionellen Verhältnisse der Staatsbürger 1868 g*. [Online] Available from: <https://www.ris.bka.gv.at/bundesrecht> (Accessed: 21.01.2020).
47. Austria. (1890) *Gesetz vom 21. März 1890, betreffend die Regelung der äußeren Rechtsverhältnisse der israelitischen Religionsgesellschaft (Äußere Rechtsverhältnisse der Israeliten)*. [Online] Available from: <https://www.ris.bka.gv.at/Bundesrecht> (Accessed: 21.01.2020).
48. Austria. (2015) *Bundesgesetz über die äußeren Rechtsverhältnisse islamischer Religionsgesellschaften (Islamgesetz 2015)*. [Online] Available from: <https://www.ris.bka.gv.at/Bundesrecht> (Accessed: 21.01.2020).
49. Turkey. (1981) *Ulusal Bayram ve Genel Tatiller Hakkında Kanun*, 17.03.1981, no. 2429. [Online] Available from: <https://www.mevzuat.gov.tr> (Accessed: 23.01.2020).
50. Austria. (1971) *Gesetz über die Regelung des Veranstaltungswesens (Wiener Veranstaltungsgesetz)*. [Online] Available from: <https://www.ris.bka.gv.at/Lr-Wien> (Accessed: 21.01.2020).
51. Italy. (1930) *Codice Penale. REGIO DECRETO*, 19 ottobre 1930, n. 1398. [Online] Available from: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:regio.decreto:1930-10-19:1398> (Accessed: 24.12.2019).
52. Austria. (1974) *Bundesgesetz vom 23. Jänner 1974 über die mit gerichtlicher Strafe bedrohten Handlungen (Strafgesetzbuch – StGB)*. [Online] Available from: <https://www.ris.bka.gv.at> (Accessed: 21.01.2020).
53. Turkey (2004) *Türk Ceza Kanununda*, 26.09.2004, no. 5237. [Online] Available from: <https://mevzuat.gov.tr> (Accessed: 23.01.2020).
54. Germany. (1979) *KiAustrG BE 1979*. [Online] Available from: <http://gesetze.berlin.de> (Accessed: 19.01.2020).
55. World Constitutions. (2020) *Konstitutsiya Turtsii* [Constitution of Turkey]. [Online] Available from: <https://worldconstitutions.ru/?p=84> (Accessed: 19.01.2020).
56. Turkey. (1965) *Diyanet İşleri Başkanlığı Kuruluş ve Görevleri Hakkında Kanun*, 22.06.1965, no. 633. [Online] Available from: <https://mevzuat.gov.tr> (Accessed: 23.01.2020).
57. UK. (1919) *Church of England Assembly (Powers) Act 1919*. [Online] Available from: <http://www.legislation.gov.uk> (Accessed: 16.01.2020).
58. UK. (1969) *Synodical Government Measure 1969*. [Online] Available from: <http://www.legislation.gov.uk> (Accessed: 16.01.2020).
59. Russian Federation. (1997) *O svobode sovesti i o religioznykh ob"edineniyakh: federal'nyy zakon ot 26.09.1997 № 125-FZ (s posled. izm. i dop.)* [On freedom of conscience and on religious associations: Federal Law of September 26, 1997, No. 125-FZ (with subsequent amendments and additions)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 39. Art. 4465.
60. Russian Federation. (2011) *Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ (s posled. izm. i dop.)* [On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation: Federal Law of November 21, 2011, No. 323-FZ (with subsequent amendments and additions)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 48. Art. 6724.
61. Consultant.ru. (2019) *Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of May 27, 2019, No. 310-ES19-7798 in Case No. A14-16798/2016*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 20.12.2019). (In Russian).
62. Consultant.ru. (2018) *Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of February 14, 2018, No. 367-PEK17 in Case No. A40-67333/2016*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 20.12.2019). (In Russian).
63. Consultant.ru. (2017) *Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of August 22, 2017, No. 308-KG17-9780 in Case No. A53-34447/2015*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 20.12.2019). (In Russian).

Received: 15 May 2020

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНКУШЕВА Ксения Александровна – канд. ист. наук, главный научный сотрудник Тюменского музейно-просветительского объединения. E-mail: k.a.ankusheva@utmn.ru

АРХАНГЕЛЬСКАЯ Алла Мстиславовна – д-р филол. наук, профессор кафедры славистики Университета Палацкого в Оломоуце (Чехия). E-mail: alla_arkhahelska@yahoo.com

ВАСИЛЬЧЕНКО Анна Анатольевна – аспирант филологического факультета Томского государственного университета. E-mail: annavasilchenko.95@mail.ru

ГАВРИЛИНА Маргарита Анатольевна – д-р пед. наук, профессор отделения подготовки учителей Латвийского Университета (г. Рига, Латвия). E-mail: margarita.gavrilina@lu.lv

ГРЕВЦЕВА Гульсина Якуповна – д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и психологии Челябинского государственного института культуры. E-mail: yakupovna@rambler.ru

ДАНИЛОВА Елена Александровна – д-р полит. наук, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва); старший научный сотрудник Томского государственного университета. E-mail: eadaniлова@fa.ru

ДЕБРЕНН Мишель – д-р филол. наук, профессор кафедры романо-германской филологии Новосибирского государственного университета. E-mail: micheledebrenne@gmail.com

ЕЛШАНСКИЙ Сергей Петрович – д-р психол. наук, профессор кафедры психологии труда и психологического консультирования Московского педагогического государственного университета. E-mail: ye_@mail.ru

ИВАНОВА Ольга Святославовна – канд. юрид. наук, зав. кафедрой теории государства и права и основ правоведения Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. E-mail: ktgp@syktsu.ru

КАТАМАН Дмитрий Олегович – аспирант кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: katamandmitry@gmail.com

КАЧАЛОВ Виктор Иванович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия (г. Москва). E-mail: okukel@yandex.ru

КАЧАЛОВА Оксана Валентиновна – д-р юрид. наук, главный научный сотрудник – руководитель научного направления исследования проблем уголовного судопроизводства Научного центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия (г. Москва). E-mail: Oksana_kachalova@mail.ru

КЕРИМОВ Тапдыг Хафизович – д-р филос. наук, зав. кафедрой социальной философии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: kerimovt@mail.ru

КОБЕЛЕВА Лилия Сергеевна – канд. ист. наук, научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета; старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

КОЛЕСНИКОВ Андрей Александрович – д-р пед. наук, профессор кафедры второго иностранного языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина; профессор кафедры германистики и лингвистики Московского городского педагогического университета. E-mail: kolesnikow@list.ru

КОНДРАТЬЕВА Ксения Сергеевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Пермь). E-mail: kcenua-9@mail.ru

КОНЬКОВ Дмитрий Сергеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: dkonkov@mail.ru

КОТЛЯРОВА Ирина Олеговна – д-р пед. наук, профессор кафедры безопасности жизнедеятельности Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет) (г. Челябинск). E-mail: kotliarovaio@susu.ru

КУЗЬМИНА Светлана Васильевна – старший юрист-консульт ООО «Консалтинг Плюс» (г. Саратов). E-mail: kuz44ina.svet@yandex.ru

ЛАПТЕВ Дмитрий Борисович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск). E-mail: Lapa612@mail.ru

ЛЯКСО Елена Евгеньевна – д-р биол. наук, профессор кафедры высшей нервной деятельности и психофизиологии, руководитель группы по изучению детской речи Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: lyakso@gmail.com

МАЛЫХИНА Наталья Ивановна – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии. E-mail: nim1707@yandex.ru

МАЛЬКОВА Яна Владимировна – ассистент подготовительного отделения для иностранных учащихся Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: yana-malkova@list.ru

МОЛОДИН Вячеслав Иванович – д-р ист. наук, академик РАН, советник директора по научной работе Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск); профессор кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета. E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

МОРОЗОВА Валентина Сергеевна – д-р филос. наук, профессор кафедры востоковедения и регионоведения Северной Америки Забайкальского государственного университета (г. Чита); приглашенный профессор Департамента востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: morozova1550@mail.ru

НИКИТИН Дмитрий Сергеевич – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры востоковедения, библиограф Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: nikitds33@gmail.com

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург); профессор кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург). E-mail: ostapovich7@mail.ru

ПАВЛИКОВА Мария Ильинична – инженер группы по изучению детской речи Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: alinnila@yandex.ru

ПАНТЕЛЕЕВА Лилия Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Соликамского государственного педагогического института (филиала) Пермского государственного университета. E-mail: liliya_pant@mail.ru

ПОНКРАТОВА Екатерина Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: ekponkratova@yandex.ru

ПОТАПОВА Наталья Дмитриевна – канд. ист. наук, доцент факультета истории, научный сотрудник центра «Res publica» Европейского университета в Санкт-Петербурге. E-mail: n.d.potapova@gmail.com

САВОСЬКИН Александр Владимирович – д-р юрид. наук, старший научный сотрудник кафедры теории государства и права, конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск); зав. кафедрой конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург). E-mail: savoskinav@yandex.ru

СЕРИКОВ Геннадий Николаевич – д-р пед. наук, профессор кафедры безопасности жизнедеятельности Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет) (г. Челябинск). E-mail: serikovgn@susu.ru

СЕРОВА Наталья Викторовна – канд. филос. наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Государственного морского университета им. адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск). E-mail: nvserova72@yandex.ru

СИЗОВ Сергей Евгеньевич – аспирант кафедры истории философии и логики Томского государственного университета. E-mail: sseezov@mail.ru

СОЛДАТКИН Николай Викторович – научный сотрудник лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: niksoldatkin@yandex.ru

СТЕРЛЯГОВ Илья Алексеевич – главный государственный налоговый инспектор отдела обеспечения процедур банкротства Управления Федеральной налоговой службы России по Пермскому краю (г. Пермь). E-mail: foxik25@mail.ru

СЫРОВ Василий Николаевич – д-р филос. наук, зав. кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета. E-mail: narrat59@gmail.com

ТАРАКАНОВА Дарья Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: dashnik@mail.ru

ФАХРУТДИНОВА Анастасия Викторовна – д-р пед. наук, зав. кафедрой иностранных языков для социально-гуманитарного направления Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: avfach@mail.ru

ФРОЛОВА Ольга Владимировна – канд. биол. наук, научный сотрудник группы по изучению детской речи Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: olchel@yandex.ru

ЦИУЛИНА Марина Владимировна – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Челябинск). E-mail: ciulinamv@csru.ru

ЧАЛЫХ Ирина Сергеевна – канд. юрид. наук, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. E-mail: kgpd@syktsu.ru

ЧЕРКАСОВ Владимир Валентинович – канд. пед. наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных основ физической культуры и спорта Тюменского государственного университета. E-mail: v.v.cherkasov@utmn.ru

ЧЕРКАСОВ Константин Валерьевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина; профессор кафедры административного и финансового права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва); профессор кафедры конституционного, административного права и правового обеспечения государственной службы Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

ЧЕРКАСОВА Ирина Ивановна – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социального образования Тобольского педагогического института им. Д.И. Менделеева (филиала) Тюменского государственного университета. E-mail: i.i.cherkasova@utmn.ru

ШАЙХИТДИНОВ Александр Вадимович – студент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва). E-mail: AlexSH3070@yandex.ru

ШИФФ Клер – PhD, профессор факультета социологии Университета Бордо (г. Бордо, Франция). E-mail: claire.schiff@u-bordeaux.fr

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2021. № 462. Январь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 29.01.2021 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34. Усл. печ. л. 31,6. Тираж 50 экз.
Заказ № 4637. Цена свободная.

Дата выхода в свет 09.04.2021 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомьтесь с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru